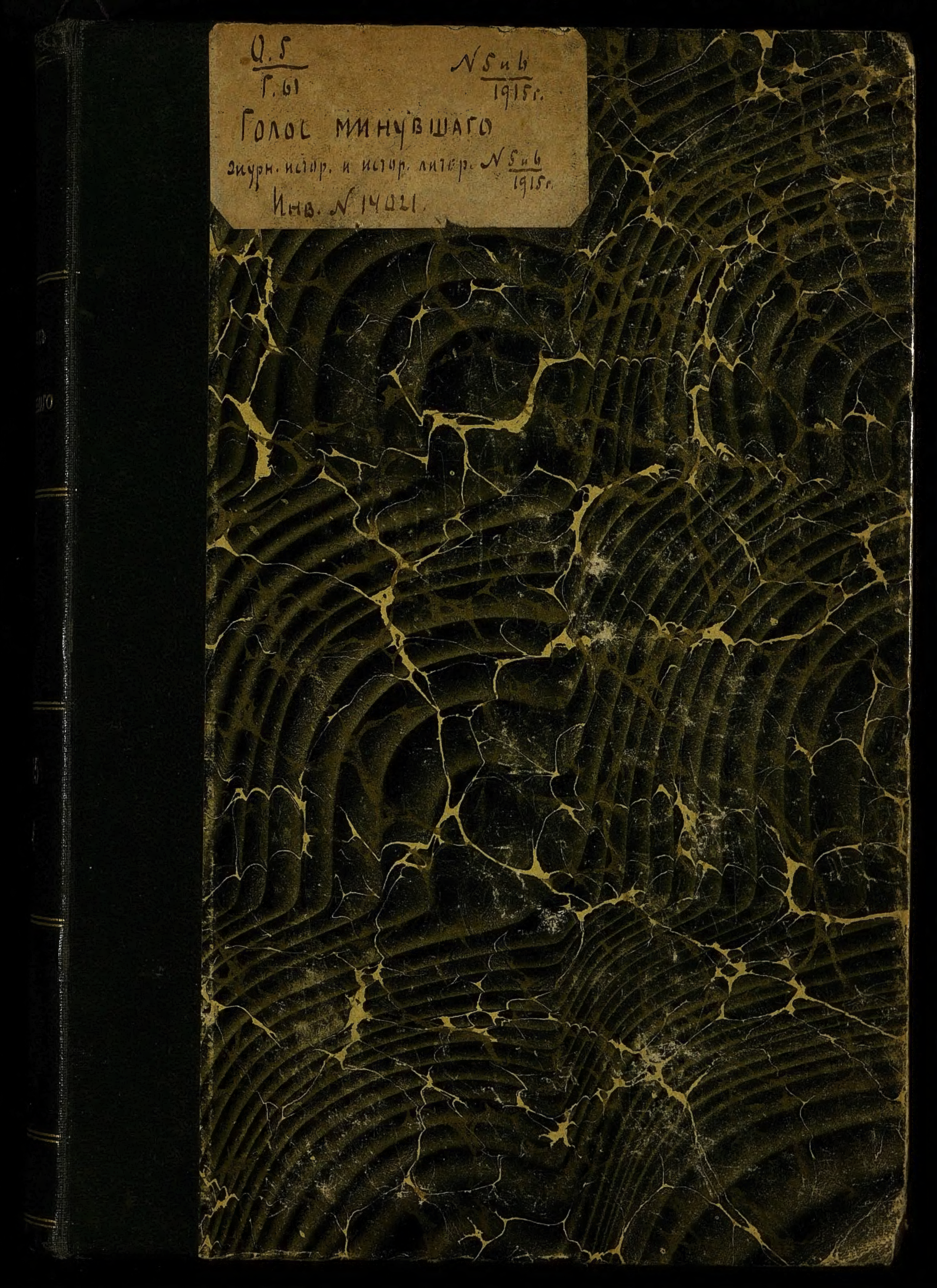
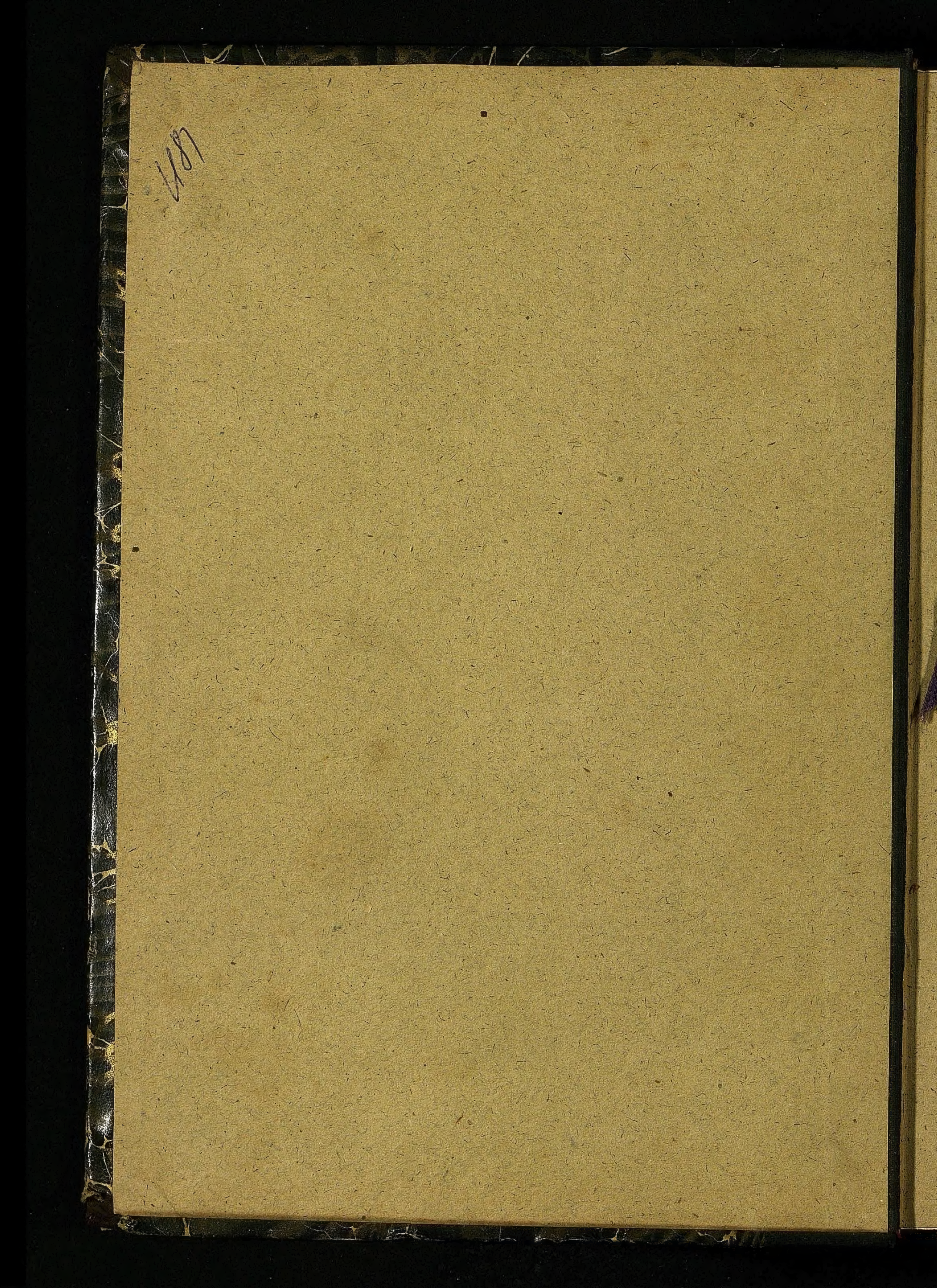

О. 5
Г. 61
N 5 и 6
1915 г.
Голос минувшаго
журн. истор. и истор. литер. N 5 и 6
1915 г.
Инв. N 14021



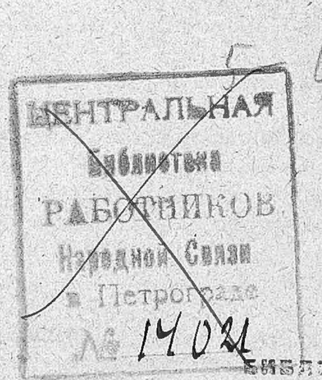
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.



№ 5. Май. 1915

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковскій пер., домъ № 3.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Бакунинъ и франко-прусская война 1870—1871 г.г.

I.

Франко-прусская война 1870—71 г.г. сыграла значительную роль въ жизни Бакунина. Съ одной стороны, она окрылила его несбыточными надеждами и побудила къ активнымъ шагамъ въ цѣляхъ осуществленія своей анархистской программы, а съ другой—нанесла первый серьезный, можно сказать, непоправимый ударъ его самымъ завѣтнымъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ. Эта война была для него колоссальной встряской. Неудивительно, что впечатлѣнія отъ нея, навѣянныя ею мысли отразились на произведеніяхъ Бакунина, въ которыхъ разсужденія, посвященныя этой войнѣ и связаннымъ съ нею темамъ, занимаютъ, безъ преувеличенія, главное мѣсто. Можно даже сказать, что до того Бакунинъ почти не занимался литературной дѣятельностью. Только со времени франко-прусской войны онъ бросается въ писательство со свойственной ему судорожной порывистостью и безсистемностью.

Изъ 6 появившихся до сихъ поръ томовъ французскаго изданія сочиненій Бакунина первый содержитъ произведенія, написанныя до 1870 г. Да и то въ концѣ его помѣщена статья «Богъ и государство», представляющая, какъ теперь доказано, не что иное, какъ одно огромное примѣчаніе къ 285 страницѣ бакунинской рукописи «Кнуто-Германской Имперіи» [1]). Второй томъ, за исключеніемъ перепечатки брошюры «Бернскіе медвѣди и петербургскій медвѣдь» (65 страницъ), цѣликомъ занятъ «Письмами къ французу» и первымъ выпускомъ «Кнуто-Германской Имперіи». Весь третій томъ заполненъ вторымъ выпускомъ «Кнуто-Германской Имперіи» и приложеніемъ къ нему. То же самое

---

[1]) Существуетъ русскій переводъ въ «Собраніи Сочиненій» Бакунина, изд. Балашова, 1906 г., т. I.

можно сказать о четвертомъ томѣ, куда вошло продолженіе «Писемъ къ французу», два проекта предисловій ко второй части «Кнуто-Германской Имперіи», составленныя въ Марселѣ письмо къ Эскиросу и рукопись на ту же тему «Кнуто-Германской Имперіи», отрывокъ изъ того же сочиненія и, наконецъ, письмо въ редакцію брюссельской газеты «La Liberté», косвенно касающееся все той же вѣковѣчной бакунинской темы о пангерманизмѣ и его опасностяхъ. Въ пятомъ томѣ, наряду со статьями изъ женевской газеты «Egalité», относящимися къ 1869 г., мы находимъ большое письмо въ газету «Le Réveil», превращенное въ брошюру «Исповѣданіе вѣры русскаго демократа-соціалиста», и три лекціи, прочитанныя швейцарскимъ рабочимъ въ 1871 г., при чемъ оба послѣднія произведенія, занимающія около половины тома, такъ или иначе затрагиваютъ опять-таки темы, связанныя съ конфликтомъ между Франціей и Германіей. И только въ шестомъ томѣ мы не находимъ статей, прямо относящихся къ войнѣ, но и помѣщенныя тамъ произведенія дышатъ все той же атмосферой, что и предыдущіе томы. А если прибавить, что и въ частной перепискѣ Бакунина вопросы, болѣе или менѣе тѣсно связанные съ франко-прусской войной, занимаютъ подчасъ очень замѣтное мѣсто, какъ, напримѣръ, въ громадномъ посланіи къ «Юрскимъ товарищамъ», опубликованіе котораго предполагается въ подготовляемомъ къ печати VII томѣ «Сочиненій», то мы поймемъ, какую значительную роль въ его умственной и политической жизни, въ эволюціи и судьбѣ его взглдяовъ, въ его настроеніи сыграла эта злосчастная война.

При первыхъ же извѣстіяхъ о побѣдѣ нѣмецкаго оружія (при Вейсенбургѣ 4 августа, при Вертѣ и Форбахѣ 6 августа 1870 г.) Бакунинъ, глубоко встревоженный этимъ неожиданнымъ поворотомъ военнаго счастья, лихорадочно взялся за агитаціонную работу, имѣвшую цѣлью вызвать во Франціи широкое народное движеніе, которое, по его мысли, должно было одновременно дать отпоръ насѣдавшимъ полчищамъ Бисмарка и подать сигналъ къ соціальной революціи. Во всѣ стороны полетѣли отъ него письма къ единомышленникамъ въ Швейцаріи, Франціи, Италіи и Испаніи; въ то же время онъ приступилъ къ составленію «Письма къ французу», въ которомъ пытался, насколько позволяла это сжигавшая его революціонная горячка, систематизировать свои взгляды на переживаемый кризисъ и возможный или, вѣрнѣе, желательный его исходъ.

11 августа 1870 г. Бакунинъ писалъ Огареву: «Ты только русскій, а я интернаціоналъ, вслѣдствіе чего происшествія возбудили во мнѣ настоящую горячку. Въ продолженіе трехъ дней

я написалъ ровно 23 большихъ письма, это маленькое—двадцать четвертое. У меня выработался цѣлый планъ; Озеровъ [1]) передастъ его тебѣ, или, лучше, онъ прочтетъ тебѣ письмо, написанное мною къ одному французу». (Переписка, стр. 300). Письмо это въ мысли Бакунина было адресовано ліонскому интернаціоналисту Гаспару Блану, съ которымъ Бакунинъ поддерживалъ въ то время оживленную переписку, равно какъ и съ товарищемъ Блана, Альбертомъ Ришаромъ. Эти два анархиста стояли тогда во главѣ небольшой ліонской группы, на которую увлекающійся Бакунинъ возлагалъ въ тотъ моментъ преувеличенныя надежды.

«Планъ» Бакунина сводился къ тому, чтобы, воспользовавшись замѣшательствомъ, вызваннымъ войной, возбудить революціонное движеніе во Франціи, Италіи, Испаніи и романской Швейцаріи,—возстаніе, которое по мысли Бакунина должно было неминуемо принять анархическій характеръ и привести къ уничтоженію государства. Только такого рода «соціальная революція» и способна была, по мнѣнію Бакунина, положить предѣлъ германскимъ завоевателямъ и не только отбросить ихъ далеко отъ французской границы, но даже внести пожаръ гражданской войны въ ихъ собственные предѣлы.

Письмо это, доказывающее, по словамъ самого Бакунина (Переписка, 304), что «если изъ этой войны не выйдетъ непосредственно соціальной революціи во Франціи, соціализмъ надолго погибнетъ въ цѣлой Европѣ», писалось и отсылалось частями къ Озерову съ порученіемъ переписать его въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разослать по указаннымъ адресамъ. Далѣе, использованные листы должны были отсылаться Гильому (другу Бакунина, извѣстному члену юрской федераціи Интернаціонала), который долженъ былъ придать имъ литературную обработку и выпустить отдѣльной брошюрой. Первая часть не сохранилась совершенно; вторая, состоящая изъ 24 стр., въ свое время не могла быть использована для печати, въ виду того, что, благодаря быстрой смѣнѣ событій, она устарѣла раньше, чѣмъ дошла по адресу. Третья часть (изъ 26 стр.) была еще послана Озерову, но съ этого момента Бакунинъ началъ отсылать рукопись, доведенную до 125 стр., непосредственно Гильому. Послѣднему предоставлено было право перекраивать и сокращать рукопись по своему усмотрѣнію: изъ первыхъ 80 страницъ третьей части «Письма къ французу» Гильомъ, подвергшій первоначальный планъ автора радикальной переработкѣ, и выкроилъ брошюру

---

[1]) *В. Озеровъ*—русскій политическій эмигрантъ изъ офицеровъ, примкнувшихъ къ польскому возстанію 1863 г. Былъ въ разсматриваемое время тѣсно связанъ съ Бакунинымъ.

«Письма къ французу о современномъ кризисѣ», разбивъ ее на 7 главъ. Брошюра была напечатана въ Невшателѣ (43 стр., in 16°) 20 сентября 1870 г. безъ указанія имени автора, даты и мѣста печатанія. Впослѣдствіи Бакунинъ выражалъ недовольство тѣмъ, что Гильомъ, желая представить русскаго варвара европейской публикѣ въ приличномъ видѣ, прилизалъ и подчистилъ его слишкомъ энергическое произведеніе. Бакунинъ говорилъ даже, что Гильомъ «оскопилъ» его брошюру. Слѣдуетъ признать, что въ этомъ отношеніи Бакунинъ былъ отчасти правъ. Достаточно сопоставить оригиналъ съ той переработкой, которую произвелъ въ немъ болѣе «воспитанный» европеецъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ рукахъ Гильома сочное и рѣзкое произведеніе Бакунина утратило значительную долю своей «безпардонности» и мужественной энергіи.

Часть брошюры была тогда же ввезена во Францію, но врядъ ли въ значительномъ количествѣ. Да этого, собственно говоря, и не требовалось: въ частныхъ письмахъ Бакунинъ уже успѣлъ задолго до того высказать свои мысли немногочисленному кругу единомышленниковъ, на которыхъ только она и могла имѣть непосредственное вліяніе. Тѣмъ болѣе, что авторъ, упреждая свое литературное произведеніе, успѣлъ лично пробраться во Францію, гдѣ съ группой соціалистовъ-революціонеровъ предпринялъ 28 сентября свою извѣстную попытку захвата ратуши въ Ліонѣ и провозглашенія «конца государства».

Когда ліонская попытка потерпѣла крушеніе, Бакунинъ, уѣзжая оттуда 29 сентября, обратился съ извѣстнымъ прощальнымъ письмомъ къ другому ліонскому интернаціоналисту Паликсу, у котораго онъ жилъ тамъ на квартирѣ. Въ этомъ письмѣ, гдѣ онъ выражалъ свое недовольство робостью однихъ товарищей и измѣной другихъ, замѣчались уже первые слѣды того разочарованія, которое съ этого момента начало овладѣвать усталымъ борцомъ [1]).

Изъ Ліона Бакунинъ уѣхалъ въ Марсель, гдѣ разсчитывалъ еще найти элементы, годные для другой революціонной попытки. Увѣренный, что сигналъ къ возстанію долженъ все-таки исходить изъ Ліона, онъ послалъ туда преданнаго ему поляка В. Ланкевича съ письмомъ къ друзьямъ, въ которомъ рекомендовалъ имъ сдѣлать новую попытку «въ теченіе 3—4 дней вызвать революцію, способную все спасти». Но Ланкевичъ былъ арестованъ съ письмомъ, шифромъ и явками, что повлекло за собою повальные аресты

---

[1]) Письмо это въ главныхъ своихъ частяхъ воспроизведено нами въ статьѣ «Послѣдніе годы жизни М. Бакунина». («Голосъ Минувшаго», 1914, № 5).

среди тамошнихъ революціонеровъ. Бакунинъ, чувствуя, что пребываніе въ Марселѣ становится также небезопаснымъ, сталъ готовиться къ отъѣзду изъ этого города. А въ ожиданіи денегъ занялся писаніемъ новаго произведенія, посвященнаго франко-прусской войнѣ и выясненію ея возможныхъ результатовъ.

По его мысли, это новое произведеніе должно было служить продолженіемъ «Писемъ къ французу». Начиналось оно первыми строками вышеупомянутаго письма къ Паликсу: «Мой дорогой другъ, я не хочу уѣхать изъ Ліона, не сказавъ тебѣ послѣдняго прости...», и т. д. Онъ успѣлъ написать въ Марселѣ 114 стр. этой брошюры, которая, однако, въ свое время не увидала свѣта и была опубликована лишь въ 1910 г. (въ IV томѣ его «Сочиненій»).

Окончательно потерявъ вѣру въ возможность революціи во Франціи, какъ это видно изъ письма къ испанскому анархисту Сентиньону отъ 23 октября, найдя, что «самъ народъ проникся тамъ доктринерствомъ, резонерствомъ и буржуазностью, подобно буржуямъ», Бакунинъ оставилъ эту страну «съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ». 24 октября онъ уѣхалъ въ Геную, а 27 прибылъ въ Локарно, гдѣ и поселился.

Здѣсь Бакунинъ, отложивъ въ сторону марсельскую рукопись изъ 114 страницъ, засѣлъ за новую обработку все той же мучившей и волновавшей его темы. Это сочиненіе также должно было служить продолженіемъ «Писемъ къ французу» и тоже начиналось письмомъ къ Паликсу. Но, взявшись за него безъ предварительно составленнаго плана, Бакунинъ незамѣтно увлекся развитіемъ одной особенно интересовавшей его темы, и съ 105 страницы рукопись внезапно получила заглавіе: «Приложеніе, философскія разсужденія о божественномъ призракѣ, о реальномъ мірѣ и о человѣкѣ». Дойдя такимъ образомъ до 256 стр., Бакунинъ вдругъ спохватился и, вернувшись къ 80-й стр. первоначальной рукописи, началъ писать съ 81-й страницы новое продолженіе, доведя теперь рукопись до 285 страницы.

Въ теперешнемъ видѣ книжку предполагалось озаглавить: «Соціальная революція или военная диктатура». Позже Бакунинъ рѣшилъ дать брошюрѣ другое заглавіе, а именно: «Кнуто-Германская Имперія и соціальная революція».

19-го ноября 1870 г. Бакунинъ писалъ Огареву по поводу своей брошюры, которая набиралась въ Женевской кооперативной типографіи:

«Я спѣшилъ бы..., если бы имѣлъ намѣреніе написать брошюру для скорѣйшаго воздѣйствія на общественное мнѣніе. Но у меня въ настоящую минуту нѣтъ этой цѣли; нѣтъ же ея потому, что нѣтъ болѣе вѣры, чтобы какими бы то ни было брошюрами или

даже непосредственными практическими предпріятіями и дѣйствіями можно было теперь перемѣнить ходъ дѣлъ... Я пишу патологическій эскизъ настоящей Франціи и Европы для назиданія ближайшихъ будущихъ дѣятелей, а также и для оправданія своей системы и своего образа дѣйствій. Итакъ, хочу написать нѣчто полное и вполнѣ цѣльное. Выйдетъ не брошюра, а книга». (Переписка, 314—15).

А 16 апрѣля 1871 г., когда первый выпускъ былъ уже почти оконченъ печатаніемъ, Бакунинъ снова пишетъ старому товарищу: «Ты все требуешь, чтобы я прислалъ тебѣ конецъ. Милый другъ, неотлагательно пришлю матеріалъ еще на второй выпускъ въ 8 листовъ, а все еще окончанія не будетъ. Пойми, что я началъ брошюру, а кончаю ее, какъ книгу. Это уродливо, но что же дѣлать, я самъ уродъ,—и хоть уродливо, а книга выйдетъ дѣльная и живая. Она у меня почти вся написана. Слѣдуетъ только привести все въ порядокъ. Это моя первая и послѣдняя книга, мое духовное завѣщаніе. Итакъ, ты мнѣ, милый другъ, не мѣшай, ты знаешь, отъ любимаго плана, отъ послѣдней мысли отказаться ни даже измѣнить ихъ невозможно. Chassez le naturel, il revient au galop. Дѣло въ деньгахъ. Всего собрано только на 10 листовъ, и такимъ образомъ будетъ никакъ не менѣе 24 листовъ. Объ этомъ не тревожься, я уже принялъ мѣры для собранія нужной суммы. Главное, на первый выпускъ въ 6, 7 или даже 8 листовъ деньги есть; итакъ, печатайте и издавайте первый выпускъ смѣло, именно въ желаемомъ мною (а не въ опредѣленномъ вами) объемѣ. Богъ дастъ день, Богъ дастъ и хлѣбъ». (Переписка, 321).

Въ концѣ апрѣля первый выпускъ брошюры, содержавшій 119 страницъ, законченъ былъ печатаніемъ. Прежняя обложка была замѣнена новой, отпечатанной въ типографіи Гильома и носившей, согласно выраженному авторомъ желанію, заглавіе: «Кнуто-Германская Имперія и соціальная революція.—Михаила Бакунина. Женева. 1871» [1]). Въ брошюру вошло 138 страницъ бакунинской рукописи. Страницы 139—210, содержавшія главу: «Историческіе софизмы доктринерской школы нѣмецкихъ коммунистовъ», были тогда же набраны, но не напечатаны. Бакунинъ предполагалъ включить ихъ во 2-й выпускъ своей брошюры, за подготовленіе котораго къ печати онъ скоро взялся.

Отобравъ у Гильома страницы 139—285 своей рукописи, Бакунинъ рѣшилъ ихъ переработать и началъ составлять «Введеніе» ко 2-му выпуску «Кнуто-Германской Имперіи», но успѣлъ написать только 14 страницъ. Оставивъ его незаконченнымъ, онъ

---

[1]) Существуетъ русскій переводъ, изданный въ 1907 г.

принялся за сочиненіе другого «Предисловія» (не то къ тому же 2-му выпуску, не то ко всей книгѣ), которое, равнымъ образомъ, не было доведено до конца. Такъ какъ въ тотъ моментъ не удалось собрать достаточной суммы для изданія второго выпуска (не хватило сотни рублей!), а Бакунинъ вскорѣ увлекся совершенно другими вопросами, въ частности полемикой съ Маццини и борьбой съ Марксомъ, то работа, которую Бакунинъ считалъ главнымъ своимъ произведеніемъ и даже называлъ въ письмѣ къ Огареву своимъ «духовнымъ завѣщаніемъ», такъ и осталась въ видѣ отрывковъ, не приведенныхъ въ систему и въ большинствѣ случаевъ незаконченныхъ.

Бакунинъ, впрочемъ, не отказался, повидимому, отъ мысли такъ или иначе довести до конца столь дорогое для него произведеніе, и черезъ годъ (1872 г.) онъ снова набросалъ отрывокъ въ 75 страницъ, который, по его мысли, долженъ былъ составить продолженіе «Кнуто-Германской Имперіи». Но вскорѣ онъ съ головой ушелъ въ дѣло «Баронаты» и итальянскихъ конспирацій, а тамъ скоро подоспѣла его смерть, и задуманная имъ работа такъ и осталась незаконченной и несистематизированной.

Кромѣ философскаго «Приложенія», посвященнаго анализу идеи Бога и критическому изложенію Контовской системы, Бакунинъ думалъ написать для своей «Кнуто-Германской Имперіи» второе приложеніе, въ которомъ онъ намѣревался подробно разобрать всегда занимавшій его вопросъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ.

Объ этомъ онъ опредѣленно говоритъ на 90-й страницѣ 1-го выпуска «Кнуто-Германской Имперіи», гдѣ сказано: «Въ концѣ этого сочиненія при обзорѣ германо-славянскаго вопроса я неопровержимыми историческими фактами докажу, что дипломатическое воздѣйствіе Россіи на Германію было до 1866 г. ничтожнымъ или почти ничтожнымъ, а съ 1866 г. петербургскій кабинетъ въ сильнѣйшей степени способствовалъ успѣху бисмарковскихъ проектовъ». Неизвѣстно, удалось ли Бакунину написать это приложеніе; по крайней мѣрѣ, до насъ оно не дошло. Но этого вопроса онъ касается во многихъ другихъ своихъ работахъ, въ частности въ русской книгѣ «Государственность и Анархія» (до извѣстной степени тоже представляющей продолженіе «Кнуто-Германской Имперіи»), въ письмѣ къ юрскимъ секціямъ Интернаціонала, въ брошюрѣ «Исповѣданіе вѣры русскаго соціалиста-демократа» и, наконецъ, въ различныхъ варіантахъ той же «Кнуто-Германской Имперіи».

Мысли, излагавшіяся Бакунинымъ въ изданныхъ отрывкахъ его «единственной книги», остались до послѣдняго времени не-

знакомы широкой публикѣ. Впрочемъ, въ своей обширной корреспонденціи, которую онъ велъ съ соціалистами романскихъ странъ, Бакунинъ неоднократно излагалъ эти мысли, хотя въ еще болѣе отрывочной формѣ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ «Кнуто-Германской Имперіи». Только черезъ 6 лѣтъ послѣ смерти Бакунина, а именно въ 1882 г., его послѣдователи Карло Кафіеро и Элизе Реклю издали въ видѣ отдѣльной брошюры страницы 149—247 бакунинской рукописи (безъ затерянныхъ 211—213 стр.) подъ придуманнымъ ими самими заглавіемъ «Богъ и Государство» [1]. Изъ другихъ относящихся сюда отрывковъ увидали свѣтъ первыя страницы «Введенія» ко второму выпуску «Кнуто-Германской Имперіи», напечатанныя Э. Реклю въ Женевской анархической газетѣ «Le Travailleur» въ 1878 г. подъ заглавіемъ «Парижская Коммуна и понятіе о государственности» [2]. Цѣликомъ же это «Введеніе» было опубликовано въ 1892 г. Бернаромъ Лазаромъ въ парижскихъ Entretiens politiques et littéraires. Остальныя дошедшія до насъ части этой работы сдѣлались доступны читающей публикѣ лишь послѣ того, какъ старый соратникъ Бакунина по Интернаціоналу, Джемсъ Гильомъ, взялся за редакцію собранія сочиненій Бакунина, которое издаетъ въ Парижѣ В. Стокъ. Первый томъ былъ проредактированъ М. Неттлау и вышелъ въ 1895 г. Затѣмъ послѣ долгаго перерыва и уже подъ редакціей Гильома съ 1907 г. вышли томы II, III, IV, V и VI. Седьмой томъ готовится къ печати. Но почти всѣ сочиненія Бакунина, относящіяся къ франко-прусской войнѣ (если не считать частныхъ писемъ), уже опубликованы въ появившихся до настоящаго времени томахъ.

II.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить отношеніе Бакунина къ франко-прусской войнѣ, необходимо предварительно ознакомиться съ его взглядами на характеръ германской націи и на роль ея въ исторіи человѣчества съ одной стороны, и на характеръ и роль Франціи—съ другой. Только послѣ этого станетъ понятно,

---

[1]) Эта брошюра съ тѣхъ поръ неоднократно переиздавалась на разныхъ языкахъ. Существуютъ и русскіе ея переводы подъ тѣмъ же заглавіемъ. — Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ статьей «Богъ и Государство», о которой мы говорили выше и которая въ 1895 г. была напечатана М. Неттлау въ 1 томѣ французскаго изданія «Oeuvres» Бакунина, откуда она попала въ I томъ русскаго изданія. Послѣдняя есть ничто иное, какъ содержаніе неизвѣстно когда написанныхъ страницъ 286—340 бакунинской рукописи «Кнуто-Германская Имперія», и представляетъ просто разросшееся примѣчаніе къ страницѣ 285 той же рукописи. Это кстати даетъ нѣкоторое понятіе о писательской манерѣ нашего автора.

[2]) Есть русскій переводъ (вышедшій за границей).

почему онъ такъ сильно реагировалъ на извѣстія объ успѣхахъ нѣмецкаго оружія и о французскихъ неудачахъ.

Отношеніе Бакунина къ Германіи характеризуется какой-то слѣпой, органической ненавистью, на которую нѣмцы отвѣчали тою же монетою. Непреодолимая антипатія Бакунина къ нѣмцамъ, къ нѣмецкому духу, къ нѣмецкой культурѣ имѣла два источника, одинъ—общественный, а другой—личный. Въ первомъ въ свою очередь замѣчаются двѣ струи. Первоначальная причина нелюбви Бакунина къ нѣмцамъ была чисто біологическаго, если такъ можно выразиться, характера: это была ненависть славянина къ историческимъ завоевателямъ и угнетателямъ, черта чисто расовая и тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ его «революціоннымъ панславизмомъ». Въ этомъ отношеніи Бакунинъ отражалъ воззрѣнія того класса, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, и воспринялъ онъ эту черту отъ славянофиловъ вмѣстѣ съ идеализаціей первобытныхъ славянскихъ отношеній. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался анархистомъ, онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ за ихъ «государственный» инстинктъ и за то сопротивленіе, которое они оказали его анархической пропагандѣ. Личный источникъ ненависти Бакунина къ нѣмцамъ коренился въ тѣхъ систематическихъ нападкахъ, которыми была встрѣчена съ нѣмецкой стороны его политическая дѣятельность, и въ тѣхъ клеветахъ, которыми часто осыпали его лично нѣмецкіе противники. Не слѣдуетъ также забывать, что антипатія къ нѣмцамъ у нѣкоторыхъ представителей тогдашней русской оппозиціи, какъ Бакунинъ и Герценъ, питалась той выдающейся ролью, которую нѣмцы сыграли въ развитіи русскаго полицейскаго государства и продолжали играть, особенно въ лицѣ остзейскихъ выходцевъ, въ рядахъ правящей бюрократіи. Какъ извѣстно, Герценъ и Бакунинъ считали политику Петровской имперіи не русской, а нѣмецкой. Благодаря этому, первыя проявленія политической оппозиціи выразились въ формѣ антипатіи къ нѣмцамъ. Конечно, это не свидѣтельствовало объ особенной политической зрѣлости.

Въ произведеніяхъ, написанныхъ въ связи съ франко-прусской войной, Бакунинъ далъ полную волю своей неискоренимой враждѣ къ нѣмцамъ. Давая свою крайне нелестную характеристику нѣмецкаго народа. Бакунинъ, правда, иногда спохватывается и старается увѣрить читателя, что имѣетъ въ виду лишь опредѣленную, точно очерченную группу явленій, не распространяя своего осужденія на всю націю безъ исключенія. «Я все время,—замѣчаетъ онъ (Oeuvres, III, 72),—говорю о Германіи настоящаго, а не о Германіи будущаго; о Германіи дворянской, чиновничьей, политической и буржуазной, а не о Германіи пролетарской». Но въ

дѣйствительности онъ слишкомъ часто забываетъ объ этомъ различеніи и изрекаетъ огульные приговоры, не считаясь ни съ классовыми особенностями, ни съ историческими условіями.

Нѣмецкая натура въ общемъ болѣе склонна къ повиновенію, чѣмъ къ сопротивленію, къ благочестивому смиренію, чѣмъ къ возмущенію,—утверждаетъ Бакунинъ. Благодаря специфической чертѣ нѣмецкаго народнаго характера, послѣдній болѣе склоненъ къ постепеннымъ и медленнымъ реформамъ, чѣмъ къ революціи. Сервилизмъ вошелъ въ плоть и кровь нѣмцевъ. «У всѣхъ этихъ почтенныхъ классовъ, представляющихъ нѣмецкую цивилизацію (дворянства, духовенства и буржуазіи), сервилизмъ составляетъ не просто естественное явленіе, обусловленное естественными причинами, онъ сдѣлался системой, наукой, чѣмъ-то въ родѣ религіознаго культа, и потому является неизлечимой болѣзнью». (Oeuvres, II, 400—419).

Какъ истинные рабы, нѣмцы радуются успѣхамъ своихъ владыкъ и гордятся силою своихъ господъ. Протестантизмъ, который въ другихъ странахъ, какъ въ Швейцаріи, Англіи, Голландіи, Швеціи, впослѣдствіи въ Америкѣ и даже во Франціи, пока онъ не былъ тамъ побѣжденъ, если не вызвалъ, то по крайней мѣрѣ стимулировалъ и сопровождалъ освободительное движеніе народовъ, въ одной лишь Германіи привелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. «Здѣсь онъ сдѣлался религіей деспотизма». (Oeuvres, IV, 484). Да и вообще-то нѣмецкій народъ принялъ протестантство только потому, что его приняли германскіе государи—новое доказательство рабства, присущаго этой націи (II, 452). И въ результатѣ протестантская церковь, сдѣлавшаяся новой офиціальной церковью, болѣе абсолютной, чѣмъ католическая, и столь же раболѣпной передъ свѣтской властью, какъ византійская, обратилась въ рукахъ протестантскихъ государей въ орудіе ужасающаго деспотизма.

Бюрократія, увѣряетъ Бакунинъ, забывшій, что онъ въ другихъ случаяхъ самъ говоритъ объ исторической отсталости Германіи сравнительно съ другими европейскими государствами,—бюрократія тоже родилась и развилась главнымъ образомъ въ Германіи, гдѣ она сдѣлалась «одновременно наукой, искусствомъ и культомъ». (IV, 493). То же самое можно сказать о военномъ искусствѣ. «Именно въ Германіи родилась манія и страсть игры въ солдатики». Развитію этой страсти способствовали «хамскія» склонности нѣмецкаго народа, который не только вѣрой и правдой служилъ своимъ деспотамъ, но и позволялъ имъ буквально продавать себя въ рабство иноземнымъ государямъ: это была форменная продажа людей и солдатъ. «Одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ

характеризуетъ власть нѣмецкихъ государей, ангельское терпѣніе ихъ подданныхъ и въ частности духъ нѣмецкой солдатчины въ тѣ времена» (IV, 497—9).

Критическая сѣкира Бакунина не останавливается и передъ нѣмецкой наукой. Правда, онъ вообще не чувствовалъ особеннаго піэтета къ наукѣ, которую онъ считалъ при современныхъ условіяхъ въ большинствѣ случаевъ служительницей силы и неправды, но по отношенію къ германской наукѣ онъ испытывалъ особенно злобное чувство. Хваленая нѣмецкая наука, по его мнѣнію, есть не что иное, «какъ сплошное отравленіе массъ, систематическая проповѣдь доктрины рабства». Германская профессура, начиная съ среднихъ вѣковъ, всегда была раболѣпной служительницей власти, передъ которой пресмыкалась не за страхъ, а за совѣсть. Педантичная, низкая, какъ лакей, грубая и наглая, какъ рабъ, она создала политическую науку, культъ силы и власти, проповѣдуя ее съ каѳедры всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ. «Эту науку можно назвать современной теологіей, богословіемъ культа государства. Въ этой религіи земного абсолютизма государь занимаетъ мѣсто Бога, чиновники являются священнослужителями, а народъ естественно жертвой, постоянно закалаемой на алтарѣ государства». (II, 442, 452—4; IV, 491—2).

Нѣмцы—государственники и бюрократы по природѣ, на всѣ лады повторяетъ Бакунинъ [1]). «Германія, гордая деспотически-конституціоннымъ могуществомъ своего единодержавца и властителя, представляетъ и совмѣщаетъ въ себѣ всецѣло одинъ изъ двухъ полюсовъ современнаго соціально-политическаго движенія, а именно полюсъ государственности, государства, реакціи (другой полюсъ, конечно, анархія.—*Ю. С.*). Германія—государство по преимуществу, какъ имъ была Франція при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ I, какъ имъ не переставала быть Пруссія по настоящее время... Доколѣ Германія останется государствомъ, несмотря ни на какія мнимо-либеральныя, конституціонныя, демократическія и даже соціально-демократическія формы, она будетъ по необходимости первостепенною и главною представительницею и постояннымъ источникомъ всевозможныхъ деспотизмовъ въ Европѣ. Со времени образованія новой государственности въ исторіи, съ самой половины XVI вѣка, Германія, причисляя къ ней австрійскую имперію, поскольку она нѣмецкая, никогда не переставала быть въ сущности главнымъ центромъ всѣхъ реакціонныхъ движеній въ Европѣ». Въ противность Марксу,

[1]) «Гос. и Ан.», 8—9, 40, 53, 112; ср. всѣ части и отрывки «Кнуто-Германской Имперіи», помѣщенные въ тт. II, III, IV его сочиненій.

утверждавшему, что позвоночнымъ хребтомъ реакціи въ Европѣ, начиная съ концѣ XVIII вѣка, была Россія, Бакунинъ утверждаетъ, что «вовсе не Россія, а Германія, начиная съ XVI вѣка и вплоть до нашихъ дней, была постояннымъ источникомъ и школою государственнаго деспотизма въ Европѣ. Изъ того, что въ другихъ европейскихъ странахъ было простымъ фактомъ, Германія сдѣлала систему, доктрину, религію, культъ».

Въ отличіе отъ славянъ, которымъ присущи антигосударственныя стремленія, «въ нѣмецкой крови, въ нѣмецкомъ инстинктѣ, въ нѣмецкой традиціи есть страсть государственнаго порядка и государственной дисциплины... Нѣмцы народъ въ высшей степени государственный, эта государственность преобладаетъ въ нихъ надъ всѣми страстями и рѣшительно подавляетъ въ нихъ инстинктъ свободы». Вся исторія Германіи, а особенно новѣйшая, говоритъ о классическомъ послушаніи нѣмцевъ всѣхъ чиновъ и разрядовъ властямъ. «Въ нѣмецкомъ сердцѣ выработалось вѣками истинное богопочитаніе государственной власти, богопочитаніе, которое создало постепенно бюрократическую теорію и практику и, благодаря стараніямъ нѣмецкихъ ученыхъ, легло потомъ въ основаніе всей политической науки, проповѣдуемой понынѣ въ университетахъ Германіи» [1]).

Единственно свѣтлая точка въ исторіи Германіи, по мнѣнію Бакунина, это крестьянская революція XVI вѣка—единственное крестьянское возстаніе въ Германіи. Но оно было подавлено соединенными силами дворянства, духовенства и буржуазіи, и съ этого момента Германія впала въ рабство. У другихъ народовъ хоть въ прошломъ были славныя страницы борьбы за свободу, въ Германіи же этого не было никогда. «По крайней мѣрѣ, въ прошломъ либерализмъ итальянской, швейцарской, голландской, бельгійской, англійской и французской буржуазіи дѣйствительно существовалъ, тогда какъ среди нѣмецкой буржуазіи его никогда не было. Вы не найдете его слѣдовъ ни до, ни послѣ Реформаціи» (II, 422).

Исторія либеральнаго движенія въ Германіи въ первой половинѣ XIX в., по мнѣнію Бакунина, ясно доказываетъ, что нѣмцы стремились къ національному могуществу и къ государственному единству, а отнюдь не къ свободѣ. «Нѣмцы никогда не нуждались въ свободѣ. Жизнь для нихъ просто немыслима безъ правительства, т.-е. безъ верховной воли, верховной мысли и желѣзной руки, ими помыкающей... Поэтому весьма естественно, что они никогда не хотѣли народной революціи» [2]). Весь нѣмецкій либерализмъ,

---

[1]) «Гос. и Ан.», 127; «Кнуто-Германская Имперія», 109, 135.
[2]) «Гос. и Ан.», 149.

за немногими исключеніями, былъ только особеннымъ проявленіемъ «нѣмецкаго лакейства» [1]). Бакунинъ съ удовольствіемъ цитируетъ фразу Берне: «Другіе народы бываютъ часто рабами, но мы, нѣмцы, всегда лакеи». Сравнивая нѣмецкихъ студентовъ съ русскими, Бакунинъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. «Кажется, не можетъ быть рабства хуже русскихъ; но никогда между русскими студентами не существовало такого лакейскаго отношенія къ профессорамъ и начальству, какое существуетъ и понынѣ во всемъ нѣмецкомъ студенчествѣ». Противъ этого разсужденія, съ которымъ до извѣстной степени нельзя не согласиться, можно, впрочемъ, возразить, что Бакунинъ устанавливаетъ расовое отличіе тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ различіемъ классовыхъ признаковъ, и что, вмѣсто огульнаго обвиненія всей нѣмецкой націи въ «лакействѣ», ему слѣдовало бы, пожалуй, проанализировать соціальный составъ нѣмецкаго и русскаго студенчества. Но это еще куда ни шло. Гораздо интереснѣе, что и русскому офицерству онъ отдаетъ предпочтеніе передъ нѣмецкимъ. «Съ точки зрѣнія просто человѣческой,—говоритъ онъ,—мы отдадимъ преимущество нашему офицерскому типу не потому, что онъ нашъ, а на основаніи строгой справедливости... Это міръ чрезвычайно пустой и дикій, даже когда говоритъ по-французски, но въ этомъ мірѣ среди глубокой и нелѣпой безалаберщины, его наполняющей, можно найти человѣческое сердце, способность инстиктивно полюбить и понять все человѣческое и, при счастливой обстановкѣ, при добромъ вліяніи, способность сдѣлаться совершенно сознательнымъ другомъ народа. Въ нѣмецкомъ офицерскомъ мірѣ нѣтъ ничего кромѣ формы, военнаго регламента и отвратительной, спеціально офицерской фанаберіи, состоящей изъ двухъ элементовъ: изъ лакейскаго повиновенія въ отношеніи ко всему, что іерархически выше, и изъ дерзко-презрительнаго отношенія ко всему, что, по ихъ мнѣнію, стоитъ ниже,—къ народу прежде всего, а потомъ и ко всему, что не носитъ военнаго мундира, за исключеніемъ самыхъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ и дворянъ» [2]).

Совершенно естественно, что самые свободомыслящіе и свободные отъ національныхъ предразсудковъ нѣмцы (да и не только нѣмцы) должны были усматривать въ подобныхъ заявленіяхъ одно лишь проявленіе національнаго самохвальства, чтобы не сказать хуже...

Стремленіе нѣмцевъ къ свободѣ было убито ихъ стремленіемъ

---

[1]) «Гос. и Ан.», 151.
[2]) «Гос. и Ан.», 93—94.

къ объединенію Германіи. «Какъ докторъ Фаустъ, эти отличные патріоты преслѣдовали двѣ цѣли, двѣ противоположныя тенденціи: одну къ сильному національному единству, другую къ свободѣ. Захотѣвъ примирить двѣ непримиримыя вещи, они долго парализовывали одну другую, пока, наконецъ, наученные опытомъ, не рѣшились пожертвовать одной для достиженія другой» [1]. Постепенно нѣмцы измѣнились, стали практическими людьми, «изъ либераловъ и республиканцевъ они превратились въ бисмаркіанцевъ» [2].

Вопреки мнѣнію Маркса, что роль позвоночнаго хребта европейской реакціи играла въ новое время Россія, Бакунинъ утверждалъ, что со временъ Реформаціи «истиннымъ центромъ реакціи въ Европѣ сдѣлалась Германія» (II, 454) и что она, а не Россія, была «постояннымъ источникомъ и школой государственнаго деспотизма въ Европѣ» (IV, 499 сл.). Да иначе, по мнѣнію Бакунина, и быть не могло: вся исторія Германіи фатально вела ее къ такому концу.

«Думаетъ ли Марксъ,—восклицаетъ Бакунинъ,—что народъ, какъ бы одаренъ онъ ни былъ, можетъ безнаказанно оставаться въ подобномъ положеніи въ теченіе долгаго историческаго періода безъ того, чтобы рабство не проникло во всѣ тончайшія фибры его организма и не сдѣлалось его привычкой, его второй натурой? И если этотъ народъ, какъ это можно съ полнымъ правомъ сказать о нѣмецкомъ народѣ, даже до этого періода подавляющаго рабства никогда не зналъ и даже не желалъ свободы; если, посреди поступательнаго движенія сосѣднихъ народовъ, онъ остался народомъ коснымъ, созерцательнымъ, самоуглубленнымъ,—правда, много работающимъ (и за это честь ему и слава), но никогда не возмущающимся, за исключеніемъ кратковременнаго момента въ его жизни, въ началѣ Реформаціи,—во что онъ долженъ былъ превратиться за эти вѣка полной неподвижности и отсутствія мысли? Въ превосходное орудіе для всѣхъ затѣй деспотизма, какъ внутри, такъ и во-внѣ; въ прочнѣйшую основу для пропаганды распространенія и завоеваній деспотизма во всемъ мірѣ» (Ib., 500—1).

Германскій имперіализмъ или, въ тогдашнихъ политическихъ терминахъ, «пангерманизмъ» представляетъ, по мнѣнію Бакунина, естественный продуктъ историческихъ судебъ и специфическаго характера нѣмецкой націи. Многочисленный и здоровый народъ, «завоеватель и поработитель по традиціи и по склонности», не могъ примириться съ своимъ униженнымъ положеніемъ въ міро-

---

[1] «Кнуто-Германская Имперія», 106.
[2] «Гос. и Ан.», 200—1.

вомъ концертѣ. На этой почвѣ возникъ и развился пангерманизмъ—съ одной стороны, какъ протестъ противъ жалкаго состоянія и раздробленности Германіи, а съ другой—какъ стремленіе къ порабощенію другихъ народовъ въ интересахъ объединеннаго нѣмецкаго отечества. «Морализовать, цивилизовать, германизовать» другія націи—таковъ лозунгъ нѣмецкихъ патріотовъ, быть можетъ, искренно отождествляющихъ интересы Германіи съ интересами человѣчества (II, 426; IV, 480). Будучи самымъ покорнымъ и послушнымъ народомъ въ мірѣ, нѣмцы вмѣстѣ съ тѣмъ сгораютъ жаждой захвата чужихъ территорій, систематическаго поглощенія другихъ народовъ и властью къ господству, что дѣлаетъ изъ нихъ, особенно въ настоящее время (1870—71) «самую опасную для міровой свободы націю». И при этомъ ихъ вожди, законодатели германскаго общественнаго мнѣнія, вплоть до самыхъ крайнихъ его представителей, не только не стараются противодѣйствовать этимъ пагубнымъ инстинктамъ и стремленіямъ, а напротивъ всемѣрно потакаютъ имъ и разжигаютъ ихъ (II, 380—1).

И Бакунинъ сознается въ своемъ презрѣніи къ нѣмецкой культурѣ, которою чванятся германскіе культуртрегеры и цивилизаторы. «Эту ***высокую культуру*** [1]), которою такъ хвалятся нѣмцы,—говоритъ онъ въ письмѣ въ редакцію газеты «Réveil» (V, 251),—и отсутствіе уваженія къ которой нѣмецкій журнализмъ намъ ставитъ въ упрекъ, мы дѣйствительно презираемъ; ибо мы судимъ о ней по дѣламъ ея, а до сихъ поръ она не создала ничего, кромѣ рабскаго народа и кучки литераторовъ и политикановъ въ родѣ г. Мориса Гесса» [2]). И въ другомъ мѣстѣ, съ негодованіемъ отвергая обвиненіе въ панславизмѣ, выдвигавшееся противъ него изъ круговъ нѣмецкой демократіи, Бакунинъ пишетъ: «Признаюсь, что когда я въ первый разъ прочиталъ эти статьи, говорившія о моемъ панславизмѣ,... я былъ пораженъ. Я не допускалъ, чтобы недобросовѣстность могла заходить такъ далеко. Теперь я начинаю понимать, въ чемъ тутъ дѣло. Статьи эти были продиктованы не одною жалкой недобросовѣстностью автора, но и своеобразной національно-патріотической наивностью, крайне глупой, но весьма обычной въ Германіи. Нѣмцы столько мечтали въ обстановкѣ своего историческаго рабства, что въ концѣ-концовъ весьма наивно отождествили свою національность съ человѣчествомъ, такъ что на ихъ взглядъ ненависть къ нѣмецкому владычеству, презрѣніе къ ихъ добровольно-холопской цивилизаціи равнозначительно враждѣ къ человѣческому прогрессу. Въ ихъ глазахъ

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[2]) Нѣмецкій коммунистъ, одинъ изъ литературныхъ противниковъ Бакунина, обвинявшій его въ панславизмѣ.

являются панславистами всѣ славяне, съ отвращеніемъ и гнѣвомъ отвергающіе ту цивилизацію, которую они хотятъ насильственно навязать имъ. Если они придаютъ слову панславизмъ такой смыслъ, о! тогда я панславистъ отъ всей души. Ибо поистинѣ мало къ чему я отношусь съ такой глубокой ненавистью и презрѣніемъ, какъ къ этому гнусному господству и къ этой буржуазной, дворянской, бюрократической, военной и политической цивилизаціи нѣмцевъ. Я по прежнему всегда буду проповѣдывать славянамъ, во имя всемірнаго освобожденія народныхъ массъ, миръ, братство, солидарное дѣйствіе и общую организацію съ германскимъ пролетаріатомъ, но не иначе, какъ на развалинахъ этого господства и этой цивилизаціи и съ единственной цѣлью разрушенія всѣхъ имперій, славянскихъ и нѣмецкихъ» (Изъ 2-го выпуска «Кнуто-Германской Имперіи»—Oeuvres III, 17—18).

Послѣднія строки показываютъ, что изъ всего грѣшнаго германскаго Содома Бакунинъ готовъ былъ сдѣлать исключеніе лишь для немногихъ пролетарскихъ праведниковъ, да и то подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они приняли его анархическую точку зрѣнія. Онъ выражаетъ увѣренность, что наемнымъ агентамъ Бисмарка никогда не удастся привлечь на свою сторону германскихъ рабочихъ, которыхъ здоровый инстинктъ возстановитъ противъ прусско-германской имперіи. Онъ предсказываетъ непримиримую борьбу между Бисмаркомъ и германскимъ рабочимъ классомъ на почвѣ «проклятаго соціальнаго вопроса». Онъ хвалитъ вождей нѣмецкаго пролетаріата за ихъ благородное поведеніе во время франко-прусской войны, когда они смѣло протестовали противъ аннексіи французской территоріи и требовали заключенія почетнаго мира съ Французской Республикой. «Я спѣшу отдать справедливость вождямъ соціалъ-демократической партіи, всему ея Центральному Комитету, Бебелямъ, Либкнехтамъ и столькимъ другимъ, которые, среди воплей офиціальной челяди и всей опьяненной патріотизмомъ германской буржуазіи, имѣли мужество громко провозгласить священныя права Франціи. Они доблестно, геройски выполнили свой долгъ, ибо требовалось дѣйствительно геройское мужество, чтобы смѣло заговорить человѣческимъ языкомъ посреди всѣхъ этихъ рычащихъ буржуазныхъ звѣрей» (II, 404—6).

Но эти и подобныя заявленія не мѣшали ему обыкновенно смѣшивать въ своемъ отрицаніи всѣ классы нѣмецкаго общества, которые казались ему солидарными въ смыслѣ пангерманскаго имперіализма. Вѣдь даже соціалъ-демократическую программу нѣмецкихъ рабочихъ, поскольку она включала знаменитыя «ближайшія» политическія требованія, онъ объяснялъ духов-

нымъ родствомъ ихъ вождей съ Бисмаркомъ, а самихъ этихъ вождей, въ томъ числѣ и Маркса, объявлялъ добрыми нѣмецкими патріотами и поборниками пангерманизма. Въ частности, признакъ марксова пангерманизма Бакунинъ усматривалъ въ его враждебномъ отношеніи къ офиціальной россійской государственности того времени [1]). Даже столь невинное, объективное и оправданное всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ историческихъ событій замѣчаніе Маркса, какъ то, что франко-прусская «война перемѣстила центръ тяжести континентальнаго рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію», Бакунинъ истолковываетъ какъ проявленіе самаго несомнѣннаго и отвратительнаго пангерманизма (IV, 370 сл.), а его сторонники, какъ Гильомъ, до сихъ поръ стоятъ на той же точкѣ зрѣнія (Guillaume—L'Internationale, II, 88—89).

III.

Уже одного этого враждебнаго отношенія къ германской культурѣ и къ германской націи было достаточно для того, чтобы Бакунинъ отдалъ свои симпатіи ея противнику, да еще повер-

---

[1]) Приводимъ изъ написаннаго зимою 1872 г. отрывка «Кнуто-Германской Имперіи» слѣдующую весьма характерную въ этомъ отношеніи выдержку: «Въ этомъ воззваніи или циркулярѣ, обращенномъ къ рабочимъ всѣхъ странъ (рѣчь идетъ объ Учредительномъ Адресѣ Международной Ассоціаціи Рабочихъ), глава нѣмецкихъ авторитарныхъ коммунистовъ не преминулъ заявить, что завоеваніе политической власти составляетъ первый долгъ трудящихся; онъ показалъ здѣсь даже кончикъ своего пангерманистскаго уха, присовокупивъ, что въ настоящее время главная политическая задача Международной Ассоціаціи Рабочихъ должна заключаться въ борьбѣ съ Всероссійской Имперіей,—задача несомнѣнно весьма законная и благородная..., но которая, во-первыхъ, не можетъ сдѣлаться задачей Международной Ассоціаціи Рабочихъ, не искажая совершенно ея характера и цѣли, и которая, во-вторыхъ, чтобы быть поставленной справедливо, серьезно и съ пользой для дѣла рабочихъ, должна быть опредѣлена совершенно иначе. Если бы г. Марксъ объявилъ войну всѣмъ государствамъ или, по крайней мѣрѣ, государствамъ монархическимъ, деспотическимъ и военнымъ, какъ Пруссія, какъ Австрія, какъ императорская или даже современная республиканская Франція, и если бы онъ сказалъ, что на первомъ мѣстѣ среди нихъ слѣдуетъ поставить государство-образецъ, Всероссійскую Имперію, его, по крайней мѣрѣ, нельзя было бы обвинить въ пангерманизмѣ. Но, умалчивая о нѣмецкомъ деспотизмѣ, деспотизмѣ крайне нагломъ, крайне грубомъ, крайне алчномъ и въ высшей степени опасномъ для свободы сосѣднихъ народовъ, какъ это теперь ясно для всѣхъ, и стараясь направить негодованіе рабочихъ всѣхъ странъ противъ русскаго деспотизма, съ исключеніемъ всѣхъ остальныхъ, заявляя даже, что онъ является единственной причиной того деспотизма, который не переставалъ господствовать въ Германіи съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Германія, приписывая, наконецъ, внушеніямъ русской дипломатіи весь позоръ и всѣ политическія преступленія этой страны прославленной науки и прославленнаго холопства, г. Марксъ выказалъ себя, во-первыхъ, очень плохимъ и мало правдивымъ историкомъ, а, во-вторыхъ, не интернаціональнымъ соціалъ-революціонеромъ, но ярымъ патріотомъ великаго бисмарковскаго отечества» (IV, 399—401).

женному въ прахъ. Но, помимо того, Бакунинъ относился къ Франціи, къ французскому народу, къ французскому духу съ такой любовью, что если бы онъ даже до того вообще симпатизировалъ Германіи, онъ долженъ былъ бы теперь съ яростью выступить противъ побѣдоноснаго насильника, придавившаго колѣномъ благородную грудь «прекрасной Франціи».

Но прежде всего мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ специфическихъ надеждахъ, которыя Бакунинъ возлагалъ тогда на Францію въ смыслѣ торжества своихъ анархическихъ принциповъ. Для того, чтобы правильно понять эту сторону вопроса, необходимо припомнить тогдашнее состояніе международнаго соціальнаго движенія и въ частности ту роль, которую игралъ въ немъ Бакунинъ. Послѣдній, проживъ послѣ неудачи польскаго возстанія 1863—4 г. нѣсколько лѣтъ въ Италіи, а затѣмъ въ Швейцаріи, успѣлъ завязать довольно обширныя по тому времени связи среди революціонной интеллигенціи и части передовыхъ рабочихъ романскихъ странъ. Вступивъ въ 1868 г. въ Интернаціоналъ, Бакунинъ вскорѣ сдѣлался естественнымъ центромъ революціонныхъ конспирацій, къ которымъ примкнули романтически настроенные соціалисты романской Швейцаріи, Испаніи, Италіи, отчасти Бельгіи и Франціи. Послѣдней Бакунинъ, по старой революціонной традиціи, придавалъ, конечно, главное значеніе въ дѣлѣ осуществленія своихъ плановъ всемірной анархической революціи, направленной къ разрушенію государства и уничтоженію частной собственности. По его убѣжденію, только изъ Франціи могъ быть поданъ сигналъ къ этой всесвѣтной революціи. И вотъ почему онъ особенно дорожилъ тѣми связями съ дѣятелями французскаго движенія, которыя ему удалось завязать на Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала (1869 г.) и послѣ него.

Въ послѣдніе годы Второй Имперіи французское рабочее движеніе, надолго задавленное послѣ кровавой бани іюньскихъ дней 1848 г., снова начало поднимать голову. Среди рабочихъ началось сначала чисто экономическое, а затѣмъ и широкое политическое броженіе; участились стачки, появились «рабочія кандидатуры», соціальныя газеты, организаціи, митинги. Повсюду, въ Парижѣ и въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ, какъ Ліонъ, Марсель, Руанъ и т. п., складывались организаціонныя ячейки, и постепенно сплеталась организаціонная сѣть, которая должна была покрыть собою всю Францію. Дѣятели этого движенія были окрылены самыми радужными надеждами: имъ рисовалось уже впереди близкое паденіе Имперіи, провозглашеніе республики и даже соціальная революція. Со многими изъ этихъ дѣятелей

Бакунинъ былъ знакомъ или лично, или черезъ посредство друзей, и по своему обыкновенію поддерживалъ съ ними оживленную переписку, въ которой старался внушить имъ свои взгляды и пріемы практическаго дѣйствія. И если среди людей, на которыхъ разсчитывалъ Бакунинъ, имѣлись такіе ненадежные элементы, какъ А. Ришаръ или Г. Бланъ, то съ другой стороны среди нихъ имѣлся такой человѣкъ, какъ Варленъ. А это что-нибудь да значило.

Въ «Письмѣ къ французу» Бакунинъ, имѣя въ виду тѣ связи, которыя ему и его единомышленникамъ удалось завязать во Франціи, писалъ: «Мы успѣли такъ или иначе сформировать небольшую партію—небольшую по числу людей, сознательно къ ней примыкающихъ, но колоссальную по количеству своихъ инстинктивныхъ приверженцевъ, по тѣмъ народныхъ массамъ, потребности коихъ она представляетъ лучше, чѣмъ какая бы то ни была другая партія» (II, 227). Опираясь на эти малочисленныя, но пользовавшіяся вліяніемъ на довольно широкіе слои пробуждавшихся къ сознательной жизни рабочихъ, группы, Бакунинъ и его друзья надѣялись черезъ нѣсколько лѣтъ добиться поставленной себѣ цѣли. Война однимъ ударомъ разрушила эти надежды [1]).

Но Бакунинъ любилъ Францію не только какъ очагъ революціоннаго соціализма, откуда, по его убѣжденію, должна взойти заря соціальнаго освобожденія, онъ любилъ Францію, какъ таковую, за ея просвѣтительную и освободительную роль въ исторіи человѣчества. «Я отнюдь не націоналистъ,—говоритъ онъ.—Я даже отъ всей души ненавижу такъ называемый принципъ національностей и расъ, который выдвинули Наполеонъ III, Бисмаркъ и ... императоры лишь для того, чтобы во имя его подавить свободу всѣхъ націй.» И тѣмъ не менѣе, продолжаетъ онъ, «я оплакивалъ бы, какъ величайшее несчастье для всего человѣчества, упадокъ и смерть Франціи, какъ великой національной породы, смерть этого великаго національнаго характера, этого французскаго духа, этихъ благородныхъ, героическихъ инстинктовъ и этой революціонной смѣлости, которые посмѣли взять

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу Гильомъ, бывшій въ разсматриваемое время правой рукой Бакунина: «Эта война, желанная для Бисмарка и исподволь имъ подготовленная, безразсудно объявленная Наполеономъ III и его министромъ, либераломъ Эмилемъ Оливье, была самымъ злосчастнымъ событіемъ, какое только могло насъ постигнуть. Нужно было еще нѣсколько лѣтъ,—такъ думали наши парижскіе друзья (здѣсь авторъ ссылается на письмо Варлена къ Обри отъ 29 декабря 1869 г.),—для того, чтобы закончить организацію Интернаціонала во Франціи и подготовить широкое движеніе, которое, вмѣстѣ съ Франціей, охватило бы Испанію, Италію, Швейцарію и Бельгію: война, вызванная двумя деспотическими правительствами, была крушеніемъ нашихъ чаяній». (L'Internationale, II, 64—5).

приступомъ, съ цѣлью разрушенія, всѣ авторитеты, освященные и упроченные исторіей, всѣ силы небесныя и земныя. Если бы той великой исторической породы, которая называется Франціей, въ настоящее время не существовало, если бы она исчезла съ міровой сцены или, что было бы еще хуже, если бы эта благородная и умная нація съ той чудесной высоты, на которую вознесли ее героическій трудъ и геній прошлыхъ поколѣній, сразу низверглась въ грязь, продолжая влачить существованіе въ качествѣ рабы Бисмарка, въ мірѣ образовалась бы огромная пустота. Это была бы не просто національная катастрофа, это было бы всеобщимъ несчастьемъ, міровой потерей».

Достаточно представить себѣ, что на мѣстѣ Франціи 1793 г., на мѣстѣ Франціи, отъ которой міръ ждетъ и теперь (1870 г.) иниціативы всеобщаго освобожденія, стояла бы Пруссія, Германія Бисмарка, и сразу станетъ понятнымъ, что̀ потеряло бы человѣчество съ гибелью Франціи.

«Міръ настолько привыкъ слѣдовать иниціативѣ Франціи, видѣть ее всегда смѣло идущей впереди, что и теперь, когда она, раздавленная безчисленными арміями и преданная всѣми своими официальными властями, равно какъ явной немощью и глупостью всѣхъ своихъ буржуазныхъ республиканцевъ, весь міръ, всѣ націи Европы, изумленныя, встревоженныя, подавленныя ея видимымъ упадкомъ, все еще ждутъ отъ нея своего спасенія. Онѣ ждутъ отъ нея сигнала къ освобожденію, лозунга, примѣра. Всѣ взоры обращены не на Макъ-Магона или Базена, а на Парижъ, Ліонъ, Марсель. Революціонеры всей Европы тронутся не прежде, чѣмъ тронется Франція... Таково еще и въ настоящее время, несмотря на всѣ ея несчастья, а, можетъ быть, именно благодаря этимъ ужаснымъ несчастьямъ, впрочемъ, вполнѣ заслуженнымъ,—таково еще и теперь и даже въ большей степени, чѣмъ когда либо, великое положеніе революціонной Франціи. Отъ смѣлаго водруженія и отъ успѣха ея знамени міръ ждетъ своего спасенія» (Продолженіе «Писемъ къ французу», т. IV, стр. 24—27).

Тѣ же мысли Бакунинъ выражаетъ и въ «рукописи, написанной въ Марселѣ», представляющеей связующее звено между «Письмомъ къ французу» и «Кнуто-Германской Имперіей».

«Франція,—писалъ онъ, эта—великая нація, которую ощущеніе своего дѣйствительнаго историческаго величія часто толкало на безразсудныя и преступныя безумства, но которая, несмотря на эти временныя уклоненія и на эти злополучныя увлеченія самонадѣянной силы, до сихъ поръ всѣмъ міромъ справедливо признавалась естественнымъ вождемъ и благороднымъ иниціаторомъ всего человѣческаго прогресса и всѣхъ завоеваній свободы; эта

Францiя, вся исторiя которой съ 1789 и 1793 г. была ничѣмъ инымъ, какъ энергическимъ протестомъ и непрерывной борьбой свѣта съ мракомъ, человѣческаго права съ ложью божественнаго права и юридическаго права, демократическо-соцiальной всемiрной республики съ тиранической коалицiей королей и эксплуатирующихъ и привиллегированныхъ классовъ; эта Францiя, съ которою еще и нынѣ связаны всѣ надежды угнетенныхъ нацiй и порабощенныхъ народовъ, гибнетъ на нашихъ глазахъ. Ей угрожаетъ участь Польши. Ея могущество, нѣкогда заставлявшее блѣднѣть всѣхъ тирановъ Европы, нынѣ пало такъ низко, что всѣ эти монархiи, успокоенныя ея паденiемъ, осмѣливаются безнаказанно оскорблять ее, выражать ей лицемѣрное и презрительное сожалѣнiе и обращаться къ ней съ увѣщанiями и совѣтами; что всѣ болѣе или менѣе микроскопическiе государики Германiи, вассалы короля Вильгельма, ихъ будущаго императора, вчера еще дрожавшiе при одномъ имени Францiи, теперь, окруженные своими адъютантами, дерзаютъ попирать ногами и захватывать ея территорiю. И въ довершенiе всего, даже буржуазные республиканцы Швейцарiи, холопская угодливость которыхъ передъ Наполеономъ III еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не знала границъ, нынѣ смѣютъ во всеуслышанiе мечтать о приращенiи и округленiи Гельветической Республики на счетъ Францiи, поверженной подъ нози прусскаго самодержца. И въ концѣ концовъ участь, которую при настоящихъ условiяхъ ей въ лучшемъ случаѣ смѣютъ предрекать, это—превращенiе въ намѣстничество будущаго Германскаго императора, подобно тому, какъ Италiя Виктора-Эммануила была намѣстничествомъ императора французовъ. Я не имѣю чести быть французомъ, но признаюсь, что я глубоко возмущенъ всѣми этими оскорбленiями, и что несчастья Францiи, ея паденiе повергаютъ меня въ глубокое отчаянiе».

Его печалитъ не крушенiе офицiальныхъ властей, не паденiе Второй Имперiи, не развалъ французскаго государства. «Что я горько оплакиваю, такъ это паденiе французской нацiи, крушенiе симпатичной и великой породы, благороднаго нацiональнаго характера и блестящаго французскаго ума, какъ бы нарочно созданныхъ и развитыхъ исторiей для освобожденiя мiра. Что я оплакиваю, такъ это молчанiе, которое будетъ наложено на великiя уста Францiи, возвѣщавшiя всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ свободу, равенство, братство и справедливость. Мнѣ кажется, что когда великое солнце Францiи погаснетъ, всюду наступитъ затменiе, и что всѣ болѣе или менѣе затѣйливые фонарики, которые будутъ зажжены резонерствующими учеными

Германіи, не въ состояніи будутъ замѣнить тотъ великій и простой свѣтъ, который проливалъ на міръ духъ Франціи. Наконецъ, я убѣжденъ, что порабощеніе Франціи и окончательное торжество Германіи, подчиненной пруссакамъ, снова ввергнутъ всю Европу въ тьму, бѣдствія и рабство прошедшихъ вѣковъ. Я настолько въ этомъ убѣжденъ, что, по моему мнѣнію, для всякаго человѣка, любящаго свободу и желающаго торжества человѣчности надъ скотскостью, желающаго освобожденія своей собственной страны, въ настоящее время является священнымъ долгомъ принять участіе въ демократической борьбѣ французскаго народа противъ вторженія германскаго деспотизма, какого бы онъ самъ ни былъ происхожденія, будь онъ англичаниномъ, испанцемъ, итальянцемъ, полякомъ, русскимъ и даже нѣмцемъ» (IV, 152—5).

Если Франція будетъ побѣждена, не перестаетъ повторять Бакунинъ, то дѣло человѣчества погибнетъ въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ. Вся Европа будетъ сразу отброшена назадъ, къ средневѣковому варварству. Во всѣхъ государствахъ усилится гоненіе на соціализмъ. Создастся почва для новаго объединенія всѣхъ консервативныхъ и реакціонныхъ силъ. «Послѣ войны 1815 г. возникъ политическій Священный Союзъ всѣхъ государствъ противъ буржуазнаго либерализма. Послѣ нынѣшней войны, если она кончится торжествомъ Пруссіи, т.-е. торжествомъ международной реакціи, сложится одновременно политическій и экономическій Священный Союзъ тѣхъ же государствъ, еще усиленныхъ корыстнымъ сотрудничествомъ буржуазіи всѣхъ странъ, противъ революціоннаго соціализма пролетаріата». Реакція, которая наступитъ послѣ германской побѣды на многія десятилѣтія, будетъ еще болѣе ожесточенной, чѣмъ та, которая наступила послѣ іюньской катастрофы 1848 г. И именно въ сознаніи этой опасности германскіе соціалъ-демократы протестовали противъ вторженія нѣмецкихъ войскъ во Францію, за что Бакунинъ искренно ихъ привѣтствуетъ (IV, 19—27; II, 294).

Но побѣда нѣмцевъ грозитъ гибелью и самой Германіи, нѣмецкой свободѣ, всѣмъ демократическимъ чаяніямъ германскаго народа. «Горе нѣмцамъ,—восклицаетъ Бакунинъ,—если ихъ арміи побѣдоносно возвратятся въ Германію! Это будетъ концомъ для всѣхъ ихъ надеждъ на будущее и для ихъ свободы, по меньшей мѣрѣ, на 50 лѣтъ. Стоитъ только представить себѣ эти орды рабовъ, дисциплинированныхъ и предводимыхъ померанскими баронами, и превращенныхъ...» (здѣсь обрывается, къ сожалѣнію, рукопись листка, озаглавленнаго «Пробужденіе народовъ» и относящагося, повидимому, къ одному изъ отрывковъ «Кнуто-Германской Имперіи»).

Такимъ образомъ спасеніе Франціи лежитъ въ интересахъ не одной только этой страны, но и всѣхъ другихъ странъ. Въ «Письмѣ къ Эскиросу» Бакунинъ, предупреждая вопросъ, какое, собственно ему, иностранцу, дѣло до спасенія Франціи, отвѣчаетъ предполагаемому вопрошателю: «Долженъ ли я доказывать вамъ, что теперь дѣло Франціи снова стало дѣломъ всего міра; что пораженіе и упадокъ Франціи будутъ пораженіемъ и упадкомъ свободы, всего того, что есть въ мірѣ человѣческаго; что конечное торжество прусской идеи и прусскаго могущества, проникнутыхъ военно-бюрократическимъ, дворянскимъ и іезуитско-протестантскимъ духомъ, будетъ величайшимъ несчастьемъ, какое только способно постигнуть Европу? Если Пруссія одержитъ верхъ, то европейское человѣчество погибло, по крайней мѣрѣ, на 50 лѣтъ; намъ, старикамъ, останется тогда только умереть. Увы! Я долженъ буду признать, что мой покойный другъ Александръ Герценъ былъ правъ послѣ плачевныхъ іюньскихъ дней 1848 г...., когда объявилъ, что Западная Европа отнынѣ умерла, и что для обновленія, для продолженія исторіи осталось только два источника: Америка, съ одной стороны, и восточное варварство—съ другой» (IV, 233).

Но Бакунинъ не хочетъ такъ легко сложить оружіе. Европа не нуждается для своего спасенія, говорилъ онъ Герцену и говоритъ теперь, въ обновленіи ея восточнымъ варварствомъ. Въ нѣдрахъ европейскаго общества имѣется достаточно живыхъ элементовъ, собственныхъ «варваровъ», незатронутыхъ и неистощенныхъ буржуазною цивилизаціей, трудовыхъ массъ, которыя найдутъ въ себѣ достаточно силъ и энергіи, чтобы дать отпоръ торжествующему насилію. Въ частности, французскій рабочій классъ долженъ понять, что побѣда пруссаковъ будетъ еще гораздо пагубнѣе для французскихъ рабочихъ, чѣмъ для французской буржуазіи (II, 259). Передъ французскими рабочими, въ виду торжества германскаго деспотизма, выдвигается теперь задача освобожденія всего человѣчества; и только они одни, если имъ удастся увлечь за собою французское крестьянство, способны осуществить эту задачу, ибо ихъ иниціатива встрѣтитъ живой откликъ среди рабочихъ во всѣхъ странахъ [1]). «Такова въ настоящее время ихъ великая миссія. Если они ее выполнятъ, они освободятъ всю Европу. Если они проявятъ слабость, они

---

[1]) По мнѣнію Бакунина, революціонная иниціатива трудящихся массъ Франціи не только создастъ въ самой Франціи силу, способную противостать германскимъ полчищамъ, но и вызоветъ въ тылу послѣднихъ, среди германскихъ рабочихъ, движеніе революціонно-соціальнаго характера. «Всякая національная революція и особенно революція во Франціи неизбѣжно и немедленно превратится въ интернаціональную революцію» (IV, 159).

погубятъ сами себя и обрекутъ европейскій пролетаріатъ, по крайней мѣрѣ, на полувѣковое рабство». Подчиненіе пруссакамъ— смерть для французскаго соціализма, который будетъ сброшенъ со счетовъ исторіи, какъ живая и дѣйственная сила, ведущая человѣчество впередъ. «Совершенно очевидно, что, если Франція покорится Пруссіи, если въ этотъ ужасный моментъ, когда на карту вмѣстѣ со всѣмъ ея настоящимъ, поставлено все ея будущее, она не предпочтетъ смерть всѣхъ своихъ дѣтей и гибель всего своего добра, пожаръ своихъ деревень, городовъ и жилищъ рабству подъ прусскимъ игомъ, если она не сломитъ силой народнаго революціоннаго возстанія силу безчисленныхъ германскихъ армій, до сихъ пор ъвсюду шедшихъ отъ побѣды къ побѣдѣ и нынѣ угрожающихъ ея достоинству, ея свободѣ и даже самому ея существованію, если она не станетъ могилою для всѣхъ этихъ шестисотъ тысячъ солдатъ германскаго деспотизма, если она не противопоставитъ имъ единственнаго средства, способнаго при настоящихъ условіяхъ побѣдить ихъ и уничтожить, если она не отвѣтитъ на это наглое вторженіе соціальной революціей, не менѣе безпощадной и въ тысячу разъ болѣе грозной,—тогда не подлежитъ сомнѣнію, что Франція погибла, ея рабочія массы будутъ обращены въ рабство, а французскій соціализмъ прикажетъ долго жить» (IV, 27—32).

Поэтому Бакунинъ не вѣритъ въ индифферентное отношеніе французскихъ рабочихъ къ войнѣ, къ пораженію Франціи и побѣдѣ Германіи. Такого индифферентизма онъ никогда не пойметъ или, вѣрнѣе, боится его понять. Газетныя извѣстія о безразличіи рабочихъ къ судьбамъ Франціи, если бы они были справедливы, доказывали бы, что французскіе рабочіе слишкомъ узко понимаютъ свои задачи, сводя весь соціальный вопросъ «къ простому вопросу матеріальнаго благосостоянія для себя самихъ, т.-е. къ узкой и смѣшной утопіи, не имѣющей никакихъ шансовъ на осуществленіе» (между прочимъ, интересное заявленіе въ устахъ Бакунина, упорно отвергавшаго участіе рабочаго класса въ политической борьбѣ!). Бакунинъ понимаетъ и всецѣло раздѣляетъ ненависть и презрѣніе французскихъ рабочихъ къ Тюильри, собору Нотръ-Дамъ и даже къ Лувру, какъ къ памятникамъ матеріальнаго и духовнаго порабощенія. Но все это не могло бы оправдать индифферентнаго отношенія ихъ къ судьбамъ Франціи. «Если бы Франція,—восклицаетъ Бакунинъ,—подверглась нашествію арміи пролетаріевъ нѣмецкихъ, англійскихъ, бельгійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, развернувшей знамя революціоннаго соціализма и возвѣстившей міру окончательное освобожденіе труда и пролетаріата, я первый сказалъ бы французскимъ рабочимъ:

«Раскройте имъ ваши объятія, это ваши братья, и объединитесь съ ними, чтобы смести съ лица земли разлагающіеся останки буржуазнаго міра!» Но нашествіе, безчестящее Францію въ настоящій моментъ, вовсе не демократическое и соціальное нашествіе,—это нашествіе аристократическое, монархическое и военное. Пять—или шестьсотъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ, душащихъ въ данный моментъ Францію, являются покорными подданными, рабами деспота, насквозь пропитаннаго своимъ божественнымъ правомъ, и руководятся, состоятъ подъ командой и приводятся въ движеніе, какъ автоматы, офицерами и генералами, вышедшими изъ среды самаго наглаго дворянства въ мірѣ, они—спросите объ этомъ у вашихъ братьевъ, германскихъ рабочихъ—самые ярые враги пролетаріата. Встрѣчая ихъ мирно, оставаясь индифферентными и пассивными передъ этимъ вторженіемъ нѣмецкаго деспотизма, аристократизма и милитаризма, французскіе рабочіе не только отказались бы отъ своего собственнаго достоинства, собственной свободы, собственнаго благосостоянія и отъ всѣхъ своихъ надеждъ на лучшее будущее, но они предали бы еще дѣло пролетаріата всего міра, священное дѣло революціоннаго соціализма. Ибо послѣдній повелѣваетъ имъ, въ интересахъ рабочихъ всѣхъ странъ, уничтожить эти свирѣпыя банды германскаго деспотизма, подобно тому, какъ онѣ сами уничтожили вооруженныя банды французскаго деспотизма, перебить всѣхъ солдатъ прусскаго короля и Бисмарка до послѣдняго такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ покинуть живымъ или вооруженнымъ почву Франціи» (II, 253—8).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ отношеніи къ Германіи и Франціи Бакунинъ не зналъ середины: насколько онъ ненавидѣлъ одну, закрывая глаза даже на ея положительныя стороны, настолько же онъ любилъ другую, готовый сквозь пальцы смотрѣть даже на ея недостатки, если только дѣло шло о томъ, какой изъ двухъ отдать предпочтеніе. И послѣ всего вышесказаннаго насъ не удивитъ, что Бакунинъ готовъ былъ предпочесть германскому торжеству побѣду даже не Франціи, какъ таковой, а самого Наполеона III. «Мы не знаемъ, что было бы, если бы побѣдилъ Наполеонъ III,—говоритъ онъ.—Безъ сомнѣнія, было бы худо, даже очень худо; но не случилось бы худшаго несчастья для цѣлаго міра, для свободы народовъ, чѣмъ теперь». («Государственность и Анархія», стр. 231).

IV.

Откуда же возьмется та сила, которая нанесетъ пангерманизму серьезный ударъ? Сначала Бакунинъ надѣялся на революціонное

движенiе во Францiи. На французскую буржуазiю онъ не возлагалъ въ этомъ отношенiи никакихъ надеждъ. Прежде всего французскiе политическiе дѣятели, вынесенные событiями войны на гребень исторической волны,—государственники съ ногъ до головы и уже по тому одному не годятся для спасенiя страны, очутившейся въ отчаянномъ положенiи, для выхода изъ котораго нужны, по его мнѣнiю, совершенно иные, непривычные прiемы борьбы. И соотвѣтственно этому большая часть «Писемъ къ французу» и «Кнуто-Германской Имперiи» посвящена, съ одной стороны, критикѣ буржуазныхъ республиканцевъ и ихъ методовъ дѣйствiя, а съ другой—указанiю и обоснованiю тѣхъ методовъ, которые казались Бакунину единственно пригодными и разумными въ тотъ трагическiй моментъ французской исторiи.

Французскiе политическiе дѣятели, начиная съ консерваторовъ и реакцiонеровъ, въ родѣ Макъ-Магона, Тьера и Паликао, и кончая умѣренными и даже лѣвыми республиканцами, въ родѣ Гамбетты и его лейтенантовъ, прежде всего поклонники государственнаго принципа, «патрiоты Государства», какъ выражается Бакунинъ. Расходясь въ цѣломъ рядѣ пунктовъ, они всѣ сходятся въ одномъ: всѣ они въ одинаковой степени государственники, политическiе люди, государственные мужи. Въ качествѣ таковыхъ они полагаются только на регулярныя средства, на организованныя силы государства, на порядокъ, на регулярную армiю, на бюрократiю. Они не довѣряютъ народу, боятся его стихiйныхъ порывовъ, выходящихъ изъ рамокъ традицiонной государственной жизни, особенно же они страшатся соцiальной революцiи, угрожающей экономическимъ привилегiямъ господствующихъ классовъ. И если бы, говоритъ Бакунинъ, имъ предстоялъ выборъ между трiумфальнымъ вступленiемъ пруссаковъ въ Парижъ и спасенiемъ Францiи посредствомъ соцiальной революцiи (Бакунинъ писалъ эти строки до осады и капитуляцiи Парижа), то они несомнѣнно предпочли бы первое.

На ихъ взглядъ въ тяжелую для страны годину сильное правительство, какъ бы плохо оно ни было, хотя бы бонапартистское, всегда предпочтительнѣе анархiи, которая неизбѣжно вспыхнетъ, если этому правительству будутъ оказывать оппозицiю. Поэтому они предпочитаютъ мириться со всѣми недостатками господствующей клики, подъ тѣмъ предлогомъ, что этого требуютъ интересы страны. Но такимъ путемъ, они, въ томъ числѣ и буржуазные республиканцы, предаютъ Францiю пруссакамъ, ибо Францiя можетъ быть спасена только съ помощью такихъ средствъ, которыя неизбѣжно влекутъ за собою разложенiе государства, расторженiе государственныхъ узъ («Письмо къ Французу», Oeuvres, II, 137—172).

Комиссары, посланные въ провинцію для сформированія новой арміи, по словамъ Бакунина, представляютъ пародію на знаменитыхъ комиссаровъ эпохи Великой Революціи. «Это дѣло поручено не чрезвычайнымъ комиссарамъ 1793 г., которые, будучи сами увлекаемы и поддерживаемы могучимъ революціоннымъ движеніемъ, охватившимъ все населеніе, творили чудеса, не гигантамъ Національнаго Конвента, а префектамъ, чиновникамъ и администраторамъ Наполеона III, ворамъ и грязнымъ людишкамъ» (II, 149—50). Столь же рѣзко относится Бакунинъ къ предполагавшимся комиссарамъ Правительства Національной Обороны, къ посланцамъ Гамбетты, которые, по его словамъ, будутъ представлять не революціонную буржуазію 1793 г., а реакціонную буржуазію, уже порвавшую съ народомъ.

Комиссары Конвента были героическими дѣятелями. Они сыграли блестяще свою роль потому, что пославшій ихъ Конвентъ «былъ проникнутъ дѣйствительно революціоннымъ духомъ и, самъ опираясь въ Парижѣ на народныя массы, на чернорабочую чернь, съ устраненіемъ либеральной буржуазіи, повелѣлъ всѣмъ своимъ проконсуламъ, командированнымъ въ провинцію, также опираться повсюду и всегда на эту самую народную чернь». Въ совершенно иномъ положеніи будутъ находиться эмиссары Гамбетты, и вотъ почему они потерпятъ еще болѣе постыдное фіаско, чѣмъ ихъ предшественники въ 1848 г. Въ 1793 г. не существовало еще разрыва между рабочимъ классомъ и буржуазіей; напротивъ, будучи въ дѣйствительности антагонистами, поскольку ихъ экономическіе интересы стояли въ непримиримомъ противорѣчіи, они чувствовали себя солидарными въ борьбѣ противъ силъ стараго режима.

«Вотъ что придавало великую силу революціоннымъ буржуа 1793 г. Они не только не боялись разнузданія народныхъ страстей, но даже всячески разжигали ихъ, какъ единственное средство спасенія отечества и себя самихъ отъ внутренней и внѣшней реакціи. Когда посланный Конвентомъ чрезвычайный комиссаръ прибывалъ въ какую-нибудь провинцію, онъ никогда не обращался къ мѣстнымъ именитымъ людямъ или къ революціонерамъ въ барскомъ платьѣ, а адресовался прямо къ санкюлотамъ, къ черному народу и, опираясь исключительно на него, проводилъ въ жизнь революціонные декреты Конвента противъ воли мѣстныхъ шишекъ и приличныхъ революціонеровъ. Ихъ работа заключалась, собственно говоря, не въ централизаціи или администраціи, а въ пробужденіи. Они являлись въ какую-нибудь мѣстность не для того, чтобы диктаторски навязывать волю Національнаго Конвента. Такъ поступали они лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и только тогда, когда они пріѣзжали въ рѣшительно и единодушно

враждебную и реакціонную мѣстность. Въ такихъ случаяхъ они являлись не одни, а въ сопровожденіи войскъ, которыя присоединяли свои штыковые аргументы къ ихъ гражданскому краснорѣчію. Но обыкновенно они являлись совершенно одни, безъ единаго солдата на помощь, и искали поддержки въ массахъ, инстинкты которыхъ всегда совпадали съ мыслями Конвента—не только они не стѣсняли свободы народныхъ движеній изъ опасенія анархіи, а, напротивъ, всячески ихъ вызывали; первое, что они обыкновенно дѣлали, это было открытіе народнаго клуба тамъ, гдѣ они не находили его на лицо,—сами будучи не на шутку революціонерами, они быстро распознавали въ массѣ истинныхъ революціонеровъ и соединялись съ ними для раздуванія революціи, анархіи, для внѣдренія чорта въ тѣло массъ и для революціонной организаціи этой народной анархіи. Эта революціонная организація была единственной администраціей и единственной исполнительной силой, которой пользовались чрезвычайные комиссары для революціонизированія и терроризированія страны. Въ этомъ заключался дѣйствительный секретъ мощи этихъ революціонныхъ гигантовъ, передъ которыми якобинцы-пигмеи нашихъ дней благоговѣютъ, не въ силахъ будучи съ ними сравняться» (II, 189—90).

А между тѣмъ, если бы буржуазные республиканцы 1870 г. посмѣли прибѣгнуть къ отчаяннымъ средствамъ, которыя подсказывались отчаяннымъ положеніемъ страны, если бы они явно стали на революціонный путь, они, по мнѣнію Бакунина, привлекли бы на свою сторону всѣ народы. «Они,—писалъ онъ до 4 сентября про буржуазныхъ республиканцевъ, не рѣшавшихся низвергнуть Имперію подъ предлогомъ патріотизма,—они явно предаютъ Францію внѣшнему врагу, потому что своимъ патріотическимъ воздержаніемъ они лишили ее колоссальной моральной поддержки,—вначалѣ только моральной, но нѣсколько позже весьма матеріальной. Если бы у нихъ хватило мужества провозгласить въ Парижѣ республику, симпатіи всѣхъ народовъ, итальянскаго, испанскаго, бельгійскаго, англійскаго и *даже нѣмецкаго* [1]), немедленно склонились бы на сторону Франціи. Всѣ, не исключая нѣмцевъ, массы нѣмецкихъ рабочихъ, приняли бы ея сторону противъ прусскаго нашествія. А такая моральная поддержка иностранныхъ націй что-нибудь да значитъ. Это прекрасно сознавали якобинцы 1793 г. и не сомнѣвались, что эта поддержка составляетъ, по меньшей мѣрѣ, половину ихъ силы. Революція немедленно охватила бы Италію, Испанію, Бельгію, *Германію* [1]),

---

[1]) Курсивъ Бакунина.

и прусскій король, въ еще большей степени безпокоимый съ тылу нѣмецкой революціей, чѣмъ французской арміей, очутился бы въ дѣйствительно плачевномъ положеніи. Но у незаконныхъ дѣтей Дантона не хватило смѣлости, и всѣ народы, оттолкнутые такой глупостью, трусостью и слабостью, испытываютъ по отношенію къ французской націи чувство жалости, смѣшанной съ презрѣніемъ» (II, 152—3).

Обычные регулярные методы, въ частности регулярная армія, не могутъ спасти Францію; спасти ее можетъ только широкое народное движеніе, общенародное возстаніе. «Всѣ серьезные и искренніе люди, желающіе спасенія Франціи, пришли къ тому убѣжденію, что Франція можетъ быть спасена только съ помощью стихійнаго возстанія, совершающагося помимо всякаго воздѣйствія и опеки со стороны администраціи, правительства и государства, какую бы форму это государство и это правительство ни имѣли». На буржуазію въ этомъ отношеніи разсчитывать не приходится, ждать избавленія можно только отъ народа. «Единственно что можетъ спасти Францію посреди страшной, смертельной опасности, внѣшней и внутренней, которая въ настоящее время ей угрожаетъ, *это—стихійное, могучее, страстно энергическое, анархическое, разрушительное и дикое возстаніе народныхъ массъ на всей территоріи Франціи»* [1]). Буржуазные республиканцы, боявшіеся такого движенія и сдерживавшіе его, погубили Францію, и если немедленно не вспыхнетъ анархическое возмущеніе, она окончательно погибнетъ (II, 152—3, 165, 200, 215).

Французское правительство, желавшее опираться только на регулярную армію вмѣсто того, чтобы обратиться къ живымъ силамъ народа, привело страну на край пропасти. «Несмотря на явный перевѣсъ непріятеля надъ обѣими французскими арміями, имѣлось бы вѣрное средство остановить врага и не позволить ему даже приблизиться къ стѣнамъ Парижа. Если бы было приведено въ исполненіе то, что парижскія газеты говорили въ первый моментъ отчаянія; если бы, сейчасъ же по полученіи въ Парижѣ извѣстій о французскихъ пораженіяхъ, вмѣсто того, чтобы вводить въ Парижѣ и во всѣхъ восточныхъ департаментахъ осадное положеніе, населеніе этихъ департаментовъ призвано было поголовно взяться за оружіе; если бы обѣ арміи превращены были не въ единственное средство спасенія, а въ двѣ точки опоры для колоссальной партизанской, охотничьей, а въ случаѣ нужды, и разбойничьей войны; если бы вооружили всѣхъ крестьянъ, всѣхъ рабочихъ, давши имъ косы за отсутствіемъ ружей; если бы обѣ арміи,

[1]) Курсивъ Бакунина.

отбросивъ въ сторону всякое военное чванство, установили для взаимной поддержки братскую связь съ безчисленными отрядами вольныхъ стрѣлковъ, которые поднялись бы на призывъ Парижа,—тогда, даже безъ поддержки остальной Франціи, Парижъ былъ бы спасенъ или, по крайней мѣрѣ, непріятель былъ бы остановленъ на срокъ достаточно долгій для того, чтобы дать революціонному правительству возможность организовать могучія силы» (II, 164).

Этого въ свое время сдѣлано не было, и нѣмцы могли безпрепятственно развернуться и разгромить регулярныя войска Франціи. Послѣ этого, по словамъ Бакунина, стало ясно, что Франція можетъ быть спасена только непосредственнымъ выступленіемъ народа, свободно организующагося снизу вверхъ для «разрушительной войны, для дикой войны на ножахъ». Такая война можетъ разсчитывать, по мнѣнію Бакунина, на вѣрный успѣхъ. «Когда нація, состоящая изъ тридцати восьми милліоновъ человѣкъ,—говоритъ онъ,—встаетъ для самозащиты съ твердымъ рѣшеніемъ скорѣе все разрушить и дать себя уничтожить вмѣстѣ со своимъ добромъ, чѣмъ пойти подъ ярмо, нѣтъ той арміи въ мірѣ, какъ бы мудро она ни была организована и какимъ бы необыкновеннымъ и новымъ вооруженіемъ она ни была снабжена, которая могла бы такую страну покорить».

Весь вопросъ въ томъ, способенъ ли французскій народъ на такое выступленіе. И Бакунинъ былъ вначалѣ увѣренъ, что способенъ. Во главѣ такого движенія долженъ былъ, по его мнѣнію, стать рабочій классъ, какъ болѣе сознательная и организованная сила, и попытаться увлечь за собою крестьянскую массу, безъ активной поддержки которой движеніе было бы обречено на неудачу. Возможно ли это? Бакунинъ думалъ, что да.

Буржуазные республиканцы изъ школы Гамбетты проповѣдовали объединеніе пролетаріата съ буржуазіей въ общемъ патріотическомъ порывѣ. Бакунинъ считаетъ такое сліяніе нежелательнымъ и ни къ чему не ведущимъ. Но зато онъ съ тѣмъ большимъ жаромъ высказывался за тѣсное сплоченіе въ общемъ дѣлѣ городского простонародья съ деревенскимъ, рабочихъ съ крестьянами. Для того, чтобы крестьяне пошли за рабочими, послѣдніе должны своими дѣйствіями разсѣять тѣ предразсудки, которые вѣками воспитывались въ крестьянствѣ, при услужливомъ содѣйствіи чиновниковъ, помѣщиковъ и духовенства, противъ горожанъ вообще и противъ рабочихъ въ частности. Рабочіе должны убѣдить крестьянъ въ томъ, что они и не думаютъ навязывать имъ какія-либо формы жизни, для крестьянъ нежелательныя, въ частности, не намѣрены насильственно навязывать имъ ре-

волюцію. Вмѣсто того, чтобы навязывать имъ ее, они должны побуждать крестьянъ къ самостоятельному выступленію въ своихъ собственныхъ интересахъ и доказывать это не словами, а актами. «Для этого,—говоритъ Бакунинъ,—существуетъ одно только средство, а именно говорить крестьянамъ и энергично толкать ихъ *въ сторону ихъ собственныхъ инстинктовъ* [1]). Они любятъ землю, пусть заберутъ всю землю и выгонятъ оттуда всѣхъ собственниковъ, обрабатывающихъ ее чужимъ трудомъ. У нихъ нѣтъ никакой охоты платить гипотеки и налоги. Пусть не платятъ ихъ. Пусть тѣ изъ нихъ, которые не хотятъ платить своихъ частныхъ долговъ, не принуждаются къ ихъ платежу. Наконецъ, они терпѣть не могутъ рекрутчины, пусть ихъ не заставляютъ итти въ солдаты» [2]).

Но кто же въ такомъ случаѣ станетъ сражаться съ пруссаками?—спрашиваетъ Бакунинъ и отвѣчаетъ: «Не безпокойтесь! Когда крестьяне живо почувствуютъ, когда они, такъ сказать, осязательно ощутятъ всѣ выгоды революціи, они для ея защиты дадутъ больше денегъ и людей, чѣмъ въ состояніи была бы выжать изъ нихъ регулярная, даже усиленная дѣятельность государства. Крестьяне сдѣлаютъ съ пруссаками то, что сдѣлали съ ними въ 1792 г.».

Но это будетъ гражданская война? А въ такомъ случаѣ развѣ внутренніе раздоры не ослабятъ силы сопротивленія Франціи и не выдадутъ ее головой пруссакамъ?

Ничуть не бывало,—увѣренно отвѣчаетъ Бакунинъ. «Исторія доказываетъ, что никогда націи не чувствовали себя такими сильными во-внѣ, какъ тогда, когда онѣ чувствовали себя глубоко взволнованными и взбудораженными внутри, и что, напротивъ, никогда онѣ не были такъ слабы, какъ тогда, когда казались объединенными подъ какой-либо властью или въ какомъ-либо стройномъ порядкѣ. Въ сущности нѣтъ ничего болѣе естественнаго, ибо борьба—это жизнь, а жизнь—это сила. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вамъ (французамъ) достаточно сравнить двѣ или даже четыре эпохи вашей исторіи: во-первыхъ, Францію, вышедшую изъ Фронды и развитую, закаленную борьбою Фронды въ молодые годы Людовика XIV, съ Франціей подъ его старость, съ монархіей, прочно установленной, объединенной, замиренной великимъ королемъ,—при чемъ первая блистала побѣдами, а вторая черезъ

---

[1]) Курсивъ Бакунина.

[2]) Въ «Кнуто-Германской Имперіи» Бакунинъ подробно развиваетъ программу дѣйствій, необходимыхъ, по его мнѣнію, для увлеченія деревни за передовыми элементами города, но мы не будемъ здѣсь останавливаться на рекомендуемой имъ «пропагандѣ фактами».

сплошной рядъ пораженій шла къ крушенію. Точно такъ же сравните Францію 1792 г. съ нынѣшней Франціей. Въ 1792 г. и 1793 г. Франція въ буквальномъ смыслѣ была раздираема гражданской войной; движеніе, борьба, борьба на жизнь и на смерть представляла общее явленіе на всѣхъ пунктахъ республики. И тѣмъ не менѣе Франція побѣдоносно отразила нашествіе почти всѣхъ европейскихъ странъ. Въ 1870 г. Франція, объединенная и примиренная съ Имперіей, разбита германскими арміями и оказывается настолько деморализованной, что приходится опасаться за ея существованіе» («Письмо къ французу», II, 231—248).

Какъ извѣстно, призывы Бакунина не возымѣли дѣйствія, а ожиданія его не осуществились. Французскій пролетаріатъ не нашелъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы захватить руководство національной обороной въ свои руки, а тѣмъ болѣе для того, чтобы, по совѣту Бакунина, «возжечь революціонный пожаръ во всей Европѣ» (II, 234). И Бакунинъ принужденъ былъ покинуть Францію, куда онъ «понесъ свои старыя кости и гдѣ намѣревался сыграть свою послѣднюю игру» (Письмо къ Адольфу Фохту отъ 6 сентября 1870 г.), съ глубокимъ отчаяніемъ въ душѣ. Разочарованіе его было такъ велико, что онъ уже впослѣдствіи не вѣрилъ въ успѣхъ парижской Коммуны и, восторгаясь героизмомъ и рѣшительностью парижанъ, готовъ былъ все же удерживать своихъ друзей отъ необдуманнаго участія въ возстаніи коммунаровъ. Бисмаркъ, который, на взглядъ Бакунина, символизировалъ насильническую политику германскаго имперіализма, одержалъ побѣду, война привела къ установленію германской гегемоніи въ Европѣ, и Бакунину оставалось только писать «патологическіе эскизы» современной Франціи и современной Европы.

V.

Но значитъ ли это, что, по мнѣнію Бакунина, царствію германскаго имперіализма или, какъ выражался Бакунинъ, нѣмецкаго пангерманизма не будетъ конца? Отнюдь нѣтъ. Насколько можно сдѣлать опредѣленный выводъ изъ отрывочныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ по этому поводу въ различныхъ его сочиненіяхъ, Бакунинъ полагалъ, что рѣшительный ударъ пангерманизму будетъ нанесенъ славянствомъ, которое на протяженіи всей своей исторіи всегда служило главнымъ объектомъ культуртрегерскаго воздѣйствія со стороны германцевъ. Правда, Бакунинъ врядъ ли предвидѣлъ тогда, въ какую форму выльются

отношенія Франціи и Россіи, ибо Россія была въ то время вѣрной союзницей Пруссіи и помогла ей разгромить Францію[1]). Еще меньше могъ Бакунинъ предвидѣть ту роль, которую суждено сыграть въ грядущемъ конфликтѣ Англіи, хотя, какъ мы увидимъ ниже, у него встрѣчаются въ этомъ отношеніи отдѣльные намеки, показывающіе, что онъ смутно предугадывалъ неизбѣжное столкновеніе царицы морей съ новой міровой державой, также поставившей себѣ задачей пріобрѣтеніе преобладающаго вліянія на водахъ. Во всякомъ случаѣ, взгляды, которые намѣчены по этимъ вопросамъ въ сочиненіяхъ Бакунина, свидѣтельствуютъ о томъ, что, при всей своей склонности къ утопіямъ и построенію воздушныхъ замковъ, Бакунинъ отличался трезвымъ пониманіемъ реальныхъ политическихъ отношеній, а во многихъ отношеніяхъ и большой прозорливостью.

Славянская жилка всегда сильно билась въ Бакунинѣ. Онъ, конечно, не былъ панславистомъ въ томъ смыслѣ, какой это слово получило въ обычномъ употребленіи, и не только не мечталъ объ объединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ подъ скипетромъ державы Россійской, но, напротивъ, постоянно и рѣшительно боролся съ этой тенденціей. Бакунинъ мечталъ о вольной всеславянской федераціи, построенной на принципахъ полной свободы, а впослѣдствіи и анархіи. Но это не мѣшало тому, что по отношенію къ нѣмцамъ онъ чувствовалъ себя какъ славянинъ, а его непримиримая вражда къ германской націи, какъ мы видѣли, въ значительной, если не въ главной, степени объяснялась ея историческою ролью въ дѣлѣ завоеванія и германизаціи славянскихъ народовъ. И въ письмѣ отъ 1862 г. онъ чувствуетъ, какъ славянинъ, когда пишетъ: «Германія—нашъ естественный врагъ, а австрійское королевство есть отвратительное исчадіе нѣмецкой жизни». Все политическое могущество Пруссіи основано на разрушеніи Польши: «это могущество въ дѣйствительности начинается со времени раздѣла Рѣчи Посполитой и завоеванія Силезіи, провинціи, нѣкогда чисто польской, да и въ настоящее время еще польской въ весьма значительной части. Не мѣшаетъ помнить объ этомъ происхожденіи прусскаго могущества, которое, подобно року, тяготѣетъ и всегда будетъ тяготѣть надъ нимъ, а также надъ германскимъ могуществомъ, поскольку оно будетъ прусскимъ» (IV, 482—3). Да и вообще вся Пруссія, часть Саксонскаго королевства и главная часть Австрійской имперіи

---

[1]) Марксъ, впрочемъ, предвидѣлъ уже въ то время, что результатомъ франко-прусской войны будетъ союзъ между Россіей и Франціей, направленный противъ Германіи.

образовались благодаря завоеванію славянской и итальянской расъ нѣмецкой (V, 247).

Но менѣе всего Бакунинъ ждалъ освобожденія славянъ отъ тогдашней офиціальной россійской государственности. Напротивъ, онъ (подобно Герцену) признавалъ ее лишь «филіальнымъ отдѣленіемъ Германской имперіи» (III, 16) и старался предостеречь славянъ отъ надеждъ на нее. Она, по словамъ Бакунина, представляетъ «не что иное, какъ... враждебную славянамъ нѣмецко-татарскую централизацію». Именно раздѣлъ Польши тѣснѣйшимъ образомъ связалъ и соподчинилъ русскую и прусскую политику. Пруссія и Россія «не могутъ воевать другъ съ другомъ, не предоставивъ свободы доставшимся на ихъ долю польскимъ областямъ, что одинаково невозможно для нихъ обѣихъ». Но не слѣдуетъ думать, что здѣсь имѣется какая-то особая взаимная симпатія. «Не слѣдуетъ воображать, что русскіе, даже изъ офиціальныхъ круговъ, любятъ пруссаковъ, а послѣдніе обожаютъ русскихъ. Напротивъ, они другъ друга терпѣть не могутъ». Но они связаны общей политикой по отношенію къ Польшѣ, и симпатія ихъ имѣетъ чисто дипломатическій характеръ.

Правда, на горизонтѣ этой безоблачной дружбы Бакунинъ усматриваетъ черную точку: это вопросъ о Прибалтійскихъ провинціяхъ. Эти провинціи, по мнѣнію Бакунина, ни русскія, ни нѣмецкія: онѣ—латышскія или финскія, при чемъ на его взглядъ лучшимъ исходомъ для нихъ было бы вступленіе ихъ вмѣстѣ съ Финляндіей на федеративныхъ началахъ въ Скандинавскую федерацію, обнимающую Швецію, Норвегію, Данію и датскую часть Шлезвига. «Это было бы справедливо, это было бы естественно, и этихъ двухъ основаній достаточно для того, чтобы такое рѣшеніе не нравилось нѣмцамъ. *Оно положило бы, наконецъ, спасительную границу ихъ честолюбивымъ морскимъ замысламъ»* (курсивъ мой). Но нѣмцамъ эти провинціи какъ разъ нужны для упроченія ихъ господства на Балтійскомъ морѣ, и Бакунинъ убѣжденъ, что въ глубинѣ души Бисмаркъ мечтаетъ рано или поздно овладѣть ими такъ или иначе.

Но *пока* этотъ вопросъ еще не въ силахъ оторвать Пруссію отъ Россіи, ибо онѣ слишкомъ нуждаются одна въ другой. «Пруссія, которая *отнынѣ не сможетъ имѣть въ Европѣ ни одного союзника кромѣ Россіи*[1]), такъ какъ всѣ остальныя государства, *не исключая и Англіи*, чувствуя въ ея честолюбіи, которое вскорѣ не будетъ знать границъ, угрозу для себя, *обращаются или*

---

[1]) Въ то время трудно было предвидѣть союзъ Пруссіи съ Австріей, которая послѣ войны 1866 г. относилась къ своей сосѣдкѣ крайне враждебно.

рано или поздно обратятся противъ нея,—итакъ, Пруссія постережется поднимать въ настоящее время такой вопросъ, который способенъ былъ бы поссорить ее съ ея единственнымъ другомъ, съ Россіей». Пруссія будетъ нуждаться, если не въ помощи, то, по крайней мѣрѣ, въ нейтралитетѣ Россіи до тѣхъ поръ, пока ей не удастся совершенно сломить, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на 20 могущество Франціи, разрушить Австрійскую имперію и поглотить нѣмецкую Швейцарію, *часть Бельгіи, Голландію* и всю Данію, такъ какъ *обладаніе обѣими послѣдними странами ей необходимо для созданія и упроченія своей морской мощи.* Все это будетъ необходимымъ послѣдствіемъ ея побѣды надъ Франціей.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ на осуществленіе этой программы потребуются годы, и въ продолженіе всего этого времени Пруссія болѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ нуждаться въ содѣйствіи Россіи. «Ибо слѣдуетъ предположить, что *остальная Европа,* при всей обнаруживаемой ею низости и глупости, въ концѣ концовъ *все-таки проснется,* когда почувствуетъ ножъ у своего горла, и не дастъ безъ сопротивленія и боя приготовить себя подъ прусско-германскимъ соусомъ. Одна Пруссія, даже торжествующая, даже раздавившая Францію, будетъ слишкомъ слаба для борьбы со всѣми объединенными государствами Европы. *Если и Россія обратится противъ нея, она погибла»* (II, 392—396).

Неизбѣжно ли это столкновеніе Россіи съ Германіей? Повидимому, Бакунинъ считалъ его неотвратимымъ, хотя ему хотѣлось бы, чтобы во главѣ общеславянскаго движенія противъ насильственно навязываемой славянамъ нѣмецкой культуры стала не Россія историческая, а Россія, предносившаяся умственному взору Бакунина, мечтавшаго о красномъ стягѣ вольной славянской федераціи, организованной на безгосударственно-федеративныхъ началахъ. Такъ или иначе, но, по мнѣнію Бакунина, осуществленіе пангерманскаго идеала исторически наталкивалось на три препятствія: на соперничество двухъ величайшихъ германскихъ государствъ, Пруссіи и Австріи, на могущество Франціи, ревниво слѣдившей за усиленіемъ своей зарейнской сосѣдки, и наконецъ на угрожающую силу Всероссійской Имперіи, выступавшей въ роли покровительницы славянскихъ народовъ и защитницы ихъ отъ нашествія нѣмецкой цивилизаціи.

Первыя два препятствія, если не цѣликомъ, то въ значительной части, устранены двумя войнами, изъ которыхъ Пруссія вышла побѣдительницей. Остается Россія, съ которой германскому имперіализму придется рано или поздно посчитаться. Но когда? Въ этомъ весь вопросъ.

Здѣсь въ германскихъ сферахъ намѣчаются, по мнѣнію Ба-

кунина, двѣ тенденціи. Внѣшне онѣ какъ бы непримиримо враждебны, но по существу онѣ, какъ утверждаетъ Бакунинъ, представляютъ двѣ стороны одной и той же медали. Одна изъ нихъ воплощается въ Бисмаркѣ, другая—risum teneatis, amici!—въ Карлѣ Марксѣ. Тотъ и другой одинаково пангерманисты, тотъ и другой одинаково презираютъ славянъ и желаютъ насильственно ихъ германизировать, тотъ и другой одинаково ненавидятъ Россію, какъ главную помѣху на пути къ реализаціи пангерманскаго идеала. Но въ то время, какъ Бисмаркъ старается временно сохранить съ офиціальной Россіей дружескія отношенія и использовать союзъ съ нею въ цѣляхъ усиленія Пруссіи, Марксъ, подъ предлогомъ защиты демократіи отъ опасности, угрожающей ей съ востока, проповѣдуетъ противъ Россійской Имперіи крестовый походъ всей Европы.

«Въ отличіе отъ Маркса, Бисмаркъ остерегается оскорблять и провоцировать царя. Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ будетъ еще въ немъ нуждаться, а потому не только не станетъ его оскорблять, но напротивъ льститъ ему и величаетъ себя его другомъ. Но въ политикѣ дружба не значитъ ровно ничего, а Бисмаркъ знаетъ не хуже Маркса, что часъ великой борьбы между пангерманизмомъ, представляемымъ Пруссіей или всею опрусаченной Германіей, и панславизмомъ, олицетворяющимся въ царѣ, рано или поздно пробьетъ».

Но для этого нужно прежде всего разъ навсегда раздѣлаться съ Франціей. Вѣдь Франція, хоть и побѣждена и тяжело изранена, все-таки окончательно не убита. Она никогда не проститъ Германіи нанесенной ей обиды и рано или поздно возьметъ *реваншъ*[1]. Послѣдній можетъ вылиться въ двоякую форму: или Франція возьметъ на себя иниціативу соціальной революціи, которая приведетъ къ одновременному крушенію обоихъ государствъ и Франціи, и Германіи (какъ извѣстно, эта надежда Бакунина не осуществилась), или же произойдетъ «борьба на жизнь и на смерть между обоими государствами, поединокъ между Республикой и Имперіей».

Бисмаркъ прекрасно это понимаетъ, и вотъ почему онъ нуждается еще въ помощи Россіи и пока направляетъ всѣ свои вооруженія почти исключительно противъ Франціи. «Но, какъ я уже сказалъ, въ его умѣ, какъ и въ головѣ Маркса, война на жизнь и на смерть между германскимъ императоромъ и царемъ, разразится ли она раньше или позже, есть вещь, неизбѣжность коей сознается и осуществленіе коей рѣшено». Но предвари-

[1]) Курсивъ мой.

тельно Бисмаркъ, какъ политикъ болѣе тонкій, чѣмъ Марксъ, хочетъ окончательно расправиться съ Франціей, чтобы имѣть свободными руки для войны съ Россіей, ибо «онъ прекрасно понимаетъ, что *если Германія*, объединенная въ его рукахъ, *должна будетъ одновременно воевать и съ Россіей, и съ Франціей, она легко сможетъ потерпѣть пораженіе*»[1]). И больше всего Бисмаркъ боится, чтобы русское правительство не разгадало его замысловъ и не вздумало обратиться противъ него, когда онъ задумаетъ напасть на Францію (что и случилось въ 1875 г., т.-е. очень скоро послѣ того, какъ были написаны Бакунинымъ эти строки).

Вотъ почему Бисмаркъ до поры до времени прикидывается другомъ Россіи и заигрываетъ съ нею, суля ей, въ награду за нейтралитетъ и за дружбу, территоріальное приращеніе насчетъ Турціи или Австріи. Въ дѣйствительности, поскольку отъ него это будетъ зависѣть, онъ не дастъ ей ничего или какъ можно меньше. Онъ уже по тому одному не будетъ способствовать ея усиленію, что предвидитъ въ будущемъ неизбѣжное столкновеніе между нею и своимъ отечествомъ. Въ концѣ-концовъ ему придется примириться съ нѣкоторыми ея пріобрѣтеніями, но онъ утѣшаетъ себя тою мыслью, что, во-первыхъ, пріобрѣтенія Германіи за это время будутъ еще обширнѣе, а, во-вторыхъ, въ виду превосходства нѣмецкаго управленія и администраціи, въ конечномъ счетѣ могущество Германіи возрастетъ быстрѣе могущества Россіи, такъ что въ рѣшительный моментъ, когда дѣло дойдетъ до конфликта, и Россія окажется единственнымъ противникомъ, Германіи нетрудно будетъ ее разбить и раздавить.

Другой политики у Бисмарка, по словамъ Бакунина, и быть не можетъ: онъ великолѣпно учелъ всѣ основные факторы успѣха и дѣйствуетъ, строго сообразуясь съ реальнымъ положеніемъ вещей. Въ сравненіи съ нимъ Марксъ, проповѣдующій войну съ Россіей безъ соображенія съ условіями мѣста и времени, не является реальнымъ политикомъ. Онъ слишкомъ предвосхищаетъ событія. «Политика Бисмарка,—формулируетъ Бакунинъ свою мысль,—есть политика настоящаго; политика Маркса... это политика будущаго». (Отрывокъ изъ «Кнуто-Германской Имперіи», т. IV, стр. 465—472)[2]).

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Правда, ихъ раздѣляетъ вопросъ объ образѣ правленія: Бисмаркъ—монархистъ и аристократъ до мозга костей, Марксъ же—демократъ, республиканецъ и соціалистъ. Но роднитъ и объединяетъ ихъ присущій обоимъ культъ государства и пангерманскій идеалъ (тамъ же и passim).

Дальше Бакунинъ вдается въ критику государственности и соціалъ-демократизма съ анархической точки зрѣнія; но въ данномъ случаѣ насъ это не интересуетъ. Одно обстоятельство мы, впрочемъ, здѣсь отмѣтимъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что наблюденія надъ франко-прусской войной и связанными съ нею политическими явленіями привели Бакунина къ мысли, что германскій имперіализмъ, въ процессѣ своего неудержимаго роста и расширенія, благодаря своему безостановочному Drang nach Osten и стремленію къ подчиненію славянскихъ народовъ, неизбѣжно натолкнется на Россію, война съ которой, по убѣжденію Бакунина, уже тогда, т.-е. въ моментъ тѣсной дружбы обѣихъ имперій, была предрѣшена въ умахъ нѣмецкихъ правящихъ сферъ. Кромѣ того, Бакунинъ допускалъ, что въ этомъ конфликтѣ Германія будетъ имѣть противъ себя и Францію, а, можетъ быть, и Англію (вспомнимъ, что онъ говоритъ о стремленіи германскаго имперіализма къ захвату Голландіи и Бельгіи). Правда, послѣднее предположеніе выражено у Бакунина въ слишкомъ неопредѣленной формѣ. Но вѣдь нельзя же требовать отъ публицистовъ и политиковъ дара пророческой прозорливости, предусматривающей грядущее до мельчайшихъ деталей. Какъ бы ни относиться къ оцѣнкамъ и даже къ исходнымъ пунктамъ Бакунина, нельзя все же отрицать, что многое было имъ подмѣчено вѣрно, хотя, по свойственной ему манерѣ, формулировано въ слишкомъ преувеличенной, рѣзкой и односторонней формѣ.

Основнымъ недостаткомъ Бакунина въ анализѣ этихъ вопросовъ являются примѣняемые имъ методологическіе пріемы. Бакунинъ сплошь и рядомъ не исходитъ изъ анализа реальныхъ интересовъ и естественной эволюціи общественныхъ классовъ и группъ, а оперируетъ чисто абстрактными понятіями, въ родѣ національнаго духа, расовыхъ идеаловъ и т. п. Но это вопросъ совершенно особаго порядка, вопросъ, надъ которымъ не мѣсто здѣсь останавливаться.

Ю. Стекловъ.

Стремясь свалить въ одну кучу тенденціи Маркса и Бисмарка (вѣроятно, больше по соображеніямъ полемическимъ, чѣмъ объективнымъ), Бакунинъ каждый разъ наталкивается на одинъ существенный пунктъ, грозящій въ сильнѣйшей степени подорвать его аргументацію: это вопросъ объ отношеніи къ Польшѣ. Бакунинъ неоднократно доказывалъ, что порабощеніе польскихъ провинцій составляетъ основу прусскаго могущества, а освобожденіе Польши рѣшительно противорѣчитъ идеаламъ пангерманизма. Между тѣмъ, Марксъ, котораго Бакунинъ старается выдать за пангерманиста, всегда стоялъ за возстановленіе Польши. Дойдя до этого пункта, Бакунинъ обыкновенно обѣщаетъ читателю впослѣдствіи объяснить это важное противорѣчіе, но ему такъ и не пришлось выполнить свое обѣщаніе. Видимо, онъ чувствовалъ въ данномъ пунктѣ непоправимую слабость своей позиціи.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири[1]).

III.

Жизнь Петрашевскаго въ селѣ Шушенскомъ, Минусинскаго округа, и въ Красноярскѣ.

7 марта 1860 г. Петрашевскій былъ отправленъ изъ Красноярска, а 14 марта енисейскій губернаторъ Падалка извѣстилъ Корсакова, что мѣстомъ жительства Петрашевскому онъ назначилъ село Шушенское, Минусинскаго округа, куда онъ и былъ доставленъ сотникомъ Разгильдѣевымъ 10 марта. Разгильдѣевъ съ своей стороны донесъ Корсакову, что Петрашевскій 4 марта былъ привезенъ имъ въ Красноярскъ (гдѣ, вслѣдствіе «нѣсколько болѣзненнаго состоянія» Петрашевскаго, губернаторъ оставилъ его тамъ на трое сутокъ), а затѣмъ въ селѣ Шушенскомъ онъ сдалъ его засѣдателю подъ квитанцію[2]).

Возвратившись изъ-за границы, Муравьевъ написалъ Корсакову: «Ты очень хорошо сдѣлалъ, что выслалъ Петрашевскаго за новые его подвиги». По поводу этой высылки въ «Колоколѣ» появилась замѣтка о «тиранствѣ сибирскаго Муравьева». «Колоколъ» предлагалъ поклонникамъ Муравьева, «если можно объяснить *человѣчески*,—почему *по отъѣздѣ* Муравьева Петрашевскій былъ схваченъ и сосланъ» какъ поселенецъ «за Красноярскъ»... Неужели у гр. *Амурскаго* столько *ненависти*? Неужели прогрессивный генералъ-губернаторъ не понимаетъ, что вообще тѣснить сосланныхъ гнусно, но тѣснить политическихъ сосланныхъ временъ Николая, т.-е. невинныхъ,—преступно? Если же онъ не можетъ съ нимъ ужиться, то благороднѣе было бы, кажется

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1 и 3.

[2]) Село Шушенское, на р. Енисеѣ, Минусинскаго округа, въ 55 верстахъ отъ Минусинска; въ немъ было тогда 175 дворовъ, церковь, богодѣльня, волостное правленіе, жителей числилось 679 душъ муж. пола и 691 женскаго. По воскреснымъ днямъ въ селѣ былъ базаръ. «Енисейская губернія. Списки населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года». Изд. Центр. Стат.-Ком., С.-Пб., 1864 г., стр. 48.

намъ, просить о переводѣ Петрашевскаго въ Западную Сибирь, на Кавказъ или куда нибудь[1]).

9 мая 1860 г., Петрашевскій послалъ прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ. Къ приведенному уже изъ него разсказу о высылкѣ изъ Иркутска онъ добавлялъ, что эта высылка была предрѣшена участниками дуэли еще до возвращенія въ Иркутскъ Муравьева, что исполнителемъ этого рѣшенія долженъ былъ быть Корсаковъ, «разумѣется не безъ душевнаго и сердечнаго его на то согласія», и что предполагали даже отправить его въ Туруханскъ. Петрашевскій указывалъ на то, что формальнаго объявленія о дѣйствительныхъ, а не вымышленныхъ причинахъ его высылки ему даже не было сдѣлано, и онъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ истребовать объясненія причинъ его «насильственнаго и тайнаго увоза изъ Иркутска въ Шушу» и сообщить ему копію съ этого объясненія, чтобы дать ему возможность опровергнуть взводимую на него клевету. Далѣе Петрашевскій вполнѣ основательно жаловался на нарушеніе правила, установленнаго въ примѣчаніи къ ст. 805 т. XIV Св. Зак. (см. выше), на основаніи котораго Корсаковъ долженъ былъ сдѣлать предварительно представленіе о переселеніи его, Петрашевскаго, министру внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ Петрашевскій говоритъ, что «именнымъ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 26 авг. 1856 г. вмѣстѣ съ освобожденіемъ» его «на поселеніе изъ каторжной работы» ему «предоставлено было право самому избрать мѣсто жительства», и имъ было сдѣлано заявленіе о такомъ выборѣ. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что выселеніе его изъ избраннаго имъ мѣста жительства могло послѣдовать или на основаніи новаго высочайшаго повелѣнія, или по суду, и потому обвиняетъ Корсакова въ нарушеніи повелѣнія государя. Распоряженіе Корсакова онъ считаетъ «не актомъ законной власти, но *дѣломъ личнаго произвола, самоуправства, простымъ физическимъ насиліемъ*»[2]), за которое онъ долженъ подлежать отвѣтственности. Петрашевскій жаловался и на тѣ матеріальныя потери и разстройства въ дѣлахъ, которыя причинило ему столь поспѣшное отправленіе, что ему не дали «*даже и часу времени*[2]) на приготовленіе. «Такія перемѣщенія могутъ казаться нормальнымъ явленіемъ даже у насъ въ Россіи только *присяжнымъ курьерамъ*[2]) или при воззрѣніи на всѣ гражданскія и экономическія отношенія съ *курьерской* точки зрѣнія»[3]). По слухамъ, дошедшимъ до него въ Минусинскъ,

---

[1]) «Колоколъ», 1 октября 1860 г. № 82, стр. 688.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Это былъ намекъ на Корсаквоа, который въ первой половинѣ 1850-хъ годовъ ѣздилъ въ Петербургъ съ донесеніями Муравьева. Намекъ Петрашевскаго былъ извѣстенъ Корсакову и возбудилъ въ немъ еще

Петрашевскій объясняетъ поспѣшность и таинственность его увоза изъ Иркутска распространившимися тамъ слухами: 1) что на-дняхъ должна была прибыть коммиссія для производства новаго слѣдствія «объ умерщвленіи Неклюдова», дѣла, о которомъ онъ собиралъ свѣдѣнія съ самаго начала и относительно котораго могъ дать непріятныя для мѣстной власти показанія, и 2) что скоро должна прибыть слѣдственная комиссія для ревизіи управленія Восточной Сибири за послѣднія 10 лѣтъ съ спеціальнымъ порученіемъ разсмотрѣть дѣла, связанныя съ пріобрѣтеніемъ Амура и его заселеніемъ, и что это (будто бы) имѣло нѣкоторое вліяніе на его удаленіе, такъ какъ его мнѣніе о многихъ административныхъ мѣрахъ было «слишкомъ извѣстно» и онъ не скрывалъ его и отъ самого графа Амурскаго. «Эти слухи могутъ быть и невѣрны», признаетъ Петрашевскій, но, по его мнѣнію, въ нихъ выражается гласъ народа, который можетъ иногда указывать правителямъ и правительствамъ, «разумѣется, только тамъ, гдѣ нѣтъ парламентовъ», что именно имъ слѣдуетъ дѣлать.

Петрашевскій утверждаетъ, что удаленіе его изъ Иркутска было слѣдствіемъ личной вражды и ненависти тѣхъ, о злоупотребленіяхъ которыхъ онъ дерзнулъ упомянуть въ своей жалобѣ, и что лицо, удалившее его изъ Иркутска, «было покорнымъ орудіемъ ихъ страстей, страховъ и ихъ кичливаго произвола». Онъ говоритъ, что иркутская администрація могла считать себя потрясенною сущностью его прошенія объ отводѣ и удаленіи отъ должности Молчанова, такъ какъ этимъ «юридически обусловливалось удаленіе отъ должностей и прочихъ соучастниковъ»

большую ненависть къ преслѣдуемому имъ политическому ссыльному. Въ письмѣ къ сестрѣ (1862 г.) Петрашевскій называетъ Корсакова «глупышъ-курьеръ», въ письмѣ къ Демору (1860 г.) говоритъ: «сей курьеръ глупъ какъ пробка». Онъ называлъ его также «почтовою лошадью», и сестра Петрашевскаго разсказываетъ, что, когда однажды она явилась къ Корсакову просить за брата, тотъ не постыдился сказать ей: «Вы просите дать хорошій отзывъ о Петрашевскомъ. Ну, такъ знайте, я ему припомню почтовую лошадь. Никогда онъ не услышитъ отъ меня хорошаго отзыва» («Рус. Стар.» 1901 г., № 2, стр. 494). Имбергъ писалъ Завалишину изъ Москвы (въ 1859 г.): «Главныя заслуги приближенныхъ къ Муравьеву людей заключаются въ родствѣ съ Муравьевымъ... и въ курьерскихъ поѣздкахъ, доставляющихъ нѣкоторымъ случай на казенный счетъ ежегодно видѣться съ родными: это считается самою важною службою. Корсаковъ, этотъ знаменитый генералъ-отъ-курьеровъ, впрочемъ, ни на что болѣе и не способный, курьеромъ доѣхалъ до губернаторства и атаманства Забайкальской области». Въ письмѣ къ Завалишину 18 апрѣля 1883 г. Н. М. Ядринцевъ пишетъ: «Что такое былъ Корсаковъ? Фельдъегерь-администраторъ (Щукинъ, X, 223—224, 274). Недостатокъ образованія и полная посредственность Корсакова засвидѣтельствованы и Венюковымъ въ его книгѣ «Изъ воспоминаній», 1832—67. Амстердамъ. 1895 г. Стр. 265—266. О служебныхъ заслугахъ Корсакова (съ точки зрѣнія его начальства) см. его біографію въ «Рус. Біограф. Словарѣ».

этого дѣла, какъ напримѣръ Беклемишева, секундантовъ Анненкова и Гурьева, полицмейстера Сухотина, губернатора Извольскаго и другихъ.

Наконецъ, Петрашевскій въ своей жалобѣ говоритъ, что онъ никогда въ Иркутскѣ «буйствъ и безчинствъ не дѣлалъ», и что это не откажутся письменно и формально засвидѣтельствовать «многіе изъ иркутскихъ обывателей, чиновниковъ и даже полицейскія власти»; слѣдовательно, его пребываніе въ Иркутскѣ «ни въ какомъ случаѣ нельзя считать опаснымъ для общественнаго спокойствія... Не могу думать», язвительно прибавлялъ онъ, «чтобы именно разореніе чрезъ удаленіе изъ Иркутска или мое небытіе въ немъ было необходимымъ условіемъ или залогомъ преуспѣянія административныхъ дѣлъ въ Иркутскѣ, для удачи дипломатической въ сношеніяхъ съ Японіей или Китаемъ, для того, чтобы изобличенная г. Завалишинымъ ложь стала для кого нибудь истиной». Петрашевскій просилъ министра внутреннихъ дѣлъ удаленіе его изъ Иркутска, какъ противозаконное, отмѣнить и дозволить ему возвратиться туда для окончанія его тяжебныхъ и исковыхъ дѣлъ[1]). Кромѣ самого Петрашевскаго и его повѣренные подавали жалобы въ сенатъ и министру внутреннихъ дѣлъ.

Муравьевъ былъ очень раздраженъ этими жалобами. Извѣщая 13 сентября 1860 г. Ланского о полученіи пересланныхъ ему документовъ, онъ прибавляетъ: «Я въ то же время получилъ отъ Петрашевскаго еще двѣ просьбы» и нашелъ ихъ «наполненными въ высшей степени, даже до дерзости, поносительными и укорительными словами, съ прибавленіемъ притомъ много лишняго и посторонняго, не идущаго къ дѣлу», почему и «возвратилъ ихъ съ надписью просителю». Черезъ нѣсколько дней въ письмѣ къ Корсакову Муравьевъ писалъ: «До того дошло, что» Завалишина и Петрашевскаго «боятся... Въ Минусинскѣ я перемѣнилъ окружнаго начальника и назначилъ такого, который бы не боялся Петрашевскаго: а все оттого, что они стращаютъ доносами своими въ Петербургъ».

Получивъ извѣстіе о высылкѣ Мих. Васильевича изъ Иркутска (повидимому не отъ него самого), его родственники какъ бы устыдились того, что почти вовсе не помогали ему. Въ Минусинскѣ онъ получилъ отъ нихъ 175 р. и еще какія то суммы черезъ двухъ лицъ (однимъ изъ нихъ былъ упоминавшійся въ первой

---

[1]) «Колоколъ», 1861 г. №№ 92 и 93. По поводу этого прошенія Герценъ замѣтилъ: «И охота же Муравьеву тѣснить Петрашевскаго,— просилъ бы государя, чтобы его перевели въ Россію. Что за неравный и, по правдѣ сказать, что за скучный бой!».

главѣ морской офицеръ Сгибневъ). Повидимому зять его П. Ѳ. Деморъ написалъ ему кромѣ того сочувственное письмо. Какъ бы то ни было, письмо Петрашевскаго изъ Минусинска отъ 1 іюня 1860 г. начинается обращеніемъ: «мои милые родственники», подписывается онъ: «Васъ любящій, какъ сами любовь къ себѣ возбуждаете», но все же въ письмахъ мѣстами сказывается горькая обида на долгое забвеніе его тяжелаго матеріальнаго положенія. «Слова Петра Ѳедоровича» (Демора), говоритъ Петрашевскій въ самомъ началѣ письма, «справедливы: я не писалъ долго потому, что на меня весьма непріятно подѣйствовалъ недостатокъ родственнаго вниманія къ моимъ нуждамъ. Требованіе мое было справедливо. Неисполненіе его (это относится къ письму моему, съ г. Сгибневымъ посланному)—весьма разстроило мои дѣла. Если (бы) я деньги, тогда требуемыя, получилъ своевременно, дѣла мои приведены были (бы) въ надлежащій порядокъ въ половинѣ 1859 г., и въ семъ случаѣ едва ли мѣстныя власти рѣшились (бы) выпроваживать меня въ Минусинскъ. Они не могли (бы) тогда разсчитывать, что безденежье можетъ меня поставить въ затруднительное положеніе. Деньги могутъ вездѣ служить гарантіею отъ многихъ непріятностей».

Очевидно на упреки за борьбу съ начальствомъ въ Иркутскѣ[1]) Петрашевскій отвѣчаетъ: «Можно, руководствуясь чувствомъ или соображеніями мелочного благоразумія, винить меня за (то), что въ семъ случаѣ я не выказалъ скромности только что вышедшей въ свѣтъ институтки или savoir faire г. Молчалина, тогда бы, разумѣется, я бы избѣжалъ многихъ непріятностей. Если бы я былъ сосланъ за воровство, мошенничество, измѣну отечеству, а не за то, что требованія нравственныя общества, требованія общаго блага понималъ яснѣе другихъ, говорилъ, когда всѣ молчали, также отмалчиваніе и даже нахваливаніе явно безчестныхъ дѣйствій всякой власти... могло было быть мнѣ по сердцу. Но если я смѣло однажды выступилъ на борьбу со всякимъ насиліемъ, со всякой неправдой, то теперь уже мнѣ не сходить съ этой дороги ради пріобрѣтенія мелочныхъ выгодъ и удобствъ жизни. Мнѣ теперь уже поздно обучать себя «выгодному подличанью».

Петрашевскій требовалъ, чтобы мать, сестры или самъ Деморъ

---

[1]) Въ письмѣ къ Петрашевскому, написанномъ нѣсколько лѣтъ позднѣе (повидимому въ 1865 г.), П. Ѳ. Деморъ говоритъ: «Напрасно стремленіе ваше простирается для изысканія истины; проживши почти полъ вѣка и испытавши столько разныхъ разностей на бѣломъ свѣтѣ, можно бы было умѣрить свои страсти и покориться настоящему положенію, дабы смиреніемъ и кротостью пріобрѣсти тѣ права, которыми воспользовались люди, не менѣе испытавшіе бѣдственное положеніе».

подали министру внутреннихъ дѣлъ, а еще лучше самому государю прошеніе, въ которомъ принесли бы жалобу на невыдачу Мих. Васильевичу въ Иркутскѣ посланныхъ ему 125 р. и на «увозъ» его безъ всякаго слѣдствія изъ Иркутска, вызванный личною враждою къ нему мѣстной администраціи за то, что онъ считалъ смерть Неклюдова слѣдствіемъ измѣнническаго убійства, а не правильной дуэли. «Благодаря Бога, Россія не Австрія, а Иркутскъ не Неаполь», замѣчаетъ Петрашевскій, повидимому желая, чтобы эти слова были включены въ офиціальную бумагу. Онъ просилъ ходатайствовать въ прошеніи на имя государя не только о разрѣшеніи ему возвратиться въ Иркутскъ, но и о посылкѣ чиновника или слѣдственной комиссіи для разслѣдованія его противозаконной высылки и задержанія адресованнаго ему денежнаго письма. Онъ даже готовъ былъ принять на свой счетъ расходы на присылку чиновника или комиссіи, если бы оказался виновнымъ по суду и слѣдствію, на что, конечно, средствъ у него не хватило бы. Петрашевскій писалъ, что если бы кто изъ «дражайшихъ родственниковъ» исполнилъ его просьбу, то онъ готовъ былъ бы помириться съ ними «и забыть недостатокъ внимательности къ нему въ теченіе 10 лѣтъ, при чемъ полагалъ, что это удобнѣе сдѣлать родственникамъ, во 1-хъ потому, что это для нихъ «нравственно обязательнѣе», а во 2-хъ потому, что «женщины могутъ поболѣе расписаться»[1]).

Петрашевскій такъ увлекся своею мыслью, что надѣялся даже доставить высшимъ сферамъ удовольствіе такимъ прошеніемъ[2]).

О себѣ Петрашевскій сообщалъ, что въ Минусинскѣ «успѣлъ обжиться и освоиться» и что находится «въ весьма хорошихъ отношеніяхъ» съ мѣстнымъ окружнымъ начальникомъ, кн. Ник. Алексѣев. Костровымъ, что «дѣла... очень много, писать и писать много и много приходится». Но все это были, вѣроятно, жалобы и прошенія по своимъ и чужимъ дѣламъ, такъ какъ

---

[1]) «Если эту мою просьбу», добавляетъ онъ, «о подачѣ такого прошенія императору ни одинъ изъ ближайшихъ и кровныхъ моихъ родственниковъ, т.-е. родственницъ, не приметъ на себя труда исполнить, не я одинъ, но весь благородно чувствующій и *читающій* людъ будетъ вправѣ сказать, что всѣ писанія моихъ родственниковъ о любви ко мнѣ, всѣ слезы ихъ при свиданіи съ лицами, меня видѣвшими,—была жалкая комедія и постыдное лицемѣріе».

[2]) «Правительству это будетъ весьма пріятно, оно давно думаетъ (послѣ статей Завалишина), какъ бы обслѣдовать, что творится въ В. Сибири,—деликатность мѣшаетъ. Неловко самому ему назначать слѣдствіе какъ бы надъ Муравьевымъ. А если изъ частнаго дѣла выйдетъ тоже формальная повѣрка, то это иное дѣло. Мы этого не желали... но, посудите сами,.. факты противу Васъ говорятъ и т. п.—слѣдовательно Верховоды правительства сохранять могутъ свои relations amicals,—и дружка подкузьмить. — Въ этомъ вся суть нашей haute politique въ дѣлахъ внутренняго благоустройства. Въ настоящемъ случаѣ она мнѣ не противъ воды».

онъ прибавляетъ: «живу безъ всякаго промысла». Приходилось отписываться и по поводу направленнаго въ Минусинскъ взысканія съ него долга (175 р.) въ казенный благотворительный капиталъ: «по строгому смыслу закона», прибавляетъ онъ, «меня можно за долгъ даже въ заработки отдать». Но денежные интересы для него на заднемъ планѣ: «когда матеріальныя вещи уничтожаются», замѣчаетъ Петрашевскій,—«я не понимаю объ этомъ сожалѣнія. Такія потери вознаграждаются новымъ трудомъ и промышленной оборотливостью». На первомъ мѣстѣ для него юридическія выступленія по его дѣлу, прошедшія, настоящія и будущія его самого и другихъ. Такъ и на этотъ разъ онъ проситъ позаботиться о распространеніи въ обществѣ копіи съ его прошенія министру внутреннихъ дѣлъ отъ 9 мая 1860 г. и навести справки, «что по нему дѣлается и думаютъ дѣлать».

Родные, конечно, не рѣшились подать такого прошенія, какого требовалъ отъ нихъ Петрашевскій, а хлопоты о смягченіи его участи начались, какъ увидимъ, позднѣе.

Чувствуя необходимость посовѣтываться съ кѣмъ-либо относительно способовъ борьбы съ администраціею, Петрашевскій обратился къ Д. И. Завалишину, обличавшему въ печати многія отрицательныя стороны амурскаго дѣла при Муравьевѣ и за это позднѣе (въ 1864 г.) высланнаго изъ Сибири. 15 іюня 1860 г. онъ написалъ Завалишину обширное письмо, очень характерное для его автора. Петрашевскій выражаетъ въ немъ сочувствіе тому, что Завалишинъ «громко, на весь міръ» сказалъ «правдивое слово о безтолковости и безнравственности, съ какою совершается все въ управленіи Восточной Сибири». «Въ этомъ смыслѣ», продолжаетъ онъ, «и моя дѣятельность въ извѣстной степени всегда была направлена къ тому же. Принципы, во имя которыхъ я сталъ политическимъ дѣятелемъ, меня къ тому же обязывали и обязываютъ». Насиліе администраціи «коснулось меня... Обязанность для меня вести противу нея гражданскій или уголовный процессъ изъ сего сама собою вытекаетъ. Мои личные, матеріальные и нравственные интересы требуютъ того же, чего требуетъ благо общественное, разумно понимаемые интересы всей страны—*положить закономъ предѣлы для безумнаго самовластительства сибирскихъ пашей и сатраповъ*[1]). Это не шуточное дѣло; чтобъ взяться за него, у меня нѣтъ недостатка въ нужной для сего рѣшимости, я имѣю довольно твердости или упорства, чтобы не бросать что либо отъ первой неудачи». Но его смущаетъ, что «всѣ мы русскіе—существа какія то пришибленныя, въ насъ

[1]) Курсивъ подлинника.

всѣхъ ощутителенъ недостатокъ самостоятельности личной въ смыслѣ гражданскомъ,—всѣ мы трусы, хоть и храбры въ кулачной расправѣ и военной рѣзнѣ». Въ столкновеніяхъ съ властью мы «до того трусливы, что даже и въ дружескомъ кругу боимся нашу мысль высказать вполнѣ. Намъ все мерещится за спиною квартальный». Мы все еще «одурены до нѣкоторой степени перешедшимъ къ намъ по наслѣдству, разрушающимъ бодрость духа, религіознымъ благоговѣніемъ ко всякой власти. На всякую административную тлю, особенно въ генеральскомъ чинѣ, мы смотримъ какъ на боговъ громовержцевъ... Мы ждемъ, чтобъ намъ платила за либерализмъ администрація—и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ идетъ вопреки ея эгоистическимъ выгодамъ»... Жалоба министру внутреннихъ дѣлъ, отправленная имъ 9 мая, или будетъ оставлена безъ послѣдствій, или за рѣзкость выраженій онъ будетъ отданъ подъ судъ или подвергнутъ какому-либо взысканію. Въ обоихъ случаяхъ онъ предполагаетъ жаловаться въ сенатъ и считаетъ необходимымъ обвинительную часть своего прошенія министру внутреннихъ дѣлъ подкрѣпить фактами. Въ этомъ отношеніи онъ разсчитываетъ на содѣйствіе Завалишина, а также и всѣхъ тѣхъ, «чью душу мутитъ безуміе властей, кому дѣло прогресса близко къ сердцу»[1]).

Такимъ образомъ на борьбу съ высшею сибирскою администраціею Петрашевскій смотрѣлъ, какъ на свой общественный долгъ. И это не было фразою: онъ подтвердилъ искренность своихъ словъ всею жизнью въ Сибири по выходѣ съ каторги. Какъ смѣшны укоры Петрашевскому въ трусости со стороны Бакунина, умѣвшаго во время ссылки только защищать Муравьева и его фаворитовъ и дружить съ ними[2]).

12 декабря 1860 г. Петрашевскій выдалъ довѣренность своему товарищу по ссылкѣ Ѳ. Н. Львову, имѣвшему въ то время званіе отставного канцелярскаго служителя, которою уполномочивалъ его продолжать вести искъ о захватѣ общимъ иркутскимъ губернскимъ управленіемъ 125 рублей и письма, посланнаго его матерью, въ высшихъ административныхъ и судебныхъ инстанціяхъ, а въ случаѣ неудовлетворительнаго тамъ рѣшенія, принести жалобу самому государю. Но Петрашевскій хлопоталъ не только за себя. По словамъ Бѣлоголоваго, онъ, высланный на

---

[1]) *Щукинъ*, X, стр. 266—270.

[2]) Въ письмѣ Завалишина, пересланномъ Петрашевскому черезъ Львова, первый, вѣроятно, старался отговорить Петрашевскаго отъ слишкомъ усерднаго писанія жалобъ, такъ какъ Львовъ 4 августа 1860 г. въ отвѣтѣ Завалишину говоритъ: «Большую часть того, что вы пишите, я въ продолженіе 12 лѣтъ не переставалъ повторять моему товарищу, въ особенности въ отношеніи страсти его къ гербовой бумагѣ, которая имѣетъ для него какую то обаятельную силу».

житье въ Шушенскую волость, сдѣлался адвокатомъ своихъ односельчанъ «и отъ ихъ имени сталъ осаждать мѣстныя власти безпрестанными прошеніями на разныя утѣсненія и неправды».

Въ сентябрѣ 1860 г. Петрашевскій обратился къ енисейскому губернатору Падалкѣ съ просьбою дозволить ему пріѣхать въ Красноярскъ и Иркутскъ—въ первый для прiисканія занятій и свиданія съ живущими тамъ его родственниками (?), во второй потому, что его присутствіе въ Иркутскѣ необходимо по случаю денежныхъ исковъ, производящихся въ разныхъ учрежденіяхъ. Муравьевъ не дозволилъ Петрашевскому пріѣхать въ Иркутскъ «по тѣмъ же причинамъ, по которымъ онъ былъ переселенъ въ Минусинскій округъ».

Мы видѣли изъ письма Муравьева къ Корсакову отъ 19 сентября 1860 г., что Муравьевъ смѣнилъ окружного начальника въ Минусинскѣ и назначилъ такого, «который бы не боялся Петрашевскаго». Результаты этой мѣры сказались немедленно. 10 октября Петрашевскій послалъ жалобу енисейскому губернатору, что новый окружной начальникъ, шт.-кап. Романовичъ, на другой день по прибытии своемъ въ Минусинскъ предписалъ мѣстному городничему «взять и представить» его, Петрашевскаго, въ земскій судъ для отправки въ село Шушу. Петрашевскій просилъ для огражденія его отъ дальнѣйшихъ стѣсненій переселить его въ одну изъ волостей Красноярскаго округа. Романовичъ съ своей стороны донесъ Падалкѣ, что еще до назначенія на должность, будучи въ Иркутскѣ, «слышалъ о неблаговидныхъ поступкахъ и безнравственности (sic!) поселенца Буташевича-Петрашевскаго», за что онъ и переселенъ въ Шушенскую волость, а потому счелъ пребываніе его въ Минусинскѣ вреднымъ и отправилъ въ мѣсто причисленія съ тѣмъ, чтобы на будущее время, на основаніи 320 ст. Уст. о паспорт. XIV т. Св. Зак., онъ не былъ оттуда увольняемъ[1]). Падалка и нашелъ, что законъ, на который сослался окружной начальникъ, не можетъ быть примѣненъ къ Петрашевскому, что же касается просьбы Петрашевскаго о переселеніи въ Красноярскій округъ, то Муравьевъ призналъ, что минусинскій окружной начальникъ исполнилъ свой долгъ, выславъ его изъ Минусинска въ мѣсто причисленія, «а потому если в. пр-во», писалъ Муравьевъ Падалкѣ, обнаруживая этими словами свою злобную мстительность относительно Петрашевскаго, «несмотря на объясненія окружного начальника и распоряженіе предсѣ-

---

[1]) Въ п. 5 этой статьи было сказано: «ссыльныхъ, осужденныхъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, изъ мѣстъ ихъ водворенія не увольнять». Но Петрашевскій былъ осужденъ не Верховнымъ Уголовнымъ, а Военнымъ Судомъ.

дательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія, принимаете на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія перечисленія въ другую область, то отъ васъ будетъ зависѣть перевести его, но, такъ какъ вы намѣрены уѣхать въ отпускъ, то я полагалъ бы основательнымъ это причисленіе его предоставить *на томъ же основаніи*[1]) уже тому, кто послѣ вашего отъѣзда управлять будетъ Енисейскою губерніею». Очевидно Муравьевъ разсчитывалъ, что замѣститель Падалки не рѣшится на принятіе мѣры, явно непріятной генералъ-губернатору.

Однако это ожиданіе не оправдалось, и преемникъ Падалки разрѣшилъ Петрашевскому отправиться въ Красноярскъ «для свиданія съ своими родными и по другимъ надобностямъ». Узнавъ о томъ, что онъ тамъ находится, Муравьевъ 12 января 1861 г. поставилъ на видъ управляющему Енисейскою губерніею, что Петрашевскій долженъ находиться въ Шушенской волости и просилъ немедленно возвратить его «въ мѣсто его поселенія и на будущее время отнюдь не увольнять его... въ города безъ разрѣшенія» его, Муравьева, или заступающаго его мѣсто.

Поводомъ къ этому распоряженію послужило, быть можетъ, то, что еще изъ Минусинска Петрашевскій послалъ Муравьеву прошеніе отъ 13 декабря 1860 г., которое начиналось такъ: «Проситъ изъ г. Иркутска тайно вывезенный неизвѣстно за что и по чьему распоряженію въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи Михаилъ, Васильевъ сынъ, Буташевичъ-Петрашевскій»[2]). Прошеніе было возвращено Петрашевскому, какъ написанное «въ неприличныхъ выраженіяхъ».

По возвращеніи Корсакова изъ Петербурга Муравьевъ, въ январѣ 1861 г., сдалъ ему должность и уѣхалъ изъ Сибири навсегда, успѣвъ достаточно навредить Петрашевскому. 24 января испр. должн. енисейскаго губернатора Ридюковъ донесъ Корсакову, что еще 14 января онъ велѣлъ приказать Петрашевскому въ теченіе трехъ дней выѣхать на мѣсто причисленія, въ противномъ же случаѣ выслать его туда, но Ридюкову донесли, что Петрашевскій боленъ и что это удостовѣрилъ лѣкарь. Ридюковъ приказалъ помѣстить Петрашевскаго въ городскую больницу до излѣченія, а потомъ выслать.

11 февраля 1860 г. Петрашевскій, въ дополненіе къ офиціальному прошенію, написалъ Корсакову письмо, въ которомъ говоритъ: «Милостивый государь Михаилъ Семеновичъ! Если годъ

---

[1]) Т.-е. подъ своею личною отвѣтственностью. Слова, набранныя курсивомъ, вписаны самимъ Муравьевымъ.

[2]) Петрашевскій просилъ выдать ему копію съ высочайшаго повелѣнія, даннаго въ августѣ 1856 г., объ освобожденіи изъ катаржной работы на поселеніе.

тому назадъ сила могущественныхъ вліяній могла васъ заставить поступить со мною незаконно и несправедливо, то не могу нынѣ не полагать, чтобъ въ настоящее время они относительно васъ не потеряли совершенно ихъ властительственное и обязательное значеніе. Перемѣна условій, черезъ которую изъ безусловнаго исполнителя чужихъ велѣній, какія бы они ни были, Вы стали сами самостоятельнымъ, нравственно полноправнымъ дѣйствователемъ и рѣшителемъ дѣлъ, возлагаетъ на Васъ неотрицаемо нравственную обязанность исправить не только то худое, въ которомъ Вы, противъ воли, какъ исполнитель, были участникомъ, но и то, въ которомъ личнаго участія Вашего не было. Ни смотрѣть на него снисходительно, ни поддерживать его заведомо Вашимъ бездѣйствіемъ нынѣ самыя обязанности Вашего оффиціальнаго положенія уже безусловно не допускаютъ..... Какъ прежде, такъ и теперь на моей сторонѣ нравственность, право и законъ. Права мои, явно нарушенныя 27 февраля 1860 г., еще и нынѣ нарушаются. Образъ моего дѣйствованія для защиты ихъ опредѣляется фактомъ нарушенія и законами». Въ заключеніе своего длиннаго письма Петрашевскій сообщаетъ Корсакову, что Ѳ. Н. Львовъ уполномоченъ имъ «окончить *примирительно* то, что безъ этого не обойдется безъ непріятности для иныхъ. Онъ можетъ удостовѣрить Васъ въ томъ, что сей послѣдній исходъ также поставленъ мною въ совершенную независимость отъ какихъ бы то ни было незаконныхъ случайностей, отъ которыхъ гдѣ либо и какъ либо могла пострадать моя личность. Ваши рѣшенія покажутъ, справедливы ли мои ожиданія, основывающіяся на представленіи моемъ о свойствѣ Вашей природы, или разсчеты и надежды тѣ, которымъ и нынѣ еще не чужды въ Иркутскѣ интриганты и враги правды и добра всѣхъ цвѣтовъ и наименованій».

Письмо это было, конечно, лишь однимъ изъ проявленій той язвительности, которую Петрашевскій любилъ выказывать въ сношеніяхъ съ офиціальными сферами.

Въ офиціальномъ прошеніи, о которомъ онъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ, онъ говоритъ, что вслѣдствіе увоза его изъ Иркутска потерпѣлъ большіе убытки, которые еще увеличатся, если его дѣло съ Пермикинымъ будетъ рѣшено не въ его пользу. Видя, что вслѣдствіе незаконныхъ препятствій его повѣренные не могутъ исполнять своихъ обязанностей, онъ, не желая подвергать ихъ непріятностямъ, уничтожилъ довѣренность Подлѣсному и просилъ иркутскій губернскій судъ вызывать его лично; судъ извѣстилъ его, что будетъ имѣть его просьбу въ виду, но затѣмъ сообщилъ, что призналъ удобнымъ, не вызывая его,

предоставить ему прислать повѣреннаго. Лишеніе права лично присутствовать при докладѣ Петрашевскій называлъ «прямымъ отказомъ въ правосудіи» и просилъ разрѣшить ему пріѣхать въ Иркутскъ. Корсаковъ на частномъ письмѣ Петрашевскаго сдѣлалъ слѣдующую надпись: «Письмо это пріобщить къ дѣлу о Петрашевскомъ. Дѣйствія начальника края должны быть основаны на пользѣ края, а не на личныхъ отношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было; это правило и заставляетъ требовать, чтобъ Петрашевскій былъ высланъ въ волость». А по поводу офиціальнаго его прошенія предписалъ (23 февраля) вновь объявить ему, что его ходатайство не можетъ быть удовлетворено.

Выслать Петрашевскаго изъ Красноярска оказывалось не такъ легко, какъ изъ Иркутска, такъ какъ здѣсь администрація не руководилась относительно его такими личными злобными чувствами и не спѣшила притѣснять его, несмотря на давленіе со стороны высшаго начальства. Это вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что Петрашевскій возбуждалъ къ себѣ сочувствіе и не былъ такимъ антипатичнымъ человѣкомъ, какимъ желалъ представить его Бакунинъ, слишкомъ пристрастно относившійся къ нему. 31 марта Ридюковъ донесъ Корсакову, что, какъ сообщила врачебная управа, здоровье Петрашевскаго не улучшилось, и потому безъ явнаго вреда для него онъ не можетъ быть удаленъ изъ Красноярска. Скоро у Петрашевскаго неожиданно нашелся и болѣе вліятельный защитникъ. Въ концѣ апрѣля 1861 г. младшая сестра Мих. Вас., Александра Васильевна, подала чрезъ шефа жандармовъ, кн. В. А. Долгорукова, прошеніе на имя государя объ облегченіи участи брата, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Моральныя страданія и разныя лишенія разстроили слабое здоровье его, но какъ всѣ товарищи его по несчастью уже давно возвращены въ Россію[1]), то онъ поддерживалъ себя надеждою на скорое возвращеніе. Но это ожиданіе было напрасно: его сослали въ отдаленнѣйшую часть Сибири, гдѣ онъ даже лишенъ способовъ пользоваться необходимыми медицинскими пособіями. Вѣсти эти поразили меня до такой степени, что я рѣшаюсь всеподданнѣйше умолять Ваше Величество объ облегченіи участи брата. Онъ много выстрадалъ въ 12 лѣтъ и погибнетъ въ глуши, если В. В. не удостоитъ его своимъ милосерднымъ вниманіемъ». Сестра Петрашевскаго была хороша собой, элегантно одѣвалась,—все это, вѣроятно, произвело впечатлѣніе на Долгорукова, и онъ написалъ Корсакову слѣдующее письмо: «Сестра Буташевича-Петрашевскаго обратилась ко мнѣ съ прось-

[1]) Это не точно: Ѳ. Н. Львовъ получилъ право возвратиться въ Европ. Россію только въ слѣдующемъ году.

бою о томъ, чтобы облегчить тяжкую участь брата ея, находящагося нынѣ въ Красноярскѣ и подлежащаго къ отправленію въ Минусинскій округъ въ село Шушу.—Вмѣняю себѣ въ обязанность о настоящемъ ходатайствѣ г-жи Петрашевской сообщить на Ваше... благоусмотрѣніе, не считая себя въ правѣ стѣснять В. Пр-во въ принятіи мѣръ насчетъ Петрашевскаго, котораго теперешній образъ дѣйствій Вамъ ближе извѣстенъ. Впрочемъ, зная ваше доброе сердце, я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что Вы съ своей стороны окажете возможное облегченіе Петрашевскому въ его стѣсненномъ положеніи, а равно не откажете разрѣшить ему пребываніе въ Красноярскѣ, ежели оно дѣйствительно необходимо для поправленія его здоровья. Къ сему неизлишнимъ считаю присовокупить, что Петрашевская нисколько не жалуется на распоряженія В. П-ва относительно ея брата, но, напротивъ, глубоко признательна за все, что Вами для него сдѣлано».

По полученіи этого письма Корсакову поневолѣ пришлось написать управляющему Енисейскою губерніею (16 іюня 1861 г.), что «если состояніе здоровья Петрашевскаго требуетъ леченія въ Красноярскѣ, и самъ онъ ведетъ себя прилично», то можно дозволить ему остаться тамъ. Еще до полученія этого предписанія Ридюковъ донесъ Корсакову, что такъ какъ на проживаніе Петрашевскаго въ Красноярскѣ «обращено вниманіе высшаго начальства», то онъ приказалъ врачебной управѣ вновь освидѣтельствовать его, и она сообщила, что Петрашевскій «отъ бывшихъ съ нимъ прежде сильныхъ волненій крови и нервныхъ потрясеній одержимъ въ настоящее время значительнымъ душевнымъ разстройствомъ, заключающемся то въ какомъ то веселомъ расположеніи духа, то вдругъ безъ всякой причины въ продолжительномъ безчувственномъ забытьи, изъ котораго онъ пробуждается вдругъ съ какимъ то лихорадочнымъ жаромъ отъ каждаго разговора, касающагося страданій его прежней жизни, а въ особенности города Минусинска и его тамъ проживанія въ послѣднее время. Сверхъ того онъ одержимъ хроническимъ ревматизмомъ въ головѣ, спинѣ, поясницѣ и въ оконечностяхъ, возобновляющимъ свои пароксизмы не столько отъ вліянія простуды и атмосферныхъ перемѣнъ, сколько отъ каждаго припадка душевнаго волненія и нервнаго потрясенія». Болѣзнь Петрашевскаго, по мнѣнію управы, требуетъ «внимательнаго врачебнаго наблюденія за его душевнымъ разстройствомъ и удаленія по возможности всего, что можетъ имѣть малѣйшее вліяніе на его душевное волненіе и нервное потрясеніе», а въ томъ числѣ и отправки его вновь въ Минусинскъ, «оставившій въ немъ столь сильное антипатичное впечатлѣніе».

Добившись разрѣшенія остаться въ Красноярскѣ, Петрашевскій на время оставилъ въ покоѣ высшую администрацію. Жить здѣсь было куда сноснѣе, чѣмъ въ такой дырѣ, какъ село Шуша, уже потому, что онъ могъ видѣть въ Красноярскѣ интеллигентныхъ людей. 7 февраля 1862 г. онъ испыталъ большую радость: въ этотъ день въ Красноярскъ прибылъ ссылаемый на каторгу извѣстный писатель Мих. Иллар. Михайловъ, который пожелалъ остановиться нѣсколько долѣе не только, чтобы отдохнуть, но и для того, чтобы повидаться съ Петрашевскимъ. «Не успѣлъ Михайловъ разоблачиться отъ своихъ дорожныхъ шубъ и шарфовъ, какъ у него уже оказалось четверо гостей. Въ числѣ ихъ оказался и одинъ морякъ, капитанъ-лейтенантъ С., тотъ самый, съ парохода котораго бѣжалъ М. А. Бакунинъ. Пришелъ и Петрашевскій. Михайловъ... увидѣлъ передъ собой очень полнаго господина средняго роста. И въ фигурѣ, и въ походкѣ Петрашевскаго было, по словамъ Михайлова, много сходства съ Герценомъ. Черты лица были довольно правильныя, мягкія и пріятныя. Говорилъ онъ много и хорошо. Волосъ на головѣ было мало, но большая, широкая борода, въ которой уже серебрилась сѣдина, была еще очень густа. Одѣтъ былъ Петрашевскій во все черное, небогато, такъ какъ матеріальное его положеніе въ ссылкѣ было далеко не изъ блестящихъ. За оживленной бесѣдой съ Петрашевскимъ на самыя разнообразныя темы Михайловъ провелъ почти цѣлый день и выѣхалъ изъ Красноярска только на другой день утромъ». Петрашевскій произвелъ на него «пріятное впечатлѣніе». Не понравилось Михайлову, судя по его дневнику, только то, что разные мелкіе интересы... какъ будто заслонили отъ него интересы болѣе широкіе и общіе». Но мы видѣли, что Петрашевскій смотрѣлъ на борьбу съ администраціею какъ на свой гражданскій долгъ и не могъ, конечно, не говорить объ этомъ съ Михайловымъ во время ихъ свиданія. Сильнымъ противоядіемъ противъ «провинціальной малярія» Михайловъ считалъ «возможность уходить отъ пошлости нашихъ житейскихъ отношеній въ умственную дѣятельность и заниматься литературнымъ трудомъ»[1]). Мы видѣли, что въ Иркутскѣ и Петрашевскій занимался этимъ трудомъ, участвуя въ газетахъ «Ирк. Губ. Вѣд.» и «Амуръ», но Муравьевъ и Корсаковъ лишили его возможности обличать различныя злоупотребленія въ печати и заставили дѣлать это лишь путемъ офиціальныхъ жалобъ. Есть извѣстіе, что, прощаясь съ Михайловымъ, Петрашевскій воскликнулъ: «до

---

[1]) *Н. Бѣлозерскій.* «Отъ Петербурга до Нерчинска (новые матеріалы для біографіи поэта М. Михайлова)». «Рус. Мысль» 1902 г., № 12, стр. 64—65.

свиданія—въ парламентѣ»[1]). Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ о парламентѣ Петрашевскій вспомнилъ и въ одной изъ своихъ офиціальныхъ бумагъ, а это показываетъ, что, вопреки мнѣнію Михайлова, его мысль витала въ области не однихъ мѣстныхъ дѣлъ.

Петрашевскій далъ Михайлову письмо въ Иркутскъ ко Львову, котораго, однако, въ тюрьму къ Михайлову не пустили, такъ какъ послѣ бѣгства Бакунина надзоръ за политическими сталъ строже, да къ тому же Львовъ, какъ онъ самъ извѣстилъ Михайлова, былъ съ мѣстными высшими властями «не въ ладахъ». Но все же удалось устроить свиданіе... Львовъ оказался «маленькимъ, худенькимъ человѣкомъ, — съ лицомъ, изборожденнымъ глубокими морщинами, и притомъ», какъ показалось Михайлову, «не особенно пріятнымъ». Михайлову не понравилась «искусственность выраженій и фразъ, въ которыя Львовъ облекалъ свои мысли и въ которыхъ», по мнѣнію Михайлова, «проглядывало даже что то вродѣ фатовства... Мелкіе провинціальные интересы вовлекли» (говоритъ Михайловъ) «и его въ свой узкій кругъ, причемъ оппозиція произволу туземныхъ администраторовъ мало по малу приняла въ его глазахъ совсѣмъ не то значеніе и размѣры, какое она имѣла на самомъ дѣлѣ». Михайловъ не созналъ еще той простой истины, что человѣку, лишенному правъ, отстаиваніе своего человѣческаго достоинства и того немногаго, что ему предоставляетъ законъ, является дѣломъ не только важнымъ, но и необходимымъ[2]). Но что въ своей борьбѣ съ Муравьевымъ Львовъ руководился не однимъ только желаніемъ защитить себя, а и другими цѣлями во имя своихъ убѣжденій, видно изъ слѣдующихъ его словъ въ письмѣ къ Завалишину отъ 4 августа 1861 г.: «Я считаю себя обязаннымъ дѣйствовать во имя того идеала общества, въ которомъ не только есть гарантія для разумно-нравственной свободы, но и солидарность между его членами; гдѣ благосостояніе и развитіе индивидуальное и общественное не только представляется какъ возможность, но гдѣ они должны неминуемо про-

---

[1]) «Изъ записокъ М. Л. Михайлова». «Рус. Богатство». 1906 г. № 9, стр. 45.

[2]) «Съуженіе понятій» отъ продолжительнаго пребыванія въ неблагопріятной средѣ подмѣтилъ Михайловъ и въ статьѣ Львова «Воспоминанія ссыльно-каторжнаго», гдѣ авторъ говоритъ, между прочимъ, о вліяніи ссылки на измѣненіе своего міросозерцанія въ сторону «послѣдовательныхъ реформъ при помощи служебной или открытой общественной дѣятельности». *Н. Бѣлозерскій,* стр. 67—68. «Изъ записокъ М. Л. Михайлова», «Рус. Бог.» 1906 г. № 9, стр. 42—43; «Современникъ» 18 2 г. т. 91, стр. 22. (*Ѳ. Львовъ.* «Выдержки изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго»).

являться de facto какъ плоды внутренняго убѣжденія и взаимной любви всѣхъ его членовъ» [1]).

Въ ноябрѣ 1862 г. с.-петербургскій военный губернаторъ А. А. Суворовъ человѣкъ, какъ извѣстно, чрезвычайно добрый и во время своего управленія Прибалтійскимъ краемъ лично знавшій отца Львова, который служилъ тогда полицмейстеромъ въ Дерптѣ, ходатайствовалъ чрезъ шефа жандармовъ В. А. Долгорукова о помилованіи Ѳ. Н. Львова. Государь приказалъ представить чрезъ Сибирскій комитетъ ходатайство Суворова. Запросили Корсакова, онъ не возражалъ противъ возвращенія Львова во внутреннія губерніи Россіи, и это было разрѣшено государемъ въ концѣ декабря 1862 г.

Въ томъ же 1862 г. для свиданія съ М. И. Михайловымъ, а въ сущности для того, чтобы попытаться организовать его побѣгъ, проѣзжалъ черезъ Красноярскъ писатель Н. В. Шелгуновъ съ женою. «Утромъ», говоритъ Л. П. Шелгунова въ своихъ воспоминаніяхъ, «я увидала въ окно проѣзжавшаго мимо на извозчикѣ господина до того оригинальнаго, что я подозвала къ окну Николая Васильевича. Это былъ довольно полный господинъ, съ длинною, черною, съ просѣдью бородой и съ длинными, лежавшими по плечамъ, волосами. Черные, большіе, выпуклые глаза, очевидно, были очень близоруки, и потому человѣкъ этотъ носилъ большія, круглыя очки. Одѣтъ онъ былъ въ широкій, бѣлый балахонъ». Въ тотъ же день Петрашевскій пришелъ къ Шелгуновымъ и «очень подружился» съ ними. По отзыву Л. П. Шелгуновой, Петрашевскій «былъ блестящаго ума человѣкъ». Очевидно, его умственныя способности хорошо сохранились, если Шелгунова, вращавшаяся въ обществѣ выдающихся писателей (не исключая и Н. Г. Чернышевскаго) могла такъ высоко оцѣнить Петрашевскаго. Но она замѣтила, что у него «положительно была idée fixe, а именно законность, и что» (по его мнѣнію) «все должно дѣлаться на законномъ основаніи» [2]). Такъ какъ на поѣздку Шелгунова обратила вниманіе администрація, то у Петрашевскаго за посѣщеніе его былъ сдѣланъ 12 ноября 1862 г. обыскъ. Но одинъ полицейскій предупредилъ его. Портфель Мих. Вас. былъ запрятанъ и ничего компрометирующаго у него не нашли [3]). Шелгунова добавляетъ: «Законность довела его въ этомъ же году до острога, въ которомъ ему пришлось посидѣть, къ счастью,

---

[1]) *Щукинъ*, X, 251.

[2]) *Л. П. Шелгунова*, «Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой». С.-Пб. 1901, стр. 116.

[3]) О предупрежденіи Петрашевскаго относительно обыска разсказывалъ позднѣе этотъ самый полицейскій П. И. Торгашеву, который и сообщилъ мнѣ объ этомъ.

недолго и куда его засадили мѣстныя власти, вѣроятно, для того, чтобы показать ему, что не все дѣлается въ нашемъ мірѣ на законномъ основаніи» [1]).

Петрашевскій заявилъ противъ обыска протестъ, но, вѣроятно введенный кѣмъ-нибудь въ заблужденіе, направилъ его не по надлежащему адресу. 30 ноября 1862 г. онъ послалъ жалобу томскому гражданскому губернатору, въ которой, называя себя «жительствующимъ въ ссылкѣ въ Сибири на основаніи высочайшаго повелѣнія 1856 г. 26 августа», утверждалъ, что обыскъ у него былъ сдѣланъ вслѣдствіе отношенія томскаго гражданскаго губернатора къ енисейскому губернатору на основаніи высочайшаго повелѣнія. Желая знать содержаніе обоихъ документовъ, онъ просилъ о выдачѣ ему съ нихъ копій. Томскій губернаторъ Озерскій сообщилъ начальнику Енисейской губерніи, что никакого отношенія объ обыскѣ у Петрашевскаго онъ не посылалъ; енисейскій же губернаторъ Замятнинъ отвѣчалъ Озерскому, что обыскъ былъ произведенъ потому, что во время проѣзда чрезъ Красноярскъ подполковника Шелгунова Петрашевскій бывалъ у него «какъ знакомый». Петрашевскому было объявлено сообщеніе томскаго губернатора, но онъ не успокоился, и 3 января 1863 г. послалъ жалобу въ Главное Управленіе Западной Сибири. На запросъ его томскій губернаторъ отвѣчалъ, что высочайшаго повелѣнія о Петрашевскомъ не получалъ и никакого отношенія о немъ не писалъ, выдачу же ему копіи съ отношенія его енисейскому губернатору находитъ неудобною, такъ какъ «онъ принадлежитъ къ числу политическихъ преступниковъ, сношенія съ которыми, по принятому порядку, дѣлаются не иначе, какъ чрезъ начальниковъ губерній».

Отъ времени пребыванія Петрашевскаго въ Красноярскѣ я имѣю два письма его къ матери. Въ первомъ изъ нихъ отъ 1 іюня 1861 г., онъ, между прочимъ, говоритъ: «Нападки иркутскихъ властей на меня продолжаются. Впрочемъ ихъ сумасбродствамъ нѣтъ конца, и не относительно меня одного,—они вполнѣ имѣютъ по ихъ дѣйствіямъ право на помѣщеніе въ желтый домъ». Въ другомъ письмѣ отъ 21 сентября 1861 г. по поводу совѣтовъ матери, выраженныхъ пословицею «съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тягайся», Петрашевскій, между прочимъ, писалъ: «Умѣніе пользоваться тѣми средствами, которыя имѣешь, можетъ если не совершенно замѣнять богатство, то по крайней мѣрѣ уравнивать дѣйствительное значеніе разницы средствъ во всякомъ данномъ случаѣ. Это, какъ и привычка по необходимости отказывать

---

[1]) *Шелгунова,* 116—117.

себѣ во многомъ и перенести многое въ извѣстныхъ случаяхъ, значеніе обладанія въ обиліи золотомъ дѣлаетъ эфемернымъ и поневолѣ заставляетъ богачей на практикѣ... познавать вѣчную правду того нравоученія, которое Мидіасъ (т.-е. Мидасъ) или Крезъ, въ формѣ кушаній изъ золота, вмѣсто удобосъѣдомыхъ за обѣдомъ, получилъ отъ одного философа. Этому поучительному разсказу, помѣщенному во всѣхъ исторіяхъ, разсказу, который я читалъ у васъ еще на колѣняхъ, суждено въ многообразныхъ формахъ повторяться въ явленіяхъ общественныхъ, имѣющихъ значеніе для цѣлыхъ народовъ и государствъ. Чтобъ не ходить вдаль за примѣрами,—у насъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, отъ ограниченности разумѣнія членовъ Комиссіи, предложено, можетъ быть, немало золотыхъ кушаній вмѣсто удобосъѣдаемыхъ—собственно (для) публики, ихъ снѣдать приглашенныхъ. Отъ этого и были отрыжки кровавыя, что доказываетъ, что въ такихъ кушаньяхъ металлическихъ были минеральные яды. Разрѣшеніе этого вопроса во многомъ сходно съ леченіемъ отъ лихорадки мышьякомъ.—Довольно умствовать,—*будущее скажетъ, что я правъ*».

Въ 1862 г. младшая сестра Мих. Вас., Александра Васильевна, вышла замужъ за брата пишущаго эти строки, Александра Ив. Семевскаго. Онъ окончилъ курсъ въ артиллерійской академіи (гдѣ, между прочимъ, слушалъ лекціи П. Л. Лаврова) и служилъ въ гвардейской артиллеріи въ Петербургѣ, но во время студенческихъ волненій былъ арестованъ на площади около С.-Петербургскаго университета вмѣстѣ съ А. Н. Энгельгардтомъ и посаженъ въ ордонансъ-гаузъ, а затѣмъ, въ видѣ наказанія, переведенъ на службу въ брянскій арсеналъ. Женившись на Александрѣ Васильевнѣ, онъ вышелъ въ отставку и получилъ частное мѣсто (на Верхъ-Исетскомъ заводѣ на Уралѣ). Сюда, въ Екатеринбургъ. и написалъ Михаилъ Васильевичъ письмо моему брату 20 ноября 1862 г. изъ Красноярска въ отвѣтъ на присылку отъ новобрачныхъ 400 руб. Благодаря за эти деньги, Мих. Вас. писалъ: «Про свое житье не знаю, что сказать. Живу такъ, какъ жилось и прежде. Глупость здѣшнихъ властей по прежнему заставляетъ меня изводить гербовую бумагу». Мих. Вас. просилъ обратить вниманіе на то, что «по высочайшему именному повелѣнію 26 августа 1856 г., сообщенному отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 24 сентября», ему «разрѣшено право на свободное жительство въ Сибири съ причисленіемъ въ крестьяне или мѣщане. Разныя же власти... соблаговолили меня сдѣлать поселенцемъ противузаконно. О семъ мною заявлено, кому слѣдуетъ. Вслѣдствіе сего имѣете вы на адресѣ моемъ впредь

писать не поселенцу, а *живущему въ ссылкѣ въ Сибири* NN, и не иначе».

Въ манифестѣ отъ 26 августа 1856 г. о дарованіи народу милостей и облегченій по случаю коронованія государя въ п. XV сказано: «Подвергшимся разнымъ за политическія преступленія наказаніямъ и донынѣ еще не получившимъ прощенія, но по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному послѣ произведеннаго надъ ними приговора поведенію заслуживающимъ помилованія, даровать, на основаніи особыхъ для того постановленныхъ правилъ: однимъ облегченія, болѣе или менѣе значительныя, въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки, другимъ же—освобожденіе отъ оной съ правомъ жительствовать въ одной изъ указанныхъ имъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній, а нѣкоторымъ—и дозволеніе жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ нашей Имперіи и Царства Польскаго, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы» [1]). Петрашевскій не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что размѣръ этихъ льготъ обусловливался «раскаяніемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ», такъ какъ раскаяваться ему было не въ чемъ, а велъ онъ себя хорошо, по признанію многихъ мѣстныхъ властей. Но своею борьбою съ мѣстною администраціею онъ настолько раздражалъ ея представителей, что они не желали ходатайствовать о смягченіи его участи и дѣлали все, отъ нихъ зависящее, для ея ухудшенія. Однако, внушивъ себѣ извѣстный взглядъ, Петрашевскій проводилъ его и въ своихъ жалобахъ и прошеніяхъ.

Въ 1862 г., въ письмѣ къ сестрѣ, онъ говоритъ о ея намѣреніи хлопотать относительно разрѣшенія ему возвратиться въ Европейскую Россію: «Нечего тебѣ самой опредѣлять мѣста моего жительства въ Россіи. Зачѣмъ мнѣ не получить права жить во всей Россіи? Этимъ правомъ всѣ, за исключеніемъ меня и Львова, уже давно пользуются. Это слѣдуетъ тебѣ поставить на видъ тѣмъ, съ кѣмъ тебѣ объ этомъ дѣлѣ придется объясняться; не мѣшаетъ тоже имъ припомнить, что тѣ самыя реформы, за желанія и разсужденія о которыхъ я сосланъ былъ въ каторжную работу, приводятся въ исполненіе правительствомъ, и лица, ихъ совершающія, получаютъ всякія награды и т. п., а я даже и гражданскихъ правъ не имѣю, и мною до сихъ поръ можетъ распоряжаться не только глупышъ-курьеръ Корсаковъ, генералъ-губернаторствующій, и чуть ли не всякій бутошникъ или тля чиновная, до сихъ поръ бьющаяся изъ-за того, чтобы какъ-нибудь выслужиться на мой счетъ (стѣсняя меня) у Г. Корсакова et K°.». Въ

---

[1]) 2-ое Полн. Собр. Зак., т. XXXI, № 30877.

этомъ же письмѣ Петрашевскій уговаривалъ сестру заняться золотопромышленностью въ Сибири, послалъ ей даже образецъ довѣренности ему на веденіе такихъ дѣлъ и сулилъ ей половину дохода съ пріисковъ. Но изъ этихъ предположеній ничего не вышло.

Изъ Красноярска Петрашевскій продолжалъ бомбардировать своими жалобами различныя учрежденія [1]).

Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ еще 8 декабря 1862 г. послалъ секретный запросъ испр. должн. генералъ-губернатора Восточной Сибири, откуда Петрашевскій могъ узнать о спискѣ политическихъ преступниковъ, которымъ были оказаны разныя милости по случаю коронаціи и для чего ему понадобился этотъ списокъ. Главн. Упр. В. С. извѣстило министерство внутреннихъ дѣлъ, что Петрашевскому этотъ списокъ нуженъ для доказательства, что онъ имѣетъ право быть причисленнымъ къ полноправнымъ сословіямъ съ правомъ даже выѣзда во внутреннія губерніи Россіи. На вопросъ Петрашевскому, откуда онъ получилъ свѣдѣнія о присланномъ при отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ 24 сентября 1856 г. именномъ спискѣ лицъ, получившихъ милости по манифесту, онъ отозвался, что первыя свѣдѣнія объ этомъ ему сообщили гр. Муравьевъ-Амурскій и совѣтникъ Главн. Упр. В. С. Плат. Петр. Сукачевъ. На вопросъ же о томъ, для чего нуженъ ему этотъ списокъ, Петрашевскій отвѣчать отказался.

Новое прошеніе его въ Совѣтъ Главн. Упр. В. С. не было принято (10 іюня 1863 г.) потому, что онъ называлъ себя въ немъ

[1]) Прошеніе его отъ 6 мая 1862 г. о выдачѣ ему копій съ касающихся его документовъ было оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ признано было неприличнымъ выраженіе: «просить по законному мѣсту причисленія Оекской волости, а по незаконному Минусинскаго округа, Шушенской волости Енисейской губерніи поселенецъ Михаилъ, Васильевъ сынъ, Буташевичъ-Петрашевскій». 25 іюля 1862 г. Петрашевскій опять послалъ прошеніе въ Главное Управленіе Восточной Сибири, и просилъ въ немъ выдать ему копію съ именного высочайшаго повелѣнія 1861 г. вслѣдствіе жалобы, принесенной его сестрою государю на тѣ стѣсненія, которымъ онъ подвергается съ 27 февраля 1860 г., т.-е. со времени его высылки изъ Иркутска. Предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Главн. Управ. В. Сибир. г.-л. Жуковскій просилъ енисейскаго губернатора объявить Петрашевскому, что высочайшаго повелѣнія отъ 26 августа объ освобожденіи его отъ каторжныхъ работъ въ дѣлахъ Главн. Упр. Вост. Сиб. нѣтъ, и что, вѣроятно, оно находится въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что отношеніе шефа корпуса жандармовъ по жалобѣ сестры Петрашевскаго не поступало въ Глав. Упр. В. Сибири и что, наконецъ, оно не считаетъ себя въ правѣ выдать копію съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ по жалобѣ его на увозъ изъ Иркутска, такъ какъ подобная выдача несогласна съ установленнымъ порядкомъ дѣлопроизводства. Еще одно прошеніе Петрашевскаго было возвращено ему 28 января 1863 г. Совѣтомъ Главн. Упр. Вост. Сиб., такъ какъ въ немъ найдены были слѣдующія выраженія: 1) «*Неправильно* зачисленный въ поселенцы» и 2) «На основаніи сего акта» (26 августа 1856 г.) «я имѣю быть причисленнымъ не къ сословію поселенцевъ, а къ подушнымъ полноправнымъ сословіямъ и даже имѣю право на отбытіе въ Россію».

уже потомственнымъ дворяниномъ С.-Петербургской губерніи [1]). Петрашевскій обратился съ тою же просьбою о доставленіи ему копіи съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ 24 сентября 1856 г. въ экспедицію о ссыльныхъ. Вслѣдствіе ея запроса въ Главн. Упр. В. С., разыскали наконецъ эту бумагу, но въ ней ничего не говорилось о возвращеніи Петрашевскому правъ дворянства, въ спискѣ же лицъ, которымъ были оказаны милости по случаю коронаціи, было сказано: «находящагося въ каторжной работѣ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ Буташевича-Петрашевскаго, освободивъ отъ работъ, перевести на поселеніе», о чемъ ему и было въ свое время объявлено въ установленномъ порядкѣ. Поэтому просьба Петрашевскаго о выдачѣ ему копіи съ этого списка оставлена была безъ послѣдствій. Но, какъ увидимъ ниже, Петрашевскій внушилъ себѣ убѣжденіе, что по указу 17 апрѣля 1857 г. ему возвращены права дворянства [2]). Вѣроятно ему не удалось достать полный текстъ этого указа и онъ зналъ его лишь по слухамъ.

9 сентября 1863 г., во время пребыванія въ Красноярскѣ Корсакова, Петрашевскій подалъ ему (по болѣзни—черезъ своего повѣреннаго) прошеніе, въ которомъ, называя себя поселенцемъ Енисейской губерніи Шушенской волости, жаловался на непримѣненіе къ нему манифеста 1856 г. и высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ 24 сентября 1856 г., которыми будто бы ему было дано право жить свободно вездѣ въ Россіи съ припискою къ одному изъ свободныхъ податныхъ сословій на общемъ основаніи, или поступить въ военную службу на Кавказъ [3]), съ правомъ производства въ чины за отличія. Такъ какъ, по его мнѣнію, этимъ высочайшимъ повелѣніемъ ему разрѣшено возвратиться въ Россію, то 7-ой п. и другіе высочайш.

---

[1]) Такъ онъ сталъ называть себя съ начала 1863 г.; 28 января этого года ему было воспрещено это, подъ угрозою непринятія его прошеній.

[2]) Въ 1 п. этого указа сказано: «Изъ уроженцевъ Великороссійскихъ губерній, которые были лишены правъ состоянія рѣшеніемъ Генералъ-Аудиторіата 19 декабря 1849 г., состоящимъ въ военной службѣ и вновь дослужившимся до офицерскихъ чиновъ: прапорщикамъ Дмитрію Ахшарумову, Өедору Достоевскому, Константину Дебу 1-му и Ипполиту Дебу 2-му, уволеннымъ отъ службы прапорщику Алексѣю Плещееву и унтеръ-офицеру Василію Головинскому, возвращеннымъ изъ Сибири во внутреннія губерніи: канцелярскому служителю Сергѣю Дурову, Феликсу Толло и Ивану Ястржембскому, равно законнымъ дѣтямъ ихъ, прижитымъ послѣ произнесенія надъ отцами судебнаго приговора, даровать прежнія права по происхожденію, т.-е.: пользовавшихся до приговоровъ потомственнымъ дворянствомъ—всѣ права дворянства потомственнаго, а принадлежащимъ къ другимъ состояніямъ—права ихъ прежнихъ состояній, но всѣмъ безъ права на прежнія имущества». 2-е Полное Собр. Законовъ, т. XXXII, отд. I, № 31737.

[3]) Какъ мы видѣли, это было разрѣшено Спѣшневу, но онъ этимъ дозволеніемъ не воспользовался.

указа 17 апрѣля 1857 г. «о дарованіи политическимъ преступникамъ ихъ прежнихъ правъ по происхожденію» должны быть распространены и на него, но этого по неизвѣстнымъ причинамъ не сдѣлано. Онъ жаловался на это съ 1862 г., однако права его выяснены не были, и отъ него потребовали, чтобы онъ называлъ себя поселенцемъ съ угрозою, что иначе его прошенія будутъ оставаться безъ послѣдствій, а самъ онъ будетъ подвергнутъ взысканіямъ по уставу о ссыльныхъ, между тѣмъ какъ на основаніи названныхъ актовъ онъ имѣетъ право считать себя потомственнымъ дворяниномъ [1]. Далѣе Петрашевскій жаловался на то, что инспекторъ енисейской врачебной управы Фроммеръ въ донесеніи начальнику губерніи отъ 3 іюня 1861 г. (см. выше) объявилъ его, «вопреки истинѣ, одержимымъ мономаніей и общимъ умопомѣшательствомъ» и описалъ его «состояніе въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ обыкновенно въ курсахъ патологіи и судебной медицины описываются признаки сихъ болѣзней и какими они въ нихъ опредѣляются» [2].

Вскорѣ послѣ того, 23 сентября 1863 г., Петрашевскій отправилъ Корсакову новое прошеніе, въ которомъ говоритъ, что хотя высылкою его изъ Иркутска въ февралѣ 1860 г. совершенно уничтожена «дѣйствительность» его долга въ благотворительный капиталъ Главн. Упр. В. С., тѣмъ не менѣе, для пополненія этого долга, у него удерживаютъ треть изъ назначеннаго ему изъ казны пособія, и уже удержано 95 р. с. Донесеніе инспектора врачебной управы Фроммера, по словамъ Петрашевскаго, лишило его «возможности имѣть средства къ существованію отъ занятій, соотвѣтствующихъ» его «познаніямъ и способностямъ». Послѣ 5 мая 1862 г. онъ подавалъ прошенія енисейскому губернатору о производствѣ ему пособія изъ казны въ увеличенномъ размѣрѣ, т.-е. по 230 руб. въ годъ [3], но они не только не были удовлетворены, но ему не были выданы и тѣ деньги, которыя до тѣхъ поръ отпускались ему взамѣнъ пайка и одежды. Такимъ образомъ повелѣніе государя относительно улучшенія матеріальнаго положенія неимущихъ по-

---

[1]) Называя себя, однако, въ прошеніи поселенцемъ, Петрашевскій спѣшитъ пояснить, что «сей фактъ значенія добровольнаго отказа моего отъ правъ, мнѣ всемилостивѣйше дарованныхъ, отнюдь не имѣетъ, и что онъ нисколько дѣйствительности оной не умаляетъ, ибо самъ правъ я могу быть лишенъ не иначе, какъ за преступленіе и по приговору суда».

[2]) Петрашевскій говоритъ, что объ этомъ 7 августа 1861 г. заявлялъ въ разныхъ прошеніяхъ, поданныхъ начальникамъ Енисейской губерніи, но они не обращали на нихъ вниманія, а нѣкоторыя въ 1863 г. были возвращены ему съ надписью: «безъ достаточнаго основанія».

[3]) На основаніи высочайшаго повелѣнія по этому предмету, изложеннаго въ отношеніи шефа жандармовъ отъ 11 марта 1861 г. къ испр. должн. ген.-губ. В. Сибири, и предписаній испр. должн. ген.-губ. къ енисейскому губернатору отъ 4 мая 1861 г. и 23 декабря 1860 г.

литическихъ ссыльныхъ Восточной Сибири чрезъ удвоеніе выдаваемаго изъ казны пособія не только не увеличило его средствъ къ жизни, но «было поводомъ къ уменьшенію ихъ въ весьма значительномъ размѣрѣ». Петрашевскій утверждалъ, что вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія ему слѣдовало получить изъ казны пособія за 1861 и 1862 гг. 460 р. с., а ему было выдано всего 114 руб. Онъ просилъ выдать ему недоданныя деньги и кромѣ того 230 руб. за 1863 г. и возвратить неправильно удержанные 95 руб. Корсаковъ запросилъ заключенія енисейскаго губернатора, и тотъ отвѣчалъ, что изъ назначаемаго Петрашевскому ежегоднаго денежнаго пособія отъ казны удерживается одна треть въ погашеніе его долга благотворительному капиталу Восточной Сибири. Въ донесеніи инспектора енисейской врачебной управы Фроммера Замятнинъ не нашелъ признанія Петрашевскаго помѣшаннымъ, а потому и не передалъ одной изъ его просьбъ на разсмотрѣніе губернскаго совѣта. Далѣе Замятнинъ говоритъ, что спрашивалъ разрѣшенія, можетъ ли онъ ходатайствовать о выдачѣ Петрашевскому казеннаго пособія въ увеличенномъ размѣрѣ, но предсѣд. въ Совѣтѣ Главн. Упр. г.-л. Жуковскій отвѣчалъ, что не можетъ этого разрѣшить, потому что такое пособіе предоставляется только тѣмъ политическимъ преступникамъ, которые не могутъ снискивать себѣ пропитаніе по старости и болѣзни или обременены семействомъ. Ходатайствовать о выдачѣ Петрашевскому казеннаго пособія въ 230 руб. Замятнинъ не находилъ возможнымъ, такъ какъ онъ можетъ существовать и при пособіи въ 114 руб. 28½ коп., ибо «самый, повидимому, главнѣйшій предметъ расхода денегъ у него... многочисленныя неосновательныя жалобы и просьбы, сопряженныя съ покупкою для сего весьма большого количества гербовой бумаги», и этотъ расходъ едва ли не равняется въ теченіе года получаемому имъ пособію. Онъ требовалъ, чтобы Петрашевскій называлъ себя въ прошеніяхъ поселенцемъ, а не дворяниномъ. Когда Петрашевскій обратился въ петербургское дворянское депутатское собраніе съ просьбою о внесеніи его въ родословную книгу, то оно, снесясь съ III отдѣленіемъ собственной Е. Вел. Канцеляріи и узнавъ что Петрашевскій до сихъ поръ состоитъ поселенцемъ, отказалось приступить къ разсмотрѣнію его правъ, о чемъ и просило 28 августа 1863 г. енисейскаго губернатора объявить Петрашевскому. Въ заключеніе, принимая во вниманіе, что онъ «имѣетъ, повидимому, главнымъ, постояннымъ и любимымъ занятіемъ своимъ, по свойственной ему страсти къ писанію, составленіе и подачу въ разныя мѣста и къ разнымъ лицамъ неподлежащихъ удовлетворенію просьбъ» и имѣя также въ виду близ-

кое его знакомство съ присылаемыми въ Красноярскъ и препровождаемыми чрезъ него политическими преступниками изъ поляковъ, Замятнинъ полагалъ, что Петрашевскій, «по извѣстному своему и прежде вольнодумству», можетъ причинить большой вредъ и просилъ разрѣшить выслать его въ Шушенскую волость съ тѣмъ, чтобы ему дозволялось отлучаться въ Минусинскъ только по уважительнымъ причинамъ, и сдѣлать ему внушеніе, что если онъ и впредь «не прекратитъ подачу и посылку своихъ неосновательныхъ просьбъ, то будетъ лишенъ выдаваемаго ему пособія».

Корсаковъ 12 декабря 1863 г. отвѣчалъ, что признаетъ прошенія Петрашевскаго отъ 9 и 23 сентября неподлежащими удовлетворенію, что же касается высылки его на мѣсто причисленія, то (на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 марта 1862 г.) это зависитъ отъ самого енисейскаго губернатора. Видимо, Корсаковъ и Замятнинъ, въ виду встрѣчаемой иногда Петрашевскимъ защиты въ высшихъ сферахъ, хотѣли свалить другъ на друга отвѣтственность за эту мѣру.

Напротивъ, Ѳ. Н. Львовъ лѣтомъ 1863 г. получилъ возможность возвратиться въ Петербургъ, и Петрашевскій снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ А. В. и А. И. Семевскимъ, въ которомъ просилъ ихъ Ѳ. Н. Львова и его жену «принять и во всемъ быть, какъ бы вы были со мною или съ лучшими вашими друзьями и родственниками».

Въ ноябрѣ 1863 г. Петрашевскій обратился въ енисейскую казенную палату съ просьбою о причисленіи его въ красноярскіе мѣщане. Палата увѣдомила губернатора, что въ своемъ прошеніи о выдачѣ ему денежнаго пособія отъ казны Петрашевскій опять назвалъ себя потомственнымъ дворяниномъ, и потому Замятнинъ приказалъ общей городовой управѣ обязать его подпискою, чтобы онъ не присваивалъ себѣ дворянскаго званія. Но Петрашевскій не согласился дать эту подписку, заявивъ, что имѣетъ право называть себя дворяниномъ. Тогда Корсаковъ предписалъ подвергнуть Петрашевскаго отвѣтственности (на основаніи 803 и 804 ст. XIV т. Уст. о ссыльн., изд. 1857 г.) съ тѣмъ, чтобы на первый разъ изъ опредѣляемыхъ этими статьями наказаній было примѣнено заключеніе подъ стражу на срокъ не болѣе мѣсяца [1]). Замятнинъ донесъ 16 января 1864 г., что Петрашевскій заключенъ на мѣсяцъ въ красноярскій тюремный замокъ.

[1]) Кромѣ заключенія подъ стражу, ссыльно-поселенцы на основаніи этой статьи «за маловажныя преступленія и проступки» могли подвергнуться: 1) тѣлесному наказанію розгамъ до 100 ударовъ, 2) употребленію въ общественную работу на срокъ не долѣе мѣсяца, 3) отдачѣ въ работу на заводъ или въ арестантскую или поселенческую рабочую роту на время до одного года.

Но 18 января ночью енисейскій губернаторъ получилъ изъ Петербурга отъ г.-м. Потапова телеграмму: «Петрашевскій телеграфомъ проситъ защиты; прошу объявить ему, что отсюда не могутъ быть сдѣланы распоряженія». Замятнинъ немедленно сталъ разслѣдовать, какъ могъ успѣть Петрашевскій отправить телеграмму въ Петербургъ. Оказалось, что 16 января, въ то время, когда его доставляли съ квартиры въ полицію, испр. должн. полицмейстера Вахрушевъ сдалъ его смотрителю острога, Петрашевскій отпросился къ себѣ на квартиру подъ предлогомъ, что онъ забылъ нѣкоторыя, очень нужныя ему вещи и въ это время распорядился отправить въ Петербургъ двѣ телеграммы: одну на имя генерала Потапова, прося въ ней «защиты и суда», такъ какъ разсмотрѣть вопросъ о его правахъ, которыя онъ считаетъ возвращенными ему волею государя, долженъ правительствующій сенатъ, а не мѣстное начальство, а другую телеграмму поручилъ своему повѣренному отправить на имя ген.-ад. Лутковскаго, въ которой просилъ его защиты, такъ какъ считаетъ себя неправильно заключеннымъ подъ стражу. Телеграмму Потапова Замятнинъ лично объявилъ Петрашевскому въ тюремномъ замкѣ. Сообщая Корсакову о «хитромъ обманѣ» и «лукавствѣ», съ которыми были отправлены телеграммы, Замятнинъ извѣщалъ, что такъ какъ Петрашевскій подаетъ «самый дурной и вредный примѣръ своими нескончаемыми ослушаніями и своевольствомъ и нисколько, повидимому», не заботится «объ исправленіи своемъ», то по окончаніи мѣсячнаго срока тюремнаго заключенія онъ будетъ немедленно высланъ изъ Красноярска въ мѣсто его причисленія,— Шушенскую волость.

Нужно замѣтить, что членъ военнаго совѣта и инспекторъ войскъ ген. И. С. Лутковскій, которому Петрашевскій отправилъ телеграмму, уже нѣсколько ранѣе заинтересовался участью Петрашевскаго. 15 ноября 1863 г., пріѣхавъ въ Иркутскъ по обязанностямъ службы, онъ секретно написалъ Корсакову письмо, въ которомъ говоритъ, что Петрашевскій обратился къ нему съ прошеніемъ, повторялъ его жалобы и, оговариваясь, что хотя, «по свойству и содержанію» его прошенія, «оно подлежитъ разсмотрѣнію правительствующаго сената», но «до передачи его министру юстиціи» просилъ Корсакова дать разъясненія по поводу жалобъ Петрашевскаго.

Корсаковъ въ письмѣ отъ 22 ноября 1863 г. исполнилъ желаніе Лутковскаго и, между прочимъ, сообщилъ, что изложенныя въ именномъ указѣ сенату 17 апрѣля 1857 г. милости, заключающіяся въ возвращеніи дворянскихъ правъ, дарованы были только тѣмъ политическимъ преступникамъ, которымъ на основаніи высочай-

шаго повелѣнія дозволено было возвратиться во внутреннія губерніи Россіи, и Петрашевскаго, какъ оставленнаго въ Сибири на поселеніи, не касаются. Послѣ этого Лутковскій пересталъ хлопотать за Петрашевскаго.

28 марта 1864 г. Замятнинъ донесъ Корсакову, что мѣсячное заключеніе Петрашевскаго подъ стражу, повидимому, не исправило его, и онъ «нисколько не воздержалъ себя отъ дальнѣйшихъ обычныхъ своихъ своевольствъ и во время содержанія его подъ арестомъ въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ снова сочинилъ дерзкое прошеніе, обращенное имъ (совершенно неумѣстно) въ енисейскій губернскій тюремный комитетъ», въ которомъ жалуется на неправильныя будто бы дѣйствія генералъ-губернатора «и всѣхъ мѣстныхъ начальствъ» и снова называетъ себя потомственнымъ дворяниномъ. Въ виду этого, а также, чтобы лишить Петрашевскаго «всякой возможности заводить дальнѣйшія знакомства и связи съ безпрестанно проходящими черезъ Красноярскъ политическими преступниками изъ поляковъ, къ которымъ онъ, повидимому, имѣетъ особенное какое то сочувствіе и влеченіе», Замятнинъ отправилъ Петрашевскаго 21 марта 1864 г. въ Шушенскую волость.

Тюремное заключеніе и высылка изъ Красноярска очень тяжело отразились на здоровьи и душевномъ настроеніи Петрашевскаго. Сохранилось очень обширное письмо его изъ Минусинска отъ 9 апрѣля 1864 г., повидимому, къ находившемуся въ ссылкѣ, очень любимому имъ, студенту Никол. Ник. Освальду, котораго шутя называли въ Красноярскѣ даже сыномъ Петрашевскаго. «Съ послѣдней недѣли моего содержанія въ тюрьмѣ», говоритъ въ этомъ письмѣ Петрашевскій, «нервная система находилась въ особенно возбужденномъ состояніи. Послѣдующія обстоятельства не ослабили, а усилили» это возбужденіе, «точнѣе сказать они его превратили въ перемежающуюся лихорадку своего рода». Петрашевскій приписываетъ этому болѣзненному состоянію то, что онъ слишкомъ пассивно отнесся къ своей высылкѣ и не употребилъ всѣхъ усилій для того, чтобы отсрочить ее или даже добиться отмѣны распоряженія. «Я не припомню», говоритъ онъ, «чтобъ въ жизни моей были для меня минуты, болѣе тягостныя, нежели минуты моего раздумья оставить или не оставлять Красноярскъ». Ссылаясь на письменныя доказательства, Петрашевскій утверждаетъ, будто бы съ 1862 г. ему «было возможно оставить Красноярскъ и перебраться въ Россію», куда бы онъ ни пожелалъ. Мы видѣли, что сдѣлать это легально не представлялось возможности. Быть можетъ, въ 1862 г. ему предлагали помочь бѣжать: не даромъ къ этому

году относится проѣздъ черезъ Красноярскъ Шелгуновыхъ, которые отправлялись въ Забайкалье именно для того, чтобы постараться организовать побѣгъ Михайлова. Какъ бы то ни было, Петрашевскій говоритъ далѣе: «Я этимъ не воспользовался по многимъ причинамъ, которыя изъяснять всѣ излишне, но не могу... умолчать, что въ числѣ ихъ на весьма видномъ мѣстѣ стояло сознаніе возможности Красноярскъ во многихъ отношеніяхъ сдѣлать примѣрнымъ городомъ... Ознакомясь съ красноярскимъ обществомъ, я нашелъ, что въ немъ женщины сравнительно съ мужчинами (едва ли такъ и не вездѣ) у насъ болѣе развиты въ общечеловѣческомъ смыслѣ, способнѣе и склоннѣе искренне ко всему доброму. По прихоти судьбы мнѣ удалось встрѣтить въ Красноярскѣ нѣсколько прекрасныхъ личностей... Мнѣ казалось, что эти личности могли бы имѣть и вездѣ ту цѣну и то значеніе, какую они въ моихъ глазахъ имѣли, разумѣется, если бы онѣ такъ se faire valoire захотѣли и обладали нужнымъ практическимъ умѣніемъ, которое, при солидности такихъ желаній, скоро и легко дается. Вините ихъ въ томъ, что у меня въ этомъ направленіи разыгралась фантазія и что подъ вліяніемъ ея мнѣ представилось, что въ Красноярскѣ можетъ быть помѣщено сердце, если не Россіи, то Сибири въ томъ смыслѣ, какъ Герценъ, говоря про царствованіе Николая, находилъ голову Россіи въ Нерчинскихъ заводахъ... Я въ этомъ отношеніи сдѣлалъ повидимому менѣе, чѣмъ могъ... И особенность моего положенія въ Красноярскѣ, и необходимость литературной производительности, вынуждаемая обстоятельствами, препятствовали многое мнѣ сдѣлать въ этомъ отношеніи... Въ послѣднее время моего пребыванія въ Красноярскѣ обстоятельства заставили меня думать, что... туземная гниль и заѣзжій навозъ» стали «разлагаться и улетучиваться. Меня, какъ соціалиста до конца ногтей, ко всѣмъ системамъ относящагося самостоятельно, весьма занимала и крайне радовала мысль о близкой возможности хоть нѣсколько часовъ въ недѣлю проводить такъ, какъ люди будутъ проводить въ фаланстерахъ (въ общинахъ земледѣльчески-промышленныхъ и просто производительно-промышленныхъ, замѣнившихъ семейства), сгруппировавшись по склонностямъ, талантамъ и другимъ личнымъ свойствамъ для занятій интеллектуальныхъ и удовольствій эстетическихъ и умственныхъ. Если бы вы были хорошо знакомы съ соціализмомъ, и особенно съ ученіемъ Фурье, той частью онаго, въ которой изъяснены всѣ условія организаціи такой промышленно-земледѣльческой общины, которой суждено замѣнить семейство, уничтожить противуестественность всѣхъ существующихъ нынѣ семейственныхъ отношеній, регуляризирующихъ на-

стоящій общественный строй, нашу (и вездѣ) государственность и преимущественно порождающихъ всѣ существующія въ немъ мерзости, вы могли бы вполнѣ понять, каково было состояніе моего духа въ минуты моего раздумья о томъ, какъ мнѣ отнестись къ факту моего бытія или небытія въ Красноярскѣ. Оно было похуже того, въ которомъ я находился, когда фигурировалъ въ 1849 г. на Семеновскомъ плацѣ предъ разстрѣляніемъ, когда па...ая милость меня съ эшафота прямо отвела въ Сибирь. Что сказалъ, поцѣловавъ послѣдняго на эшафотѣ изъ осужденныхъ,—мною исполнено. А то, что сказалъ, перескакнувъ въ цѣпяхъ черезъ троичныя сани, будетъ тоже исполнено, если проживу столько, сколько нужно для этого времени, если дадутъ дожить, или мнѣ самому дожить захочется. Охота жить не всегда отъ насъ зависитъ». Возвращаясь къ своему тяжелому состоянію передъ высылкою изъ Красноярска, Петрашевскій замѣчаетъ: «Въ такомъ положеніи простительно всякому быть невеселымъ. Хоть я ко многому, для другихъ невыносимому, и пріучилъ себя и со многимъ съумѣлъ освоиться, но не могъ не быть въ эти минуты въ весьма мрачномъ расположеніи. Мнѣ думается, если бы я попріучилъ себя спать на кровати съ гвоздями, какъ Рахметовъ (признаю подобное, а не это дѣлалъ), то не находился (бы) въ немъ. Скажите пожалуйста, какъ вы объ этомъ думаете, т.-е. находите ли вы такіе гвозди (т.-е. самоистязанія и самоизуродованія) необходимыми при самовоспитаніи и считаете (ли) нужнымъ каждому самовоспитывающемуся, ради полноты его развитія, себя подвергать разнымъ членовредительствамъ?»

Три красноярскія дамы—Шарлота Эд. Латкина, Ольга Вас. Сидорова и Елиз. Вас. Бостремъ [1]) сдѣлали попытку похлопотать о Петрашевскомъ. Онѣ отправились въ губернское правленіе къ губернатору Замятнину съ просьбою за Петрашевскаго, но губернаторъ накричалъ на нихъ, а г-жѣ Бостремъ даже пригрозилъ, что ея мужъ [2]) можетъ потерять мѣсто, если она будетъ обращаться съ подобными ходатайствами. Петрашевскому это, очевидно, было извѣстно, судя по слѣдующимъ словамъ этого письма: «Скажите Л. В., что я не нахожу словъ, чтобы благодарить ее за ея актъ гражданскаго мужества»; онъ находилъ,

---

[1]) Елизаветѣ В. Бостремъ мы обязаны сохраненіемъ этого письма, а я и сообщеніемъ нѣкоторыхъ къ нему поясненій. Подлинникъ хранится въ Музеѣ А. А. Бахрушина въ Москвѣ; за указаніе на него приношу благодарность А. М. Горькому и М. И. Чайковскому, а за разрѣшеніе имъ воспользоваться и содѣйствіе относительно снятіи копіи А. А. Бахрушину и хранителю музея В. А. Михайловскому.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о Ѳед. Ив. Бостремѣ, служившемъ въ Красноярскѣ губернскимъ ветеринаромъ, см. въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ».

что за это ей должно быть благодарно и все общество, «для котораго такой актъ особенно важенъ. Такіе поступки, какъ взрывы грозовые электричества въ воздухѣ, всегда освѣжаютъ атмосферу, низводя дожди благодатные, и даже въ захирѣвшихъ зачаткахъ общественныхъ силъ возбуждаютъ ростъ. Въ моихъ глазахъ особую цѣну этому поступку даетъ еще и то, что онъ былъ сдѣланъ при неувѣренности въ его успѣхѣ... Скажите Л. В. и имъ, что такія женщины имѣютъ право на любовь и уваженіе всѣхъ. Имъ... выпала прекрасная миссія—по самымъ свойствамъ ихъ природы будить отъ сна человѣчество и такими актами удостовѣрять его, что его ждетъ прекрасное будущее, которое сдѣлать нашимъ настоящимъ мѣшаетъ только наше невѣжество, наша неумѣлость, лѣнь нашей мысли, наша апатія и къ той дѣятельности, на какую намъ самая наша жизнь ежеминутно указываетъ. Имена такихъ дѣятелей, или благодѣтелей человѣчества, и будутъ стоять вмѣсто нашихъ... святыхъ въ святцахъ счастливаго человѣчества. Празднества его въ ихъ память и честь, соотвѣтствующія ихъ качествамъ и дѣйствіямъ, будутъ въ числѣ средствъ непосредственныхъ воспитанія и всесторонняго развитія человѣчества. Они замѣнятъ богослуженія, церковныя проповѣди, нравоученія и т. п. многое, чѣмъ думаютъ людей развить и морализировать въ нашей жалкой цивилизаціи. Въ первую французскую революцію пытались кое-что подобное завести, какъ напримѣръ культъ великихъ людей, т.-е. благодѣтелей человѣчества».

Высоко цѣня участіе тѣхъ немногихъ, которые рѣшились попытаться хлопотать за него, Петрашевскій, однако, находитъ, что въ сущности общество должно было бы сдѣлать нѣчто большее, должно было бы устроить совѣщаніе и условиться относительно того, что слѣдуетъ предпринять. Онъ вспоминаетъ по этому поводу, что въ Минусинскѣ въ 1860 г. по поводу преслѣдованія его со стороны Романовича былъ высказанъ протестъ со стороны мѣстнаго общества. Онъ думаетъ, что могла бы быть «организована агитація en pleine forme, весьма не мало значительная для Красноярска», при которой можно было бы воспользоваться общимъ нерасположеніемъ къ губернатору. Жители Красноярска «разныхъ сословій» могли бы заявить, что они не находятъ несовмѣстнымъ съ ихъ спокойствіемъ пребываніе въ городѣ его, Петрашевскаго. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Участниками «махинаціи» противъ него онъ считалъ инспектора врачебной управы Фроммера, совѣтника губернскаго правленія Вахрушева, золотопромышленника Шепетковскаго и нѣкоторыхъ другихъ, а отчасти жандармскаго полковника Борга, «которые въ этомъ видѣли свой личный интересъ». Но ему все-таки кажется, что

если бы общество выразило горячій протестъ противъ высылки, то губернатору пришлось бы ее отмѣнить.

Къ сожалѣнію, это обширное письмо Петрашевскаго, занимающее 8 страницъ мелкаго письма почтовой бумаги большого формата, не окончено или не вполнѣ сохранилось; напечатать его цѣликомъ мѣшаетъ и тотъ чрезвычайно тяжелый и искусственный слогъ, которымъ вообще онъ привыкъ писать, но во всякомъ случаѣ въ немъ заключаются нѣкоторые любопытныя дополнительныя черты и для его біографіи, и для характеристики его міросозерцанія. Интересно, напримѣръ, отрицательное отношеніе ко всякой «государственности» не только у насъ, но и вездѣ. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, что именно сказалъ онъ послѣднему изъ товарищей, съ которымъ онъ простился на эшафотѣ, и что сказалъ, перескакивая черезъ сани, въ которыхъ его съ мѣста объявленія приговора на Семеновскомъ плацу прямо повезли въ Сибирь. Любопытно также указаніе на литературныя занятія въ Красноярскѣ, упоминаніе о которыхъ, если сопоставить его съ приводимымъ ниже упоминаніемъ объ отправленіи какихъ-то корреспонденцій въ газеты даже изъ села Бѣльскаго Енисейскаго округа, гдѣ онъ покончилъ свою жизнь, заставляютъ насъ думать, что, хотя вообще литературная дѣятельность Петрашевскаго была и не велика, но все же кое-что въ этомъ отношеніи остается еще и вѣроятно останется нераскрытымъ.

IV.

Послѣдніе годы жизни въ Минусинскомъ и Енисейскомъ округахъ.

Лѣтомъ 1864 г., уже изъ Минусинскаго округа, Петрашевскій послалъ прошеніе въ Главн. Управл. В. С., въ которомъ, между прочимъ, упоминалъ о повелѣніи государя въ 1861 г., данномъ по просьбѣ Александры Васильевны Петрашевской о нестѣсненіи его въ выборѣ мѣста жительства. Очевидно, онъ имѣлъ тутъ въ виду ту просьбу своей сестры на имя государя, вслѣдствіе которой шефъ жандармовъ Долгоруковъ заступился за него передъ Корсаковымъ (см. выше). На прошеніи этомъ предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ г.-м. Шелашниковымъ была сдѣлана надпись о возвращеніи прошенія вслѣдствіе нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ немъ выраженій, при чемъ упоминалось, что высоч. повелѣнія 1861 г., о которомъ упоминаетъ Петрашевскій, въ дѣлахъ Главнаго Упр. нѣтъ, если же онъ еще разъ обратится съ такою неосновательною просьбою, то его слѣдуетъ предать суду. 29 іюля 1864 г. минусинскій земскій исправникъ донесъ енисейскому губернатору, что до іюля мѣсяца Петрашевскій «хотя велъ себя

не совсѣмъ безукоризненно и дозволялъ себѣ самовольныя отлучки изъ Шушенскаго селенія въ Минусинскъ, но однако жъ не было такихъ случаевъ, которые рекомендовали бы его особенно дурно»; съ іюля же онъ «всѣми неправдами старается противодѣйствовать распоряженіямъ начальства и внушаетъ подобныя мысли другимъ». Въ особенности онъ замѣченъ «въ тайномъ сношеніи съ арестованнымъ по дѣлу объ убійствѣ семейства купца Чернышева поселенцемъ Фельдгазеномъ, и... есть даже нѣкоторое подозрѣніе, что чрезъ посредство неблагонамѣренныхъ людей» онъ способствовалъ запирательству подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Чернышева, и потому арестованъ. Словомъ, Петрашевскій «съ каждымъ днемъ все болѣе» возбуждаетъ противъ себя подозрѣніе, а такъ какъ въ селѣ Шушенскомъ и сосѣднихъ деревняхъ есть много людей «предосудительной жизни», въ которыхъ онъ «вкореняетъ еще больше наклонность къ ябедничеству и разнаго рода кляузамъ», то земскій исправникъ просилъ выслать его изъ Минусинскаго округа.

Енисейское общее губернское управленіе сообщило объ этомъ предсѣдательствующему въ Совѣтѣ Главн. Упр. В. С. и просило разрѣшенія выслать Петрашевскаго въ Туруханскъ или въ самое отдаленное мѣсто Енисейскаго округа. Корсаковъ немедленно отвѣчалъ, что если подтвердится, что Петрашевскій «подозрителенъ и опасенъ» въ теперешнемъ мѣстѣ жительства, то слѣдуетъ водворить его въ Туруханскѣ, а не въ Енисейскомъ округѣ.

Надъ несчастнымъ Петрашевскимъ все болѣе скоплялись тучи. 26 августа чиновникъ енисейскаго губернскаго суда Вавиловъ прислалъ донесеніе «о поступкахъ поселенца Буташевича-Петрашевскаго по дѣлу объ убійствѣ купца Чернышева», въ которомъ говоритъ: «Предсѣдателемъ и настройщикомъ нѣкоторыхъ преступниковъ къ несознанію, а Василія Непомнящаго къ отрицательству отъ своего показанія мною оподозрѣнъ находящійся въ селѣ Шушенскомъ поселенецъ Михайло Буташевичъ-Петрашевскій». Розыски для улики преступниковъ, не сознавшихся еще въ убійствѣ Чернышева, будутъ продолжаться въ селѣ Шушенскомъ до окончанія слѣдствія, или же до того, какъ они сознаются, а потому «въ пресѣченіе... противузаконнаго вліянія» Петрашевскаго «на умы лицъ, подвергшихся» допросамъ, и чтобы не дать ему возможности «настроить ихъ къ несознанію», онъ, Вавиловъ, предписалъ шушенскому волостному правленію немедленно удалить Петрашевскаго изъ села Шушенскаго въ одну изъ деревень, находящихся не на самой дорогѣ къ Минусинску, и имѣть строгій надзоръ, чтобъ онъ не отлучался оттуда впредь до особаго распоряженія.

6 декабря 1864 г. мать Петрашевскаго, Θедора Дмитріевна, обратилась къ Корсакову, находившемуся тогда въ Петербургѣ, съ письмомъ, въ которомъ, упомянувъ объ удаленіи ея сына въ Шушенскую волость «съ самыми тяжелыми», какъ она «слышала, ограниченіями», далѣе говоритъ: «Не позволяя себѣ входить въ разсужденія о причинахъ вашего на него неудовольствія, я обращаюсь къ вашему сердцу и убѣдительнѣйше прошу васъ объ одномъ: взявъ во вниманіе несчастную жизнь моего сына и то естественное раздраженіе, въ которомъ онъ находится, не только не препятствовать перемѣщенію его въ Западную Сибирь, но даже не отказать въ своемъ великодушномъ содѣйствіи» [1]). 23 января 1865 г. мать Петрашевскаго получила отвѣтъ, что ген.-губернаторъ Восточной Сибири не имѣетъ съ своей стороны препятствій къ переводу ея сына въ Западную Сибирь, «если высшее правительство найдетъ возможнымъ допустить этотъ переводъ». 20 марта 1865 г. Петрашевская обратилась къ Корсакову съ новымъ письмомъ, въ которомъ просила его «не заградить» для ея сына «царской милости, вѣроятно имѣющей излиться на несчастныхъ по случаю предстоящаго бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича... Если невозможно будетъ, продолжаетъ она, «оказать большей милости, то дозволеніе жить ему въ Пермской губерніи, гдѣ въ настоящее время находится его сестра, могущая родственною заботливостью своею успокоить его страждущую душу, было бы, по мнѣнію моему, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ облегченію его участи и моимъ успокоеніемъ». Петрашевская прибавляла въ письмѣ къ Корсакову, что въ его рукахъ «доставить радость и утѣшеніе престарѣлой матери, которая при физическихъ страданіяхъ не перестаетъ скорбѣть о тяжкой долѣ своего сына». Если бы сохранились такихъ два-три письма Θедоры Дмитріевны, какъ много восторженныхъ словъ можно было бы написать о нѣжныхъ материнскихъ чувствахъ этой чудной матери, но увы! мы знаемъ, что трудно было хуже относиться къ сыну [2]), и письма эти были написаны по настоянію ея дочери, Александры Васильевны, да ею же и составлены.

---

[1]) Повидимому Θедора Дмитріева написала письмо о томъ же и шефу жандармовъ, кн. Вас. Андр. Долгорукову. По крайней мѣрѣ, у меня есть черновикъ такого письма отъ того же 6 декабря 1864 г., написанный рукою А. В. Семевской.

[2]) Какъ нетаровата была Θ. Д. на уплату долговъ сына, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ декабрѣ 1858 г. Петрашевскій занялъ 100 руб. до востребованія у Ст. Ст. Попова, который позднѣе былъ однимъ изъ издателей «Амура». Находясь въ Петербургѣ, онъ захотѣлъ получить долгъ отъ Θ. Д. Изъ имѣющагося у меня документа видно, что 19 марта 1864 г. она уплатила ему 20 руб., 4 іюня того же года 10 руб., 19 іюня—5 руб., 10 іюля—5 руб., 18 іюля—5 руб. Итого Поповъ получилъ 45 руб., а затѣмъ, вѣроятно, махнулъ рукой на этого Плюшкина въ юбкѣ.

Корсакову показалось соблазнительнымъ освободиться отъ Петрашевскаго, съ которымъ у него было такъ много хлопотъ, и онъ 7 апрѣля 1865 г. написалъ Долгорукову: «Политическій преступникъ Михаилъ Петрашевскій находится нынѣ на поселеніи въ Енисейской губ., и по поступкамъ его и дѣйствіямъ можно судить, что умственныя способности его не находятся въ совершенно нормальномъ состояніи. Имѣя въ виду значительный наплывъ въ Восточную Сибирь политическихъ преступниковъ изъ Царства Польскаго и Западныхъ губерній и могущія быть дурныя послѣдствія отъ сближенія ихъ съ Петрашевскимъ въ отношеніи сохраненія порядка въ краѣ, я полагалъ бы полезнымъ перемѣстить послѣдняго въ Западную Сибирь или въ одну изъ губерній Европейской Россіи, въ такое мѣсто, гдѣ не находится много сосланныхъ преступниковъ»... Но Долгоруковъ отвѣчалъ ему 18 мая 1865 г., что перемѣщеніе Петрашевскаго изъ Восточной Сибири считаетъ неудобнымъ. Вѣроятно, у императора Александра II, слѣдившаго за дѣломъ Петрашевскаго въ 1849 г., сохранилось въ нему недружелюбное отношеніе.

20 марта 1865 г. Ѳедора Дмитріевна обратилась съ такою же просьбою къ енисейскому губернатору Замятнину, и онъ, не зная о только что упомянутомъ отказѣ Долгорукова, попробовалъ замолвить слово за Петрашевскаго. Замятнинъ не встрѣтилъ «особенныхъ препятствій къ удовлетворенію ходатайства» матери Мих. Вас. о дозволеніи ему проживать у сестры въ Пермской губ., «гдѣ во всякомъ случаѣ можно будетъ учредить за нимъ такой же полицейскій надзоръ, какъ и въ Енисейской губерніи». Но Корсаковъ сообщилъ Замятнину объ отказѣ со стороны Долгорукова.

Мы видѣли, что какой-то мелкій чиновникъ, посланный для судебнаго слѣдствія въ Шушу, нашелъ опаснымъ даже и тамъ пребываніе Петрашевскаго, и его перевели въ глухую деревню въ Верхній Кебежъ [1]). Оттуда 11 марта 1865 г. онъ написалъ весьма любопытное письмо своему зятю, А. И. Семевскому. Такъ какъ оно хорошо рисуетъ ужасное положеніе Петрашевскаго въ это время, то привожу его почти цѣликомъ:

...«Я подвергся весьма многимъ непріятностямъ отъ разнаго мѣстнаго гнуса (въ Сибири такъ зовутъ разныхъ непріятныхъ насѣкомыхъ, чиновниковъ и гадовъ), отъ котораго мнѣ пришлось открываться на гербовой бумагѣ чернильными орѣшками съ желѣзнымъ купоросомъ. Это заставило меня потратить немало труда и времени вовсе не такъ, какъ мнѣ желалось. Отъ сихъ и многихъ другихъ причинъ я отправляю мою жалобу къ Министру

---

[1]) Въ 115 верстахъ отъ Минусинска; въ ней было тогда 40 дворовъ, а жителей 91 муж. и 88 жен. пола.

Внутреннихъ Дѣлъ съ сею же почтою, тогда какъ ее мнѣ слѣдовало еще въ іюлѣ отправить. Она на мой взглядъ во многихъ статьяхъ красивѣе моихъ жалобъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и въ сенатъ, которыя были мною въ 1860 г. поданы на мой увозъ въ Минусинскъ.

«Если ваши добрыя намѣренія относительно меня остались въ прежней силѣ, то просите, т.-е. пусть проситъ А. В., чтобы мнѣ разрѣшено было прибыть къ Вамъ въ Екатеринбургъ. Мнѣ кажется, что такая просьба Александры Васильевны должна быть удовлетворена, ибо столь мизерная грація не можетъ ничьего попортить пищеваренія. Если бы это предположеніе осуществилось, я былъ бы весьма доволенъ, потому что былъ (бы) съ родными, въ искренности расположенія которыхъ увѣренъ, и въ такой мѣстности, гдѣ легко имѣть занятія, могущія доставить весьма достаточныя средства къ жизни.

«Меня минусинскія власти изъ Шуши выпроводили въ деревню Верхній Кебежъ, которую по гигиеническимъ или климатическимъ условіямъ слѣдуетъ назвать Каенной, ибо здѣсь свирѣпствуютъ лихорадки и цынга. Цынга уже у меня обнаружилась, но я пріостановилъ ея развитіе по способу Распайля, принимая камфарный спиртъ, разводя водой. Надобно было имѣть еще свѣжія овощи, а здѣсь ни картофелю, ни капусты нѣтъ. Ожидая посѣщенія лихорадки, я припасаю средства, чтобы она ко мнѣ не привязалась, тоже по методѣ Распайля. По невозможности имѣть свѣчи мнѣ доводилось неразъ пробавляться лучиной. Изъ сего факта вы можете заключать о степени цивилизаціи этой мѣстности и моего матеріальнаго благосостоянія. За политикой слѣжу урывками по Сыну Отечества. Съ сентября не читалъ даже и русскихъ журналовъ. Разныя книги и книжицы, что у меня были, перечиталъ. Между прочимъ, я развлекаюсь непосредственнымъ наблюденіемъ развитія общественности въ народѣ. Мои наблюденія подтверждаютъ мое стародавнее убѣжденіе, что отъ степени матеріальнаго благосостоянія зависитъ преимущественно развитіе всѣхъ сторонъ общественности, что при недостаточномъ питаніи мозгъ нехорошо работаетъ, и что замѣна растительной пищи животной будетъ могучимъ двигателемъ всѣхъ реформъ общественныхъ... По методѣ Распайля лечу и произвелъ нѣсколько чудесныхъ исцѣленій».

Вѣроятно жизнь въ этой деревушкѣ рисуетъ разсказъ одного изъ политическихъ ссыльныхъ, М. Маркса, о томъ, въ какихъ условіяхъ жилъ Петрашевскій въ Минусинскомъ округѣ:

«Засѣдатель помѣстилъ его на квартирѣ, съ которой онъ не долженъ былъ отлучаться: она состояла изъ отдѣльной избушки,

которая, къ несчастью, не была проморожена предыдущею зимою.—Одну изъ многихъ египетскихъ казней въ Сибири составляютъ насѣкомыя—тараканы. Это не европейскіе тараканы... темно-бурые, большіе и тяжелые, а прусаки... зеленоватые, малые и проворные. Крестьяне, чтобы избавиться отъ нихъ хотя на время, въ самые жестокіе морозы, градусовъ въ 40, выселяются изъ своихъ избъ куда-нибудь по сосѣдству, отворяютъ двери, выставляютъ окна и наваливаютъ на полъ груды снѣга. Это называется вымораживаніемъ, безъ котораго насѣкомыя до того размножаются, что ни потолка, ни стѣнъ, ни стола, ни полатей, ни наръ совсѣмъ не бываетъ видно, а полъ весь застилается мягкимъ ковромъ скинутыхъ тараканами при мѣняніи кожицъ и лопнувшихъ яичныхъ мѣшечковъ. Въ такой избѣ съѣстного ничего держать нельзя. Все будетъ съѣдено въ нѣсколько часовъ. Даже промоченные сапоги и съ подошвами уничтожаются быстро, а о заползаніи подъ бѣлье, въ носъ, въ глаза, въ уши и ротъ и объ укусахъ ихъ и говорить нечего. Въ такой квартирѣ долженъ былъ жить Петрашевскій» [1]).

Черезъ нѣкоторое время Петрашевскій былъ вновь возвращенъ въ Шушу, какъ видно изъ письма оттуда отъ 3 ноября 1865 г. А. И. Семевскому [2]).

О судьбѣ бумагъ, упоминаемыхъ Петрашевскимъ въ письмѣ къ А. И. Семевскому отъ 3 ноября 1865 г. мы узнаемъ изъ офиціальной переписки. Вѣроятно, въ іюнѣ 1865 г., Петрашевскій одновременно отправилъ два прошенія: одно—въ министерство внутреннихъ дѣлъ, другое—на имя государя. Въ томъ, которое было получено министромъ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ іюля, Петрашевскій повторялъ свои жалобы на непримѣненіе къ нему и къ другимъ объявленнаго смягченія ихъ участи. Валуевъ препроводилъ эту бумагу въ III отдѣленіе собств. Е. В. канцеляріи. Въ то же время было получено прошеніе на имя государя, которое статсъ-секретарь кн. Долгорукій также переслалъ начальнику III отдѣленія. Изложеніе этого прошенія ген.-м. Мезенцовъ,

---

[1]) «Рус. Стар.» 1889 г., № 5, стр. 475.

[2]) Извѣщая его о томъ, что деньги, посланныя имъ и Александрою Васильевною 12 августа, онъ получилъ только 1 ноября, онъ въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говоритъ: «Мѣстныя власти по старому занимаются измышленіемъ мнѣ разныхъ пакостей. По сіе время на просьбы мои къ Министру Внутреннихъ дѣлъ и Императору оффиціальнаго отвѣта не имѣю, и сіе меня не тревожитъ, ибо по просьбѣ моей, посланной въ сенатъ 5 мая изъ-за неправильнаго съ меня требованія 60 коп. серебромъ исправникомъ и распоряженія его о взысканіи ихъ грабительскимъ способомъ, отъ него требуется объясненіе. Я просилъ виновныхъ въ этомъ лицъ судить въ С.-Петербургской или Московской уголовной палатѣ.—Въ настоящее время я живу въ селѣ Шушѣ и не благоденствую. Причина моего нечастаго писанія заключается въ томъ, что интереснаго для васъ здѣсь не имѣется, а если писать, то ни о чемъ другомъ не доведется, какъ о мерзостяхъ».

какъ видно изъ его отношенія къ Валуеву, нашелъ «крайне неприличнымъ», такъ какъ въ ней Петрашевскій позволилъ себѣ «весьма дерзко осуждать дѣйствія главнаго начальства Восточной Сибири», жаловался на непримѣненіе къ нему милостей, дарованныхъ государемъ, на невыдачу ему пособія въ размѣрѣ 230 руб. Доложивъ государю о просьбѣ Петрашевскаго, Мезенцовъ, по волѣ государя, просилъ Валуева чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири: 1) объявить Петрашевскому, что на основаніи высоч. повелѣнія 26 августа 1856 г. онъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ съ переводомъ на поселеніе въ Сибири и можетъ пользоваться только правами, предоставленными ссыльно-поселенцамъ изъ политическихъ преступниковъ, указъ же 17 апрѣля 1857 г (см. выше) къ нему не относится; 2) обязать его подпискою, что онъ затѣмъ просьбами о томъ же никого утруждать не будетъ подъ угрозою въ противномъ случаѣ строгаго взысканія, и что дальнѣйшаго облегченія участи онъ можетъ ожидать только при скромномъ поведеніи, раскаяніи и желаніи загладить его настоящее, весьма неприличное, поведеніе; 3) сдѣлать ему строгое замѣчаніе, что, онъ послѣ воспрещенія ему называться непринадлежащимъ ему званіемъ дворянина, позволилъ себѣ на конвертѣ, въ которомъ прислано было его всеподданѣйшее прошеніе, именовать себя этимъ званіемъ, и сдѣлалъ это, какъ онъ объяснилъ, съ тою цѣлью, дабы мѣстныя власти знали, что ихъ насилія были не властны надъ его убѣжденіемъ въ томъ, что ему принадлежатъ права, дарованныя указомъ 17 апрѣля 1857 г.; 4) объявить ему, что пособіе въ размѣрѣ 230 руб. разрѣшено производить только тѣмъ изъ политическихъ преступниковъ, которые по старости или болѣзни не могутъ снискивать себѣ пропитаніе трудами или обременены семействомъ; 5) такъ какъ полученіе въ Петербургѣ прошеній прямо отъ него, а не чрезъ мѣстное начальство доказываетъ, что не исполняются правила, установленныя для переписки политическихъ преступниковъ, то сдѣлать распоряженіе о подчиненіи его этимъ правиламъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мезенцовъ указывалъ Корсакову, что «непозволительное неприличіе, съ какимъ» Петрашевскій «изложилъ свою всеподданнѣйшую просьбу, доказывающее совершенное непониманіе условій отношенія его къ Священной Особѣ Его Императорскаго Величества, вызываетъ необходимость внушить Петрашевскому его обязанности вѣрноподданническаго долга и того чувства благоговѣнія, съ какимъ вѣрноподданный долженъ относиться къ Государю Императору» [1].

---

[1]) Въ статьѣ г. Арефьева о жизни Петрашевскаго въ Сибири есть такое извѣстіе: «одинъ старожилъ передавалъ мнѣ со словъ самого Петрашевскаго, что въ Шушѣ изгнанникъ подвергался даже наказанію розгами»

Ужасное положеніе Петрашевскаго заставляло его принимать самыя отчаянныя рѣшенія: чтобы вырваться изъ глуши Минусинскаго округа, онъ задумалъ даже проситься въ солдаты на Кавказъ [1]). Просьба эта удовлетворена не была.

Всѣмъ вышеописаннымъ еще не покончились злоключенія Петрашевскаго. 3 февраля 1866 г. изъ Красноярска былъ отправленъ слѣдующій доносъ въ Иркутскъ полковнику Ив. Конст. Педашенку, завѣдывавшему временнымъ управленіемъ по надзору за политическими преступниками: «Въ одной изъ волостей Минусинскаго округа, назначенныхъ для поселенія политическихъ преступниковъ,—въ Шушенской, въ настоящее время живетъ знаменитый по направленію и неисправимый Буташевичъ-Петрашевскій; вліяніе его на мѣстныхъ жителей и теперь замѣтно, когда же онъ очутится въ близкомъ соприкосновеніи съ людьми, такъ подходящими къ его симпатіямъ, то ни въ какомъ случаѣ не останется спокойнымъ и можетъ причинить со временемъ большія хлопоты. Не доложете ли вы объ этомъ Михаилу Семеновичу» (Корсакову) «и не признаетъ ли Е. В-во возможнымъ перемѣстить его, напримѣръ, въ одну изъ волостей енисейскаго округа, гдѣ не будетъ политическихъ преступниковъ».

Письмо получено было въ Иркутскѣ 18 февраля, и уже 21 февраля Корсаковъ отправилъ слѣдующее предписаніе енисейскому губернатору:

(«Рус. Стар.» 1902 г., № 1, стр. 182). Если бы это дѣйствительно было такъ, то всего скорѣе этотъ ужасный моментъ въ жизни Петрашевскаго можно было пріурочить къ тому, когда Мезенцовъ приказалъ «внушить» ему его обязанности «вѣрноподданническаго долга», но въ преданіяхъ о Петрашевскомъ встрѣчается не мало невѣрныхъ извѣстій, и къ числу ихъ я отношу и разсказъ, будто бы его самого, о тѣлесномъ наказаніи. Такой фактъ Петрашевскій, конечно, не оставилъ бы безъ жалобы и протеста, а между тѣмъ въ офиціальныхъ бумагахъ, по крайней мѣрѣ въ сибирскихъ архивахъ, ихъ нѣтъ. Изъ разсказаннаго выше объ Ип. Завалишинѣ видно, что даже при имп. Николаѣ шефъ жандармовъ не считалъ возможнымъ подвергать государственныхъ преступниковъ въ Сибири тѣлеснымъ наказаніямъ безъ разрѣшенія изъ Петербурга.

[1]) Въ прошеніи на имя ген.-губернатора Восточной Сибири, полученномъ 2 августа 1865 г., онъ говоритъ: «Чрезмѣрность неблагообразія поступковъ администраціи Енисейской губерніи со мною въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ побудила меня желать воспользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ мнѣ правомъ на поступленіе въ военную службу, вслѣдствіе чего я прошеніемъ моимъ, посланнымъ 24 іюня с. г. изъ г. Минусинска г. начальнику губерніи, заявилъ о желаніи моемъ поступить на Кавказъ въ военную службу, просилъ его, согласно моему желанію въ силу воли монаршей, сдѣлать распоряженіе о выдачѣ мнѣ прогонныхъ и подъемныхъ денегъ для слѣдованія моего на Кавказъ». Право свое на немедленное удовлетвореніе этой просьбы онъ основывалъ на 15 п. манифеста 26 августа 1856 г. и высочайшемъ повелѣніи, изложенномъ въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ 24 сентября 1856 г. Онъ просилъ предъ отправленіемъ на Кавказъ разрѣшить ему пробыть въ Красноярскѣ двѣ недѣли для разныхъ распоряженій по его дѣламъ и имуществу.

«По утвержденнымъ мною 8 числа января правиламъ по устройству быта политическихъ преступниковъ, для водворенія въ Енисейской губерніи этихъ ссыльныхъ, занимающихся сельской промышленностью, назначены округа Канскій и Минусинскій. Въ послѣднемъ изъ этихъ округовъ, именно въ Шушенской волости, находится на жительствѣ извѣстный уже своею неблагонадежностью поселенецъ изъ политическихъ преступниковъ Буташевичъ-Петрашевскій, который, какъ донесено мнѣ, имѣетъ и теперь замѣтно вредное вліяніе на мѣстныхъ жителей. Съ водвореніемъ же въ этомъ округѣ политическихъ преступниковъ едва ли можно будетъ устранить, чтобъ Петрашевскій, живя съ этими преступниками хотя и не въ одномъ селеніи, но однако же не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, не имѣлъ близкихъ съ ними сношеній, какъ это замѣчено было уже за нимъ по жительству его въ городѣ Красноярскѣ, и подобное сближеніе Петрашевскаго съ политическими преступниками, по его безпокойному характеру и раздражительности, можетъ имѣть на нихъ весьма вредное вліяніе.

«Поэтому я считаю необходимымъ обратить на это обстоятельство вниманіе В. П. въ томъ предположеніи, что въ видахъ предупрежденія сообщества Петрашевскаго съ водворенными въ Минусинскомъ округѣ политическими ссыльными, не признаете ли за нужное переселить Петрашевскаго въ такую мѣстность Минусинскаго или Енисейскаго округа, гдѣ бы онъ не могъ имѣть никакихъ сношеній съ политическими преступниками».

2 мая Замятнинъ донесъ Корсакову, что назначилъ для житья Петрашевскаго Бѣльскую волость Енисейскаго округа, куда онъ уже и высланъ [1]) и водворенъ въ селѣ Бѣльскомъ «съ учрежденіемъ за нимъ самаго строгаго полицейскаго и ближайшаго со стороны участковаго засѣдателя надзора». Къ этому извѣщенію Замятнинъ добавляетъ: «Петрашевскій, по имѣющимся у меня, самымъ вѣрнымъ и положительнымъ фактамъ, не перестаетъ... попрежнему заниматься одною самою злостною ябедою, ложью и клеветою на *всѣхъ и вся»* [2]).

Но и здѣсь Петрашевскаго не оставили въ покоѣ. 11 іюня 1866 г. Замятнинъ шлетъ Корсакову новое донесеніе: «Хотя въ с. Бѣльскомъ, гдѣ водворенъ былъ политическій преступникъ Буташевичъ-Петрашевскій и нѣтъ на жительствѣ поляковъ, но, имѣя въ виду, что селеніе это непремѣнно должны будутъ очень часто посѣщать поляки», такъ какъ въ немъ находится волостное правленіе, и что при этомъ удобномъ случаѣ «хитрый и пронырливый Петрашевскій очень легко можетъ снова завести здѣсь знакомства и непозволительныя связи съ поляками, я предпочелъ поселить» его въ болѣе удобномъ мѣстѣ, и Петрашевскій переве-

[1]) Предписаніе минусинскаго земскаго исправника о переселеніи Петрашевскаго было дано 31 марта 1866 г. Въ томъ же дѣлѣ былъ доносъ на Петрашевскаго шушенскаго старшины, копія съ манифеста и разная переписка по наблюденію за его образомъ жизни. «Вост. Обозр.», 1887 г., № 26, стр. 12—13.

[2]) Курсивъ подлинника. Петрашевскаго перевозили на новое мѣсто жительства съ такими предосторожностями, что чрезъ Енисейскъ онъ проѣхалъ ночью. «Рус. Стар.», т. 62, стр. 476.

денъ въ д. Балуйскую (?) Бѣльской же волости, въ сторонѣ отъ тракта [1]).

Сколько времени прожилъ здѣсь Петрашевскій, неизвѣстно, но все же онъ былъ возвращенъ назадъ въ с. Бѣльское, гдѣ въ скоромъ времени и скончался. О жизни его здѣсь собралъ гораздо позднѣе подробныя свѣдѣнія г. Арефьевъ.

«Село Бѣльское [2]) и въ настоящее время производитъ самое угнетающее впечатлѣніе на всякаго культурнаго человѣка, случайно попавшаго сюда. Оно представляетъ сотню жалкихъ домишекъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по двумъ оврагамъ, вблизи небольшой, заросшей травою рѣчки. Тайга, точно кольцомъ, охватила село, придвинулась къ самымъ дворамъ и тянется во всѣ стороны почти сплошь на сотни и тысячи верстъ. Лѣтомъ кишитъ страшная мошка, и медвѣди нерѣдко задираютъ скотину подъ самымъ селомъ; волки зимою не боятся даже выходить въ него. Населеніе живетъ довольно бѣдно, почти на половину состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Никакихъ промысловъ жители не знаютъ и живутъ почти исключительно земледѣліемъ, при чемъ собственнаго хлѣба имъ хватаетъ на содержаніе далеко не каждый годъ. Селеній по близости нѣтъ вовсе. Въ культурномъ отношеніи это и теперь почти непочатый уголъ. Несмотря на то, что школа существуетъ здѣсь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, грамотныхъ крестьянъ почти нѣтъ. Иные совсѣмъ уже забыли все, чему учились въ школѣ, другіе—близки къ этому. Это, конечно, вполнѣ естественно, потому что книгъ въ селѣ никакихъ нѣтъ, покупать ихъ не на что, да и негдѣ, читать некогда. Ближе города Енисейска, отстоящаго отъ Бѣльскаго на 100 верстъ (версты «екатерининскія», семисотъ-саженныя), негдѣ купить не только печатнаго листка бумаги, но даже пузырька чернилъ. Въ Енисейскѣ же и ближайшая почтово-телеграфная контора. Если таково культурное положеніе села въ настоящее время, то можно представить, каково оно было въ шестидесятыхъ годахъ, когда здѣсь жилъ Петрашевскій. Старуха..., у которой квартировалъ и въ домѣ которой «онъ» умеръ, разсказываетъ, что въ Бѣльскомъ всѣ его боялись, думали, что онъ знается съ чортомъ». «Это заключили» изъ того, что онъ въ церковь не ходилъ, поповъ не любилъ и вообще жилъ нелюдимымъ.

«Чтобы яснѣе представить себѣ тягость положенія Петрашевскаго, нужно добавить, что некультурность населенія не сопровождается здѣсь симпатичными первобытными нравами.. Ссылка и разгулъ золотопромышленниковъ и пріисковыхъ рабочихъ не обошли заброшенныхъ среди лѣсовъ селъ и способствовали здѣсь, какъ и вездѣ въ Сибири, развитію жажды къ наживѣ и развращенію нравовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ суровая природа и угрюмая обстановка содѣйствовали здѣсь сильному развитію несимпатичныхъ чертъ сибиряка: угрюмости, нелюдимости, эгоизму и безчувственности. Нѣтъ сомнѣнія, что Петрашевскому не разъ приходилось наталкиваться на эти туземныя черты характера. Одинъ мѣстный крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что однажды ребятишки своими насмѣшками и передразниваніями довели Петрашевскаго до слезъ и затѣмъ чуть не до слезъ же тронулъ его этотъ крестьянинъ, заступившійся за него предъ ребятишками...

«Жилъ Петрашевскій въ простой крестьянской избѣ, которая сохранилась до сихъ поръ. Не было у него здѣсь ни родныхъ, ни товарищей, ни мало-мальски близкихъ знакомыхъ. Крестьяне его не долюбливали за его нелюдимость, но смотрѣли на него, какъ на очень важное лицо, потому что онъ очень независимо держалъ себя по отношенію къ мѣстнымъ властямъ и постоянно враждовалъ съ ними. Ходили къ нему только бѣдные

[1]) Въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ» Енисейской губ. (С.-Пб. 1864 г.) такой деревни нѣтъ; можетъ быть Бушуйская, также на р. Бѣлой, по правую сторону Ачинскаго тракта, въ 147 верстахъ отъ Енисейска.

[2]) По Ачинскому тракту въ 101 верстѣ отъ Енисейска; въ немъ была церковь и волостное правленіе. Дворовъ 112, жителей 321 муж. пола и 316 женскаго.

крестьяне; онъ писалъ имъ разныя прошенія и жалобы, помогалъ совѣтами и лѣчилъ ихъ. Разсказываютъ, что онъ посылалъ въ газеты какія-то статьи, отправляя ихъ на почту потихоньку отъ волостного начальства, при оказіяхъ въ городъ. Съ городскимъ начальствомъ Петрашевскій былъ въ большой враждѣ, выводилъ, по разсказамъ старожиловъ, на свѣжую воду всѣ ихъ грѣхи, писалъ на нихъ жалобы и этимъ навлекъ на себя ихъ общую ненависть. Однажды онъ ѣздилъ въ Енисейскъ изъ-за какихъ-то столкновеній съ начальствомъ. Возвратился оттуда бодрымъ и здоровымъ, поужиналъ, а на утро его нашли въ постели мертвымъ [1]). Народная молва приписала его скоропостижную смерть отравленію, которое будто бы было произведено въ городѣ по подкупу начальства, ненавидѣвшаго покойнаго. Въ селѣ сохранилась цѣлая легенда объ этомъ отравленіи. На самомъ дѣлѣ Петрашевскій умеръ отъ апоплексіи мозга, какъ это было установлено вскрытіемъ [2]). Анатомировавшій его врачъ А. И. Вицынъ разсказывалъ мнѣ, что у покойнаго оказался необыкновенно большой и замѣчательно хорошо развитый мозгъ» [3]).

«По справкамъ въ Благовѣщенской церкви с. Бѣльскаго оказалось слѣдующее: въ 1867 г. записанъ «политическій преступникъ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, умершій скоропостижно». Днемъ его смерти значится 7 декабря 1866 г., а днемъ погребенія 12 февраля 1867 г. Такимъ образомъ трупъ покойнаго ждалъ погребенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь все это время въ мѣстномъ «холодникѣ» [4]). Хоронили Петрашевскаго на средства волостного правленія, и ни одна душа не проводила его на кладбище, кромѣ могильщиковъ. Какъ человѣкъ, умершій безъ покаянія, онъ былъ зарытъ внѣ кладбища... Лѣтъ 15 стояла могила Петрашевскаго совершенно одинокой, всѣми забытой, не отмѣченной даже простымъ камнемъ... Наконецъ, «скитальцы съ западной стороны подновили могилу, насыпали на ней бугоръ земли, поставили деревянный столбъ, устроили товарищескій вечеръ въ память покойнаго».

Г. Арефьевъ посѣтилъ кладбище, находящееся на задахъ села, почти около самаго лѣса. Креста на могилѣ мѣстной учительницы, окончившей жизнь самоубійствомъ и здѣсь похороненной, уже не было, но старый, почернѣвшій столбъ на могилѣ Петрашевскаго еще сохранился. На немъ не было никакой надписи [5]). Отсюда не было видно ничего, кромѣ угрюмой тайги да покосившагося «холодника» съ выбитыми окнами и полуразрушенной крышей, который давалъ Петрашевскому послѣдній

[1]) Такъ разсказывала его квартирная хозяйка. «Вост. Об.» 1887 г., № 26, стр. 12—13. Эта хозяйка, по словамъ мѣстнаго священника въ письмѣ къ племяннику Петрашевскаго, «одобряетъ его жизнь».

[2]) Однако М. Марксу докторъ Вицынъ разсказывалъ, что «смерть была послѣдствіемъ поврежденія клапановъ сердца». Нѣкоторые мѣстные жители утверждали, что Петрашевскій умеръ отъ угара въ избѣ, жарко натопленной во время отсутствія его изъ села Бѣльскаго. «Вост. Обозр.», 1887 г., № 26, стр. 12—13. То же сообщила мнѣ Е. В. Бостремъ со словъ доктора Вицына.

[3]) М. Марксъ, сообщая, что докторъ Вицынъ «былъ пораженъ, какъ рѣдкостью, величиною вскрытаго мозга», утверждаетъ, что онъ будто бы вѣсилъ «несравненно болѣе 5 фунтовъ». Это невѣроятно. Обыкновенно мозгъ мужчины равняется 1358 граммамъ, т.-е. 3,31 фунта.

[4]) Очевидно потому, что ждали изъ Енисейска окружного врача Вицына для вскрытія трупа. По словамъ мѣстнаго священника, Вицынъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ.

[5]) Позднѣе исчезъ и столбъ, но въ 1903 г., по желанію одного изъ племянниковъ Петрашевскаго, могила его была обнесена деревянною оградою.

пріютъ въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ. Посѣтилъ г. Арефьевъ и бывшее жилище Петрашевскаго въ большой и страшно поко-

Домъ, въ которомъ жилъ и умеръ Петрашевскій.

сившейся избѣ съ заколоченными окнами, которая уже давно пустовала. «Это была обыкновенная крестьянская изба, довольно просторная, хотя и не особенно высокая... Никакихъ украшеній на стѣнахъ, никакой мебели, кромѣ деревяннаго диванчика, да стола. Около половины избы занимала большая русская печь и «кутъ» (часть комнаты, предназначенная для стряпни), отдѣленный деревянною раскрашенною «казенкою», или перегородкою. Въ этомъ-то «кутѣ», въ углу... и умеръ Петрашевскій» [1]).

Видъ могилы Петрашевскаго (до 1902 г.) въ селѣ Бѣльскомъ, Енис. губ.

Есть извѣстіе, что послѣ смерти Петрашевскаго остались цѣлые вороха книгъ и бумагъ, но куда онѣ дѣвались, добиться было невозможно: мѣстные жители отвѣчали: «куда-то увезены».

[1]) *В. Арефьевъ.* «М. М. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири». «Рус. Стар.» 1902 г., № 1, стр. 183—186.

Извѣстно только, что мѣстный енисейскій исправникъ дѣлалъ запросъ объ имуществѣ Петрашевскаго. Пожары въ 1870-хъ годахъ въ Красноярскѣ и Енисейскѣ помогли уничтоженію свѣдѣній о предсмертномъ періодѣ жизни несчастнаго страдальца, до послѣдняго дыханія оставшагося вѣрнымъ убѣжденіямъ своей молодости.

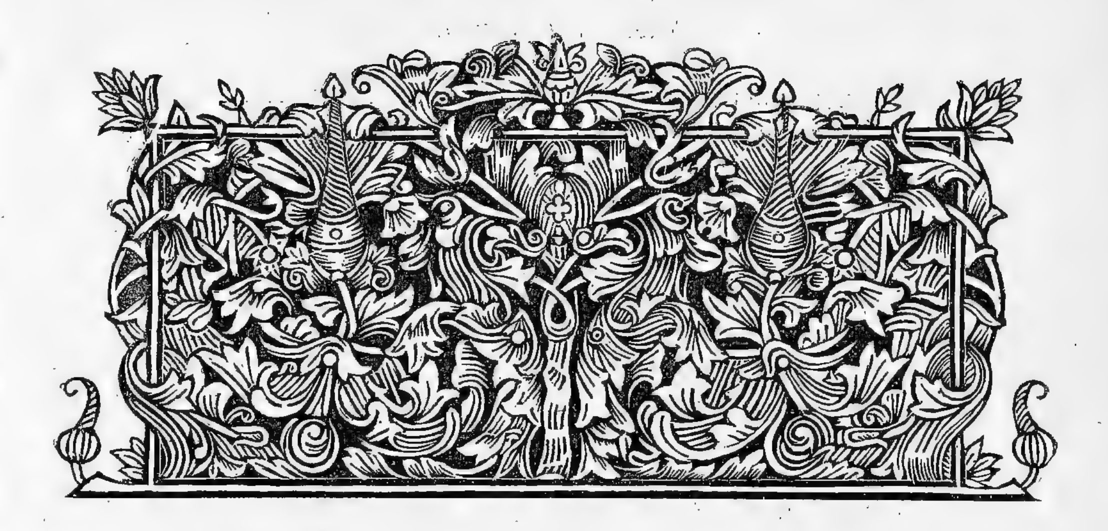
Вотъ что говоритъ о Петрашевскомъ М. И. Венюковъ, лично знавшій его въ Иркутскѣ:

«Узнавъ довольно близко этого человѣка, я могу съ совершенной искренностью сказать, что Россія немало потеряла въ его, замученномъ ссылкою, гоненіями и лишеніями лицѣ. Умъ многосторонній, рѣзко-аналитическій и въ то же время глубоко-сочувствовавшій всему гуманному, безъ фальши, безъ экивокъ, не склоняясь ни предъ чьимъ авторитетомъ,—онъ могъ бы многое сдѣлать, и не на словахъ только, а на дѣлѣ, если бы „ссылка" не задавила его. Что мнѣ въ немъ больше всего нравилось, это—непреклонность убѣжденій и воли по отношенію къ самому себѣ. Онъ не польстился на возможность съ помощью муравьевской протекціи и высочайшихъ помилованій реставрировать себя въ чинахъ и званіяхъ, а подалъ въ сенатъ просьбу о пересмотрѣ всего его дѣла, этой безчеловѣчной и беззаконной продѣлки Николая и его клевретовъ, испуганныхъ 1848 годомъ». Разумѣется, онъ не достигъ своей цѣли; «мало того, Корсаковъ сослалъ его снова въ одно изъ самыхъ глухихъ мѣстъ Сибири; но не лучше ли умереть въ глуши, почти безъ куска хлѣба, но съ непреклонно-гордымъ челомъ, чѣмъ съ гибкой спиною, изъ почетнаго сословія русскихъ политическихъ ссыльныхъ перейти въ постыдные ряды русской бюрократіи и даже, пожалуй, дослужиться до пенсіи отъ тѣхъ», съ кѣмъ «боролся и которыхъ ни любить, ни уважать никогда не могъ? Въ этомъ смыслѣ разница между Петрашевскимъ и многими его товарищами по исторіи 1848 года огромна... Львовъ, Спѣшневъ, Достоевскій... что выиграли они морально отъ своей реставраціи?» [1])

В. Семевскій.

---

[1]) «Изъ воспоминаній М. И. Венюкова». Книга первая. 1832—1867. Амстердамъ. 1895, стр. 275—276. Въ № 238 (1 апр. 1867 г.) «Колокола» появилось краткое извѣстіе о смерти Петрашевскаго, въ которомъ было сказано: «Да сохранитъ потомство память человѣка, погибшаго, ради русской свободы, жертвой правительственныхъ гоненій.—Мы просимъ о доставленіи намъ его біографіи». «Иллюстрированная газета» (1867 г. № 11), издававшаяся въ Петербургѣ подъ редакціею В. Р. Зотова, помѣстила нѣсколько строкъ о смерти Петрашевскаго, заимствованныхъ ихъ «Енис. Губ. Вѣдомостей».



За свѣтъ и свободу[1]).

Куда привела улетѣвшая въ высоту калоша.

Кончался ноябрь мѣсяцъ. На петербургскихъ улицахъ стоялъ мглистый туманъ, мостовыя были покрыты грязью, въ которой по временамъ завязали калоши. Особенно испыталъ я это на себѣ, когда шелъ вмѣстѣ съ Кравчинскимъ къ Клеменцу на редакціонное собраніе, для выпуска въ свѣтъ второго номера «Земли и Воли». Изъ осторожности мы путешествовали не рядомъ. По временамъ онъ шелъ впереди меня на нѣсколько десятковъ шаговъ, чтобы я могъ видѣть не слѣдятъ ли за нимъ, а по временамъ я самъ обгонялъ его, и онъ дѣлалъ относительно меня свои наблюденія. Такимъ образомъ, какъ два коня на шахматной доскѣ, мы взаимно защищали другъ друга отъ всѣхъ опасныхъ фигуръ.

Но, защищенные отъ шпіоновъ, мы все же не были защищены другъ другомъ отъ простыхъ случайностей опаснаго свойства.

Прежде всего, переходя опасный перекрестокъ Невскаго и Садовой, гдѣ, какъ я зналъ, находится постоянный постъ уличныхъ шпіоновъ, я, сосредоточивъ все свое вниманіе на людяхъ, едва не попалъ подъ копыта рысака, испугавшагося чего-то и наскочившаго прямо на меня, какъ разъ въ то время, какъ я перебирался по мостовой черезъ прослойки жидкой грязи.

Услышавъ сбоку дикій человѣческій крикъ и еще болѣе дикое ржаніе лошади, я въ трехъ шагахъ направо отъ себя увидѣлъ мчавшагося прямо на себя огромнаго чернаго коня. Еще секунда, и я былъ бы въ грязи подъ нимъ и подъ экипажемъ. Инстинктивно я прыгнулъ, какъ кошка, впередъ. Одна моя калоша

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 4.

осталась подъ лошадью въ грязи, другая, сорвавшись съ моей быстро взоброшенной ноги, сначала полетѣла вверхъ на совершенно необыкновенную высоту, мнѣ показалось не ниже крыши противоположнаго дома! Перелетѣвъ, такимъ образомъ, черезъ всю улицу, она упала прямо на шляпку проходившей по тротуару дамы. Дама завизжала, а я почувствовалъ мягкій ударъ упругой выгнутой оглобли въ свою спину, который только придалъ еще болѣе скорости моему прыжку. Въ одно мгновеніе пустой шарабанъ мелькнулъ мимо меня, рысакъ повернулъ вкось, сбилъ извозчичью пролетку, а потомъ врѣзался грудью въ уголъ Гостинаго двора, гдѣ нѣсколько извозчиковъ подхватили его подъ уздцы и остановили, дрожащаго всѣми членами.

— Ловко отдѣлались!—сказалъ мнѣ любезно высокій толстый субъектъ съ актерской физіономіей.—А я думалъ вась непремѣнно раздавятъ.

Я взглянулъ. Передо мною стоялъ тотъ самый толстый шпіонъ, котораго я видѣлъ передъ арестомъ Малиновской ѣдущимъ въ шарабанѣ вмѣстѣ съ маленькимъ, длинноволосымъ, выслѣдившимъ всѣхъ ея гостей, кромѣ меня.

— Да,—отвѣчалъ я, съ веселымъ видомъ.—А гдѣ же мои калоши?

— А вонъ одна!—указалъ онъ пальцемъ на одинъ экземпляръ моей обуви, завязшій, какъ лодочка, въ грязи.—А другая,—прибавилъ онъ,—только что свалилась съ головы вонъ той дамы, которая обтираетъ теперь платкомъ грязь со своей шляпки.

— Вижу!—сказалъ я.

Осторожно ступая по грязи, я добрался до своей увязшей калоши, которая къ моему удивленію проскользнула между колесами экипажа и осталась чистою внутри, а затѣмъ пошелъ къ дамѣ и, извиняясь, началъ надѣвать свою вторую калошу, лежащую у ея ногъ.

— Едва не попалъ подъ лошадь!—говорю я ей въ свое оправданіе.

Но она еще не могла успокоиться.

— Все же можно было бы поплотнѣе носить калоши,—сказала она кисло,—чтобы онѣ не летали по улицамъ на головы людей. Теперь моя шляпа совсѣмъ испорчена.

Кравчинскій, услыхавшій сзади крики и шумъ и увидавшій, какъ я выскочилъ изъ-подъ лошади, бросился ко мнѣ.

— Что тебя не расшибло оглоблей?

— Нѣтъ! Нисколько! Лишь толкнуло въ спину.

Толстый шпіонъ снова подошелъ къ намъ и старался ввязаться въ разговоръ.

— Возмутительно мчаться во весь духъ на рысакахъ! Вѣрно какая-нибудь важная особа.

Экспансивный по натурѣ Кравчинскій уже готовъ былъ съ нимъ разговориться и дать ему увязаться за нами, какъ будто попутчику, но въ это время взглядъ шпіона упалъ на какого-то молодого человѣка студенческаго вида, прошедшаго мимо насъ, и онъ отвернулся, всматриваясь въ него.

Я предупредительно дернулъ Кравчинскаго за рукавъ, бросивъ краснорѣчивый взглядъ на спину субъекта.

— Пойдемъ, намъ надо спѣшить,—сказалъ я, таща его.— Шпіонъ!—шепнулъ я ему тихо.—Онъ, вѣрно, видѣлъ насъ близъ дома Малиновской.

Мы быстро пошли на Михайловскую площадь. Оглянувшись, какъ бы на прошедшую мимо насъ даму, я увидѣлъ, что и онъ такъ же быстро идетъ за нами въ нѣкоторомъ отдаленіи. Мы быстро прошли мимо Инженернаго замка на набережную, перешли у цирка черезъ Симеоновскій мостъ, а субъектъ все шагалъ за нами, за нѣсколько десятковъ шаговъ. Получивъ снова предлогъ оглянуться, у самаго подхода къ Литейному, я вновь его увидѣлъ на томъ же разстояніи.

— Не отсталъ!—говорю Кравчинскому.

— Далеко?

— Шаговъ за сто!

— Вотъ идетъ конка,—сказалъ Кравчинскій,—какъ только мы зайдемъ за уголъ, побѣжимъ и сядемъ.

— Хорошо!

Свернувъ обычнымъ шагомъ за уголъ, мы вдругъ погнались за конкой. Густая толпа прохожихъ не давала намъ бѣжать по тротуару, и мы выскочили на мостовую. Тутъ Кравчинскій поскользнулся на грязи и въ то время, какъ онъ дѣлалъ сальто-мортале, чтобы удержаться на ногахъ, его большой стилетъ-кинжалъ выскочилъ подъ его легкимъ пальто изъ своихъ ноженъ и со звономъ покатился по камнямъ мостовой. Кравчинскій быстро схватилъ его, спрятавъ себѣ за пазуху подъ удивленнымъ взглядомъ толпы, и сдѣлавъ видъ, какъ будто все это такъ и должно было произойти, но конка тѣмъ временемъ уѣхала далеко, и гнаться за ней было безполезно.

— Пойдемъ въ Саперный переулокъ, сказалъ онъ мнѣ, это— близко. Въ немъ есть домъ, у котораго черезъ проходной подъѣздъ можно выйти на задній дворъ, а изъ него уйти на слѣдующую улицу, прямо на городской рынокъ. Тамъ арки, и подъ ними всегда толпы народа. Тамъ онъ затеряетъ насъ.

Такъ мы и сдѣлали. Шпіонъ, не отстававшій отъ насъ до са-

маго подъѣзда, вѣроятно, остался ждать нашего обратнаго выхода, или пошелъ справляться о насъ у дворниковъ, а мы тѣмъ временемъ ѣхали уже далеко отъ него на извозчикѣ къ Клеменцу.

— Всегда запоминай проходные дворы и подъѣзды!—смѣясь, сказалъ мнѣ Кравчинскій.

— Михайловъ уже показалъ мнѣ нѣсколько въ различныхъ частяхъ города,—отвѣтилъ я.—Черезъ нихъ очищаешься лучше, чѣмъ, помнишь, невской водой передъ приходомъ къ тебѣ.

Онъ засмѣялся, вспомнивъ свою старую квартиру.

— Не разсказывай о нашемъ приключеніи Фанни,—предупредилъ онъ меня,—а то она будетъ приходить въ отчаяніе каждый разъ, какъ я выйду безъ нея на улицу.

— А ты не разсказывай Ольгѣ.

Клеменца мы застали въ нѣсколько возбужденномъ, но нормальномъ состояніи.

— Ну и развелось же этихъ шпіоновъ на улицахъ въ послѣдніе дни,—сказалъ онъ при видѣ насъ.

— А что такое?

— Вчера одинъ увязался за мною въ первомъ часу ночи, когда я выходилъ отъ Гольдсмитовъ, и даже насчетъ моего отъѣзда на извозчикѣ онъ принялъ мѣры. Идетъ за мной, а извозчикъ ѣдетъ шагомъ за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Не ходите больше къ Гольдсмитамъ, они подъ наблюденіемъ.

— Какъ же ты отвязался отъ него ночью?—спросилъ Кравчинскій.

— А очень просто. Вышелъ по Мойкѣ на Невскій, тамъ всѣ магазины заперты, зайти некуда, иду дальше. Вдругъ вижу одинъ табачный почему-то еще открытъ. Я туда. «Дайте, — говорю,—пачку папиросъ». Купилъ, поговорилъ нарочно подолѣе о погодѣ. Выхожу, а онъ тутъ, ждетъ на тротуарѣ и куритъ папироску. — «Позвольте закурить?» — говорю ему, вынимая одну папиросу изъ пачки. — «Извольте-съ!» — говоритъ, — но вмѣсто того, чтобы подставить свою папироску, быстро вынимаетъ коробку спичекъ изъ кармана, чиркаетъ одну и, подставляетъ мнѣ, чтобъ разглядѣть мое лицо при свѣтѣ. «Ахъ, ты подлецъ»,— думаю — и иду далѣе. А онъ все за мной, и извозчикъ попрежнему за нимъ. Какъ, думаю, отвязаться ночью? Всѣ дома заперты! Если бы за нимъ не ѣхало уже готоваго извозчика, я взялъ бы какого - нибудь, стоящаго одиноко, и уѣхалъ бы раньше, чѣмъ онъ добѣжитъ до другого. А тутъ у него уже есть свой. Вдругъ вижу идетъ ночная дама. «Позвольте,—говорю,— васъ проводить!»—и подставляю ей колесомъ руку. «Извольте!»—

говоритъ.—Только что я это сдѣлалъ, слышу трескъ извозчичьихъ колесъ сзади, оглядываюсь, а это онъ уже сѣлъ въ свою пролетку и ѣдетъ на ней назадъ, вѣрно опять торчать у подъѣзда Гольдсмитовъ, или просто домой. Сразу убѣдился при видѣ такого моего поступка въ моей политической и моральной благонамѣренности! Черезъ минуту и слѣдъ простылъ!

— Но какъ же ты разстался съ этой ночной дамой?—спросилъ я.

— А очень просто!—проводилъ ее по Невскому до Литейнаго. «Ко мнѣ, говоритъ она, направо!»—«А ко мнѣ,—отвѣчаю я,—налѣво! Значитъ до свиданія!» и, поклонившись самымъ вѣжливымъ образомъ, пошелъ отъ нея.

— А она что же?

— Раскричалась на меня на всю улицу. «Нахалъ! Негодяй!» А потомъ начала меня отчитывать такими непечатными словечками, что даже городовой на противоположномъ углу проснулся и закричалъ: «Что тутъ за скандалъ?» — «Обидѣлась,— говорю, — что я не хотѣлъ провожать ее дальше Литейнаго». И я сейчасъ же уѣхалъ домой на извозчикѣ.

— И за нами сейчасъ увязался одинъ съ угла Невскаго и Садовой,—сказалъ Кравчинскій, позабывъ нашъ уговоръ молчать объ этомъ.

— Это все нашу типографію ищутъ. Вся тайная полиція поднята на ноги. Говорятъ, свыше велѣно во что бы то ни стало разыскать хоть типографію. «Нельзя—говорилось въ одномъ «высокомъ мѣстѣ»,—повѣрить, что въ столицѣ, гдѣ содержится столько тайной и явной полиціи, издаются неизвѣстно гдѣ и кѣмъ и повсюду распространяются не только прокламаціи, но даже цѣлые періодическіе журналы»! Новый шефъ жандармовъ отвѣчалъ, что не успокоится, пока не разыщетъ.

— Надо теперь держаться очень осторожно, а тебѣ—обратился онъ къ Кравчинскому — и Ольгѣ лучше всего временно уѣхать за границу.

— Я не поѣду,—рѣшительно отвѣтилъ Кравчинскій.

— Но это необходимо на нѣкоторое время. При современныхъ тревожныхъ обстоятельствахъ ты мало здѣсь полезенъ.

— А журналъ?

— Ты будешь въ немъ сотрудничать и за границей, а подборъ постороннихъ статей можешь довѣрить намъ. Ты видишь самъ, какое огромное впечатлѣніе произвело твое выступленіе противъ Мезенцева на площади, именно благодаря тому, что тебя до сихъ поръ не могутъ найти. Если тебя арестуютъ, три четверти значенія твоего дѣла пропадетъ! Вотъ почему я уже

нѣсколько дней обдумывалъ все и пришелъ къ рѣшительному выводу, что тебя надо на время удалить за границу.

— Но если меня здѣсь и арестуютъ, то не узнаютъ, что это былъ я.

— Ты думаешь? Ну нѣтъ!

— Ни прохожіе, ни полковникъ, шедшій съ начальникомъ третьяго отдѣленія, меня не узнаютъ въ лицо.

— А содержатель татерсала, гдѣ находился Варваръ? Вѣдь у Трощанскаго при арестѣ нашли счетъ за его содержаніе въ татерсалѣ и, явившись туда, жандармы убѣдились, что это та самая лошадь, на которой ты уѣхалъ.

Кравчинскій задумался.

— Да, тебѣ надо уѣзжать!—присоединился и я къ мнѣнію Клеменца.

Черезъ два дня на общемъ собраніи наличныхъ членовъ «Земли и Воли» было рѣшено отправить Кравчинскаго и Ольгу за границу. Оба не хотѣли ѣхать, но мы, остальные, потребовали этого отъ нихъ, какъ перваго доказательства повиновенія уставу, тѣмъ болѣе, что каждую ночь производились массовые обыски у учащейся молодежи и у всѣхъ болѣе или менѣе подозрительныхъ для правительства людей съ цѣлью отыскать тайную типографію. Волей-неволей обоимъ пришлось подчиниться. Кравчинскій былъ отправленъ на слѣдующій день. Ольга дня черезъ три. Она горько плакала, прощаясь со мною, а у меня на душѣ была такая тупая боль, какъ будто меня снова посадили въ одиночное заключеніе.

Вмѣстѣ съ двумя хорошенькими, бѣленькими и тоненькими курсистками, Трубниковыми, почти дѣвочками, я проводилъ ее на вокзалъ Варшавской желѣзной дороги и долго смотрѣлъ, какъ паровозъ, пыхтя и извергая снопы искръ, увезъ ее куда-то во мракъ непроглядной осенней ночи, казалось, спустившейся и на мою душу. Но я зналъ, что такъ было лучше, и больше всѣхъ уговаривалъ ее уѣхать, обѣщая, что эта разлука будетъ недолгой, что мы тотчасъ выпишемъ ее обратно, какъ только немного утихнутъ разбушевавшіеся аресты и правительство привыкнетъ къ существованію въ Петербургѣ недосягаемой для него тайной типографіи.

Былыя думы.

По всему человѣческому роду съ самого его возникновенія на нашей планетѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ года въ годъ катится волна юности, волна свѣжести, съ ея безкорыстной любовью и самопожертвованіемъ во имя высокихъ идеаловъ все-

общаго счастья, и никакія усилія ветхихъ деньми дѣятелей не задержатъ ея торжествующаго побѣдоноснаго хода по хронологіи всеобщей исторіи народовъ. И она невидимо смываетъ съ каждымъ годомъ въ глубину могилъ всѣ дряхлые общественные идеалы вмѣстѣ съ отживающими свой вѣкъ ихъ носителями, всѣми затхлыми старцами духа, становящимися на ея пути. Волна юности всегда одна и та же, хотя, какъ и обыкновенная волна ожесточеннаго прилива океановъ, она едва замѣтно подымается надъ общимъ среднимъ уровнемъ, идя по глубокому руслу, но на отмеляхъ общественной жизни производитъ разрушительные прибои.

Эта волна юности и свѣжести идетъ по человѣчеству, по каждому народу, и теперь, и она будетъ всегда итти, одна и та же по психической сущности, но принимая разныя внѣшнія очертанія въ зависимости отъ окружающихъ ее житейскихъ условій. Въ тѣ годы, которые я здѣсь описываю, она ударилась о многовѣковый недвижимый рифъ... и разбившись о него брызгами пѣны смыла его вершину.

Мнѣ хотѣлось бы правдиво описать здѣсь не одинъ ея внѣшній обликъ, не однѣ наружныя черты составлявшихъ ее дорогихъ мнѣ людей, изъ которыхъ большинство погибло на эшафотахъ и въ одиночныхъ темницахъ, не одни ихъ поступки, составляющіе ихъ скелетъ безъ тѣла, а ихъ внутреннія душевныя движенія и побужденія, вызвавшія для нихъ необходимость поступать именно такъ, а не иначе.

Но кто же можетъ давать дѣйствительно безпристрастныя характеристики другихъ людей? Кто можетъ глядѣть въ ихъ души, указывать ихъ побужденія, если они сами ихъ не описали? Я, по крайней мѣрѣ, не претендую на такую проницательность, и я знаю невозможность этого по самому себѣ. Всякій разъ, когда посторонній и мало родственный мнѣ по духу человѣкъ характеризовалъ меня, онъ характеризовалъ лишь призракъ своего воображенія. Но близкіе мнѣ по духу люди всегда угадывали и понимали меня, потому что судили обо мнѣ по себѣ. Такъ и я въ этихъ своихъ мемуарахъ хочу на собственной своей характеристикѣ дать характеристику и родственныхъ мнѣ по духу товарищей моей жизни и дѣятельности, такой исключительной по своей сущности.

Конечно, даже здѣсь я могу ошибаться, рисовать себя не вполнѣ такимъ, какимъ я былъ, а какимъ мнѣ хотѣлось бы быть, когда я являлся одной изъ струекъ той могучей волны, которая смыла вершину высокаго, неподвижнаго утеса русской жизни, но даже и въ этомъ случаѣ мои мемуары окажутся пра-

вдивыми. Вѣдь то, что воображаетъ авторъ о себѣ, есть уже часть его души, а слѣдовательно и онъ самъ!

А разъ я не былъ исключеніемъ въ своей средѣ, разъ я былъ однимъ изъ многихъ, то, характеризуя свою душу, я характеризую этимъ и души всѣхъ родственныхъ мнѣ по стремленіямъ и идеаламъ людей, раздѣлявшихъ со мною и радости, и горе, и всѣ мои поступки. Я никогда не устану повторять читателю этого для того, чтобъ онъ отнесся къ моей книгѣ такъ, какъ она того заслуживаетъ, и не упрекалъ меня, что я лишь мелькомъ упоминаю о томъ или иномъ дѣятелѣ, игравшемъ въ событіяхъ описываемаго періода выдающуюся роль.

Я вовсе не хочу описывать тѣ событія, въ которыхъ я не принималъ участія, потому что при описаніи ихъ я, какъ и всякій посторонній, могу дать лишь внѣшній обликъ безъ души. А я хочу здѣсь дать движеніе семидесятыхъ годовъ или нѣкоторое понятіе о немъ на основаніи того, что переживала тогда моя собственная душа. А она была въ описываемый моментъ въ страшномъ личномъ горѣ, почти въ отчаяніи.

Проводивъ своего лучшаго друга, а потомъ и любимую дѣвушку за границу, я ни на минутку не сомнѣвался, что разстался съ ними надолго, если не навсегда. Особенно тяжела была разлука съ Ольгой. Мнѣ показалось, что что-то оторвалось отъ моего сердца. Когда умчался изъ моихъ глазъ унесшій ее поѣздъ во мракъ и мглу непроглядной осенней ночи, я пошелъ одинокій и бездомный, еще не зная, гдѣ я проведу эту ночь. Мнѣ не хотѣлось даже и думать объ этомъ, хотѣлось бродить всю ночь до утра, хотѣлось, чтобы никогда не окончилась эта ночь, потому что слѣдующій день, я зналъ, принесетъ съ собою свои заботы и заставитъ меня насильно разстаться на время съ моимъ горемъ, которое казалось мнѣ теперь дороже всякой радости.

«Да,—думалъ я,—эта моя любовь не похожа на мои прошлыя потому, что она не *моя* только, она теперь уже *наша* любовь. Какая огромная разница была между этой моей любовью и прежними. Въ прежнихъ она скрывалась мною отъ своего предмета, и самъ предметъ не отвѣтилъ мнѣ признаніемъ о взаимности. Благодаря этому я тогда инстинктивно чувствовалъ, какъ будто я былъ еще властелиномъ своей любви, могъ при случаѣ направить ее и на другой предметъ. А здѣсь отвѣтное признаніе навѣки связывало мою любовь. Я чувствовалъ и сознавалъ, что уже не могу теперь полюбить другую, не разбивъ вѣру въ человѣческое постоянство у той, ради счастья которой я готовъ былъ пожертвовать своей жизнью. Забыть Ольгу, отвѣтившую мнѣ взаимно признаніемъ въ любви, казалось мнѣ такой величайшей подлостью,

послѣ которой мнѣ ничего не осталось бы дѣлать, какъ умереть отъ гадливаго презрѣнія къ самому себѣ.

И я шелъ все дальше и дальше отъ Варшавскаго вокзала, не зная самъ куда, но какое-то безсознательное чувство направило меня именно по Измайловскому проспекту къ дому, гдѣ жила Малиновская и гдѣ мы впервые встрѣтились и признались въ своей взаимной любви.

Вотъ и самый этотъ домъ, гдѣ всегда насъ ждалъ радушный привѣтъ Малиновской и Калинкиной въ одной изъ его внутреннихъ квартиръ. У воротъ его попрежнему дремалъ на скамейкѣ знакомый мнѣ дворникъ въ своей сѣрой шубѣ, подвязанной цвѣтнымъ кушакомъ, въ валяныхъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ. Но милая квартира наверху была теперь пуста или отдана уже другимъ, чужимъ жильцамъ. Теперь мнѣ нечего было бояться, что за ней кто-нибудь слѣдитъ.

Нѣсколько минутъ я мысленно смотрѣлъ за эти ворота, представляя ея прежнюю художественную обстановку и ея хозяйку, молодую художницу, за своимъ мольбертомъ съ кистью или съ рейсфедеромъ въ рукахъ. Она была теперь въ полумракѣ одиночной камеры по ту сторону Невы, въ Петропавловской крѣпости, вмѣстѣ со своей подругой и ни малѣйшей надежды вновь выйти на свободу не представлялось для нея, такъ какъ подруга ея выстрѣлила при арестѣ изъ револьвера.

И вотъ, только что похоронивъ свое личное счастье, я всею душой отдался любви къ тѣмъ товарищамъ, которые такъ же, какъ и я, похоронили все, что было имъ дорого въ личной жизни, и гибли теперь въ политическихъ темницахъ или стремились продолжать ихъ дѣло на свободѣ. Порывъ единичной любви не угасъ, а только вдругъ превратился во мнѣ въ порывъ страстной любви ко всему человѣчеству, и потребность сейчасъ же пожертвовать собою для дорогого существа обратилась въ стремленіе пожертвовать собою для него всего.

Было ли это естественнымъ переходомъ? — Мнѣ кажется, что да[1]).

«Ихъ же оружіемъ»...

Тѣмъ временемъ происходили и другія важныя событія, въ которыхъ мнѣ прямо или косвенно приходилось принимать участіе. Одно изъ нихъ особенно памятно мнѣ своей исключительной оригинальностью.

Среди десятковъ молодыхъ лицъ, рисующихся въ моемъ во-

[1]) Опускаемъ главу, описывающую покушеніе на шефа жандармовъ.

ображеніи и предлагавшихъ себя на героическіе подвиги, мнѣ особенно вспоминается теперь одно скромное, смуглое, худощавое съ черными волосами и такой же бородкой. Это былъ Клѣточниковъ, служившій на югѣ въ земствѣ, но бросившій все и пріѣхавшій въ Петербургъ предложить себя въ полное распоряженіе тѣхъ невидимыхъ дѣятелей, дѣла которыхъ загремѣли вдругъ на всю Россію.

Онъ пріѣхалъ къ своимъ знакомымъ курсисткамъ, жившимъ въ томъ же домѣ «на Пескахъ» гдѣ жилъ и мой другъ Грибоѣдовъ, но только входъ къ нимъ былъ съ другого подъѣзда, а эти, не помню уже черезъ кого, послали за Михайловымъ или мною, говоря, что насъ желаетъ видѣть одинъ изъ ихъ знакомыхъ, очень серьезный и вѣрный человѣкъ.

Мы оба пришли вмѣстѣ и послѣ четверти часа общаго разговора были предупредительно оставлены дѣвушками наединѣ съ пріѣзжимъ.

— Я хотѣлъ бы принять участіе въ какомъ-нибудь опасномъ предпріятіи,—сказалъ намъ Клѣточниковъ совсѣмъ просто.

Михайловъ задумался.

— Пока мы ничего такого не можемъ вамъ предложить,—сказалъ онъ.—Надо немного выждать. А вотъ не согласились ли бы вы оказать намъ очень цѣнную услугу. Здѣсь есть одна подозрительная дама. Она содержитъ меблированныя комнаты и не сдаетъ ихъ никому, кромѣ учащейся молодежи, говоря, что любитъ молодость и ея идеалы, а, между тѣмъ, рѣдко кто доживаетъ у нея до конца зимы, не будучи арестованъ или сосланъ. Все это очень подозрительно. Какъ разъ на-дняхъ тамъ были арестованы двѣ курсистки, которыя пишутъ намъ контрабандой изъ тюрьмы, что, судя по допросамъ, никто другой не могъ ихъ выдать, кромѣ слащавой хозяйки. Не можете ли вы на время поселиться у нея и понаблюдать за нею?

— Очень охотно!—отвѣчалъ Клѣточниковъ, и, взявъ адресъ Кутузовой, какъ называлась подозрительная дама, онъ обѣщалъ на слѣдующій же день, какъ будто случайно поселиться у нея въ освободившейся, благодаря аресту, комнатѣ.

Такъ просто и мало-обѣщающе началось одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ «Земли и Воли»! Цѣлыхъ двѣ или три недѣли, казалось, не было никакихъ результатовъ отъ усилій Клѣточникова пріобрѣсти откровенность хозяйки, но ея симпатію получилъ онъ очень скоро и, притомъ, такимъ незамысловатымъ способомъ, что намъ потомъ было смѣшно даже вспоминать о немъ.

Кутузова была страстная любительница поиграть въ карты, непремѣнно на деньги, и, вдобавокъ, жадна до малѣйшихъ

выигрышей. Замѣтивъ ея слабость, Клѣточниковъ сразу пошелъ ей навстрѣчу, и каждый вечеръ рѣзался съ ней въ карты, несмотря на страшную тоску, и проигрывалъ ей рубля два, притворяясь волнующимся и удивляющимся ея счастью и ловкости.

Скоро вечеръ, проведенный безъ вѣчнаго ея партнера, сталъ ей казаться нестерпимъ, а замѣтившій это Клѣточниковъ все больше и больше сталъ выражать сожалѣніе, что даромъ пріѣхалъ въ Петербургъ, такъ какъ обѣщаннаго ему мѣста въ здѣшнемъ земствѣ, повидимому, совсѣмъ не удастся получить.

— Ѣду обратно въ провинцію—началъ заявлять онъ ей каждый вечеръ.—Здѣсь и духъ-то у васъ всѣхъ какой-то либеральный, не по мнѣ. Даже вотъ и вы, серьезная и умная женщина, а все же сочувствуете этимъ разбойникамъ!

Наконецъ, проигравъ ей какъ-то сразу десять рублей, онъ сказалъ:

—Нѣтъ! Кончено! Прощайте! Завтра же ѣду въ Новочеркасскъ. Разсчитаемся! Сколько я вамъ долженъ за квартиру?

— А что если бы я васъ устроила?—таинственно замѣтила Кутузова, не въ силахъ перенести мысли, что изъ ея рукъ вырвется такой жилецъ.

— Но гдѣ же вы можете?—спросилъ онъ.—Вѣдь у васъ нѣтъ знакомыхъ, кромѣ этихъ стриженыхъ курсистокъ, съ которыми мнѣ противно даже встрѣчаться.

—А можетъ быть и есть?

— Гдѣ же?

— Вотъ вы такъ не любите этихъ курсистокъ, а у меня племянникъ служитъ начальникомъ всего тайнаго политическаго сыска при Третьемъ отдѣленіи. Хотите, я отрекомендую васъ ему.

— Надо подумать,—отвѣтилъ онъ.

Такъ была достигнута Клѣточниковымъ цѣль, для которой онъ пріѣхалъ къ Кутузовой: разоблаченіе ея связи съ тайной политической полиціей....

Съ торжествомъ пришелъ онъ на слѣдующій день къ своимъ друзьямъ - курсисткамъ, жившимъ на Пескахъ, гдѣ случайно были Михайловъ и я, и разсказалъ намъ весь этотъ разговоръ.

Онъ оказался неспособенъ быть политическимъ сыщикомъ, но изъ него вышелъ прекрасный секретарь начальника этого сыска...

— Что же теперь мнѣ дѣлать?—спрашивалъ онъ насъ.—Она уже выдала себя.

— Вамъ надо не упускать случая познакомиться и съ ея племянникомъ,—сказалъ Михайловъ.

— Но онъ пригласитъ меня шпіонить? Не могу же я для пріобрѣтенья его довѣрія донести на кого-нибудь!

— Объ этомъ, конечно, не можетъ быть и разговору. А вотъ нельзя ли будетъ кому-нибудь изъ нашихъ играть роль поднадзорнаго, чтобы онъ самъ писалъ на себя доносы и передавалъ черезъ васъ?

— Слѣдите за нами!—смѣясь сказала одна изъ трехъ курсистокъ-хозяекъ, уже возвратившихся къ этому времени поить насъ чаемъ.

Онѣ всѣ уже были посвящены въ его изслѣдованія шпіонскаго міра.

— Да!—прибавила другая.—Мы будемъ выдумывать вамъ на себя самые интересные доносы. Но только все же не такіе, чтобы насъ арестовали и выслали!

— Нельзя!—сказалъ Клѣточниковъ.—Вамъ опасно принимать открытую роль въ подобномъ дѣлѣ. А вотъ у меня есть товарищъ по гимназіи, у котораго былъ уже недавно обыскъ и который каждый день ждетъ, что его вышлютъ. Ему, пожалуй, было бы даже удобно, чтобы вмѣсто немедленной высылки я за нимъ слѣдилъ до весны, когда онъ выдержитъ въ университетѣ послѣдніе экзамены, и самъ уѣдетъ. Я думаю, онъ съ радостью согласиться.

И, дѣйствительно, его другъ изъявилъ полную готовность диктовать Клѣточникову доносы на себя, лишь бы только продержаться до послѣднихъ экзаменовъ.

Всю дальнѣйшую исторію этого удивительнаго слѣженія я опять передаю со словъ самого Клѣточникова, съ которымъ Михайлову или мнѣ пришлось бесѣдовать дней черезъ десять у тѣхъ же курсистокъ.

— Уговорившись съ моимъ другомъ,—говорилъ онъ намъ,— для котораго мое предложеніе упало, какъ манна небесная, я возвратился къ Кутузовой и сказалъ ей, что хотя предложенное дѣло и не по мнѣ, и слишкомъ безпокойно, но положеніе мое такое безвыходное, что приходится согласиться.—А она что?

— Вы не можете даже и представить, какое хищное выраженіе появилось вдругъ въ лицѣ у этой слащавой вѣдьмы! Казалось, что на пальцахъ у нея вдругъ выросли когти и она говорила всѣми своими чертами: «попался теперь, держу тебя!»

— Даже заочно страшно!—сказалъ полушутливо Михайловъ.

— На другой день,—продолжалъ улыбаясь Клѣточниковъ,— она пригласила къ себѣ на карты своего племянника, лысаго, бритаго, усатого чиновника и познакомила меня съ нимъ, называя его Гусевымъ.

— Это тотъ самый, о которомъ я тебѣ такъ много говорила,— отрекомендовала она меня ему.

Тотъ ничего не отвѣтилъ. Напился чаю, поужиналъ, поигралъ часа два въ карты, все время наблюдая за мною, а потомъ передъ ужиномъ сказалъ.

— У васъ есть знакомые съ противоправительственными взглядами?

— Только одинъ,—отвѣтилъ я,—и назвалъ фамилію.

— Да знаю, мы за нимъ уже давно слѣдимъ сами. А другіе есть?

— Рѣшительно никого. У меня нѣтъ другихъ знакомыхъ въ Петербургѣ.

— Жалко. Но все же я вамъ положу на первый разъ рублей тридцать жалованья въ мѣсяцъ. Тетка ужъ очень упрашивала меня. Можете вы поселиться вмѣстѣ съ нимъ, чтобы намъ избавиться отъ необходимости держать для слѣжки за нимъ двухъ агентовъ?

Я страшно обрадовался такому предложенію, такъ какъ жить долѣе въ квартирѣ этой старухи стало невыносимо противно. Но она такъ и вцѣпилась въ меня, доказывая, что мнѣ нѣтъ никакой нужды переѣзжать. Племянникъ съ ней спорилъ, но видно было, что она имѣетъ на него какое-то невѣдомое мнѣ вліяніе. Вѣрно онъ ожидалъ отъ нея наслѣдство, и потому я постарался примирить ихъ, говоря, что вечера все равно буду проводить у нея.

Такъ у насъ и было устроено. Я съ товарищемъ поселился подъ видомъ сыщика, онъ подъ видомъ подозрительнаго субъекта, и мы начали вдвоемъ каждую недѣлю сочинять на него доносы.

— Узнайте всѣхъ его знакомыхъ,—сказалъ мнѣ Гусевъ прежде всего.

Я посовѣтовался съ товарищемъ, и мы выбрали нѣсколько его родныхъ, совершенно не интересующихся политическими дѣлами. За ними тотчасъ начали слѣдить, но, конечно, только спутались съ пути, тратя свое время на слѣжку за самыми вѣрноподданными людьми.

Чтобъ придать нѣкоторую правдоподобность дѣйствительности выслѣживанья, мы условились съ товарищемъ, чтобъ каждый разъ, какъ выходитъ какая-нибудь ваша прокламація или появлялся номеръ «Земли и Воли», я несъ по экземпляру Гусеву на его тайную квартиру, куда приходятъ шпіоны со своими доносами, говоря, что я получилъ ихъ отъ своего сожителя, а на вопросъ Гусева, кто ихъ далъ ему, отвѣчаю, что его товарищи въ университетѣ, именъ которыхъ я не могъ добиться, но надѣюсь

узнать это въ будущемъ при удобномъ случаѣ. Нѣсколько разъ мнѣ уже предлагали наблюдать на углахъ людныхъ улицъ, чтобъ открыть кого-либо изъ васъ какъ разъ по вашимъ фотографіямъ. И я, простоявъ назначенное время, писалъ, что никого похожаго не встрѣтилъ. Гусевъ теперь очень разочарованъ мною.

— У васъ,—говоритъ,—къ сожалѣнію не обнаруживается, знаете, такого настоящаго нюха. Изъ васъ едва ли выйдетъ хорошій агентъ.

Боюсь,—заключилъ Клѣточниковъ свой разсказъ,—что скоро онъ предложитъ мнѣ искать болѣе подходящее для меня мѣсто, потому что и къ Кутузовой я уже не въ состояніи приходить болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Страшно противна. Вамъ надо поскорѣй пропечатать ее, чтобы она не ловила болѣе въ свои сѣти юной молодежи.

— Это было бы пока безполезно. Она стала бы сдавать комнаты подъ другой фамиліей. Лучше знать эту квартиру и предупреждать всѣхъ попадающихъ на нее, кромѣ неинтересующихся политикой, какъ мы теперь и дѣлаемъ.

— А вамъ не удалось познакомиться на той тайной шпіонской квартирѣ со шпіонами?—спросилъ я.

— Нѣтъ!—Тамъ у каждаго свой часъ. Избѣгаютъ давать возможность разнымъ шпіонамъ встрѣчаться другъ съ другомъ.

— Надо установить слѣжку за входомъ въ Гусевскую тайную квартиру,—сказалъ Михайловъ,—тогда мы узнаемъ, бываетъ ли тамъ кто-нибудь изъ встрѣчающихся съ нами.

— Да, это будетъ полезно,—сказалъ Клѣточниковъ.—Но моя карьера у Гусева, кажется, заканчивается, и черезъ мѣсяцъ онъ окончательно признаетъ меня неспособнымъ къ своему занятію.

Такъ на этотъ разъ мы и разстались съ нимъ, думая, что начатое нами предпріятіе само собой ликвидируется, какъ вдругъ произошло нѣчто неожиданное и для насъ, и для Клѣточникова.

Какъ иногда маловажныя на первый взглядъ обстоятельства приводятъ къ самымъ важнымъ послѣдствіямъ!

У Клѣточникова былъ замѣчательный каллиграфическій почеркъ. При чтеніи чего-либо, написаннаго имъ, казалось, что каждая буква была у него жемчужинкой. Ровно, ясно, отчетливо вырисовывалось каждое слово его письма, какъ будто печатный курсивъ, и я невольно любовался имъ всякій разъ, когда читалъ его сообщенія. Вотъ это-то обстоятельство и повернуло вдругъ судьбу Клѣточникова совершенно въ новомъ направленіи.

Гусевъ тоже сразу обратилъ вниманіе на необыкновенную

отчетливость и красоту его почерка и нашелъ, что это самый подходящій почеркъ для того, чтобы составлять резюме всѣхъ шпіонскихъ доносовъ, сходившихся у него для ежедневнаго представленія шефу жандармовъ, тѣмъ болѣе, что онъ думалъ сдѣлать этимъ пріятное своей теткѣ Кутузовой, наслѣдникомъ которой онъ былъ.

— Вы,—сказалъ онъ въ одинъ прекрасный день Клѣточникову,—совершенно неспособны къ слѣжкѣ. Я вамъ дамъ лучше должность младшаго секретаря въ моей тайной канцеляріи. Бросьте агентуру и приходите завтра съ десяти часовъ на вашу новую должность. Я пока оставлю въ покоѣ и этого вашего сожителя, чтобы не возбудить противъ васъ подозрѣній.

Можно себѣ представить, съ какимъ душевнымъ облегченіемъ разсказывалъ Михайлову Клѣточниковъ о своей новой должности!

— Теперь отъ меня ужъ не потребуется никакихъ собственныхъ доносовъ,—говорилъ онъ,—а только резюмированье чужихъ, при чемъ, я буду писать два экземпляра каждаго резюме: первый для васъ, а второй для шефа жандармовъ!

Такъ все это и вышло, благодаря умышленнымъ проигрышамъ его Кутузовой въ карты и жемчужному почерку. Старшій секретарь—лѣнтяй, какъ и всѣ чиновники,—сейчасъ же взвалилъ на Клѣточникова цѣликомъ свою работу, а самъ совершенно пересталъ что-либо писать, бѣгая по кафешантанамъ и ресторанамъ.

Необыкновенное усердіе, хорошій слогъ бумагъ и исключительная аккуратность Клѣточникова сразу сдѣлали его необходимымъ лицомъ въ центральной канцеляріи сыска. Ни одинъ доносъ не миновалъ его рукъ. Съ первыхъ же дней Михайловъ, которому мы предоставили одному сноситься съ Клѣточниковымъ, чтобъ какъ-нибудь не погубить его случайною неосторожностью, началъ приносить мнѣ почти ежедневно листки со шпіонскими доносами, проходящими черезъ руки Клѣточникова, я отдавалъ ихъ кому-нибудь переписывать, несъ на храненіе копіи въ свой тайный архивъ у Зотова, а оригиналы немедленно сжигалъ, чтобъ они не могли быть уликой противъ Клѣточникова.

Мы попадаемъ въ безвыходное положеніе.

Въ нѣсколько недѣль накопились у меня цѣлыя тетради тайныхъ шпіонскихъ доносовъ, и я читалъ въ нихъ постоянно такіе перлы нелѣпостей, что часто только разводилъ руками отъ изумленія глупости и легковѣрію нашихъ политическихъ

сыщиковъ. Но время отъ времени тамъ вдругъ появлялись сообщенія, которыя заставляли насъ бить тревогу, и принимать предупредительныя мѣры. Особенно щекотливо оказалось наше положеніе, когда Клѣточниковъ принесъ Михайлову въ первый разъ списокъ двадцати лицъ, представленный Гусевымъ шефу жандармовъ для производства у нихъ обыска и ареста, если на ихъ квартирахъ окажется что-нибудь нелегальное.

— Какъ тутъ быть?—спрашивалъ Михайловъ, собравъ у меня на квартирѣ нѣсколькихъ посвященныхъ въ это дѣло товарищей.—Всѣ указанныя лица намъ совершенно незнакомы. Это студенты и курсистки разныхъ учебныхъ заведеній. На сколько можно положиться на ихъ скромность?

— Но ихъ все же необходимо предупредить,—сказалъ Квятковскій.—Не можемъ же мы, зная за три дня, что имъ грозитъ большая опасность, смотрѣть равнодушно?

— Конечно,—сказалъ Михайловъ.—Но какъ предупредить ихъ? Послать по почтѣ писемъ нельзя, перехватятъ. Отнести лично предупрежденія на бумажкахъ—тоже нельзя, кто-нибудь изъ нихъ вмѣсто того, чтобъ уничтожить сейчасъ же нашу бумажку, побѣжитъ показывать ее товарищамъ, какъ любопытный таинственный документъ, и она скоро попадается.

— Нельзя ли мнѣ обойти ихъ всѣхъ лично, по адресамъ?—предложилъ я. — Я скажу имъ на словахъ: не держите у себя ничего нелегальнаго, на-дняхъ у васъ будетъ обыскъ! А затѣмъ сейчасъ же уйду, не давая никакихъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Нельзя! — сказалъ Михайловъ.—Тебя многіе знаютъ въ лицо по процессу ста девяносто трехъ, а вотъ мнѣ, Квятковскому и Баранникову это будетъ удобно.

Они распредѣлили между собою адреса и тотчасъ же разошлись, а черезъ три дня Клѣточниковъ сообщилъ уже намъ о результатахъ ихъ предупрежденія.

— Относительно обысковъ все благополучно,—сказалъ онъ.—Ничего не нашли ни у кого изъ заподозрѣнныхъ и потому никого не арестовали, но все-таки, въ одной квартирѣ, обитательницы (и онъ назвалъ трехъ курсистокъ) сдѣлали очень непріятную браваду. Жандармскій офицеръ сегодня донесъ шефу жандармовъ, что при его входѣ молодежь встрѣтила его смѣхомъ и словами: «Милости просимъ, мы васъ ждемъ уже вторую ночь!» У нихъ, конечно, потребовали объясненія, откуда онѣ узнали о предстоящемъ у нихъ обыскѣ, грозя арестомъ, и тѣ, испугавшись, сказали, что ихъ предупредило неизвѣстное лицо. Теперь у насъ большая суматоха: шефъ прислалъ своего адъютанта къ Гусеву для негласнаго дознанія, кто могъ бы это сдѣлать. Гу-

севъ очень встревоженъ этимъ и сказалъ мнѣ, что знали объ этомъ, кромѣ его самого и шефа, только я, да курсистка, предложившая ему по бѣдности свои услуги и донесшая, что у этихъ ея товарокъ хранится нелегальная литература. Я сдѣлалъ видъ полнаго недоумѣнья и сказалъ ему, что видно это сдѣлала сама донесшая, раскаявшись.

— Да—сказалъ онъ—это у нихъ бываетъ... Все же тутъ что-то странное, совершенно непонятное для меня. Кто бы это могъ быть?

И онъ ушелъ, разводя руками отъ изумленія и повторяя: «Странно, очень странно!» Боюсь, что мое секретарство теперь окончено.

— Да!—сказалъ Михайловъ—плохо окончилась наша первая попытка предупрежденія!

Мы разошлись въ этотъ вечеръ въ большомъ уныніи. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, я пошелъ бродить по улицамъ, такъ какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ я не могъ оставаться одинъ для размышленій.

«Неужели погибло въ самомъ началѣ наше предпріятіе, обѣщавшее принести такую огромную пользу, погибло изъ-за простой бравады дѣвочки, которую мы предупредили объ опасности? Какимъ образомъ она не могла удержать своего языка? Конечно, она и не подозрѣвала всей важности дѣла, которое она разрушила. Она, очевидно, думала, что это случайное предупрежденіе, относящееся только лично къ ней, что какой-нибудь жандармскій офицеръ, которому было поручено за ней слѣдить, такъ былъ очарованъ ея прекрасными глазами, что не могъ перенести мысли объ ея арестѣ? Кто знаетъ, какой фантастическій романъ могъ сложиться въ головахъ этихъ дѣвочекъ послѣ ухода ихъ таинственнаго посѣтителя, и какая болтовня идетъ теперь среди всѣхъ двадцати предупрежденыхъ, когда оправдалось таинственное предсказаніе имъ... И вотъ, благодаря человѣческому легкомыслію и болтливости, мы теряемъ неоцѣнимую точку опоры, и сколько изъ насъ безполезно погибнутъ на эшафотахъ изъ-за того, что захотѣли быть охранителями всѣхъ и каждаго!»

Я вышелъ на набережную Невы, прошелся по льду между воткнутыми рядами елокъ на другую сторону и потомъ возвратился на свою квартиру у Корша въ еще большемъ огорченіи, чѣмъ когда пошелъ на свою прогулку.

Цѣлую недѣлю мы ждали результатовъ дознанія объ обнаружившейся течи въ Третьемъ Отдѣленіи. Клѣточниковъ въ эти дни не являлся къ намъ совсѣмъ. Наконецъ, онъ пришелъ торжествующій и веселый, насколько позволяла видѣть его всегда сдержанная физіономія.

— Все окончилось благополучно!—сказалъ онъ.—Къ счастью моему, шпіонка, донесшая на тѣхъ болтливыхъ курсистокъ, оказалась всего мѣсяцъ на службѣ, и это былъ ея первый доносъ. Сегодня утромъ она явилась снова, и Гусевъ вышелъ къ ней вмѣстѣ со мной. Онъ былъ страшно золъ и потому набросился на нее съ перваго же взгляда, какъ собака.

— Что это вы издѣваться вздумали надъ нами?—закричалъ онъ на нее, топая ногами. Та совершенно растерялась и даже вдругъ присѣла, словно въ чемъ-то виноватая. Видъ у нея въ это время былъ страшно жалкій и противный. Это совершенно убѣдило Гусева въ ея винѣ.

— Вонъ отсюда, вонъ! И чтобы нога ваша не была болѣе у меня!.. Пойдемте!—сказалъ онъ мнѣ.—Не стоитъ болѣе разговаривать съ этой фальшивой женщиной. Выведите ее!—приказалъ онъ служителю. И мы ушли, не сказавъ съ ней болѣе ни слова.

Я убѣжденъ, что Гусевъ повелъ меня къ ней, чтобы сдѣлать очную ставку, но убѣдился въ ея ненужности. А до тѣхъ поръ я былъ фактически отстраненъ отъ составленія тайныхъ отчетовъ. Всю недѣлю старшій секретарь мнѣ поручалъ подводить разные канцелярскіе счеты, не имѣющіе никакого интереса. А теперь уже я снова получилъ довѣріе переписывать политическіе доносы и между ними докладъ самого Гусева шефу жандармовъ, что произведенное имъ изслѣдованіе вполнѣ выяснило дѣло: сама доносчица предупредила курсистокъ и за то уволена имъ отъ дальнѣйшей службы.

Мы вздохнули свободно, услышавъ это, и принялись обсуждать новое положеніе.

— Наша система таинственныхъ предупрежденій незнакомыхъ намъ людей и по маловажнымъ поводамъ,—сказалъ Михайловъ,—показала свою несостоятельность. Надо предупреждать теперь только лицъ, намъ извѣстныхъ, а остальныхъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда по содержанію доноса у нихъ могутъ найти что-нибудь важное, грозящее для нихъ судомъ и каторгой или явной административной высылкой.

Какъ мнѣ не грустно было это ограниченье, но волей-неволей приходилось согласиться съ нимъ относительно невозможности всеобщаго охраненія сочувствующихъ намъ лицъ, которое вначалѣ рисовалось въ самыхъ увлекательныхъ краскахъ въ моемъ воображеніи.

И вновь къ Михайлову, а затѣмъ и ко мнѣ въ архивъ, почти ежедневно стали стекаться листочки съ изложеніемъ всего, что дѣлалось въ центральной тайной канцеляріи политическаго сыска. Мы видѣли изъ этихъ листковъ, какъ десятки шпіоновъ

рыскали, такъ сказать, вокругъ насъ, въ примыкающихъ къ намъ сферахъ, но никакъ не могли до насъ добраться, какъ будто окруженнымъ непроницаемымъ для нихъ волшебнымъ кругомъ. Странно было читать, какъ эти шпіоны, проникая на разныя собранія учащейся молодежи, слышали тамъ разговоры, среди которыхъ то и дѣло попадались наши собственныя фамиліи. И чего только объ насъ не говорили въ средѣ тогдашней молодежи, какихъ только удивительныхъ подвиговъ, знаній и приключеній не приписывала намъ юная фантазія окружавшихъ насъ! И трогательно было, и по временамъ смѣшно и жалко, что самыя пылкія выраженія сочувствія получались нами черезъ прорвавшуюся воронку «Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи», которое насъ ловило! Но вскорѣ начали мы получать еще и другія свѣдѣнія. Необычное усердіе Клѣточникова привело къ тому, что Гусевъ предоставилъ ему вести и тайныя счетныя книги, въ которыхъ выдавалось жалованье шпіонамъ, а слѣдовательно ихъ полныя имена и фамиліи, съ какого времени они служатъ, какое жалованье получаютъ и какія имъ были выданы наградныя деньги за особенныя услуги, вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ послѣднихъ! Политическихъ шпіоновъ оказалось въ Петербургѣ около трехсотъ человѣкъ, большей частью среди рабочихъ, затѣмъ въ молодежи, а нѣсколько, получавшіе особенно большое жалованье и имѣвшіе титулъ «совѣтниковъ сыска», вращались въ либеральномъ обществѣ и между ними былъ редакторъ одной петербургской бульварной газеты.

Все это сразу, въ толстой тетради, было мнѣ принесено Михайловымъ на храненіе въ моемъ «тайномъ складѣ» у Зотова, откуда нужные документы или вещи вынимались мною время отъ времени для справокъ или для публикаціи именъ тѣхъ шпіоновъ, которые становились слишкомъ вредными.

— Хорошо бы напечатать,—сказалъ я разъ на собраніи петербургскихъ товарищей по «Землѣ и Волѣ»,—весь списокъ цѣликомъ, чтобы вымести хоть на время изъ Петербурга эту нечисть!

— Невозможно,—отвѣтилъ Михайловъ.—Тогда ликвидируютъ сейчасъ же Гусева, а съ нимъ и весь составъ его канцеляріи. А у насъ теперь начались такія важныя дѣла, что имѣть глазъ въ самомъ центрѣ намъ очень важно. Будемъ каждый мѣсяцъ публиковать двухъ-трехъ и тогда, мало-по-малу, справимся и съ остальными.

Какъ это не было грустно, но пришлось согласиться съ его мнѣніемъ тѣмъ болѣе, что въ то время не было никакихъ дѣятельныхъ заговорщиковъ въ Россіи, кромѣ насъ.

Новые люди.

А между тѣмъ работа нашего немногочисленнаго, но дѣятельнаго тайнаго кружка развертывалась все шире и шире.

— Пріѣзжайте къ намъ въ Кронштадтъ на недѣльку,—сказалъ мнѣ однажды молодой артиллерійскій штабсъ-капитанъ очень интеллигентнаго вида, съ которымъ я только что былъ познакомленъ.—У насъ есть тамъ нѣсколько товарищей изъ артиллеристовъ и моряковъ, которые всегда читаютъ съ интересомъ «Землю и Волю».

— Съ удовольствіемъ, какъ только выпустимъ слѣдующій номеръ отвѣтилъ я.—Только скажите, куда мнѣ пріѣхать.

Онъ далъ мнѣ адресъ квартиры, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ двумя другими офицерами.

Весь этотъ разговоръ происходилъ на Выборгской сторонѣ, въ квартирѣ «доктора Варгунина», у котораго былъ устроенъ къ тому времени «Землей и Волей» тайный освѣдомительный клубъ. Цѣль его была, какъ показываетъ и самое его названіе, освѣдомлять общество обо всемъ, что совершается въ разныхъ сферахъ русской жизни. Его члены не были ограничены числомъ, а только своими качествами. Здѣсь были представители военно-морскихъ сферъ въ лицѣ трехъ-четырехъ офицеровъ, представители медицинскаго міра въ лицѣ самого доктора, представители адвокатуры, литературы, учащейся молодежи. Программа этого клуба была слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ въ разныхъ сферахъ и обмѣниваться своими впечатлѣніями. Мнѣ очень нравилась эта идея, и я не пропускалъ ни одного собранія, засиживаясь иногда часовъ до двухъ ночи, такъ какъ послѣ собесѣдованій тамъ устраивался еще и ужинъ.

Полученное мною предложеніе очень заинтересовало меня и остальныхъ моихъ товарищей, просившихъ меня непремѣнно съѣздить и перезнакомиться со всѣми выдающимися офицерами. Тотчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ третьяго номера «Земли и Воли» я отправился съ вечернимъ поѣздомъ въ Ораніенбаумъ, а оттуда по льду Финскаго залива—въ Кронштадтъ.

Мнѣ радостно было мчаться на санкахъ во тьмѣ безлунной ночи между рядами воткнутыхъ елокъ, и въ первый разъ за всю зиму безъ помѣхи наблюдать въ полной красотѣ созвѣздія зимняго неба. Широкая полоса млечнаго пути тянулась въ глубинѣ бездоннаго пространства почти прямо надъ моей головой съ милліардами своихъ міровъ, едва замѣтныхъ для моего глаза вслѣдствіе своей страшной отдаленности. Я оглянулся назадъ въ своихъ легкихъ санкахъ и увидѣлъ за собой голубоватаго

Сиріуса, уже довольно высоко поднявшагося надъ горизонтомъ, а правѣе его и выше знаменитую звѣздную трапецію Оріона съ ея тремя звѣздами-сестрами въ срединѣ. Словно потекшее по небу расплавившееся золото, свѣтилось надъ ними скопленіе мелкихъ звѣздочекъ, въ срединѣ котораго чувствовалось даже простымъ глазомъ присутствіе величайшей изъ небесныхъ туманностей.

Я взглянулъ впередъ и прямо передо мною надъ заревомъ Кронштадтскихъ огней на горизонтѣ привѣтливо сіяла моя любимая яркая Вега. Какъ хорошо, какъ привѣтно свѣтятъ звѣзды на просторѣ полей послѣ долгой разлуки съ ними, послѣ многомѣсячнаго пребыванья въ городскихъ оврагахъ, называемыхъ улицами, гдѣ свѣтъ фонарей позволяетъ видѣть лишь нѣсколько самыхъ яркихъ и высокихъ звѣздъ! Мнѣ хотѣлось ѣхать цѣлую ночь и только утромъ на зарѣ пріѣхать въ мѣсто моего назначенія. Но поѣздка была непродолжительна, да и окружавшая меня темнота почти вскорѣ была досадно нарушена. Не проѣхалъ я и половины дороги, какъ длинная яркая полоса голубоватаго свѣта отъ зажженнаго Кронштадтскаго маяка протянулась въ небесномъ пространствѣ въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторонѣ отъ меня, и я увидѣлъ въ ея свѣтѣ нѣсколько санокъ, тоже спѣшащихъ въ Кронштадтъ.

— Почему мы ѣдемъ не по той освѣщенной дорогѣ?—спросилъ я извозчика.

— Тутъ ближе въ ту часть города, куда вы ѣдете,—отвѣтилъ онъ.

Я былъ радъ ѣхать въ одиночку во тьмѣ и, отвернувшись отъ этихъ признаковъ цивилизаціи, видѣть надъ собою лишь вѣчныя звѣзды и чувствовать подъ собой подъ скорлупой занесеннаго снѣгомъ льда уснувшую на время морскую бездну.

Я пріѣхалъ въ Кронштадтъ безъ всякихъ приключеній. Всѣ три офицера привѣтливо встрѣтили меня, ихъ денщикъ быстро поставилъ самоваръ для моего отогрѣванія послѣ поѣздки на сильномъ морозѣ, и мы принялись разсказывать другъ-другу новости. Кромѣ офицеровъ, сюда пришли еще и нѣсколько вольноопредѣляющихся, одинъ изъ которыхъ, Люстихъ, очень понравился мнѣ, а другой, Дегаевъ, почти все время молчавшій, обратилъ тогда мое вниманіе на себя лишь гнилыми, рѣдкими, неровными зубами и тѣмъ, что у него скверно пахло изо рта, когда онъ говорилъ со мной близко. Если бъ кто-нибудь сказалъ мнѣ въ то время, что черезъ годъ онъ будетъ играть роль въ революціонной военной организаціи Народной Воли, при первомъ зарожденіи которой я теперь присутствовалъ, то я прямо не повѣрилъ бы. Такъ онъ мнѣ показался незначителенъ

и мало симпатиченъ среди остальныхъ молодыхъ офицеровъ, которые окружали меня въ этотъ первый вечеръ нашего знакомства и въ слѣдующіе нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ Кронштадтѣ.

Однако вскорѣ я увидѣлъ, что около этого человѣка, съ невыразительными глазами и некрасивымъ лицомъ, есть магнитъ, который долженъ заставлять остальныхъ офицеровъ поневолѣ группироваться по близости отъ него. Дѣло было въ слѣдующемъ. Когда я прощался съ этой компаніей, Дегаевъ мнѣ сказалъ: зайдите въ Петербургѣ, въ субботу вечеромъ, къ моей матери. Мы всѣ соберемся тамъ и, кромѣ того, моя сестра очень желаетъ съ вами познакомиться.

— Непремѣнно!—отвѣчалъ я, и въ назначенный вечеръ, дѣйствительно, явился по данному мнѣ адресу, гдѣ засталъ нѣсколько человѣкъ изъ этихъ же самыхъ офицеровъ въ гостиной, меблированной съ претензіей на «вкусъ», за длиннымъ чайнымъ столомъ вмѣстѣ съ хозяйкой дома, очень симпатичной пожилой дамой и съ ея молоденькой дочкой, похожей на гимназистку старшихъ классовъ.

Хозяйка усадила меня рядомъ съ собой, налила чаю, и разговоръ завязался самый обыкновенный о разныхъ газетныхъ новостяхъ. Никто, прислушавшись къ намъ, даже и не подумалъ бы, что здѣсь совершается что-нибудь необычное, имѣющее серьезныя дальнѣйшія послѣдствія. Но вскорѣ все это совершенно измѣнилось.

— Пойдемте къ моей сестрѣ!—сказалъ, выходившій передъ тѣмъ на нѣсколько минутъ въ глубинныя комнаты Дегаевъ.

Но ваша сестра здѣсь!—говорю я ему, указывая на гимназистку.

— Это не та!—отвѣчалъ онъ, съ пренебреженіемъ взглянувъ на молоденькую дѣвушку.—Я говорю о моей замужней сестрѣ.

— Но почему же она не вышла сюда?—захотѣлось мнѣ спросить,—однако же, я сразу удержался, понявъ, что если той сестры нѣтъ, то этому должна быть какая-нибудь уважительная причина, о которой неудобно говорить при публикѣ. И, дѣйствительно, все такъ и оказалось. Дегаевъ провелъ меня черезъ промежуточную комнату въ изящно устроенный дамскій будуаръ, гдѣ на малиновой кушеткѣ, передъ которой стоялъ столикъ съ лампой, съ малиновымъ абажуромъ и лежала на полу медвѣжья шкура, полулежала въ живописной позѣ, протянувъ свои ножки, молоденькая, изящная дама съ раскрытой книжкой стиховъ на своихъ колѣняхъ, со взглядомъ, устремленнымъ вдаль и съ мечтательнымъ выраженіемъ своего кругленькаго, чисто херувимскаго ли-

чика. Она такъ замечталась, что даже и не замѣтила нашего входа, и только когда мы подошли къ самой кушеткѣ, она вдругъ взглянула на насъ, улыбнулась и сказала, протягивая мнѣ свою крошечную пухленькую ручку.

— Ахъ, здравствуйте! Я такъ много о васъ слыхала отъ брата! Я очень, очень хотѣла съ вами познакомиться!

Я сѣлъ передъ нею на изящномъ мягкомъ стулѣ, какъ нѣсколько недѣль назадъ на табуреткѣ передъ Вивьенъ де Шатобрёнъ, и сразу подумалъ:

— Это она нарочно не вышла въ гостиную, чтобъ моя первая встрѣча съ нею произошла въ такой необычной обстановкѣ для нашей радикальской среды. Она хотѣла, чтобъ я сразу былъ ослѣпленъ ею или, по крайней мѣрѣ, выдвинулъ ее на исключительное мѣсто. Большая, должно быть, кокетка! Навѣрное уже вскружила головы всѣмъ этимъ молодымъ офицерамъ и сдѣлала себя и брата ихъ центромъ. Придется очень считаться съ нею.

Я оглянулся, чтобъ посмотрѣть, почему ея братъ не сидитъ уже рядомъ со мною, но къ удивленію увидѣлъ, что его совсѣмъ не было. Проведя меня къ сестрѣ, онъ тотчасъ же незамѣтно исчезъ по мягкому ковру. Я съ трудомъ сдержалъ улыбку. Это все было ужъ слишкомъ наивно: ему было сказано привести меня и уйти, но именно потому это мнѣ и понравилось. Наивность, вѣдь это признакъ свѣжести, и она симпатична, въ какой формѣ ни проявлялась бы.

— Вы поэтъ?—спросила она меня съ томнымъ взглядомъ своихъ карихъ красивыхъ глазъ прямо въ мои глаза.

— Кое-что пишу и стихами.

— Я только что читала ваши стихи! Они всегда производили на меня очень сильное впечатлѣніе!—И она указала на книжку на своихъ колѣняхъ. Это былъ женевскій сборникъ «Изъ-за рѣшетки». Мнѣ невольно вспомнилось, какъ точно такъ же положила его на столикъ, чтобъ я его могъ видѣть, и юная компанія курсистокъ и гимназистокъ, пригласившихъ меня къ себѣ тотчасъ же послѣ моего освобожденія изъ заточенія.

«Какъ одинаковы у всѣхъ пріемы!—невольно подумалось мнѣ.—Сущность у всѣхъ ихъ одна и та же, и разнятся только мелкія детали. Но мнѣ это нравится, показываетъ общность душъ всего человѣческаго рода...»

— Я тоже пишу стихи!—сказала мнѣ она.

— Можно послушать хоть одно.

— Да. Я вамъ сейчасъ прочту одно, которое я считаю лучшимъ. Въ немъ описывается политическій заключенный, гибнущій въ темницѣ за идею.

И тотчасъ же, устремивъ свои широко открытые каріе глаза, какъ будто въ глубину небесъ, открывшуюся для нея сквозь стѣны этой комнаты, она приняла на кушеткѣ сидячее положеніе съ вытянутыми впередъ миніатюрными ножками въ изящныхъ туфелькахъ и чулочкахъ, едва высунутыхъ изъ-подъ художественныхъ складокъ ея красиво сидящаго платья, и начала декламировать свое стихотвореніе. Оно было во многихъ мѣстахъ хорошо. Чувствовались тутъ и тамъ музыкальность и поэзія. Теперь я помню изъ этого стихотворенія только двѣ строки изъ середины, въ которыхъ говорится о политическомъ заключенномъ:

«Предъ смертью его загорается взглядъ,
«И глядитъ онъ впередъ, озираясь назадъ...

И еще двѣ строчки—изъ самаго конца:

«Оттого-то нерѣдко любовью своей
«Обращаютъ тѣ люди своихъ палачей!

Но она декламировала свои стихи такъ театрально-патетически, что испортила мнѣ первое впечатлѣніе. Я взялъ у нея ихъ копію, чтобы помѣстить въ «Землѣ и Волѣ», но недостаточная обработка нѣкоторыхъ строфъ помѣшала мнѣ исполнить это намѣреніе.

— Знаете,—сказала она,—я хочу сдѣлаться актрисой и, притомъ, именно для того, чтобъ помогать вамъ въ вашей героической дѣятельности.

Слово «героической» было произнесено ею съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что мнѣ неловко было даже и запротестовать. Въ результатѣ пришлось сдѣлать видъ, какъ будто я не разслышалъ, или получилъ отъ нея нѣчто вполнѣ заслуженное.

— Да,—сказалъ я скромно,—быть актрисой, конечно, хорошо. Актрисы вращаются въ любомъ кругу и много могутъ знать.

Но вдругъ я спохватился: зачѣмъ я говорю ей неправду! Вѣдь, ее въ актрисы не примутъ, у нея, очевидно, нѣтъ артистическаго таланта. Она сама себя слушаетъ при декламаціи, сразу видно, что это она играетъ роль, не получается иллюзіи дѣйствительности, какъ должно быть у настоящей актрисы.

Мнѣ стало очень жалко ея будущаго разочарованія. И это предвидѣнье невѣдомаго еще для нея, но яснаго для меня, и уже ждущаго ее горя сближало меня съ нею. Вѣдь ей искренно хотѣлось быть хорошей, быть талантливой, и она имѣла къ этому явные задатки, но ее избаловали съ дѣтства похвалами, благодаря ея ангельскому личику, и поставили на ходули. И я чувствовалъ здѣсь свою безпомощность. Я понималъ, въ чемъ состоитъ драма-

тическій талантъ, но не былъ самъ артистомъ. Научить ее я не могъ, тѣмъ болѣе, что молодые офицеры тамъ въ гостиной, очевидно, были въ полномъ восторгѣ отъ каждаго ея слова, отъ каждаго ея поступка. И я убѣдился въ этомъ, когда часа черезъ два нашего tête-a-tête и они получили приглашеніе войти къ намъ.

Поздней ночью я ушелъ вмѣстѣ со всей ихъ компаніей изъ этого дома, и у меня въ головѣ былъ полный кавардакъ разношерстныхъ впечатлѣній относительно героини встрѣченнаго мною здѣсь общества. Въ Дегаевой была смѣсь искренняго и напускного, прирожденный талантъ и искаженность отъ послѣдующаго воспитанья, но прежде всего и послѣ всего было ясно, что со своимъ ангельскимъ личикомъ и «симпатизирующимъ вамъ» обращеніемъ она была сила среди окружавшей ее военной молодежи.

«Надо продолжать съ ней знакомство, она стоитъ этого!»— резюмировалъ я, наконецъ, свои мысли, когда вернулся домой, въ квартиру Корнева и, старался поскорѣе заснуть, чтобы завтра утромъ быть на редактированіи четвертаго номера «Земли и Воли».

Тайное редакціонное собраніе.

Послѣ отъѣзда Кравчинскаго въ Женеву, изъ нашей первоначальной редакціи остались только Клеменцъ и я. Клеменцъ предложилъ обществу вмѣсто Кравчинскаго вызвать Тихомірова, жившаго на Кавказѣ у своего отца, и это предложеніе было принято. Общество согласилось на это, но до его пріѣзда намъ предложило временно замѣнить Кравчинскаго—Плехановымъ, на что мы тотчасъ же согласились. Плехановъ былъ извѣстенъ тогда, больше какъ ораторъ, а не какъ писатель. Никто и не заподозрилъ бы въ немъ будущаго вождя соціалъ-демократической партіи, такъ какъ онъ былъ крайнимъ «народникомъ». Съ блѣднымъ, матовымъ цвѣтомъ кожи и крупными чертами лица, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень самоувѣреннаго, но сдержаннаго, не дававшаго никому проникнуть глубоко въ свою душу. Такое же впечатлѣніе (конечно, только въ послѣднемъ отношеніи) производилъ и пріѣхавшій потомъ Тихоміровъ, хотя по наружности и былъ полною противоположностью Плеханову: старообразный; худой съ желтоватой кожей и всегда тихимъ голосомъ и тихими движеніями.

Да! Какъ странно теперь припомнить все это! За исключеніемъ Кравчинскаго, умершаго въ Лондонѣ, мы, бывшіе редакторы «Земли и Воли», еще живы. Я снова сижу въ крѣпости за тѣ самыя стихотворенія, которыя были написаны мною еще тогда. Дмитрій Клеменцъ обрабатываетъ свои этнографическіе

труды, составленные во время его ссылки въ Сибирь[1]). Тихоміровъ опровергаетъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ все то, что защищалъ когда-то въ «Землѣ и Волѣ», а тогдашній народникъ Плехановъ, который былъ оставленъ въ редакціи и послѣ пріѣзда Тихомірова, полемизируетъ теперь съ народниками во имя своихъ новыхъ, соціалъ-демократическихъ воззрѣній. Одинъ я, хотя и бросившійся во вторую половину своей жизни въ науку, остался почти на прежней точкѣ зрѣнія по общественнымъ вопросамъ.

Благодаря тому, что узко-партійные, чисто фракціонные вопросы ставились и тогда «вожаками» на главное мѣсто, а я старался смотрѣть болѣе широко и объединять ихъ всѣхъ,—я въ первое время ограничивался въ «Землѣ и Волѣ» веденіемъ хроники, предоставляя руководящія статьи моимъ товарищамъ. На мнѣ же лежала и вся редакціонная работа въ смыслѣ разсмотрѣнія статей, присылаемыхъ посторонними лицами, для чего я носилъ съ собою всегда портфель, гдѣ находился матеріалъ для будущихъ номеровъ, за исключеніемъ рукописей моихъ товарищей по редакціи, которые представляли ихъ прямо на редакціонныя совѣщанія, гдѣ рѣшалась окончательно судьба и всѣхъ постороннихъ произведеній.

Въ то редакціонное собраніе, о которомъ я теперь пишу, я какъ разъ представилъ для «Земли и Воли» свою первую статью, не относящуюся къ моему отдѣлу хроники. Это былъ разсказъ о нашей попыткѣ освобожденія Войнаральскаго почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ у меня и въ этихъ воспоминаніяхъ.

Я, волнуясь, прочелъ свое произведеніе товарищамъ, но имъ оно не показалось достаточно важнымъ.

— У меня есть болѣе важная статья: отповѣдь либераламъ на ихъ конституціонныя пожеланія,—сказалъ Клеменцъ.

— И у меня тоже очень важная: по основнымъ вопросамъ соціализма и народничества,—прибавилъ Плехановъ.

— И я,—замѣтилъ Тихоміровъ,—готовлю важную статью.— Я хочу показать пользу вооруженныхъ крестьянскихъ выступленій противъ сельскихъ властей и, такимъ образомъ, объединить народническую программу съ нашей современной тактикой партизанской вооруженной борьбы.

— Почему бы не помѣстить этого всего разомъ?—замѣтилъ я.

— Нехватитъ мѣста,—заявилъ Клеменцъ.

Съ этимъ спорить было нельзя, да и безъ того я никогда въ

[1]) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ это было написано въ Двинской крѣпости, Клеменцъ умеръ.

жизни не былъ способенъ настаивать на предпочтеніи своей статьи чужимъ, такъ какъ это мнѣ казалось очень неделикатнымъ.

— Въ такомъ случаѣ я охотно уступаю вамъ свое мѣсто, — сказалъ я, — тѣмъ болѣе, что мой давнишній женевскій знакомый Ткачевъ просилъ у меня чего-нибудь для редактируемаго имъ за границей «Набата». Можно отослать туда.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, какое произвели эти мои слова на товарищей по редакціи, особенно на Клеменца. Онъ весь покраснѣлъ, какъ будто ему нанесли личное оскорбленіе, и, вскочивъ со стула, началъ бѣгать изъ угла въ уголъ по комнатѣ, нервно потирая руки.

— Какъ!—воскликнулъ онъ.—Ты будешь сотрудничать въ якобинскомъ журналѣ! Въ журналѣ, проповѣдующемъ революціонный захватъ власти въ свои руки!

— Но, вѣдь я же не хочу писать въ «Набатѣ» по принципіальнымъ вопросамъ. Я только хотѣлъ бы разсказать публикѣ, какъ произошла попытка освобожденія Войнаральскаго. Я думаю, что если такой разсказъ уже написанъ, то лучше его скорѣе отпечатать гдѣ-нибудь, чѣмъ держать запертымъ въ шкафу. А для слѣдующаго номера «Земли и Воли» я приготовлю что-нибудь другое.

— Это немыслимо!—воскликнулъ онъ.—Твое имя будетъ стоять рядомъ съ именемъ Ткачева!

— Но что же изъ этого?

— То, что «Набатъ» напрасно называетъ себя органомъ русскихъ революціонеровъ! Въ Россіи нѣтъ ни одного революціонера, находящаго цѣлесообразнымъ захватъ центральной правительственной власти въ свои руки путемъ заговора.

— А, можетъ быть, такіе и есть или просто окажутся съ легкой руки того же самаго «Набата!»—возразилъ я.

— Тогда они будутъ *нашими* врагами! Въ основѣ всего должно лежать крестьянство и его общинные инстинкты! Капитализмъ въ Россіи прививается правительствомъ насильно и не имѣетъ никакого будущаго, буржуазная республика намъ не нужна! Она для насъ хуже самодержавія, потому что умнѣе!

Онъ долго говорилъ на эту тему и, успокоивъ себя нѣсколько горячими потоками своихъ мыслей и словъ, вдругъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Давай твою статью сюда! Мы лучше прибавимъ къ номеру лишній листъ, но не допустимъ, чтобъ ты оказался сотрудникомъ «Набата».

Напрасно я говорилъ теперь, что я не тороплюсь, что мой разсказъ можно напечатать и въ слѣдующемъ номерѣ! Статья была немедленно взята имъ у меня и тутъ же отправлена въ

типографію, а Тихоміровская появилась лишь въ слѣдующемъ номерѣ «Земли и Воли». Когда мы вмѣстѣ съ Клеменцомъ вышли на улицу съ этого редакціоннаго засѣданія, у насъ вновь возобновился, уже въ болѣе спокойномъ тонѣ этотъ самый разговоръ.

— Мнѣ всегда очень тяжело,—сказалъ я ему,—читать полемику между людьми, идущими къ той же цѣли, но разными дорогами. Перебранки и взаимные попреки нашихъ ораторовъ и публицистовъ кажутся мнѣ не только вредными для общей цѣли, но прямо ужасными, какъ еслибъ, напримѣръ, древніе христіане разныхъ фракцій, сжигаемые вмѣстѣ за свои вѣрованія, не нашли ничего лучшаго, какъ показывать кулаки другъ другу изъ дыму и пламени своихъ костровъ и продолжать переругиваться, какъ дѣлали передъ этимъ со своихъ церковныхъ каѳедръ. Евангельскій разбойникъ, ругавшій распятаго вмѣстѣ съ нимъ Христа, производитъ отвратительное впечатлѣніе именно тѣмъ, что ругался въ такомъ положеніи. А мы развѣ въ лучшемъ?!

— Это совсѣмъ не то!—возразилъ онъ мнѣ.—Какъ можешь ты считать этихъ парижскихъ болтуновъ «страдальцами на крестѣ»! Пусть они пріѣдутъ сюда, пусть покажутъ, что готовы не только призывать другихъ на смерть за идеи, но и сами, какъ мы—итти съ ними, тогда я ничего тебѣ не скажу. Сотрудничай и у нихъ, если захочешь!

— Но вѣдь полезны же и заграничные журналы? Я признаю, что практическіе руководители опасной борьбы не должны сидѣть въ безопасности за границей, а итти въ первыхъ рядахъ вмѣстѣ съ тѣми, кого ведутъ, однако обсужденіе теоретическихъ вопросовъ можно вести спокойно и за границей.

— Въ такомъ случаѣ пусть и не называютъ свой журналъ органомъ *русскихъ* революціонеровъ, такъ какъ посторонніе люди могутъ подумать, что это ихъ партія производитъ все то, что мы теперь дѣлаемъ.

У меня сразу просвѣтлѣло въ головѣ. Такъ вотъ въ чемъ основная причина недоброжелательства моихъ литературныхъ товарищей къ Ткачеву!—думалъ я.—Но не все ли равно, кому припишутъ наши дѣла, разъ они сдѣланы нами анонимно? Вѣдь при тайнѣ, которой они обставлены, каждый можетъ сказать, что любое изъ нихъ сдѣлалъ онъ. И вдругъ я содрогнулся отъ ужасной мысли: а что, если подобное присвоенье сдѣлаетъ не Ткачевъ, не свои люди, а какіе-нибудь негодяи съ цѣлью обмана сочувствующихъ намъ лицъ или вымогательства у нихъ денегъ для своихъ кутежей? Нѣтъ!—рѣшилъ я,—лучше не думать объ этомъ! Едва ли кто рѣшится на такое присвоеніе изъ боязни

того же самаго правительства, и едва ли найдется такая неопытная молодежь, которая инстинктивно не сообразитъ, что тутъ что-то не ладно! Но я все же долго не могъ успокоиться отъ такой мысли и чувствовалъ въ этотъ мигъ, что если-бъ подобный негодяй попался мнѣ подъ руку, я тутъ же пристрѣлилъ бы его, несмотря ни на какія послѣдствія для себя изъ-за такого поступка!

Новая западня.

Мы пришли съ Клеменцомъ къ Грибоѣдову, у котораго я давно не былъ, такъ какъ квартира его считалась заподозрѣнною властями, и тутъ мы встрѣтили уже знакомаго намъ молодого студента Исаева, распространявшаго «Землю и Волю» среди учащейся молодежи.

— Съ вами очень желаетъ познакомиться только что пріѣхавшій изъ Москвы рабочій Ренштейнъ,—сказалъ онъ намъ обоимъ.— У него есть пріятель, машинистъ на Московской желѣзной дорогѣ, согласный перевозить въ Москву какое угодно количество «Земли и Воли» и во всякое время.

— Это очень хорошо!—сказалъ Клеменцъ, потирая съ удовольствіемъ руки.

— Но только Рейнштейнъ желалъ непремѣнно видѣть когонибудь изъ редакторовъ.

Клеменцъ сразу насторожился.

— Зачѣмъ ему непремѣнно редактора?

— Говоритъ, что очень нужно.

— Такъ назовитесь ему сами редакторомъ, и дѣлу конецъ!— смѣясь сказалъ Клеменцъ.—А потомъ намъ разскажете, чего онъ отъ насъ хочетъ.

— Я лучше попрошу объ этомъ одного моего пріятеля, Остафьева,—отвѣчалъ Исаевъ и, получивъ согласіе, сейчасъ же ушелъ. Затѣмъ и мы разошлись, смѣясь, и ни у кого изъ насъ не появилось даже и предчувствія, что передъ нами здѣсь разверзалась бездна.

Разыгравшій роль редактора, студентъ Остафьевъ, получилъ отъ Рейнштейна незначительную рукопись и передалъ намъ ее, сказавъ, что Рейнштейнъ не сообщилъ ему ничего важнаго, кромѣ адреса кочегара на одномъ изъ товарныхъ паровозовъ, ходящихъ между Петербургомъ и Москвою.

Прошли недѣли двѣ полнаго покоя въ продолженіе которыхъ я продолжалъ жить въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Корша въ большомъ домѣ на углу Литейнаго проспекта

и Пантелеймонской улицы, повидавшись въ это время нѣсколько разъ съ сестрой Дегаева и кронштадтскими офицерами, которые всѣ, за исключенiемъ ея брата, мнѣ очень понравились.

Вдругъ разъ въ четвертомъ часу ночи раздался сильный звонокъ у парадной двери моей квартиры. Коршъ въ одномъ бѣльѣ выбѣжалъ со свѣчой въ рукѣ изъ своей спальной въ столовую, гдѣ на мягкомъ диванѣ была устроена мнѣ постель, и я уже давно находился въ ней.

— Слышите?—съ испугомъ сказалъ онъ мнѣ.

— Слышу. Должно быть обыскъ.

Я схватилъ мой портфель и привязалъ къ нему длинный шнурокъ.

— Затушите свѣчку!

Онъ задулъ ее и мы остались въ ночной тьмѣ.

Я побѣжалъ босой къ одному изъ оконъ, открылъ форточку и спустилъ портфель въ ночномъ мракѣ за окно, зацѣпивъ второй конецъ шнурка за верхнiй шарниръ, на которомъ поворачивалась форточка. Такимъ образомъ портфель мой очутился висящимъ за окномъ. Снаружи его не было видно во тьмѣ, а изнутри трудно было замѣтить конецъ шнурка. Этимъ способомъ я уже успѣлъ разъ спасти свои бумаги, хранившiяся у курсистокъ Обуховыхъ, научивъ ихъ сдѣлать такъ, если придутъ жандармы.

Тѣмъ временемъ звонки изъ-за двери повторялись все громче и чаще, и прислуга выбѣжала отворять дверь.

— Я буду говорить, что вы мой помощникъ, оставшiйся ночевать,—сказалъ мнѣ Коршъ.

— Здѣсь Полозовъ? — раздался голосъ изъ передней, какъ только прислуга отворила дверь.

— Здѣсь!—отвѣчала горничная.

Полозовъ — это была фамилiя, подъ которой я вращался тогда въ обществѣ.

— Мнѣ нужно его сейчасъ же видѣть,—сказалъ пришедшiй, въ которомъ я съ облегченiемъ узналъ по голосу своего прiятеля Луцкаго, отставного морского офицера.

— Я здѣсь! Идите сюда!—крикнулъ я ему съ постели.

Онъ вбѣжалъ сильно встревоженный.

— Ваша тайная типографiя арестована сегодня, въ двѣнадцать часовъ ночи. Найдены типографскiе станки, — много номеровъ Земли и Воли. Всѣ обитатели квартиры подъ сильнымъ конвоемъ препровождены въ Петропавловскую крѣпость, а въ типографiи устроена засада. Очень просятъ сейчасъ же предупредить редакцiю, чтобъ не ходили туда. Очень просятъ предупредить остальныхъ редакторовъ немедленно.

— Кто проситъ?

— Сообщившіе извѣстіе.

— Кто же это?

— Полицейскій чиновникъ, недавно поселившійся въ меблированныхъ комнатахъ рядомъ съ Остафьевымъ, или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, я хорошо не помню. Онъ, возвратившись въ часъ ночи, разсказалъ все это, прибавивъ, что засада ждетъ редакцію, которая по полицейскимъ свѣдѣніямъ соберется тамъ сегодня въ семь часовъ утра. Вотъ почему Остафьевъ, не зная вашихъ адресовъ, побѣжалъ, не теряя времени, къ помощнику присяжнаго повѣреннаго Буху, думая, что тотъ знаетъ, но Бухъ пріѣхалъ ко мнѣ, а я сейчасъ же—къ вамъ, болѣе я никого не знаю. Предупредите сейчасъ же сами! Вы, вѣрно, знаете всѣ адреса. Но только надо сейчасъ же, чтобъ они не пришли туда на собраніе утромъ. Осталось всего три часа до семи.

— Но у насъ никогда не бывало редакціонныхъ собраній въ типографіи,—отвѣчалъ я.

— Можетъ быть сегодня экстренное, о которомъ васъ не успѣли предупредить.

— Ни въ какомъ случаѣ не собрались бы мы въ типографіи, въ которую избѣгаемъ даже ходить. Плехановъ и Тихоміровъ даже не знаютъ ея адреса, бываетъ по временамъ только Клеменцъ, а обыкновенно за рукописями являются ко мнѣ сами изъ типографіи.

— Такъ надо предупредить Клеменца!—воскликнулъ онъ.— Можетъ быть онъ хотѣлъ быть тамъ въ семь часовъ утра?

— Клеменцъ-то?—съ изумленіемъ спросилъ я.—Да онъ никогда не встаетъ раньше двѣнадцати часовъ дня! Въ одиннадцать утра онъ еще въ постели, потому что ложится не раньше трехъ часовъ ночи!

— Ну какъ хотите!—сказалъ Луцкій.—Теперь я исполнилъ порученіе, а вамъ лучше знать.

— А на какой улицѣ арестована типографія?

— Чиновникъ не сказалъ.

И, простившись съ нами, онъ тотчасъ же ушелъ домой.

— Что-то странное!—сказалъ я Коршу.

— Да,—отвѣтилъ онъ. Вы не пойдете сейчасъ же предупреждать Клеменца?

— Это была бы величайшая неосторожность,—отвѣтилъ я.— Пришлось бы будить швейцара и показать ему, что у Клеменца происходитъ что-то необычное, тревожное. А главное, незачѣмъ теперь итти. Я знаю, что Клеменцъ никогда не уйдетъ съ квартиры раньше полудня. Если я приду къ нему даже въ десять

часовъ утра и тогда мнѣ придется расталкивать его въ постели.

— А какъ жаль типографію!—сказалъ Коршъ.

— Да, это большое горе.

Онъ ушелъ къ себѣ въ спальню, а я, не будучи въ состояніи заснуть отъ горя, валялся безсонный до утра, постоянно поглядывая при свѣтѣ зажигаемой спички, скоро ли наступитъ утро, и мало-по-малу исчеркалъ всю коробку.

Наконецъ наступило и желаемое утро, тусклое, сѣрое, петербургское, зимнее. Уже въ семь часовъ я былъ на ногахъ и сидѣлъ совсѣмъ готовый, чтобы выйти въ половинѣ девятаго, такъ какъ до Клеменца, жившаго на Троицкой улицѣ, было полчаса ходу, а извозчика я не хотѣлъ брать, чтобъ лучше слѣдить за своимъ тыломъ въ такой опасный моментъ. Я вышелъ изъ Пантелеймонской улицы на пустынную набережную Фонтанки и пошелъ по ней, не замѣтивъ сзади никакой свиты. Вотъ я и у дома земскаго дѣятеля Александрова, у котораго жилъ Клеменцъ. Знака безопасности около своей квартиры Клеменцъ не выставлялъ, такъ какъ въ квартирѣ, гдѣ хозяинъ человѣкъ съ положеніемъ и не рискуетъ быть арестованнымъ, о засадѣ послѣ обыска, казалось, не могло быть и рѣчи.

Я вошелъ въ подъѣздъ, швейцара тамъ не было. Я поднялся во второй этажъ къ двери Александрова и, какъ всегда, прислушался. Все было тихо. Я нажалъ ручку двери и увидѣлъ, что она подалась, дверь не была заперта, какъ бывало иногда и прежде, потому что здѣсь были ранніе пріемные часы по дѣламъ въ кабинетѣ одного помощника присяжнаго повѣреннаго, занимавшаго вторую половину большой квартиры Александрова.

Я тихо пошелъ далѣе и, заглянувъ въ сосѣднюю комнату, неожиданно увидѣлъ въ ней на стульяхъ нѣсколько офицерскихъ пальто, сабель и синихъ жандармскихъ фуражекъ. Въ то же мгновеніе изъ ближайшей двери вышелъ неожиданно лакей этой квартиры, мало симпатичный человѣкъ, и увидѣвъ меня, быстро повернулъ назадъ и вмѣсто того, чтобы снять мое пальто, побѣжалъ въ комнату, занимаемую Клеменцомъ.

«Клеменцъ арестованъ!»—сообразилъ я.—«Здѣсь засада».

Повернувъ въ то же мгновеніе назадъ, я рѣшилъ было сначала выдернуть ключъ изъ двери и запереть въ ней, уйдя, всю компанію, но, обративъ вниманіе, что вторая половинка двери запиралась не на внутреннія задвижки, а на крюкъ, который легко было снять и вышибить обѣ створки двери, несмотря на то, что онѣ замкнуты на замокъ, я не сдѣлалъ этого, чтобъ не терять даромъ времени. Тихо притворивъ дверь, я въ нѣсколько прыж-

ковъ спустился съ лѣстницы и былъ на улицѣ. Если бы она была людная, въ ней легко было бы затеряться, но во всей улицѣ было пусто. Къ счастью домъ былъ угловой и за угломъ его былъ недлинный переулокъ, соединяющій Троицкую улицу съ люднымъ Владимірскимъ проспектомъ. Повернувъ скорымъ шагомъ за уголъ, чтобъ не обратить вниманіе какихъ-либо, невидимыхъ мнѣ, наблюдателей, я быстро побѣжалъ по переулку, гдѣ не было ни одной души.

Едва я перебѣжалъ на его дальнѣйшую половину, какъ сзади меня изъ-за угла Троицкой улицы показалась толпа полуодѣтыхъ жандармскихъ солдатъ и офицеровъ съ громкими криками:

— Лови! Держи!

Но въ переулкѣ некому было меня держать. А когда я выбѣжалъ на Владимірскій проспектъ, тамъ только что прошла конка и я имѣлъ полную возможность, не обращая ничьего вниманія, погнаться за ней, сколько хватало ногъ и вскочить на нее на ходу.

Почти въ ту же минуту моя погоня высыпала изъ переулка и остановилась въ недоумѣніи, гдѣ меня искать, такъ какъ шло много народу. Я видѣлъ, стоя на задней площадкѣ вагона, какъ жандармы разспрашивали случайныхъ прохожихъ, но изъ нихъ видѣвшіе, какъ я бѣжалъ, отошли уже далеко отъ угла, а подошли другіе, которые, очевидно, ничего не могли или не хотѣли имъ сказать.

Такъ я и уѣхалъ благополучно и, для большей осторожности, сейчасъ же вновь сошелъ съ конки и въ ближайшемъ переулкѣ велѣлъ извозчику везти меня въ направленіи, казавшемся мнѣ наиболѣе безопаснымъ.

«Итакъ Клеменцъ арестованъ сегодня ночью!—Что же это значитъ?»—спрашивалъ я себя.

Отпустивъ извозчика, я побѣжалъ къ Михайлову сообщить ему обо всемъ и съ полнымъ изумленіемъ увидѣлъ у него какъ разъ саму хозяйку нашей тайной типографіи, Крылову, высокую, сухую, очень несимпатичную по внѣшности, но осторожную и трудолюбивую женщину лѣтъ сорока.

— Какъ вы успѣли спастись?—спрашиваю я ее.

— Отъ кого?—съ изумленіемъ отвѣтила она.

— Отъ ареста?

— Какого?

— Да развѣ типографія ваша не арестована сегодня ночью?

— Ничего подобнаго! Я только сейчасъ оттуда вышла и хочу итти къ Клеменцу за рукописью.

— Не ходите! Клеменцъ арестованъ!

И я разсказалъ имъ все, что произошло со мною, а такъ же и о предупрежденіи меня Луцкимъ.

— Здѣсь что-то неладно!—сказалъ Михайловъ, повторивъ, самъ не зная того, слова Корша по этому же самому поводу.

— Да!—отвѣчалъ я.

Почти въ то же время прибѣжалъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Поповъ.

— Сегодня раннимъ утромъ у Луцкаго былъ обыскъ!—сказалъ онъ.—Ничего не нашли и оставили въ покоѣ.

— Значитъ—его обыскивали сейчасъ же послѣ возвращенія отъ меня ночью!?—воскликнулъ я.—А меня не тронули!

Съ каждой минутой дѣло становилось все загадочнѣй.

— Навѣрно, и еще были обыски ночью!—замѣтилъ Михайловъ.—Надо намъ сидѣть всѣмъ смирно дома, пока не выяснится дѣло.

Онъ взглянулъ на часы. Было около двѣнадцати дня.

— Подождите меня и никуда не ходите съ часъ,—сказалъ онъ.—У меня назначено свиданье съ Клѣточниковымъ.

И онъ, быстро одѣвшись, вышелъ. Черезъ полчаса къ намъ прибѣжала Перовская.

— Бухъ и Остафьевъ арестованы сегодня ночью!—сказала она, запыхавшись и раскраснѣвшись отъ быстраго движенія.

— Значитъ, взяты всѣ наши предупредители!—воскликнулъ я.—А изъ предупрежденныхъ Клеменцъ! Да, здѣсь дѣло нечисто!

Затѣмъ возвратился и Михайловъ.

— Вотъ такъ исторія!—сказалъ онъ.—Клѣточниковъ уже получилъ изъ Третьяго отдѣленія извѣстіе объ арестѣ Клеменца, а вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ и всѣ обстоятельства дѣла. Помните, какъ къ намъ пріѣзжалъ рабочій Рейнштейнъ изъ Москвы?

— Какъ же не помнить!—замѣтилъ я.—Мы еще не захотѣли съ нимъ видѣться.

— Все это сдѣлалъ онъ! Онъ, оказывается, — московскій шпіонъ, который вошелъ въ кружки тамошнихъ народниковъ-пропагандистовъ и разными успѣшными услугами сдѣлалъ себя чрезвычайно популярнымъ среди нихъ. Онъ доставлялъ имъ «Землю и Волю», устраивалъ склады оружія, и все, что онъ ни начиналъ, оканчивалось полнымъ успѣхомъ. Клѣточниковъ говоритъ, что недавно онъ предложилъ московскому жандармскому управленію выслѣдить въ Петербургѣ за тысячу рублей всю редакцію «Земли и Воли», а не то и самую типографію. Начальникъ тамошнихъ шпіоновъ, желая отличиться въ Петербургѣ, обѣщалъ ему эти деньги, и написалъ о проектѣ Рейнштейна

прямо шефу жандармовъ, старательно обойдя Тайную Канцелярію, въ которой состоитъ секретаремъ Клѣточниковъ, чтобъ тамъ не перехватили дѣло себѣ. Рейнштейнъ же, добывъ корреспонденцію отъ одного изъ московскихъ революціонеровъ и нѣсколько рекомендацій, поѣхалъ въ Петербургъ и сталъ добиваться свиданья съ кѣмъ-либо изъ нашихъ редакторовъ. Но они—и онъ указалъ присутствовавшимъ товарищамъ на меня—выдали ему за редактора Остафьева, который и видѣлся съ нимъ гдѣ-то. А у воротъ уже стояли особые сыщики, выслѣдившіе потомъ Остафьева до его квартиры. Такъ, по плану Рейнштейна, и была продѣлана вся комедія ночного предупрежденія. Подосланный къ Остафьеву полицейскій чиновникъ нарочно сдѣлалъ тревогу въ часъ ночи, когда движенье по улицамъ прекращается и становится легко слѣдить за рѣдкими прохожими. Кромѣ того пѣшіе и переодѣтые извозчиками жандармы и полицейскіе стояли на всѣхъ углахъ. Рейнштейнъ думалъ, что Остафьевъ тотчасъ же побѣжитъ предупреждать другихъ редакторовъ, а тѣ поѣдутъ смотрѣть домъ, гдѣ скрывается типографія на подкупленныхъ шпіонами извозчикахъ и такимъ образомъ все будетъ прослѣжено, узнано и арестовано въ одну ночь.

Мы нѣкоторое время молчали, чувствуя, что борьба теперь разгорается на жизнь и на смерть.

— Надо, чтобъ тысяча рублей этого негодяя, обошлась ему дорого!—воскликнулъ взволнованный Поповъ.—Я самъ поѣду въ Москву отомстить ему!

— Да, этого нельзя такъ оставить!—согласился Михайловъ.— Но слушайте далѣе. Шефъ жандармовъ увѣренъ, что въ лицѣ Клеменца и Буха арестована вся редакція «Земли и Воли», а въ причастность къ ней Остафьева онъ не вѣритъ. Особенно интересуетъ ихъ, по словамъ Клѣточникова, кого предупреждалъ Луцкій? Если бъ ты — обратился онъ ко мнѣ, — тоже забарахтался послѣ его предупрежденія и побѣжалъ бы изъ дому ночью, то и тебя бы не было теперь на свѣтѣ. У твоего дома и на ближайшихъ углахъ до утра стояли сыщики и разошлись только къ восьми часамъ, когда на улицахъ началось обычное движеніе, а изъ дома твоего уже ушло нѣсколько человѣкъ и нельзя стало разобрать, кто былъ предупрежденъ Луцкимъ.

— А развѣ нашего швейцара не спрашивали?

— Спрашивали, но онъ сказалъ, что, должно быть, Луцкій шелъ въ меблированныя комнаты въ верхнемъ этажѣ. Туда уже отправлены шпіоны подъ видомъ жильцовъ. Ты не ходи пока къ Коршу.

— Я буду жить у Анненскаго,—сказалъ я.—Онъ меня уже давно звалъ къ себѣ.

— Третье отдѣленіе,—продолжалъ Михайловъ,—очень обижено, что его обошли, и захватили безъ его участія такую крупную рыбу, какъ Клеменцъ, разыскиваемую безуспѣшно четыре года. Начальникъ тайной канцеляріи Гусевъ ругается, а Клѣточниковъ въ страшномъ отчаяньи. Теперь—говорилъ онъ мнѣ,—я никогда не могу быть увѣреннымъ, что того или другого изъ васъ не арестуютъ по какимъ-нибудь постороннимъ указаніямъ. Цѣль моего пребыванія въ этой отвратительной средѣ потерялась. Я—прибавилъ Михайловъ—насилу уговорилъ его остаться еще на время секретаремъ Гусева въ виду важности дѣлъ, которыя предстоятъ намъ въ будущемъ, но онъ усиленно предупреждаетъ всѣхъ васъ быть осторожными, такъ какъ аресты, происходящіе по распоряженію градоначальника или по болтовнѣ кого-либо изъ заключенныхъ, обыкновенно идутъ къ исполненію помимо составляемыхъ имъ конспектовъ. Онъ о нихъ ничего не можетъ знать заранѣе, какъ было и въ сегодняшнемъ случаѣ.

Мы всѣ начали печально расходиться. Крылова побѣжала сообщить въ типографіи о случившемся. Михайловъ и Поповъ—предупреждать остальныхъ друзей, а я направился къ извѣстному тогдашнему писателю и общественному дѣятелю—Анненскому, всегда встрѣчавшему меня съ необыкновеннымъ радушіемъ.

Вхожу въ его гостиную и вижу въ ней и во всей квартирѣ уже хорошо знакомую мнѣ картину полнаго разгрома послѣ только что произведеннаго обыска. Шкафы и комоды сдвинуты на средины комнатъ, ящики изъ столовъ вынуты, все содержимое валяется въ смѣси въ разныхъ мѣстахъ на полу. Самъ Анненскій, жена его и маленькая дѣвочка ходятъ между всѣмъ этимъ, какъ на развалинахъ послѣ землетрясенія.

— И васъ предупредили сегодня ночью объ арестѣ типографіи?—спрашиваю я, уже сразу догадавшись въ чемъ дѣло.

— Да!—отвѣчалъ Анненскій.—А вы откуда знаете?

Я разсказалъ ему истинную подкладку дѣла.

— А почему вы до сихъ поръ не успѣли прибрать комнатъ? Развѣ обыскъ былъ днемъ?

— Нѣтъ! Ушли въ восемь часовъ утра. Но мы всѣ такъ были утомлены безсонной ночью, что сейчасъ же легли спать и проснулись какъ разъ теперь, къ обѣденному времени.

Жившій у нихъ ученикъ техническаго училища Емельяновъ вышелъ изъ заднихъ комнатъ и поздоровался со мною, крѣпко пожавъ мнѣ руку.

Я мало обратилъ тогда на него вниманія, онъ казался мнѣ очень способнымъ и скромнымъ, но еще почти мальчикомъ, и я очень удивился потомъ, когда узналъ о крупной роли, которую предоставили ему мои товарищи въ событіяхъ «Перваго марта». Я не принялъ тогда во вниманіе, что въ этомъ переходномъ возрастѣ каждый годъ прибавляетъ человѣку очень многое.

— Теперь — сказалъ мнѣ Анненскій,—вамъ самое удобное время пожить немного у меня. Квартира наша очищена для васъ самимъ Третьимъ отдѣленіемъ: второй разъ не нагрянутъ съ обыскомъ ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ или два.

— Да, я и пришелъ къ вамъ именно для этого!

— Вотъ и отлично! А теперь давайте общими силами устанавливать шкафы, столы и комоды на прежнія мѣста!

Мы живо принялись за дѣло, и квартира вскорѣ пришла въ первоначальный видъ...

Приписка къ этой рукописи, помѣченная:
4 февраля 1913 г. Двинская крѣпость.

Излагая все отчасти видѣнное мною, отчасти слышанное отъ друзей, я хотѣлъ бы быть прежде всего правдивымъ, и вотъ мнѣ теперь необходимо говорить ложь или молчать! Но вѣдь и замалчиванье какой-либо важной стороны общественныхъ или другихъ событій есть уже ихъ искаженіе, другими словами ложь, и я не могу теперь вырваться изъ оковъ этой лжи, не могу избавиться отъ нея, даже прерывая мои разсказы молчаніемъ о томъ или другомъ моемъ настроеніи. Такъ лучше жъ я совсѣмъ не буду продолжать далѣе этихъ очерковъ нашихъ тайныхъ былыхъ дѣлъ, потому что все, что я буду въ состояніи показать далѣе читателю,—это скелетъ событій безъ ихъ души, безъ ихъ внутренняго логическаго смысла...

А, между тѣмъ, я хотѣлъ бы,—я долженъ былъ бы указать, каковы были причины, заставившія нашу интеллигентную молодежь семидесятыхъ годовъ, бѣжавшую еще годъ назадъ изъ городовъ въ деревню, чтобы трудиться, какъ крестьяне, среди простого крестьянскаго народа, вдругъ повернуть совсѣмъ въ обратное направленіе. Я этого не могу сдѣлать въ Россіи, а бѣжать изъ нея не хочу... Такъ пусть же дальше въ моихъ разсказахъ остается на самомъ важномъ ихъ мѣстѣ зіяющая пустота!

Николай Морозовъ.

Изъ моихъ воспоминаній.

Въ Петербургѣ.

1. Настроеніе женской молодежи и семейная жизнь.

Наступилъ 1860 годъ. И русское общество, и русская молодежь радостно встрепенулись и заволновались. Казалось, точно люди очнулись послѣ долгой спячки, точно у нихъ крылья выросли. Даже мы, скромныя пансіонерки, испытали на себѣ это благое вѣяніе и загорѣлись желаніемъ откликнуться на всякій добрый призывъ.

Однажды начальница[1]) входитъ въ нашъ классъ и объявляетъ: «mesdemoiselles, у насъ на Петербургской сторонѣ открывается воскресная школа для фабричныхъ. Если кто изъ васъ пожелаетъ удѣлить нѣсколько часовъ каждое воскресенье, то я вполнѣ согласна и разрѣшаю».

Нѣсколько человѣкъ между нами выразили немедленно величайшую готовность посѣщать воскресную школу. Мало того, мы почувствовали къ нашей начальницѣ доброе признательное чувство, и она сразу показалась намъ лучше и добрѣе...

И въ первое же воскресенье мы уже сидѣли въ домѣ Авѣрина, въ помѣщеніи воскресной школы, а рядомъ съ нами молодые мотальщики и мотальщицы. Мы тогда не имѣли ни малѣйшаго понятія о существованіи звукового метода и учили, какъ Богъ на душу положитъ, но такъ какъ обѣ стороны горѣли усердіемъ, то дѣло скоро пошло на ладъ. Одна дѣвочка особенно отличалась понятливостью. Она не спускала съ меня глазъ, и то громко повторяла за мною, то беззвучно шептала однѣми губами. Въ шесть воскресеній она выучилась читать. Возможно ли описать нашу взаимную радость. Я была отъ нея въ настоящемъ умиленіи и ждала воскресенья, какъ двойного праздника. «Знаете ли,—говорила она мнѣ,—я вѣдь и на фабрикѣ хоть цѣлый день работаю,

---

[1]) Е. И. воспитывалась въ пансіонѣ, принадлежавшемъ ранѣе ея бабушкѣ М. Н. Персанъ.

а все на умѣ слова держу, руки-то мотаютъ, а сама разумомъ подбираю слово за словомъ, оттого скоро и выучилась. Мамка-то на Пасху пріѣдетъ, вотъ обрадуется».

Эта милая дѣвочка привела меня въ такое радужное настроеніе, вселила въ мое сердце столько увѣренности, что и съ другими, менѣе способными, я занималась съ наслажденіемъ...

Въ это время произошло студенческое движеніе[1]), которое ярко выразило настроеніе общества. Движеніе заполонило всѣ умы, наполняя однихъ тревогой, другихъ радостью и ликованіемъ. Дѣвицы и дѣвочки украшали свои шляпы синими лентами и бантами, въ честь студентовъ, носившихъ синіе околыши. Отъ крупнаго и до мелочей всякій выражалъ свою симпатію, какъ могъ.

Чтобы познакомиться съ типомъ дѣвушки подростка 60-хъ годовъ, я хочу разсказать, какъ мои двѣ подруги вымолили себѣ позволеніе учиться.

Семья ихъ степенная, религіозная, старо-дворянская. Изъ опасенія, чтобы дочери не подпали подъ чье-нибудь либеральное вліяніе, ихъ учили дома и держали буквально взаперти, если не считать ежедневной прогулки подъ наблюденіемъ старшихъ. Способныя, трудолюбивыя отъ природы, онѣ, несмотря ни на что, вымолили у матери и тетки позволеніе опредѣлиться въ Маріинскую гимназію, тогда только что открытую. Имъ дѣлаютъ всевозможныя препятствія, и ни мать, ни тетка не идутъ хлопотать; ихъ только запугиваютъ и отговариваютъ. И вотъ молодыя дѣвушки рѣшаются итти самостоятельно, даже плохо зная петербургскія улицы. Старшей—16 лѣтъ, младшей—14 лѣтъ.

Являются въ гимназію, идутъ въ канцелярію, просятъ увидать директора. Тогда былъ директоромъ Вышнеградскій.

— Что вамъ, барышни?—спрашиваетъ онъ.

Между тѣмъ собрались учителя. Это было, какъ разъ, въ чистый понедѣльникъ, въ рекреацію.

— Примите насъ въ гимназію!

— Не поздно ли поступать?—говорятъ.

— Ахъ нѣтъ, не поздно,—отвѣчаютъ дѣвочки,—вы насъ только примите.

Проэкзаменовали. Оказался недочетъ по ариѳметикѣ.

— Вы насъ только двѣ недѣли не спрашивайте,—молятъ онѣ,—мы подготовимся, мы догонимъ.

— Но почему не пришли ваши родители, почему вы сами хлопочете?

— Ахъ, вы не знаете, ma chère tante не желаетъ, чтобы мы поступили, за насъ боятся.

---

[1]) См. воспоминанія В. В. Берви въ № 4 «Голосъ Минувшаго».

Явленіе до того необычно, до того искренно и своеобразно, что дѣвочекъ принимаютъ, одну въ третій, другую въ пятый классъ, и обѣ кончаютъ съ золотыми медалями. Еще курьёзъ. Директоръ спрашиваетъ: что онѣ читали? Отвѣтъ: Робинзона Крузое.

— Хорошая книжечка,—смѣется директоръ,—а еще что?

— Больше ничего.

— Ну, такъ совѣтую вамъ приходить часомъ раньше и читать въ гимназической библіотекѣ.

Дѣвочки разсказываютъ дома объ этомъ эпизодѣ. Но maman и ma chère tante сконфужены. Дѣвочкамъ вручаютъ два рубля для взноса въ библіотеку.

Старшая изъ описываемыхъ мною—уже бабушка, а меньшая окончила свою многострадальную жизнь въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ въ психическомъ разстройствѣ. Мнѣ говорили, что въ политическомъ движеніи она была первой женщиной, отвѣтившей на жандармское насиліе при обыскѣ револьверомъ. Кто бы могъ ожидать, что изъ такой наивной дѣвочки выкуется безстрашная и великодушная заступница за женскія права и женскую честь.

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ русскія дѣвушки стали усердно посѣщать публичную библіотеку и работать надъ собственнымъ развитіемъ, ясно сознавая, что онѣ, какъ будущія жены и матери, нравственно обязаны перестать быть кисейными барышнями и сдѣлаться развитыми женщинами.

Пусть любители глумиться и повсюду видѣть одно дурное усердно карикатурно изображали стриженую дѣвушку съ грязными ногтями, въ неопрятномъ и небрежномъ костюмѣ. Случалось встрѣчать такихъ эксцентрическихъ дѣвушекъ, я это допускаю, но вѣдь это не измѣняетъ главнаго. По большей части это были сильныя, независимыя натуры. Онѣ пересаливали лишь внѣшнимъ видомъ и то лишь по юношеской горячности. Что до рѣзкости, то это происходило отъ ихъ искренняго презрѣнія къ накрахмаленнымъ носительницамъ шелковъ и кринолиновъ. Право, трудно было не преувеличить. Вѣдь молодежь точно выросла и на ряду съ умственнымъ развитіемъ у ней проснулся интересъ и къ общественной жизни.

И чѣмъ больше расширялся умственный горизонтъ, тѣмъ горячѣе закипала одухотворенная борьба.

Начались семейные раздоры. Въ мирныхъ дотолѣ семьяхъ поднимались настоящія бури, обыкновенно разрѣшавшіяся взаимными упреками и слезами. Старики, напуганные новыми вѣяніями, упорно цѣплялись за старые завѣты, суля молодежи

гибель и несчастіе; а молодежь не унималась: бродила, горячилась, негодовала.

Чего стоилъ одинъ вопросъ о взяткахъ, вѣдь принято было разсуждать такъ, что матушка казна ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, и вдругъ эта мелюзга, эти безбородые ребята туда же пустились въ разсужденія, что взятки брать стыдно. И въ сотый разъ начиналось повѣствованіе о томъ, что-де такая-то императрица на заявленіе какого-то глупаго министра, имѣвшаго дерзость упомянуть о вредѣ казнокрадства, отвѣтила съ ангельской улыбкой: «Ахъ, оставьте это! Вѣдь птички питаются крошками, падающими со стола богачей, такъ пусть же и мои вѣрные подданные питаются крохами, падающими съ моего стола».

Всѣ разсужденія нашей среды, молчалинскіе пріемы отчима [1]), подобострастіе и мечты о наживѣ отталкивали меня все болѣе и болѣе.

Неудивительно, что и у меня не обошлось безъ непріятностей и семейныхъ сценъ. Матушкѣ все чаще стало казаться, что и взглянула я на нее какъ-то особенно невѣжливо и отвѣтила рѣзко, а проходя мимо, не остереглась и задѣла.

— Помни, что тутъ сидятъ старшіе,—волновалась она,—что за непочтеніе.

Охъ ужъ это мнѣ почтеніе! Сколько разъ и съ какимъ паѳосомъ я его проклинала. Тратятъ десятки рублей на ненужные пустяки, думала я, а не могутъ купить порядочнаго атласа, занимаешься по допотопному, не было лексикона, кромѣ бабушкиной памяти, даже учебники и задачники отчимъ покупалъ подержанные у букинистовъ или на Толкучкѣ. Постоянно приходилось то дополнять, то сличать №№ задачъ.

Въ то же время на удовольствія деньги тратились щедро. Мы ѣздили въ театръ въ каретѣ, на острова—въ коляскѣ, а зимой—на щегольскихъ троечныхъ саняхъ, съ бубенцами.

Больше всего отчимъ любилъ Крестовскій островъ и, войдя въ залъ, немедленно требовалъ цыганъ и шипучаго донского для ихъ оживленія. Я же больше всего боялась именно Крестовскаго и съ трепетомъ ждала развязки. Отказаться отъ поѣздки я не осмѣливалась,—въ то время это было бы сочтено за неслыханную дерзость.

Я уступала, но съ ненавистью и бѣшенствомъ, и, не владѣя собою, начинала грубить. Матушка въ этихъ случаяхъ и злилась, и трепетала. А ну, какъ я скажу или сдѣлаю что-нибудь такое, за что могутъ осудить богатые родные и меня и даваемое мнѣ воспитаніе.

---

[1]) Отчимъ Е. И.—Ф. П. Ферстеръ—былъ чиновникомъ Монетнаго Двора.

— Настоящій отецъ,—говорила тогда матушка въ волненіи,—вся въ отца: непокорна и упряма.

Вообще стоило мнѣ только проявиться горячо и самостоятельно, сейчасъ же говорилось: «вся въ отца», или «aber wie sie ihm gleicht».

Но кто былъ мой отецъ? Стоило мнѣ задать этотъ вопросъ, какъ матушка мгновенно умолкала, а бабушка со вздохомъ опускала голову.

— Твой отецъ былъ ученый и талантливый человѣкъ, но очень несчастный,—сказала однажды бабушка.

— Почему несчастный?—спросила я.

— А потому, что стремился все понять и все узнать, а вѣрить не хотѣлъ. Поэтому, Господь, по Своей благости, послалъ ему мучительную смерть. Господь хотѣлъ, чтобы онъ страданіями искупилъ свое невѣріе. Уже находясь въ агоніи, онъ метался и рвалъ на себѣ рубашку и все молилъ и кричалъ: «такъ дайте же мнѣ вѣру, у меня ея нѣтъ».—А что сталось съ его душою,—прибавляла она въ раздумьи.

«Точно Торквемада», думалось мнѣ, и сразу, мнѣ стало ясно, почему отецъ мой, по разсказамъ такой молодой и цвѣтущій, погибъ черезъ два года послѣ женитьбы. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я кое-что узнала изъ скорбной повѣсти отца, но не отъ матери.

Отецъ мой [1]), родомъ псковичъ, послѣ семинаріи кончилъ духовную академію въ Петербургѣ. На него, какъ на блестящаго кандидата богословія, возлагались большія надежды, ему предназначили каѳедру богословія, а впослѣдствіи даже митру. Причиной этихъ поощреній было то, что отецъ, страстный теологъ, лингвистъ, такъ основательно изучилъ древне-еврейскій и греческій языки, что свободно писалъ на нихъ и еще въ академіи перевелъ книгу пророковъ.

И вдругъ о ужасъ! По выходѣ изъ академіи онъ увлекся естественными науками и медициной и совершенно охладѣлъ къ религіи.

Какъ человѣкъ вполнѣ искренній, онъ откровенно заявилъ своему начальству, что, утративъ вѣру, безповоротно оставляетъ духовную дѣятельность [2]).

Много мужества потребовалось на это признаніе. 67 лѣтъ

[1]) Ив. Пет. Жемчужниковъ.

[2]) Нашлись у матери въ кучѣ старыхъ бумагъ его семинарскія сочиненія, случайно сохранившіяся, писанныя на грубой сѣрой и синей бумагѣ, въ родѣ нынѣшней оберточной. Въ концѣ я прочла аттестацію профессора: «Зѣло складно, рѣчисто и хитроумно изложено, но надо помнить, что Богъ не потерпитъ гордыни души человѣческой».

тому назадъ безвѣріе казнилось безпощадно и считалось вопіющимъ преступленіемъ.

Заволновалось духовное начальство и крѣпко вознегодовало, но сначала рѣшено было употребить всѣ усилія для вразумленія возмутившагося. Посыпались увѣщанія, убѣжденія, упреки въ неблагодарности. Отца возили къ митрополиту, сажали въ отвратительнѣйшій карцеръ, грозили соловецкимъ заточеніемъ. Все было напрасно, онъ стоялъ на своемъ.

Наконецъ, когда всѣ доводы были истощены, на него махнули рукой, и вышелъ онъ въ жизнь, какъ въ открытое море, безъ поддержки, безъ средствъ, безъ единаго друга, ненавидимый и проклинаемый еще недавними покровителями.

Ради куска хлѣба онъ поступилъ преподавателемъ естественной исторіи въ кадетскій корпусъ, а по ночамъ работалъ для науки и для своего усовершенствованія. Какъ произошло его знакомство и сближеніе съ моей матушкой—мнѣ совершенно неизвѣстно, я знаю лишь одно, что бракъ ихъ былъ несчастливъ. Фанатику и труженику науки пришлось тяжело. Бабушка и матушка моя, въ свою очередь, не могли примириться съ его невѣріемъ и стремленіемъ постичь непознаваемое...

2. Знакомство съ Берви.

Около этого же времени я обдумала и мысленно рѣшила, какъ направить мнѣ свою жизнь, къ чему стремиться и кого выбрать себѣ мужемъ. Въ этомъ рѣшеніи, какъ и во всемъ, бабушка принимала живѣйшее участіе. У нея былъ кузенъ, скромный переплетчикъ, смолоду масонъ, а теперь скромно жившій въ Петербургѣ съ труженицами дочерьми, содержавшими школу, и со старушкой женой. У переплетчика былъ другъ, бывшій безпріютный сирота съ молоду, а въ данную минуту профессоръ физіологіи въ Казанскомъ университетѣ. Когда въ 1849 г. въ Петербургъ пріѣхалъ на службу молодой кандидатъ, второй сынъ профессора, то вся семья его встрѣтила ласково и участливо и сразу его познакомили съ моими родными.

Старшій сынъ профессора, офицеръ образцоваго полка, всегда паинька, всегда любимецъ начальства, всѣмъ умѣвшій угодить, катился по служебной дорожкѣ, какъ по маслу, и жилъ припѣваючи. Не такова была судьба второго сына, о которомъ я поведу рѣчь[1]). Своимъ поведеніемъ онъ сразу крѣпко не понравился начальству. Рекомендательныя письма, данныя ему отцомъ

---

[1]) См. воспоминаніе В. В. Берви. *«Гол. Мин.»* 1915 г. № 3.

при прощаніи, онъ разнесъ по адресамъ, получилъ привѣтливыя приглашенія бывать по вечерамъ и заходить къ обѣду, но почувствовалъ себя сразу неспособнымъ не только войти въ эту среду, гдѣ надо было играть въ карты и вести съ дамами пріятную бесѣду, но просто не нашелъ въ себѣ силы даже выносить ихъ, выслушивая всякій праздный вздоръ. Результатъ, конечно, понятенъ. Несмотря на то, что онъ кончилъ университетъ въ числѣ первыхъ трехъ съ круглой пятеркой и въ видѣ отличія былъ отправленъ на службу въ министерство юстиціи, участь его по службѣ была первые годы самая плачевная. Въ качествѣ младшаго помощника при столоначальникѣ онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ былъ осужденъ вписывать исходящія и входящія, переносить капризы и самодурство мелкаго начальства, возмущать ихъ тѣмъ, что на дежурствахъ былъ исключительно занятъ политико-экономическими трактатами, а не сплетнями и праздной болтовней. Его столоначальникъ, больной и раздражительный человѣкъ, выходилъ часто изъ себя и набрасывался на подчиненныхъ. Разъ онъ позволилъ себѣ очень грубую выходку, на которую Берви только съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. При выходѣ изъ департамента, одинъ изъ молодыхъ чиновниковъ сказалъ ему: «Какъ вы смогли стерпѣть, я бы или ему, или себѣ разбилъ бы голову». Берви отвѣтилъ совершенно спокойно: «А подумали ли вы о томъ, какъ долженъ былъ страдать человѣкъ, чтобы дойти до такого состоянія?»

Чиновникъ отвѣтилъ: «Знаете ли, только вы одинъ способны такъ разсуждать и такъ понимать, такая у васъ голова и такое сердце». Директоръ департамента Топильскій оказался самымъ ярымъ его преслѣдователемъ. Онъ дѣлалъ ему всевозможныя непріятности и, наконецъ, позволилъ себѣ укорить его въ свободномъ, якобы, времени, которое онъ употребляетъ на науку и политику.

Жилъ Берви отвратительно. На 28 руб. приходилось нанять квартиру, прачку и платить за обѣдъ, покупать чай, сахаръ и даже, въ случаѣ необходимости, заводить одежду.

Не могу при этомъ случаѣ не вспомнить происшедшаго съ нимъ, поистинѣ, забавнаго эпизода. Надо начать съ того, что отецъ Берви, старый профессоръ, былъ не въ мѣру скуповатъ. Отправляя сына въ Петербургъ, онъ снабдилъ его своимъ старымъ пальто, купленнымъ имъ еще въ Лондонѣ во время его перваго кругосвѣтнаго плаванія.

Профессоръ Бекетовъ, бывшій впослѣдствіи ректоромъ петербургскаго университета, а въ то время, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, всегда дружившій съ Берви еще съ Казани, по-

стоянно забавлялся надъ этимъ пальто, называя его неудачной передѣлкой изъ юбки королевы Елисаветы.

И въ самомъ дѣлѣ, если посчитать, сколько лѣтъ было этому пальто, то цифра выйдетъ уважительная. Старикъ совершилъ 3 кругосвѣтныя плаванія, затѣмъ женился и, разсчитывая на богатую практику, прожилъ съ молодой женой 2 года въ Москвѣ. Не добившись практики, онъ взялъ въ Рязани мѣсто врачебнаго инспектора, а черезъ нѣкоторое время переѣхалъ въ Казань, гдѣ и былъ назначенъ профессоромъ физіологіи. Если допустить, что это пальто имѣло отъ роду лѣтъ 26 или 28, то это не будетъ преувеличеніемъ и натяжкой.

Итакъ приходитъ къ Б. разъ татаринъ, покупающій старье. Пальто было до того длинное и неуклюжее, что Б. рѣшился его продать за 3 р. Но вотъ наступаетъ осень. Необходимо пальто. Берви отправляется на Апраксинъ рынокъ и беретъ первое попавшееся ему пальто за 15 руб. Лавки на Апраксиномъ рынкѣ были темныя, толкомъ ничего не разглядишь и возвращается домой. Примѣряетъ и—разражается громкимъ смѣхомъ. Онъ снова пріобрѣлъ свое собственное пальто. Такъ, по безденежью, и пришлось донашивать юбку королевы Елисаветы...

Почтенное семейство Кернигъ, бывшаго масона, о которомъ мы до сихъ поръ съ мужемъ вспоминаемъ съ величайшею любовью и уваженіемъ, познакомили молодого Берви съ бабушкой и мамашей. Какъ разъ бабушка, въ то время еще счастливая и зрячая, устраивала одинъ изъ своихъ любительскихъ вечеровъ со спектаклемъ; дамъ и дѣвицъ много, нехватаетъ кавалеровъ. Пришла кому-то, къ счастью, мысль пригласить Берви на роль jeune premier. Пришлось подчистить и подгладить его костюмъ; да къ тому же на любительскихъ спектакляхъ критика не изъ свирѣпыхъ: всѣ понимаютъ предѣлы возможности.

При общемъ одушевленіи, пьеса идетъ благополучно, зрители щедро аплодируютъ, актеры входятъ въ роли и играютъ съ энтузіазмомъ. Уже пьеса близка къ окончанію, и jeune premier долженъ закончить ее бурнымъ признаніемъ, какъ вдругъ онъ неосторожно задѣваетъ ногой за кулису, и вся прелестная обстановка съ трескомъ и громомъ падаетъ къ всеобщему удовольствію публики. Аплодисменты прямо оглушительны. Хотя патетическаго признанія не произошло, но зрители охотно дополняютъ воображеніемъ недостающее и, развеселившись, съ одушевленіемъ открываютъ балъ. Но зато, говоритъ бабушка, участвовать въ спектакляхъ его больше уже не приглашали.

— Какъ умный и талантливый человѣкъ, онъ очень интересенъ,—

говорила бабушка.—Ты знаешь ли, еще будучи ребенкомъ, онъ останавливалъ на себѣ вниманіе отца и знакомыхъ.

Разъ мачеха вздумала наказать его розгами. Недолго думая, онъ схватилъ палку и такъ сильно ударилъ себя по головѣ, что упалъ замертво. Въ другой разъ погрозилась,—онъ выпилъ растворъ спичекъ и лишь случайно не умеръ.

Послѣ этого профессоръ строго запретилъ угрозы, разъ навсегда, понимая, что мальчикъ можетъ кончить самоубійствомъ. А когда онъ подросъ, то оказался единственнымъ человѣкомъ, который не только не трепеталъ передъ отцомъ, но оказывалъ еще сопротивленіе и являлся общимъ защитникомъ. Чуть бѣда, мачеха сейчасъ къ нему. Впрочемъ, всѣ члены семьи не могли себѣ дать отчета, почему крутой отецъ допускалъ и выносилъ протесты одного лишь сына.

По мѣрѣ того какъ шло время, характеръ мальчика все дѣлался самостоятельнѣе. Иногда приходилось оказывать отцу активное противодѣйствіе.

На старика, напр., вдругъ найдетъ блажь. Изъ-за разбитаго блюдца начинается преслѣдованіе меньшого брата, которому доставалось нелегко. «Зачѣмъ ты разбилъ», начинаетъ старикъ; «зачѣмъ ты разбилъ», настаиваетъ онъ, —и мальчикъ стоитъ ни живъ, ни мертвъ.

Случилось, что это произошло при сынѣ-бунтарѣ. Не предвидя конца нравственной пытки меньшаго брата, онъ подбѣжалъ къ чайному столу и изо всей силы ударилъ по немъ кулакомъ. Конечно, посуда загремѣла и попадала, а самъ онъ ушелъ изъ комнаты, съ трескомъ захлопнувъ за собою дверь.

И что же! На такое грубое проявленіе отецъ реагировалъ однимъ молчаніемъ, къ удивленію семейныхъ. Мало того, когда черезъ двѣ недѣли послѣ того отецъ случайно впервые встрѣтилъ въ коридорѣ своего бунтаря, то со слезами бросился къ нему на шею. Вотъ и найдите ключъ къ человѣческому сердцу. Случалось не одно такое происшествіе; бабушка передала мнѣ еще одинъ случай, когда Берви былъ уже студентомъ. Умираетъ у одного изъ крѣпостныхъ жена и остается нѣсколько сиротъ, чуть ли не шесть человѣкъ. Мужикъ намѣчаетъ себѣ въ невѣсты молодую красивую дѣвушку и идетъ къ барину, просить отдать ее ему и повѣнчать ихъ. Баринъ согласенъ, дѣвушка въ отчаяніи. Никакія просьбы не помогаютъ, даже просьбы сына. Молодую везутъ въ церковь. Тогда молодой Берви рѣшается на послѣднее средство. Священникъ спрашиваетъ ея согласія. Она отвѣчаетъ отказомъ. Брачная церемонія прерывается. Молодую отводятъ родные въ сторону. Начинаются уговоры, убѣжде-

нія, просьбы. Церемонія возобновляется, а Берви стоитъ тутъ же близко и дѣвушка его видитъ и надѣется. Второй разъ спрашиваетъ священникъ. Она твердитъ свое нѣтъ. Опять уговариваютъ, со слезами, родные. Въ третій разъ начинается вѣнчаніе. И, несмотря на третій отказъ, священникъ хочетъ окончить его во что бы то ни стало, но тутъ строго вступается молодой человѣкъ, говоря: «какое же вы имѣете право, вы, священнослужитель, проявлять насиліе». Тогда священникъ уходитъ въ алтарь и снимаетъ ризу. Толпа растерянно собирается въ обратный путь.

Въ гимназію Берви поступилъ въ 5 классъ, такъ какъ его готовили дома учителя. Но участь его въ гимназіи была горькая. Великорослые тупицы, сидѣвшіе въ каждомъ классѣ по 3 года, не могли простить Берви и сыну профессора Семенова ихъ знанія, сдержаннаго поведенія и скромности, при всякомъ случаѣ ихъ щипали, дергали, считая якобы привилегированными дѣтьми профессоровъ. Берви, не имѣя силъ сопротивляться, предпочелъ устроиться между калмыками, безнадежными учениками, на послѣднюю скамейку, чтобы по возможности избѣгнуть всяческихъ преслѣдованій. Не имѣя физической силы, блѣдный, съ вѣчной головной болью и частыми головокруженіями, онъ смотрѣлъ на своихъ мучителей съ ужасомъ и отвращеніемъ[1].

Можетъ быть въ томъ послабленіи, которое деспотъ-отецъ оказывалъ непокорному сыну, лежало отчасти удовлетворенное честолюбіе. Вѣдь сынъ-паинька едва окончилъ университетъ дѣйствительнымъ студентомъ, а сынъ—бунтарь, еще будучи студентомъ, уже велъ публичный юридическій диспутъ съ магистрантомъ, на тему о присягѣ. На диспутѣ присутствовалъ, кромѣ ученаго ареопага, архіерей, выразившій Берви свое одобреніе.

Магистрантъ, однако, хмуро замѣтилъ: «развѣ вы молоканинъ?» Кромѣ того, непокорный сынъ былъ любимымъ ученикомъ профессора Мейера, для того времени замѣчательной, по своему образованію и убѣжденіямъ, личности.

Когда затѣвалась крымская кампанія, то Мейеръ публично заявилъ, что его удивляетъ слѣдующее обстоятельство. Требуютъ у народа денегъ на войну, но ничѣмъ не мотивируютъ причину предполагаемой войны. По тогдашнему времени это была дерзость неслыханная, непростительная.

Учился Берви страстно и хорошо тому, чѣмъ интересовался, и пренебрегалъ неинтереснымъ для себя, поэтому случалось, что онъ нѣсколько разъ фигурировалъ одновременно на черной и на золотой доскѣ.

[1]) Берви описалъ гимназическія пытки и неудобства въ повѣсти «Забытая Исторія», напечатанной въ «Русской Рѣчи», журналѣ Навроцкаго за 1877 или 1878 годъ.

16 лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ и сблизился съ проф. Мейеромъ.

Молодому Берви рѣчи профессора Мейера служили нравственнымъ крещеніемъ. Ученость Мейера, широта его взглядовъ, стоическая твердость убѣжденій дѣйствовали чарующимъ образомъ на студента-энтузіаста. Имъ случалось иногда вести и знаменательные разговоры въ родѣ слѣдующаго. Профессоръ полагалъ, что въ борьбѣ на пользу общества не слѣдуетъ растрачивать сгоряча молодой энергіи на неравную борьбу. По его мнѣнію, отдать всѣ свои силы обществу слѣдовало лишь тогда, когда будутъ пріобрѣтены и власть, и сила. Но ученикъ съ этимъ не соглашался, откровенно заявляя, что если въ теченіе долгихъ лѣтъ человѣкъ будетъ насиловать свою душу, примѣняясь и поддѣлываясь, то въ концѣ-концовъ, пожалуй, и скрывать будетъ нечего. Въ погонѣ за вліяніемъ и властью, онъ до того опошлится, до того сроднится со зломъ, что тутъ ужъ не до протеста. Поэтому уже лучше начинать смолоду, ничего не выжидая, пока въ сердцѣ горитъ правда.

Въ другой разъ у Мейера вырвались чисто пророческія слова: «Знаете ли, Берви, —сказалъ онъ, —я увѣренъ, что даже въ одиночномъ заключеніи вы будете употреблять свое время съ пользой». Не разъ впослѣдствіи Берви, уже находясь въ заточеніи, вспоминалъ слова дорогого учителя. Свою теорію мыслящей природы онъ вырабатывалъ въ казематѣ Третьяго отдѣленія.

3. Арестъ Берви.

Время шло, и Берви сдѣлался чуть не ежедневнымъ нашимъ гостемъ, между тѣмъ какъ отчимъ сталъ относиться къ нему все опасливѣе. Когда онъ предостерегалъ меня противъ Берви, какъ человѣка непомѣрно смѣлаго и опаснаго, бабушка всегда его горячо защищала и поддерживала мое преклоненіе передъ его умомъ и смѣлостью. Она понимала и вѣрила, что подобные люди—свѣточи родной страны, она была глубоко убѣждена въ необходимости политическаго развитія для общества и народа.

Въ то время, какъ отчимъ съ матушкой моей обыкновенно толковали о пріемахъ и обѣдахъ у начальника монетнаго двора, его принципала, о прибавкахъ жалованья и повышеніяхъ его любимцамъ etc. etc., мы съ бабушкой, обыкновенно сидя втроемъ, заслушивались рѣчей Берви и были рады-радешёньки общенію съ умнымъ и передовымъ человѣкомъ. Наравнѣ съ этимъ росла и дружба наша, а дружба наша была горячая.

Однажды Берви приходитъ къ намъ взволнованный и заявляетъ, что ему нужно со мною переговорить секретно. Комнаты у насъ всѣ проходныя. Чтобы отчимъ не узналъ, я сажусь къ роялю и перебираю аккорды, а говоримъ мы по-французски.

Оказывается, что задумана жестокая кара, о которой Берви только что узналъ. Проходя по коридору министерства юстицiи въ 6 часовъ вечера Берви встрѣтилъ тамъ одного изъ присутствовавшихъ на совѣтѣ своего знакомаго, и тотъ разсказалъ ему все, что дѣлалось только что на засѣданiи у гр. Панина. Дѣло касалось тверскихъ мировыхъ посредниковъ [1]).

Такая вѣсть привела Берви въ ужасъ, и онъ рѣшился опубликовать объ этомъ распоряженiи отъ себя и на свой страхъ.

Вотъ почему онъ и пришелъ къ намъ. «Какъ ты думаешь, спросилъ онъ меня, какъ по-твоему долженъ поступить человѣкъ, который узналъ, что 15 человѣкъ прекраснаго направленiя за прекрасное дѣло должны жестоко пострадать. Долженъ онъ пренебречь рискомъ, который ожидаетъ его самого и спасти ихъ, или беречь самого себя и молчать. Какъ ты думаешь?».

— Думаю, что надо спасать 15 человѣкъ, а не себя беречь.

— Значитъ рѣшено, я уже это рѣшилъ самъ, но хотѣлъ знать твое мнѣнiе.—Это былъ послѣднiй разъ, что я его видѣла до ареста, больше онъ къ намъ не пришелъ.

Уже спустя нѣкоторое время я узнала подробности ареста и самый ходъ дѣла. Процедура ареста была не изъ обыкновенныхъ.

6-го марта 1862 года Берви получилъ увѣдомленiе на клочкѣ бумаги, что у него будетъ обыскъ и чтобы онъ приготовился. Вслѣдствiе этого, онъ забралъ все, что желалъ, чтобы не было читано посторонними, и отвезъ въ Лѣсной институтъ къ своему двоюродному брату.

На слѣдующее утро къ нему явился экзекуторъ изъ министерства юстицiи и заявилъ, что генералъ-губернаторъ приглашаетъ его къ себѣ для дѣла. Одѣвшись во фракъ, какъ для офицiальнаго прiема, Берви поѣхалъ съ экзекуторомъ, который отвезъ его въ секретный номеръ, къ частному приставу, полковнику Iодко [2]). Мы навсегда съ мужемъ сохранили доброе воспоми-

---

[1]) См. воспоминанiе В. В. Берви «*Гол. Мин.*» № 4.

[2]) Когда его увезъ экзекуторъ, явилась полицiя, сдѣлала строжайшiй обыскъ и, заперевъ двери на ключъ, наложила на нихъ печати. Все это было исполнено при кузенѣ арестованнаго. Но затѣмъ уже неизвѣстно, когда полицiя снова явилась, сняла печати и освободила квартиру, вѣроятно, по просьбѣ хозяйки. Книги были доставлены въ цѣлости, но всѣ хорошiя вещи исчезли. Осталось одно негодное старье. Когда В. В. перевели въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ, то князь Суворовъ, навѣщая его, спросилъ: «а правда ли, что полицiя у васъ забрала всѣ лучшiя вещи?» В. В. засмѣялся и сказалъ: «конечно, правда».

наніе о супругахъ Іодко. Это были добрые люди. Она, горячая польская патріотка, носила глубокій трауръ по отчизнѣ и, чтобы не повредить мужу, или цѣлые мѣсяцы сидѣла дома или, въ крайнемъ случаѣ, выѣзжала въ завѣшенной шторками каретѣ. Онъ честнѣйшій человѣкъ, хотя и полицейскій чинъ.

Іодко, согласно полученной инструкціи, уговаривалъ арестованнаго притвориться сумасшедшимъ, но, не получивъ согласія, посадилъ его въ одиночную камеру въ шесть шаговъ длины и три ширины.

На другой день къ нему явились два доктора въ вицмундирахъ. Пощупавъ пульсъ, посмотрѣвъ языкъ и поговоривъ съ заключеннымъ, старшій сказалъ по-нѣмецки товарищу: «это совершенно здоровый человѣкъ», на что Берви заговорилъ съ ними по-нѣмецки и попросилъ ихъ не соглашаться на принудительное признаніе его сумасшедшимъ.

Они отвѣтили, что рѣшили признать его вполнѣ здоровымъ.

Черезъ день явился одинъ изъ почетныхъ директоровъ тюремнаго вѣдомства, князь Мещерскій.

Протянувъ руку, онъ сказалъ заключенному: «позвольте выразить вамъ мою глубокую симпатію и грусть».

Черезъ нѣсколько дней заключеннаго потребовали къ частному приставу въ его роскошные аппартаменты, гдѣ былъ Скарятинъ, стоявшій тогда за интересы русскаго дворянства.

Послѣдовало также выраженіе симпатіи, хотя по существу Берви не раздѣлялъ идей Скарятина.

Характерно то обстоятельство, что друзья и враги одинаково усердно домогались перевода Берви въ домъ умалишенныхъ и добились этого. Въ секретномъ номерѣ его съѣдали паразиты, даже втираніе персидскаго порошка не помогало.

Между тѣмъ на 11-ой верстѣ, въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, царила примѣрная чистота. Комната у Берви была большая, свѣтлая. Онъ получалъ книги, гулялъ по окрестностямъ, дѣлалъ гимнастику и очень недурно питался. Докторъ Зейфертъ, у котораго онъ былъ въ отдѣленіи, и всѣ прочіе врачи, за исключеніемъ старшаго врача Лоренца, увѣрили его, что ни за что не согласятся на признаніе его больнымъ или безумнымъ и въ общемъ рѣшили протестовать противъ присылки къ нимъ здоровыхъ людей на основаніи политическихъ соображеній и пенитенціарныхъ мѣръ.

Мало того, они сдѣлали его членомъ своего ученаго психіатрическаго общества и поручили ему работу: собраніе узаконеній европейскихъ психіатрическихъ больницъ съ юридической точки зрѣнія.

Онъ сдѣлалъ имъ по серьезнымъ источникамъ работу, и докторъ Зейфертъ, и докторъ Гехёве остались очень довольны этой работой и сердечно благодарили за нее своего паціента-невольника. Нельзя вспомнить безъ улыбки, что Берви такъ отдохнулъ въ лѣчебницѣ, что прибавился на 14 фунт. въ вѣсѣ.

Въ послѣднее время, хотя на свободѣ, жизнь шла такая горячая, что человѣкъ не зналъ ни отдыха, ни покоя. И магистерскіе экзаменъ, и студенческія волненія, и тверское дворянское дѣло, все это поглощало его силы, а тутъ хотя подневольный отдыхъ, но все-таки отдыхъ, въ полномъ смыслѣ слова.

Я уже рѣшила въ своемъ умѣ. Если Берви отправятъ въ ссылку, я повѣнчаюсь съ нимъ, но еще не уѣду сейчасъ, а поживу у матери. Я понимала, что если не повѣнчаюсь сейчасъ, передъ его отъѣздомъ, то матушка лаской и мольбами и слезами удержитъ меня и не отпуститъ отъ себя.

Я понимала, что бороться мнѣ будетъ не подъ силу, а потому въ головѣ моей стучало молотомъ одно рѣшеніе. Надо повѣнчаться, непремѣнно, во что бы то ни стало, повѣнчаться.

Матушка горько плачетъ и убѣждаетъ меня погодить, не торопиться, отчимъ каркаетъ ворономъ, суля мнѣ всяческія напасти, братъ-паинька, пріѣзжая на свиданіе къ брату въ лѣчебницу, убѣдительно и нѣжно уговариваетъ меня не дѣлать опрометчиваго шага...

4. Въ психіатрической больницѣ.

Впечатлѣнія, вынесенныя Берви изъ психіатрической больницы, представляютъ нѣчто необыкновенное. Мнѣ кажется не безынтереснымъ повторить его разсказы объ этихъ страдальцахъ. Передамъ то, что запомнила.

* * *

№ I. При восшествіи на престолъ Александра II въ психіатрическую больницу на 11-ую версту изъ Соловецкаго монастыря былъ переведенъ по манифесту полякъ, проповѣдывавшій царство справедливости на землѣ. На родинѣ его не считали помѣшаннымъ, а признавали проповѣдникомъ новой религіи, опаснымъ, какъ для католической, такъ и для православной религіи, вслѣдствіе чего онъ и былъ заключенъ въ Соловецкій монастырь на долгіе годы.

Соловецкіе монахи не взлюбили его за упорство и заставили таки пострадать. Онъ былъ такъ слабъ, что какъ только въ больницѣ вышелъ изъ ванны, такъ и упалъ въ обморокъ. Между

тѣмъ, оправившись, благодаря разумному режиму психіатровъ, онъ сдѣлался и крѣпкимъ, и спокойнымъ. Ему было лѣтъ 65.

Возникаетъ, естественно, вопросъ. Что же сдѣлали психіатры для усмиренія бѣднаго фанатика?

И очень много, и очень мало.

Они только перестали бить его по нервамъ. Въ результатѣ получилось одно доброе согласіе; ни протеста, ни буйства.

Онъ не признавалъ патентованныхъ молитвъ и обрядовъ. Насильно ему не повѣсили образа. Пока передъ обѣдомъ читаютъ вслухъ: «очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ», ему было предложено ходить по коридору и садиться за столъ, когда всѣ уже сѣли.

Послѣ обѣда та же процедура.

Вставая изъ-за стола раньше другихъ, онъ уже снова шагалъ по коридору, когда раздавалось: «благодаримъ Тя, Христе, Боже нашъ».

И только.

Остается пожелать святымъ отцамъ, ревнителямъ вѣры на Бѣломъ морѣ, научиться такому простому пріему у психіатровъ.

Старикъ твердо вѣрилъ, что древне-каѳолическая религія, по его мнѣнію, истинно христіанская, была искажена папами и католическими соборами. Богъ невидимъ, понимать его надо духовнымъ разумѣніемъ. Царство Божіе должно наступить въ скоромъ времени, и еще при жизни своей онъ ожидалъ Страшнаго Суда. Іисусъ Христосъ придетъ, накажетъ всѣхъ иновѣрцевъ и язычниковъ, ошибавшихся по невѣдѣнію, и тогда наступитъ открытое господство царствія Божія. Людьми тогда будутъ управлять лишь справедливые и справедливѣйшіе, то-есть онъ будетъ избранъ царемъ міра.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надо было узнать правду, доктора обращались за разъясненіемъ къ нему.

Служителямъ вѣрить рискованно, они могли искажать факты такъ или иначе, онъ же передавалъ все съ полнымъ безпристатіемъ и съ точностью стенографа.

№ II. Это былъ пророкъ съ Дона, гдѣ онъ волновалъ народъ своимъ ученіемъ. По внѣшнему виду онъ напоминаетъ стараго чиновника изъ семинаристовъ. Къ святымъ онъ относился безъ малѣйшаго уваженія, а въ общемъ былъ знающій богословъ. Когда утромъ въ его комнату заходили доктора, пророкъ немедленно сообщалъ имъ, какого святого празднуютъ въ этотъ день, прибавляя при этомъ такой юмористическій анекдотъ по адресу святого, что доктора спѣшили выйти изъ комнаты, чтобы не улыбнуться.

№ III. Онъ полякъ. Фамилія его была Каменскій и сидѣлъ онъ долгіе годы по дѣлу Конарскаго[1]). Родители его тщетно разыскивали пропавшаго сына и лишь случайно, когда Берви вернулся изъ больницы и разсказалъ объ немъ, то Іодко, знавшій родителей Каменскаго, взялся извѣстить ихъ объ участи ихъ сына.

№ IV. Это былъ также полякъ, участвовавшій въ возстаніи 30-го года и осужденный въ каторжныя работы. Въ видѣ милости его перевели въ домъ умалишенныхъ, но отъ страданій онъ сдѣлался болѣзненно раздражителенъ и угрюмъ. Онъ никогда не гулялъ, не допуская возможности общенія съ кѣмъ бы то ни было и проводилъ свою жизнь въ абсолютномъ одиночествѣ.

№ V. Круммюллеръ, родомъ нѣмецъ. По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ отказался отъ присяги и былъ посаженъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и прожилъ спокойно до старости, терпѣливо перенося свое горе.

№ VI. Интересный и симпатичный типъ представлялъ изъ себя однодворецъ изъ Вологодской губ. Въ юности ему страстно хотѣлось учиться, а у родителей не было средствъ. Пришлось учиться и содержать себя уроками.

Между тѣмъ въ глухой провинціи репетиторство оплачивается грошами. Юноша занемогъ горячкой и когда выздоровѣлъ и снова принялся за занятія, то отъ переутомленія лишился разсудка.

Онъ трогательно разсказывалъ о своихъ стремленіяхъ и своихъ страданіяхъ, которыхъ не могъ вынести.

№ VII. Былъ на одиннадцатой верстѣ еще полковникъ Олоховъ.

По его разсказамъ, ихъ было 3 брата и всѣ трое старые холостяки.

Во время венгерской кампаніи 1848 г. интендантство почему-то отказалось дать нужный провіантъ для корпуса, бывшаго подъ командой Михаила Павловича, брата Николая I. Полковникъ разсказывалъ, что Великимъ Княземъ былъ отданъ приказъ привезти провіантъ во что бы то ни стало.

Тогда полковникъ, не долго думая, отправился за провіантомъ съ эскадрономъ кавалеріи. Получивъ вторичный отказъ, онъ пустилъ эскадронъ въ атаку, взялъ провіантъ, нагрузилъ на телѣги и привезъ.

Что же случилось?

То самое, чего слѣдовало ожидать.

---

[1]) Польскій революціонеръ, казненный въ 1839 г. *Ред.*

Когда поѣздъ терпитъ крушеніе, кто виноватъ? Разумѣется, стрѣлочникъ. За безумное самовольство, якобы, полковникъ посаженъ въ психіатрическую больницу и освобожденъ лишь въ царствованіе Александра II.

* * *

Нетрудно себѣ представить, что долженъ былъ испытывать Берви, очутившись среди сумасшедшихъ. По ночамъ дикіе вопли и крикъ больныхъ. Онъ зналъ непреклонный характеръ графа Панина, понималъ, какъ сильно уязвленъ имъ этотъ гордый человѣкъ, и естественно долженъ былъ ожидать возмездія. Но какого? Тяжелое раздумье давило сердце. Временное это заключеніе или пожизненное? Неужели его также похоронятъ въ этихъ стѣнахъ, какъ и Каменскаго, заживо отторгнутаго отъ семьи и родины. Чего ждать, къ чему стремиться? И все это наканунѣ отъѣзда за границу, послѣ окончанія магистерскаго экзамена. Вмѣсто Гейдельберга съ его сокровищницей знаній — сначала одиночное заключеніе, а затѣмъ психіатрическая лѣчебница и полная неизвѣстность въ будущемъ.

Въ одну изъ безсонныхъ ночей душевное состояніе узника вылилось въ стихотворномъ экспромптѣ. Передъ нимъ яснѣе чѣмъ когда-либо встала невеселая картина положенія его родины. Стихотвореніе было мнѣ прислано изъ заключенія.

Въ первоначальномъ видѣ это было цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ картинъ, но съ годами многія строфы позабылись, и я могу привести лишь то, что запомнила.

«Сижу одинъ, чугунная рѣшетка
Зубцами стрѣлъ въ окно мое глядитъ,
И тихо все, лишь ржавая трещотка
Надъ головой гудитъ, шумитъ, трещитъ...

Протяжный гулъ, безжалостно, несносно,
Одинъ звучитъ среди безлюдныхъ стѣнъ,
То будто воетъ, то хохочетъ злостно,
Поетъ про стоны, муки, цѣпи, плѣнъ.

Сонъ отлетѣлъ,—безъ слезъ тупыя очи
Глядятъ въ упоръ, не видя ничего,
И грезъ толпы мрачнѣй тюремной ночи,
Тѣснятся въ мракъ подвала моего.

Передо мной лежатъ поля родныя
И далеко до береговъ морей
Возросся лѣсъ,—березы вѣковыя,
Волной бѣжитъ ковыль родныхъ степей.

Но надъ картиной милой и отрадной
Нависъ туманъ суровый и сырой,
Онъ пронизалъ мнѣ кости влагой смрадной,
Застыло сердце, замерло тоской.

Среди тумановъ видѣлъ я милліоны
Знакомыхъ лицъ, смиренныхъ и нѣмыхъ,
Ихъ лица грустныя, ихъ вздохи, стоны
Напоминали видъ полей родныхъ.

Ихъ видъ смиренный, рабское молчанье
Напоминали старую печаль,
И старое, и новое страданье,
И будущаго сумрачную даль.

Блаженны вы, мечтатели, поэты...
Живется вамъ въ заоблачныхъ мірахъ,
Для вашихъ глазъ мы радугой одѣты,
Живемъ въ довольствѣ, въ золотыхъ шатрахъ.

Вамъ кажется, что всѣ мы исполины,
Что всѣ мы полны силой молодой,
Какъ будто бъ люди крѣпнутъ отъ кручины
И мощь дается тягостной судьбой...

Нѣтъ! Кто силенъ, тотъ въ рабствѣ не бываетъ,
А кто ослабъ, тотъ не окрѣпнетъ вдругъ,
Глупецъ, кто легкомысленно мечтаетъ
Въ день исцѣлить хроническій недугъ.

Суровая и мрачная картина
Борьбы страстей прошла передо мной:
Борьбы раба съ страстями властелина,
Опекуна съ безсильной сиротой.

Напрасно рабъ безсильный, изнуренный
Вился въ пыли и силился отнять
У господина бичъ окровавленный,
Хотѣлъ бороться и хотѣлъ бѣжать.

То онъ вставалъ, глаза его блистали,
Безумною, горячечной мечтой,
Въ нихъ не было ни страха, ни печали,
Они блистали мощью и грозой.

Но свистнулъ бичъ и въ ужасѣ тревожномъ
Передъ владыкой снова онъ упалъ,
Любить поклялся, глупымъ, невозможнымъ
Онъ свой порывъ отчаянья призналъ.

И торжествуетъ властелинъ суровый
И гордости не знаетъ онъ предѣлъ,
А рабъ униженный, на все готовый
На новый трудъ со страхомъ полетѣлъ,

(слѣдующія строфы забыты, за исключеніемъ двухъ).

И я кричалъ... о, милый край родимый,
Зачѣмъ твою я славу такъ люблю?
Безжалостной судьбѣ, неумолимой,
Неужели вѣнецъ твой уступлю?

Казалось, грудь разорвалась отъ муки
И кровь лилась обильною струей,
И умеръ я, охолодѣли руки,
Въ тревожномъ сердцѣ царствовалъ покой.

Князь Суворовъ не только не забывалъ Берви, а постоянно оказывалъ ему вниманіе и заботу о немъ.

Пріѣзжая въ больницу, онъ обыкновенно поступалъ такъ: поздоровается и весело сострitъ надъ тѣмъ, что В. В. по злополучной привычкѣ иногда перепутывалъ его имя: то назоветъ князя Аркадіемъ Александровичемъ, то Александромъ Аркадіевичемъ.

Полагаю, трудно было бы найти между государственными людьми такое же отсутствіе мелочности.

Затѣмъ возьметъ его за талію и ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ, разговаривая о различныхъ вещахъ.

Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній князь сказалъ: «знаете ли, вы такъ рѣзко проявились, что не мѣшало бы вамъ загладить свое поведеніе и написать Государю доброе, сочувственное посланіе, въ которомъ, я посовѣтовалъ бы вамъ, воздать должное реформамъ Александра II и выразить ему по этому случаю ваше сочувствіе».

Вас. Вас., конечно, сейчасъ же согласился и черезъ день письмо было отправлено.

Къ сожалѣнію, письмо не смягчило его участи, а напротивъ. Оно было написано такъ, какъ, по мнѣнію вліятельныхъ друзей, именно не слѣдовало писать.

В. В. воздавалъ должное реформамъ Александра II, вполнѣ ихъ оцѣнивая, но въ заключеніе письма написалъ, что онъ такого высокаго мнѣнія о чувствахъ и характерѣ императора, что нисколько не сомнѣвается, что Его Величество ни на минуту не задумается отказаться отъ части своихъ правъ на пользу народа.

Письмо это вызвало цѣлую бурю. Говорили, что шефъ жандармовъ разразился негодованіемъ и затопталъ его ногами. Во всякомъ случаѣ, не могло быть болѣе рѣчи о возстановленіи въ прежнемъ положеніи неизлѣчимаго упрямца, какъ якобы излѣчившагося отъ своихъ безумствъ, на что надѣялись высокопоставленные защитники.

Рѣшено было махнуть на него рукой и выслать административнымъ порядкомъ въ Астрахань, подъ надзоръ полиціи.

5. Свадьба и ссылка.

Свадьба моя дѣло рѣшеное.

Вѣнчаться мы ѣдемъ въ домашнюю церковь братьевъ Елисеевыхъ, что на Васильевскомъ островѣ.

Это была первая свадьба въ Петербургѣ, гдѣ жениха привезли подъ стражею, хотя и почетною, и я горжусь тѣмъ, что сдѣлала благой починъ. Въ церкви около жениха стояли полковникъ Іодко и полковникъ Квитницкій, адъютантъ князя Суворова.

Добрѣйшій между высокопоставленными администраторами,

князь Суворовъ, докладываетъ государю и получаетъ разрѣшеніе привезти узника въ церковь, для совершенія обряда, 9 ноября 1862 г. Въ началѣ этого года, мнѣ, веселой 16-лѣтней пансіонеркѣ, даже не снилось, что въ концѣ года на меня одѣнутъ свадебный уборъ и длинный вуаль съ флёръ д'оранжемъ.

Правительствомъ было рѣшено, отправляя Берви въ ссылку, помѣстить его вмѣстѣ съ компаніей инженеровъ въ прекрасномъ купэ. Жандармамъ приказано было сидѣть въ третьемъ классѣ и показаться лишь позднѣе.

Дома также было рѣшено, что я остаюсь до весны въ Петербургѣ у родителей.

Въ маѣ я должна была отправиться къ своему мужу съ братомъ-паинькой, который собирался въ свое симбирское имѣніе, а до тѣхъ поръ въ послѣдній разъ насладиться лаской и привѣтомъ родительскаго крова.

Получаю изъ Астрахани отъ мужа письмо. (Какъ мнѣ странно и весело сознать, что у меня есть мужъ). Онъ напоминаетъ мнѣ о томъ, что необходимо поблагодарить князя Суворова за его неизмѣнную доброту и заступничество.

«Разумѣется, разумѣется», соглашаемся мы, и какъ это мы упустили изъ виду.

Пріемъ у генералъ-губернатора ежедневный, и мы вскорѣ собираемся и ѣдемъ. Входимъ, не безъ смущенія. Огромный залъ уже полонъ народа.

И нарядныя, и бѣдно одѣтыя, и выступающія съ чувствомъ великаго достоинства и тревожно оглядывающіяся и оправляющія свой сиротскій костюмъ, съ прошеніями въ рукахъ,—все напряженно смотритъ на дверь.

Собственно тамъ два зала, но по первому свободно ходятъ взадъ и впередъ чиновныя и сановитыя лица, а масса просительской публики ютится во второмъ залѣ. Къ намъ подходитъ изящный адъютантъ.

Мы не имѣемъ вида докучныхъ просительницъ; обѣ мы очень хорошо одѣты и одинаково цвѣтемъ здоровьемъ.

Но мы въ первый разъ въ жизни очутились на оффиціальномъ пріемѣ, а потому смущааемся.

— Въ чемъ состоитъ ваше дѣло?—спрашиваетъ онъ, вынимая записную книжку и приготовляясь записывать.

— У насъ нѣтъ дѣла,—отвѣчаю я.

— Такъ просьба,—продолжаетъ онъ.

— И просьбы нѣтъ, мы не просить хотимъ.

Онъ смотритъ удивленно и слегка улыбается, а я начинаю конфузиться и чувствую, что не могу толкомъ вымолвить и двухъ словъ.

— Однако, какая же цѣль вашего посѣщенія,—настаиваетъ онъ, и въ голосѣ его слегка звучитъ насмѣшка.

— Мы,—говорю я (а сама думаю съ тоскою: «хоть бы выговорить скорѣе»), пріѣхали благодарить князя за его содѣйствіе.

— Только за этимъ.

— Да,—отвѣчаю я, униженная своею неловкостью,—только за этимъ.

Онъ записываетъ, а я подъ градомъ перекрестныхъ взоровъ спѣшу укрыться за матушку и становлюсь за ея стуломъ.

Между переднимъ рядомъ просительницъ раздаются въ полъголоса ироническія замѣчанія. «Что за эксцентричность?»—слышу я внятный шопотъ,—«видѣли, и адъютантъ улыбнулся».

Мы продолжаемъ чувствовать крайнее смущеніе и, четверть часа тянутся безконечно.

Наконецъ, въ переднемъ залѣ звякнули шпоры, послышались шаги и раздался звучный грудной голосъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

Князь вошелъ въ нашъ залъ и адъютантъ почтительно началъ свой докладъ. Вѣроятно, очередь дошла и до насъ, потому что князь громко переговорилъ съ адъютантомъ: «а, благодарить пришла, покажите мнѣ ее, эту смѣлую дѣвушку, которая выбрала себѣ такую забубенную голову».

Мгновенно, общее настроеніе мѣняется въ нашу пользу, начиная съ адъютанта, который любезнымъ жестомъ предлагаетъ мнѣ подойти къ князю. Дамы любезно сторонятся, придерживая кринолины, чтобы освободить проходъ. На всѣхъ лицахъ привѣтъ и одобреніе.

«Такъ вотъ вы какія», говоритъ князь и беретъ меня дружески за обѣ руки, а я несвязно и неловко благодарю его. Затѣмъ онъ говоритъ еще нѣсколько словъ, которыхъ я не могу разслушать и запомнить отъ радостнаго волненія, и ретируюсь къ сторонкѣ, ожидая, пока подойдетъ ко мнѣ матушка.

Мы двигаемся къ выходу, провожаемыя добрыми и сочувственными взглядами публики, а адъютантъ продолжаетъ докладъ.

Боже, какъ я рада и счастлива. Я лечу съ лѣстницы по пансіонской привычкѣ, а матушка, красиво подобравъ свой тренъ, медленно идетъ сзади, резонно разсуждая вслухъ по-нѣмецки. «И отчего намъ было сконфузиться, рѣшительно не понимаю, мы вѣдь не просить пришли, а благодарить. И насъ же вздумали третировать. Ну ужъ другой разъ я этого не позволю».

Е. Берви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Картины изъ временъ Вѣнскаго конгресса 1814—1815 г.

Помѣщаемые ниже отрывки изъ воспоминаній графа де-ла Гарда касаются только внѣшней обстановки, которою были окружены засѣданія Вѣнскаго конгресса. Что такое представляла изъ себя эта внѣшняя обстановка,—извѣстно уже въ достаточной степени. Непрерывныя празднества, балы, парады, обѣды, забавы всякаго рода, которымъ предавались коронованные и титулованные участники конгресса,—все это тянулось одно за другимъ непрерывной вереницей и поглощало у Вѣнскаго двора колоссальныя суммы денегъ. Но записки графа де-ла Гарда интересны не только потому, что онѣ даютъ картинное и живое описаніе всѣхъ этихъ придворныхъ торжествъ; онѣ въ высшей степени характерны для вскрытія психологіи того общества, въ кругу котораго вращались участники Вѣнскаго конгресса, и которое накладывало неизгладимую печать на нихъ самихъ. Графъ де-ла Гардъ—кость отъ кости и плоть отъ плоти того немногочисленнаго, состоящаго всего изъ нѣсколькихъ десятковъ фамилій, круга титулованной аристократіи, которая пронесла свои убѣжденія въ полной неприкосновенности черезъ бури французской революціи и смотрѣла на революціонное и наполеоновское время, какъ на случайную и кратковременную помѣху на пути ихъ безпечальнаго, полнаго веселыхъ забавъ и изящныхъ шутокъ житія. Неудивительно, что, очутившись послѣ страшныхъ и кровавыхъ потрясеній, которыя имъ пришлось пережить въ эпоху революціи и Наполеона, снова въ привычной сферѣ салоновъ, праздниковъ и торжествъ, они предались всякаго рода развлеченіямъ съ настоящимъ упоеніемъ и вообразили, что для нихъ насталъ новый золотой вѣкъ, которому уже не будетъ конца. Это упоенное и дѣтски-наивное по своему непосредственному эгоизму настроеніе и отражается съ необычайной выразительностью въ мемуарахъ графа де-ла Гарда. Для нашего мемуариста совершенно не существуютъ тѣ политико-диплома-

тическіе вопросы, которые стояли передъ Вѣнскимъ конгрессомъ и настоятельно требовали своего разрѣшенія. Вѣнскій конгрессъ—для него не политическое собраніе, а только международная выставка титуловъ и богатствъ, демонстрація аристократической и придворной щедрости, изящества и остроумія,—говоря его собственными словами—«биржа свѣтской любезности».

Читая его описанія дамскихъ костюмовъ, блестящихъ мундировъ, баловъ, маскарадовъ и парадовъ, слушая его восторженные отзывы объ остроуміи и любезности свѣтскихъ кавалеровъ, о красотѣ дамъ, видя его почтительное вниманіе къ придворнымъ интригамъ и любовнымъ дѣламъ государей, читатель замѣчаетъ, что на все это онъ смотритъ, какъ на самую суть Вѣнскаго конгресса, и что дѣловая его сторона—для него только неважная подробность, о которой немногіе помнятъ и которою интересуются, да и то не всегда, и не вполнѣ искренно, только отвѣтственные руководители конгресса. Описывая инцидентъ съ графомъ Вурбно, который, будучи приглашенъ для участія въ живой картинѣ въ роли Аполлона, ни за что не хотѣлъ сбрить свои усы и этимъ едва не разстроилъ самой живой картины,—авторъ прямо говоритъ, что въ это время всеобщаго смущенія едва ли кто помнилъ, что засѣданія конгресса продолжаются. И, дѣйствительно, при чтеніи мемуаровъ становится ясно, что въ этомъ отношеніи авторъ правъ, что торжественнымъ декораціямъ придавали въ то время больше значенія, чѣмъ самому дѣйствію, и что для огромнаго большинства собравшагося въ Вѣнѣ аристократическаго общества кулисы совершенно заслоняли собою сцену; чувствуется, что тонъ ни съ чѣмъ несравнимой наивности и невозмутимое легкомысліе, которыми проникнуты мемуары де-ла Гарда, находили себѣ живой откликъ въ сердцахъ всей собравшейся тогда въ Вѣнѣ аристократіи и отвѣчали самымъ интимнымъ ея настроеніямъ. Не только де-ла Гардъ, но и все блестящее общество, съѣхавшееся тогда въ Вѣну въ свитѣ государей и наводнявшее вѣнскіе рестораны и гулянья, замирало отъ восторга при видѣ брилліантовъ, цвѣтовъ, шелка и газа на дамскихъ платьяхъ, великолѣпныхъ экипажей во время королевскихъ и императорскихъ прогулокъ по Пратеру и всей той ослѣпительной роскоши, которая била въ глаза на всѣхъ праздникахъ и торжествахъ. Всѣмъ имъ казалось, что они живутъ въ какомъ то лучезарномъ царствѣ всеобщаго счастія и веселія. Графъ де-ла Гардъ съ неподражаемою наивностью свидѣтельствуетъ, какія добродѣтели выше всего цѣнились въ этомъ позолоченномъ обществѣ; это—любезность, остроуміе, красота, щедрость, умѣ-

ніе держать себя въ обществѣ и поддерживать легкую непринужденную бесѣду. Самъ онъ не скупится раздавать титулы замѣчательныхъ людей тѣмъ, все искусство которыхъ заключалось лишь въ умѣніи по-свѣтски болтать и любезно принимать гостей. Помѣшаный на тонѣ хорошаго общества, онъ и самъ стремится быть вписаннымъ въ «золотую книгу» высшей знати и очевидно преуспѣваетъ въ этомъ своемъ стремленіи. По крайней мѣрѣ, его всюду приглашаютъ, и онъ присутствуетъ, хотя, повидимому, на неособенно видныхъ роляхъ, почти на всѣхъ тогдашнихъ торжествахъ и парадахъ.

Все это дѣлаетъ изъ самого графа де-ла Гарда настоящій живой историческій документъ. Онъ интересенъ для насъ не только по тѣмъ сценамъ, которыя онъ рисуетъ, но и по своей личности, по своей примитивной психологіи ничего не забывшаго и ничему не научившагося аристократа. Но это заставляетъ, конечно, относиться съ очень большой подозрительностью къ тѣмъ характеристикамъ, которыя онъ пытается дать работамъ Вѣнскаго конгресса, и къ его пониманію взаимныхъ отношеній между государями. Отъ нихъ вѣетъ непроходимой узостью и ограниченностью. Совершенно зачарованный блестящей парадной стороной Вѣнскаго конгресса, всѣмъ этимъ моремъ денегъ и офиціальныхъ любезностей, на которыя въ то время никто не скупился, де-ла Гардъ былъ вполнѣ искренно убѣжденъ, что участники Вѣнскаго конгресса были проникнуты взаимною любовью другъ къ другу и только о томъ и думали, какъ бы превзойти одинъ другого въ любезности и галантной обходительности; вопросы о территоріальныхъ разграниченіяхъ государствъ, о престолахъ, династіяхъ, образахъ правленія для де-ла Гарда — скучные вопросы, и онъ думалъ, что и офиціальные руководители Вѣнскаго конгресса не гнались за суетной славой дипломатическихъ побѣдъ и не колебались уступать въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовала любезность и свѣтское приличіе. Въ политическихъ вопросахъ де-ла Гардъ — очень маленькій человѣкъ, все мѣряющій въ мѣру своего ограниченнаго ума; для него остались совершенно непонятными тѣ спорные дипломатическіе расчеты, построенные на комбинаціи принциповъ легитимизма, политическаго равновѣсія и вознагражденія побѣдителей, которыми руководились дѣятели Вѣнскаго конгресса. Его заворожила внѣшняя любезность государей и министровъ, и онъ совершенно не замѣтилъ той паутины интригъ, взаимнаго недовѣрія и тонкихъ обмановъ, изъ которой была соткана дѣятельность Вѣнскаго конгресса. Въ недавно (1913 г.) вышедшей книгѣ Августа Фур-

ньера [1]) собраны въ высшей степени характерные документы, свидѣтельствующіе о той сѣти шпіонства, которымъ окружали въ то время другъ-друга представители великихъ и малыхъ державъ и сами государи. Сыщиками была полна тогда вся Вѣна; были сыщики изъ высшей аристократіи, втершіеся въ интимные круги, окружавшіе иностранныхъ государей и ихъ министровъ, были просто наемные агенты полиціи, были и добровольцы, въ изобиліи снабжавшіе и императора Франца, и другихъ европейскихъ государей плодами своихъ наблюденій и вольныхъ розысковъ. На службѣ у вѣнской полиціи стояли всѣ содержатели и вся прислуга отелей, въ которыхъ размѣстились представители иностранныхъ государствъ; при возможности, — конечно, за хорошее вознагражденіе,—добывались свѣдѣнія отъ камердинеровъ, лакеевъ и каmeристокъ высокопоставленныхъ особъ, прибывшихъ на конгрессъ. Въ обязанности прислуги входило доставлять въ полицію содержимое сорныхъ корзинъ, стоявшихъ подъ письменными столами у членовъ конгресса; даже и камины должны были тщательно осматриваться въ отсутствіе хозяевъ прислугой, не найдутся ли тамъ не вполнѣ сгорѣвшіе клочки какихъ-нибудь важныхъ бумагъ. Такимъ путемъ часто добывались очень цѣнныя свѣдѣнія. Отъ любознательности вѣнской полиціи не спасались не только иностранныя коронованныя особы, но и члены австрійскаго императорскаго дома, — даже сама австрійская императрица. Къ этому надо прибавить, что иностранцы въ этомъ отношеніи не отставали отъ австрійцевъ, и у каждаго двора были свои многочисленные агенты, освѣдомлявшіе его о замыслахъ и настроеніяхъ другихъ участниковъ конгресса. Даже представитель Пруссіи, благородный Гарденбергъ, не отказывался отъ услугъ сыщиковъ; конечно, и за нимъ самимъ былъ учрежденъ также самый строгій надзоръ. Благодаря такой системѣ всѣ участники конгресса оказывались одновременно въ положеніи и поднадзорныхъ, и надзирающихъ...

Если принять все это во вниманіе, то отъ нарисованной де-ла Гардомъ картины всеобщаго довѣрія и благорасположенія не останется камня на камнѣ. Къ системѣ тайныхъ доносовъ и сыска надо прибавить еще и открытые конфликты, которые возникали по вопросамъ дѣлежа Польши, Саксоніи и другихъ государствъ, не умѣвшихъ себя защитить въ годъ сведенія международныхъ счетовъ. Какъ извѣстно, одно время отношенія между Англіей, Франціей и Австріей съ одной стороны, и Пруссіей и Россіей

[1]) Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus ihren Papieren. Wien-Leipzig. 1913.

съ другой обострились до такой степени, что съ часу на часъ можно было ждать взрыва новой общеевропейской войны, при чемъ яблокомъ раздора было требованіе Россіи и Пруссіи, чтобы первой отдали цѣликомъ все герцогство Варшавское, а второй— все королевство Саксонское. На почвѣ этихъ политическихъ разногласій разстраивались и личныя отношенія между государями и представителями державъ. Извѣстно, что одно время обостренность личныхъ отношеній между русскимъ императоромъ и австрійскимъ министромъ Меттернихомъ достигла такой степени, что первый послалъ второму вызовъ на дуэль, и только энергичное вмѣшательство императора Франца предупредило этотъ международный скандалъ. Дѣло ограничилось тѣмъ, что оба врага въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не замѣчали другъ друга на тѣхъ торжествахъ и празднествахъ, на которыхъ имъ приходилось участвовать. Графъ де-ла Гардъ совершенно проглядѣлъ эту открытую вражду между представителями державъ, доходившую иногда до разрыва личныхъ отношеній между ними; внѣшній блескъ придворныхъ празднествъ и здѣсь скрылъ отъ него истинную суть отношеній между державами. Особенно близорукимъ онъ оказался по отношенію къ Меттерниху: Меттернихъ въ его характеристикѣ является, главнымъ образомъ, любезнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ съ очаровательной изысканностью въ манерахъ принять и занять гостей, а не дипломатомъ и государственнымъ дѣятелемъ, обладавшимъ способностью превосходно хитрить и обманывать своихъ собеѣдниковъ и корреспондентовъ.

При чтеніи мемуаровъ гр. де-ла Гарда надо имѣть въ виду, что, при всей своей свѣтскости, де-ла Гардъ обладалъ нѣкоторымъ, хотя и не вполнѣ твердымъ, политическимъ міровоззрѣніемъ консервативной складки. Редакція выкинула изъ его замѣтокъ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ пытается теоретизировать надъ современностью, какъ не имѣющія никакого интереса для читателей по своему содержанію, но самый фактъ консерватизма нашего мемуариста имѣетъ извѣстное значеніе для установленія правильной точки зрѣнія на его записки. Его благодушное умиленіе предъ тѣми баснословными тратами, которыя вѣнскій дворъ дѣлалъ для угощенія и пріема собравшагося въ Вѣнѣ аристократическаго общества, покоится, между прочимъ, на убѣжденіи, что австрійское правительство вообще умѣло превосходно управлять своей страной и подъ его «отеческимъ управленіемъ» страна процвѣтала во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что у австрійскаго правительства была только одна цѣль: благосостояніе населенія и матеріальное процвѣтаніе страны. За

это и народъ, говоритъ гр. де-ла Гардъ, платитъ ему трогательною отвѣтною любовью: онъ «съ радостью принимаетъ покровительство своего правительства». «Если порою (въ Австріи) и вынуждены бываютъ поступать деспотически, то это происходитъ по семейному, съ согласія спокойнаго, разсудительнаго населенія».

Для насъ именно эта наивность міровоззрѣнія де-ла Гарда и придаетъ особенную цѣну его мемуарамъ. Отъ начала до конца онъ является въ нихъ вполнѣ вѣрнымъ самому себѣ типомъ свѣтскаго человѣка начала XIX вѣка. Какъ бы ничтожна ни была сама по себѣ его личность, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые дѣлали въ первыя десятилѣтія XIX вѣка политику во Франціи и въ Австріи, которымъ принадлежалъ рѣшающій голосъ во многихъ вопросахъ первостепенной государственной важности. Но и помимо этого нарисованныя имъ сцены имѣютъ вполнѣ самостоятельный бытовой интересъ: въ нихъ много колоритности и жизненности, онѣ обильны подробностями, передающими съ большой выразительностью образъ жизни и настроеніе европейской аристократіи начала XIX вѣка. Для русскихъ читателей мемуары де-ла Гарда имѣютъ и специфическій интересъ: авторъ бывалъ прежде въ Петербургѣ, и у него были обширныя знакомства среди русской аристократіи. Поэтому Россіи и русскимъ онъ удѣляетъ въ своихъ мемуарахъ довольно много мѣста. Среди упоминаемыхъ имъ лицъ едва ли не большинство принадлежитъ русскимъ, при чемъ нѣкоторые изъ знакомыхъ де-ла Гарда носятъ историческія имена. Конечно, де-ла Гардъ не велъ съ ними бесѣдъ на серьезныя темы: его интересуютъ, главнымъ образомъ, быстрыя служебныя карьеры, которыя дѣлали его русскіе знакомые, ихъ умѣнье держать себя въ обществѣ и ихъ остроуміе, но и съ этой специфически-великосвѣтской точки зрѣнія мы найдемъ въ мемуарахъ де-ла Гарда довольно много интереснаго для себя. Нашъ мемуаристъ былъ довольно высокаго мнѣнія о свѣтскихъ талантахъ русской знати и не уставалъ восхищаться тою, по его мнѣнію, утонченною цивилизаціею, которая проникла въ его время въ русскіе великосвѣтскіе круги. Конечно, критерій, которымъ авторъ пользуется для оцѣнки этой цивилизаціи, отличается большой оригинальностью, хотя и вполнѣ соотвѣтствуетъ всему міровоззрѣнію де-ла Гарда: въ одномъ, слишкомъ растянутомъ для того, чтобы приводить его цѣликомъ, мѣстѣ, онъ прогрессъ русской цивилизаціи мѣряетъ прогрессомъ русскихъ развлеченій—отъ грубыхъ ассамблей Петра I до утонченныхъ баловъ при Александрѣ I. Но уже одна высокая оцѣнка авторомъ свѣт-

скихъ достоинствъ русской знати даетъ намъ возможность заключить, какое положеніе занимала она на томъ международномъ турнирѣ свѣтской любезности и хорошаго тона, какимъ были празднества и торжества Вѣнскаго конгресса. Послѣдняя сцена, гдѣ изображена судьба разбогатѣвшаго крѣпостного, прибѣгающаго къ услугамъ завзятаго игрока для того, чтобы добиться освобожденія, не лишена, кромѣ того, и значительнаго соціально-бытового интереса, хотя авторъ здѣсь и ставитъ себя въ нѣсколько непривычную для него плоскость защитника гражданской свободы и обличителя крѣпостническихъ нравовъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ намъ кажется, что мемуары графа де-ла Гарда и съ исторической, и съ соціально-психологической, и съ бытовой точекъ зрѣнія должны представить для русской читающей публики довольно значительный интересъ.

В. Перцевъ.

Изъ воспоминаній гр. де-ла Гарда.

I.

Принцъ де Линь (de Ligne).—Костюмированный балъ.—Государи въ домино.—Русскій царь и принцъ Евгеній.—Короли: Прусскій, Вюртембергскій и Датскій.—Генералъ Теттенборнъ.—Его политическая карьера.

Принцу де Линь шелъ въ то время восьмидесятый годъ, но можно сказать, что, наперекоръ возрасту, онъ остался юнымъ. Онъ сохранилъ любезный характеръ и очаровательную свѣтскость, придававшіе его обществу такъ много прелести. Потому-то его единогласно называли: «послѣднимъ французскимъ рыцаремъ». Въ то время всѣ знатные иностранцы, выдающіеся своимъ умомъ и своимъ общественнымъ положеніемъ, и даже государи вмѣняли себѣ въ обязанность засвидѣтельствовать ему свое почтенье. Въ немъ все еще были замѣтны та свѣжесть ума, та неизсякаемая веселость, соединенная съ утонченностью, которыми онъ всегда отличался. Его незлобивыя шутки особенно становились искрометными, когда рѣчь заходила о странномъ ходѣ конгресса, на которомъ удовольствія, казалось, были единственно важною вещью.

При этомъ всеобщемъ опьяненіи непрерывными, другъ за другомъ слѣдовавшими, празднествами, балами, звaными обѣдами, играми, контрастъ, который составлялъ со всѣмъ этимъ важный обликъ стараго маршала, былъ не лишенъ интереса.

Онъ былъ повсюду любимъ и уважаемъ, его знакомства до-

могались, хотя онъ и не былъ облеченъ никакимъ офиціальнымъ званіемъ. Онъ часто опредѣлялъ положеніе однимъ единственнымъ словомъ, остротою, которую потомъ спѣшилъ повсюду повторять.

Такъ какъ моя семья имѣла честь находиться въ родствѣ съ семьею знаменитаго человѣка, то, благодаря этому, когда я еще въ 1807 г. въ первый разъ пріѣхалъ въ Вѣну, принцъ де Линь принялъ меня очень любезно и, какъ при дворѣ, такъ и повсюду, представлялъ меня, какъ своего родственника...

Въ первый же день моего пріѣзда я счелъ себя обязаннымъ сдѣлать принцу де Линю визитъ и поспѣшить засвидѣтельствовать ему мое почтенье. Онъ уже при прежнихъ моихъ многократныхъ посѣщеніяхъ Вѣны былъ моимъ руководителемъ и защитникомъ... Я глубоко былъ тронутъ тѣмъ любезнымъ пріемомъ, который онъ мнѣ оказалъ.

«Вы пріѣхали во время», сказалъ онъ мнѣ, «чтобы видѣть великія дѣла. Вся Европа въ Вѣнѣ; коверъ политики сплошь затканъ пирами. Въ ваши годы любятъ веселыя собранія, балы, удовольствія, и я вамъ поручусь за то, что вы здѣсь не останетесь безъ дѣла, такъ какъ конгрессъ не идетъ впередъ, а *танцуетъ*. Со всѣхъ сторонъ кричатъ: миръ, справедливость, политическое равновѣсіе, легитимизмъ,—словно для того, чтобы вашъ князь Беневентскій обогатилъ ими дипломатическій словарь. Кто разберется въ этомъ хаосѣ и преградитъ этотъ потокъ притязаній? Что касается меня, простого благожелательнаго зрителя, то я потребую только новую шляпу, такъ какъ свою я напрасно износилъ, кланяясь государямъ, которыхъ встрѣчаешь на каждомъ перекресткѣ. Но, въ концѣ-концовъ, все же, наперекоръ Робинзону Крузо, будетъ заключенъ всеобщій, продолжительный миръ. Такъ долго враждовавшіе между собою народы наконецъ объединяются. Ихъ знаменитѣйшіе представители первые подаютъ въ этомъ примѣръ. Здѣсь наблюдается странная вещь: посредствомъ удовольствій добываютъ миръ».

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ чисто юношеской живостью, со множествомъ вопросовъ о Парижѣ, о моей семьѣ, о моихъ путешествіяхъ и моихъ планахъ, пока насъ не прервали докладомъ, что его ожидаетъ карета.

«Завтра вы обѣдаете у меня, а потомъ мы поѣдемъ на костюмированный балъ. Здѣсь самъ разсудокъ отдается дурачествамъ. Тамъ я въ нѣсколько минутъ разъясню вамъ всѣ достопримѣчательности этой огромной панорамы. Вы тамъ найдете многихъ изъ вашихъ европейскихъ знакомыхъ. Благодаря нашему дружескому вниманію, каждый устраивается здѣсь довольно уютно

и, повидимому, чувствуетъ себя, какъ дома. Вы поневолѣ согласитесь, что если Австрія и позволила себя когда-то побѣдить, то отнюдь не въ гостепріимствѣ».

Принцъ сохранилъ свою давнишнюю привычку обѣдать рано. Я отправился къ нему въ четыре часа въ его прекрасный домъ на бастіонахъ. Въ немъ было лишь по одной комнатѣ въ каждомъ этажѣ, почему принцъ де Линь, въ насмѣшку, называлъ его своей клѣткой, но другіе предпочитали называть этотъ домъ «Отелемъ де Линь».

Вскорѣ послѣ моего прибытія онъ усѣлся за столъ, окруженный своей милой семьей. По правдѣ сказать, требовалось все очарованіе его бесѣды, чтобы не показался скучнымъ обѣдъ, похожій на знаменитые ужины madame Ментенонъ, когда она еще была вдовою Скарронъ. Однако, хотя принцъ почти одному себѣ забиралъ маленькія блюда, подававшіяся на столъ, онъ умѣлъ держать умъ своихъ гостей въ состояніи вниманія и напряженія и, только поднявшись изъ-за стола, замѣчали, что питались исключительно духовною пищею.

Въ салонѣ мы встрѣтили нѣсколько пріѣхавшихъ гостей; это были знатные иностранцы, которые, будучи призваны въ Вѣну со всѣхъ концовъ Европы, захотѣли представиться живому чуду прошлаго вѣка; но между ними было также нѣсколько любопытныхъ, которые докучали принцу единственно лишь съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность сказать: я видѣлъ принца де Линь, или чтобы набраться отъ него ума, заимствовать отъ него анекдоты и остроты, для того, чтобы потомъ въ изуродованномъ видѣ разносить ихъ по салонамъ. Но умъ неспособенъ, какъ магнитъ, передавать свои свойства черезъ соприкосновеніе. Съ своей удивительной проницательностью онъ скоро распознавалъ этихъ поверхностныхъ людей, которые тщеславились тѣмъ, что говорятъ его языкомъ, однако не понимая его, которые раздражали его непріятными вопросами и мучили шаблонными остротами. Онъ умѣлъ отъ нихъ отдѣлаться посредствомъ добродушной насмѣшки или иронической вѣжливости. О людяхъ такого сорта онъ говорилъ: «ничто не доказываетъ лучше посредственности, какъ маленькіе секреты, нашептанные въ уши, бесѣды въ оконной нишѣ, долгія разсужденія о малыхъ дѣлахъ. Съ тѣми, у кого недостаетъ въ разговорѣ того, что въ живописи зовется «широкимъ мазкомъ», дѣло обстоитъ плохо».

Онъ сказалъ каждой изъ отдѣльныхъ группъ общества нѣсколько вѣжливыхъ или остроумныхъ словъ. Затѣмъ, какъ будто выполнивъ свою обязанность, онъ удалился и подошелъ къ своему внуку, графу Клари, который разговаривалъ со мной.

«Я припоминаю одно изъ моихъ писемъ къ Руссо, начинающееся слѣдующими словами: «Вы, сударь, не любите ни нахаловъ, ни нахальства», можно было бы смѣло написать подобныя дерзкія письма многимъ изъ присутствующихъ здѣсь авторитетовъ. Но они такъ много воображаютъ о собственныхъ заслугахъ, что даже не повѣрили бы, что подобное письмо написано по ихъ адресу. Такъ какъ люди этого сорта очень упрямы и очень глупы, то поищемъ-ка мы лучше другихъ въ болѣе высокомъ кругу общества. Насъ ожидаетъ балъ. Ѣдемъ, дѣти мои! Я вамъ сейчасъ покажу, какъ спасаются отъ гостей на французскій ладъ».

И этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный человѣкъ, выскользнулъ изъ комнаты съ легкостью пажа, сѣлъ въ карету и началъ смѣяться надъ своей школьнической продѣлкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ досадой тѣхъ безутѣшныхъ говоруновъ, которые явились къ нему понапрасну, чтобы быть имъ выслушанными.

Въ девять часовъ мы пріѣхали въ императорскій дворецъ, который называется Бургомъ. Въ этомъ старинномъ замкѣ давались маскарады, балы, костюмированные вечера, на которыхъ непроницаемое домино позволяло скрывать политическія комбинаціи и помогало образцовому выполненію плановъ или веденію интригъ.

Главный залъ былъ роскошно освѣщенъ и окруженъ галлереями, черезъ которыя можно было пройти въ просторныя залы, предназначенныя для ужина. На мѣстахъ, идущихъ амфитеатромъ, находились дамы, иныя въ домино, большая же часть въ характерныхъ костюмахъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе блестящее, чѣмъ это собраніе благородныхъ, молодыхъ, красивыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ стилѣ, соотвѣтствующемъ ихъ красотѣ. Какъ будто всѣ вѣка и всѣ страны назначили другъ другу свиданіе въ этомъ свѣтскомъ обществѣ.

Оркестръ исполнялъ полонезы и вальсы, а въ сосѣднихъ залахъ танцовали менуэтъ съ нѣмецкой чопорностью и это во всякомъ случаѣ было не наименѣе комической частью картины.

Принцъ сказалъ правильно: Вѣна представляла тогда экстрактъ Европы, а этотъ маскарадъ былъ экстрактомъ Вѣны. Трудно встрѣтить что-нибудь болѣе странное, чѣмъ эти замаскированные и незамаскированные люди, среди которыхъ, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ, двигались собравшіеся на конгрессъ государи.

«Обратите вниманіе», сказалъ принцъ де Линь, «на эту прекрасную, воинственную и элегантную физіономію. Это императоръ Александръ. Онъ подаетъ руку принцу Евгенію Богарне,

къ которому онъ чувствуетъ искреннее расположеніе. Когда Евгеній прибылъ сюда со своимъ тестемъ, королемъ баварскимъ, то вѣнскій дворъ былъ въ нерѣшительности, какой ему присвоить рангъ. Русскій императоръ высказался на этотъ счетъ такъ недвусмысленно, что съ Евгеніемъ стали обходиться такъ, какъ заслуживаетъ его благородный характеръ. Александръ, какъ вы знаете, въ состояніи внушать дружбу и самъ ее чувствовать.

«Знаете ли вы, что тотъ человѣкъ съ благородной высокой осанкой, котораго прекрасная неаполитанка обвиваетъ своими полными округлыми руками, прусскій король. Его серьезное лицо ничуть не измѣнилось отъ этой ласки, а, однако, эта шаловливая маска, можетъ быть, императрица, а можетъ быть гризетка.

«Тамъ вы видите въ венеціанскомъ костюмѣ нашего императора, который едва можетъ скрыть внимательную предупредительность коронованнаго амфитріона, живой образъ отеческаго деспотизма и образчикъ любезнаго гостепріимства.

«Этотъ человѣкъ съ открытымъ лицомъ, на которомъ написана сердечная доброта,—Максимиліанъ, король баварскій, который на своемъ тронѣ не сумѣлъ еще забыть своего прежняго положенія—полковника на французской службѣ,—и питаетъ къ своимъ подданнымъ такую же любовь, которую онъ прежде выказывалъ своему полку.

«Тамъ маленькій, блѣдный человѣкъ съ большимъ, орлинымъ носомъ и очень свѣтлыми волосами—король датскій. Политическія соображенія вызвали у государей по отношенію къ нему недоброжелательство; но его ласковое обращеніе, искренность и возвышенность его характера скоро расположили къ нему всѣ сердца. Его живой, веселый умъ, его удачныя возраженія вносятъ веселье въ королевское общество. Его прозвали здѣсь забавникомъ королевской бригады. Когда видишь простоту его манеръ и знаешь, какимъ счастьемъ наслаждается его маленькое королевство, то не можетъ даже въ голову придти мысль, что онъ самый абсолютный монархъ Европы.

«Та колоссальная фигура, объемъ которой черное домино не можетъ ни скрыть, ни уменьшить,—король вюртембергскій. Рядомъ съ нимъ стоитъ его сынъ, наслѣдный принцъ; его любовь къ великой герцогинѣ Ольденбургской, сестрѣ императора Александра, удерживаетъ его на конгрессѣ и занимаетъ гораздо больше, чѣмъ важные государственные интересы, которые, со временемъ, сдѣлаются его собственными. Это романъ, развязку котораго мы скоро увидимъ.

«Два молодыхъ человѣка, которые только что задѣли насъ,

проходя мимо,—наслѣдный принцъ баварскій и его братъ, принцъ Карлъ. Голова послѣдняго выдержитъ сравненіе съ головою Антиноя. Вся эта масса людей всякаго рода и во всевозможныхъ одеждахъ или царствующіе государи, или эрцгерцоги, или облеченные высшею властью сановники различныхъ государствъ, потому что, за исключеніемъ нѣсколькихъ англичанъ, которыхъ легко узнать по изысканности ихъ костюмовъ, я не думаю, чтобы здѣсь нашелся хотя бы одинъ человѣкъ, который не имѣлъ бы права поставить титула передъ своимъ именемъ.

«Здѣсь, въ этомъ залѣ, вы, дѣти мои, ничего не увидите кромѣ веселья. Пройдите нѣсколько шаговъ дальше, войдите въ сосѣдній салонъ, и вы можете присутствовать при оживленныхъ, серьезныхъ, дипломатическихъ разсужденіяхъ. Прежде дипломатія и увеселенія были всегда врагами,—въ Вѣнѣ онѣ соединились и идутъ рука объ руку».

Какъ только мы разстались съ принцемъ, я отправился бродить по заламъ, гдѣ я мало-по-малу встрѣтилъ всѣхъ людей, съ которыми я когда-то познакомился. Всѣ мои знакомые отъ Неаполя до Петербурга и отъ Стокгольма до Копенгагена были здѣсь. Какая смѣсь костюмовъ и языковъ! Мнѣ казалось, что это была ярмарка всѣхъ національностей міра. Я почувствовалъ, сознаюсь, въ первый разъ все упоенье костюмированнаго бала. Непрерывная музыка, тайна одеждъ и интриги, которою я былъ окруженъ, всеобщее инкогнито, веселье безъ мѣры и границъ, соединеніе соблазнительныхъ случайностей, словомъ все волшебство этого зрѣлища заставило закружиться мою голову; и болѣе солидные и сильные умы, чѣмъ мой, такъ же мало противились этому очарованію.

Скоро я былъ окруженъ моими друзьями. Среди нихъ были: Ахиллъ, Руэнъ, Зыбинъ, Булгаринъ, Борель, Каріотти, которыхъ я встрѣчалъ во время моихъ скитаній по Россіи и Италіи.

Я встрѣтилъ еще нѣсколькихъ друзей, въ обществѣ которыхъ я постарался, какъ можно веселѣе, провести тѣ два часа, которые намъ оставались до ужина. Затѣмъ мы, около двадцати человѣкъ гостей, усѣлись за однимъ столомъ, чтобы вмѣстѣ закончить веселый день.

Одного я оставилъ лейтенантомъ, а теперь нашелъ уже генераломъ; другой былъ атташе, а теперь онъ самъ посланникъ. Большинство было украшено орденами, которые они заслужили мужествомъ и талантомъ. Затѣмъ, когда веселье стало пѣниться вмѣстѣ съ шампанскимъ, они начали разсказывать о счастливыхъ обстоятельствахъ, способствовавшихъ ихъ успѣху. Самому старшему изъ моихъ друзей не насчитывали и тридцати лѣтъ.

Но среди всѣхъ этихъ быстро сдѣланныхъ карьеръ, ни одна не привела меня въ такое изумленіе, какъ карьера Зыбина. Когда я въ 1812 г., охваченный любовью къ путешествіямъ, покинулъ Москву, чтобы увидать Крымъ, Украйну и Турцію, Зыбинъ былъ моимъ попутчикомъ. Во время нашего долгаго переѣзда по русскимъ степямъ его веселыя остроты часто разгоняли мою скуку и быстро приводили меня въ хорошее расположеніе духа. Прошло всего лишь восемнадцать мѣсяцевъ съ того времени, какъ мы разстались въ Тульчинѣ, по окончаніи нашей экскурсіи въ Тавриду,—онъ для того, чтобы сопровождать въ Петербургъ графиню Потоцкую, а я для того, чтобы отправиться въ Одессу къ герцогу Ришелье, а оттуда въ Константинополь. Тогда онъ еще совсѣмъ не служилъ и, однако, теперь онъ былъ уже адъютантомъ генерала Ожаровскаго и былъ украшенъ многими орденами.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ Зыбинъ понялъ, что праздная салонная жизнь не доставитъ ему ни вліянія, ни славы; поэтому онъ промѣнялъ свой камеръ-юнкерскій мундиръ на мундиръ гусарскаго унтеръ-офицера. При началѣ похода онъ получилъ чинъ прапорщика, затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, чинъ капитана. Въ одинъ прекрасный день его генералъ приказываетъ ему взять 50 казаковъ, произвести рекогносцировку для того, чтобы схватить нѣсколькихъ мародеровъ. Зыбинъ отправляется, и черезъ часъ ѣзды одинъ изъ его людей замѣчаетъ что-то черное, спрятанное въ камышахъ. Спѣшатъ туда: оказывается то были пушки, которыя непріятель оставилъ при отступленіи. Солдаты сходятъ съ лошадей, впрягаютъ ихъ въ пушки и, спустя нѣсколько часовъ, капитанъ Зыбинъ возвращается съ полнымъ артиллерійскимъ паркомъ, который онъ захватилъ въ болотной тинѣ. Государь былъ недалеко. Зыбину былъ отданъ приказъ самому принести рапортъ о случившемся. Александръ прочелъ рапортъ и, приписывая весь успѣхъ молодому гусару, тогда какъ Зыбинъ былъ этимъ обязанъ единственно случаю,—тутъ же на мѣстѣ пожаловалъ ему чинъ маіора, затѣмъ, взявъ свой собственный крестъ св. Георгія, прикрѣпилъ его къ петличкѣ новаго штабъ-офицера.

Дальнѣйшее было лишь продолженіемъ перваго шага; другіе ордена послѣдовали за первымъ, какъ будто счастье захотѣло его преслѣдовать. Зыбинъ, ведя праздную жизнь въ лагерѣ, игралъ въ карты и въ четыре раза выигралъ не менѣе ста тысячъ рублей. Пожалуй, принцъ де Линь былъ правъ, говоря, что счастье—это куртизанка, которая льнетъ къ кому-нибудь въ то мгновенье, когда тотъ наименѣе этого ожидаетъ.

Къ концу вечера счастливый случай свелъ меня съ моимъ близкимъ другомъ—генераломъ Теттенборномъ. Послѣ первыхъ дружескихъ привѣтствій онъ мнѣ сказалъ:

«У насъ найдется многое, о чемъ поговорить, но здѣсь не стоитъ начинать разговора. Завтра мы пообѣдаемъ вдвоемъ въ Аугартенѣ, тамъ намъ никто не помѣшаетъ».

Я согласился.

Теттенборнъ явился въ назначенное время.

Когда за дессертомъ было подано токайское, содѣйствующее сердечнымъ изліяніямъ и интимнымъ откровенностямъ, мой другъ началъ свой интересный разсказъ:

«Съ того времени, какъ мы не видались, событія въ моей жизни изумительно измѣнились, равно какъ и обстоятельства, которыя ихъ создали. Вы знаете, что я сопровождалъ кн. Шварценберга въ его поѣздкѣ въ Парижъ въ качествѣ посланника. Я находился тамъ во время рожденія римскаго короля и былъ посланъ курьеромъ, чтобы передать это извѣстіе нашему императору».

«Да», сказалъ я, «я читалъ въ газетахъ, что вы эту дорогу, требующую 320 часовъ, сдѣлали въ четыре съ половиною дня».

«Эту быстроту легко понять: до Страсбурга у меня были бѣговыя лошади князя, а отъ австрійской границы я ѣхалъ на подставныхъ лошадяхъ, которыя мнѣ далъ его братъ Іосифъ.

«Я не буду говорить о моемъ пребываніи въ Парижѣ. Тамъ все было упоительно. Ваши салоны снова показали блескъ и изумительное счастье Франціи. Наше австрійское посольство пользовалось тамъ большимъ уваженіемъ. Эти другъ друга смѣняющіе праздники были тамъ такими же, какъ и здѣсь.

«Послѣ того, какъ въ 1812 г. я послѣдовалъ за гр. Шварценбергомъ въ Петербургъ, я смѣнилъ восхитительную салонную жизнь на жизнь моего полка, который въ то время стоялъ въ Будѣ[1]). Если бы я вдругъ попалъ въ монастырь траппистовъ, то и тогда перемѣна не могла бы быть болѣе рѣзкой. Но вдругъ воспламенилось горючее вещество въ Европѣ.

«Мнѣ было 34 года. Хотя первые годы моей жизни были достаточно богаты событіями, но въ послѣднее время судьба сдѣлала для меня гораздо болѣе того, на что я могъ разсчитывать. Я рѣшилъ поспѣшить на большой европейскій пожаръ, чтобы около него встряхнуться отъ вялой жизни въ Будѣ, которая такъ мало подходила къ моимъ привычкамъ. Я жилъ въ Будѣ вмѣстѣ съ барономъ ***, другомъ моей юности, майоромъ въ моемъ полку, и у котораго, также, какъ и у меня, было мало шан-

---

[1]) Буда-Пештъ въ Венгріи.

совъ разсчитывать на быстрое повышеніе на австрійской службѣ. «Теперь,» сказалъ я ему однажды, «есть единственная возможность съимпровизировать наше будущее. Видѣть и пріобрѣтать это одно и то же. Отправимся въ русскую армію и предложимъ— себя въ качествѣ партизановъ. Это легкая и прибыльная война, которая, благодаря быстротѣ событій, можетъ имѣть большія послѣдствія, и, кромѣ того, пріятно пожить жизнью приключеній и слѣпо довѣриться своей судьбѣ. Что касается меня, я рѣшился, я ухожу. Идете ли вы со мною? Часто одинъ моментъ, рѣшаетъ въ жизни все. Мой другъ колебался. Я уѣхалъ одинъ. Позднѣе онъ очень въ этомъ раскаялся.

«Когда я прибылъ въ главную квартиру русской арміи мнѣ поручили составить полкъ. Я его сформировалъ и получилъ надъ нимъ команду. Вступивъ на службу полковникомъ, я черезъ три мѣсяца получилъ чинъ генерала. Вѣроятно, въ газетахъ вы прочли о томъ, какимъ образомъ мнѣ удалось овладѣть личными сокровищами императора. Часть этой чудовищно огромной добычи была мнѣ отдана въ знакъ награды. Экспедиція въ Берлинъ хотя и не имѣла результатовъ, но была выгодна въ томъ отношеніи, что заставила обратить на меня вниманіе. Во главѣ четырехъ кавалерійскихъ полковъ, двухъ эскадроновъ гусаръ, двухъ эскадроновъ драгунъ и лишь двухъ легкихъ артиллерійскихъ отрядовъ я предпринялъ походъ на Гамбургъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій городъ сдался 18 марта 1813 г. Принятый съ восторгомъ жителями, я былъ, какъ и многіе другіе, героемъ момента. Назначенный комендантомъ города, я отмѣнилъ строгій порядокъ, который маршалъ Даву нашелъ необходимымъ ввести. Благодарные горожане наградили меня званіемъ почетнаго гражданина и преподнесли грамоту въ драгоцѣнномъ золотомъ ларчикѣ. Событія надвигались быстро, а вмѣстѣ съ ними слава и награды. Послѣ того, какъ я былъ пожалованъ большинствомъ военныхъ орденовъ, доброта ко мнѣ союзныхъ монарховъ достигла такого крайняго предѣла, что они пожаловали мнѣ въ полное владѣнье два монастыря въ Вестфаліи, доходы съ которыхъ достигали 40 тысячъ гульденовъ въ годъ. Всѣ эти маленькіе успѣхи помогли мнѣ привести въ порядокъ мои денежныя дѣла, а такъ какъ нужно же когда-нибудь остепениться, то у меня явилось намѣреніе жениться. Другъ мой, безъ сожалѣнія о прошломъ, безъ боязни за будущее я хочу отдать въ руки судьбы мое существованіе. Вамъ придется признать, что хотя развязка является нѣсколько стремительной, тѣмъ не менѣе романъ обѣщаетъ быть счастливымъ».

Отдавшись дружеской бесѣдѣ, мы совершенно забыли о вре-

мени, и было уже девять часовъ, когда мы пріѣхали въ Кертнеръ-театръ. Исполняли знаменитое «Сотвореніе міра» Гайдна. Залъ былъ освѣщенъ множествомъ восковыхъ свѣчей, и богато задрапированныя ложи были очень красивы.

Многія ложи были предназначены для государей; другія были заняты членами дипломатическаго корпуса.

Партеръ былъ такъ наполненъ парадно разодѣтыми людьми, что его можно было бы назвать партеромъ рыцарей, подобно тому, какъ въ театрѣ, въ Эрфуртѣ, онъ назывался партеромъ принцевъ и королей.

«Когда видишь такое множество орденовъ», сказалъ Теттенборнъ, «то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что всѣ награды— результаты заслугъ».

«Выдающіеся знаки отличія, мой милый генералъ», сказалъ я, «похожи на пирамиды. Ихъ вершинъ могутъ достигнуть лишь два рода существъ: пресмыкающіеся и орлы».

Пер. *М. Барсуковой.*

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Записки судебнаго пристава по охранительной описи имущества о. Іоанна Кронштадтскаго.

Въ 1907 г. я былъ назначенъ судебнымъ приставомъ Петербургскаго Окружного Суда въ г. Кронштадтъ и здѣсь видѣлъ о. Іоанна много разъ и бывалъ у него по дѣламъ службы. Первый визитъ мой къ о. Іоанну былъ въ іюлѣ того же 1907 г. по поводу охранительной описи имущества умершей почитательницы батюшки, Александры Максимовны Лебедевой. Лебедева имѣла въ Саратовѣ большую мануфактурную торговлю, лѣтъ тридцатъ тому назадъ уѣхала въ Кронштадтъ на богомолье и здѣсь, благодаря уговорамъ разныхъ лицъ, ловившихъ въ свои сѣти богатыхъ богомольцевъ, осталась до смерти, продавъ свои магазины въ Саратовѣ и разссорившись со своей семьей, доказывавшей ей, что ее оберутъ и оставятъ нищей.

Какъ передавали мнѣ нѣкоторые старожилы Кронштадта, близко знавшіе Лебедеву, въ томъ числѣ старшій дворникъ о. Іоанна Михей Николаевичъ Николаевъ и предсѣдатель распорядительнаго комитета учрежденнаго о. Іоанномъ дома трудолюбія Павелъ Петровичъ Шауманъ,—Лебедева привезла въ Кронштадтъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, вырученныхъ отъ продажи торговли и имущества и довольно много бриллiантовъ и разныхъ драгоцѣнностей. Немедленно же Лебедева передала о. Іоанну на благотворительныя дѣла крупную сумму, и ей была предоставлена безплатно квартира въ церковномъ домѣ Андреевскаго собора. Квартира эта состояла изъ трехъ комнатъ въ первомъ этажѣ и двухъ въ подвальномъ. Въ этой квартирѣ Лебедева прожила до самой смерти, посѣщая Андреевскій соборъ, навѣщая батюшку и принимая его у себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она продолжала жертвовать крупныя суммы, которыя иногда вручала непосредственно батюшкѣ, но большую часть которыхъ передавала черезъ разныхъ приближенныхъ къ батюшкѣ лицъ,—черезъ псаломщика Ивана Павловича Киселева и другихъ, которые постоянно старались увлекать ее разными разсказами на религіозныя темы,

объ исцѣленіи больныхъ по молитвамъ батюшки и другихъ чудесахъ. Отъ такихъ щедрыхъ пожертвованій, получаемыхъ отъ Лебедевой и другихъ, подобныхъ ей, нѣкоторыя изъ навѣщавшихъ ее, имѣвшихъ доступъ къ о. Іоанну, лицъ разбогатѣли на сотни тысячъ, а Лебедева, роздавъ всѣ деньги и бриллiанты, осталась совершенно безъ средствъ, какъ и предсказывали ей ея родные. Убѣдившись, что средства этой богомолки совершенно изсякли, мнимые друзья ея перестали ее безпокоить и только батюшка изрѣдка навѣщалъ ее. Въ послѣднее время Лебедева настолько обѣднѣла, что не имѣла средствъ даже на необходимую пищу, и батюшка часто присылалъ ей по нѣсколько рублей. Когда она умерла и ее хоронили на средства Андреевскаго попечительства, батюшка находился въ продолжительной отлучкѣ.

Мнѣ пришлось описывать въ охранительномъ порядкѣ имущество ея, котораго было немного, и представляло оно весьма небольшую цѣнность, такъ какъ, въ большинствѣ, состояло изъ вышедшей изъ моды одежды, бѣлья и мебели, при чемъ одежда и бѣлье совершенно истлѣли отъ долговременнаго храненія ихъ въ сундукахъ въ сыромъ подвальномъ помѣщеніи. Между вещами покойной найдены были, бывшіе въ употребленіи при богослуженіяхъ, дароносица и два воздуха, поручи и другія части облаченія священника, а также нѣсколько штукъ шелковыхъ носовыхъ платковъ, бывшихъ въ употребленіи и не вымытыхъ, съ мѣтками о. Іоанна, и двѣ пары его же носковъ, также бывшихъ въ носкѣ и не мытыхъ. Эти вещи, по объясненію Шаумана и старшаго дворника дома трудолюбія Захарова, оставлены о. Іоанномъ у Лебедевой въ разное время, такъ какъ она, при каждомъ посѣщеніи ее батюшкой, просила оставить ей что-нибудь изъ его вещей, къ которымъ она относилась съ благоговѣніемъ, при чемъ носовые платки и носки не позволяла прислугѣ стирать.

Такъ какъ церковные предметы, употреблявшіеся уже при богослуженіяхъ, я не нашелъ возможнымъ подвергать описи, то и рѣшилъ передать ихъ о. Іоанну, какъ настоятелю собора, вмѣстѣ съ носовыми платками и носками. Для этого я и отправился къ батюшкѣ вмѣстѣ съ Шауманомъ и Захаровымъ. Батюшка къ тому времени уже вернулся изъ поѣздки, принялъ меня ласково, поручилъ прислугѣ принять принесенныя вещи и благодарилъ за доставленіе ихъ.

Въ это время хроническая болѣзнь батюшки приняла уже тяжелую форму, но еще не приковала его къ постели и позволяла служить и изрѣдка отлучаться изъ Кронштадта...

Я нахожу сначала необходимымъ перечислить нѣкоторыхъ

изъ тѣхъ лицъ, которыя, такъ или иначе, близко стояли къ батюшкѣ или бывали у него по разнымъ дѣламъ.

Прежде всего остановлюсь на личности прислуги «Жени», первой приближенной отца Іоанна. Это—полуграмотная крестьянка Новгородской губ., дѣвица Евгенія Герасимовна Герасимова, 47 лѣтъ, служившая у батюшки долгое время кухаркой и пользовавшаяся его довѣріемъ до такой степени, что только она одна, во всякое время, имѣла доступъ въ комнаты батюшки, занимаемыя имъ отдѣльно въ общей съ матушкой квартирѣ. Отъ нея зависѣло допустить къ батюшкѣ не только кого-либо изъ постороннихъ, но даже и изъ домашнихъ. Въ комнатахъ батюшки она распоряжалась рѣшительно всѣмъ, а когда онъ отлучался,—ключи отъ комнатъ хранила у себя, и если матушка или ея приживалка имѣли надобность войти въ комнаты, то Женя заявляла, что ключи у батюшки. Прислуга эта получала отъ матушки жалованье по 8-ми руб. въ мѣсяцъ, о томъ же, сколько платилъ ей батюшка, никому неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какіе вообще имѣла она денежные и другіе подарки отъ батюшки и допускаемыхъ ею къ нему посѣтителей. Въ Кронштадтѣ считали Женю очень богатой, и, какъ передавалъ мнѣ старшій дворникъ Михей Николаевъ и другіе, по выѣздѣ ея послѣ смерти батюшки въ Петроградъ сберегательная касса при Кронштадтской таможнѣ перевела на ея имя въ банкъ 28 тысячъ рублей.

Вторымъ изъ приближенныхъ отца Іоанна былъ служащій указателемъ въ кронштадтскомъ порту крестьянинъ Ярославской губ. Василій Абрамовичъ Корневъ, большой пріятель Жени, исполнявшій нѣкоторыя порученія батюшки около 25 лѣтъ, но главной обязанностью его была ежедневная раздача бѣднымъ денегъ, вручавшихся ему батюшкой каждый разъ въ суммѣ 100—200 руб. За полученіемъ денегъ онъ ежедневно являлся къ батюшкѣ и, по выходѣ отъ него, раздавалъ деньги бѣднымъ, собиравшимся къ этому времени въ сосѣдней Андреевской и другихъ, прилегающихъ къ ней, улицахъ. Бѣдные эти преимущественно были женщины, среди которыхъ было много богомолокъ, и размѣръ подаянія часто зависилъ отъ возраста получающей, такъ что получали больше тѣ изъ женщинъ, которыя были помоложе и поблагообразнѣе.

Секретаршей у батюшки была около семи лѣтъ дочь подполк., дѣвица Вѣра Ивановна Перцова, 27 лѣтъ, приходившая для занятій ежедневно и часто сопровождавшая батюшку въ его поѣздкахъ въ Петербургъ, на Валаамъ и въ другія мѣста. Послѣ смерти батюшки Перцова имѣла желаніе пристроиться въ іоанновскомъ монастырѣ, но игуменьей Ангелиной принята не была [1]).

[1]) Говорятъ, что эти лица скопили солидные капиталы.

Въ комнаты батюшки имѣла также доступъ Наталья Ивановна Поваляева, дѣвица среднихъ лѣтъ, бывшая около 10 лѣтъ приживалкой у матушки, Елизаветы Константиновны.

Казначеемъ у отца Іоанна долгое время былъ флотскій офицеръ Костинъ, а по смерти его, обязанности казначея исполнялъ Иванъ Васильевичъ Феделинъ, родной племянникъ батюшки по сестрѣ послѣдняго, Аннѣ Фиделиной. Какъ Костинъ, такъ и Фиделинъ имѣли отъ батюшки довѣренность на полученіе съ почты денегъ и, получая ихъ ежедневно довольно большими суммами, приносили батюшкѣ, который, довѣряя имъ, никогда не провѣрялъ, всѣ ли деньги передаются ему. Вообще никакой отчетности о деньгахъ никогда не велось.

Духовникомъ батюшки былъ о. Іоаннъ Оржановскій, женатый на его племянницѣ.

Кромѣ этихъ лицъ, часто пріѣзжалъ къ батюшкѣ изъ Ораніенбаума извѣстный дѣятель секты іоаннитовъ—архангелъ Михаилъ, какъ его называютъ іоанниты. Это бывшій петербургскій торговецъ Михаилъ Ивановъ Петровъ, давно бросившій свою семью и сдѣлавшійся главнымъ сотрудникомъ дѣвицы Матрены Ивановны Киселевой, прозванной іоаннитами богородицей Порфиріей, умершей лѣтъ 10 тому назадъ. Михаилъ Петровъ привозилъ о. Іоанну деньги, жертвуемыя іоаннитами, и вообще былъ какимъ-то посредникомъ между батюшкой и іоаннитами; благодаря же частому посѣщенію батюшки, пользовался у главарей этой секты большимъ уваженіемъ. Михаилъ Петровъ и Порфирія стояли во главѣ секты іоаннитовъ, но незадолго до кончины батюшки къ этимъ главарямъ стали присоединяться и другія лица и нѣкоторыя изъ нихъ старались работать тайкомъ отъ остальныхъ. Они собирали деньги съ поступавшихъ въ секту лицъ, преимущественно богатыхъ, и деньги эти оставляли у себя, не дѣлясь съ компаньонами. Къ числу такихъ лицъ, какъ мнѣ разсказывали, принадлежали: бывшая кухарка Марѳа Дрыгина, именовавшаяся въ началѣ «мироносицей», а впослѣдствіи «богородицей»; бывшій кучеръ Иванъ Варламовъ, именовавшій себя впослѣдствіи о. Іоанномъ; письмоносецъ, а впослѣдствіи казначей секты, крестьянинъ Иванъ Бычекъ; бывшій послушникъ Михаилъ Голубковъ, называвшій себя архистратигомъ Михаиломъ, и бывшая горничная въ Петербургѣ Екатерина Каргачева, переселившаяся въ Кронштадтъ и открывшая тамъ «мастерскую цвѣтовъ». Въ Кронштадтѣ ее называли «Катькой Бѣлой», а іоанниты именовали ее «богородицей». Катька Бѣлая имѣла въ Кронштадтѣ довольно большую квартиру, устроенную наподобіе странноприимнаго дома, въ который пріѣзжали богомольцы изъ разныхъ

концовъ Россіи. Она бывала у о. Іоанна и даже имѣла фотографическую карточку, на которой снята вмѣстѣ съ батюшкой. Карточка эта впослѣдствіи отобрана отъ Катьки судебными властями. Главнымъ руководителемъ этой группы былъ недавно умершій старикъ Назарій Дмитріевъ, вокругъ котораго начала образовываться секта іоаннитовъ-хлыстовъ.

Еще пріѣзжали иногда къ батюшкѣ епископъ Владиміръ, графиня Софія Сергѣевна Игнатьева и игуменья Іоанновскаго монастыря Ангелина. Покойный мужъ игумены Ангелины былъ въ Петербургѣ ремесленникомъ. Она овдовѣла лѣтъ 20 тому назадъ и, по совѣту о. Іоанна, поселилась въ качествѣ послушницы въ Сурскомъ подворьѣ, которымъ въ то время завѣдывала монахиня Порфирія, нынѣ игуменія Сурскаго монастыря. Въ Сурскомъ подворьѣ монахиня Ангелина находилась до постройки о. Іоанномъ іоанновскаго монастыря, въ который и была назначена игуменьей. Игуменья Ангелина, въ мірѣ Анна, довольно представительная, еще не старая особа, отъ природы весьма разумная, самостоятельная, энергичная и предпріимчивая. Говорятъ, что она изъ привелигированнаго сословія и воспитывалась въ гимназіи, но хорошо знающій ее Михей Николаевъ и другіе утверждаютъ, что она не получила никакого образованія, а приличныя манеры и нѣкоторую полировку пріобрѣла, благодаря частому соприкосновенію съ интеллигентными лицами, будучи довольно богата, такъ какъ мужъ ея, имѣвшій заведеніе для уничтоженія таракановъ, зарабатывалъ довольно крупныя деньги.

Изъ церковнаго причта кронштадтскаго Андреевскаго собора ближе всѣхъ къ батюшкѣ былъ псаломщикъ Иванъ Павловичъ Киселевъ; къ соборнымъ священникамъ Александру Попову, Павлу Виноградскому и діакону Димитрію Каменоградскому батюшка не былъ особенно расположенъ. Псаломщикъ же Киселевъ умѣлъ угождать батюшкѣ и очень скоро достигъ того, что безъ него батюшка не исполнялъ ни одной требы, не дѣлалъ ни одной поѣздки по приглашеніямъ своихъ почитателей. Киселевъ изъ крестьянъ Тверской губ. и состоялъ при батюшкѣ лѣтъ 25. До этого онъ служилъ въ Царскомъ Селѣ въ трактирѣ половымъ, такъ называемымъ «шестеркой», затѣмъ поселился въ Кронштадтѣ, поступилъ пѣвчимъ въ Андреевскій церковный хоръ и, понравившись отцу Іоанну, былъ назначенъ псаломщикомъ. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда о. Іоаннъ сталъ извѣстенъ всей Россіи, и къ нему начали пріѣзжать многочисленные почитатели его, стали поступать большія суммы, доходившія ежедневно до нѣсколькихъ тысячъ рублей, и съ этого же времени отца Іоанна стали

приглашать для молитвы не только въ Кронштадтѣ, но и въ другіе города. Киселевъ сопровождалъ батюшку и въ Ливадію во время болѣзни, какъ мнѣ передавали, императора Александра III. Отъ приглашавшихъ для молитвы лицъ Киселевъ получалъ особую, часто довольно крупную, плату, и впослѣдствіи установился такой порядокъ, что для того, чтобы пригласить батюшку въ домъ отслужить молебенъ, необходимо было предварительно заручиться согласіемъ Киселева. Облегченіе къ этому Киселевъ находилъ въ томъ, что въ квартиру батюшки никто безъ особой протекціи не допускался и за исполненіемъ этого строго слѣдили всѣ, начиная съ дворниковъ и кончая приживалкой матушки, а въ особенности прислугой Женей. Нѣкоторыя, очень цѣнныя, подношенія о. Іоанну также проходили черезъ руки псаломщика Киселева, передававшаго ихъ батюшкѣ. Вскорѣ послѣ смерти батюшки Киселевъ купилъ въ Кронштадтѣ на Песочной улицѣ домъ, заплативъ за него около 200 тысячъ рублей, все же его состояніе, какъ утверждаютъ его знакомые, составляетъ около полумилліона рублей.

Я много разъ встрѣчался съ Киселевымъ по разнымъ дѣламъ. Это весьма энергичный, предпріимчивый и ловкій человѣкъ и, благодаря этимъ качествамъ, хотя онъ и не получилъ не только спеціальнаго богословскаго, но и вообще никакого образованія, тѣмъ не менѣе успѣлъ сдѣлать карьеру, какую едва ли когда-либо дѣлалъ кто изъ половыхъ-шестерокъ. Вскорѣ послѣ смерти о. Іоанна псаломщикъ Киселевъ былъ рукоположенъ въ діакона, а черезъ три дня во священника, опередивъ такимъ образомъ діакона Димитрія Каменоградскаго, прослужившаго діакономъ 13 лѣтъ и рукоположеннаго во священника уже послѣ Киселева. Священникъ Киселевъ былъ назначенъ въ Архангельскую губ., затѣмъ вскорѣ оставилъ мѣсто служенія и поселился въ Петербургѣ.

Старшій дворникъ церковнаго дома Михей Николаевичъ Николаевъ прослужилъ въ этой должности при отцѣ Іоаннѣ болѣе 20 лѣтъ. Мнѣ много разъ приходилось говорить съ нимъ по разнымъ дѣламъ, и онъ почти безотлучно находился при описи мною имущества батюшки. Это весьма разумный отъ природы человѣкъ, довольно грамотный, прямой, безкорыстный и въ высшей степени наблюдательный, вслѣдствіе чего отъ глазъ его не укрылось ничего изъ происходящаго въ церковномъ дворѣ, и ему были извѣстны всѣ плутни нѣкоторыхъ приближенныхъ о. Іоанна. Батюшка любилъ его и постоянно давалъ ему разныя мелкія порученія, а потому Николаевъ по нѣсколько разъ въ день бывалъ въ комнатахъ батюшки. Зато не любили его соборные священники

и діаконы, въ особенности же ключарь о. Александръ Поповъ, и вскорѣ послѣ смерти батюшки, по требованію новаго настоятеля собора, того же Александра Попова, Николаевъ долженъ былъ оставить службу, не скопивъ, какъ всѣ остальные, никакого капитала. Вотъ и всѣ лица, о которыхъ я счелъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ виду того, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ придется не разъ упоминать въ моихъ запискахъ.

Къ концу 1908 г. болѣзнь о. Іоанна приняла уже настолько тяжелую форму, что онъ рѣдко служилъ въ соборѣ и большую часть времени проводилъ въ постели. 19 декабря 1908 г. батюшкѣ сдѣлалось особенно худо. Въ этотъ день докторъ Суховъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ, констатировалъ весьма тяжелое положеніе больного и, приказавъ не безпокоить его, уѣхалъ. Несмотря на такое распоряженіе Сухова, приближенные о. Іоанна почему-то нашли нужнымъ повезти больного кататься. Изъ родныхъ больного въ этотъ моментъ въ домѣ никого не было, исключая матушки, которая въ этомъ совѣщаніи участія не принимала, какъ не принимала таковаго ни въ чемъ по причинамъ болѣзненнаго состоянія, вызваннаго дряхлостью. День былъ морозный, вѣтреный. Ѣздили на колесахъ, такъ какъ снѣгу не было. Во второмъ часу дня больного одѣли и вынесли изъ дома на рукахъ: Михаилъ Петровъ (архангелъ Михаилъ), Женя, почитательница архангела, богомолка Наталья и дворникъ Михей Николаевъ усадили въ коляску извозчика Павла, постоянно возившаго батюшку, и одного отпустили кататься. Батюшка все время стоналъ и почти не сознавалъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Былъ настолько боленъ и безсиленъ, что сидѣлъ въ коляскѣ въ полулежачемъ положеніи. Извозчикъ Павелъ, по своему усмотрѣнію, возилъ больного за городъ версты за три, а затѣмъ по городу. Это катанье продолжалось болѣе часу, и Павелъ привезъ батюшку домой сильно озябшаго и простуженнаго. Такъ какъ Павелъ сидѣлъ на козлахъ, а больной въ коляскѣ одинъ, и некому было запахивать его шубу, поминутно раскрываемую вѣтромъ, то, понятно, вѣтромъ его сильно продувало во все время катанья. Было около трехъ часовъ пополудни, когда дворникъ Николаевъ съ другими снялъ батюшку съ коляски и перенесъ въ домъ, при чемъ батюшка стоналъ, но совершенно не могъ говорить и, повидимому, былъ безъ сознанія. Позвали доктора Сухова, который сталъ порицать дѣйствія лицъ, придумавшихъ такое странное катанье, но больному не могъ уже помочь. Вскорѣ пріѣхала игуменья Ангелина и привезла Петербургскаго нотаріуса Г.... для совершенія духовнаго завѣщанія. Были приглашены священники Александръ Поповъ, Павелъ Виноградскій и другія лица, въ присутствіи которыхъ и составлено было завѣщаніе.

Я не присутствовалъ при составленіи духовнаго завѣщанія и потому не могу утверждать, такъ ли все происходило, какъ передавали мнѣ нѣкоторыя изъ находившихся при этомъ лицъ, а также лица, до которыхъ дошли эти слухи. Я не знаю сущности показаній этихъ лицъ у судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, производившаго слѣдствіе о подложномъ совершеніи этого завѣщанія, но когда слѣдствіе было уже прекращено, то мнѣ не разъ приходилось, при разныхъ встрѣчахъ, говорить на эту тему съ нѣкоторыми свидѣтелями происходившаго тогда, и въ частной бесѣдѣ съ лицомъ постороннимъ они уже не стѣснялись разсказывать все такъ, какъ происходило въ дѣйствительности, руководствуясь тѣми соображеніями, что слѣдствіе уже прекращено. Говорили же объ этомъ: приставъ Аксеновъ, Николай Николаевичъ Шемякинъ, женатый на родной племянницѣ батюшки Руфинѣ Григорьевнѣ Цвѣтковой, протоіерей Александръ Поповъ, діаконъ Димитрій Каменоградскій, псаломщикъ Киселевъ, регентъ Андреевскаго Собора Космадель, дворникъ Николаевъ, кронштадтскій нотаріусъ Павловъ, Павелъ Петровичъ Шауманъ, дворникъ дома трудолюбія Захаровъ и другія лица. Подобные разсказы названныхъ лицъ сводятся къ слѣдующему: предъ составленіемъ проекта, какъ нотаріусъ, такъ и игуменья Ангелина предлагали больному вопросы о томъ, кому и какое имущество онъ желаетъ завѣщать. Если принять во вниманіе, что батюшка давно уже страдалъ довольно сильной глухотой и, разговаривая съ нимъ, необходимо было кричать ему въ самое ухо; что за нѣсколько времени до этого онъ почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе; что въ это время онъ былъ настолько боленъ, что не могъ ни пошевельнуться, ни промолвить ни слова и, вѣроятнѣе всего былъ въ безсознательномъ состояніи, а также и то, что онъ скончался на другой день утромъ, то есть черезъ 10 часовъ послѣ совершенія завѣщанія,—то станетъ ясно, что батюшка не слышалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ и вообще не понималъ всего, происходившаго, а потому и не могъ отвѣтить ни одного слова на предложенные вопросы. А между тѣмъ законъ требуетъ, чтобы завѣщатель, въ моментъ совершенія такого акта, былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти; чтобы на словахъ или письменно, при свидѣтеляхъ, изложилъ нотаріусу послѣднюю свою волю; чтобы нотаріусъ, составивъ со словъ завѣщателя проектъ, прочиталъ его завѣщателю, который долженъ одобрить этотъ проектъ; чтобы проектъ былъ внесенъ въ актовую книгу, изъ которой вновь долженъ быть прочитанъ завѣщателю и подписанъ имъ, а при невозможности сего—тѣмъ лицомъ, которое будетъ уполномочено на это завѣщателемъ тутъ же, при свидѣтеляхъ,

словесной, совершенно ясной просьбой. Но если разсказы указанныхъ выше лицъ вѣрны, то эти требованія закона не были соблюдены. Да и невозможно было соблюсти ихъ въ виду такого состоянія завѣщателя, а слѣдовательно и самаго завѣщанія совершить было невозможно.

Далѣе, будто бы, происходило слѣдующее: игуменья Ангелина предлагала вопросы въ такой формѣ, что больной желаетъ завѣщать все безъ исключенія имущество и капиталы въ пользу Іоанновскаго монастыря, а затѣмъ, обращаясь къ присутствующимъ, указывала имъ, что будто бы больной въ знакъ согласія на такое завѣщаніе утвердительно киваетъ головой. Хотя присутствующіе, и въ особенности о. Александръ Поповъ, не соглашались съ такимъ мнѣніемъ игуменьи, утверждая, что батюшка не только не дѣлаетъ никакихъ утвердительныхъ знаковъ, но даже находится безъ сознанія, тѣмъ не менѣе нотаріусъ нашелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ игуменьи и убѣдился въ томъ, что завѣщатель находится въ здравомъ умѣ и твердой памяти и по своей волѣ все имущество завѣщаетъ монастырю.

Само собою разумѣется, что, по изготовленіи проекта завѣщанія и по прочтеніи его, опять была разыграна та же комедія объ одобрительномъ киваніи головой и прочее. То же самое, конечно, продѣлалось и по вторичному прочтенію завѣщанія по внесеніи его въ актовую книгу. Но самое трудное дѣло заключалось въ томъ, чтобы о. Іоаннъ подписалъ завѣщаніе или уполномочилъ на это другое лицо. Однако какъ игуменья, такъ и нотаріусъ сумѣли выйти и изъ этого, весьма затруднительнаго, положенія. По словамъ разсказчиковъ, лежащему о. Іоанну была поднесена крѣпостная книга, которую поддерживалъ нотаріусъ, игуменья же обмакнула въ чернила перо, вложила его въ руку умирающаго и приложила къ акту руку батюшки съ перомъ, а затѣмъ отняла свою руку. Тотчасъ рука батюшки соскользнула съ книги на одѣяло, а перо оставило на актѣ чернильное пятно. Тогда игуменья Ангелина заявила, что батюшка очень слабъ и не можетъ учинить подпись, а нотаріусъ объяснилъ, что по просьбѣ батюшки можетъ расписаться кто-либо изъ присутствующихъ. Находившаяся тутъ же Вѣра Перцова сама вызвалась расписаться за батюшку и даже настаивала на этомъ на томъ основаніи, что она, какъ секретарша батюшки, имѣетъ на это право. Тутъ опять было признано, что батюшка изъявляетъ на это согласіе кивкомъ головы, и Перцова расписалась за батюшку. Такимъ образомъ при подписаніи завѣщанія получился дефектъ, запрещаемый 1036 ст. I ч. X т. и 113 ст. Полож. о Нотар. части.

По составленному такимъ образомъ завѣщанію все безъ исклю-

ченія имущество и капиталы батюшки завѣщались Іоанновскому монастырю, а душеприказчицей назначалась игуменья Ангелина. Безпомощной же дряхлой вдовѣ Елизаветѣ Константиновнѣ не завѣщалось ровно ничего.

Послѣ такого окончанія этого важнаго для монастыря дѣла, всѣ собрались уходить и нѣкоторые ушли, но игуменьѣ не хотѣлось уѣзжать съ пустыми руками, тѣмъ болѣе, что она знала о нахожденіи въ квартирѣ больного большого капитала.

Не помню уже, кто присутствовалъ при выемкѣ, но дѣло происходило такъ: староста Андреевскаго собора Яковъ Калинычъ Марковъ, и игуменья Ангелина открыли несгораемый сундукъ, вынули оттуда всѣ хранившіяся 53 тысячи рублей, сосчитали ихъ, и игуменья взяла ихъ къ себѣ послѣ того, какъ батюшка заявилъ, что жертвуетъ эти деньги монастырю. Никакой расписки въ полученіи этихъ денегъ игуменья или кто другой не дали; по крайней мѣрѣ, при описи я таковой между бумагами не нашелъ. Но на письменномъ столѣ, на клочкѣ бумагѣ я нашелъ слѣдующую записку карандашомъ, написанную рукой старосты Маркова: «батюшка, здесь дѣнегъ 53 тыс. руб.».

Больше уже нечего было дѣлать, и всѣ разъѣхались. Такъ какъ батюшкѣ съ каждымъ часомъ становилось хуже, то позвали доктора Сухова и затѣмъ нѣкоторые изъ приближенныхъ и родныхъ, видя что больной умираетъ, остались въ комнатѣ батюшки и не уходили до самой его кончины, при которой было и духовенство.

Въ семь часовъ сорокъ минутъ утра 20 декабря о. Іоаннъ почилъ. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла весь Кронштадтъ и дошла до Петербурга. По распоряженію полиціи, сдѣланному наканунѣ, дворникъ Николаевъ по телефону тотчасъ извѣстилъ о кончинѣ батюшки пристава Аксенова, который немедленно прибылъ съ околоточнымъ надзирателемъ и городовыми и, какъ только вынесли покойника въ залу, запечаталъ комнаты на половинѣ умершаго. Приставъ распорядился не впускать во дворъ публику, собравшуюся въ большомъ количествѣ у дома и запрудившую Андреевскую улицу. Пріѣхалъ изъ Петербурга епископъ Кириллъ и отслужилъ панихиду. Полиція сейчасъ же сообщила уѣздному члену окружного суда по г. Кронштадту Манцевичу о кончинѣ о. Іоанна для распоряженій объ охранѣ имущества.

Было около 9-ти часовъ утра, когда разсыльный принесъ мнѣ отъ уѣзднаго члена исполнительный листъ съ надписью «экстренно». Черезъ полчаса я уже былъ въ церковномъ домѣ, получилъ отъ полицейскаго пристава свѣдѣнія, что имъ уже приняты предварительныя мѣры къ охраненію имущества и, осмот-

рѣвъ полицейскую печать на дверяхъ квартиры, запечаталъ послѣднюю и своей печатью. Такъ какъ у тѣла батюшки непрерывно служились панихиды, былъ большой съѣздъ духовенства и высокопоставленныхъ лицъ и полиціи было много хлопотъ, то я условился съ приставомъ въ этотъ день къ описи не приступать, а начать ее на другой день 21 декабря, послѣ выноса покойника въ соборъ.

Часа черезъ два я получилъ телеграмму игуменьи Ангелины, въ которой она просила описать все имущество умершаго и подписалась душеприказчицей.

На другой день, 21 декабря, съ утра состоялся выносъ тѣла батюшки въ соборъ, а въ 11 часовъ 25 минутъ я прибылъ въ квартиру покойнаго съ приставомъ Аксеновымъ, дворниками Николаевымъ и Ларіоновымъ и приглашенными мною протоіереемъ Александромъ Поповымъ, священникомъ Павломъ Виноградскимъ и діаконами Каменоградскимъ и Антоновымъ; сюда же прибыли Н. Н. Шемякинъ и Фиделинъ со своимъ сыномъ. Осмотрѣвъ цѣлость печатей на дверяхъ квартиры и составивъ объ этомъ актъ, всѣ мы вошли въ комнаты батюшки. Впослѣдствіи, каждый разъ, при входѣ моемъ съ приставомъ и понятыми въ комнаты, дѣлался осмотръ печатей, прикладываемыхъ мною и приставомъ къ дверямъ, и объ этомъ, за подписью присутствовавшихъ, заносилось въ журналъ, который обязательно ведется судебнымъ приставомъ по каждому дѣлу. Кромѣ того, дверь запиралась на замокъ, и ключъ бралъ съ собой приставъ Аксеновъ.

Здѣсь я долженъ остановиться на описаніи расположенія квартиры покойнаго. Церковный домъ, въ которомъ онъ жилъ, находится во дворѣ и состоитъ изъ двухъ этажей. Одну половину второго этажа занималъ протоіерей Александръ Поповъ, а другую о. Іоаннъ. Въ первомъ этажѣ помѣщался псаломщикъ Киселевъ и еще кто-то изъ причта. Въ квартиру батюшки было два входа— парадный и черезъ кухню, но къ обоимъ имъ вела общая лѣстница. Когда батюшка ожидалъ высокопоставленныхъ гостей, то приготовлялась и открывалась парадная дверь, а въ остальныхъ случаяхъ всѣ входили черезъ кухню, гдѣ стояла вѣшалка и гдѣ неизмѣнно находилась Женя. Во все остальное время парадная дверь была наглухо заколочена и заперта на задвижку, а очень маленькая прихожая всегда была завалена всякимъ домашнимъ хламомъ, нагруженнымъ въ безпорядкѣ. Затѣмъ слѣдовала небольшая гардеробная, въ которой стояли шкафы съ одеждой и книгами, комодъ и нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ, сапогами, вареньемъ, чаемъ, виномъ и прочее. Всего этого было довольно много. Кромѣ того, тутъ же валялись въ разныхъ мѣстахъ старыя ломаныя картины, газеты и другой совершенно ненужный хламъ.

За этой комнатой была также небольшая комната, вмѣстѣ и спальная, и кабинетъ. У одной стѣны стоялъ большой кіотъ, наполненный образами, въ числѣ которыхъ были очень цѣнные—въ дорогихъ ризахъ, съ бриллiантами и другими драгоцѣнными камнями. Рядомъ съ кіотомъ, въ углу, помѣщено также много иконъ и тутъ же, на подоконникѣ и на полу подъ иконами, множество бутылочекъ съ масломъ и св. водой, мелкіе образки и крестики, изъ коихъ многіе со святыми мощами, а также ладанъ, издѣлія изъ кипариса и прочее. Тутъ же стоялъ письменный столъ, на которомъ всегда былъ полный безпорядокъ; далѣе—большая металлическая кровать съ подушками, двумя матрацами и одѣяломъ: все это на гагачьемъ пуху и изъ самой дорогой шелковой матеріи разныхъ яркихъ цвѣтовъ. Далѣе комодъ, шкафы съ книгами, большіе сундуки и столы съ наваленными на нихъ въ большомъ количествѣ и безпорядкѣ всевозможными предметами, начиная съ золотыхъ наперсныхъ крестовъ, церковной утвари, ризъ, евангелій и кончая бѣльемъ, чаемъ, грибами, вязигой и прочее, при чемъ послѣдняя категорія предметовъ сложена въ перемѣшку съ первой, отчего получался невообразимый хаосъ. Въ этой же комнатѣ стоялъ большой несгораемый сундукъ, два кресла, этажерки, стулья и прочее, а на стѣнѣ висѣлъ большой портретъ отца Іоанна. На окнахъ прикрѣплены шелковыя портьеры. На письменномъ столѣ обыкновенный чернильный приборъ и въ рамкахъ фотографическіе портреты. Наконецъ, третья и послѣдняя изъ занимаемыхъ батюшкой комнатъ—нѣчто въ родѣ маленькой гостиной съ самой скромной обстановкой. Изъ этой комнаты выходъ въ общую съ половиной матушки столовую, а изъ послѣдней въ кухню, черезъ которую обыкновенно и ходили всѣ. Такимъ образомъ, если войти въ столовую черезъ кухню, то комнаты батюшки будутъ влѣво, а вправо—большой залъ и комнаты матушки, въ которыхъ я не бывалъ. Въ столовой и залѣ самая обыкновенная, недорогая обстановка, если не считать двухъ большихъ, очень цѣнныхъ трюмо.

Итакъ, начавъ опись 21 декабря 1908 г., я съ большимъ трудомъ закончилъ ее лишь черезъ мѣсяцъ, а именно 23 января 1909 г. въ 11 часовъ вечера. При этомъ были небольшіе промежутки для исполненія другихъ дѣлъ по кронштадтскому участку.

21 декабря сдѣлано немного: были собраны и сосчитаны оставшіеся въ квартирѣ деньги—13 тысячъ двѣнадцать рублей, одна облигація въ сто рублей и серія Государственнаго Казначейства въ 50 рублей,—и разсмотрѣны всѣ бумаги на письменномъ столѣ и въ его ящикахъ, при чемъ были найдены: старое домашнее духовное завѣщаніе, которымъ батюшка завѣщалъ Сурскому мона-

стырю нѣкоторыя книги и старые номера «Московскихъ Вѣдомостей», совершенно не распорядившись остальнымъ своимъ имуществомъ и капиталами, и расписка игуменьи Ангелины отъ 1908 г. въ принятіи отъ о. Іоанна 10 тысячъ рублей для выдачи матушкѣ послѣ его смерти.

Читатель, можетъ быть, будетъ удивленъ, какимъ образомъ уцѣлѣли такія крупныя деньги, если принять во вниманіе, что игуменья Ангелина, безъ сомнѣнія, имѣла намѣреніе предложить батюшкѣ пожертвовать монастырю весь имѣющійся въ квартирѣ капиталъ и что въ желѣзномъ сундукѣ не осталось ни одной копейки. А уцѣлѣли онѣ потому, что были буквально разбросаны на письменномъ столѣ подъ разными письмами, конвертами, и почтовой бумагой; заключались же онѣ въ кредитныхъ билетахъ, между которыми было много 100 и 500 рублеваго достоинства. Къ этому столу, наканунѣ смерти батюшки, никто не подходилъ и бумагъ на немъ не трогалъ, нотаріусъ же занимался на другомъ столѣ, и эти случайныя обстоятельства послужили къ необнаруженію этихъ денегъ. Да и трудно было предполагать, чтобы, кромѣ 53 тысячъ, хранившихся въ сундукѣ, были еще гдѣ-нибудь деньги, тѣмъ болѣе—такія крупныя, и еще болѣе казалось бы невѣроятнымъ предположеніе, что такая сумма валяется между бумагами на столѣ, оставлена безъ всякаго вниманія, не сосчитана и не спрятана въ сундукъ. Изъ этого можно составить себѣ представленіе, до какой степени не цѣнились въ этомъ домѣ деньги и какъ небрежно съ ними обращались, точно онѣ доставались батюшкѣ даромъ или сыпались фортуной изъ рога изобилія. Самое собираніе денегъ дѣлалось нами всѣми, обступившими этотъ волшебный столъ и складывавшими на немъ кредитки въ одну общую пачку, послѣ чего онѣ тщательно сосчитаны всѣми нами и внесены въ опись. Вообще во все время описи всѣ мы были настолько осторожны и такъ боялись могущихъ быть въ такихъ случаяхъ компрометирующихъ слуховъ, что всегда дѣйствовали всѣ вмѣстѣ, поодиночкѣ не выходили въ другія комнаты и, когда кому изъ насъ была надобность достать изъ кармана носовой платокъ, то прежде, чѣмъ опустить руку въ карманъ,—мы показывали остальнымъ свои руки. Однако такая осторожность не помѣшала мнѣ по этому дѣлу угодить подъ судъ, о чемъ будетъ разсказано ниже. Кромѣ этихъ 13 тысячъ найдены были деньги и въ письменномъ столѣ, изъ котораго мы вынимали поочередно всѣ ящики, разстилали на полу газету и вытряхивали на нее все содержимое въ ящикѣ. При этой операціи изъ ящиковъ сыпались золотыя и серебряныя монеты, уральскіе камни, казавшіеся на первый взглядъ брилліантами, перья, спички, пуговицы и разный

мусоръ. Въ одномъ ящикѣ было много писемъ въ распечатанныхъ конвертахъ, полученныхъ батюшкой много лѣтъ тому назадъ, какъ это указывалъ почтовый штампъ, а во многихъ изъ конвертовъ лежали полинявшія отъ времени кредитки разнаго достоинства, но не болѣе десятирублеваго. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, съ объясненіями безвыходнаго положенія, болѣзни и проч., заключали въ себѣ просьбу помочь просителямъ матеріально; большинство же ихъ, съ присланными деньгами, были просьбы помолиться о больныхъ, постигнутыхъ несчастьемъ и т. д. Не знаю, извлекались ли эти письма изъ ящиковъ для молитвъ, или они спрятаны тамъ уже послѣ исполненія заключавшихся въ нихъ просьбъ, но, судя по тому, что изъ нихъ не вынуты такія маленькія, не представлявшія при такомъ богатствѣ интереса деньги,—едва ли будетъ ошибочнымъ предположеніе, что письма эти были забыты. Этимъ и закончилась поздно вечеромъ 21 декабря наша работа.

На другой день, 22 декабря, утромъ явился ко мнѣ на квартиру присяжный повѣренный К. А. Хоецкій, пріѣхавшій съ довѣренностью душеприказчицы Ангелины и, представивъ для пріобщенія къ дѣлу копію довѣренности, просилъ совершать дальнѣйшія мои дѣйствія въ его присутствіи. Въ этотъ день я занялся описью золотыхъ и серебряныхъ вещей и драгоцѣнныхъ камней, но отвести для нихъ особый отдѣлъ въ описи оказалось невозможнымъ по причинѣ ужаснаго безпорядка, въ которомъ, находились вещи. Такъ, напримѣръ: приступилъ я къ описи вещей, наваленныхъ сверху на огромномъ сундукѣ. Чего только тутъ не было. Снимаешь съ сундука дорогой подрясникъ или рясу, а подъ ней лежатъ евангелія; подъ ними оказывается цѣлый транспортъ бѣлья; далѣе, подъ бѣльемъ, обрѣтается нѣсколько связокъ грибовъ, въ перемѣшку съ пачками почтовой бумаги, коробками перьевъ, спичекъ; затѣмъ вдругъ обнаруживается риза, подъ которой лежатъ книги, серебряные подносы или блюда, потомъ появляется нѣсколько паръ шелковыхъ брюкъ на пуху, подъ ними связки вязиги, опять грибы, золотые наперсные кресты, еще евангелія, потомъ опять бѣлье, одежда, серебряная церковная утварь и прочее, и проч. Трудно описать картину царившаго въ комнатахъ безпорядка. Его надо было видѣть. Сначала мы заподозрѣли, что кто-нибудь здѣсь хозяйничалъ, хотя и не было никакихъ признаковъ расхищенія, такъ какъ золотыхъ вещей вездѣ было много, но потомъ спросили объ этомъ старшаго дворника Николаева, который, характерно махнувъ рукой, объяснилъ, что здѣсь всегда было такъ, потому что очень часто приносились сюда всевозможныя вещи, которыя клали, куда попало, и потомъ уже не трогали ихъ съ мѣста, такъ что батюшка никогда не зналъ,

что у него есть и, если бы не надо было проходить черезъ кухню мимо Жени, то можно было бы таскать изъ комнатъ что угодно. По словамъ Николаева, въ комнатахъ изрѣдка мыли полъ, вещей же никогда не приводили въ порядокъ, какъ не трогали ничего и на письменномъ столѣ, на которомъ поэтому и валялись въ разныхъ мѣстахъ деньги, лишь изрѣдка обнаруживаемыя, и тогда онѣ прятались въ сундукъ. Женя же хотя и вертѣлась въ комнатахъ по нѣсколько разъ въ день, но къ водворенію какого-либо порядка не приступала. Особой прислуги для этого не было, и никто этимъ не интересовался. Николаевъ разсказалъ, что если батюшкѣ нужна была почтовая бумага, конверты или перья, то онъ никогда не приказывалъ искать ихъ гдѣ-нибудь въ комнатахъ, а всегда требовалъ пойти немедленно въ магазинъ и купить эти предметы и, взявъ листъ бумаги, конвертъ и перо, остальное бросалъ гдѣ-нибудь, а сверху, впослѣдствіи, наваливались другіе предметы и т. д. Этимъ и объясняется большое количество однородныхъ предметовъ въ разныхъ мѣстахъ. Точно такъ же разбросаны въ разныхъ мѣстахъ варенье въ банкахъ, чай и вино. Въ чаѣ и винѣ недостатка не было. Большая часть чаю была изъ дорогихъ сортовъ, по 10 рублей фунтъ, въ изящныхъ фунтовыхъ коробкахъ, дорогого же вина была почти половина,—мадера по 8 рублей бутылка, портвейнъ, хересъ, марсала и нѣсколько бутылокъ шампанскаго высшей марки. Остальное вино было ромъ и кагоръ. Очень много было начатыхъ бутылокъ, и такъ какъ дешевое вино подвергается скорой порчѣ, то оно и выдано было матушкѣ черезъ ея приживалку, или вѣрнѣе сидѣлку, Поваляеву, родственника ея Шемякина и дворника Николаева. Кромѣ того, выдано ей много начатыхъ коробокъ чаю, банокъ варенья и постельнаго и столоваго бѣлья.

Все имущество оцѣнено было крайне дешево, такъ какъ золото и серебро цѣнились оцѣнщиками на ломъ, а одежда, бѣлье и прочее,—какъ вещи держаныя, хотя онѣ были почти новыя и дорогія.

Всего, вмѣстѣ съ наличными деньгами, въ опись внесено имущества по оцѣнкѣ на сумму 44, 367 р. 30 к., но все описанное имущество, если его оцѣнить по дѣйствительной стоимости, представляетъ собой цѣнность не менѣе 200,000 р., не включая въ эту сумму 53,000 р., взятыхъ игуменьей Ангелиной въ монастырь.

Когда найдена была на столѣ замѣтка церковнаго старосты Маркова, изъ которой я усмотрѣлъ, что въ квартирѣ умершаго были 53,000 р. и мною не найдены, то я потребовалъ отъ Маркова объясненія исчезновенія этой суммы и представленія ее мнѣ, но

получилъ отъ него объясненіе, что деньги эти пожертвованы батюшкой наканунѣ смерти монастырю, и ихъ увезла игуменья, при чемъ, такъ какъ больной совершенно оглохъ, то онъ, Марковъ, послѣ подсчета денегъ, написалъ эту замѣтку и поднесъ ее къ глазамъ больного.

Впослѣдствіи оказалось, что эти деньги записаны на приходъ въ монастырскія книги, но когда именно онѣ записаны, т.-е. до сообщенія Марковымъ игуменьѣ о моемъ требованіи представить эту сумму или послѣ такого сообщенія,—мнѣ неизвѣстно. Такимъ образомъ, остался открытымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли батюшка вполнѣ сознательно, по своей волѣ пожертвовалъ эти деньги, или же онѣ взяты игуменьей произвольно, а батюшка согласія на это не давалъ, выразить это согласіе не могъ по болѣзни, обращенныхъ къ нему словъ не слышалъ по глухотѣ и не видѣлъ или не понималъ значенія поднесенной къ его глазамъ замѣтки, изъ которой даже не видно, что хотятъ сдѣлать съ деньгами, а лишь обозначаютъ сумму.

Тѣмъ не менѣе 53,000 р. остались въ монастырѣ, а описанное имущество должно было поступить въ монастырь же по духовному завѣщанію.

Какъ я уже упоминалъ выше, въ комнатахъ о. Іоанна было много разныхъ старыхъ картинъ и багетныхъ рамъ. Въ числѣ этого хлама мы нашли во время описи старую картину, нѣчто въ родѣ иконы, размѣромъ немного болѣе аршина длины и соотвѣтствующей ширины. Картина эта нарисована на бѣломъ, потемнѣвшемъ отъ времени картонѣ, самыми дешевыми водяными красками и вставлена въ простую раму. На ней изображено ложе, а на немъ лежащій мальчикъ, въ головахъ и въ ногахъ по одному ангелу, а посреди ангеловъ, передъ ложемъ, изображенъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Подъ картиной подпись: «Исцѣленіе о. Іоанномъ болящаго малолѣтняго сына Внукова». Картину эту я не нашелъ возможнымъ внести въ опись, какъ не имѣющую никакой цѣнности, а также и потому, что мнѣ, приставу Аксенову и кому-то изъ духовныхъ лицъ собора такая группа представлялась кощунственной, а потому она была брошена въ число другихъ попорченныхъ картинъ. Полагаю, что впослѣдствіи эта картина была передана въ монастырь вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ и вѣроятно не уничтожена, такъ какъ всякой, даже ненужной, вещи изъ найденнаго въ квартирѣ батюшки придавалось большое значеніе. Михей Николаевъ и еще кто-то изъ понятыхъ объяснили, что однажды пріѣхалъ къ батюшкѣ изъ Ораніенбаума именовавшійся архангеломъ Михаиломъ, Михаилъ Петровъ вмѣстѣ съ другими іоаннитами и поднесъ ба-

тюшкѣ эту картину, нарисованную по поводу молитвы о. Іоанна надъ больнымъ мальчикомъ Внуковымъ, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ того умеръ. Въ то время мнѣ не удалось разслѣдовать подробностей о Внуковѣ, но въ настоящее время я имѣю о немъ вѣрныя свѣдѣнія. Это юноша Іоаннъ Матвѣевичъ Внуковъ, проживавшій въ Сибири недалеко отъ Красноярска и страдавшій тяжелой болѣзнью. Какъ-то разъ онъ встрѣтилъ священника С., ѣхавшаго въ Кронштадтъ, и просилъ его испросить у о. Іоанна благословеніе пріѣхать на жительство въ Кронштадтъ, получилъ это благословеніе въ 1898 г. и исполнилъ свое желаніе. Въ Кронштадтѣ къ нему часто приходили богомольцы, вмѣстѣ съ нимъ читали религіозныя книги и распѣвали церковныя пѣснопѣнія. Юноша Внуковъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Ивана болящаго», или «Іоанна многоболѣзненнаго», и умеръ 4 марта 1901 года. Кронштадтскіе богомольцы иногда распѣваютъ стихи, кѣмъ-то сочиненные въ память Внукова.

Само собой разумѣется, что родственники батюшки были недовольны такимъ исходомъ дѣла и не хотѣли лишиться такого богатства, считая духовное завѣщаніе незаконнымъ, а матушка ко всему относилась индиферентно, такъ какъ не понимала ничего происходившаго, а лишь знала, что о. Іоаннъ скончался. Къ тому же, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ батюшки, скончалась и матушка. Она была настолько стара, что безъ посторонней помощи не могла даже ни перейти съ мѣста на мѣсто, ни отправлять естественныхъ потребностей, и ее кормили изъ ложки, какъ малое дитя. Остальные родственники, въ томъ числѣ и родная сестра умершаго, вдова священника, Анна Фиделина, проживали въ Архангельской губ., а въ Кроштадтѣ проживала лишь племянница батюшки Руфина Григорьевна Шемякина, жена капитана 2 ранга, служащаго въ конторѣ при Кронштадтской портовой конторѣ. Отъ Шемякиныхъ стали извѣстны военному губернатору всѣ подробности совершенія завѣщанія и немедленно было возбуждено дѣло о подложномъ совершеніи этого акта.

Въ виду особой важности дѣла я ежедневно вечеромъ являлся къ уѣздному члену суда Манцевичу для доклада по дѣлу. При одномъ изъ первыхъ такихъ докладовъ, узнавъ отъ меня, что присяжный повѣренный Хоецкій находится при описи, уѣздный членъ заявилъ мнѣ, что ему извѣстно о подложности совершенія завѣщанія, такъ какъ о. Іоаннъ въ то время былъ уже почти въ агоніи, что объ этомъ возбуждено дѣло и поэтому игуменья Ангелина не можетъ быть душеприказчицей по незаконному акту и, слѣдовательно, не въ правѣ никого уполномочивать

быть при описи. На этомъ основаніи уѣздный членъ предложилъ мнѣ устранить г. Хоецкаго отъ участія въ дѣлѣ. На это я возразилъ, что повѣренный душеприказчицы представилъ къ дѣлу копію довѣренности и духовное завѣщаніе, что завѣщаніе это нотаріальное и, какъ не опороченое судомъ, представляетъ для меня законный документъ, изъ котораго вытекаетъ для душеприказчицы право уполномочивать повѣренныхъ и что поэтому я обязанъ исполнить требованіе уѣзднаго члена только въ томъ случаѣ, если онъ дастъ мнѣ письменное требованіе, какъ распоряжающійся охраной. На вопросъ о томъ, кому я намѣренъ сдать свое имущество на храненіе, я доложилъ, что обязанъ сдать монастырю въ лицѣ г. Хоецкаго, такъ какъ охраненное имущество вообще сдается наслѣдникамъ, какъ заинтересованнымъ въ сохраненіи его, а также и потому, что я не могу подыскать ни помѣщенія для храненія такихъ цѣнностей, ни лицо, которое согласилось бы хранить имущество и было бы состоятельнымъ на случай растраты. Уѣздный членъ высказалъ требованіе, чтобы все имущество было сдано на храненіе или лицу постороннему, или Андреевскому собору, категорически запретивъ выдачу монастырю, хотя на письмѣ требованія этого не далъ. Несмотря на это, я все-таки принялъ твердое намѣреніе назначить хранителемъ монастырь, такъ какъ былъ увѣренъ въ законности такого дѣйствія и, въ случаѣ обжалованья, не сомнѣвался, что окружной судъ признаетъ мои дѣйствія правильными. Но въ этомъ помѣшало мнѣ совершенно неожиданное обстоятельство. Военный губернаторъ узналъ о моемъ намѣреніи передать имущество на храненіе монастырю и, по извѣстнымъ ему основаніямъ, не желая допустить увозъ имущества изъ Кронштадта, доложилъ главному начальнику Кронштадта, генералу Артамонову, о нежелательности этого увоза, съ чѣмъ согласился и генералъ Артамоновъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описи, когда мы всѣ явились для продолженія ея, то у запечатанныхъ нами дверей квартиры увидѣли стоящаго жандармскаго унтеръ-офицера, который доложилъ мнѣ, что онъ поставленъ на стражѣ жандармскимъ полковникомъ Котляромъ, приказавшимъ строго слѣдить, чтобы ни одна вещь изъ квартиры не была вынесена. Я распорядился пригласить сюда полковника Котляра, который сейчасъ же пришелъ и заявилъ мнѣ, что стража будетъ у дверей и днемъ и ночью до конца описи. Я заявилъ протестъ противъ этого, указавъ, что мнѣ предоставлено право приглашать для содѣйствія полицейскія и военныя власти, въ каковыхъ, кромѣ присутствующаго пристава, надобности нѣтъ, и что поступокъ его является вмѣшательствомъ въ распоряженіе исполнителя судебнаго опредѣленія.

На это полковникъ заявилъ, что въ данномъ случаѣ онъ исполнилъ приказъ военнаго губернатора и что послѣднiй приглашаетъ къ себѣ меня и присяжнаго повѣреннаго Хоецкаго для объясненiй. Прiостановивъ опись, я съ Хоецкимъ и полковникомъ Котляромъ отправились къ военному губернатору, который принялъ насъ довольно любезно и, выслушавъ мой докладъ о намѣренiи передать имущество монастырю, позвонилъ по телефону главному начальнику Артамонову, спросивъ, не пожелаетъ ли тотъ говорить со мною. Получивъ на это согласiе, вице-адмиралъ передалъ мнѣ трубку. Разговоръ нашъ былъ слѣдующiй:

— Я, судебный приставъ, слушаю ваше превосходительство.

— Я требую, чтобы все имущество о. Iоанна было оставлено въ Кронштадтѣ и не передавалось бы въ Iоанновскiй монастырь. Ничего изъ имущества не должно быть выносимо изъ квартиры. Приказываю вамъ въ точности исполнить мое требованiе.

— Прошу ваше превосходительство дать мнѣ письменное требованiе, дабы я имѣлъ предъ моимъ начальствомъ оправданiе моихъ дѣйствiй, несогласныхъ съ требованiями судебнаго устава.

— Хорошо, получите приказъ,—сказалъ генералъ сердитымъ тономъ и повѣсилъ трубку.

Послѣ этого присяжный повѣренный Хоецкiй заявилъ военному губернатору, что наканунѣ ему выдано за его, губернатора, подписью удостовѣренiе, разрѣшающее принять для перевозки въ монастырь все описанное имущество, а главный начальникъ далъ судебному приставу совершенно противный приказъ. На это губернаторъ возразилъ, что въ данномъ случаѣ его распоряженiе отмѣняется главнымъ начальникомъ, который въ силу предоставленной ему власти въ правѣ отмѣнять для Кронштадта дѣйствующiе законы на все время военнаго положенiя. При этомъ губернаторъ пояснилъ, что въ квартирѣ о. Iоанна предполагается устроить часовню - музей, что не можетъ осуществиться въ томъ случаѣ, если нѣкоторые, необходимые для этого, предметы будутъ увезены въ монастырь, откуда впослѣдствiи трудно будетъ ихъ получить. Послѣ этого мы удалились, а на другой день я получилъ письменный приказъ.

Такимъ образомъ въ это дѣло внесена была ненормальность, выразившаяся въ томъ, что охраной имущества распоряжались одновременно и судебныя, и административныя власти, а судебный приставъ поставленъ былъ въ странное положенiе, и будучи уполномоченъ закономъ, въ нужныхъ случаяхъ, требовать содѣйствiя полицейскихъ и военныхъ властей,—самъ долженъ былъ исполнять ихъ приказанiя, т.-е., какъ разъ наоборотъ. Извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ, такiя власти, не будучи компетент-

ными въ юридическихъ вопросахъ, очень часто вносятъ въ дѣла путаницу и нарушаютъ права сторонъ. Однако я обязанъ былъ подчиняться распоряженіямъ военныхъ властей, иначе рисковалъ подвергнуться самой тяжкой карѣ.

Послѣ этого, во все время исполненія я находился подъ конвоемъ жандармскаго нижняго чина, который могъ вмѣшиваться въ мои распоряженія и препятствовать тому или другому законному дѣйствію. Впрочемъ, жандармъ лишь слѣдилъ за тѣмъ, чтобы имущество не перемѣщалось никуда изъ квартиры, а иногда даже развлекалъ насъ своими остроумными замѣчаніями. Особенно памятенъ мнѣ случай, когда мы сосчитывали 53 пары дорогихъ сапогъ, изъ особенной кожи, на мѣху, на пуху и т. п. Увидѣвъ такое множество сапогъ, жандармъ вздохнулъ и сказалъ: «вотъ сколько сапогъ валяется даромъ, а на улицѣ бѣдные люди отмораживаютъ ноги». Случилось такъ, что какъ разъ въ эту минуту пришла приживалка Наталья Поваляева съ просьбой дать ей на память о батюшкѣ пару носковъ и носовой платокъ. Услышавъ такое замѣчаніе жандарма, Поваляева пришла въ негодованіе, назвала эти слова кощунственными и пригрозила жалобой губернатору. Но тутъ нашелся полицейскій приставъ и, успокоивъ Поваляеву, сказалъ, что въ словахъ жандарма нѣтъ ничего оскорбительнаго для покойнаго батюшки, такъ какъ нельзя отрицать того, что здѣсь имѣется 53 пары сапогъ и что на дворѣ и морозъ, и нуждающіеся люди, ходящіе почти босикомъ. Съ согласія повѣреннаго душеприказчицы, я выдалъ Поваляевой пару старыхъ носковъ и платокъ, при чемъ она просила дать эти предметы непремѣнно изъ грязнаго бѣлья. Получивъ просимое, она положила все на кровать батюшки съ неизвѣстной намъ цѣлью и, постоявъ у кровати нѣсколько минутъ, съ благоговѣніемъ взяла вещи и ушла. Приходила еще и Женя съ какой-то женщиной, и обѣ также просили дать имъ на память какія-нибудь тряпки. Послѣ этого я распорядился безъ моего разрѣшенія не впускать никого, чтобы не мѣшали работать.

Наконецъ, опись была окончена 23 января 1909 года въ 11 часовъ вечера, и надо было сдать имущество на храненіе.

Назначенный послѣ смерти о. Іоанна настоятелемъ Андреевскаго собора протоіерей о. Александръ Поповъ отказался принять на храненіе имущество, и, слѣдуя его примѣру, отказалось и остальное духовенство, а потому я поставленъ былъ въ необходимость искать подходящаго, состоятельнаго хранителя. Таковымъ былъ избранъ предсѣдатель распорядительнаго совѣта кронштадтскаго дома трудолюбія Павелъ Петровичъ Шауманъ. Этотъ почтенный старикъ, часто бывавшій у батюшки по дѣламъ дома

трудолюбія, неохотно согласился быть хранителемъ, такъ какъ былъ обремененъ другими дѣлами.

Къ 28-му января имущество и документы были подготовлены къ сдачѣ, и Шауману сдано все, за исключеніемъ золотыхъ и серебряныхъ предметовъ, драгоцѣнныхъ камней, расписки игуменьи на 10 тысячъ рублей, дневника, записной книжки и наличныхъ денегъ. Все, сданное Шауману, имущество оставлено въ комнатахъ о. Іоанна, изъ коихъ въ маленькой прихожей, ведущей къ парадному ходу, помѣщены 260 бутылокъ вина, и прихожая эта запечатана моей печатью. Шауману, какъ хранителю, выдана копія съ описи. Дневникъ и записная книжка вручены присяжному повѣренному Хоецкому для храненія въ монастырѣ. Драгоцѣнные камни и другія болѣе цѣнныя вещи, по тщательной провѣркѣ ихъ, помѣщены въ желѣзную шкатулку, въ чемъ принимали участіе приставъ Аксеновъ и всѣ присутствовавшіе. Шкатулка эта опечатана моею и полицейскою печатями и помѣщена въ одинъ изъ 4-хъ большихъ сундуковъ, въ которые уложены остальныя цѣнности: дорогія ризы, евангелія и золотыя, и серебряныя вещи. Эти 4 сундука отвезены мною въ мѣстное казначейство въ сопровожденіи дворника Николаева и жандарма и сданы казначею подъ расписку. Вначалѣ, по доставленіи этихъ сундуковъ, казначей отказался принять ихъ, не имѣя на это права по правиламъ, предписаннымъ казенной палатой, и принялъ ихъ лишь по полученіи предписанія военнаго губернатора, о чемъ я ходатайствовалъ особо, не находя болѣе подходящаго, безопаснаго для храненія мѣста.

Все сданное Шауману имущество должно было находиться у него на храненіи до передачи таковаго монастырю, по утвержденіи окружнымъ судомъ духовнаго завѣщанія, но принято мною отъ него спустя болѣе года, а именно 11 марта 1910 года и того же числа передано о. Александру Попову, назначенному опекуномъ къ имуществу о. Іоанна. Духовное завѣщаніе въ пользу монастыря утверждено окружнымъ судомъ по 7-му отдѣленію 30 сентября 1909 года, но въ исполненіе не приводилось въ виду того, что надлежало еще разрѣшить вопросъ о томъ, кому и что изъ имущества слѣдуетъ выдать, такъ какъ, кромѣ означеннаго завѣщанія въ пользу монастыря, того же числа утверждены судомъ еще два завѣщанія о. Іоанна: нотаріальное, отъ 30 апрѣля 1879 года, и домашнее, отъ 13 сентября 1907 года, о которомъ я уже упоминалъ.

Между тѣмъ слѣдствіе о подложномъ составленіи завѣщанія шло своимъ чередомъ, и судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Бѣлевцовъ допрашивалъ свидѣтелей и производилъ экс-

пертизу умственныхъ способностей о. Іоанна въ моментъ совершенія завѣщанія. Допрашивалъ слѣдователь и меня въ мартѣ 1909 г., вызвавъ меня для этого въ Ораніенбаумъ, но въ то время я еще не зналъ подробностей, сопровождавшихъ совершеніе акта, и потому мое показаніе ничего существеннаго въ дѣло не внесло.

Показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей у судебнаго слѣдователя, какъ мнѣ передавали, въ общемъ сводились къ тому, что, въ моментъ совершенія нотаріусомъ духовнаго завѣщанія, жизнь о. Іоанна уже угасала и еле боролась со смертью; что умирающій уже духомъ ушелъ отъ этого міра и совершенно не понималъ того, что дѣлаютъ въ его комнатахъ собравшіеся люди.

На основаніи этихъ свидѣтельскихъ показаній, по распоряженію судебнаго слѣдователя, была произведена экспертиза лейбъ-хирургомъ Павловымъ, проф. Косоротовымъ, Розенбахомъ, Андреевымъ, Карпинскимъ и другими, при чемъ эксперты вынесли заключеніе, «что въ моментъ совершенія духовнаго завѣщанія о. Іоаннъ не могъ располагать всей наличностью своихъ психическихъ силъ и слѣдовательно не могъ принимать вполнѣ сознательнаго участія въ совершеніи духовнаго завѣщанія». Другими словами, эксперты признали, что во время совершенія духовнаго завѣщанія о. Іоаннъ находился не въ такомъ нормальномъ состояніи, какое требуется закономъ для того, чтобы завѣщаніе считалось дѣйствительнымъ, то-есть—не въ здравомъ умѣ и твердой памяти.

По окончаніи судебнымъ слѣдователемъ слѣдствія, таковое было прекращено подлежащей судебной инстанціей.

Въ концѣ 1909 года, по ходатайству наслѣдниковъ, надъ имуществомъ о. Іоанна была учреждена опека, и опекуномъ назначенъ о. Александръ Поповъ. По распоряженію уѣзднаго члена я передалъ опекуну 8 февраля 1910 г. книжку сберегательной кассы и квитанціи казначейства на хранящійся тамъ капиталъ, а передачу находившагося въ квартирѣ имущества назначилъ на 11 марта, объявивъ опекуну, что находящіяся на храненіи въ казначействѣ цѣнности будутъ ему переданы по окончаніи передачи всего имущества въ квартирѣ.

11 марта 1910 года, въ присутствіи понятыхъ, я принялъ отъ Шаумана имущество въ квартирѣ и затѣмъ нѣсколько дней передавалъ его опекуну, тщательно осматривая каждый предметъ. Когда была вскрыта печать на дверяхъ прихожей, въ которой находилось вино, то глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: посреди прихожей, на полу, была большая высохшая лужа пролитаго вина, а въ лужѣ лежало нѣсколько штукъ околѣвшихъ крысъ. Оказалось, что изъ числа 260-ти описанныхъ

бутылокъ вина лопнули 40 бутылокъ, въ которыхъ было дешевое сладкое вино, прокисшее въ теченіе года; вылившееся вино образовало лужу, часть его просочилась сквозь полъ, а часть высохла послѣ того, какъ крысы, напившись его, опьянѣли и тутъ же въ лужѣ околѣли. Объ этомъ составленъ мною актъ, за подписью присутствовавшихъ.

Затѣмъ были вскрыты сундуки, комоды и ящики съ описаннымъ бѣльемъ, каждая штука котораго развертывалась и передавалась опекуну. Тутъ обнаружились ошибки, бывшія неизбѣжнымъ слѣдствіемъ поспѣшнаго составленія описи. Оказалось, что рубахъ имѣется на-лицо гораздо болѣе, чѣмъ значится въ описи, а кальсонъ, наоборотъ,—меньше. Объ этомъ также составленъ протоколъ, съ поясненіемъ, что такая ошибка произошла оттого, что при описи всѣ присутствовавшіе сосчитывали бѣлье отдѣльными партіями, и затѣмъ каждый заявлялъ мнѣ о количествѣ сосчитаннаго имъ, а я, подведя всему итогъ, вносилъ въ опись. Такъ какъ бѣлья было много, то каждая штука не развертывалась, а развертывалось лишь нѣсколько штукъ, лежавшихъ сверху, и если эти верхніе предметы были рубахи, то рубахами же считалось и все остальное бѣлье въ данной партіи. Такимъ образомъ, лежавшія съ кальсонами рубахи записаны всѣ кальсонами и наоборотъ. Кромѣ того, кто-то ошибся и въ самомъ счетѣ, назвавъ мнѣ цифру меньше дѣйствительной, почему и оказалось кальсонъ на 27 паръ больше, чѣмъ значилось въ описи. Конечно, не было бы этихъ ошибокъ, если бы опись производилась нормальнымъ порядкомъ, не на-спѣхъ. Теперь же, при передачѣ опекуну, было достаточно времени для того, чтобы развертывать каждую штуку бѣлья, почему и обнаружились ошибки.

Передача находившагося въ квартирѣ имущества была закончена въ концѣ іюля и оставалось еще передать цѣнности, хранившіяся въ казначействѣ. За полученіемъ ихъ я отправился въ казначейство вмѣстѣ съ Михеемъ Николаевичемъ, городовымъ и ломовымъ извозчикомъ. По доставленіи этими лицами, въ моемъ присутствіи, сундуковъ съ вещами въ квартиру о. Іоанна, я уже засталъ тамъ опекуна о. Александра Попова, пристава Аксенова и приглашенныхъ опекуномъ: діакона Димитрія Каменоградскаго, псаломщика Киселева (приглашеннаго въ качествѣ знатока драгоцѣнныхъ камней), ювелировъ Шиллера и Замуэля, регента собора Космаделя и младшаго дворника Ларіонова. Сундуки были внесены въ комнату, осмотрѣны печати, оказавшіяся не нарушенными, составленъ объ этомъ актъ и приступлено къ передачѣ. Послѣдними передавались мелкія золотыя вещи и драгоцѣнные камни.

Въ это время обнаружилась пропажа двухъ брилліантовъ, оцѣненныхъ по 85 р. каждый.

По окончаніи передачи, я все дѣло представилъ Уѣздному члену и доложилъ ему о лопнувшихъ бутылкахъ съ виномъ, объ ошибкахъ съ рубахами и кальсонами и объ исчезновеніи двухъ брилліантовъ. Уѣздный членъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю окружного суда Кудрину, который пригласилъ меня для объясненій. При объясненіи я просилъ предсѣдателя назначить слѣдствіе для подробнаго выясненія обстоятельствъ этого казуса, и онъ обѣщалъ произвести разслѣдованіе.

Выслушавъ мой докладъ и разсмотрѣвъ протоколы, предсѣдатель, разумѣется, нисколько не сомнѣвался въ томъ, что я не виновенъ въ исчезновеніи брилліантовъ, но дѣло все-таки поступило къ слѣдователю и озаглавлено «по обвиненію Витовича въ растратѣ». Несмотря на это я даже не былъ устраненъ отъ должности, что служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что у моего начальства не было ни малѣйшаго основанія заподозрить меня въ присвоеніи описанныхъ вещей. Да и странно было бы обвинять въ этомъ именно меня, и если можно было предъявить такое обвиненіе, то ужъ никакъ не ко мнѣ одному, а ко всѣмъ, бывшимъ при описи и при передачѣ. При допросѣ меня и другихъ, слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Середа также не придавалъ никакого значенія этому обвиненію и даже заявилъ мнѣ, что онъ прекратилъ бы это слѣдствіе, но такъ какъ я обвиняюсь въ преступленіи по должности, то право прекратить дѣло или предать меня суду принадлежитъ судебной палатѣ.

Наконецъ, по окончаніи слѣдствія, дѣло поступило въ судебную палату, которая, несмотря на отсутствіе противъ меня какихъ бы то ни было уликъ, нашла нужнымъ предать меня суду. По врученіи мнѣ копіи опредѣленія палаты, замѣняющей обвинительный актъ, палата предложила мнѣ казеннаго защитника изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, но я отказался имѣть защитника. Дѣло слушалось въ особомъ присутствіи судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей.

По выслушаніи показаній свидѣтелей и моего краткаго объясненія товарищъ прокурора палаты отказался отъ обвиненія, и палата единогласно признала меня невиновнымъ.

Я уже не завѣдывалъ Кронштадтскимъ участкомъ въ то время, когда по духовному завѣщанію окончены были всѣ споры, и имущество было выдано Іоанновскому монастырю. По уполномочію игуменьи Ангелины, монахиня, мать Акилина, прибыла въ Кронштадтъ, приняла отъ судебнаго пристава все имущество и на саняхъ, прямымъ путемъ по льду Финскаго залива, отвезла все въ монастырь. Кронштадтскому Андреевскому собору монастырь оставилъ кое-что изъ малоцѣнныхъ вещей покойнаго ба-

тюшки, и настоятель помѣстилъ ихъ въ бывшей спальнѣ о. Іоанна, гдѣ устроено нѣчто въ родѣ часовни-музея. Часовню эту посѣщаютъ очень немногіе богомольцы, такъ какъ со дня кончины батюшки въ Кронштадтъ стало пріѣзжать самое незначительное число паломниковъ. Не видно былого оживленія на улицахъ, въ соборѣ не бываетъ такой массы молящихся, какая бывала при жизни батюшки, многія квартиры для пріѣзжихъ богомольцевъ закрылись, владѣльцы ихъ перестали богатѣть и разъѣхались изъ Кронштадта. Гостиницы и извозчики лишились крупныхъ ежедневныхъ заработковъ, а духовенство собора со вздохами вспоминаетъ минувшіе золотые дни.

Зато въ Петербургѣ, на Карповкѣ, въ Іоанновскомъ монастырѣ и вблизи его, постоянное оживленіе, необычайный наплывъ богомольцевъ. У гроба о. Іоанна непрестанно служатся панихиды, постоянно толпятся богомольцы, прибывающіе ежедневно массами со всѣхъ концовъ Россіи. Здѣсь вы увидите постоянно проживающихъ въ монастырскомъ странопріимномъ домѣ «бѣсноватыхъ» женщинъ, истеричекъ—«кликушъ», странниковъ, ходящихъ въ подрясникахъ, съ непокрытой головой и босыми ногами и т. п. По улицѣ, отъ монастыря и до самаго Каменоостровскаго проспекта, постоянно ходятъ провинціальныя молодыя дѣвушки, въ черныхъ одеждахъ, извѣстныя подъ именемъ Іоаннитокъ. Эти дѣвушки покупаютъ въ находящихся тутъ же въ лавочкахъ книжки и брошюры о разныхъ чудесахъ, ежедневно происходящихъ у гроба о. Іоанна, и разносятъ эту литературу для продажи въ провинцію. Разумѣется, книжки эти дѣлаютъ свое дѣло и привлекаютъ въ монастырь богомольцевъ даже изъ мурманскаго поморья, прибайкалья и Амурской области. Здѣсь также много юродивыхъ, прокаженныхъ и одержимыхъ другими тяжкими болѣзнями, извѣрившихся въ медицинскую помощь и чающихъ получить исцѣленіе у гроба батюшки. У самаго же гроба постоянно горитъ множество свѣчей и творятся молитвы. Все это приноситъ монастырю громадныя суммы.

Іоанновскій монастырь представляетъ собою очень красивое зданіе, съ весьма удобно устроенными кельями для монахинь и квартирами для духовенства. Самый же гробъ о. Іоанна помѣщается въ особой небольшой церкви, въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія. Церковь эта облицована бѣлымъ мраморомъ, съ такимъ же, художественной работы, иконостасомъ. На надгробной мраморной плитѣ постоянно много красивыхъ живыхъ цвѣтовъ, часть которыхъ послѣ панихиды раздается богомольцамъ.

А. Витовичъ.

Въ депутаціи у С. Ю. Витте [1]).

По инициативѣ «Союза Союзовъ» 18 октября 1905 г. вечеромъ было собраніе въ Вол. Эк. Обществѣ. Благодаря блокадѣ технологическаго института въ ночь съ 17 по 18 октября, а также уличнымъ столкновеніямъ 18 числа, настроеніе собравшихся было до крайности приподнятое въ рѣзко оппозиціонномъ направленіи. Сравнительно небольшой залъ общества былъ переполненъ. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ В. А. Мякотинъ; это былъ выборъ исключительно удачный. Никогда, ни ранѣе, ни послѣ, я не видалъ предсѣдателя, который бы такъ умѣло и съ такимъ авторитетомъ руководилъ собраніемъ, гдѣ температура настроенія возрастала съ каждой минутой, поддерживаемая рѣчами ораторовъ, при чемъ каждый послѣдующій изъ нихъ, быть можетъ безсознательно, все выше и выше подымалъ ноту.

Въ эту-то накаленную атмосферу вдругъ является представитель полиціи и въ категорической формѣ, ссылаясь на распоряженіе высшаго начальства, требуетъ отъ собравшихся, чтобы они немедленно разошлись. Для подкрѣпленія этого требованія вооруженный отрядъ расположился вблизи дома В. Э. Общества. Въ эту критическую минуту В. А. Мякотинъ мастерски сумѣлъ поставить представителя полицейской власти въ надлежащія рамки и въ то же время удержать собраніе отъ какихъ-нибудь эксцессовъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ кончилось тѣмъ, что и полицейскій чинъ благополучно удалился, и собраніе не менѣе благополучно продолжало свое засѣданіе и довело его до конца.

Практической задачей, ради чего собрались, былъ вопросъ о немедленной и полной амнистіи. Въ этихъ видахъ было внесено предложеніе избрать депутацію къ предсѣдателю Совѣта Министровъ. Но сказывалось и другое, болѣе радикальное теченіе, которое не находило умѣстнымъ вступать въ какія-нибудь пере-

---

[1]) Помѣщаемъ эти небольшія воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева въ дополненіе къ ниженапечатанной статьѣ В. В. Водовозова.

говоры съ представителями власти; однако, никакого конкретнаго предложенія съ этой стороны не было заявлено. Потому около 11 ч. была избрана депутація къ Витте; въ составъ ея вошли: Вик. Ант. Плансонъ, Ф. Из. Родичевъ, Г. А. Фальборкъ, Л. Ю. Явейнъ и я.

Было уже за половину двѣнадцатаго часа, когда мы добрались до Витте,—онъ тогда еще жилъ въ своемъ домѣ на Каменоостровскомъ проспектѣ. Несмотря на позднее время, мы были сейчасъ же приняты. Извинившись, что вышелъ къ намъ въ халатѣ, Витте затѣмъ проговорилъ:

— Уже отдано распоряженіе, чтобы полиція не препятствовала продолженію вашего собранія; но почему вы, господа, предварительно, какъ того требуетъ законъ, не сообщили о немъ полиціи?

— Даже съ точки зрѣнія закона о собраніяхъ,—возразилъ Ф. Из. Родичевъ,—не говоря уже о манифестѣ 17 октября, мы не обязаны были увѣдомлять полицію, разъ собраніе состоялось по именнымъ повѣсткамъ.

По предварительному между нами соглашенію ораторомъ отъ депутаціи долженъ былъ выступить В. А. Плансонъ. Но едва онъ успѣлъ проговорить, что цѣль депутаціи не вопросъ о собраніи, а порученіе отъ собранія на счетъ необходимости немедленнаго провозглашенія полной амнистіи, какъ Витте прервалъ его и повелъ длинную рѣчь объ общемъ положеніи, а больше всего о разнузданности и анархіи, которыя царятъ въ Петербургѣ.

— То, что теперь происходитъ на улицахъ Петербурга,—сказалъ Витте,—нигдѣ немыслимо, даже Рузевельтъ не дозволилъ бы ничего подобнаго въ Америкѣ.

Не зная, какъ долго будетъ ораторствовать Витте, и вмѣстѣ съ тѣмъ соображая то нетерпѣніе, съ которымъ собраніе ожидаетъ результата нашихъ переговоровъ, я, наконецъ, рѣшилъ остановить неудержимый потокъ Витте.

— Извините, графъ, что, будучи у васъ въ первый разъ, беру на себя смѣлость прервать васъ. Позвольте просить васъ дать нашему товарищу докончить, что онъ имѣетъ вамъ сказать; а затѣмъ мы съ полнымъ вниманіемъ готовы васъ выслушать.

Витте сейчасъ же остановился. В. А. Плансонъ въ сжатыхъ, но хорошо выраженныхъ, словахъ изложилъ существо миссіи, которая была на насъ возложена собраніемъ. Когда онъ кончилъ, я взялъ слово.

— Въ городѣ циркулируютъ слухи, что якобы правительство предполагаетъ дать амнистію, но хочетъ пріурочить ее къ какому-то высокоторжественному дню. Позвольте, графъ, обратить ваше вниманіе, что теперь не такое время, чтобы обнародованіе госу-

дарственнаго акта исключительной важности можно было откладывать до подходящей календарной даты.

— О, нѣтъ,—возразилъ Витте,—ничего подобнаго.

— И еще скажу,—продолжалъ я,—даже съ точки зрѣнія интересовъ самого правительства, въ настоящій моментъ политическій преступникъ несравненно болѣе опасенъ въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ.

Кажется Ф. И. Родичевъ указалъ Витте на разительное противорѣчіе: съ одной стороны провозглашаются всякія свободы, а съ другой—остаются въ тюрьмахъ и ссылкѣ тѣ люди, вся вина которыхъ только въ томъ и заключалась, что они всѣ свои силы отдали на борьбу за эти свободы.

Витте не далъ опредѣленнаго отвѣта, не сказалъ, что вопросъ объ амнистіи уже рѣшенъ въ томъ или другомъ направленіи, онъ только, какъ бы мимоходомъ, проговорилъ:

— Сегодня въ засѣданіи Совѣта Министровъ обсуждался вопросъ объ амнистіи. Одни находили ее желательной, другіе даже необходимой; однако, встрѣчаются еще техническія затрудненія, которыя надо вырѣшить. Завтра вопросъ объ амнистіи будетъ вновь обсуждаться.

Этотъ неопредѣленный отвѣтъ вызвалъ меня на замѣчаніе.

— Графъ, я старше по лѣтамъ всѣхъ моихъ товарищей, и въ то же время менѣе всѣхъ принимаю участіе въ текущей жизни; простите, но я откровенно скажу,—вашъ отвѣтъ совсѣмъ убилъ меня.

— Очень жаль,—отвѣтилъ Витте.

Въ теченіе нашей бесѣды Витте не разъ выдвигалъ, что нужно имѣть довѣріе къ правительству и его намѣреніямъ. На это было ему замѣчено Родичевымъ, что въ обществѣ широко распространено сомнѣніе на счетъ устойчивости самаго акта 17 октября, всѣ опасаются, что бюрократія при реализаціи провозглашенныхъ началъ постарается свести ихъ къ нулю. Тутъ Витте, отчеканивая каждое слово, сказалъ:

— Могу васъ увѣрить, господа, что . . . . , Государь разрѣшилъ вопросъ о формѣ правленія для себя и для народа безповоротно. Отнынѣ самодержавія въ Россіи нѣтъ и больше быть не можетъ [1]).

— Вы говорите, графъ,—отозвался на эти слова Ф. Из. Родичевъ,—имѣйте довѣріе. Да какъ же намъ вѣрить, когда, напримѣръ, полиція отбирала у крестьянъ рѣчь Государя, обращенную къ

---

[1]) Эти слова Витте были уже напечатаны за подписью всѣхъ пяти лицъ, участвовавшихъ въ депутаціи, въ «Молвѣ» 7 января 1906 г.

депутаціи 6 іюня, и рѣчь Трубецкого, несмотря на уполномочіе Государя повторить всѣмъ и каждому его слова...

Витте не далъ договорить Ф. Из. Родичеву.

— Вѣрю, вѣрю, это такъ правдоподобно, что нельзя не вѣрить.

Не помню, кѣмъ было указано на несовмѣстимость манифеста 17 октября и одновременнаго существованія диктатуры ген. Трепова.

— Общество совершенно несправедливо въ отношеніи ген. Трепова,—съ живостью возразилъ Витте,—ген. Треповъ во всѣхъ совѣтахъ всегда поддерживаетъ самыя либеральныя начала и мѣры. Впрочемъ... И тутъ Витте взялъ со стола какое-то письмо и прочелъ его намъ. То было письмо ген. Трепова, въ которомъ онъ (помнится, ссылаясь на свою «непопулярность») просилъ объ увольненіи его отъ обязанностей ген.-губернатора и завѣдыванія полиціей.

Отставка Трепова состоялась, однако, не тотчасъ, и онъ еще успѣлъ издать свой знаменитый приказъ съ словами «патроновъ не жалѣть». Треповъ, какъ извѣстно, занялъ постъ дворцоваго коменданта, что сохраняло за нимъ возможность самаго широкаго вліянія въ области внутренней политики.

Передъ самымъ нашимъ уходомъ Витте еще разъ повторилъ о необходимости имѣть довѣріе къ правительству.

— Графъ,—отвѣчалъ ему Ф. Из. Родичевъ,—дайте же намъ возмоность вѣрить.

Нѣсколько недоумѣвающимъ тономъ Витте отозвался:

— Какъ же я могу дать вамъ вѣру?

Высочайшій указъ объ амнистіи состоялся 21 октября. Амнистія явилась съ довольно существенными ограниченіями.

Спустя нѣкоторое время, должно быть въ январѣ 1906 г., въ «Нов. Времени» появилось интервью съ Витте. Въ немъ передавались, между прочимъ, такія слова Витте: «Государь императоръ и до сихъ поръ остается царемъ съ неограниченной властью», «манифестъ 17 октября ничего новаго въ основные законы не внесъ» и «Государь императоръ попрежнему остается владыкой самодержавнымъ». Витте никакого гласнаго возраженія противъ невѣрной, по меньшей мѣрѣ неточной, передачи его словъ въ «Нов. Времени» не заявилъ. Такъ за короткое время радикально измѣнились его взгляды на существо государственнаго акта, столь тѣсно связаннаго съ его именемъ. Вѣрнѣе сказать, тутъ проявилась присущая Витте способность быстро приспособляться къ измѣнившимся условіямъ, способность въ концѣ-концовъ доведшая его до ухаживанія за Распутинымъ.

Въ началѣ мая 1906 г. я былъ на засѣданіи Государственнаго Совѣта. Во время перерыва, въ кулуарахъ показалась грузная фигура Витте; онъ замѣтилъ меня, подошелъ и поздоровался.

— Что это вы съ палочкой?

— Да я недавно сломалъ ногу и пока изъ предосторожности не оставляю палочку.

— Въ ваши годы надо быть осторожнѣе, замѣтилъ Витте.

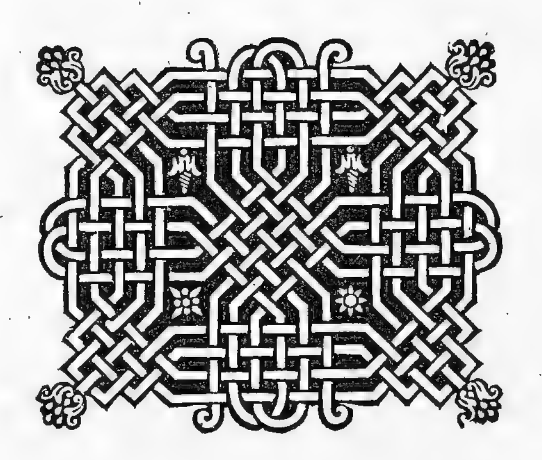
Я спросилъ его, будетъ ли онъ сегодня говорить,—на очереди стоялъ вопросъ объ амнистіи.

— Право не знаю, я еще не рѣшилъ.

Однако онъ выступилъ и произнесъ крайне двусмысленную рѣчь.

Больше съ Витте я не встрѣчался.

Л. Пантелѣевъ.



Н. И. Пироговъ о любви, о призваніи женщины-матери и пр.[1]).

«Вѣрно, изъ тысячи людей, знающихъ меня по внѣшнимъ отношеніямъ, ни одному не придетъ въ голову считать меня... одареннымъ чуствомъ въ избыткѣ...»
Н. Пироговъ. «Письмо къ невѣстѣ».

По поводу неизданныхъ писемъ къ невѣстѣ.

Публикуемыя ниже письма Н. И. Пирогова къ баронессѣ Александрѣ Антоновнѣ Бистромъ, впослѣдствіи его второй женѣ, восполняютъ крупный пробѣлъ въ біографіи знаменитаго ученаго въ виду того, что они относятся къ началу 50-хъ годовъ, а до сихъ поръ не было матеріаловъ для характеристики Пирогова за время, предшествовавшее его столь славному и плодотворному выступленію на путь общественной дѣятельности. Было чрезвычайно ощутительно отсутствіе данныхъ для изученія источника воспитательныхъ идей великаго хирурга, первая педагогическая статья котораго, его знаменитые «Вопросы жизни», была одной изъ провозвѣстницъ русской общественной весны.

Все мыслящее общество, какъ удостовѣряютъ современники, трепетно откликнулось на призывъ профессора анатоміи и хирургіи воспитывать въ дѣтяхъ прежде всего человѣка. Заражала смѣлая постановка вопроса въ этой статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ популярнѣйшихъ тогда, свободномъ отъ цензурныхъ строгостей, журналѣ «Морской Сборникъ» и перепечатанной полностью или въ извлеченіяхъ въ другихъ изданіяхъ.

---

[1]) Посвящается *памяти Владимира Николаевича Пирогова*; родился 5 января 1846 г. въ С.-Петербургѣ, скончался 23 мая 1914 г. въ Марселѣ.

Увлекала самая манера письма автора, торжественная, изобилующая цитатами изъ Евангелія и въ то же время такая жизненная, такъ ярко и наглядно выясняющая недостатки прежняго воспитанія, сковывавшаго свободный духъ человѣка и связывавшаго его стремленіе къ достиженію идеала человѣческаго призванія на землѣ.

Помимо своего прямого значенія, «Вопросы жизни» и другія литературно-педагогическія статьи Пирогова имѣли большое косвенное вліяніе на развитіе русской общественно-педагогической мысли, давая другимъ писателямъ поводъ и возможность откликаться въ печати на волнующія читателя темы. Цензура разрѣшала другимъ изданіямъ касаться многаго изъ области запретнаго только потому, что оно представляло собою изложеніе мыслей и соображеній по поводу статей Пирогова.

И еще долго эти статьи вызывали въ русской печати самую живую, самую горячую полемику, а «Вопросы жизни» до послѣдняго времени служили предметомъ изслѣдованій и спеціальныхъ очерковъ, при чемъ большинство авторовъ, отъ Н. Г. Чернышевскаго и Н. А. Добролюбова (1856 г.) до П. Н. Сакулина (1906 г.) и С. А. Золотарева (1910 г.), говорятъ объ этой статьѣ, какъ объ источникѣ «чистой правды, правды очень серьезной и занимательной не менѣе лучшаго поэтическаго вымысла», источникѣ, отъ котораго «вѣетъ духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія», какъ о тепломъ лучѣ солнца въ затхломъ подвалѣ дореформенной школы, о первой ласточкѣ общественной весны.

Встрѣчаются и другіе отзывы, правда, рѣдкіе. Такъ, П. Ѳ. Каптеревъ находитъ, что «вообще «Вопросы жизни»—статья по содержанію довольно отвлеченная и написана не только въ высокомъ, но и приподнятомъ тонѣ и даже съ паѳосомъ; въ ней, можетъ быть, все и прекрасно сказано, краснорѣчиво и выражаетъ глубокія мысли, но крайне туманно и даже не совсѣмъ вразумительно». «Читая эту, нѣкогда знаменитую статью,—говоритъ г. Каптеревъ,—съ перваго раза рѣшительно не понимаешь, какимъ образомъ она могла возбудить большой интересъ». П. Ѳ. Каптеревъ упускаетъ изъ виду моментъ появленія статьи Пирогова, когда ея паѳосъ имѣлъ особенно важное значеніе.

Лишь нѣкоторые критики отмѣтили мистическій элементъ въ статьѣ «Вопросы жизни» [1]). Одни отнеслись къ этому съ порицаніемъ, другіе—этимъ объясняли ея достоинства, заключающіяся въ правдивости, искренности и глубокой любви къ молодому поколѣнію.

---

[1]) О «Вопросахъ жизни» и о литературѣ, вызванной ими, моя замѣтка въ «Русской Школѣ», № 7—8 за 1910 г.

Тѣ же свойства заключаются въ письмахъ Пирогова къ невѣстѣ и этимъ они цѣнны, помимо всего прочаго, еще какъ матеріалъ для изслѣдованія того психологическаго процесса, который привелъ геніальнаго хирурга на педагогическое поприще.

Еще передъ первой женитьбой Пирогова (1842) къ нему, какъ онъ сообщаетъ въ «Дневникѣ стараго врача», во время болѣзни, пришла, въ первый разъ въ жизни, мысль объ упованіи въ Промыселъ. Съ того времени онъ очень часто сталъ предаваться размышленіямъ на религіозно-философскія темы, а съ рожденіемъ сыновей его стала также занимать мысль о нравственномъ долгѣ родителей, обязанныхъ подготовить молодое поколѣніе къ лучшему устроенію жизни и осуществленію «Великаго Идеала» на землѣ. Это направленіе мыслей Пирогова еще углубилось послѣ смерти (1846) его первой жены, урожденной Березиной. Онъ сильно безпокоился о судьбѣ своихъ малютокъ, лишенныхъ воспитательнаго воздѣйствія матери, и сталъ вырабатывать свою систему воспитанія. Съ этимъ совпалъ тотъ переломъ въ религіозномъ настроеніи Н. И. Пирогова, который онъ въ своемъ дневникѣ характеризуетъ слѣдующими словами: «Вся внѣшняя сторона вѣры оказывала на меня, вмѣсто успокаивающаго и примиряющаго дѣйствія, другое, противоположное. Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеалъ вѣры. И, принявшись за Евангеліе, котораго я никогда еще самъ не читывалъ, а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду, я нашелъ для себя этотъ идеалъ».

А въ одномъ изъ писемъ къ А. А. Бистромъ (12 апрѣля 1850 г.) онъ пишетъ: «Я... послѣ сомнѣній, тревожившихъ душу, послѣ безутѣшнаго безвѣрія, наконецъ, и дай Богъ—навсегда, составилъ себѣ идеальный взглядъ на христіанское ученіе, одинъ, единственный, который меня предохраняетъ отъ сомнѣнія и безвѣрія». Этотъ единственный взглядъ заключался въ томъ, чтобы «стараться, по возможности и по крайнему разумѣнію, подражать жизни земной Искупителя», однако, безъ всякаго общенія съ обрядовой стороной религіи.

Объ этихъ же письмахъ сынъ знаменитаго хирурга, Вл. Ник. Пироговъ, писалъ мнѣ: «въ нихъ можно видѣть, я думаю, въ значительной степени подъ вліяніемъ живописца Моллера (представителя вмѣстѣ съ генеральшей Козенъ [1]) и друг. очень возвышенныхъ стремленій тогдашней нѣмецкой интеллигенціи въ

[1]) Ѳед. Ант. Моллеръ, сынъ бывшаго морского министра, братъ ревельской пріятельницы Пирогова, Э. А. Глазенапъ. Объ отношеніяхъ Пирогова къ этимъ лицамъ—въ «Дневникѣ стараго врача», изд. 1910 г., стр. 579 и слѣд. Евг. Ѳед. Козенъ—двоюродная сестра А. А. Бистромъ. О ней—въ одномъ изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ.

С.-Пб-гѣ), поворотъ покойнаго къ болѣе идеалистическому направленію; они *очень важны* для характеристики духовной жизни покойнаго».

Этотъ важный матеріалъ долгое время считался утеряннымъ, и лишь въ декабрѣ 1913 г. В. Н. Пироговъ сообщилъ мнѣ, что онъ неожиданно нашелъ у себя въ Марселѣ, въ ящикахъ съ разными старыми книгами, письма отца къ А. А. Бистромъ и нѣкоторые матеріалы для характеристики Н. И. Пирогова въ юношескіе годы [1].

При цѣнномъ для меня содѣйствіи А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга и Б. Л. Модзалевскаго, которымъ приношу глубокую благодарность, мнѣ удалось устроить такъ, что подлинники писемъ великаго сына Россіи были благополучно переправлены на его родину и, избѣгнувъ случайностей военнаго времени, поступили въ собственность Императорской Академіи Наукъ. Это облегчило мнѣ возможность приготовить означенныя письма, согласно желанію Вл. Ник. Пирогова, къ печати.

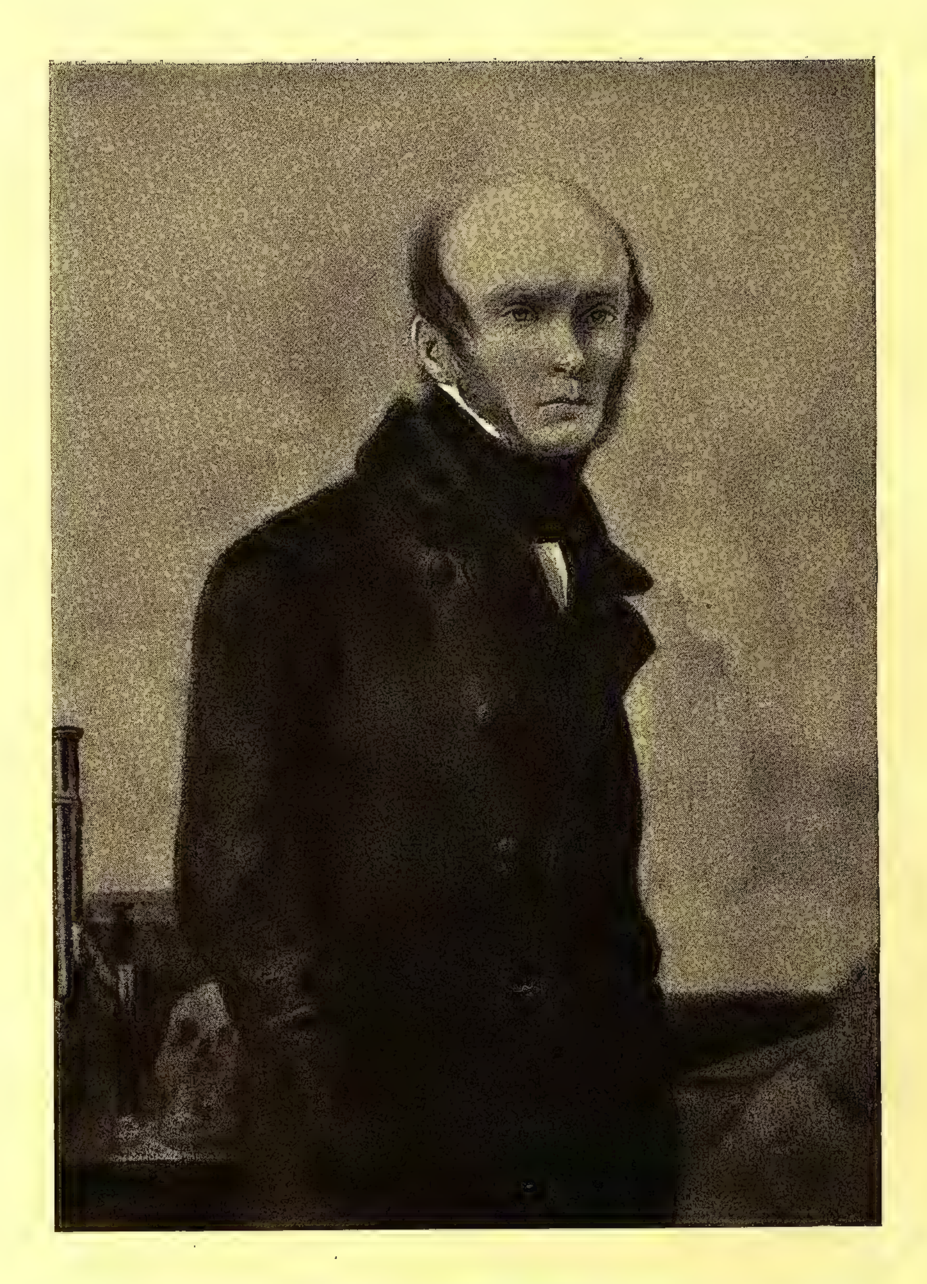
Печатаемыя здѣсь три письма объединены содержаніемъ и даютъ достаточное представленіе о всей серіи писемъ къ А. А. Бистромъ. Въ нихъ, на ряду съ лирическими изліяніями по поводу любви Н. И. Пирогова къ невѣстѣ (особенно письмо первое и третье), много мѣста удѣлено изложенію его взглядовъ на воспитаніе женщины и обрисованъ образъ дѣвушки, удовлетворяющей идеалу жены Пирогова. Много говорится также о поэзіи семейной жизни, всецѣло посвященной воспитанію дѣтей. Весьма интересна (во второмъ и третьемъ письмѣ) автохарактеристика Пирогова, излагающаго здѣсь свою программу служенія обществу въ различныхъ сферахъ дѣятельности, особенно научной. Очень содержательна новыми данными разсказанная Пироговымъ (въ третьемъ письмѣ) исторія его первой любви и весьма характерна для «безжалостнаго хирурга» отмѣченная здѣсь же его любовь къ музыкѣ, которая чаровала автора «военно-полевой хирургіи» и «резекціи суставовъ» [2].

С. Штрайхъ.

---

[1]) Объ этомъ наслѣдствѣ подробнѣе — въ моихъ статьяхъ въ газ. «Рѣчь» отъ 2 марта 1914 г. и въ журн. «Рус. Школа», ноябрь 1914 г.

[2]) Лучшая біографія Пирогова у А. И. Шингарева—«Жизнь и дѣятельность Н. И. Пирогова», въ юбилейномъ изданіи «Пироговъ и его наслѣдіе—Пироговскіе съѣзды», Спб. 1911 г.; подробная библіографія—у А. И. Шингарева (назв. изданіе) и у А. Г. Фомина—«Матеріалы для изученія Пирогова» въ сборникѣ журн. «Школа и Жизнь», Спб. 1911 г. Педагогическія и публицистическія статьи Пирогова собраны въ «Собраніи сочиненій», изд. 1914 г., т. I; «Дневникъ»—тамъ же, т. II.



Н. И. Пироговъ (1852 г.).

Съ рисунка сепіей, поднесеннаго Пирогову его учениками. Оригиналъ въ музеѣ Пирогова въ Петербургѣ.

Письма Н. И. Пирогова[1]).

I.

9 марта. Утро.

Кто я?

Кто ты?

Насъ раздѣляетъ глубокая пропасть времени, въ которую свален весь дрязгъ, накопленный опытомъ. Мы подали другъ другу руки надъ этой пропастью. И нельзя перетянуть меня на твою сторону. Твой край выше. Напрягаясь чрезъ силу, сама можешь упасть въ пропасть. И такъ, съ Богомъ ко мнѣ, ко мнѣ, на мою сторону, смѣлѣй! Я понимаю, что тебѣ страшно сдѣлать это salto mortale: но, вѣдь, и мнѣ не легко, вѣдь, ты мнѣ не чужая, да если бы и чужая была, такой скачекъ не шутка; можно упасть обоимъ. Надобно подумать, расчитать силы, узнать хорошенько и себя, и тебя. Дѣлать мостикъ черезъ эту пропасть и некогда и невѣрно.

Все это, можетъ быть, покажется тебѣ только однимъ сравненіемъ. Но это именно такъ, вѣрь мнѣ.

Ты—22-лѣтняя дѣвушка, воспитанная хотя и дома, но не матерью, не отцомъ, знаешь свѣтъ только по слуху и по инстинкту. Богъ тебѣ далъ умъ и чуство не совсѣмъ обыкновенное, и уже ни въ какомъ случаѣ не дюжинные; у тебя есть способность чуствовать[2]) глубоко и потребность любить. Еще въ малолѣтствѣ ты искала, ты хотѣла любить. Ты любила дѣтей, ты любила твою кузину, именно потому, что ты хотѣла, что ты чуствовала потребность, необходимость, жажду любить. Ты способна къ вдохновенью, не къ порывистому, не геніальному, но къ тихому и глубокому. Ты способна судить и слѣдовательно имѣть взглядъ на вещи не совсѣмъ такъ, какъ судятъ дѣвушки въ твои лѣта. У тебя уже есть убѣжденія... *убѣжденія*,—это, можетъ быть, слишкомъ много я сказалъ, лучше я скажу: у тебя есть *способность имѣть убѣжденія*, уже и этого довольно, о! очень, очень довольно.

Одинъ опытъ можетъ намъ открыть, имѣемъ ли мы убѣжденія. Практическая, самая трудная, прозаическая, нерѣдко горькая и отвратительная сторона жизни тебѣ еще совершенно неизвѣстна. Ты не имѣла еще случая дѣлать *приложенія* твоихъ

---

[1]) Правописаніе Пирогова, за исключеніемъ случаевъ явныхъ описокъ, сохраняется.

[2]) Почти во всѣхъ письмахъ Пирогова 50-хъ годовъ и во многихъ болѣе поздняго времени встрѣчается слово чувство и производныя отъ него въ такомъ правописаніи. Это-же замѣчаніе относится къ слову счастье.

взглядовъ, которые ты уже однако успѣла составить, и надобно сказать правду, составить довольно систематически. А приложенія по нашей теоріи, милая Саша, на дѣлѣ и есть самое трудное дѣло въ жизни. Тутъ-то мы и встрѣчаемъ такія препятствія, которыхъ мы прежде ни предвидѣть, ни предугадать не могли. Тутъ-то мы и начинаемъ видѣть, что наши убѣжденія, наши взгляды были карточные домики.

Это приложеніе есть опять искусство своего рода, не всякой имѣетъ къ нему способность. И такъ, я знаю теперь навѣрное, что ты имѣешь способность имѣть убѣжденія, что *твои взгляды* ты можешь и судить, и имѣть положительные взгляды на вещи, можешь чуствовать глубоко, но все еще остается рѣшить: имѣешь ли ты практическій тактъ, одарена ли ты способностью дѣлать приложенія?

Какъ рѣшить это, когда еще ты не выступала на практическое поприще жизни?

У тебя есть религія сердца, но религія дѣлъ, вѣнецъ земной жизни человѣка, о! одна Высшая Воля можетъ помочь намъ въ трудномъ исполненіи этой религіи.

Тутъ-то, слѣдя безпристрастно за собою, мы находимъ, что то дѣла наши не согласны съ религіей нашего сердца, то религія сердца не выражается въ нашихъ дѣлахъ такъ, какъ бы это должно было быть. Въ практической жизни раскрывается передъ нами сцена, на которой главную роль играетъ нашъ страшный дуализмъ. Настоящія заботы и, слѣдовательно, настоящее горе— тебѣ извѣстны только по слухамъ. Ты еще не знаешь, что значитъ нуждаться и терпѣть недостатокъ; ты не любишь роскоши, но не любишь потому, что въ ней не нуждаешься, потому что имѣешь средства удовлетворить, по крайней мѣрѣ, ея главнымъ притязаніямъ. Часто, и даже обыкновенно, мы не любимъ того, что имѣемъ и что намъ легко достается.

Несравненно труднѣе найдти бѣдняка, который бы не любилъ роскоши, нежели богатаго, который бы былъ ей привязанъ всею душою.

Ты считаешь твою религію непоколебимою святынею, потому что еще тебѣ не представлялись критическіе случаи въ жизни, которые бы тебя могли заставить поколебаться въ этомъ убѣжденіи; ты не находилась еще въ томъ положеніи, когда одна обязанность страшно противорѣчитъ другой, когда, выбирая одно изъ двухъ, сердце раздирается на части, умъ приходитъ въ тупикъ.

Ты знаешь Гердерово:

Wer nie sein Brot mit Tränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte

Auf seinem Bette weinend sass,
Der kennt euch nicht, ihr himmlischen Mächte [1]).

только по напѣву,—не по опыту.

И дай Богъ, чтобы ты этого никогда не испытала.

Оставайся въ незнаніи; однимъ прыжкомъ перескочи ко мнѣ, на мою сторону, чрезъ пропасть, въ которую свалился весь дрязгъ опыта.

Но, оставаясь въ этомъ незнаніи, будь же скромнѣе и снисходительнѣе въ твоихъ сужденіяхъ о другихъ, какъ можно строже и безпристрастнѣе въ сужденіи о себѣ.

9 Марта. Вечеръ.

Наблюдая тебя, я убѣдился, что, впрочемъ, иначе и быть не могло, что ты судишь (о другихъ болѣе—слова эти написаны и зачеркнуты Пироговымъ) по себѣ, по инстинкту и по наслышкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ же иначе ты можешь судить? По себѣ мы судимъ всѣ, болѣе или менѣе, о другихъ, по инстинкту судятъ почти всѣ женщины,—и хорошо дѣлаютъ. По наслышкѣ мы судимъ тогда, когда еще не имѣемъ довольно опыта, чтобы судить самимъ, когда вполнѣ раздѣляемъ сужденія другихъ, нами уважаемыхъ, особъ, и, наконецъ, когда природа насъ обидѣла собственнымъ разсудкомъ. Правда, ты думаешь, что сужденія твои о нѣкоторыхъ вещахъ и особахъ основаны на очевидности, на фактахъ, на наблюденіи.—Милая Саша, червь сомнѣнія еще не заползъ въ твою душу—и за это благодари Бога. Это несовершенство; но оно лучше, оно чище того совершенства, которое пріобрѣтается временемъ и опытомъ и неминуемымъ слѣдствіемъ котораго бываетъ—сомнѣніе. Не всякой былъ такъ щасливъ въ жизни, чтобы при всѣхъ продѣлкахъ жизни и опыта сохранить свою религію въ такой степени, чтобы она могла разсѣять всѣ его сомнѣнія.

Эта увѣренность, если она существуетъ, въ такой степени, разумѣется, несравненно выше той, за которую не ручается еще опытъ. Но для женщины лучше первая. Пусть она сохранитъ дѣтское простодушіе и чистоту души, еще не замаранной

[1]) Это четверостишіе, выписанное у Пирогова съ грамматическими ошибками, неправильно приписано имъ Гердеру. Оно принадлежитъ Гете и взято изъ «Вильгельма Мейстера». Жуковскій даетъ слѣдующій переводъ его: «Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ, Кто близъ одра, какъ близъ могилы, Въ ночи безсонный не рыдалъ, Тотъ васъ не знаетъ, вышни силы» («изъ Гете»). Пироговъ былъ въ 30-хъ годахъ близко знакомъ съ Жуковскимъ, съ которымъ часто видѣлся въ домѣ И. Ф. Мойера, женатаго на дочери Е. А. Протасовой, извѣстной по любви къ ней Жуковскаго Машеньки Мойеръ. (О ней—изслѣдованіе П. Н. Сакулина «М. А. Протасова-Мойеръ по ея письмамъ». Спб. 1907).

опытомъ. Чѣмъ долѣе она сохранитъ свое простодушіе, чѣмъ позже выступитъ на поприщѣ практической жизни, тѣмъ лучше. Не умѣя сомнѣваться, проникнутая религіозными убѣжденіями, впослѣдствіи, когда она въ извѣстномъ возрастѣ, выступитъ на это поприще, то уже самый возрастъ жизни, въ которомъ болѣе не измѣняются, предохранитъ ее отъ искушеній, внушаемыхъ сомнѣніемъ. Многое, впрочемъ, зависитъ и отъ врожденнаго темперамента и характера. Тебя, сколько я могу судить по нашему короткому знакомству, Богъ надѣлилъ именно такимъ, который можетъ замѣнить нравственныя выгоды, пріобрѣтенныя лѣтами жизни.

И такъ, вотъ какъ мнѣ хочется, чтобы судила *моя жена: во-первыхъ—по инстинкту,*—это ея неотъемлемая принадлежность, какъ женщины;—вотъ, почему я люблю сужденія нѣкоторыхъ мнѣ знакомыхъ дамъ, когда онѣ еще не утратили эту способность чрезъ опытъ жизни. Но и тутъ нужна осторожность. Часто мы думаемъ, что нашъ взглядъ на вещи основанъ на этомъ внутреннемъ, необъяснимомъ, непроизвольномъ, неподвластномъ разсудку убѣжденіи, которое я называю нравственнымъ инстинктомъ, между тѣмъ, какъ разсмотрѣвъ его пристальнѣе, мы открываемъ, что это было не *внутреннее убѣжденіе*, а *пріобрѣтенное наслышкой предубѣжденіе.*

Такъ какъ ты, подобно всѣмъ людямъ въ твои лѣта, судишь также иногда по наслышкѣ, то остерегайся отъ этого заблужденія.

Во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы моя жена, не имѣя достаточнаго матеріала, доставляемаго опытомъ и лѣтами жизни, для сужденія, не слишкомъ бы заботилась о снисканіи этого матеріала внѣ семейнаго ея круга. Имѣя полное довѣріе къ своему мужу, безусловно довѣряя, что онъ для самого же себя, а слѣдовательно и для нее, будетъ заботиться замѣнить своею опытностью ея недостатокъ въ опытѣ, она должна въ немъ видѣть *авторитетъ.* Объясняй это какъ хочешь, назови это, пожалуй, эгоизмомъ, не соглашайся, если хочешь, съ этимъ; но тогда и *не выходи замужъ за того,* которому опытъ наблюденія и долгое безпристрастное изученіе самого себя и свѣта даютъ право на первенство въ этомъ отношеніи.

Что бы ни твердили приверженцы эманципаціи и люди, не знающіе ничего лучше своего я, авторитетъ долженъ быть на землѣ. Безъ него не существуетъ никакой нравственной связи между наставникомъ и ученикомъ, между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женою,—разумѣется взявъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ значеніе этихъ обязанностей. Если ученикъ не имѣетъ ко мнѣ этого довѣрія, я болѣе не учитель; если мой

сынъ перестанетъ вѣрить въ справедливость моихъ наставленій, я ему болѣе не отецъ; если жена не вѣритъ въ справедливость моихъ взглядовъ и сужденій, я ей болѣе не мужъ. Не забудь, я сказалъ, что принимаю слова: учитель и ученикъ, отецъ и сынъ, мужъ и жена—въ полномъ нравственномъ значеніи этихъ обязанностей.

Можно быть ученикомъ, заключивъ контрактъ на выучку съ учителемъ, тогда, узнавъ отъ него, что мнѣ нужно было узнать, заплативъ ему деньги по уговору, мы квитъ. Можно, произведши на свѣтъ сына, его отдать, когда ему стукнуло 8 лѣтъ, въ учебное заведеніе и, пожалуй, еще ранѣе сдать на руки гувернантамъ и гувернанткамъ и даже, въ случаѣ нужды, помѣстить въ воспитательный домъ, тогда мы тоже квитъ или почти что квитъ, развѣ только одно мое имя, которое мой сынъ будетъ носить, и деньги и хлопоты, которыя я употребилъ для помѣщенія его въ заведеніе, будутъ мнѣ давать право требовать отъ него, чтобы онъ считалъ меня отцомъ.

Можно жениться на старухѣ и на деньгахъ, можно жениться на молодой, на деньгахъ, на хорошенькихъ глазкахъ, на пухлыхъ щекахъ и жемчужныхъ зубахъ. Можно жениться на ребенкѣ, будучи еще самъ ребенкомъ, и проч. и проч. и проч. И тогда опять квитъ.

Но ты скажешь, жена должна быть другомъ и, слѣдовательно, *равною* мужа. Да, такъ же, какъ *истинный учитель* и ученикъ должны быть самыми вѣрными и безкорыстными друзьями, такъ же, какъ дружество въ извѣстномъ возрастѣ должно соединять отца съ сыномъ; точно также должны быть друзьями мужъ и жена. Но это-то именно дружество и основано съ одной стороны на увѣренности въ авторитетѣ, съ «infaillibilité» (непогрѣшимостью) наставника, отца, мужа; а съ другой стороны оно основано на любви и уваженіи къ *добродѣтели благочестія* (piété), открываемой нами въ ученикѣ, сынѣ и женѣ.

Эта *добродѣтель благочестія* и есть самая неразрывная, самая святая и ненарушимая связь, которая соединяетъ наставника съ учителемъ, отца съ сыномъ, мужа съ женою. И священное писаніе, и законы благоустроеннаго общества гласятъ намъ то же. И я только тогда отступлюсь отъ моихъ притязаній на авторитетъ въ качествѣ мужа, отца и учителя, когда внутреннее сознаніе мнѣ громко скажетъ, что я недостойно исполняю мое призваніе.

Какъ истинный отецъ, заботящійся о нравственной участи будущаго поколѣнія, я долженъ поручить женѣ первоначальное воспитаніе моихъ дѣтей; могу ли, долженъ ли я желать чего

другого въ этомъ воспитаніи, какъ не того, чтобы мои нравственныя убѣжденія, моя религія были переданы моимъ дѣтямъ. Слѣдовательно, я долженъ быть убѣжденъ, что мать ихъ сама раздѣляетъ со мною эти убѣжденія, согласна со мною въ самой подробности взглядовъ, чтобы вѣрно и прямодушно исполнить мои порученія; она должна быть самъ я въ наставленіи моихъ дѣтей. Отъ нее такъ же, какъ здравомыслящій учитель отъ ученика, какъ истинный отецъ отъ сына, я не долженъ скрывать моихъ недостатковъ и слабостей, долженъ принимать и ея совѣты, если нахожу ихъ не противными моимъ убѣжденіямъ. Но для нея не посмѣщищемъ, не предметомъ упрековъ должны служить мои слабости и недостатки.

10 марта. Утро.

Изъ этого, казалось бы, нужно заключить, что я имѣю наклонность къ домашнему деспотизму. Это важный пунктъ въ семейной жизни, и вотъ что я на это скажу тебѣ и скажу, узнавъ себя уже въ этомъ отношеніи на опытѣ [1]). Будь особливо осторожна со мною въ началѣ, въ первые мѣсяцы брака. Если только бракъ

---

[1]) Е. Н. Ахматова въ своихъ воспоминаніяхъ о Сенковскомъ, напечатанныхъ въ августовской книгѣ «Рус. Ст.» за 1890 г., удѣляетъ нѣсколько интереснѣйшихъ строкъ первой женѣ Пирогова (Е. Д. Березиной), отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей и которая скончалась въ январѣ 1846 г., черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія второго сына. «Когда по пріѣздѣ моемъ въ Ревель, гдѣ лѣто проводилъ и Н. И. Пироговъ, я пришла къ нему,—пишетъ Е. Н. Ахматова,—по его предписанію, сообщить о дѣйствіи на меня морскихъ ваннъ, Николай Ивановичъ тотчасъ познакомилъ меня съ своею женою. Эта милая и прелестная женщина, первая жена Н. И. Пирогова, Екатерина Дмитріевна, рожденная Березина, очень привязалась ко мнѣ, и я полюбила ее всею душою. Она была олицетвореніемъ кротости и очень хороша собой. Николай Ивановичъ впослѣдствіи перемѣнилъ свой взглядъ на женщинъ, но въ то время, когда я познакомилась съ нимъ и съ его первою женою, взгляды его на обязанности жены были нѣсколько оригинальны. Онъ желалъ, чтобы жена его не бывала на балахъ и даже въ театрѣ, чтеніе романовъ и короткое знакомство съ кѣмъ-бы то ни было онъ тоже запрещалъ. У Екатерины Дмитріевны характеръ былъ очень уступчивый и кроткій, она не тяготилась такою жизнью, но очень была рада, когда получила разрѣшеніе читать для меня вслухъ французскіе и русскіе романы, такъ какъ мнѣ самой чтеніе было запрещено. Я проводила съ Екатериною Дмитріевною цѣлые дни всю слѣдующую зиму и никогда никого изъ постороннихъ не видала у нея. Она читала, я слушала, но въ тѣ дни, когда меня не было, она оставалась совсѣмъ одна. Николай Ивановичъ, конечно, по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома... Впослѣдствіи, во время моей вторичной поѣздки въ Петербургъ, когда я еще чаще имѣла возможность пользоваться бесѣдой Н. И. Пирогова, я нашла въ немъ большую нравственную перемѣну, которую приписываю преждевременной смерти его первой жены». См. ниже—разсказъ Пирогова (въ этомъ же письмѣ) объ его сватовствѣ къ одной дѣвушкѣ, которая ему не нравилась, между прочимъ, потому, что была неравнодушна къ баламъ и танцамъ. См. также слѣдующее письмо (отъ 2 апрѣля) къ А. А. Бистромъ, въ которомъ Пироговъ возвращается къ вопросу о томъ, чего онъ требуетъ отъ своей жены, и останавливается также на разговорахъ въ обществѣ по поводу его отношеній къ первой женѣ.

былъ совершенъ по склонности, по любви, а не изъ спекуляціи,—какъ въ мущинѣ, такъ и въ женщинѣ происходитъ особенная перемѣна, которая въ различныхъ темпераментахъ и характерахъ выражается различно. Я въ это время нахожусь въ состояніи какого-то безпокойства и прихожу легко въ раздраженіе. Сомнѣнія, мысли о будущемъ невольно тѣснятся въ голову, я долженъ собрать всю энергію воли, чтобы преодолѣть ихъ; но, борясь внутренне съ собою, я дѣлаюсь раздражительнымъ ко всему окружающему, и въ это время неосторожная ошибка, незначущій разговоръ, который въ другое время не сдѣлалъ бы на меня никакого впечатлѣнія вызываетъ цѣлую вереницу самыхъ черныхъ мыслей. Вообще все, что выводитъ меня изъ обыкновеннаго круга моихъ занятій, дѣйствуетъ на меня не совсѣмъ благопріятно и это понятно почему; я наблюдаю, сколько могу, и постоянно мою борьбу съ самимъ собою; всякой новый случай, въ которомъ эта борьба усиливается, требуетъ и большаго напряженія моего вниманія, большаго сосредоточиванія въ самомъ себѣ; отъ этого напряженное состояніе чувства и духа.

Если ты вспомнишь въ первые мѣсяцы нашего брака то, что я теперь тебѣ говорю, и захочешь этимъ воспользоваться, то ты окажешь большое благодѣяніе и для меня, и для тебя. Не упрекай меня, остерегись особливо говорить со мною про другихъ въ это время и даже уступи мнѣ не споря, если услышишь мнѣніе, противорѣчащее твоему о другихъ. Вооружись всѣмъ запасомъ твоей кротости.

Все это будетъ продолжаться не долѣе недѣль шести; но въ это время ты успѣешь побѣдить меня совершенно твоей снисходительностію; и я, желая быть тебѣ авторитетомъ, вмѣстѣ съ этимъ буду дѣйствовать подъ авторитетомъ твоей кротости. И такъ, если хочешь нашъ союзъ сдѣлать счастливымъ,—покажи полное и безусловное довѣріе ко мнѣ, къ моимъ взглядамъ, моимъ убѣжденіямъ, отдайся мнѣ вполнѣ, чтобы никто, никто не былъ между нами судьею и цѣнителемъ нашихъ дѣйствій. Послѣ, побѣдивъ меня этимъ довѣріемъ, ты убѣдишься послѣ, въ какой степени и я снисходителенъ къ той, къ которой получилъ довѣріе чрезъ ея довѣренность ко мнѣ. Вотъ тебѣ самое вѣрное средство гармонировать со мною. Таковъ я.

У меня нѣтъ друзей. Въ этомъ отношеніи я совершенно одинокъ на свѣтѣ. Однихъ я слишкомъ мало уважаю, другихъ почти презираю, третьи не умѣли мнѣ совершенно довѣриться вначалѣ, и тѣмъ не успѣли получить и мою довѣренность. У меня есть нѣсколько пріятелей, ни одного непріятеля. Многіе правда думаютъ, что они мнѣ непріятели, но я въ душѣ, видитъ Богъ,

желаю имъ добра и готовъ его всегда сдѣлать, если оно только не противорѣчитъ долгу и обязанности. Чтобы быть моимъ другомъ, чтобы заслужить полную мою довѣренность, для этого нужно многое, чего я ни въ одномъ изъ моихъ пріятелей не нахожу; и такъ, тебѣ предстоитъ возможность сдѣлаться моимъ настоящимъ другомъ, въ тебѣ я чутьемъ нахожу эту способность и поэтому заключаю съ тобою вѣчный союзъ; но отъ тебя теперь зависитъ осуществить эту мысль, если захочешь воспользоваться урокомъ моего самопознанія.

Я, какъ и мы всѣ, способенъ дѣлать и добро, и зло другимъ, но не съ тою цѣлію, какъ большая часть людей. Мнѣ совсѣмъ не многаго стоитъ сдѣлать пожертвованіе, которое въ глазахъ другихъ уже можетъ почитаться значительнымъ, но они ошибутся, если будутъ думать, что я его сдѣлалъ изъ любви къ нимъ. Я его сдѣлаю потому, что это будетъ мнѣ самому пріятно. Но есть нѣкоторыя, повидимому, бездѣлицы, которыми я не пожертвую, и именно потому, что онѣ въ моихъ глазахъ бездѣлицы, и я никогда не намѣренъ удовлетворять капризамъ людей и, напротивъ, люблю смѣяться надъ ихъ капризами и вмѣстѣ съ тѣмъ люблю ихъ иногда удивлять неожиданностью, исполняя ихъ капризы тогда, когда они этого совсѣмъ не ожидали. Мнѣ хочется, чтобы меня не знали. Я держу на ключѣ храмъ моего внутренняго быта; туда заглядываю только я одинъ, и до сихъ поръ только одной женѣ позволялъ также туда заглядывать, открывая для нее запертую дверь.

Я и забылъ сказать, что у меня былъ одинъ непріятель—отецъ моей покойной жены,—но я ему простилъ, и желаю ему теперь отъ души добра [1]). Другіе, которые думаютъ, что я имъ непріятель, думаютъ это потому, что они близоруки и ограничены въ своихъ понятіяхъ. Они не понимаютъ, что есть обязанности въ обществѣ, которыя требуютъ войны противъ личности, а они ничего не знаютъ выше личности. Если бы кто-нибудь, напримѣръ, добивался какой-нибудь должности и если бы даже спасеніе его жизни и чести зависѣло отъ достиженія этой должности, я буду всѣми силами ему противодѣйствовать безъ всякаго же-

[1]) Въ «Дневникѣ стараго врача» Пироговъ, описывая свое сватовство къ Березиной, пишетъ про ея отца: «Это былъ человѣкъ особенной породы. Вышедъ въ отставку гусарскимъ ротмистромъ послѣ Отечественной войны, Дмитрій Березинъ страстно влюбился въ свою кузину, графиню Екатерину Николаевну Татищеву, и женился на ней тайно и незаконно»... Затѣмъ разсказывается (см. Сочиненія, 1910 г., т. II, стр. 609 и далѣе), какъ Березинъ проигралъ въ карты трижды доставав шіяся ему по наслѣдству крупныя состоянія и говорится: «жену же онъ имѣлъ какую-то манію преслѣдовать и прижимать безъ всякой къ тому причины», особенно своей безсмысленной ревностью.

ланія вредить ему, какъ скоро я буду убѣжденъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшей способности къ исполненію предстоящихъ ему обязанностей. Будь онъ мнѣ братъ, сынъ, отецъ, я поступлю точно также, жертвуя для него во всякомъ другомъ отношеніи. Теперь, претерпѣвъ довольно и видя, что свѣта не перемѣнить, я сдѣлался уже болѣе хладнокровнымъ и устраняюсь, гдѣ дѣло идетъ объ этихъ предметахъ; но прежде я со всѣмъ порывомъ еще юношеской души хотѣлъ безкорыстно служить обществу. Исполненіе моихъ обязанностей относительно общества я ставилъ выше всѣхъ семейныхъ,—это было когда-то моею религіей. Шайка тѣхъ, которые встрѣчали во мнѣ самое твердое противодѣйствіе противъ ихъ плановъ, разумѣется, объясняла это личностью и считаетъ себя моими непріятелями [1]). Я не удостоиваю ихъ этой чести и ей Богу готовъ имъ сдѣлать добро во всякомъ другомъ отношеніи.

Будучи или стараясь быть безпристрастнымъ къ другимъ, я также стараюсь, и еще болѣе, быть безпристрастнымъ ко мнѣ,—признаться въ моихъ недостаткахъ, раскаяться въ моихъ ошибкахъ мнѣ ничего не значитъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ я готовъ раскаяться тотчасъ же на мѣстѣ по совершеніи дѣла; въ другихъ случаяхъ мнѣ нужно немного времени, чтобы побѣдить мое самолюбіе.

Иногда я защищаюсь, сознаваясь внутренно, что я ошибся; но я защищаюсь для того, чтобы показать, что я не безсмысленно сдѣлалъ промахъ и не потому готовъ сознаться въ ошибкѣ, что не умѣю защититься, но потому, что не хочу казаться лучшимъ, нежели каковъ я на самомъ дѣлѣ [2]).

---

[1]) Имѣется въ виду извѣстная въ лѣтописяхъ медико-хирургической академіи борьба Пирогова съ группой такъ наз. черниговцевъ, профессорами, происходившими изъ семинаристовъ, преимущественно Черниговской губерніи. Объ этомъ—въ «Дневникѣ стараго врача», въ письмахъ къ Анненкову и Фусу въ I томѣ сочиненій (1914 г.), въ статьѣ Ю. Г. Малиса «Пироговъ и Булгаринъ» («Ист. В.», 1902 г., III), въ книгѣ А. Бѣлогорскаго о госпитальной хирургической клиникѣ академіи (Спб. 1898) и др., въ біографіи Пирогова, написанной А. И. Шингаревымъ (въ альбомѣ «Пироговъ и его наслѣдіе», Спб. 1911 г.).

[2]) Для сравненія съ этой самооцѣнкой Пирогова слѣдуетъ имѣть въ виду отмѣченное въ его біографіи и упоминаемое въ «Дневникѣ стараго врача» предисловіе его къ «Анналамъ Дерптской хурургической клиники за 1836—1837 г.». Здѣсь мы читаемъ (цитировано по «Протоколамъ и трудамъ русскаго хирургическаго общества Пирогова» за 1886 и 1887 г., стр. 25—26): «Я только годъ состою директоромъ дерптской хирургической клиники и уже дерзаю происшедшее въ этой клиникѣ сообщить врачебной публикѣ. Поэтому книга моя необходимо содержитъ много незрѣлаго и малоосновательнаго; она полна ошибокъ, свойственныхъ начинающимъ, практическимъ хирургамъ, скажу болѣе—въ ней выработаны нѣкоторыя такія положенія, отъ исполненія которыхъ слѣдовало бы воздерживаться молодымъ врачамъ. ...Я считаю священною обязанностью добросовѣстнаго преподавателя немедленно обнародовать свои ошибки

Я самолюбивъ и гордъ, но не суетенъ. Суетность для меня презрительна, я вооружаюсь противъ нее всею силою воли, какъ скоро замѣчаю ея движенія. Мнѣ стоило не малаго труда побѣдить ее; но я не достигъ еще побѣждать ее смиреніемъ души, я побѣждаю ее гордостью, пристыживая самого себя въ мелочности моихъ поступковъ. Я отъ природы завистливъ и ревнивъ, не знаю только, въ большей ли или въ меньшей степени, нежели другіе; но, завидуя или ревнуя, я тотчасъ же внутренно сознаюсь самому себѣ, что я завидую и ревную, опять стыжу самого себя въ мелочности и ничтожности этихъ низкихъ чувствъ и бываю нѣсколько времени послѣ того недоволенъ собой, что еще столько гадости таится въ душѣ моей.

Собственно во всѣхъ этихъ случаяхъ я долженъ бы былъ призывать на помощь религію, но, читая *вопросы жизни*[1]) со вниманіемъ, ты убѣдишься, что я дошелъ до религіозныхъ убѣжденій чрезъ самопознаніе; и этимъ моя религія существенно отличается отъ твоей. Ты, отъ природы наклонная къ религіознымъ вдохновеніямъ, не проходила чрезъ извилистую дорогу сомнѣній.

Меня судьба съ самаго дѣтства кинула на этой дорогѣ, и я долженъ былъ на пути безпрестанно заблуждаться, бороться, падать. Мнѣ оставалась одна только надежда—на самопознаніе. Но и я не чуждъ религіозныхъ вдохновеній; слезы раскаянія порой струятся ручьемъ изъ глазъ моихъ; омываютъ ли онѣ предъ Сердцевѣдцемъ мою душу, извѣстно одному ему; но для меня онѣ утѣшительны.

На тебѣ я женюсь рѣшительно безкорыстно. Я испытывалъ въ этомъ отношеніи и глубоко мое сердце. Четыре года вдовства я многое передумалъ. Сначала я было рѣшился не иначе жениться, какъ взявъ капиталъ съ женою. Вотъ какъ я разсуждалъ объ этомъ: узнать женщину въ подробности мнѣ не достанетъ теперь ни времени, ни случая, ни терпѣнія, и, даже узнавъ ее до замужества, все-таки никто не можетъ мнѣ поручиться, что она останется такою же и вышедъ замужъ. Бракъ—это мы видимъ изъ опыта—измѣняетъ не рѣдко нравъ женщины. Если

и ихъ послѣдствія, для предостереженія и назиданія другихъ, еще менѣе опытныхъ, отъ подобныхъ заблужденій... Откровенное и добросовѣстное описаніе дѣятельности даже малоопытнаго практика (надо помнить, что въ это время Пироговъ былъ уже достаточно извѣстенъ въ европейскихъ ученыхъ кругахъ) для начинающихъ врачей имѣетъ важное значеніе. Правдивое изложеніе его дѣйствій, хотя бы и ошибочныхъ, укажетъ на механизмъ самыхъ ошибокъ и на возможность избѣгнуть ихъ повторенія, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это достижимо. Правъ ли я въ моемъ воззрѣніи или нѣтъ, предоставляю судить другимъ; въ одномъ только могу удостовѣрить, что въ моей книгѣ нѣтъ мѣста ни для лжи, ни для самохвальства».

[1]) Курсивъ мой. *С. Ш.*

она, вышедъ за меня замужъ, будетъ отъ меня требовать, чтобы я удовлетворялъ ея потребностямъ, ея капризамъ, а у меня не будетъ къ этому достаточныхъ средствъ,—то это значитъ наложить на себя такое бремя, отъ котораго будешь безпрестанно стонать и охать. Потомъ, немногое, что я пріобрѣлъ, принадлежитъ моимъ дѣтямъ отъ перваго брака,—это ихъ неприкосновенная собственность; многаго же я вѣроятно никогда не пріобрѣту, потому что не имѣю къ этому ни малѣйшей склонности [1]).

И такъ для счастья же и для спокойствія нашего общаго семейнаго быта я долженъ имѣть жену, которая бы мнѣ принесла съ собою и средства жить, не отказывая въ томъ, что можетъ быть сдѣлалось необходимою ея потребностію. Извѣстно, что иногда то, что въ глазахъ одного кажется роскошью есть необходимая потребность въ глазахъ другого или другой. Это условіе женитьбы мнѣ казалось тѣмъ болѣе справедливымъ, что я такъ же твердо рѣшился при вторичномъ бракѣ отдѣлить мою мать. Сверхъ этого могло также случиться, что вторая моя жена не будетъ чуствовать никакой привязанности къ дѣтямъ перваго брака и тогда я долженъ буду также отдѣлить и ихъ. Такимъ образомъ, содержаніе двухъ хозяйствъ и отдѣльное воспитаніе двухъ дѣтей будетъ превышать мои средства.

Два раза мнѣ представлялся случай для довольно выгодной женитьбы; но, испытавъ себя, я видѣлъ, что, женясь такимъ образомъ и обезпечивъ себя совершенно съ внѣшней стороны, внутренно я не былъ бы доволенъ. Закабалить себя въ форму

---

[1]) На послѣднихъ страницахъ своего «Дневника» Пироговъ разсказываетъ о своемъ сватовствѣ къ Березиной и сообщаетъ, что отецъ невѣсты обѣщалъ ему въ приданое 150 тысячъ рублей. Но и самъ Пироговъ, и мать невѣсты хорошо знали, что это одно только бахвальство стараго игрока, который, повидимому, даже и не задумывался надъ вопросомъ о необходимости выполнить обѣщаніе. Что касается благопріобрѣтеннаго состоянія Пирогова, то къ концу его жизни оно представляло собою почти милліонное имущество (земля и капиталы), нажитое его колоссальной медицинской практикой. Въ эпоху-же профессорства Пироговъ, имѣвшій самую обширную практику въ столицѣ и ближайшемъ районѣ, получалъ отъ нея сравнительно мало матеріальной прибыли, такъ какъ онъ лечилъ преимущественно безплатно и часто отдавалъ еще свои деньги своимъ бѣднымъ кліентамъ. Лишь послѣ своей отставки по министерству народнаго просвѣщенія, проживая въ вынужденной оторванности отъ общественныхъ дѣлъ, онъ, преимущественно, подъ вліяніемъ своей второй жены, сталъ заниматься въ значительной степени платной практикой, хотя и здѣсь старался какъ можно больше времени удѣлять безплатнымъ паціентамъ изъ окрестныхъ деревень. Объ этомъ—интересныя воспоминанія ассистента и помощника Пирогова—д-ра Э. В. Каде (см. «Протоколы и труды Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова» за 1882 и 1883 гг.). Имѣются еще, изложенныя крайне рѣзко и едва-ли, именно поэтому, достаточно объективно, воспоминанія А. Н. Витмера («Ист. В.», августъ 1911 г.) о послѣднихъ годахъ Пирогова. Здѣсь также говорится о медицинской практикѣ знаменитаго хирурга въ деревнѣ. Еще см. воспоминанія того же автора о Захарьинѣ («Ист. В.», 1913, IV), гдѣ онъ возвращается къ своимъ воспоминаніямъ о Пироговѣ.

приличія и холодныхъ обязанностей я не въ состояніи. Я хочу еще чуствовать несмотря на то, что уже кажется перечуствовалъ довольно. Воспоминаніе о щасливой любви, которая такъ было начала благодѣтельно одушевлять меня въ первомъ бракѣ, глубокой колеей врѣзалось въ моемъ сердцѣ,—и я оба раза отказался. Еще предъ тобою, когда я уже непремѣнно хотѣлъ однажды навсегда рѣшить, долженъ ли я остаться вдовцемъ и устроить другимъ образомъ участь дѣтей или жениться, у меня была въ виду одна дѣвушка такихъ же лѣтъ какъ ты, но я не былъ въ ней увѣренъ и хотѣлъ сначала убѣдиться въ средствахъ. Я назначилъ было два вечера, чтобы испытать ее и себя, есть ли въ насъ дѣйствительно склонность другъ къ другу,—воспитаніе ея мнѣ нравилось, но не нравилось окружающее ее. Въ оба вечера я засталъ ее танцующей съ какимъ-то наслажденіемъ; наконецъ, я назначилъ еще вечеръ, прихожу и она уѣзжаетъ на балъ, говоря объ немъ также не хладнокровно.

Кончено, я хотѣлъ уже остаться вдовцомъ. Еще бы два дни и—ты и я не существовали бы другъ для друга.

Но въ эти два дни я посѣтилъ случайно мадамъ Козенъ [1]) и остальное тебѣ извѣстно.

Продолжаю мою исповѣдь. Ровно годъ тому назадъ я хотѣлъ жениться на одной пріятельницѣ моей жены; но я узналъ, что она твердо рѣшилась не выходить замужъ, и потому я оставилъ мое намѣреніе, но и въ этомъ случаѣ, намѣреваясь жениться, я освѣдомлялся о средствахъ, которыми она можетъ располагать.

Сватаясь за тебя, я рѣшительно оставилъ всѣ мысли о корысти. Я рѣшилъ только найдти мать моимъ дѣтямъ и, если ты, можетъ быть, разочаруешься во мнѣ, то у тебя все-таки должна, по крайней мѣрѣ, остаться утѣшительная мысль, что я женился только на тебѣ одной.

Пусть мои дѣти будутъ бѣдняками и начнутъ свое поприще такъ же, какъ я, безъ копѣйки, но пусть они будутъ щастливѣе меня въ другомъ отношеніи; пусть ихъ мачиха одушевитъ ихъ вѣрою непоколебимою на цѣлую ихъ жизнь. Видитъ Богъ, я приношу теперь въ жертву всѣ мои корыстолюбивые помыслы для этого идеальнаго щастія моихъ дѣтей и, слѣдовательно, моего собственнаго. Если Ему угодна моя жертва, то да ниспошлетъ Онъ мнѣ одну награду: истинную мать моихъ дѣтей, истинную жену мнѣ по душѣ и по чуству.

Покуда я буду живъ и здоровъ, мы съ голода не умремъ; но для лучшаго воспитанія нашихъ дѣтей и насъ самихъ мы

[1]) Генеральша Евгенія Федоровна Козенъ, родственница А. А. Бистромъ. О ней—во вступительной замѣткѣ.

должны жить съ расчетомъ. Сколько можемъ, мы должны оставлять и на черный день.

Я считаю теперь нужнымъ познакомить тебя и съ моими средствами, съ прозаическою стороною моей жизни. Я на-дняхъ сосчиталъ мои доходы. Они различны въ различные годы. Но вотъ они круглымъ числомъ: обыкновенно они простираются до 20000 ассигнац. въ годъ. Теперь я израсходываю въ годъ не болѣе 3000 рубл. серебр. или около 12000 рубл. ассиг.—Женясь и раздѣля хозяйство, мнѣ должно будетъ израсходовать, по крайней мѣрѣ, 15000 рубл. ассигн. Раздѣлить хозяйство я непремѣнно долженъ; я объ этомъ уже говорилъ съ сестрою. Матушкѣ, какъ она ни стара, непремѣнно нужна дѣятельность, нужно, чтобы она чѣмъ-нибудь была занята въ хозяйствѣ, и мы должны отдѣлить ее, хотя она и будетъ жить въ одномъ домѣ съ нами. Твоя забота будетъ устроить все самымъ экономическимъ образомъ; для здоровья дѣтей и нашего мы не должны отказывать ни въ чемъ и поэтому лѣтомъ дача или поѣздка на море необходимы. Мы должны думать и о будущихъ дѣтяхъ и еще болѣе о будущемъ воспитаніи. Мнѣ не хотѣлось бы отдавать дѣтей въ казенныя заведенія. Когда я умру, у тебя и у дѣтей останется пенсіонъ—теперь половина, чрезъ 7 лѣтъ—полный, 1500 рубл. серебромъ или 5000 рубл. ассигнац.

Мы не должны забывать и бѣдныхъ; въ чемъ ты можешь отказывать себѣ безъ вреда для себя и для дѣтей, отказывай, заставляй и меня отказывать. Ради Бога, привяжи меня къ жизни, которая мнѣ, по правдѣ сказать, вовсе не дорога, поэтическою ея стороною, старайся поддержать во мнѣ вдохновенье участіемъ, собственнымъ вдохновеніемъ и любовью къ идеальному. Укрѣпляй меня въ моихъ занятіяхъ наукою и искусствами; старайся поселить это же направленіе и въ нашихъ дѣтяхъ и Богъ благословитъ твои дѣла.

Одна мысль еще тяготитъ меня, одна она доказываетъ мнѣ, что моя вѣра еще не совершенна; это мысль, что непредвидѣнный недугъ можетъ вдругъ лишить насъ средствъ къ спокойному и безбѣдному существованію. Эта мысль мнѣ постоянно приходила въ голову и въ первомъ моемъ супружествѣ, когда вѣра моя была еще несовершеннѣе, и эта мысль еще тягостнѣе.

Теперь я какъ-то спокойнѣе на этотъ щетъ. Будь воля Господня надъ нами, тревожить себя мыслями о будущемъ ни къ чему не ведетъ и запрещено Откровеніемъ. Старайся, когда замѣтишь во мнѣ эти мысли, уничтожить ихъ твоею вѣрою и твоимъ вдохновеніемъ. Не пугайся меня въ минуты моихъ сомнѣній, когда сердце мое холодѣетъ, когда чуство прячется въ глубину,

безмолвіемъ и сумрачнымъ взглядомъ выражается тоска и грусть души. Знай, что нѣжность твоя всегда будетъ въ силахъ расшевелить эту грустную душу, разсѣять мракъ, одушевить, согрѣть и осѣнить. Я это знаю, я это чуствую; не забудь, что въ твоихъ рукахъ теперь лежитъ все, что привязываетъ еще меня къ здѣшней жизни.

Матушка еще очень больна [1]).

Что дѣти и сестра тебѣ кланяются, тебя цѣлуютъ, это разумѣется уже само по себѣ. Что я тебя за это тысячу и тысячу разъ цѣлую и прижимаю къ своему сердцу, тебѣ сказывать не нужно.

Прощай, моя душка. Не теряй времени понапрасну. И въ уединеніи, и въ обществѣ, не оставляй нашихъ общихъ думъ, которыя насъ связываютъ теперь навсегда и несмотря на пространство, раздѣляющее насъ, соединяютъ сочувствіемъ наши души.

Твой другъ, твой мужъ по душѣ и чуству.

1850 г.
Марта 10 дня.
Отослано 11-го числа.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Мать Н. И. Пирогова, Елизавета Ивановна, родилась, приблизительно, въ 1776 г., скончалась 16 марта 1850 г.

Изъ переписки Тургенева и Некрасова съ Толстымъ.

I. И. С. Тургеневъ къ гр. Л. Н. Толстому.

Печатаемыя ниже два письма Тургенева къ Толстому и письмо Н. А. Некрасова обнаружены нами въ копіяхъ въ архивѣ В. А. Гольцева. Письма эти, повидимому, были доставлены въ редакцію «Русск. Мысли» для напечатанія, но, насколько намъ извѣстно, напечатаны не были. Не вошли эти письма и въ «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева» въ изд. О-ва для пособія нужд. литерат. и ученымъ (Спб. 1885 г.).

Никакихъ указаній на существованіе этихъ писемъ не нашли мы ни въ весьма тщательно составленной г-жей С. Петрашкевичъ библіографіи воспоминаній о Тургеневѣ (Тургеневскій Сборникъ. Изд. Тургеневскаго Кружка, подъ руков. Н. Пиксанова. П. 1915 г.), ни въ книгѣ Н. Гутьяра «Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева» (Спб. 1910 г.).

Къ печатаемому ниже письму Тургенева изъ с. Покровскаго отъ 9 октября 1855 г. считаемъ не лишнемъ сдѣлать слѣдующее поясненіе. Въ книгѣ Гутьяра «Хронолог. канва» и т. д. имѣется указаніе на то, что *7 октября* 1855 г. Тургеневъ пріѣзжалъ изъ с. Спасскаго въ Москву на похороны Т. Н. Грановскаго, а *приблизительно 10-го* былъ уже въ С.-Петербургѣ. Кажущееся противорѣчіе въ датахъ (письмо изъ Покровскаго помѣчено 9 октября, а 10-го Тургеневъ былъ уже въ... С.-Петербургѣ) легко устраняется. 7-го или 8-го октября Тургеневъ, надо полагать, уѣхалъ къ себѣ въ Спасское, чтобы собраться въ С.-Петербургъ. Изъ Спасскаго онъ заѣхалъ въ с. Покровское къ гр. М. Н. Толстой, откуда уже 9-го октября выѣхалъ, («... теперь, уѣзжая изъ дома Вашей сестры въ С.-Петербургъ»...) и *приблизительно* 10-го прибылъ въ С.-Петербургъ. Къ сожалѣнію, г. Гутьяръ не поясняетъ, на чемъ основывается его утвержденіе о прибытіи Тургенева въ С.-Петербургѣ *приблизительно* 10 октября.

Выѣхавъ 9-го октября изъ с. Покровскаго, Тургеневъ 10-го легко могъ пріѣхать въ Москву и въ тотъ же день выѣхать по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ. Мы полагаемъ поэтому, что пріѣздъ Тургенева въ С.-Петербургъ слѣдуетъ отнести не къ 10-му, а къ 11 октября. Въ общемъ данныя Гутьяра лишь подтверждаютъ точность даты письма Тургенева изъ с. Покровскаго.

Н. Клестовъ.

1.

С. Покровское. 9-го Октября 1855 г.

Я давно собираюсь затѣять съ Вами хотя письменное знакомство, любезный Левъ Николаевичъ, за невозможностью пока другого; теперь, уѣзжая изъ дома Вашей сестры [1]) въ Петербургъ—хочу привести въ исполненіе это давнишнее намѣреніе.

Во-первыхъ, благодарю Васъ душевно за посвященіе мнѣ Вашей «Рубки лѣсу»—ничего еще, во всей моей литературной карьерѣ, такъ не польстило моему самолюбію. Ваша сестра, вѣроятно, писала Вамъ, какого я высокаго мнѣнія о Вашемъ талантѣ и какъ много отъ Васъ ожидаю—въ послѣднее время я особенно часто думалъ о Васъ. Жутко мнѣ думать о томъ, гдѣ Вы находитесь,—хотя, съ другой стороны, я и радъ для Васъ всѣмъ этимъ новымъ ощущеніямъ и испытаніямъ—но всему есть мѣра и не нужно вводить судьбу въ соблазнъ—она и такъ рада повредить намъ на каждомъ шагу. Очень было бы хорошо, если бы вамъ удалось выбраться изъ Крыма. Вы достаточно доказали, что Вы не трусъ, а военная карьера все-таки не Ваша—Ваше назначеніе—быть литераторомъ, художникомъ мысли и слова. Я потому рѣшаюсь говорить такъ съ Вами, что въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ, сегодня полученномъ, Вы намекаете на возможность отпуска, да сверхъ того, я слишкомъ люблю русскую словесность, чтобы не питать желанія знать Васъ внѣ всякихъ глупыхъ и неразборчивыхъ пуль. Если дѣйствительно Вамъ возможно пріѣхать хотя на время въ Тульскую губернію—

[1]) Имѣніе Покровское Тульск. губ., гдѣ проживала гр. М. Н. Толстая съ мужемъ, находилось недалеко отъ Спасскаго. Тургеневъ очень часто, а во время своей ссылки чуть ли не ежедневно, бывалъ въ Покровскомъ. Съ гр. Марьей Николаевной Тургеневъ былъ особенно друженъ и относился къ ней съ величайшимъ уваженіемъ. Въ Покровскомъ же изъ разсказовъ Марьи Николаевны Тургеневъ много интереснаго узналъ о Л. Н. Толстомъ, первостепенный литературный талантъ котораго Тургеневъ привѣтствовалъ еще въ 1852 г. Такимъ образомъ первое письмо Тургенева къ Толстому относится къ 9 октября 1855 г. Написано оно было въ с. Покровскомъ.

я бы нарочно явился сюда изъ Петербурга, чтобы познакомиться съ Вами лично. Это вамъ не можетъ служить большой приманкой, но, право, для Васъ самихъ, для литературы—пріѣзжайте. Повторяю Вамъ—ваше орудіе—перо, а не сабля, а Музы не только не терпятъ суеты, но и ревнивы.

Мнѣ кажется мы бы сошлись и наговорились вдоволь и, можетъ быть, наше знакомство не было бы безполезнымъ для обоихъ.

Я бы много хотѣлъ сказать Вамъ о Васъ самихъ, о Вашихъ произведеніяхъ, но это рѣшительно невозможно на бумагѣ, особенно въ этомъ письмѣ. Отлагаю все это до свиданія личнаго, въ которомъ я не отчаиваюсь [1].

Я часто видаюсь въ теченіе лѣта съ Вашими родными и полюбилъ ихъ отъ души. Какъ мы всѣ сожалѣли объ отъѣздѣ Ник. Ник. то! Право, досадно вспомнить, что, будучи такими близкими сосѣдями, мы такъ поздно сошлись.

Вы бы меня очень обрадовали отвѣтомъ. Вотъ мой адресъ: въ С.-Петербургъ, на Фонтанкѣ, у Аничкова моста, въ домѣ Степанова.

Дружески жму Вашу руку, любезный Левъ Николаевичъ, и желаю Вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья. Остаюсь душевно Васъ уважающій

Иванъ Тургеневъ.

2.

Парижъ 3/15-го Января 1857 г. [2]).

Милый Толстой.

Не знаю, много ли радуютъ Васъ мои письма, но Ваши меня утѣшаютъ. Въ Васъ очевидно происходитъ перемѣна—весьма хорошая (извините меня, что я Васъ какъ будто по головѣ глажу: я цѣлыхъ десять лѣтъ старше Васъ да и вообще чувствую, что становлюсь дядькой и болтуномъ). Вы утихаете, свѣтлѣете и, главное, Вы становитесь свободны, свободны отъ собственныхъ воззрѣній и предубѣжденій. Глядѣть налѣво такъ же пріятно, какъ направо—ничего клиномъ не сошлось — вездѣ «перспе-

---

[1]) Свиданіе Л. Н. Толстого съ Тургеневымъ состоялось 21 ноября 1856 г. въ С.-Петербургѣ, куда Толстой былъ посланъ курьеромъ послѣ сдачи Севастополя.

[2]) У Гутьяра 1857 г. начинается съ письма къ Герцену отъ 4 (16) января; г. Сергѣенко въ книгѣ «Толстой и его современники» говоритъ, что Тургеневъ не получилъ отъ Л. Н. Толстого отвѣта на письмо изъ Парижа отъ 8/12 1856 г., которое Толстому показалось обиднымъ. («Первое собр. писемъ», стр. 33). Письмо гр. М. Н. Толстой дало, повидимому, поводъ Тургеневу вновь писать Толстому, не дожидаясь отъ него отвѣта на письмо отъ 8/12.

ктивы» (это слово Боткинъ у меня укралъ) стоитъ только глаза раскрыть. Дай Богъ, чтобы Вашъ кругозоръ съ каждымъ днемъ расширялся! Системами заростаютъ только тѣ, которымъ вся правда въ руки не дается, которые хотятъ ее за хвостъ поймать; система, точно хвостъ правды, но правда какъ ящерица оставитъ хвостъ въ рукѣ, а сама убѣжитъ: она знаетъ, что у ней въ скоромъ времени другой выростаетъ. Это сравненіе нѣсколько смѣло, но дѣло въ томъ, что Ваши письма меня утѣшаютъ. Это несомнѣнно. Я получилъ отъ Вашей сестры [1]) очень милое и довольно длинное письмо. Оно меня очень обрадовало; я искренно къ ней привязанъ и извѣстіе о ея болѣзни меня сильно опечалило. Ей тоже [2]) понравился мой Ф. [3]). Странная судьба этой вещи! Инымъ она совсѣмъ не по вкусу—между прочимъ, къ крайнему моему сожалѣнію, и г-жѣ Віардо. Кстати, что за нелѣпые слухи распространяются у Васъ! Мужъ ея здоровъ, какъ нельзя лучше, и я столь же далекъ отъ свадьбы, сколь, напр., Вы. Но я люблю ее больше чѣмъ когда-либо и больше чѣмъ кого-нибудь на свѣтѣ. Это вѣрно. Ваше «Дѣтство и отрочество» производитъ фуроръ между здѣшними русскими дамами; присланный мнѣ экземпляръ читается на расхватъ и уже я долженъ былъ обѣщать нѣкоторымъ, что непремѣнно Васъ познакомлю съ ними—требуютъ отъ меня вашихъ автографовъ—словомъ, Вы въ модѣ пуще кринолина. Сообщаю Вамъ это потому, что ни говори, есть тамъ гдѣ-то въ сердцѣ пупырушекъ, который такія похвалы (да и всякія) пріятно щекочутъ. И пусть щекочутъ—на здоровье!

Изъ писемъ, полученныхъ мною изъ Петербурга, я могу заключить, что у Васъ довольно сильно зашевелилась литературная да и всякая другая жизнь. Иногда меня разбираетъ досада, почему я не нахожусь въ это время со всѣми Вами—и даже кажется («человѣкъ самолюбивъ!»), что я могъ бы быть полезенъ. Но выѣхать отсюда раньше апрѣля я и думать не могу и потому отлагаю всѣ подобныя мечты до будущей зимы. А будущей зимой Васъ, пожалуй, не будетъ. Вы мнѣ пишете, что даже нынѣшнюю зиму въ Петербургѣ не доживете. Что у Васъ за мысль ѣхать на Кавказъ? Скорѣе брата вашего [4]) надобно оттуда вытащить.

Не забудьте мнѣ прислать все Ваше, что явится не въ Соврем-ѣ.

---

[1]) Гр. М. Н. Толстой.

[2]) Толстому очень понравился «Фаустъ», что онъ и высказалъ въ письмѣ къ Тургеневу въ ноябрѣ 1856 г.

[3]) Фаустъ. «Соврем.» 1855 г., кн. X.

[4]) Ник. Николаевича.

Знакомство Ваше съ Шекспиромъ или, говоря правильнѣе, приближеніе Ваше къ нему меня радуетъ[1]). Онъ—какъ природа; иногда вѣдь какую она имѣетъ мерзкую физіономію (вспомните хоть какой-нибудь нашъ степной октябрьскій слезливый, слизистый день), но даже и тогда въ ней есть необходимость, правда и—(приготовьтесь: у васъ волоса встанутъ дыбомъ)—цѣлесообразность. Познакомьтесь-ка также съ Гамлетомъ, съ Юліемъ Цезаремъ, съ Каріоланомъ, съ Генрихомъ IV, съ Макбетомъ и Отелло. Не позволяйте внѣшнимъ несообразностямъ отталкивать васъ; проникните въ середину, въ сердцевину творенія—и удивитесь гармоніи и глубокой истинѣ этого великаго духа. Вижу отсюда, какъ Вы улыбаетесь читая эти строки, но, подумайте, что, *можетъ быть,* Т. и правъ. Чѣмъ чортъ не шутитъ!

Я не говорю Вамъ о здѣшнихъ моихъ знакомствахъ; встрѣтилъ я только одну милую дѣвушку—и та русская, одного очень умнаго человѣка—и тотъ жидъ. Французики мнѣ не по сердцу; они, можетъ быть, отличные солдаты и администраторы, но у всѣхъ у нихъ въ головѣ только одинъ переулокъ, по которому шныряютъ все тѣ же навсегда принятыя мысли. Все не ихнее имъ кажется дико и глупо.

«Ah! le lecteur Français ne saurait admettre cela!» Сказавши эти слова, французъ даже не можетъ представить себѣ, что вы что-нибудь возразите. Богъ съ ними!

Ну прощайте, милый Толстой. Разрастайтесь въ ширину, какъ Вы до сихъ поръ въ глубину росли, а мы со временемъ будемъ сидѣть подъ Вашей тѣнью да похваливать ея красоту и прохладу.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

II. Н. А. Некрасовъ къ гр. Л. Н. Толстому.

Милостивый Государь,

Левъ Николаевичъ!

Вашихъ писемъ я получилъ не два, а одно; отвѣчалъ вамъ довольно скоро по полученіи рукописи (Запис. марк. [2]) по старому вашему адресу (на имя Н. Н. Толстого). Тамъ я излагалъ и мнѣніе мое объ этой вещи, спрашивалъ васъ въ заключеніе—

[1]) Въ то время Л. Н. Толстой чувствовалъ сильную антипатію къ Шекспиру (Изъ бумагъ А. В. Дружинина. Сборн. Общ. пособія литерат. и учен. Спб. 1884 г.). Эта антипатія была нѣсколько поколеблена выходомъ въ свѣтъ «Короля Лира» въ переводѣ Дружинина.

[2]) «Записки Маркера», были напечатаны въ «Современникѣ» лишь годъ спустя, а именно, въ январѣ 1855 г.

печатать ли все-таки эту вещь или вы соглашаетесь на мои замѣчанія? И такъ приходится мнѣ теперь повторить эти замѣчанія. Зап. марк. очень хороши по мысли и очень слабы по выполненію; этому виной избранная вами форма; языкъ вашего маркера не имѣетъ ничего характернаго—это есть рутинный языкъ, тысячу разъ употреблявшійся въ нашихъ повѣстяхъ, когда авторъ выводитъ лицо изъ простого званія; избравъ эту форму вы безъ всякой нужды только стѣснили себя: разсказъ вышелъ грубъ и лучшія вещи въ немъ пропали. Извините, я тороплюсь и не выбиралъ выраженій, но вотъ сущность моего мнѣнія объ этомъ разсказѣ; это я счелъ долгомъ сообщить вамъ, прежде чѣмъ печатать разсказъ, такъ какъ я считаю себя обязаннымъ вамъ откровенностью за то лестное довѣріе, которымъ вы меня удостоили. Притомъ ваши первыя произведенія слишкомъ много обѣщали, чтобы послѣ того напечатать вещь сколько-нибудь сомнительную. Однакожъ я долгомъ считаю прибавить, что если вы все-таки желаете я напечатаю эту вещь немедленно, мы печатаемъ много вещей и слабѣе этой, и если я ждалъ съ этою, то потому только, что ждалъ вашего отвѣта. Жду его и теперь и надѣюсь получить скоро вмѣстѣ съ *Отрочествомъ*, которое можетъ быть напечатано очень скоро, если вы не замедлите его присылкою. Увѣдомьте меня, куда вамъ посылать Современникъ и деньги.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и преданности.

Н. Некрасовъ.

P. S. Если вы заглядываете въ Современникъ (начиная съ XI книги включительно), то можете замѣтить, что теперь ваши произведенія не подвергнуты такимъ измѣненіямъ по цензурѣ, какимъ подвергались прежде.

6 февраля 1854. Спб.

Ваше письмо отъ 14-го января я получилъ 6-го февраля.

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ[1]).

VI. Г. Успенскій и А. И. Эртель.

Знакомство Успенскаго и Эртеля началось въ 1878 г. одновременно со знакомствомъ второго вообще съ людьми литературнаго кружка, группировавшагося вокругъ библіотеки П. В. Засодимскаго, на углу Литейнаго и Невскаго, которою одно время завѣдывалъ Эртель. Къ этому кружку принадлежали также беллетристы-народники Златовратскій и Наумовъ, а также Н. Ѳ. Бажинъ, С. Н. Кривенко. «Изъ писателей я быстро и ближе всѣхъ сошелся съ Гл. Успенскимъ и Н. Бажинымъ;—пишетъ Эртель,—вообще знакомство съ ними сразу какъ-то напрягло и взволновало мои литературныя наклонности, а ихъ разговоры значительно расширили кругъ моихъ познаній и понятій»...

Когда Эртель получилъ свой первый крупный гонораръ за «Записки степняка» въ «Вѣстникѣ Европы», онъ съ восторгомъ примчался домой. «У меня были въ то время Г. И. Успенскій, Кривенко и еще кто-то. Я съ торжествомъ вытащилъ деньги и, весь сіяя, показалъ ихъ присутствующимъ.—«Сколько?»—закричалъ Глѣбушка.—«Триста».—Онъ схватилъ пачку и прикрылъ ладонью. «Беру взаймы». Однако мнѣ было невозможно дать въ то время, потому что предстояла нужда расплатиться съ долгами и пить-ѣсть».

О настроеніи въ литературныхъ кружкахъ семидесятыхъ годовъ и начала 80-хъ Эртель, между прочимъ, пишетъ, упоминая Г. Успенскаго.

«Жилось изо дня въ день, бойко, горячо, пестро, а для чего все это? почему? зачѣмъ?—такіе вопросы рѣшительно не приходили на умъ. Текущіе интересы дня, политики, литературы, журналистики, такъ называемой «внутренней жизни» (провинціальныя дѣла) такъ и тянулись непрерывною чередою. Даже вопросы искусства, не говоря уже о философіи, не служили пред-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2, 3 и 4.

метомъ разговора въ томъ кружкѣ людей, въ которомъ я кипѣлъ. Развѣ иное мѣткое и оригинальное слово изъ этой области «духа» скажетъ Гл. Успенскій или Вс. М. Гаршинъ, съ которымъ я въ то время тоже хорошо сошелся.

«Зимою 79—80 года я въ числѣ прочихъ «молодыхъ писателей» (Гаршина, Ясинскаго, Русанова, Кривенко и еще кого-то), затѣмъ болѣе старыхъ (Златовратскаго, Наумова и пр.) былъ представленъ Г. Успенскимъ Тургеневу въ квартирѣ К. Сибирякова и затѣмъ еще разъ видѣлъ его и немного говорилъ съ нимъ въ тѣсномъ кружкѣ писателей у Гл. Ив. Объ этомъ знакомствѣ очень хлопоталъ Успенскій». (Письма А. И. Эртеля; стр. 23—24, 26).

Имя Гл. Успенскаго упоминается и въ страничкѣ дневника Эртеля, отъ 6 февр. 1884 г., напечатанной въ «Гол. Минувшаго» 1913 г. февраль.—«Глѣбушка зоветъ заграницу!»—читаемъ здѣсь, между прочимъ.

Въ письмахъ Успенскаго къ Гольцеву (см. «Архивъ Гольцева», М. 1914) не разъ упоминается имя Эртеля. Г. И. очень внимательно слѣдилъ за литературной дѣятельностью автора «Гардениныхъ» и радуется въ этихъ письмахъ каждому успѣху друга.

Короткое пріятельство, установившееся между Успенскимъ и Эртелемъ, значительно младшимъ годами, чувствуется въ тѣхъ коротенькихъ дружескихъ записочкахъ, которыя писались Успенскимъ Эртелю въ 1883—84 г.г., когда они оба жили въ меблированномъ домѣ, на Пушкинской, «Пале-рояль». Содержаніе этихъ записочекъ очень незначительно: просьба о ссудѣ нѣсколькихъ рублей, приглашеніе на чай, и т. п. житейскія дѣла. Но все это облечено въ такую своеобразную, милую и теплую форму, что и въ этихъ мелочахъ сквозитъ и свѣтится душа исключительной натуры. Копія этихъ записочекъ сообщена намъ Мар. В. Эртель.

Должно отмѣтить, хотя приводимые далѣе матеріалы этого и не касаются, что обоихъ писателей съ второй половины 80-хъ годовъ соединялъ живой интересъ къ Л. Н. Толстому.

Александръ Ивановичъ! Пріѣду во вторникъ утромъ, все объясню, разскажу и уплачу долгъ. Теперь же, да будетъ надъ Вами благословеніе свыше! Аминь.

Вашъ *Г. Успенскій.*

Александръ Ивановичъ! Павленковъ купилъ у меня 5 и 6 томы за 1350 р.—изъ нихъ я получаю 500 р. на этихъ дняхъ, то-есть когда пожелаю. Пріѣхать сейчасъ мнѣ нельзя, я оканчиваю ра-

боту въ От. З. Денегъ у меня нѣтъ ни гроша, пожалуйста если можно достаньте ради Христа 25 р. и вручите ихъ Павлу Николаевичу. Я окончу очень, очень скоро, во вторникъ, среду самое большее, и тотчасъ отдамъ и 25 р. и Сибиряковой 200. Не безпокойтесь и похлопочите ради Создателя. Если и меньше, то—ничего! Но пожалуйста!

Покорный рабъ *Г. Успенскій.*

P. S. Если у Васъ сейчасъ нѣтъ такихъ денегъ, а Вы быть можетъ достанете, то дайте Пал. Ник. все-таки сколько нибудь, а то у него ни гроша, пока Вы не дадите ему. Назначьте ему часъ, когда зайти.

Александръ Ивановичъ! Вотъ росписка. Отчего не заглядываете? *Г. Успенскій.*

Александръ Ивановичъ! Надо еще немножко денегъ, руб. 5. Нѣтъ ли? Въ понедѣльникъ будетъ непремѣнно отдано все. Хорошо, если бы Вы отдали теперь 3 р. за билеты Мар. В. Я билеты роздалъ, но денегъ у меня нѣтъ.

Г. Усп.

Александръ Ивановичъ! Еще 12-ти часовъ не пробило, а Вы ужъ отреклись отъ меня! Жду Васъ завтра въ Чудовѣ въ какомъ угодно часу дня и ночи. Если поѣдете съ вечернимъ поѣздомъ—то лошади будутъ высланы. Портретъ пожалуйста дайте, а я свой пришлю, какъ только будетъ готовъ.

Г. Усп.

Въ 87. Шурычу.

Миламурчикъ! Два конвертика прохожему солдату.

Александръ Ивановичъ! Если Вы дома и если у Васъ есть деньги, то пожалуйста давайте мнѣ рубля 3. Я получу на дняхъ отъ Салтыкова много. Если же Васъ дома нѣтъ, а придете поздно, то пожалуйста даже и въ самое позднее время пришлите мнѣ сколько возможно, отъ рубля и выше. Мнѣ надо въ 8 ч. утра ѣхать дальше одной ночи(?)

Сусѣдъ.

Ал. Ив. «Иди ко мнѣ во теремъ пѣсни пѣ-эть!» Чай!

Г. Усп.

Александръ Ивановичъ! Заходите къ намъ.

Г. Усп.

А. Ив. Пойдемте въ баню.

(на конвертѣ) *Нов. время* съ *Четверга.* А. И. Эртелю.

Пожалуйста, убѣд. прошу, возьмите картину у Гр. Григ., котор. онъ подарилъ Сашѣ. Если П. Н. можетъ то привезетъ, а то пусть стоитъ у Васъ. Поклонитесь Южакову, и скажите ему, чтобы онъ не дребезжалъ, ради самого Бога! У меня нѣтъ живого мѣста! И чтобы не кривлялся, какъ петрушка.

Александръ Ивановичъ! Вы меня пожалуйста простите, что я Васъ разбудилъ. Никакъ иначе невозможно. Я ужасно болѣнъ не знаю что сдѣлалось съ ногой лѣвой,—рветъ ее всю какъ больной зубъ. Хотѣлъ сегодня ѣхать—не могу, пріѣду 3-го вечеромъ. Пожалуйста прошу Васъ передайте этотъ пакетъ, какъ только встанете, Ивану, чтобы онъ тотчасъ же снесъ его Чижову, тотчасъ же чтобы! И такъ я ужасно запоздалъ съ окончаніемъ работы, не знаю попадетъ ли въ Январь. Будьте добры, передайте ему еще и записку. И еще разъ извините. Хорошо, что Вы не пріѣхали ко мнѣ—скука смертная и такая тоска—ужасъ!

Вашъ *Г. Успенскій.*

Александръ Ивановичъ! Свѣтъ мой! Я сейчасъ ѣду до Воскресенья, а если опоздаю, то № будетъ уже сданъ. Въ видахъ этого, пожалуйста возьмите у меня книги на этажеркѣ къ себѣ. Особенно сенаторск. ревизію. До свитанья, свѣтъ мой!

Вашъ *Г. Успенскій.*

Александръ Ивановичъ! Занятъ по горло. Освобожусь часамъ къ 11—но это уже поздно будетъ. Жаль—а не могу быть у Васъ. Простите пожалуйста.

Вашъ *Г. Успенскій.*

Александръ Ивановичъ! Если Вы отказались отъ Русскаго Богатства, потому что осердились на меня за споръ (больше Вы

ни съ кѣмъ сегодня не спорили кромѣ меня)—то Бога ради извините меня если я точно сдѣлалъ Вамъ какую-нибудь непріятность. Это слишкомъ жестокое наказаніе, Вы должны знать это. Кромѣ того Вы должны знать, что я уважаю и люблю Васъ и если все дѣло вышло изъ-за меня—такъ я не могу не чувствовать ничего кромѣ глубокаго огорченія. Пожалуйста не сердитесь же, Бога ради оставьте и извините.

Вашъ *Гл. Успенскій.*

Размолодчики,
Вы молоденьки,
Вы дружки мои!
Ваши ласковыя
Да разпріятныя къ сердцу
Да къ сердцу слова
Безъ огня да огня
Мое сердце изожгли
Что безъ вѣтру
Мои мысли разнесли...
Разнесли вы мысли
По полямъ
По зеленымъ, по зеленымъ
По лугамъ.
Кто бы, кто бы, Ахъ! мому горю пособилъ
Со дорожки дружка воротилъ.

Дорогой Александръ Ивановичъ! Пожалуйста—пожалуйста соберитесь ко мнѣ—крайне и душевно радъ видѣть Васъ и поговорить съ Вами. Но въ Петербургѣ мнѣ нѣтъ времени было у Васъ быть, и еще разъ я въ Петер. не буду до весны. Лучше всего выѣзжайте въ воскресенье въ 9 ч. утра или въ 12½ или въ 2 ч. словомъ лишь бы Вы пріѣхали въ воскресенье и остались до понедѣльника. Во вторникъ мнѣ уже надо ѣхать. Пожалуйста пріѣзжайте! До ст. Чудово. А тамъ извощикъ (40 коп.) до Сябринцовъ къ Успенскому.

Вашъ *Г. Усп.*

Многоуважаемый Александръ Ивановичъ! Покорная, убѣдительная просьба къ Вамъ: не найдете ли какой нибудь возможности дать мнѣ еще рублей пять срокомъ до будущей среды. Имѣю надежду отдать въ среду все, но половину отдамъ навѣрно. Простите пожалуйста. Знаю, знаю, какъ это безобразно—что дѣлать. Если нельзя—тоже ничего не подѣлаешь. Подателю сего, моему брату Ивану, Вы если можно, вручите и отвѣтъ, а также и От. Зап. за сентябрь, да нѣтъ ли какого нибудь свободнаго № журнала, какой случится—до понедѣльника. Братъ Иванъ занесетъ, возвращаясь въ училище. Рядомъ съ Вашимъ магазиномъ есть другой съ иностр. книгами. Будьте добры спросите тамъ 1 № франц. журн. «*Реформа*», тамъ есть разсказъ Золя, который не переведенъ нигдѣ сколько я помню и который

хорошо бы перевести для *Русск. Богатства.* Заплатить за №: можете изъ тѣхъ же 5 р., если дадите. Не сердитесь Бога ради.

Г. Успенскій.

Александръ Ивановичъ! Пожалуйста пришлите съ этимъ посыльнымъ, если можно, руб. 10. Крайне нужно. На дняхъ я получаю и все отдамъ.

Г. Усп.

Мы съ пріятелями запьянствовали. Пришлите, пожалуйста, отдамъ все на дняхъ.

Александръ Ивановичъ! Сегодня мнѣ было неудобно принять И. С. Тургенева и я просилъ его пріѣхать въ какой нибудь другой день. Онъ назначилъ четвергъ, 8 ч. вечера. Стало быть въ четвергъ приходите въ 8 ч. в. Отеч. З. посылаю

Вашъ *Гл. Успенскій.*

2 Марта[1]).

---

16 Марта. Сію минуту получилъ Ваше письмо, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ,—и просто даже обалдѣлъ! Что такое Вы пишете? Говорятъ: Тверь, Тверь—Женева! А изъ Вашего письма я вижу, что Вы право въ сильнѣйшемъ психическомъ разстройствѣ. Я *буквально* не могу понять ни одного слова. Петрункевичу я написалъ потому, что онъ живетъ въ Твери постоянно и письмо можетъ дойти безъ адреса, а Вашего адреса я не зналъ. Не зналъ, что Вы были руководителемъ въ составл. телеграммы, а главное былъ ужасно разстроенъ послѣднее время—какъ никогда. Вѣдь что нибудь стоитъ пережить эти телеграммы—и какія! Затѣмъ, милый Александръ Ивановичъ, положительный вздоръ все, что Вы пишете. То что Вы были въ Москвѣ—не зналъ вовсе. Даже не зналъ навѣрное въ Твери ли Вы? Вы вѣдь тоже ни слова мнѣ не написали. Ѣхать въ Тверь мнѣ не было возможности, просто ни времени ни денегъ. Словомъ, клянусь Вамъ Богомъ, все что Вы написали—полное умопомраченіе. Что съ Вами? Пишу это по дорогѣ въ Москву и когда поѣду обратно, то буду Вамъ телеграфировать и Вы выйдете на вокзалъ. 25 минутъ ст. почт. поѣздъ. Ради Бога выкиньте изъ головы все, что тамъ есть подобнаго письму.

Вашъ *Г. Успенскій.*

---

[1]) Записка относится, очевидно, къ тому свиданію между Тургеневымъ и молодежью, которое происходило въ 1879 или 1880 г.

На почтовомъ листѣ съ тисненымъ штемпелемъ:

А. И.
ЭРТЕЛЬ.

г. Тверь, Милліонная, д. Ѳедорова.
10 марта 1889 г.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ! Въ городѣ Воронежѣ существуетъ прекрасно поставленная и весьма порядочная библіотека (публичная), но, по обстоятельствамъ, принужденная всячески недомогать въ денежномъ отношеніи. Нынѣ ею завѣдуютъ очень достойные люди, дѣйствительно представляющіе «интеллигенцію» города. Они изыскиваютъ всевозможные способы помочь горю и, мало того, чтобъ поддержать, но и расширить библіотеку. Пока еще не удалось получить субсидію ни отъ мѣстнаго земства, ни отъ города: городъ даетъ только квартиру. Такимъ образомъ приходится вывертываться домашнимъ «средствіемъ». Въ этомъ смыслѣ затѣянъ сборникъ. Его предполагаютъ составить главнымъ образомъ, при содѣйствіи воронежцевъ. Но кромѣ того, завѣдывающіе библіотекой («комитетъ») поручили мнѣ обратиться къ нашимъ «выдающимся писателямъ» съ покорною просьбою помочь доброму дѣлу. Начинаю съ Васъ и съ Н. К. Михайловскаго. Знаю, что Вамъ можетъ быть затруднительно исполнить эту просьбу, но если ничего не можете написать (хотя бы поллистика, отдайте вашу замѣтку о письмѣ К. Маркса къ Н. К-чу [1]). Положимъ, что цензура въ Казани посмотрѣла на эту замѣтку свирѣпымъ окомъ, но авось Воронежу посчастливится?

Передайте, пожалуйста, просьбу о посильной помощи нашему сборнику и Н. К. Михайловскому. Собственно говоря, если бы Вы и Н. К. оказались милостивы къ этому доброму провинціальному предпріятію, то, конечно, успѣхъ его былъ бы въ значительной степени обезпеченъ: въ воронежскомъ краѣ ваши имена по преимуществу вызываютъ сочувствіе и интересъ. Затѣмъ для библіотеки нуженъ и важенъ успѣхъ и иного рода: извѣстная репутація въ мѣстномъ обществѣ. Эта репутація пріобрѣтетъ совсѣмъ особое значеніе, когда около библіотечнаго изданія сгруппируются имена изъ «большой» литературы и въ ряду такихъ именъ будутъ—Ваше и Н. К-ча.

Чтобы вамъ видно было какая это библіотека и стоитъ ли она помощи, высылаю на имя Н. К-ча брошюру о ея 25-тилѣтіи и каталогъ «мѣстнаго отдѣла».

Устройствомъ предпріятія, въ числѣ прочихъ воронежцевъ,

---

[1]) Замѣтка была напечатана въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ» 1888 г. Письмо Маркса къ Михайловскому появилось въ октябрьской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» этого же года.

занятъ Ѳ. А. Щербина, авторъ многихъ изслѣдованій народнаго быта и редакторъ столь извѣстныхъ статистическихъ работъ по воронежской губерніи.

Очень прошу увѣдомленія и крѣпко жму Вашу руку.

Ал. Эртель.

Дорогой Александръ Ивановичъ! Чтобы не тратить лишнихъ словъ, для доказательства того, что я рѣшительно не могу ничего обѣщать сборнику,—прилагаю при семъ только двѣ, такого же рода, какъ и изъ Воронежа, корреспонденціи и все о тѣхъ же сборникахъ. Спрашивается: въ какой сборникъ давать и въ какой не давать статьи? И правильно ли такъ тиранить нашего брата? Въ лучшемъ случаѣ сборникъ дастъ 500 руб.? Не совѣстно ли изъ-за нихъ лишать насъ каждаго на 100, на 200? Вотъ почему я рѣшительно никогда на такія просьбы не отвѣчалъ: какое-то скверное нищенство, съ деревянной чашкой въ рукахъ, видно въ этихъ мольбахъ, обращенныхъ къ литераторамъ. Христа ради! Въ Воронежѣ нѣтъ 500 рублей! И я отдавай и въ Казань, и въ Нижній, и въ Симбирскъ? Съ ума они сошли, с..... д...! Лѣнивыя твари! Если Вы помните маленькую книжечку «Вятская незабудка» [1]),—т.-е. хроника мѣстной жизни и ея успѣхъ,—такъ вотъ что нужно имъ дѣлать. И у нихъ будетъ доходъ. Но они нищенствуютъ, собираютъ объѣдки, а не хотятъ потрудиться сами. Будьте здоровы.

Г. Успенскій.

VII. Воспоминанія о Г. Успенскомъ г-жи А. С.

Авторъ печатаемыхъ ниже воспоминаній не пожелалъ, чтобъ имя его было названо. По характеру они примыкаютъ къ серіи тѣхъ воспоминаній объ Успенскомъ, которыя придаютъ особо важное значеніе тому факту, что Г. И. былъ лично весьма увлеченъ нѣкоторыми изъ народовольцевъ. Это объясняетъ нѣсколько полемическій тонъ настоящихъ воспоминаній, въ отношеніи

---

[1]) «Вятская Незабудка»—сборникъ, напечатанный въ 1877 г. въ Петербургѣ,—была составлена Ф. Ѳ. Павленковымъ, жившимъ въ то время въ ссылкѣ въ Вятской губерніи, свящ. Н. Н. Блиновымъ и нѣкоторыми другими лицами. См. о ней «Рѣчь» 1910 г. № 19 «Памяти Павленкова». «Вятская Незабудка» представляла собраніе статей и корреспонденцій, преимущественно обличительныхъ, о вятскомъ краѣ и его общественной жизни. Это изданіе было однимъ изъ замѣчательныхъ явленій провинціальной умственной жизни того времени и началомъ въ Вятскомъ краѣ независимой печати.

«Вятская Незабудка» произвела на мѣстѣ въ Вяткѣ и во всѣхъ уѣздныхъ безпощадно обличенныхъ Слободскихъ, Нолинскихъ и Глазовыхъ огромное впечатлѣніе и была быстро раскуплена, такъ что понадобилось второе изданіе.

фактовъ, конечно, весьма цѣнныхъ. Должно указать, что революціонеръ, упоминаемый во второй части, это—Германъ Лопатинъ. Это мѣсто воспоминаній уже было цитировано въ нашихъ статьяхъ въ «Русск. Мысли». Какъ видно изъ переписки Г. И., онъ познакомилъ еще Лопатина съ Е. С. Некрасовой.

Я познакомилась съ Глѣбомъ Ивановичемъ въ 1880 году и до осени 1884 видалась и разговаривала съ нимъ очень часто, а въ 83 году почти ежедневно. Довольно близка была и съ женой его. Неизгладимое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня съ самой первой встрѣчи, благодаря одному маленькому, но характерному эпизоду.

Мы встрѣтились въ домѣ С. Н. Кривенко, праздновавшаго какое-то семейное событіе. Среди гостей обращалъ на себя вниманіе высокій, слегка сутуловатый человѣкъ, съ необыкновенно добрымъ, оригинальнымъ лицомъ, главной прелестью котораго были большіе сѣрые грустные, почти скорбные, глаза; они не измѣняли своего выраженія даже, когда губы улыбались. Это и былъ Гл. Ив.

Въ комнатѣ людно и шумно; разговоръ, часто прерываемый смѣхомъ, не прекращается ни на минуту.

Принимаетъ въ немъ участіе и Г. И., кидая на ходу какое-нибудь замѣчаніе, полное неподражаемаго юмора; но въ общемъ онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, поглощеннаго какой-то неотступной мыслью, быстро ходитъ по комнатѣ, крутя короткую бороду и ни на минуты не выпуская папиросы изъ худыхъ, длинныхъ пальцевъ. Впослѣдствіи я убѣдилась, что эта вѣчная озабоченность и не менѣе вѣчная папироса были его постоянными спутницами.

Въ одномъ изъ наименѣе освѣщенныхъ угловъ сравнительно большой гостиной, гдѣ собралось все общество, состоявшее изъ литераторовъ прогрессивно-радикальнаго оттѣнка (сотрудники и соредакторы «Отеч. Зап.», «Слова», «Русскаго Богатства») и ихъ женъ, сидѣла дѣвушка съ молодымъ румянымъ лицомъ и серьезными свѣтлыми глазами. По застѣнчивой манерѣ было замѣтно, что она новичокъ или случайный гость въ домѣ. И дѣйствительно она попала сюда впервые, благодаря капризной судьбѣ, явившейся въ лицѣ ея знакомой провинціальной барыньки, которая, желая похвалиться передъ своей молодой пріятельницей знакомствомъ (тоже совершенно случайнымъ и вскорѣ оборвавшимся) съ «настоящими» писателями, привезла ее на эту скромную вечеринку.— Воспользовавшись перерывомъ въ разговорѣ, она подвела мо-

лодую дѣвушку къ группѣ наиболѣе солидныхъ гостей и, рекомендуя ее, со смѣхомъ сказала: «имѣйте въ виду, господа, что у этой барышни есть дяденька-генералъ, который отпускаетъ ее въ гости не иначе, какъ съ городовымъ... Вотъ, посмотрите,—онъ и теперь стоитъ у воротъ»...Дѣвушка, повидимому,готова была провалиться сквозь землю отъ этой неумѣстной шутки. Нѣсколько человѣкъ окружили ее и провинціалку и стали полушутя, полусерьезно допытываться, что кроется подъ этими словами. — Г. И. остановился въ сторонѣ, но съ благожелательнымъ видомъ прислушивался къ объясненіямъ. Оказалось, что А. дитя чиновнаго міра, сирота, живетъ у родныхъ, которые считаютъ своимъ долгомъ оберегать ее отъ всякихъ новыхъ знакомствъ внѣ офицерско-чиновничьяго круга; что она тяготится пустотой и безсодержательностью жизни и рвется изъ сытой, но тупой, самодовольной среды, окружающей ее съ дѣтства. Исторія очень обыкновенная, и далеко не всѣ слушали ее внимательно; но глаза Г. И. ласково и участливо слѣдили за растеряннымъ личикомъ такъ неумѣло, нетактично, даже грубо демонстрируемой незнакомки. Можетъ быть, пытливымъ и любящимъ окомъ онъ замѣтилъ на днѣ молодой души что-нибудь стоящее бережнаго вниманія... Съ этой минуты онъ взялъ А. подъ свое покровительство, устроилъ ее конторщицей при одномъ изъ толстыхъ журналовъ; часто прихварывавшій, вѣчно озабоченный, онъ находилъ время забѣжать ежедневно, хотя на нѣсколько минутъ въ эту контору, узнать, какъ она справляется съ новымъ дѣломъ, не скучаетъ ли, т.-е. не чувствуетъ ли себя одинокой среди непривычной обстановки; входилъ рѣшительно во всѣ мелочи ея жизни и добился вскорѣ полнаго довѣрія дѣвушки-дикарки и глубокой, нѣжной признательности. Характернымъ мнѣ кажется именно неослабѣвающее вниманіе къ *мелочамъ чужой* жизни, удивительное для человѣка, въ полномъ смыслѣ слова «не отъ міра сего», какимъ былъ Г. И., глубоко безразличнаго къ внѣшнимъ условіямъ собственнаго существованія.— Объясненіе необыкновенно теплаго участія со стороны Г. И., въ самой активной формѣ, къ человѣку, котораго онъ видѣлъ первый разъ въ жизни, я, лично, нахожу въ вѣчномъ, ненасытномъ исканіи искры Божьей въ людяхъ; когда обнаруживался хотя намекъ на такую искру, какъ былъ счастливъ Г. И., какъ любовно старался раздуть ее въ пламя. Какъ бережно и настойчиво устранялъ все, что, по его мнѣнію, могло препятствовать этому!— Конечно, очень часто онъ съ отчаяніемъ убѣждался въ томъ, что принималъ блуждающій огонекъ за искру настоящаго божественнаго огня. Именно съ *отчаяніемъ*; но это не мѣшало ему вновь и вновь искать Бога въ человѣкѣ, опять вѣрить, опять разочаро-

ваться и т. д. до самаго конца этой жизни, насыщенной скорбью о міровой неправдѣ и несовершенствѣ человѣка.

Говорить о безконечной добротѣ Г. И. вообще, т.-е. о неопреодолимой потребности приходить на помощь каждой живой душѣ, мятущейся, заблуждающейся, оскорбленной, ищущей правды,— излишне. Замѣчу только, что и въ этомъ онъ не былъ похожъ на другихъ, даже хорошихъ людей: съ одной стороны, совершенно чуждый слащавой мягкости, онъ не умѣлъ говорить нѣжныхъ, успокоительныхъ рѣчей, которыя такъ легко и граціозно льются съ языка, ни къ чему не обязывая. Внимательно, сосредоточенно, немножко даже, какъ будто, сурово, выслушавъ пришедшаго за совѣтомъ и поддержкой, онъ говорилъ ему трезвыя, ободряющія слова, иногда съ примѣсью гнѣвнаго укора за дряблость, безхарактерность, малодушіе; но стоило ему замѣтить въ лицѣ поучаемаго смущеніе,неловкость, а тѣмъ болѣе горечь, какъ глаза его загорались ласковой, даже, какъ будто, виноватой улыбкой, и онъ заканчивалъ назиданіе какимъ-нибудь афоризмомъ, полнымъ глубокаго юмора. Съ другой стороны онъ вовсе не былъ «божьей коровкой», способной только плакать и вздыхать съ опечаленными, удрученными, скорбящими, или проповѣдывать терпѣніе и непротивленіе злу. О, нѣтъ!—Скажите,—вы видѣли когда-нибудь человѣка, непритворно пламенѣющаго любовью къ ближнему, которому было бы чуждо чувство безпощадной ненависти къ насильникамъ и угнетателямъ этого «ближняго»? Думаю, даже убѣждена, что нѣтъ... Любовь-альтруизмъ, въ ея высшемъ напряженіи, и ненависть, по-моему,—двѣ стороны, двѣ неразрывныя части, два способа выраженія одного и того же чувства. Г. И., *чистое олицетвореніе пламенной любви къ человѣку, умѣлъ неистово ненавидѣть.* Отсюда его преклоненіе передъ активными борцами со зломъ и его представителями, отсюда убійственная скорбь, осложняемая самоугрызеніемъ, самобичеваніемъ, при гибели кого-нибудь изъ этихъ борцовъ, со многими изъ которыхъ онъ былъ лично близокъ.

Если бы люди, полагающіе, что Г. И. идейно ближе Толстому, чѣмъ къ автору народовольческаго «Письма къ Алекс. II», ближе къ С. Кривенко и «Недѣлѣ» (ужъ не за ея ли усыпляющую проповѣдь «малыхъ дѣлъ» и «свѣтлыхъ явленій»?), чѣмъ къ «О. З.» и Шелгунову, могли видѣть этого самаго Гл. Ив. въ обществѣ столповъ народовольчества, съ глазами, горѣвшими восторгомъ, экстазомъ, жадно слѣдившаго за каждымъ ихъ жестомъ, впитывавшаго ихъ слова и разсказы, какъ пересохшая земля благодатную влагу, они бы отказались отъ своихъ еретическихъ предположеній. Если заблуждались народовольцы, то

вмѣстѣ съ ними столько же горячо и искренно увлекался ихъ «заблужденіями» и Гл. Ив. Здѣсь будетъ кстати снова упомянуть объ А., руководимой Успенскимъ и необманувшей его ожиданій. Вечеръ въ октябрѣ 83-го года. Въ комнату А. входитъ сіяющій, совершенно неузнаваемый Г. И.—«Ну вотъ, сегодня придетъ сюда *настоящій* человѣкъ»,—проникновенно говоритъ онъ. Черезъ часъ съ небольшимъ въ квартирѣ появился старый революціонеръ-боевикъ съ солидной и громкой репутаціей. Замѣтьте,—не С. Н. Кривенко и даже не Л. Толстой (отношеніе Г. И. къ нимъ обоимъ мнѣ тоже хорошо извѣстно; оно было очень далеко отъ преклоненія)—*настоящіе* люди, а испытанная, закаленная, боевая, *революціонная* сила.—Далѣе,—знакомя свою protegée съ поистинѣ выдающимся слугой революціи, онъ и этому послѣднему настойчиво указываетъ на ея страстное желаніе и готовность внести хоть крупицу своего участія въ дѣло борьбы, которую она считаетъ святымъ дѣломъ.—Нѣтъ, это не Толстой и не толстовецъ ни въ какомъ случаѣ. Такое предположеніе мнѣ кажется даже оскорбительнымъ для памяти этого, до крайности послѣдовательнаго, проповѣдника, не словомъ только, но и жизнью, *активной* любви.

Въ заключеніе нѣсколько словъ. Въ общемъ я была дружески близка съ Гл. Ив. съ 80 по 92 годъ; послѣдній разъ навѣстила его въ 93 г., когда Синани [1]) отпустилъ его домой. Онъ сразу узналъ меня, чрезвычайно обрадовался, оживился. На него нахлынули воспоминанія о близкихъ и дорогихъ намъ обоимъ людямъ; но не болѣе, чѣмъ черезъ полчаса онъ устремилъ неподвижный, безжизненный взглядъ въ одну точку на стѣнѣ, замолчалъ и пересталъ замѣчать всѣхъ насъ, т.-е. жену, дѣтей и меня. И такъ въ теченіе 12 лѣтъ, хотя и съ промежутками, я имѣла возможность видѣть, слышать, наблюдать этого, во многихъ отношеніяхъ необыкновеннаго человѣка. Глубокій трагизмъ его судьбы, по моему, заключался въ томъ, что подвижникъ и аскетъ по натурѣ, онъ волею судьбы, былъ обреченъ проводить жизнь въ тусклой, будничной и буржуазной обстановкѣ, которая претила его душѣ. Онъ вѣчно чувствовалъ себя неоплатнымъ должникомъ передъ обществомъ, такъ какъ природа наградила его немалыми дарами, а обществу онъ удѣлилъ отъ нихъ меньше, чѣмъ при другихъ условіяхъ могъ бы, и во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ хотѣлъ бы. По отношенію къ покойной Ал. Вас. онъ, дѣйствительно, былъ неизмѣннымъ, вѣрнымъ вѣковѣчнымъ Глѣбомъ («Мин. Годы» 1908 г. № 4, стр. 14); но счастья въ той формѣ, въ какой

[1]) Врачъ-психіатръ.

она его понимала,—не далъ и опять чувствовалъ себя ***безъ вины виноватымъ*** передъ ней. Дѣтей любилъ со всей нѣжностью своей чуткой души, но это не была *отцовская* любовь, какъ ее принято понимать; дѣти, какъ мнѣ кажется, тоже относились къ нему, какъ къ старшему товарищу, другу и называли его: «Глѣбъ» «Глѣбушка». Былъ ли онъ самъ когда-нибудь счастливъ? По его собственному признанію,—«разъ въ жизни», въ ранней молодости. Маловато, неправда ли?

А. С.

Ч. Вѣтринскій.

О рязанскихъ „крамольникахъ“.

Въ іюньской книгѣ «Голоса Минувшаго» за 1914 г. была помѣщена статья Н. М. Іорданскаго «Одна малоизвѣстная исторія», гдѣ разсказывается объ исключеніи въ 1883 г., по Высочайшему повелѣнію, изъ числа гласныхъ двухъ членовъ Рязанскаго Окружного Суда и двухъ слѣдователей.

«Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свидѣтельства современниковъ, какъ отнеслись къ этому въ земскихъ кругахъ. Печать того времени, конечно, не могла откликнуться по цензурнымъ условіямъ. Мы имѣемъ только офиціальные журналы земскаго собранія того времени, въ которыхъ есть упоминаніе о разыгравшейся исторіи, но по которымъ трудно судить о томъ, какія она имѣла послѣдствія»... пишетъ, между прочимъ, г. Іорданскій.

Въ моемъ архивѣ хранятся какъ разъ тѣ документы, которые интересуютъ г. Іорданскаго.

Но прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ ея, считаю нужнымъ сдѣлать небольшую характеристику главнаго дѣйствующаго лица, моего отца Рудольфа Рудольфовича Минцлова, и сообщить кое что о томъ, что имѣло мѣсто до 1883 г. и явилось главной причиной такого финала затѣи его и его сторонниковъ пройти въ земскіе гласные.

Отецъ былъ яркой фигурой среди современниковъ. Лицеистъ по образованію, онъ всѣ 18 лѣтъ пребыванія въ Рязани въ качествѣ сперва слѣдователя, а затѣмъ члена Окружного Суда усердно продолжалъ работать надъ саморазвитіемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся у меня отъ тѣхъ лѣтъ тетради его систематическихъ занятій, главнымъ образомъ по естественнымъ наукамъ и высшей математикѣ, которую онъ изучалъ самостоятельно и съ особой любовью.

О томъ же свидѣтельствуетъ и громадная, въ пятнадцать съ лишнимъ тысячъ томовъ, библіотека его, собиравшаяся имъ въ теченіе всей его жизни: самой большой, и притомъ замѣчательной по подбору частью ея являлся отдѣлъ соціальныхъ наукъ на всѣхъ главнѣйшихъ языкахъ. Лишь въ немногихъ книгахъ я не

(Минцловъ).

(Минцловъ).

находилъ слѣдовъ карандаша отца и его помѣтокъ, обычно дѣлавшихся имъ при чтеніи. Кромѣ рѣдкихъ по разносторонности познаній, онъ обладалъ выдающимся даромъ слова и если къ этому прибавить остроуміе и кипучую веселость—фигура отца будетъ законченной.

По убѣжденіямъ онъ былъ, какъ выражались въ тѣ времена, ярый либералъ и, не стѣсняясь, высказывалъ ихъ во всеуслышаніе. Помню однажды, какъ во время какого-то параднаго дневного гулянія на главной Большой улицѣ мы наткнулись съ нимъ на такую сценку: на углу стоялъ будочникъ и приказывалъ завернуть обратно какому то мужичонкѣ въ лаптяхъ и зипунѣ. Мужичонко клялся, что ему надо только переѣхать улицу, но на строгаго «непущателя» ничто не дѣйствовало.

— Садись къ нему въ сани!—сказалъ мнѣ отецъ.

Я усѣлся на какіе то мѣшки; рядомъ со мной взгромоздился отецъ: размѣрами онъ походилъ на небольшого слона.

— Поѣзжай!—скомандовалъ онъ.

Будочникъ, узнавъ отца, отдалъ ему растопыренной пятерней честь и, моргая глазами, отступилъ въ сторону. Мужичонко задергалъ вожжами, и мы торжественно появились на Большой улицѣ.

— Батюшка, а вѣдь мнѣ бы внизъ по Большой надоть!..—обратился къ отцу смѣтливый возница.—Я бы те прокатилъ? Дозволь а?

— Валяй внизъ!—отвѣтилъ отецъ и мы «покатили» на дровняхъ среди «собственныхъ» экипажей.

Прохожіе разѣвали рты и останавливались при видѣ диковиннаго зрѣлища—члена суда, возсѣдавшаго на мужицкихъ саняхъ.

Помощь бѣднякамъ или обиженнымъ практиковалась имъ во всѣхъ видахъ самымъ широкимъ образомъ.

«Крамольныя» рѣчи и поступки отца тотчасъ же дѣлались извѣстными всему городу; извѣстно было и его дѣятельное сотрудничество въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ многія руководящія и др. статьи принадлежали его перу.

Судьи тогда были еще несмѣняемыми и на «вреднаго» человѣка повели аттаку съ другой стороны.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1880 года онъ получилъ отъ Управляющаго Канцеляріей Министерства Юстиціи за № 16606 бумагу слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь, Рудольфъ Рудольфовичъ.

«Министерство Иностранныхъ Дѣлъ сообщило Министру Юсти-

ціи о ходатайствѣ Генералъ-Губернатора Восточной Румеліи относительно разрѣшенія одному изъ опытныхъ русскихъ юристовъ занять мѣсто Совѣтника въ Дирекціи Правленія Румеліи». Далѣе излагались условія. Кончается бумага такъ: «О вышеизложенномъ, по порученію г. Министра Юстиціи, имѣю честь сообщить Вамъ, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, въ возможно скорѣйшемъ времени увѣдомить меня, для доклада Его Превосходительству, о томъ, не изъявите ли Вы согласія на принятіе вышеизложеннаго назначенія.

Примите и пр.

Кн. Мещерскій».

Дипломатическій ходъ Министерства былъ, однако, отцомъ угаданъ сразу. Онъ отвѣтилъ согласіемъ, но запросилъ 20.000 франковъ въ годъ содержанія, помимо подъемныхъ, прогоновъ и др. суммъ и кромѣ того потребовалъ такихъ гарантій полной свободы дѣйствій, что, несмотря на все желаніе Министерства «избыть» неудобнаго человѣка,—дѣло не состоялось: Румелійское правительство на условія отца не согласилось.

Именно на такой исходъ довольно длительныхъ переговоровъ отецъ и разсчитывалъ, такъ какъ никуда изъ Рязани уходить не намѣревался: Рязань—тихій и сонный провинціальный городъ какъ бы забродила въ эти года; въ ней сталъ нарождаться интересъ и порывъ къ общественной дѣятельности, чувствовался общій подъемъ и ожиданіе чего-то.

Въ ней появились свои карикатуристы и сатирическіе поэты.

Изъ числа первыхъ назову М. П. Федорова, нѣсколько великолѣпныхъ карикатуръ котораго[1]) на отца, на Алѣева, на Плевако и П. Д. Боборыкина хранятся у меня. Карикатуры эти таковы, что мало имъ равныхъ по удивительному сходству и мѣткости схваченныхъ особенностей. Кто были поэты—не знаю: подписей подъ ихъ стихами не имѣется; направлены же они, главнымъ образомъ, противъ Витте, Вышнеградскаго и т. п.

Изъ числа многихъ произведеній сатирической музы тѣхъ временъ, ходившихъ по рукамъ рязанцевъ, ниже привожу имѣющуюся у меня поэму «Дворянскій бунтъ».

Въ 1883 г. отецъ задумалъ пройти въ земскіе гласные, опрокинуть старую ничего не дѣлавшую партію крѣпостниковъ и энергично повести дѣла земства по новымъ путямъ. Земельнаго ценза у отца не было. Но сочувствовавшихъ ему среди мѣстныхъ помѣщиковъ было немало, и это затрудненіе было обойдено:

[1]) Воспроизводятся въ текстѣ.

(Плевако).

(Боборыкинъ).

отецъ пріобрѣлъ себѣ у одной дамы десять десятинъ непролазныхъ болотъ за пять рублей и, пользуясь широкой популярностью въ городѣ, прошелъ въ гласные; вмѣстѣ съ нимъ, при помощи такого же ценза, прошли и его сторонники—Лебедевъ, Рождественскій и Спиридовъ. Старая управа была опрокинута.

Скандалъ въ городѣ разыгрался невѣроятный: произошла, въ своемъ родѣ, гроза въ январѣ. На участниковъ крушенія управы посыпались доносы. Имъ писали анонимныя письма и угрозы, слали въ управу карикатуры, при чемъ побѣдители, новые гласные, изображались въ видѣ пляшущихъ на болотѣ лягушекъ и т. п.

Чѣмъ окончилось дѣло, читатели «Голоса Минувшаго» уже знаютъ: Высочайшимъ повелѣніемъ въ ноябрѣ того же 1883 г. отецъ и трое названныхъ выше товарищей его были исключены изъ состава гласныхъ, какъ не имѣвшіе права совмѣщать двѣ должности.

Въ городѣ, когда узнали Высочайшее повелѣніе, словно вспыхнулъ пожаръ или можно было подумать, что въ календарѣ чудомъ пропалъ цѣлый мѣсяцъ и сразу наступилъ Новый годъ—такое количество визитеровъ и вѣстниковъ носилось по улицамъ. Извозчики нахлестывали коней во всю прыть. У старо-земцевъ пили шампанское, гремѣло ура. Но къ чести Рязани долженъ отмѣтить, что сочувствіе огромнаго большинства было на сторонѣ отца.

Событіе это весьма подѣйствовало на отца. Онъ сталъ чаще уѣзжать въ Москву и отдался усиленной работѣ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Вскорѣ его постигла другая бѣда: онъ переходилъ улицу и на него налетѣли парныя сани. Дышломъ ударило его въ голову и его безъ сознанія вытащили изъ подъ лошадей. Приключеніе оказалось роковымъ для отца: впослѣдствіи онъ умеръ отъ болѣзни, развившейся отъ этого удара.

Въ 1887 г. отецъ окончательно оставилъ Рязань и казенную службу и переселился въ Москву въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго и затѣмъ старшаго юрисконсульта Рязанско-Уральской жел. дор.

Такъ ликвидирована была Рязанская «крамола».

Но на «субботникахъ» у насъ, на Басманной, часто появлялись рязанцы, въ томъ числѣ другъ отца С. А. Муромцевъ, губернаторъ Д. П. Кладищевъ и многіе другіе и, смѣясь, вспоминали бывальщину.

С. Р. Минцловъ.

Дворянскій бунтъ,

(Современно-гражданская феерія, съ учеными примѣчаніями и спиритическими явленіями).

I.

Пріемная Дворянскаго Банка. Князь Мещерскій, окруженный множествомъ столбовыхъ дворянъ, держащихъ подъ мышкой свои столбы съ цѣлью заложить оные.

Князь Мещерскій (ко всѣмъ).
Ликуй, российское дворянство!
Вступи опять во всѣ права гражданства
И съ благодарностью читай лишь «Гражданинъ»!
Прошу у Васъ вниманія и бдѣнья,
Пришелъ періодъ оскудѣнья;
Вы знаете меня: я чистый дворянинъ,
Хотя не чистъ отъ кой-какихъ пороковъ
И даже оными горжусь,
Но въ мнѣніи китовъ, на коихъ дремлетъ Русь,
Я самый преданный изъ всѣхъ ея пророковъ.
Могу достигнуть я всего, за что берусь...
Сочувствуетъ моимъ стремленьямъ Промыслъ Божій,
И путь къ величію лишь изъ моей прихожей.
Я дрожжи для однихъ, другимъ я хлороформъ.
Крамола крѣпко спитъ, а либералы скисли.
Турецкій мой диванъ, гдѣ я рождаю мысли,
Турецкій мой диванъ—гнѣздо благихъ реформъ.
Ужъ мальчики, рѣзвясь, бросаютъ къ чорту книжки,
Примѣръ съ городовыхъ берутъ профессора,
Подъ розгою, въ рукахъ у земскаго ярыжки,
Довольный участью, холопъ кричитъ «ура»!
Хоть былъ неурожай, страна весьма богата;
На Невскомъ встрѣтилъ я сановнаго кастрата,
Носителя побѣдъ;
Унынья прежняго на немъ исчезъ и слѣдъ,
Ужъ у него растутъ усы и блещутъ очи...
Дворяне (хоромъ).
Нельзя ли покороче!
Мы это все читали.
О бренномъ лишь металлѣ,
О займѣ намъ нельзя ли
Немедленно повѣдать!
Мы всѣ хотимъ обѣдать,

Мы всѣ хотимъ къ Кюба!!
Мещерскій (въ изумленіи).
Какъ! Развѣ главнаго я не сказалъ? Ah bah!
Избытокъ думъ рождаетъ многословье.
При видѣ множества столбовъ, я, какъ дуракъ,
О дѣлѣ позабылъ и въ нѣкій впалъ столбнякъ.
Благословляй меня, дворянское сословье!
Подписывайся впредь всегда на «Гражданинъ».
Враговъ я побѣдилъ и совершилъ одинъ,
На что у многихъ нехватало мочи...
Дворяне.
Нельзя ли покороче!
Мы это все читали и т. д.
Мещерскій.
Извольте! вострублю, какъ судная труба!
На основаньи мудраго рѣшенья
Совѣта высшаго, а также понужденья,
Ужъ состоялось повелѣнье:
Въ закладъ отнынѣ Банкъ беретъ
Буквально все: поношенный беретъ,
Поля отъ шляпъ, поля помѣстій,
Штаны, болота, чувства чести—
Истлѣвшій сей анахронизмъ—
Но вотъ, что возбудить должно патріотизмъ:
Дворянскій Банкъ въ закладъ пріемлетъ Ваши души!
Отсюда видно Вамъ, сдеремъ какіе куши
Мы съ сиволапыхъ мужиковъ.
Сентиментальность прочь! святой девизъ таковъ:
Бери, закрывъ глаза, заткнувъ плотнѣе уши
Отъ либеральной чуши.
Законъ прошелъ съ немалымъ торжествомъ.
Онъ, собственно, одобренъ меньшинствомъ,
Но это все равно! Дремали генералы,
Съ улыбкой жаркою былые либералы
Безмолвно слушали, боясь за свой окладъ.
А нѣкій мужъ изъ нихъ, съ охотою большою,
Отринувъ прошлое, поправку внесъ въ докладъ,
Усильно требуя, чтобъ наравнѣ съ душою
И право на безсмертіе въ залогъ
Безъ отговорокъ принималось.
Для смѣтъ строительныхъ то новый былъ предлогъ.
Во исполненіе закона оставалось,
Чтобъ дѣломъ увѣнчать прекрасныхъ словъ потокъ,

И поддержать устои вѣковые,
Для душъ устроить кладовыя.
И подъ моимъ лучемъ возникла, какъ цвѣтокъ,
На удобренной почвѣ—лотерея.
Спѣшите жъ господа! спѣшите поскорѣе
И души заложить, и все, car man avis:
Лови, лови часы любви!

Дворяне въ восторгѣ кланяются Мещерскому, при чемъ своими дворянскими столбами ударяютъ его по головѣ, откуда слышенъ звукъ, какъ бы изъ мѣднаго сосуда, наполненнаго Торичелліевой пустотой; вмѣстѣ съ тѣмъ раздаются трубные звуки, атмосфера комнаты постепенно насыщается «Духомъ Старины», болѣе извѣстнымъ въ химіи подъ другимъ названіемъ; образовавшіеся пары сгущаются у потолка въ облако, изъ котораго показывается фигура покойнаго капитана Борозды и благословляетъ всѣхъ присутствующихъ. (Борозда—гвардіи капитанъ и ересіархъ, неправо мыслилъ о главной христіанской добродѣтели—любви, и о путяхъ оной. Знаменитый стихотворецъ Пушкинъ, особливо твердый въ истинномъ догматѣ, кратко, но сильно обличилъ сіе эллинское лжемудрствованіе въ извѣстной піесѣ: «Накажи, святой Угодникъ, капитана Борозду», и т. д.).

Хоръ дворянъ.

Благословилъ насъ Борозда!
Держитесь крѣпко, дружно.
Мы всѣ птенцы его гнѣзда,
Намъ всѣмъ лишь денегъ нужно!

* * *

Мужицкихъ душъ лишили насъ,
А мы по христіанству
Свои отдать хотимъ сейчасъ!
Честь русскому дворянству!

* * *

Въ иныя новыя бразды
Свое мы сѣмя кинемъ
И выше знамя Борозды
Надъ родиной поднимемъ!

* * *

Какъ обернулася судьба,
Какъ вывезъ Богъ нашъ Русскій
Теперь скорѣй, скорѣй къ Кюба!
Пора, пора къ закускѣ!!

(Уходятъ, слегка канканируя. Въ комнату входитъ старый сторожъ. Онъ останавливается въ недоумѣніи. Потомъ плюетъ, крестится и отворяетъ форточку).

Сторожъ.

Ужъ гдѣ Мещерскій побывалъ,—
Святыхъ вонъ. А вѣдь баринъ!
Такого духа не пущалъ
И самъ Фаддей Булгаринъ.

* * *

Явленіе по прошествіи мѣсяца.

(Присутствіе въ Дворянскомъ Банкѣ; на эстрадѣ Алекс. Петровичъ Саломонъ, держа въ рукѣ сторублевую бумажку. Въ залѣ много бездушныхъ дворянъ, но со столбами подъ мышками. Тишина. $11^1/_2$ ч. утра).

Саломонъ (читаетъ).

Вслѣдствіе представленія Г. Директора Дворянскаго Банка, Графа Голенищева-Кутузова, за № 10357, Г. Министръ Финансовъ, принимая во вниманіе, что всѣ кладовыя переполнены заложенными дворянскими душами, а также залоговыми на безсмертіе свидѣтельствами, принимая далѣе во вниманіе, что дворянская душа, товаръ нѣжный, легко предающійся гніенію и приходящій въ совершенную негодность, предписалъ: прекратить дальнѣйшій пріемъ какъ душъ, такъ и залоговыхъ на безсмертіе свидѣтельствъ. Остающуюся свободную наличность Банка предложить Г. г. заемщикамъ, какъ послѣднюю льготную ссуду, безъ налоговъ и процентовъ. Г. г. дворяне! Въ Банкѣ имѣется всего только 100 рублей свободныхъ суммъ...

Волненіе среди дворянъ, они бросаются по направленію къ А. П. Саломону, желая перехватить сторублевку и побивая другъ друга пришедшими въ движеніе столбами, А. П. Саломонъ спасается бѣгствомъ, потрясая сторублевой бумажкой.

Дворяне.

Насъ вдохновилъ Мещерскій,
Мы стали смѣлы, дерзки,
И вамъ, бунтовщики,
Мы не хотимъ дать спуску:
Кутузова въ кутузку—
Et nous verrons qui—qui!
Мы у него поищемъ

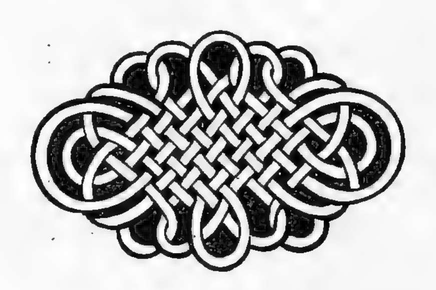
Рублей за голенищемъ!
Друзья! Намъ данъ предлогъ,
Дворяне и дворянки,
Скорѣе шарить въ Банкѣ!
Валяйте! Съ нами Богъ!

* * *

Дворянинъ восторженный.
Мы тридцать лѣтъ терпѣли—
Теперь совсѣмъ у цѣли!
Держитесь, господа!

* * *

Дворянинъ скептикъ.
Мещерскій неужели
И въ этомъ важномъ дѣлѣ
Попалъ, да не туда?
(Являются сторожа со швабрами и выгоняютъ дворянъ).
Старшій дворникъ solo (вздыхая и качая головой).
Я Богу благодаренъ
За то, что я не баринъ!



Ѳ. Е. Коршъ.

(Род. 22 апрѣля 1843 г., ум. 16 февраля 1915 г.).

Ѳ. Е. Коршъ былъ любимецъ Харитъ; мѣра дарованій, отпущенныхъ ему судьбой, была почти безгранична. Въ словѣ, законы котораго были ему ясны съ формальной и внутренней стороны, онъ угадывалъ сокровенныя тайны жизни народа. Поклонникъ Москвы, которая была для него (какъ онъ выразился однажды по-персидски) «Каабой сердца», Ѳ. Е. Коршъ легко сбрасывалъ оболочку великоросса и перевоплощался: онъ говорилъ, онъ мыслилъ, онъ чувствовалъ—какъ римлянинъ, эллинъ, болгаринъ, сербъ, малороссъ, грекъ, датчанинъ, татаринъ и т. д. Онъ претворилъ въ гармоничное единство все, что отражаетъ на себѣ общечеловѣческое достояніе, и все, что отдѣляетъ одинъ народъ отъ другого. Ѳ. Е. Коршъ зналъ человѣка, смѣялся надъ нимъ, но и любилъ его. На диво все это перемѣшалось въ немъ,—создался столикій Коршъ.

Изумительное проникновеніе въ духъ народа облегчалось Коршу безбрежною шириною умственнаго горизонта. Въ домѣ отца, друга Герцена и Грановскаго, наблюдалъ онъ—въ Петербургѣ и Москвѣ—цвѣтъ общества; вращаясь въ тонкой атмосферѣ умственныхъ и нравственныхъ запросовъ, развилъ онъ въ себѣ пытливость; память у него была острая: все, что разъ слышалъ онъ, на-вѣки западало ему въ голову. Сынъ участника идеалистическихъ кружковъ 30-хъ годовъ, Ѳ. Е. Коршъ, конечно, долженъ былъ полюбить гуманитарныя науки. Отъ природы унаслѣдовалъ онъ необычайный даръ интуитивнаго познаванія языковъ, а обстановка въ пансіонѣ Циммермана и въ университетѣ благопріятствовала развитію въ немъ лингвистическихъ наклонностей.

Въ теченіе всей жизни жадно тянулся Ѳ. Е. Коршъ къ слову,

первоисточнику знанія о человѣкѣ. Живая, образная рѣчь Корша, брызжущая остроуміемъ, влекла къ нему международную толпу. Вокругъ Корша звучали языки восточные и западные. Притокъ впечатлѣній шелъ безостановочно и находилъ ясный откликъ въ многогранной вѣчно-юной его душѣ; такъ, постепенно развертывалась въ немъ во всю ширь богатая гамма человѣческихъ переживаній.

Ѳ. Е. Коршъ, изслѣдуя что-нибудь, подходилъ какъ любознательный человѣкъ, ищущій поученія, но ученикъ быстро переросталъ учителя, и слово «дилетанта» уже передавалось изъ устъ въ уста, онъ безсознательно превращался въ спеціалиста, мнѣніе котораго иногда оспаривалось, но всегда внимательно выслушивалось. Впослѣдствіи книги—пособія литературныя—у Корша стояли все-таки на второмъ планѣ, слово было для него непосредственнымъ главнымъ источникомъ, онъ шутилъ надъ безполезными запугивающими примѣчаніями—«дреколіями науки» [1]). Плоды чтенія онъ давно переварилъ, они отлились у Корша въ собственныя мысли, и генезисъ ихъ былъ затерянъ для него. Сызмала усвоилъ скептическій умъ Корша недовѣріе къ сомнительнымъ авторитетамъ, вѣдь самоучкой изучилъ онъ рядъ языковъ, самоучкой—изъ книгъ—постигъ онъ точный методъ сравнительнаго языковѣдѣнія, да и темы для изслѣдованій нерѣдко намѣчались впервые, и были по-плечу одному Коршу.

Мысли у Корша скользили и мелькали какъ въ калейдоскопѣ, ему некогда было фиксировать ихъ на бумагѣ, мѣшала, пожалуй, и «славянская лѣнь», надъ которой онъ добродушно подшучивалъ. Въ печать попала малая толика духовнаго наслѣдія Корша. Но, разговаривая, Ѳ. Е. Коршъ нараспашку раскрывалъ богатства своего ума, скопленныя чтеніемъ и думами. Бесѣда безпрерывно рождала въ немъ мысли, онъ излучалъ неистощимый блестящій запасъ догадокъ, соображеній... Частица Корша оживала потомъ въ трудѣ собесѣдника, а сколько мыслей погибло безвозвратно!

Со смертью Ѳ. Е. Корша сошелъ въ могилу ученый, являющійся красою и гордостью русскаго народнаго генія.

I.

Три міра—классическій, восточный и славянскій—рано плѣнили Ѳ. Е. Корша. На-время, пока преподавательскій кругъ

[1]) У самого Корша примѣчанія насыщены содержаніемъ, они убраны изъ текста, потому что представляютъ побочный экскурсъ, который связанъ, однако, съ цикломъ вопросовъ, затронутыхъ въ статьѣ.

былъ ограниченъ у него университетомъ, классическій міръ бралъ, какъ-будто, перевѣсъ, но все явственнѣе со второй половины 80-хъ годовъ выступалъ у него интересъ къ Востоку и славянству. Воспитанный на законченномъ античномъ мірѣ, Коршъ сумѣлъ тонкость чутья и точность анализа перенести на всѣ области научнаго изслѣдованія. Онъ понималъ, что Востокъ наложилъ неизгладимый слѣдъ на славянство; и, подчеркивая, что онъ не славистъ, что онъ не оріенталистъ, освѣщалъ все-таки темные закоулки изъ исторіи жизни языковъ, которые разсматривались Коршемъ на фонѣ культурныхъ взаимодѣйствій. Такъ, у лингвиста Корша преобладалъ историко-сравнительный методъ. Дробленіе его научныхъ силъ вытекало сколько органически, изъ непреоборимой потребности натуры, столько же изъ сознанія необходимости, ибо «жатва—велика, а дѣятелей мало».

Слово со стороны формы и содержанія, языки, мертвые и живые,—захватили Корша уже со второй половины 60-хъ годовъ. Онъ преобразовалъ на историко-филологическомъ факультетѣ преподаваніе классическихъ языковъ, выведя ихъ на широкій просторъ сравнительнаго языковѣдѣнія. Хорошій классикъ долженъ быть языковѣдомъ. Когда въ Москвѣ взошло свѣтило языковѣдѣнія Ф. Θ. Фортунатовъ, Θ. Е. Коршъ, университетскій учитель Фортунатова, обратился въ послѣдователя «фортунатовской лингвистической школы», хотя, вѣрный своему правилу, онъ отказывался безпрекословно jurare in verba magistri. Вопросы языковѣдѣнія, исторія звуковъ, условія происхожденія звуковъ съ физіологической точки зрѣнія—занимали также Корша, но чаще старался онъ въ университетскихъ курсахъ построить общую грамматику языка, предлагая или спеціальное введеніе, или комментируя античнаго автора. Такъ, напримѣръ, когда вышла (въ 1880 г.) греческая грамматика Г. Мейера, Коршъ прочелъ лингвистическое введеніе въ Иліаду объ общегреческомъ языкѣ, онъ читалъ средне-греческій (византійскій) языкъ, вульгарный латинскій (курсы по Плавту). На западѣ эти курсы, отпечатанные преподавателемъ, создали бы автору славу, открыли бы въ наукѣ новыя перспективы; въ условіяхъ русской жизни университетскіе курсы отливались нерѣдко въ неряшливые подстрочники, которые преслѣдовали узкую, экзаменаціонную цѣль.

Коршъ читалъ въ университетѣ сперва греческихъ авторовъ, потомъ—римскихъ, большею частью это были поэты; изъ прозаиковъ Коршъ охотно комментировалъ ораторовъ, потому, вѣроятно, что ощущалъ въ нихъ біеніе жизни, его увлекала также ритмика ораторской рѣчи. Крохи университетскихъ лекцій Корша попадали иногда въ печать (напримѣръ, отшлифованные переводы

его изъ «De oratore» Цицерона украсили страницы «Филологическаго Обозрѣнія»). Въ «критическихъ замѣчаніяхъ» Коршъ обнаруживалъ рѣдкостный даръ коньектуральной критики текста. Коньектуры Корша всегда остроумны. Помогало ему также глубокое знаніе языковъ изъ разныхъ семей: странная игра словъ въ греческой эпиграммѣ, напримѣръ, указывала ему на славянское происхожденіе лица, на которое она составлена. Отъ вѣщаго дуновенія Корша «мертвые» классическіе языки оживали, передъ студентами воскресали въ плоти и крови люди античнаго міра.

Синтаксисъ рѣчи, изслѣдованіе логическихъ и психологическихъ законовъ человѣческой рѣчи въ широкомъ масштабѣ затронуто Коршемъ въ диссертаціи на степень доктора римской словесности «Способы относительно подчиненія. Глава изъ сравнительнаго синтаксиса» (Москва, 1877); здѣсь подобраны примѣры изъ языковъ индо-европейскихъ, семитскихъ и турецкихъ (собственно: османскаго)[1]). Синтаксическій строй рѣчи, стиль эпохи, стиль писателя—Коршъ постигъ въ совершенствѣ, и на этомъ строилъ часто вѣскіе выводы о времени написанія какого-нибудь памятника языка, объ языкѣ оригинала спорнаго памятника, и т. д. Онъ зналъ это, и показывалъ иногда «фокусы»: такъ, онъ воспроизвелъ однажды языкомъ эпохи Петра В. «Универсалы Петра В. къ буджацкимъ и крымскимъ татарамъ», сохранившіеся только въ турецкомъ переводѣ (Древности Восточныя, т. I, вып. 3).

Оріенталистъ найдетъ въ докторской диссертаціи Корша промахи и ошибки въ синтаксисѣ арабскаго и османскаго языковъ. Видно, что для профессора-классика это еще чужая сфера. Правда, на университетской скамьѣ заложено было проф. П. Я. Петровымъ въ Коршѣ знаніе языковъ восточныхъ (кромѣ турецкаго); но только общеніе съ представителями восточныхъ колоній въ Москвѣ, которые шли въ домъ «шейха» Корша, углубило его познанія; а когда въ 1892 г. Коршъ былъ приглашенъ въ спеціальные классы Лазаревскаго института восточныхъ языковъ для преподаванія персидскаго языка,—онъ вращался уже какъ въ живомъ восточномъ этнографическомъ музеѣ. Классическіе языки надолго были заброшены. Сознавая, какъ важно для Россіи знакомство съ Востокомъ, онъ устремилъ свое вниманіе на языки ближняго Востока, преподаваніе которыхъ было представлено въ спеціальныхъ классахъ. Для Корша, какъ для слависта, языки турецкіе заключали богатое поле для изслѣдованія, онъ «вспахивалъ цѣлину», и эта сторона многообразнаго научнаго труда Корша оставила прочные результаты.

---

[1]) Синтаксисъ латинской рѣчи разработанъ, впрочемъ, слабо.

Уже въ 1885 г. Коршъ написалъ подъ видомъ рецензіи на словарь Миклошича «Die türkischen Elemente in den südost und ost-europäischen Sprachen» обзоръ,—дополненія, въ которыхъ систематизировалъ и исправлялъ безпорядочный матеріалъ Миклошича[1]).Коршъ работалъ урывками, онъ писалъ часто «по поводу». Когда безвременно умершій профессоръ-туркологъ П. М. Меліоранскій затронулъ вопросъ о элементахъ турецкихъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ»,—Коршъ, давно уже пристально изучавшій этотъ памятникъ, съ юношескимъ задоромъ вступилъ съ нимъ въ полемику и разбросалъ въ отвѣтахъ рядъ цѣнныхъ замѣчаній и наблюденій надъ турецкими языками и народами[2])..

Кругозоръ Корша расширялся все больше и больше, онъ хотѣлъ заглянуть въ до-историческую эпоху для того, чтобы уяснить словарныя заимствованія славянскихъ языковъ съ Востока и Запада. Его манилъ къ себѣ загадочный Востокъ: «обслѣдованіе восточныхъ, особенно, сѣверно-азіатскихъ и средне-азіатскихъ элементовъ въ славянскихъ языкахъ,—писалъ однажды Коршъ,—представляетъ собою долгъ русскихъ ученыхъ». На это толкали Корша западно-европейскія изслѣдованія—работы Пейскера и Мункачи[3]). Слово представляло для Корша культурно-историческій памятникъ, говорившій о заимствованіяхъ и вліяніяхъ; такъ, въ статьѣ «Владиміровы боги», онъ доказалъ неславянскій характеръ боговъ (Дажьбогъ, Симорьглъ, Мокошь, Хорсъ, Волосъ), внесенныхъ въ кіевскій пантеонъ Владиміромъ (Сборникъ въ честь проф. Н. Ѳ. Сумцова).

Такимъ образомъ, восточный міръ былъ для Корша средствомъ для познанія міра славянскаго. Съ первыхъ шаговъ научной дѣятельности Корша, славянскіе языки стали служить предметомъ изслѣдованія; рецензія на «Слово о полку Игоревѣ» (изд. Тихонравова) была литературнымъ первенцемъ Корша (Московскія Университетскія Извѣстія, 1866, №2). Уже въ университетѣ общительный Коршъ водился со студентами-поляками и успѣлъ полюбить польскую литературу, а во время путеше-

[1]) Archiv für slavische Philologie, т. VIII и IX, 3 статьи; обзоръ остался, повидимому, неоконченнымъ.

[2]) «Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ», «По поводу второй статьи профессора П. М. Меліоранскаго...», «Извѣстія отд. русск. яз. и слов.», т. VIII, кн. 4, т. XI, кн. 1.

[3]) Такъ возникли замѣтки Корша: «О нѣкоторыхъ бытовыхъ словахъ, заимствованныхъ древними славянами изъ (такъ называемыхъ) урало-алтайскихъ языковъ» (Сборникъ въ честь 70-тилѣтія Г. Н. Потанина), «Нѣсколько лингвистическихъ данныхъ для исторической этнографіи Восточной Европы» (Сборникъ въ честь 70-тилѣтія Д. Н. Анучина и др.). Въ послѣдней статьѣ Коршъ, языковѣдъ-палеонтологъ, устанавливаетъ соприкосновенія между сѣверомъ (языками финскими) и югомъ (языкомъ армянскимъ).

ствія за границу (въ концѣ 60-хъ годовъ) онъ не упустилъ удобнаго случая воочію понаблюдать славянскій міръ: онъ читалъ въ библіотекахъ памятники вымершихъ балтійскихъ славянъ, входилъ въ сношенія со славянскими дѣятелями, и т. д. Практическое знаніе славянскихъ языковъ у Корша было виртуозно, выучивалъ языки онъ шутя, такъ, напримѣръ, онъ изучалъ болгарскій языкъ на корректурахъ словаря Дювернуа. Онъ безошибочно опредѣлялъ русскіе говоры и свободно объяснялся на нихъ: онъ заговаривалъ на какомъ-нибудь нарѣчіи и быстро переходилъ на нарѣчіе собесѣдника.

Погруженный въ анализъ слова, какъ сочетанія звуковъ и какъ памятника культурно-историческаго, Коршъ иногда отвлекался отъ задачъ языковѣдныхъ. Человѣческая рѣчь представляла для него матеріалъ для психологіи народнаго творчества. Въ печатныхъ сочиненіяхъ однако сохраняются только слабые отзвуки мыслей Корша. Предварительно Коршъ продѣлывалъ громадную «черновую» работу, передъ нимъ возсоздавалась теорія народнаго творчества, народная поэтика, но для аудиторіи Коршъ предлагалъ готовые, конечно, выводы: кабинетнымъ изслѣдованіемъ заниматься уже было некогда, Коршъ обращался въ оратора, лектора, слово котораго напряженно воспринималось публикой. Такъ какъ въ языкѣ раскрывалась передъ Коршемъ душа народа, онъ охотно опредѣлялъ, насколько писатель уловилъ въ своихъ произведеніяхъ національныя черты, и можетъ поэтому почитаться поэтомъ народнымъ. Первый этюдъ изъ психологіи творчества заключается въ актовой рѣчи Корша «Римская элегія и романтизмъ» (Отчетъ Московскаго Университета за 1898 г.); впослѣдствіи были написаны (или записаны за лекторомъ) статьи: «О комизмѣ Гоголя» (въ сборникѣ «Гоголевскіе дни въ Москвѣ»), о Шевченкѣ (въ сборникѣ, посвященномъ памяти Т. Г. Шевченка. М. 1912); характеристики Прешириа, Словацкаго.

II.

Такъ отъ физіологической природы слова шелъ Коршъ къ психологическому анализу неслышныхъ настроеній. Онъ могъ уловить колебанія языка, онъ подслушалъ въ рѣчи ритмъ, гармонію языка. Тонкій слухъ и музыкальное чутье Корша сразу схватывали соотвѣтствіе между словомъ и количествомъ времени для его произнесенія. Онъ улавливалъ ритмъ въ рѣчи, какъ бы она ни была запутана искаженіями. Но стихъ—осуществленіе размѣра въ языкѣ—представляетъ созданіе эпохи; поэтому Коршъ легко открывалъ въ стихѣ архаическія основы,

позднѣйшія наслоенія, потому что тамъ запечатлѣно было для Корша реальное движеніе, породившее форму стиха. Первый знатокъ метрики, Коршъ написалъ глубочайшія изслѣдованія о стихосложеніи у различныхъ народовъ: «Введеніе въ науку о славянскомъ стихосложеніи» (Сборникъ по славяновѣдѣнію, II); «О русскомъ народномъ стихосложеніи. I. Былины» (Извѣстія отд. р. яз. и слов., т. I, кн. 1—2), съ экскурсомъ въ область ударенія русскаго; «Слово о полку Игоревѣ», гдѣ, возстановивъ ритмическій строй памятника, сопоставилъ поэму съ великорусскими былинами и малорусскими думами (Изслѣдованія по русскому языку, т. II, вып. 6); «Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племенъ» (Зап. Вост. Отдѣл. И. Русскаго археол. Общ., т. XIX) и т. д., и т. д. О чемъ бы ни говорилъ или ни писалъ Коршъ, онъ неизмѣнно уклонялся въ сторону ритма. Натура цѣльная, гармоничная, онъ во всемъ искалъ ритмъ. Уже магистерская диссертація Корша «De versu Saturnio» (М. 1868) посвящена анализу ритма въ латинской рѣчи,—древнѣйшему латинскому стиху; онъ открылъ тамъ новую цезуру, которая въ честь его названа французскимъ изслѣдователемъ стиха (Havet) «Коршевской цезурой». Образецъ классическаго анализа стиха Пушкина заключенъ въ «Разборѣ вопроса о подлинности окончанія Русалки А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева» (Извѣстія отд. р. яз. и слов., т. III, 3, т. IV, 1—2). Такъ, поддѣлка подвинула Корша на одно изъ обстоятельныхъ психологическихъ изслѣдованій объ языкѣ поэта.

Разъ тайна стихотворчества была разгадана, Коршъ, у котораго была тонкая воспріимчивость, конечно, свои мысли, долженъ былъ отливать въ стихи. Поэтъ Ѳ. Е. Коршъ переводилъ или, вѣрнѣе, воспроизводилъ на русскомъ языкѣ поэзію безчисленныхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ, въ языкахъ которыхъ онъ свободно разбирался. Въ переводахъ Коршъ обрѣталъ эстетическое самоудовлетвореніе; поэзія была его стихія. Въ университетѣ на классическомъ семинаріи упражнялъ онъ студентовъ въ писаніи латинскихъ стиховъ. Пушкина переводилъ онъ на латинскій языкъ стилемъ Горація; латинскаго поэта перекладывалъ на греческій языкъ и т. д. (образцы въ сборникѣ Στέφανος, изд. въ Копенгагенѣ, 1886 г.).

Переводы Корша открывали часто поэтовъ, въ русской литературѣ неизвѣстныхъ, и это его крупная историко-литературная заслуга. Такъ, напримѣръ, онъ откликнулся на столѣтній юбилей со дня рожденія Ф. Прешириа, «лучшаго изъ словѣнскихъ и одного изъ лучшихъ славянскихъ поэтовъ», котораго впослѣдствіи онъ сравнивалъ по значенію съ Пушкинымъ или Мицкеви-

чемъ, потому что онъ явился выразителемъ думъ своего народа; Коршъ ознаменовалъ юбилей изданіемъ «Стихотвореній Фр. Прешина. Со словѣнскаго и нѣмецкаго подлинниковъ»... (М. 1901), съ обширнымъ введеніемъ, заключающимъ біографію поэта и обзоръ его стихотвореній со стороны содержанія и формы. Въ «Римской элегіи и романтизмѣ» данъ цѣлый рядъ художественныхъ переводовъ изъ Катулла и др. Скоро въ изданіи Сабашниковыхъ выходитъ сборничекъ переводовъ изъ персидскихъ поэтовъ, передъ красотами которыхъ Коршъ восторженно преклонялся: «мысль перса,—говорилъ Коршъ во вступительной лекціи въ Лазаревскомъ институтѣ, — вдохновляется отъ сердца». Сухой перечень языковъ, съ которыхъ Коршъ переводилъ, по своей многочисленности обратился бы въ синодикъ; когда переводы Корша будутъ собраны, во всей яркости засіяетъ его поэтическое дарованіе.

Но у Корша находилось и свое поэтическое слово для выраженія волновавшихъ его думъ. Для Корша былъ безразличенъ языкъ, но онъ замѣчалъ, что для передачи задушевныхъ мыслей ближе всего ему языкъ малорусскій. Изъ оригинальныхъ стихотвореній Корша характерно написанное въ 1889 г. стихотвореніе «Пустота» (Русское Обозрѣніе, 1891, № 2, стр. 625—626). Коршъ обнажаетъ передъ читателемъ свою душу; оказывается, неотступно преслѣдуетъ его мысль о безплодно, безъ радости и любви, прожитой молодости:

«Хоть не юноша я, и, быть-можетъ,
Мною жизнь ужь почти прожита,
Все одно меня давитъ и гложетъ:
Пустота, пустота, пустота!

Да и былъ ли ужь точно я молодъ?
Иль мнѣ грезилась юность во снѣ?
Съ ея пира я вынесъ лишь голодъ,
И теперь не затихшій во мнѣ.

Въ полномъ сердцѣ свободная сила
Бушевала, какъ горный потокъ,
Но напрасно исхода просила:
Я остался, какъ былъ, одинокъ.

И покуда меня не оставитъ
Юныхъ дней золотая мечта,
На меня наступаетъ и давитъ
Пустота, пустота, пустота!»

Это—крикъ одинокой души, одиночество поэта, который, оглядываясь кругомъ, наблюдалъ тупость мысли и черствость сердца.

III.

Если языкъ—душа народа, идеалы народа должны воплощаться въ языкѣ, и языковѣдъ, знанія котораго не мертвый

капиталъ, долженъ защищать народъ, носитель языка. Выводъ этотъ логически напрашивается для человѣка, міровоззрѣніе котораго выпукло-ясно и законченно-цѣльно. А у Корша, вдобавокъ, изученіе языка шло отъ живого человѣка. До-поры до-времени, однако, онъ находился вдали отъ политики; партійность, направленія были для него безразличны: по своему характеру это былъ податливый человѣкъ, котораго легко можно было переубѣдить и склонить на свою сторону. Впрочемъ, свобода академическаго преподаванія, отъ которой зависѣла продуктивность научнаго труда, и въ годы реакціи была для «стараго либерала» (какъ называлъ себя Коршъ) дорога. На столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей» принялъ онъ горячее участіе въ полемикѣ съ проф. Любимовымъ, который въ своихъ доносительныхъ статьяхъ подрывалъ устои университетскаго устава 1863 г.

1905-й годъ произвелъ въ Коршѣ переворотъ. Въ политической брошюрѣ «Голосъ изъ партіи 17-го октября» (М. 1907) Коршъ бросаетъ свѣтъ на переломъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ; переломъ этотъ былъ для него благодѣтеленъ. «Я не политикъ, — писалъ Коршъ, — и потому живи я гдѣ-нибудь въ Западной Европѣ, мнѣ и въ голову бы не пришло высказываться по вопросамъ государственнаго устройства и управленія. Но въ Россіи—дѣло другое». Выступленіе на поприще публицистики было для Корша все-таки неожиданно, онъ думалъ, что это—«въ первый разъ (и, вѣроятно, въ послѣдній)».

Разочаровавшись въ союзѣ 17-го октября, Ѳ. Е. Коршъ высказываетъ мысли о политикѣ, общественномъ равноправіи россійскихъ гражданъ, которое составляетъ необходимое условіе единаго мощнаго государства. Правда, среди великороссовъ,—язвитъ Коршъ,—преобладаютъ крайности: или проповѣдуются погромы, или, наоборотъ, безпорядочный радикализмъ, готовый распинаться за политическія права гиляковъ. Коршъ выбираетъ златую середину: онъ—противъ автономіи, но онъ стоитъ за сохраненіе національностей съ ихъ языкомъ и собственной культурой, «чтобы родъ человѣческій не превратился въ человѣческое стадо... Національность, обладающая особымъ міровоззрѣніемъ, вноситъ въ общечеловѣческую сокровищницу знаній и мыслей отличную отъ другихъ точку зрѣнія на вопросы, занимающіе все человѣчество... Устройство сложнаго государственнаго организма должно быть таково, чтобы каждая часть дорожила своей связью съ цѣлымъ». Такъ разсуждаетъ «чистѣйшій великороссъ», который давно уже неодобрительно смотрѣлъ на политику насильственнаго обрусенія въ Финляндіи или на Кавказѣ.

Понятно, что когда въ 1908 г. въ Москвѣ было основано Об-

щество славянской культуры, Коршъ единогласно былъ избранъ въ предсѣдатели. Но, конечно, прежде чѣмъ думать о культурномъ объединеніи славянъ, необходимо было уладить внутреннія разногласія. Общество славянской культуры отрывало Корша отъ кабинетной работы, но какъ рыбѣ—вода, такъ Коршу нужны были живые люди, нужна была широкая общественная арена; изъ тихой квартиры во 2-мъ Ушаковскомъ переулкѣ (на Остоженкѣ) Коршъ спустился въ гущу жизни, гдѣ шли ожесточенные страстные споры. Коршъ, выковавшій въ себѣ долгимъ научнымъ мышленіемъ безпристрастіе, напоминалъ о выводахъ, которые неизбѣжно вытекали изъ историческихъ фактовъ. Противъ Корша, оперировавшаго съ научными аргументами въ рукахъ, идти было трудно: это значило—вводить уже въ науку политиканство.

Коршъ откликался на всѣ вопросы, волновавшіе славянскій міръ—во время аннексіи Босніи и Герцеговины Австріей, во время Балканской войны, и др.; но полнѣе всего захватили его русско-украинскія отношенія. Въ отвѣтѣ на анкету, устроенную журналомъ «Украинская Жизнь», Коршъ писалъ, что украинскимъ вопросомъ интересуется давно. И это были, конечно, не пустыя слова. Въ 1905 г. подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Е. Корша была образована въ Академіи наукъ коммиссія по вопросу «Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова». Обстоятельная записка объ этомъ была составлена Ѳ. Е. Коршемъ (съ разрѣшенія Академіи переиздана въ 1910 г.).

Ратуя за украинцевъ, Коршъ исходилъ изъ общерусскаго единства: въ разнообразіи языковъ русскихъ раскрывается богатство племени русскаго, культурное пріобрѣтеніе малороссовъ—общерусское пріобрѣтеніе, и должно поэтому вызывать во всѣхъ радость. «Единство названія цѣлыхъ трехъ племенъ (великорусскаго, малорусскаго, бѣлорусскаго),—писалъ въ одной статьѣ Коршъ,—да вѣдь это залогъ братскаго единенія и счастья всѣхъ!» Когда-то, въ XVII вѣкѣ, въ Малороссіи высоко стояла культура, оттуда выписывались въ Москву ученые, а теперь грамотность падаетъ; преслѣдованія внесли разладъ въ жизнь украинскаго народа. Зарубежная Русь, Галичина, обратились для украинцевъ въ «обѣтованную землю», и, конечно, здравый политическій смыслъ подсказываетъ, что необходимо все въ корень измѣнить, а то это—на-руку Австріи, которая можетъ использовать расколъ въ украинскомъ народѣ. Самъ Коршъ признавалъ естественной симпатію украинцевъ къ «закордоннымъ соплеменникамъ», но предупреждалъ отъ увлеченія австрійской политикой... У украинцевъ есть задатки самостоятельной культуры; чтобы ростокъ

пустилъ корни, необходима національная школа, гдѣ преподаваніе шло бы на родномъ языкѣ... Живой темпераментъ Корша сообщалъ статьямъ (печатавшимся въ журналѣ «Украинская Жизнь» и въ газетахъ) горячность и убѣдительность; безспорные факты облечены были у Корша въ блестящую форму, которая ослѣпляла и обезкураживала противника.

Смерть унесла изъ жизни стойкаго друга славянъ. Горечь утраты смягчается только сознаніемъ, что Θ. Е. Коршъ представляетъ символическій залогъ грядущей Россіи, на лонѣ которой націи уже безпрепятственно будутъ осуществлять свои культурные идеалы.

Вл. Гордлевскій.

Графъ С. Ю. Витте.

(17 іюня 1849—28 февраля 1915).

Крупный человѣкъ—въ великія минуты все же оказавшійся не на высотѣ задачи, поставленной ему исторіей [1]). Такова характеристика Витте, ставшая почти шаблонной.

Характеристика совершенно ошибочная, какъ по отношенію къ личности Витте, такъ и по отношенію къ историческому моменту.

Поэта нужно судить по законамъ, имъ самимъ себѣ поставленнымъ, а политическаго или общественнаго дѣятеля по цѣлямъ, которымъ онъ служитъ. Нельзя съ точки зрѣнія идей конституціонализма или республики оцѣнивать поведеніе вѣрнаго слуги самодержавія, «приказчика своего государя», какъ, говорятъ, самъ Витте охарактеризовалъ себя когда-то; нельзя съ точки зрѣнія интересовъ демократіи судить сторонника интересовъ промышленности и торговли.

Разумѣется, Витте не былъ носителемъ идеи буржуазіи въ ея чистомъ и безпримѣсномъ видѣ. Онъ сталъ во главѣ русскихъ

---

[1]) «Смѣлостью и рѣшительностью дѣйствій, грандіозностью своихъ плановъ онъ создавалъ новую обстановку государственной жизни. Единственный разъ, когда условія момента—въ октябрѣ 1905 г. — могли бы возвести его на историческую высоту, на перевалъ русской государственности, условія эти оказались ему не по плечу. Для этихъ исключительныхъ условій гр. Витте оказался недостаточно крупнымъ, какъ наоборотъ, былъ слишкомъ крупнымъ для того, чтобы оріентироваться въ господствующихъ теченіяхъ и отдаться сильнѣйшему». «Изъ воспоминаній о гр. Витте» *І. Гессена*, «Рѣчь» 1915, № 58. «Недостатокъ темперамента, несмотря на наличность у него большой предпріимчивости и смѣлости,... сказался потомъ гораздо замѣтнѣе, когда... крупнѣйшія историческія задачи, выпавшія ему на долю, оказались ему рѣшительно не по плечу и когда онъ производилъ на людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, впечатлѣніе старой, слезливой бабы, по выраженію Пергамента». *А. Корниловъ*. «Былъ ли Витте великимъ государственнымъ человѣкомъ?». «Рѣчь», 1915, № 97.

финансовъ въ тотъ моментъ, когда старая дворянская Россія еще далеко не закончила своего превращенія въ современное буржуазное государство; можно сказать даже: когда она только что приступила къ такому превращенію, и когда наша, только что начавшая развиваться, буржуазія не только не увлекалась конституціонными идеями, но усердно искала опоры въ бюрократіи и внѣ самодержавнаго строя не видѣла для себя спасенія. Именно этой возникающей буржуазіи, глубоко монархической и не менѣе глубоко націоналистической по своимъ политическимъ идеаламъ, Витте отдалъ всѣ свои симпатіи, всѣ свои силы,—и все свое громадное честолюбіе. Это онъ высказалъ и въ своихъ научныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ восьмидесятыхъ годовъ, если не наиболѣе ярко,—всѣ вообще печатныя произведенія Витте блѣдны и тусклы,—то наиболѣе ясно въ брошюрѣ «По поводу національзма. Національная экономія и Фр. Листъ», въ которой онъ рекомендовалъ Россіи вступить на дорогу, указанную для Германіи Листомъ, а вслѣдъ за нимъ Бисмаркомъ. Въ предисловіи къ новѣйшему изданію (С.-Пб. 1912) онъ съ полнымъ правомъ могъ сказать: «Думаю, что моя государственная дѣятельность не противорѣчила мнѣніямъ, которыя я высказалъ, когда стоялъ совсѣмъ вдали отъ власти».

Двѣ главныя идеи проникаютъ весь первый періодъ государственной дѣятельности Витте, т.-е. періодъ его управленія финансами: идея развитія въ Россіи обрабатывающей промышленности, во-первыхъ, и идея постоянной государственной опеки, вмѣшательства государства во всѣ области хозяйственной жизни страны, во-вторыхъ.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, сопровождавшемъ роспись на 1897 г., онъ указывалъ, что выросшая у насъ въ послѣднее время горная, заводская и фабричная промышленность заняла уже очень видное мѣсто въ нашей экономической жизни, далеко перегнавъ по своей общей производительности промышленность сельско-хозяйственную; изъ этого онъ дѣлалъ выводъ, что «переустройство экономическаго уклада огромнаго государства вновь по типу сельско-хозяйственной страны было бы равносильно экономической катастрофѣ», на которую государство не можетъ, не должно итти; напротивъ, оно должно всячески поддерживать именно эту обрабатывающую промышленность.

Витте пробылъ на посту министра финансовъ 11 лѣтъ, съ августа 1892 г. по августъ 1903 г., и врядъ ли во всей нашей исторіи есть хоть одинъ министръ, который вызвалъ бы къ себѣ такую жестокую ненависть со стороны всего поземельнаго дворянства, какъ именно Витте. Недаромъ идеологъ дворянства, покойный

С. Ф. Шараповъ, въ своей «Политической фантазіи» «Диктаторъ»[1]) начиналъ «очищеніе Россіи» съ преданія Витте верховному суду, какъ государственнаго измѣнника, и лишь на худой конецъ соглашался на пожизненную высылку его за границу; недаромъ Союзъ Русскаго народа травилъ его въ своихъ изданіяхъ, какъ измѣнника, жидовскаго прихлебателя и т. д.; недаромъ тотъ же Союзъ Русскаго народа при поддержкѣ агентовъ охраннаго отдѣленія дважды пытался устроить покушеніе на жизнь Витте [2]). И это совершенно естественно: хотя Витте и не былъ сознательнымъ врагомъ дворянства (какъ это неправильно утверждаетъ Шараповъ), хотя, напротивъ, онъ, какъ «лукавый царедворецъ»,

---

[1]) Выпущена въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1907 подъ псевдонимомъ Льва Семенова, стр. 15 и 19. Дѣйствительный авторъ брошюры былъ названъ въ некрологахъ Шарапова.

[2]) Громаднаго историческаго значенія переписка по поводу этихъ покушеній С. Ю. Витте со Столыпинымъ опубликована Л. Львовымъ въ «Русской Мысли», 1915, № 3. Витте въ письмѣ къ Столыпину, опираясь на строго провѣренныя документальныя данныя, указываетъ на то, что организаторъ покушеній на него, членъ Союза Русскаго Народа Казанцевъ, онъ же организаторъ и другихъ преступленій, «1) во время приготовленій къ таковымъ, состоялъ агентомъ на жалованіи у лица, находящагося на государственной службѣ, проживалъ подъ чужимъ именемъ и по чужому паспорту, полученному отъ должностныхъ лицъ, находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чинами охранной полиціи и снабжался «темными» деньгами;........ 3) что съ вѣдома и согласія, если не по указанію лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по администраціи, агентъ указанныхъ выше охранныхъ организацій Александръ Казанцевъ, съ цѣлью политическаго розыска, выдавалъ себя за члена революціонныхъ партій и склонялъ лицъ, дѣйствительно къ означеннымъ партіямъ принадлежащихъ, принимать участіе въ совершеніи террористическихъ актовъ посредствомъ разрывныхъ снарядовъ, вслѣдствіе чего означенное провокаторство, даже если бы оно имѣло своею цѣлью исключительное уловленіе террористовъ, угрожало общественной безопасности; 4) что подобная организація и постановка дѣла охраны вынуждаетъ чиновъ государственной охраны, сыскной и даже наружной полиціи, въ извѣстныхъ случаяхъ, подобныхъ случаю убійства агента Казанцева, не только не выяснять важныя уголовныя преступленія, но сознательно бездѣйствовать, и, быть можетъ, даже принимать мѣры къ предоставленію виновнымъ возможности скрыться отъ слѣдствія и суда, дабы при гласномъ сужденіи дѣла не обнаружить, что должностныя лица, довѣряя извѣстнымъ политическимъ партіямъ, пользуются ихъ услугами, имѣютъ общихъ съ ними агентовъ по охранѣ и даже тайно содѣйствуютъ имъ, выдавая агентамъ этихъ партій содержаніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ фальшивые паспорты и оружіе, и 5) что то же положеніе вынуждаетъ..., какъ это было въ дѣлѣ о двукратномъ покушеніи на меня, вести слѣдствіе боязливо, слегка, не рѣшаясь путемъ обысковъ и вообще болѣе энергическихъ дѣйствій раскрыть дѣло, хотя достаточно ясное, но столь же нежелательное и могущее имѣть дурныя послѣдствія для карьеры» . . . . «Въ настоящемъ письмѣ, говоритъ далѣе Витте, мнѣ пришлось употребить выраженіе «провокаторъ» и примѣнить таковое къ агенту Казанцеву. Считаю необходимымъ пояснить, что если по отношенію къ Василію Федорову, Семену Петрову и Алексѣю Степанову Казанцевъ являлся агентомъ-провокаторомъ, то по отношенію къ преступленіямъ, противъ меня направленнымъ, Казанцевъ не ограничился ролью провокатора, шелъ дальше и имѣлъ въ виду не только изловить и изобличить того или другого максималиста, но и воспользоваться ихъ услугами, чтобы совершить настоящее убійство».

всею душою хотѣлъ бы съ нимъ ладить, хорошо понимая, что сила его далеко не изжита, но все-таки онъ прежде всего былъ министромъ не дворянства, а той самой горной, заводской и фабричной промышленности, значеніе которой онъ въ цитированномъ сейчасъ всеподданнѣйшемъ докладѣ несомнѣнно сильно преувеличилъ, и на службу которой онъ старался поставить весь государственный механизмъ. Двѣ его реформы особенно больно задѣвали землевладѣльцевъ,—это, во-первыхъ, золотая валюта, а во-вторыхъ винная монополія.

Первая, введенная Витте на смѣну старой, постоянно падавшей денежной валюты, лишила дворянство дешевыхъ денегъ, которыми оно привыкло расплачиваться со своими рабочими, получая цѣну своего хлѣба за границей чистымъ европейскимъ золотомъ. А водочная монополія, поставившая все производство водки подъ строжайшій контроль правительства, лишила значительное число дворянъ, обзаведшихся винокуренными заводами, положенія хозяевъ на нихъ.

Первая изъ нихъ, поставившая денежное хозяйство Россіи на одинъ уровень съ хозяйствомъ западноевропейскихъ государствъ, значительно улучшившая государственное хозяйство вообще и давшая могучій толчокъ промышленному развитію въ Россіи, составляетъ главную, въ настоящее время почти никѣмъ не оспариваемую, заслугу Витте. Именно по отношенію къ ней онъ встрѣтилъ особенно сильное противодѣйствіе со стороны государственнаго совѣта, въ которомъ дворянскія вожделѣнія на этотъ разъ не смягчались соображеніями фискальнаго характера, облегчившими прохожденіе второй реформы, весьма выгодной для фиска, но для народа имѣвшей скорѣе отрицательное значеніе. Витте, однако, мало стѣснялся тѣми формами, которыя были установлены для прохожденія законодательныхъ актовъ, и денежная реформа проведена имъ была, главнымъ образомъ, въ административномъ порядкѣ, а закрѣплена помимо государственнаго совѣта нѣсколькими испрошенными высочайшими повелѣніями и указами. Не разъ онъ даже скрывалъ отъ государственнаго совѣта свои истинныя намѣренія. Онъ мало стѣснялся также законными предѣлами своей власти, нерѣдко прибѣгая къ давленію на другихъ министровъ въ предѣлахъ ихъ компетенціи. Вообще при проведеніи этой мѣры онъ проявилъ большую энергію, большую настойчивость и, производя реформу, являвшуюся крупнымъ шагомъ на пути преобразованія Россіи изъ страны дворянской въ страну промышленную, онъ дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, тѣми средствами, которыя давалъ ему старый самодержавный строй. Иногда его называли носителемъ идеи

просвѣщеннаго абсолютизма, и если это названіе можетъ быть оправдано, то, главнымъ образомъ, благодаря его дѣятельности въ качествѣ министра финансовъ и въ особенности по проведенію денежной реформы.

Что касается винной монополіи, то, являясь мѣрою, больно задѣвавшею интересы помѣщиковъ, она, конечно, не направлялась непосредственно въ пользу промышленности или промышленниковъ; она была продиктована исключительно интересами фиска и стремленіемъ къ усиленію центральной власти. Ради евфемизма, Витте не мало говорилъ о введеніи въ Россіи трезвости путемъ запрещенія частной торговли водкой. Въ отчетахъ о дѣятельности водочной монополіи, публиковавшихся въ первое время, многократно говорилось о благотворномъ ея въ этомъ смыслѣ вліяніи, и только совсѣмъ недавно, незадолго до смерти, Витте сознался въ гос. совѣтѣ, что монополія привела къ страшному спаиванію народа. Но что истинная цѣль Витте лежала совершенно въ другой области, доказывается уже тѣмъ порядкомъ, въ которомъ вводилась монополія: сперва въ губерніяхъ, дававшихъ наименьшіе акцизные сборы, затѣмъ въ губерніяхъ, отличавшихся большимъ потребленіемъ водки при старой системѣ, и наконецъ тамъ, гдѣ надобность въ увеличеніи потребленія населеніемъ водки чувствовалась фискомъ всего менѣе. Благодаря водочной монополіи, Витте, помимо значительнаго приращенія государственныхъ доходовъ, получилъ новую громадную армію чиновниковъ, подчиненныхъ правительству, и такимъ образомъ значительно усилилъ власть центральнаго правительства. Это и была вторая задача его реформы.

На ряду съ денежной реформой желѣзнодорожная политика Витте, продиктованная тою же идеею, даетъ ему право на признаніе со стороны прогрессивныхъ слоевъ общества. Получивъ въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ сѣть въ 29,157 верстъ желѣзнаго пути, принадлежавшаго по преимуществу многочисленныхъ частнымъ компаніямъ, онъ оставилъ желѣзнодорожную сѣть въ 54,217 верстъ, изъ которыхъ большая половина принадлежала казнѣ. Такимъ образомъ, за 11 лѣтъ его управленія финансами желѣзнодорожная сѣть выросла почти вдвое. И она выросла не только количественно. Въ области тарифнаго дѣла Витте рѣшился на очень смѣлую, нигдѣ за границей не испытанную (въ такихъ размѣрахъ) мѣру: на значительное удешевленіе тарифовъ, какъ пассажирскихъ, такъ и грузовыхъ; первые были понижены раза въ два и достигли той степени дешевизны, которой не только не достигаютъ, но къ которой даже не приближаются тарифы Зап. Европы и Америки. Въ этомъ случаѣ Витте

руководствовался не интересами фиска; по крайней мѣрѣ не непосредственными его интересами. Государство, имѣвшее убытокъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ началѣ его управленія финансами въ 22 милліона рублей въ годъ, подъ конецъ увеличило этотъ убытокъ до 81 милл. [1]). Но зато желѣзнодорожное хозяйство въ приданной ему Витте формѣ явилось могучимъ орудіемъ экономическаго подъема Россіи. Оно значительно усилило подвижность населенія, что, конечно, облегчало обрабатывающей промышленности пріобрѣтеніе дешевыхъ рабочихъ рукъ, содѣйствавало росту городовъ за счетъ деревни. Ту же цѣль преслѣдовалъ Витте, отмѣняя паспортные сборы, а также защищая свободный выходъ крестьянъ изъ общины (въ «Запискѣ по крестьянскому дѣлу», представленной имъ «Особому совѣщанію о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности»).

Русская промышленность, какъ всякая возникающая промышленность, нуждалась въ государственномъ покровительствѣ, и Витте, идя въ этомъ отношеніи по стопамъ своихъ предшественниковъ, Бунге и Вышнеградскаго, опираясь на идеи своего нѣмецкаго руководителя Фр. Листа, нѣсколько разъ поднималъ таможенный тарифъ; онъ заботился о томъ, чтобы различныя вѣдомства дѣлали казенные заказы не за границей, а именно на русскихъ заводахъ; во время сильнаго промышленнаго кризиса въ концѣ XIX и началѣ XX в. онъ пришелъ на помощь различнымъ промышленнымъ предпріятіямъ щедрыми субсидіями изъ средствъ государственнаго банка.

Русская буржуазія (на этотъ разъ въ полномъ единомысліи съ русскимъ дворянствомъ) ненавидѣла прямые налоги, и вся податная политика Витте была направлена къ тому, чтобы возможнымъ усиленіемъ роли косвенныхъ налоговъ въ государственномъ бюджетѣ перекладывать налоговое бремя съ имущихъ классовъ на плечи неимущихъ.

Непосредственные результаты дѣятельности Витте, какъ министра финансовъ, были чрезвычайно благопріятны для промышленности. Добыча каменнаго угля возросла при немъ болѣе, чѣмъ въ три раза; выплавка чугуна въ два съ половиною раза, добыча нефти въ два раза. Приблизительно въ такой же пропорціи развились и другія отрасли промышленности. Сахарная прямо расцвѣла подъ дѣйствіемъ благопріятной для нея нормировки (созданной до Витте, но имъ поддерживавшейся), доставляя одно-

---

[1]) Цифры взяты изъ статьи Кутлера о Витте въ Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ.

временно и очень крупные дивиденды заводчикамъ, и очень крупный доходъ казнѣ, и это несмотря на то (или скорѣе благодаря тому), что высокія цѣны на сахаръ сильно затрудняли его доступъ въ народныя массы, лишая ихъ столь важнаго продукта питанія.

Не менѣе, если не болѣе, благопріятны они были для русскихъ финансовъ и для правительства вообще. Хроническіе раньше дефициты исчезли изъ росписей, бюджетъ возросъ болѣе, чѣмъ въ два раза (съ 965 милл. руб. въ 1892 г. до 2071 милл. въ 1903), армія чиновниковъ, зависящихъ отъ правительства, и именно отъ министерства финансовъ, получила значительное подкрѣпленіе въ лицѣ сидѣльцевъ монополекъ, и вообще внѣшняя мощь правительственной власти значительно окрѣпла.

Совершенно иную картину, конечно, представляетъ положеніе рабочаго класса, для котораго при Витте не было сдѣлано ровно ничего. Заработная плата, условія труда на фабрикахъ и въ мастерскихъ не только не прогрессировали, но скорѣе шли назадъ; въ частности число несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, въ каменноугольныхъ копяхъ, на желѣзныхъ дорогахъ росло за все время управленія Витте въ прогрессіи, далеко опережавшей ростъ самой промышленности. Фабричное законодательство, зачатки котораго положены были до Витте при Бунге и Вышнеградскомъ, при Витте не прогрессировало.

Что касается сельско-хозяйственной промышленности, то ея упадокъ дѣлался все болѣе и болѣе замѣтнымъ; на него жаловался, и не безъ основаній, даже помѣщичій классъ, тѣмъ болѣе отъ него страдало крестьянство. Если Витте интересовался крестьянствомъ, то, главнымъ образомъ, потому, что видѣлъ въ немъ внутренній рынокъ для произведеній промышленности. Только подъ конецъ своего управленія финансами Витте почувствовалъ опасность этой политики, и въ его всеподданнѣйшихъ отчетахъ зазвучала новая нота: «нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономическаго вопроса, писалъ онъ, чѣмъ вопросъ о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія». Но если въ своихъ заботахъ о развитіи производительныхъ силъ страны, когда эти заботы обращались на горную или обрабатывающую промышленность, Витте обнаружилъ большой размахъ и извѣстное творчество, то здѣсь онъ былъ изумительно блѣденъ. По его почину было въ 1902 г. учреждено «Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» съ многочисленными мѣстными комитетами изъ мѣстныхъ людей, конечно, по преимуществу помѣщиковъ. Но вмѣсто того, чтобы предоставить этимъ комитетамъ просторъ въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, было

сдѣлано все возможное, чтобы стѣснить и ограничить ихъ компетенцію, и все это изъ шаблоннаго страха, что мѣстные комитеты обратятся въ очаги крамолы; и когда Плеве арестовалъ и выслалъ члена одного изъ мѣстныхъ комитетовъ (Н. Ф. Бунакова), то Витте и не подумалъ заступиться за него. Въ этомъ сказался, конечно, прежде всего уклончивый и лицемѣрный характеръ Витте, не желавшаго ссориться съ Плеве, но, вѣроятно, также и полнѣйшее несочувствіе къ заявленію Бунакова, въ которомъ прозвучала конституціонная нотка, хотя и въ очень мягкой и осторожной формѣ. Вообще, и особое совѣщаніе, и мѣстные комитеты были обращены въ одно изъ обычныхъ у насъ чисто бюрократическихъ совѣщаній свѣдущихъ людей, вовсе не оставившихъ никакихъ практическихъ результатовъ отъ своей дѣятельности.

Паденіе Витте (16 августа 1903 г.) было великимъ торжествомъ реакціонно-дворянской партіи. Ближайшей причиной, подготовившей это паденіе одного и торжество другой, была дальневосточная авантюра. Витте, хотя и принималъ участіе въ созданіи города Дальняго и насажденіи нашей промышленности на Дальнемъ Востокѣ, но былъ рѣшительнымъ противникомъ лѣсныхъ концессій на рѣкѣ Ялу и вообще всей вызывающей по отношенію къ Японіи политики, совершенно вѣрно оцѣнивая взаимное соотношеніе силъ и хорошо понимая опасность надвигавшейся войны. Но люди, извлекавшіе выгоды изъ этой политики, не понимали опасности; не понималъ ея и глава реакціи Плеве, который, смотря на всѣ важнѣйшія явленія міровой жизни со своей узко-полицейской точки зрѣнія, видѣлъ въ войнѣ лишь способъ борьбы съ надвигавшейся революціей.

Въ концѣ 90-хъ годовъ былъ возбужденъ вопросъ о введеніи земства на окраинахъ. Между отстаивавшимъ эту мѣру министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и противникомъ ея, Витте, завязалась полемика въ формѣ, обычной на бюрократическихъ верхахъ: обѣ стороны составляли и распространяли въ незначительномъ числѣ экземпляровъ среди высокопоставленныхъ особъ особыя записки, не предназначавшіяся для печати. И Витте составилъ такую записку противъ Горемыкина [1]).

---

[1]) Несмотря на великій секретъ, въ которомъ она хранилась, она проникла въ общество и появилась за границей въ нелегальномъ изданіи подъ заглавіемъ «Самодержавіе и Земство», а недавно самъ Витте перепечаталъ ее съ новымъ предисловіемъ и разными дополненіями подъ заглавіемъ: «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» (Спб. 1914). Записка весьма объемистая,—болѣе 200 страницъ довольно убористаго шрифта. Въ предисловіи Витте съ лукавой вѣжливостью благодаритъ Н. Н. Кутлера за помощь въ ея составленіи, зная, какую цѣну можетъ имѣть такая благодарность для его бывшаго товарища,

Въ ней онъ высказалъ свое общее мнѣніе о формѣ правленія въ Россіи:

«Можно вѣрить,—и лично я исповѣдую это убѣжденіе,—что конституція вообще—«великая ложь нашего времени», и что въ частности въ Россіи при ея разноязычности и разноплеменности эта форма не примѣнима безъ разложенія государственнаго единства». Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту Витте подкрѣпилъ свою мысль авторитетомъ Побѣдоносцева, высказавшимъ ее въ еще болѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ. «Съ этой точки зрѣнія, говоритъ онъ дальше, никакого дальнѣйшаго расширенія дѣятельности земству давать нельзя: надо провести для него ясную демаркаціонную линію, не позволять ни подъ какимъ видомъ переступать эту линію, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо возможно скорѣе озаботиться правильной и соотвѣтствующей организаціей правительственной администраціи, твердо памятуя, что «кто хозяинъ въ странѣ, тотъ долженъ быть и хозяиномъ въ администраціи».

«Никакого средняго между этими двумя путями быть не можетъ. Правительству, говоря словами проф. Градовскаго, не слѣдуетъ ставить свою ставку одновременно на черный и красный квадратъ,—не слѣдуетъ съ одной стороны говорить о развитіи самодѣятельности общества и началъ самоуправленія, проектировать территоріальное его расширеніе, а съ другой—подавлять всякую самодѣятельность, ограничивать самоуправленіе, ставить его въ положеніе, при которомъ оно не можетъ быть даже удовлетворительнымъ средствомъ управленія. Результаты такой политики всегда будутъ отрицательны. Ничего не разжигаетъ такъ революціонный духъ, какъ недостатокъ гармоніи въ учрежденіяхъ и разногласіе между законами или теоретическими началами управленія и практикою послѣдняго. Эту истину надо всегда помнить; нельзя создавать либеральныя формы, не пополняя ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ».

Впослѣдствіи, когда Витте склоненъ былъ заявлять себя въ большей или меньшей степени конституціоналистомъ, онъ пытался истолковать особымъ способомъ свою записку: въ ней будто бы онъ доказывалъ только несовмѣстимость самодержавія съ развитымъ самоуправленіемъ и притомъ именно съ развитымъ, а не съ тѣмъ, которое у насъ уже имѣется; но держась строго объективной почвы, онъ не указывалъ, какимъ изъ этихъ двухъ институтовъ слѣдуетъ пожертвовать. Дѣйствительно, вторая половина при-

ставшаго позднѣе однимъ изъ видныхъ дѣятелей конституціонно-демократической партіи и старавшагося набросить покрывало на свою прежнюю дѣятельность. О запискѣ см. статью В. Я. Богучарскаго, «Гол. Мин.» 1914 № 8.

веденной нами цитаты какъ будто даетъ возможность усомниться въ томъ, возстаетъ ли онъ противъ либеральныхъ формъ, или требуетъ заполнененія ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ; выбираетъ ли онъ самъ черный или красный квадратъ. Но категорическое заявленіе вслѣдъ за Побѣдоносцевымъ, что конституція есть великая ложь нашего времени, сочувственная цитата изъ Побѣдоносцева и, главное, время составленія этой записки не оставляютъ мѣста для подобнаго сомнѣнія; вѣдь не для академическаго же спора съ Горемыкинымъ о «непреложности законовъ государственной жизни» представилъ онъ высокопоставленнымъ особамъ записку въ тотъ моментъ, когда на очереди стоялъ практическій вопросъ о введеніи земства въ нѣсколькихъ губерніяхъ. И въ основной точкѣ зрѣнія этой записки нельзя не видѣть дѣйствительнаго убѣжденія Витте того періода.

Но уже самая отставка его какъ бы говорила ему о непригодности того политическаго фундамента, на которомъ онъ пытался строить свое соціальное зданіе, и о непрочности той опоры, которая ему была нужна для проведенія его экономической и финансовой политики. На то же самое могъ ему указать и другой характерный фактъ исключительной важности: это фактъ полной несогласованности, невозможности при нашихъ условіяхъ согласовать дѣятельность правительственныхъ лицъ и учрежденій; въ частности наличность параллельно съ его соціально-экономической политикой также и другой политики, прямо противоположной и враждебной ему, именно политики полицейскаго соціализма, зубатовщины. Въ то время, когда Витте дѣлалъ все возможное въ интересахъ промышленности, между прочимъ и для усиленнаго привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ, въ то самое время московское, а вслѣдъ за нимъ, и другія охранныя отдѣленія организовывали рабочихъ, хотя бы и въ охранныхъ цѣляхъ,—для защиты ихъ правъ въ ихъ борьбѣ съ фабрикантами, организовывали стачки, грозили представителямъ иностраннаго капитала (напримѣръ фабриканту Гужону) административной высылкой, вызывая тѣмъ негодованіе всей буржуазіи и крайне непріятное для правительства вмѣшательство дипломатіи дружественной державы (Франціи). Все это, конечно, было крайне неудобно для Витте, со всѣмъ этимъ онъ велъ борьбу, но оказывался безсильнымъ. Все это могло толкать его мысль на поиски новыхъ политическихъ формъ, какъ въ этихъ поискахъ бродила въ то время и мысль крупныхъ промышленниковъ.

Послѣ ухода изъ министерства финансовъ, Витте въ теченіе двухъ лѣтъ (августъ 1903—іюль 1905) былъ не у дѣлъ, занимая не особенно вліятельный въ то время постъ предсѣдателя стараго,

непреобразованнаго еще комитета министровъ. Началась и окончилась война, вполнѣ подтвердившая справедливость опасеній Витте, и уже ея исходъ долженъ былъ поднять фонды Витте. И онъ вновь всплылъ на поверхность. Въ іюлѣ 1905 г. на него возложена въ высшей степени серіозная и отвѣтственная миссія.

Онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Портсмутъ для переговоровъ о мирѣ съ японцами, и имѣлъ поразительный успѣхъ. Послѣ полутора лѣтъ неслыханныхъ въ военной исторіи успѣховъ японцы удовольствовались совершенно ничтожнымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ и согласились отказаться отъ денежной контрибуціи. Конечно, такой успѣхъ объяснялся сравнительно благопріятными условіями: несмотря на свои побѣды, а можетъ быть и благодаря имъ, японцы были страшно истощены и безъ крайняго напряженія не могли бы продолжать войну. Съ другой стороны, правительство Соединенныхъ Штатовъ, въ лицѣ ихъ президента Рузвельта, уже тогда опасавшееся чрезмѣрнаго усиленія Японіи, прибѣгло къ давленію на нее и всячески содѣйствовало успѣшности миссіи Витте. Но, чтобы сумѣть воспользоваться этими благопріятными условіями,—въ особенности при томъ неблагопріятномъ условіи, что ни для кого, и для японцевъ въ томъ числѣ, не было тайной, что и Россія, обезсиленная военными пораженіями и расходившимися и все поднимавшимися (несмотря на войну) волнами общественнаго возбужденія, не могла бы продолжать войну,—для этого нуженъ былъ недюжинный дипломатическій талантъ.

Успѣхъ Витте, большая его заслуга передъ Россіей были безспорны. Тѣмъ не менѣе на родинѣ его встрѣтила ожесточенная вражда именно со стороны тѣхъ элементовъ нашего общества, которые всего болѣе были повинны и въ войнѣ съ Японіей, и въ ея неудачѣ, отъ которыхъ Витте могъ бы требовать только благодарности. Именно они травили его въ печати и производили на его жизнь покушенія; именно они дали Витте кличку графа Полусахалинскаго и настойчиво утверждали, что Витте въ Портсмутѣ предалъ и продалъ Россію.

Это была клевета, клевета злостная; безъ всякаго сомнѣнія въ то время не было лица, которое могло бы обнаружить большій дипломатическій талантъ и закончить миръ съ большимъ успѣхомъ. Но клевета эта объяснялась не ошибками Витте во время этихъ переговоровъ, не тѣмъ, что Витте вообще согласился на миръ, вмѣсто того, чтобы отказаться отъ переговоровъ и возобновить войну (это, конечно, было не во власти Витте, такъ какъ самое начало переговоровъ, а слѣдовательно и рѣшеніе итти на уступки, было принято не имъ), а общей репутаціей Витте, созданной ему

во время управленія министерствомъ финансовъ, и слухами о томъ, что онъ возвращается въ Россію съ новымъ политическимъ лозунгомъ.

Клевета была способомъ предупредить новое возвышеніе Витте.

Но оно все-таки совершилось. Въ октябрѣ 1905 г. Витте подалъ знаменитый всеподданнѣйшій докладъ. Въ немъ онъ признавалъ, что Россія переросла свою политическую форму, что охватившее весь народъ волненіе объясняется именно глубокимъ внутреннимъ противорѣчіемъ между потребностями и сознаніемъ народа съ одной стороны и существующей политической формой съ другой, а не вліяніемъ отдѣльныхъ злоумышленниковъ, и что поэтому первую задачу правительства должно составить немедленное осуществленіе «основныхъ элементовъ правового строя; свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности... Слѣдующей задачей правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали бы положительную гарантію въ неотъемлемости правъ дарованной гражданской свободы. Задача эта, говорилъ Витте, сводится къ устроенію правового порядка».

Идея правового порядка въ тотъ моментъ была не вполнѣ нова не только для широкихъ слоевъ общества, но и для самого правительства: созывъ Государственной Думы былъ уже рѣшенъ и оформленъ въ законодательномъ актѣ 6 августа. Но эта, такъ называемая, булыгинская дума, избиравшаяся совершенно ничтожной частью населенія (достаточно сказать, что въ Петербургѣ право участія въ выборахъ получали только квартиронаниматели, платящіе за квартиру не менѣе 1320 руб. въ годъ, т.-е. около одного процента населенія), не удовлетворила рѣшительно никого. Значеніе доклада Витте въ томъ, что онъ первый изъ правительственныхъ лицъ высказалъ конституціонную идею прямо и рѣшительно. На докладѣ Государь 17 октября 1905 г. начерталъ: «Принять къ руководству», и 17 же октября былъ подписанъ и опубликованъ знаменитый манифестъ, составленный Витте по порученію свыше.

19 октября Витте назначенъ предсѣдателемъ обновленнаго совѣта министровъ, перваго нашего конституціоннаго кабинета. Это былъ какъ разъ тотъ моментъ, когда «условія могли бы возвести Витте на историческую высоту, на перевалъ русской государственности, и когда эти условія оказались ему не по плечу».

Въ дѣйствительности они оказались ему какъ разъ по плечу, и онъ сдѣлалъ какъ разъ то, что могъ сдѣлать и долженъ былъ

сдѣлать, чтобы остаться вѣрнымъ всему своему прошлому, конечно, вѣрнымъ по существу, а не по внѣшности.

Въ новой его дѣятельности было одно коренное противорѣчіе съ его прошлымъ: въ концѣ 90-хъ годовъ конституція была для него, какъ и для Побѣдоносцева, «великой ложью нашего времени», а въ октябрѣ 1905 г. главнѣйшею по его словамъ задачею правительства было созданіе правового строя.

Противорѣчіе несомнѣнное, но противорѣчіе историческаго момента, а не отказъ отъ своего прошлаго. Въ концѣ 90-хъ годовъ развитіе производительныхъ силъ Россіи могло прекрасно мириться съ тогдашними политическими формами Россіи; болѣе того: оно (въ томъ видѣ, какъ къ нему стремился Витте) нуждалось въ немъ и находило въ немъ свою опору, несмотря даже на такія уклоненія этихъ формъ въ сторону отъ дороги, какъ зубатовщина. Въ 1905 г. оказалось, что старыя политическія формы наканунѣ разложенія, что онѣ привели Россію къ несчастной войнѣ съ Японіей и ввергли Россію въ состояніе анархіи. Для тѣхъ слоевъ общества, для которыхъ работалъ Витте, пути назадъ къ возстановленію старыхъ политическихъ формъ въ совершенно прежнемъ видѣ не было. Но не было и другого пути, пути впередъ къ совершенному реформированію государственнаго строя. И именно съ концѣ октября 1905 г., когда политическія требованія были выставлены во всей ихъ полнотѣ, это стало вполнѣ очевиднымъ. Было ясно, что на уже сдѣланной или, точнѣе, уже обѣщанной уступкѣ въ области политическихъ формъ остановиться и утвердиться нельзя, что она необходимо повлечетъ за собою дѣйствительное обновленіе всего соціальнаго строя Россіи; демократическій по своему составу парламентъ со всею полнотою правъ неизбѣжно произвелъ бы и величайшую во всей всемірной исторіи аграрную реформу и реформу въ организаціи обрабатывающей промышленности. Первая была враждебна дворянству, въ которомъ передъ этимъ (въ значительной мѣрѣ въ противовѣсъ именно буржуазной политикѣ Витте) развились конституціонныя стремленія; вторая—буржуазіи, по крайней мѣрѣ той слабой возникающей буржуазіи, которая имѣлась въ Россіи и которая не могла обойтись безъ серіознѣйшей правительственной помощи не только въ конкуренціи съ буржуазіей западноевропейскихъ державъ, но и со своимъ собственнымъ рабочимъ классомъ.

Въ виду этого исторически необходима была политика полууступокъ и полуобѣщаній, политика, выражающаяся въ извѣстной латинской формулѣ divide et impera, политика возвращенія къ старинѣ, внѣшнимъ образомъ, скорѣе для видимости, чѣмъ въ дѣйствительности обновленной. Трудно сказать, былъ ли

Витте искрененъ тогда, когда писалъ свой всеподданнѣйшій докладъ. Быть можетъ, онъ самъ не могъ бы сказать этого ни тогда, ни даже позднѣе. Во всякомъ случаѣ, этотъ докладъ такъ же, какъ и связанный съ нимъ манифестъ 17 октября, были мастерскимъ актомъ съ точки зрѣнія интересовъ власти, дворянства и буржуазіи.

Уже они разъединили общественные круги, до того единодушные. Дальнѣйшая дѣятельность Витте сдѣлала это въ еще большей мѣрѣ.

Вступая на высокій, чрезвычайно вліятельный постъ предсѣдателя преобразованнаго совѣта министровъ, т.-е. дѣлаясь премьеромъ въ первомъ русскомъ кабинетѣ, Витте сразу опредѣлилъ свою политику. Онъ вступилъ въ союзъ съ людьми, вчера еще бывшими его врагами (Дурново), и пустилъ въ ходъ тѣ пріемы управленія, которые раньше исходили отъ его враговъ (Плеве, Д. Трепова, Зубатова), и были направлены противъ него. Онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ вернувшимся изъ-за границы священникомъ Гапономъ, креатурой Зубатова, и окончательно сдѣлалъ его своимъ агентомъ-провокаторомъ. Онъ,—лично или черезъ Дурново,—поддержалъ образованіе Союза Русскаго Народа и несомнѣнно покровительствовалъ погромамъ. Онъ поджидалъ возвращенія изъ Сибири русскихъ войскъ, не сразу рѣшаясь прибѣгнуть къ открытой силѣ. Но въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ вполнѣ оправился, арестовалъ совѣты рабочихъ депутатовъ, образовавшіеся въ разныхъ городахъ, сразу закрылъ всѣ оппозиціонные органы печати, наложилъ полицейскую руку на собранія, произвелъ многочисленные аресты,—и одновременно съ этимъ опубликовалъ новые законы о Государственной Думѣ 11 декабря 1905 и 20 февраля 1906 г., похоронившіе еще не родившуюся булыгинскую думу и создавшіе Государственную Думу съ значительно расширенными кадрами избирателей и нѣсколько расширенной компетенціей. Конечно, новая дума далеко не была не только осуществленіемъ стремленій широкихъ народныхъ массъ, но даже осуществленіемъ тѣхъ надеждъ, которыя питали круги общества, повѣрившіе его всеподданнѣйшему докладу.

Результатъ этой дѣятельности былъ блестящій. Союзъ крайнихъ элементовъ русскаго народа съ умѣренными былъ разорванъ; между ними началась ожесточенная борьба, бывшая на руку Витте. Правительство вышло изъ жесточайшаго испытанія почти безъ урона. Старыя формы государственнаго строя возстановлены почти въ прежнемъ видѣ и только слегка подновлены Государственной Думой, являющейся (особенно въ ея позднѣйшемъ, третьеіюньскомъ видѣ) скорѣе новымъ бюрократическимъ

учрежденіемъ, своего рода департамантомъ народнаго представительства, чѣмъ истиннымъ народнымъ представительствомъ. Дѣло самодержавія такимъ образомъ было спасено. Вмѣстѣ съ нимъ спасены интересы промышленности и торговли, развитію которыхъ вновь предоставленъ просторъ при условіи примиренія и союза съ дворянствомъ.

Въ этомъ историческое значеніе дѣятельности Витте, цѣльной, несмотря на внѣшнія противорѣчія.

Лично для Витте эти результаты, однако, оказались не столь блестящими. Лишь только онъ сдѣлалъ свое дѣло, ему пришлось уйти, и новая его отставка 20 апрѣля 1906 г. была горшей, чѣмъ отставка 16 августа 1903 г., за три года передъ тѣмъ; она была его политической смертью; было ясно, что ни при какихъ обстоятельствахъ воскреснуть онъ уже не можетъ. Одни не могли ему простить его крайне реакціонной политики въ бытность предсѣдателемъ совѣта министровъ, другіе ни за что не простили бы ему того униженія, которое онъ заставилъ ихъ пережить 17 октября, хотя униженіе это было спасительнымъ. Но иначе не могло быть по самому существу выпавшей на его долю исторической задачи.

Есть два рода честолюбій: одно стремится къ тому, чтобы занять видное мѣсто на общественной лѣстницѣ и, пользуясь даваемой этимъ мѣстомъ властью и силой, проводить въ жизнь свои убѣжденія, не уступая никакимъ постороннимъ давленіямъ и вліяніямъ. Другое честолюбіе стремится занять видное мѣсто на общественной лѣстницѣ, чтобы надѣть соотвѣтствующій этому мѣсту блестящій мундиръ, хотя бы ради этого внѣшняго почета приходилось все время изворачиваться, угождая то одному, то другому, перемѣняя убѣжденія согласно интересамъ минуты. Честолюбцемъ перваго вида былъ Лассаль. Говорятъ,—и это говорятъ люди, его знавшіе, хотя можетъ быть и не вполнѣ достовѣрные свидѣтели (Елена Деннигесъ, Бисмаркъ), что ему не были чужды даже мечтанія о коронѣ Германской имперіи. Совершенно несомнѣнно, что ни на пути къ этой фантастической коронѣ, ни надѣвъ ее на голову,—если бы какимъ-нибудь чудомъ это оказалось возможнымъ,—Лассаль не поступился бы своими убѣжденіями ни на одну іоту и положилъ бы всю свою жизнь на работу для блага рабочаго класса Германіи.

Какъ примѣръ другого рода честолюбія можетъ быть указанъ Наполеонъ III. Ему нужна была корона ради короны, ради связанныхъ съ короной блеска, почестей и доходовъ, и онъ готовъ былъ быть на тронѣ чѣмъ и кѣмъ угодно, лишь бы сохранить эту корону; онъ могъ быть клерикаломъ и атеистомъ, край-

нимъ индивидуалистомъ и соціалистомъ и т. д., и былъ тѣмъ, что оказывалось болѣе выгоднымъ съ точки зрѣнія даннаго момента. Витте ни по размѣрамъ своего таланта, ни по нравственной высотѣ своей личности, конечно, не былъ Лассалемъ. Но все же онъ не былъ и Наполеономъ III. Онъ не былъ тѣмъ прямымъ, мужественнымъ, всегда вѣрнымъ самому себѣ бойцомъ, какимъ былъ Лассаль. Напротивъ, «уклончивый, но смѣлый и лукавый», онъ создалъ себѣ не особенно лестную репутацію человѣка, на слово котораго нельзя положиться; онъ всегда заискивалъ передъ людьми совершенно различныхъ положеній и убѣжденій, стремясь по возможности ладить и съ правыми, и съ лѣвыми. Но тѣмъ не менѣе, общіе душевные контуры его остались одними и тѣми же съ момента его вступленія на дорогу административнаго дѣятеля и до самой смерти. Въ общемъ и цѣломъ онъ остался вѣренъ себѣ.

В. Водовозовъ.

Критика и библіографія.

Новалисъ. Гейнрихъ фонъ-Офтердингенъ. Пер. съ нѣм. З. Венгеровой и Василія Гиппіуса. Вступ. статья З. Венгеровой. Москва. Изд. К. Ф. Некрасова. Ц. 1 р. 50.

Волны эстетизма и мистицизма, захлеснувшія русскую литературу въ послѣдніе годы, должны были неизбѣжно вынести на поверхность великихъ «предшественниковъ». Вниманіе къ европейскому, а въ особенности къ нѣмецкому романтизму выразилось въ появленіи ряда переводовъ и оригинальныхъ научныхъ работъ [1]). И странно было отсутствіе на русскомъ языкѣ той книги, въ которой мистическое чувство и культъ поэзіи достигаютъ послѣднихъ вершинъ.

Появленіе ея совпало съ началомъ такъ называемаго «пересмотра германской культуры». И эта книга не мало можетъ разъяснить наше недоумѣніе по поводу пропасти, отдѣлившей германскую мысль отъ германской практики. Въ этомъ романѣ отразилось все безсиліе и безплодіе нѣмецкаго романтизма въ качествѣ дѣйственнаго культурнаго фактора. Нервъ, связывающій мысль и волю, сознательно перерѣзанъ авторомъ. Оборваны всѣ нити, черезъ которыя мечта могла бы воплотиться въ дѣйствительность, а дѣйствительность даетъ опредѣленный смыслъ мечтѣ и идеалу. «Голубой цвѣтокъ» можетъ разсказать намъ, какимъ образомъ люди съ возвышенными стремленіями, съ необычайно развитымъ интеллектомъ, доходили до изувѣрства, становились оплотомъ реакціонныхъ силъ и сто лѣтъ тому назадъ довели

1) Назовемъ работы проф. Брауна и В. М. Жирмунскаго, переводъ вакепродеровскихъ «Сердечныхъ изліяній», «Эмалей и Камей» Т. Готье такъ далѣе.

Германію до Аустерлица и Іены. Уже въ классической философіи и литературѣ стѣна, отдѣляющая мысль отъ жизни, выступала въ своихъ темныхъ очертаніяхъ. И если Канта приходится винить въ чемъ-нибудь, то, конечно, не въ томъ, что онъ изгналъ Бога изъ вселенной, а только въ томъ, что одного Бога онъ замѣнилъ другимъ, столь же неопредѣленнымъ и далекимъ отъ жизни, какъ и его развѣнчанный предшественникъ. Но классики никогда не порывали вполнѣ съ дѣйствительностью. Нравственный законъ, живущій въ душѣ человѣка, они стремились такъ или иначе облечь въ плоть, выявить его въ борьбѣ интересовъ, испытать въ горнилѣ жизни. При всей отвлеченности ихъ идеаловъ, при чисто интеллектуальномъ характерѣ ихъ дѣятельности, классикамъ не чуждо было сознаніе, что философскія идеи и художественные образы, какъ бы глубоки они ни были, одни не могутъ удовлетворить пытливый умъ. Отсутствіе широкой общественной и національной жизни въ Германіи того времени заставляло порою задумываться Гете, и онъ готовъ былъ признать, что наука и искусство оставляютъ въ концѣ-концовъ лишь жалкое утѣшеніе, которое не возмѣщаетъ гордаго сознанія своей принадлежности къ сильной націи.

Романтики были совершенно свободны отъ этихъ порывовъ, свидѣтельствовавшихъ о существованіи, хотя и неопредѣленнаго, общественнаго инстинкта у классиковъ. Когда снова перечитываешь романъ Новалиса, кажется, что живешь въ мірѣ галлюцинацій. Ни одного сильнаго характера, ни одного образа, свидѣтельствующаго о способности автора прикоснуться къ волевой сферѣ человѣческой души. Греза—единственная освобождающая сила, дѣятельность интеллекта—единственная форма дѣятельности, присущая человѣку. Главныя проблемы, выдвинутыя новымъ модернизмомъ, такъ глубоко разрѣшены въ этомъ романѣ, что становится понятной и молитвенная статья Метерлинка о Новалисѣ и благоговѣйное отношеніе нашихъ мистиковъ къ «Голубому цвѣтку», какъ глубочайшему выраженію романтическаго духа. Теперь, по истеченіи цѣлаго столѣтія научной и соціальной работы, эта книга поражаетъ насъ прежде всего какъ могучій реакціонный порывъ, какъ стремленіе остановить неотвратимое движеніе исторіи, какъ возстаніе противъ научно позитивнаго пониманія и духа коллективизма.

Исторія и природа воплощаются въ лицѣ отшельника и рудокопа. Въ ихъ рѣчахъ раскрываются двѣ основы романтизма: мистицизмъ и необузданный индивидуализмъ, противостоящіе наукѣ и коллективизму. Историкъ, по мнѣнію Новалиса, долженъ быть поэтомъ, только поэты обладаютъ искусствомъ умѣло связывать

событія. Въ ихъ басняхъ отшельникъ «съ тихой радостью подмѣчалъ тонкое проникновеніе въ таинственную сущность жизни», «въ ихъ сказкахъ больше правды, чѣмъ въ ученыхъ лѣтописяхъ». «Хотя ихъ герои и судьбы ихъ выдуманы, но все же смыслъ выдумокъ правдивый и жизненный. Для нашего наслажденія и назиданія въ сущности безразлично, дѣйствительно ли жили или не жили тѣ, чья жизнь отражаетъ нашу собственную. Мы требуемъ, чтобы намъ показали великую простую душу современности, и если наше желаніе исполнено, то намъ нѣтъ дѣла до случайнаго существованія внѣшнихъ обликовъ».

Таковы романтическія представленія объ исторіи. Событія прошлаго—только средство къ пробужденію мистическаго чувства, къ слiянію съ «таинственной сущностью жизни», только матеріалъ, открывающій просторъ грезамъ и произвольнымъ построеніямъ.

Съ этими же критеріями подходитъ Новалисъ и къ естествознанію. Въ его глазахъ горное дѣло пользуется благословеніемъ Господа: «Никакое дѣло не укрѣпляетъ до такой степени вѣру въ небесную мудрость, ничто такъ не сохраняетъ дѣтскую невинность сердца, какъ работа въ рудникахъ!» Далѣе оказывается, что «ослѣпляющій блескъ металловъ не имѣетъ власти надъ сердцемъ рудокопа, онъ болѣе радуется ихъ своеобразной формаціи, таинственности ихъ происхожденія и мѣстопребыванія, чѣмъ обладанію ими.., трудъ сохраняетъ свѣжесть его сердца и бодрость духа, онъ *съ глубокой благодарностью* принимаетъ скудную плату... онъ выходитъ изъ нѣдръ земли каждый день съ обновленной радостью... только онъ одинъ вкушаетъ ѣду и питье благоговѣйно, какъ причастье» и т. д. Наконецъ обнаруживается, что ремесло рудокопа имѣетъ еще болѣе свѣтлыя стороны, особенно важныя въ глазахъ романтика: оно должно вдохновлять къ пѣнію и музыкѣ, и «никто такъ не чувствуетъ очарованіе музыки, какъ рудокопъ».

Такими неожиданными и жестокими клиньями врѣзывалась въ живое тѣло жизни романтическая наука и романтическая соціологія. Наивный идеализмъ, чувство безконечнаго оказывались злой насмѣшкой при свѣтѣ временнаго и конечнаго. Романъ Новалиса дѣлаетъ понятнымъ и эстетическое оправданіе деспотизма въ его «Glauben und Liebe» и идеализацію чуть ли не іезуитовъ въ его «Christenheit oder Europa». Становится понятной горькая иронія Гейне, послѣдняго романтика и перваго соціальнаго поэта. Новалисъ сознательно проводитъ непроходимую грань между созерцаніемъ и дѣйствованіемъ, между творчествомъ и практикой; въ знаменитомъ вступленіи къ шестой главѣ, онъ

рѣзко раздѣляетъ людей «рожденныхъ для дѣятельной жизни», которые «не должны уступать соблазну тихаго созерцанія», душа которыхъ должна «быть ревностной служанкой разума»,—и другую категорію «невѣдомыхъ людей», которыхъ характеризуетъ слѣдующими словами: «Никакое безпокойство не влечетъ ихъ въ открытую жизнь. Тихое обладаніе удовлетворяетъ ихъ и необозримое зрѣлище того, что происходитъ внѣ ихъ, не вызываетъ въ нихъ желанія принимать участіе во всемъ, а кажется достаточно значительнымъ, достаточно изумительнымъ для того, чтобы отдать свой досугъ на созерцаніе». Вотъ когда начался разрывъ между мыслью и практикой въ Германіи, когда впервые прозвучало это откровенное заявленіе, что поэты не нужны людямъ дѣла, а люди дѣла—поэтамъ. Именно, эта сторона романтизма была такъ ненавистна Гейне и Брандесу, вызывала со стороны общественниковъ такое раздраженіе и противъ романтизма, и противъ модернизма нашихъ дней, который, вплоть до бальмонтовскаго: «И зову мечтателей, васъ я не зову», переливалъ въ ходячія монеты золото философіи Новалиса. Самое дѣленіе на двѣ Германіи: на одну—Гете и Канта, другую—Бисмарка и Круппа,—самое дѣленіе это кажется недоразумѣніемъ при свѣтѣ магическаго идеализма. Философская мысль и художественное творчество въ Германіи (да и въ одной ли Германіи?) не желали спускаться въ низины жизни, къ «людямъ, живущимъ въ потьмахъ», выйти изъ своей аристократической изолированности. Фаусты и Мейстеры не знали ничего за предѣлами своего внутренняго міра, и только въ концѣ своей жизни въ неясныхъ порывахъ искали выхода въ сферу дѣйствованія.

Тотъ золотой вѣкъ, который грезился Новалису въ отдаленномъ будущемъ, въ области общественныхъ отношеній, приводилъ его къ идеализаціи умирающихъ формъ жизни, въ которыхъ искали опоры реакціонныя силы вѣка. «Жизнь станетъ сновидѣніемъ, а сновидѣніе—жизнью», таковъ итогъ романтической мудрости. Въ галлюцинаціяхъ Генрихъ обрѣтаетъ гармонію, которой не существовало въ тогдашней германской дѣйствительности, гдѣ крѣпостныя массы жили въ нищетѣ и невѣжествѣ подъ гнетомъ десятковъ маленькихъ и большихъ деспотовъ.

Туманныя аллегоріи, въ родѣ пресловутой скучной сказки Клингсора, понадобились для того, чтобы придать сколько-нибудь опредѣленныя очертанія картинѣ грядущаго торжества поэзіи надъ разумомъ, фантазіи надъ дѣйствительностью. Различныя женщины, увлекавшія поэта, во второй части оказываются одной женщиной, самъ поэтъ оказывается современникомъ

всѣхъ эпохъ, предметы пріобрѣтаютъ души, какъ въ метерлиновской «Синей птицѣ», смерть и жизнь, явь и сонъ, представляются тождественными, всѣ противорѣчія примиряются въ фантастическомъ синтезѣ, который легко и свободно строитъ наивное воображеніе, сбросившее съ себя всѣ путы разума и чувственнаго воспріятія.

Съ книгой Новалиса давно уже слѣдовало познакомить русскаго читателя. Въ ней всѣ корни современной мистики и ея литературнаго выраженія—символизма. Она напоминаетъ о томъ, что «пересмотръ» дѣйствительно нуженъ, но не столько пересмотръ германской культуры, сколько переоцѣнка взаимоотношеній между художественнымъ творчествомъ и философской мыслью—съ одной стороны, и жизнью—съ другой. XIX столѣтіе поставило вопросъ о *распредѣленіи* матеріальныхъ богатствъ выше вопроса о самомъ *завоеваніи* этихъ богатствъ, указало всю глубину пропасти, отдѣляющей верхи отъ низовъ. По отношенію къ духовнымъ цѣнностямъ вопросъ до сихъ поръ не поставленъ такъ опредѣленно. Духовное богатство, принадлежащее избраннымъ, непонятное и недоступное массамъ, безплодное и безполезное для нихъ, все еще оцѣнивается какъ самодовлѣющая цѣнность безъ отношенія къ этимъ массамъ. Канты и Новалисы спокойно отдаютъ души милліоновъ на воспитаніе Бисмаркамъ и Круппамъ всякихъ оттѣнковъ. Идеалы и грезы первыхъ не предотвращаютъ появленія вторыхъ, а главное,—мощнаго движенія жизни въ духѣ вторыхъ. Книгу Новалиса, самую безплотную книгу новаго времени, слѣдуетъ продумать именно въ наше время, когда исторія символически поставила вопросъ о двухъ Германіяхъ.

Не можемъ не отмѣтить въ переводѣ той вдумчивости, съ которой отнесся къ своей задачѣ переводчикъ стихотворной части романа—Василій Гиппіусъ.

П. С. Коганъ.

Памятники міровой литературы. Петрарка. Автобіографія. Исповѣдь. Сонеты. Переводъ М. Гершензона и Вяч. Иванова. Москва. Изданіе Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 273. Цѣна 2 р. 25 коп.

Популярное представленіе о Петраркѣ, какъ о «пѣвцѣ Лауры», совершенно недостаточно для пониманія этой крупной фигуры эпохи Возрожденія. Теоретически намъ извѣстно, что Петрарка сыгралъ крупную роль въ умственномъ движеніи своей эпохи,—но не болѣе. Этотъ пробѣлъ съ успѣхомъ выполняетъ настоящее изданіе избраннаго его сочиненія. Петрарка впервые встаетъ передъ нами во весь ростъ, какъ гуманистъ, мыслитель, мора-

листъ. Превосходная характеристика личности поэта, сдѣланная М. О. Гершензономъ, появляющаяся, впрочемъ, въ печати не въ первый разъ, приближаетъ насъ такъ къ Петраркѣ, какъ будто шесть вѣковъ насъ отъ него не отдѣляло, какъ будто онъ не канонизированный поэтъ, а нашъ современникъ, котораго лицо мы ясно видимъ, чутко понимая его слабости и противорѣчія сложной натуры. Статья даетъ намъ возможность подойти къ научному пониманію Петрарки. Изъ прозаическихъ, латинскихъ произведеній Петрарки выбрано самое характерное для него. Въ особенности его бесѣды «о презрѣніи къ міру» позволяютъ намъ многое понять въ этой личности. Послѣ руководящей статьи эти «бесѣды» читаются съ интересомъ и легко, благодаря прекрасному переводу. Это—огромный вкладъ въ нашу скромную литературу о Петраркѣ.

О Петраркѣ—поэтѣ мы знаемъ почти только понаслышкѣ и по случайнымъ переводамъ отдѣльныхъ сонетовъ разными поэтами. Съ тѣмъ большимъ интересомъ приступаемъ мы къ чтенію выбранныхъ Гершензономъ и переведенныхъ Вяч. Ивановымъ сонетовъ. Но тутъ насъ постигаетъ жестокое разочарованіе. Правда, г. Гершензонъ въ своей статьѣ предупреждаетъ, что сонеты Петрарки «оставляютъ насъ холодными» (стр. 4), но едва ли это справедливо по отношенію къ поэту, хотя очень любезно по отношенію къ переводчику.

Мнѣ кажется, не будетъ смѣлымъ утвержденіе, что для перевода сонетовъ Петрарки необходимо знать по-итальянски. Не смѣемъ сомнѣваться въ знаніи Вяч. Ивановымъ итальянскаго языка: Вяч. Ивановъ пользуется репутаціей ученаго поэта. Но, очевидно, то, что г. Ивановъ по неизвѣстнымъ соображеніямъ предпочелъ въ своихъ переводахъ скрыть и затушевать свои познанія. Вотъ убійственные примѣры этой скромности.

Петрарка проводитъ ночь въ любовномъ томленіи. Восходитъ солнце. Но облегченія ему нѣтъ. Онъ знаетъ, что только *одно* солнце можетъ его уврачевать,—то, которое зажгло его сердце, т.-е. Лаура. Таковъ ясный смыслъ стиховъ:

ma 'l sol, che'l cor m' corde, e trastulla
Quel puó solo addolcir la doglia mia.

Переводчикъ предпочелъ исказить смыслъ сонета. Онъ не понялъ, что рѣчь идетъ о Лаурѣ, а рѣшилъ, что о солнцѣ. Оказывается Аврора не принесла поэту облегченія, а солнце принесетъ:

Рѣдѣетъ мгла, и тѣнь Аврора гонитъ.
Во мнѣ все—мракъ!.. Лишь солнце вновь любовью
Мнѣ грудь зажжетъ и муки уврачуетъ.

Петрарка идетъ въ лѣсу и поетъ; ему кажется, что кругомъ лѣсныя дѣвы, а это—деревья (ели и буки):

e veder seco parme
Donne e donzelle, e sono abeti e faggi.

У переводчика «donne e donzelle» оказались *за деревьями*:

вотъ сонмъ ея подругъ; онѣ
За ясеней завѣсой изумрудной.

Въ одномъ сонетѣ нѣчто совсѣмъ неладное:

Прекрасная рука! Разжала ты
И держишь сердце на ладони тѣсной.

Разжала сердце,—это уже не по-русски. Въ подлинникѣ: «о, прекрасная рука, которая *поймала* мое сердце и *заперла* мою жизнь въ тѣсномъ *пространствѣ*!»

O bella man, che mi distringi 'l core
E 'n poco spatio la mia vita chiudi...

Едва ли входило въ расчеты Петрарки изобразить Лауру, держащую на ладони его сердце, да еще «разжимающую» это сердце.

Въ одномъ сонетѣ мы встрѣчаемъ нѣчто ужасное:

То же,
Что въ жизни смерть,—любовь. На боль похоже
Страданье. «Страсть», «страданье»—тотъ же звукъ (!).

Это должно, по замыслу переводчика, передать эти два граціозные стиха:

O viva morte, o dilettoso quale,
Come puoi tanto in me s'io non consento?

(«о живая смерть, о сладостная мука, какъ можете вы властвовать во мнѣ помимо моей воли!»)

Петрарка снимаетъ съ руки Лауры перчатку и радъ видѣть я пальчики безъ покрова:

Я вижу васъ въ сіяньи наготы!

восклицаетъ г. Ивановъ, неожиданно проявляя талантъ юмориста. Но отъ «обнаженныхъ пальчиковъ» до «сіянья наготы» очень ужъ далеко!

Какова же внѣшняя сторона переводовъ Вяч. Иванова?

Петрарка, какъ извѣстно, шлифовалъ свои сонеты до старости, отдѣлывая каждое выраженіе. Получился стиль ясный, прозрачный, чистый. Вяч. Ивановъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы его затемнить. Лауру Петрарка часто называетъ «мое солнце» (mio sol); переводчикъ упорно переводитъ «мои солнца», имѣя, вѣроятно, въ виду глаза, но отъ этого часто теряется смыслъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь не о глазахъ, а о самой Лаурѣ. Нѣко-

торыя выраженія — головоломные ребусы. Заглядываешь въ подлинникъ,—и видишь совсѣмъ другой смыслъ. Какъ понять, напр., такой оборотъ:

Но честь ли богу (Амуру)—влить мнѣ въ жилы ядъ
Когда, казалось, панцырь былъ не нуженъ
Вамъ—подъ фатой таить желѣзо латъ?

А смыслъ подлинника таковъ: немного чести Амуру поразить стрѣлой меня, безоружнаго, а васъ, въ бронѣ, не тронуть даже лукомъ.

Знаменитый сонетъ на смерть двухъ лицъ—Колонны и Лауры—начинается у Вяч. Иванова такъ:

Поверженъ лавръ зеленый. Столпъ мой стройный
Обрушился.

Кто же догадается, что рѣчь идетъ о двухъ умершихъ? А здѣсь необходимо *и*: повержена высокая колонна *и* зеленый лавръ.

Извѣстна страсть Вяч. Иванова къ варваризмамъ. «Предчуя» это, клонишь «выю» надъ его переводомъ, ерошишь «власы», запутываешься въ «струйную сѣть», но нельзя же такимъ языкомъ переводить Петрарку. Борьба переводчика съ риѳмами и размѣромъ вызываетъ просто жалость: какіе произвольные эпитеты и метафоры приходится измышлять тамъ, гдѣ у Петрарки все ясно и прозрачно!

Ея власы—не Нимфы ль *быстротечной* (!)
Сѣть струйная (!) изъ золотыхъ колецъ (!).

И бѣда въ томъ, что въ подлинникѣ ничего этого нѣту (Qual Nimpha in fonti in selve mai qual Dea chiome d'oro si fino all'aura sciolse!). Гдѣ же «музыка Тосканы»? «Кликъ ликующій» (стр. 266)— это не Петрарка, а Вяч. Ивановъ. Не Петрарка же это написалъ:

Мнѣ руку давъ, промолвила: «Я та,
Что страсть твою гнала. Но маета
Недолго длилась, и неизреченный
Мнѣ данъ покой.

Это ли «языкъ Петрарки и любви»?

Перейдемъ къ версификаціи.

Форма сонета — очень трудная форма. Дѣло не въ томъ только, чтобы дать два четверостишія плюсъ двѣ терцины. Само названіе «сонетъ» указываетъ на его родство съ музыкой. Это какъ бы приливъ и отливъ лирической волны. Ритмъ, страстно торопливый въ четверостишіяхъ, убаюкивается, расплываясь въ терцинахъ. Вотъ почему, для укрощенія страстности четверостишій, оба они связаны одинаковыми риѳмами, притомъ риѳмами обнимающими (abba abba), и лишь въ терцинахъ допускается произволъ въ чере-

дованіи риѳмъ. Все это, конечно, прекрасно извѣстно г. Иванову, но онъ съ этимъ не считается.

Сонетъ требуетъ, чтобы образъ замыкался со стихомъ, чтобы мысль оканчивалась со строфой. Вяч. Ивановъ не только рубитъ отдѣльные стихи точками, но позволяетъ себѣ начинать новую фразу въ концѣ одной строфы и оканчивать ее въ началѣ слѣдующей:

Глухой тропой, дубравой непробудной,
Опасною и путникамъ въ бронѣ,
Иду, пою, безпечный, какъ во снѣ,—
О ней, чей взоръ, одинъ, какъ проблескъ чудный
Двухъ солнцъ,—страшитъ желанье.

Такіе захваты слѣдующихъ строфъ и стиховъ убиваютъ музыку. У Петрарки, да и у всѣхъ сонетистовъ, ничего подобнаго не встрѣтишь. У Вяч. Иванова добрая треть переведенныхъ имъ сонетовъ страдаетъ этимъ порокомъ сердца.

Нельзя рубить сонетъ отрывистой рѣчью, замедлять плавное теченіе музыкальной рѣчи риторическими вопросами (если они не эмоціональны).

Преполовилась жизнь. Огней немного
Еще подъ пепломъ тлѣло. Не тяжелъ
Былъ жаръ полудней.

Для сонета это не годится. Не годится и слѣдующее:

Земныя перемѣны.
Что значатъ имъ?

Слѣдовало скорѣе:

Для нихъ—ничто земныя перемѣны.

А между тѣмъ форма сонета была у насъ разработана еще Пушкинымъ. Приведенные въ примѣчаніяхъ старые переводы сонетовъ Петрарки убійственны для Вяч. Иванова. Въ совершенствѣ выдержана форма сонета у Д. Мина и даже у И. Козлова (въ двухъ сонетахъ), эти переводы чужды и другихъ недостатковъ Вяч. Иванова. Прекрасенъ переводъ и Майкова, хотя формы сонеты не выдержаны у него.

Несмотря, однако, на небрежность, допущенную Вяч. Ивановымъ, несмотря на несоотвѣтствіе предпринятой задачи его таланту, этотъ послѣдній сказывается и производитъ свое обаяніе. Отдѣльныя выраженія и образы чаруютъ, хотя они далеки отъ Петрарки. Два сонета переведены великолѣпно; это—«Лань бѣлая на зелени луговъ» (стр. 250) и «Ни ясныхъ звѣздъ блуждающіе станы». И на томъ спасибо. Изданіе прекрасное.

Влад. Фишеръ.

Проф. М. Сперанскій. Исторія древней русской литературы. Пособіе къ лекціямъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. М. 1914. X+634 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Книга проф. Пѣтухова о древней русской литературѣ вышла въ свѣтъ въ 1911 г., а черезъ годъ уже понадобилось второе изданіе ея (о ней см. «Гол. Мин.» № 4). Въ 1914 г. вышла «Исторія древней русской литературы» проф. М. Сперанскаго, и въ томъ же году она разошлась. Это очень знаменательно: въ читающей публикѣ, видимо, пробудился сильный интересъ къ древней русской литературѣ. Это обстоятельство налагаетъ на авторовъ книгъ по исторіи древней русской литературы особую отвѣтственность; чтобы не вводить читателей въ ошибочныя заключенія, древняя литература должна быть разработана и изложена съ особенною тщательностью; по возможности точное воспроизведеніе ея явленій, установленіе причинной связи между ними и обстоятельствами, породившими ихъ, опредѣленіе ихъ значенія въ процессѣ литературнаго развитія—такова научная задача историка древней русской литературы.

Посмотримъ, какъ понимаетъ и осуществляетъ эту задачу проф. Сперанскій. «Что входитъ въ наше современное понятіе литературы?»—спрашиваетъ проф. Сперанскій, и отвѣчаетъ такъ: ...«Литература и ея предметъ прежде всего для насъ является матеріаломъ для изученія прошлаго даннаго народа. Этотъ матеріалъ представляетъ результатъ его психологической дѣятельности и его внѣшней и внутренней исторіи. Затѣмъ она представляетъ для насъ предметъ для изученія идейныхъ стремленій отдѣльной народности, и, въ концѣ концовъ, этотъ матеріалъ представляетъ предметъ для изученія психологіи творчества извѣстнаго народа въ прошломъ или въ настоящемъ. Вотъ, слѣдовательно, каково разнообразіе тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ исторія литературы. Съ этой стороны этотъ предметъ совершенно аналогиченъ тому, съ которымъ имѣетъ дѣло историкъ политическій, историкъ культуры, т.е. исторія литературы представляетъ часть исторіи культуры» (49).

Я не буду спорить съ проф. Сперанскимъ и притомъ не потому, что я съ нимъ соглашаюсь: сопоставивъ слова проф. Сперанскаго съ вышеприведенной моей формулировкой, читатель самъ увидитъ, что авторъ разбираемой книги не смотритъ на исторію литературы, какъ на особую спеціальную науку, имѣющую свои задачи; онъ склоненъ смѣшивать задачи исторіи литературы съ задачами исторіи культуры и мысли. Я не буду, повторяю, спорить съ авторомъ и стану на его точку зрѣнія.

Если литература—«матеріалъ для изученія прошлаго дан-

наго народа», если она представляетъ «предметъ для изученія идейныхъ стремленій отдѣльной народности», «предметъ для изученія психологіи творчества извѣстнаго народа въ прошломъ или въ настоящемъ»,—то ясно, что книга по исторіи русской литературы должна, по возможности, исчерпывающе соотвѣтствовать данной характеристикѣ.

Въ составъ литературы входятъ не только письменныя, но и устныя произведенія. Русская литература очень богата произведеніями устнаго творчества: устная лирика, сохранившая, съ одной стороны, слѣды древне-русскихъ языческихъ празднествъ и брачныхъ отношеній, а съ другой,—выразившая чувства и настроенія, создавшіяся около середины XVII в. преимущественно въ простонародной средѣ, сказки съ ихъ международными, національными и соціальными мотивами, былины, отразившія нерѣдко съ поразительною вѣрностью историческія событія до половины XVII в., духовные стихи, выразившіе степень религіозно-христіанскаго самосознанія русскаго народа около XVI в., пословицы и поговорки,—всѣ эти виды устнаго творчества—необходимый элементъ въ исторіи русской литературы. Выбросьте этотъ элементъ отсюда, и исторія литературы лишится огромнаго и необыкновенно «важнаго матеріала для изученія прошлаго даннаго народа», его «идейныхъ стремленій», его «психологіи творчества».

Если русскій читатель обратится къ книгѣ проф. Сперанскаго, то его охватитъ глубокое изумленіе: въ этой книгѣ есть отдѣльныя замѣчанія объ устномъ творчествѣ, систематическаго же обзора его, въ связи съ развитіемъ русскаго народа вообще и письменности въ частности, читатель не найдетъ...

Это тѣмъ болѣе удивительно, что, во-первыхъ, по мнѣнію проф. Сперанскаго, въ составъ литературы входятъ произведенія преимущественно художественныя. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Но допустимъ, что это такъ: чѣмъ можно оправдать изгнаніе изъ книги, излагающей исторію древней русской литературы, огромный отдѣлъ именно художественнаго творчества, которымъ древняя *письменность* совсѣмъ не богата? Во-вторыхъ, проф. Сперанскій прекрасно доказываетъ, что между древнимъ письменнымъ творчествомъ и устнымъ нѣтъ такого рѣзкаго различія, какое предполагалось прежде (111—117). Въ чемъ же тогда дѣло?

Однимъ изъ очень важныхъ пріемовъ для построенія исторіи литературы является дѣленіе ея на періоды. Проф. Сперанскій дѣлитъ исторію древней русской литературы на два періода, изъ которыхъ первый, отъ X до половины XIII в., онъ «условно»

называетъ кіевскимъ, а второй, отъ половины XIII в. до половины XVII в.,—московскимъ.

Никто, конечно, не можетъ препятствовать производить какія-угодно дѣленія на періоды и давать имъ какія-угодно «условныя» названія, лишь бы эти дѣленія и названія соотвѣтствовали исторической обстановкѣ въ данныхъ хронологическихъ границахъ. Оставляю вопросъ о «кіевскомъ» періодѣ, по поводу котораго было такъ много споровъ, и беру «московскій» періодъ проф. Сперанскаго. На стр. 358 своей книги проф. Сперанскій говоритъ, что литературныя движенія послѣ паденія Кіева совершаются въ сѣверо-восточныхъ центрахъ, къ которымъ, однако, первое время Москва не принадлежитъ: къ Москвѣ,—говоритъ профессоръ,—«можно пріурочить лишь нѣкоторые памятники, и то не ранѣе конца XIV вѣка». И это понятно: до XIV в. Москва была въ системѣ сѣверо-восточныхъ княжествъ ничтожнымъ удѣломъ, надъ которымъ возвышались Ростовъ, Суздаль, Владиміръ, Тверь. Только съ начала XIV в. Москва начинаетъ соперничать съ старыми центрами и пріобрѣтать надъ ними политическій перевѣсъ. Однако и въ теченіе XIV и даже XV вв. старые мѣстные центры продолжали отстаивать отъ Москвы свою самостоятельность, а литературное творчество, зародившееся въ нихъ еще до половины XIII в., продолжало развиваться до XVI в. и даже позже. Отсюда вытекаетъ слѣдующее: говорить, хотя бы и «условно», «московскій» періодъ, когда идетъ рѣчь о произведеніяхъ сѣверо-восточной литературы до «конца XIV в.»,—недопустимо: Москва съ ея историческими особенностями «ни тѣломъ ни душою» не принимала никакого участія въ обработкѣ такихъ произведеній мѣстныхъ центровъ, какъ житіе Александра Невскаго, «Правило» митрополита Кирилла III, поученіе Серапіона, сказаніе объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ, «Лаврентьевскій сводъ», Посланіе тверского монаха Акиндина, повѣсть объ убіеніи князя Михаила, «Слово похвальное» инока Ѳомы, «Хожденіе» Аѳанасія Никитина, повѣсть о Петрѣ и Февроніи, повѣсть объ Юліаніи Лазаревской и т. д.; это—произведенія литературъ мѣстныхъ—владимирской, ростово-суздальской, тверской, муромо-рязанской.—Я оставляю въ сторонѣ двѣ литературы—новгородскую и псковскую, которыя также нельзя подвести подъ «московскій» періодъ. Захвативши для «московскаго» періода мѣстныя литературы XIII—XIV вв., проф. Сперанскій приноситъ ему же въ даръ и юго-западную литературу XVI—XVII вв., несмотря на то, что своимъ происхожденіемъ и характеромъ она обязана была не Москвѣ. А у читателей книги проф. Сперанскаго будетъ складываться представленіе о какомъ-то

грандіозномъ «московскомъ» періодѣ, тянувшемся отъ XIII в. до конца XVII в., періодѣ, въ которомъ творческая роль принадлежала Москвѣ.

Проф. Сперанскій самъ сознавалъ «условность» «московскаго» періода: первая глава въ изложеніи этого періода посвящена изображенію «переходной эпохи» и ея литературы (между прочимъ, о Серапіонѣ, житіи Александра Невскаго), и только со второй главы говорится о «началѣ московской литературы». Не проще ли и не научнѣе ли было бы «переходную эпоху» выдѣлить въ особый періодъ и то же самое сдѣлать съ юго-западной литературой? Это подсказывается, между прочимъ, тѣмъ «областнымъ» принципомъ, которому самъ проф. Сперанскій придаетъ важное значеніе (274—280). «Племенной принципъ», говоритъ проф. Сперанскій, «помогъ развиться областному началу, помогъ образоваться отдѣльнымъ культурнымъ центрамъ, которые и нашли свое выраженіе въ литературныхъ типахъ общерусской литературы» (275—276). Что отсюда слѣдуетъ? Ясно: излагая исторію литературы, авторъ обязанъ, между прочимъ, разсматривать, гдѣ это возможно, произведенія въ связи съ состояніемъ и исторіей того культурно-историческаго центра, гдѣ эти произведенія были созданы. Къ сожалѣнію, профессоръ Сперанскій этого почти не дѣлаетъ.

Проф. Сперанскій понимаетъ необходимость примѣненія въ исторіи литературы и сословнаго принципа. «Принадлежность къ тому или другому сословію», говоритъ профессоръ, «связана съ тѣми или другими общественными и имущественными правами; а это, несомнѣнно, обусловливаетъ особенности быта, міросозерцанія, а, слѣдовательно, и отраженіе ихъ въ литературѣ, на личности писателя и т. д.». Совершенно вѣрно, и проф. Сперанскому можно воздать высокую хвалу за то, что онъ признаетъ такое значеніе за сословнымъ началомъ. Однако съ этимъ началомъ въ книгѣ профессора произошла такая же исторія, какъ и съ началомъ областнымъ: теоретически онъ провозглашаетъ, а практическаго примѣненія онъ себѣ не нашелъ...

Историкъ литературы долженъ связать въ стройное органическое цѣлое начала: хронологическое, областное, соціальное, индивидуальное, международное и т. д. и, примѣнивши ихъ къ древней русской литературѣ, дать по возможности осмысленную, полную движенія и жизни картину ея развитія.

Проф. Сперанскій не сдѣлалъ этого, и книга его много потеряла. Рядъ движеній въ области древней русской мысли въ его книгѣ изображенъ какъ то отвлеченно-философски, точно движеніе абсолютнаго духа по формуламъ блаженной памяти

гегелевской философіи. Такъ истолкованы стригольничество, ересь жидовствующихъ, міровоззрѣніе заволжскихъ старцевъ, іосифлянство. Между тѣмъ, если бы проф. Сперанскій примѣнилъ къ указаннымъ движеніямъ хотя бы три начала—хронологическое, областное и сословное, получилась бы иная картина.

«Ересь стригольниковъ», толкуетъ проф. Сперанскій, «стала началомъ протестующаго, критически-раціоналистическаго отношенія къ окружающему» (404). Это—отвлеченно-философское пониманіе движенія. Историческое пониманіе иное: ересь зародилась въ Псковѣ, среди «простецовъ» и «діаконовъ», т.-е. низшей части населенія, какъ видъ стремленія всего псковскаго народа противъ тягостной церковной зависимости отъ новгородскаго архіепископа. Ересь стригольниковъ—явленіе, родственное богомильству и по своему содержанію, и по происхожденію... Міровоззрѣніе заволжскихъ старцевъ тѣсно связано съ эволюціей окско-волжскаго боярства въ эпоху собиранія Руси... Іосифлянство связано съ развитіемъ московскаго служилаго сословія; и т. д.

В. А. Келтуяла.

Проф. В. В. Сиповскій. Лермонтовъ и Грибоѣдовъ. (Трагедія личности въ русской литературѣ 20—30 годовъ). Петроградъ. 1914. Стр. 54. Ц. 60 коп.

Эта книжка даетъ какъ-будто больше, чѣмъ обѣщаетъ. Кромѣ Лермонтова и Грибоѣдова въ ней говорится еще о Батюшковѣ, Вяземскомъ, Пушкинѣ, Боратынскомъ, Языковѣ, Полежаевѣ, Бенедиктовѣ; кромѣ художественныхъ произведеній излагаются еще и нѣкоторыя мемуары, относящіеся къ той же эпохѣ. Однако, обсужденіе основной темы отъ этого не выиграло. Трудно, невозможно убѣдить читателя, что и Бенедиктовъ, и Вяземскій, и Языковъ пережили «трагедію личности», что ею переболѣли мемуаристы Лубяновскій и Свербеевъ. Авторъ увѣряетъ, что въ 20—30 годахъ «*всѣ* упорно возвращались къ ней, *всѣхъ* она мучила, для *всѣхъ* представляла самый интересный, самый жгучій предметъ и размышленій, и вдохновеній». Но это—одно изъ преувеличеній, которыя легко ложатся подъ перо, но не оправдываются фактами. «Трагедія личности» вовсе не такое обыденное явленіе, чтобы попадаться на каждомъ шагу. И проф. Сиповскому приходится прибѣгать къ натяжкамъ, чтобы какъ-нибудь оправдать свое утвержденіе. «Трагизмъ» онъ подмѣняетъ «мотивами грусти», въ одну толпу смѣшиваетъ и «либеральничающихъ Молчалиныхъ и будущихъ декабристовъ», «пустыхъ болтуновъ, въ родѣ Репетилова, и мечтателей—утопистовъ». И все-таки, онъ самъ выну-

жденъ признать, что «трагизмъ» «вообще чуждъ душѣ» кн. Вяземскаго, что Батюшковъ «легко уходитъ» отъ проклятыхъ вопросовъ жизни. Значитъ, не надо было и тревожить ихъ при обсужденіи «трагедіи личности въ русской литературѣ».

Не надо было бы, въ сущности, безпокоить и Грибоѣдова. Онъ пережилъ свою душевную драму (о ней см. нашу статью въ журналѣ «Современникъ» 1912 г. № 11), но она была вызвана не столько проблемами «міровой скорби», сколько личными обстоятельствами, именно угасаніемъ таланта, а главное—не отразилась на произведеніяхъ Грибоѣдова. Изъ всего литературнаго наслѣдія поэта проф. Сиповскій могъ бы сослаться только на Чацкаго съ его «мильономъ терзаній». Но неудачи въ любви и столкновеніе съ фамусовскимъ обществомъ вовсе не исчерпываютъ всего обширнаго содержанія «трагедіи личности» (впрочемъ, авторъ нигдѣ не опредѣляетъ точно, что именно разумѣетъ онъ подъ этимъ терминомъ; «трагедію личности» онъ считаетъ то «идеей», то «темой», то «мотивомъ творчества», то душевнымъ переживаніемъ). Другіе же—религіозные, философскіе, этическіе—элементы «трагедіи личности» остались вовсе незатронутыми въ «Горѣ отъ ума». Да и самъ проф. Сиповскій неожиданно отказывается отъ ссылокъ на Чацкаго, такъ какъ, по его словамъ, между Чацкими «встрѣчаемъ мы любопытную разновидность грибоѣдовскаго героя—*соединеніе его съ Молчалинымъ*. Какъ ни чудовищно, на первый взглядъ, это сочетаніе, но оно весьма жизненно». Сочетаніе по истинѣ чудовищное, только, къ счастью, взято оно В. В. Сиповскимъ не изъ жизни, а—изъ чужой статейки. Лѣтъ десять тому назадъ г. Ѳедоръ Сологубъ въ журналѣ «Вопросы Жизни» обмолвился рецензіей на изслѣдованіе П. Е. Щеголева: «Грибоѣдовъ и декабристы», гдѣ заявилъ, что душа Грибоѣдова—душа Молчалина, что въ комедіи самое живое лицо—Молчалинъ и т. д. Это было въ своемъ родѣ литературно-модернисткое озорство, не больше, и, надо думать, самъ г. Сологубъ давно забылъ о немъ. Но проф. Сиповскій сочувственно выписываетъ изъ рецензіи цѣлую страницу, всецѣло присоединяясь къ критику. Вмѣстѣ съ своимъ авторитетомъ онъ думаетъ, что Грибоѣдовъ на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ трусилъ и лгалъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ держался замѣчательно твердо и благородно и не запятналъ себя ни одной «откровенностью», предающею друзей. Вмѣстѣ съ г. Сологубомъ авторъ думаетъ, что было низкимъ молчалинствомъ заявленіе Грибоѣдова: «Русское платье снова сблизило бы насъ съ простотою отечественныхъ нравовъ, сердцу моему чрезвычайно любезныхъ». Между тѣмъ, многіе декабристы горячо поддержали бы это заявленіе Грибоѣдова, какъ свое

кровное убѣжденіе. Послѣ такого объединенія съ г. Сологубомъ нѣсколько странно читать въ книжкѣ В. В. Сиповскаго пространныя разсужденія о томъ, что Чацкій не исключеніе, а типъ, и проч. Доказывать это не было нужды, такъ какъ въ этомъ никто теперь и не сомнѣвается. Правда, авторъ полемизируетъ съ академическимъ изданіемъ сочиненій Грибоѣдова, гдѣ сказано: «трудно повѣрить, чтобы прототипомъ Чацкаго былъ Чаадаевъ. Изученіе біографіи Грибоѣдова, наоборотъ, приводитъ къ несомнѣнному выводу, что въ образѣ Чацкаго отразились подлинныя черты характера и воззрѣній самого поэта». Эти слова проф. Сиповскій понялъ въ томъ смыслѣ, что Чацкій «не типиченъ», что онъ «только сколокъ съ автора». Здѣсь явно перепутаны понятія прототипа и типа. Прототипомъ Чацкаго называли только Чаадаева, и это сближеніе, конечно, надо отвергнуть. Что же касается типическихъ чертъ, изображенныхъ въ героѣ комедіи, то онѣ встрѣчались во многихъ дѣятеляхъ александровской эпохи, и объ этомъ въ академическомъ изданіи Грибоѣдова говорится больше, чѣмъ у В. В. Сиповскаго.

Такимъ образомъ, путемъ вычитанія изъ книжки чуждыхъ ея заданію матеріаловъ мы въ остаткѣ получаемъ характеристику самого Лермонтова, юбиляра истекшаго года. Справедливость требуетъ сказать, что во многомъ эта характеристика удалась автору. Онъ внимательно изучилъ Лермонтова, систематезировалъ признанія поэта по разнымъ рубрикамъ, и его наблюденія часто мѣтки и цѣнны. Черты «трагедіи личности», пережитой Лермонтовымъ, явственно выступаютъ въ изложеніи Сиповскаго. Отмѣтимъ, напримѣръ, страницу, посвященную символикѣ одиночества въ поэзіи Лермонтова; характеренъ также подборъ опредѣленій, даваемыхъ поэтомъ черни, свѣту, толпѣ, міру. И рядовой читатель, и преподаватель словесности съ пользой прочтутъ эти страницы.

Н. Пиксановъ.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевскаго, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ библіографу С. И. Пономареву. Съ примѣчаніями издателя. Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. М. 1915 г.

Имя Пономарева едва ли что говоритъ читателю; даже иной словесникъ можетъ, пожалуй, спросить, кто это? И, однако, тотъ, кто просмотритъ списокъ его многочисленныхъ работъ,

кто познакомится съ его біографіей, несомнѣнно поблагодаритъ безкорыстнаго издателя, который своимъ сборникомъ напоминаетъ намъ недавно (1913 г.) скончавшагося труженика русской науки. Книга, изданная Л. Э. Бухгеймомъ, содержитъ въ себѣ матеріалы для біографіи Ст. Ив. Пономарева съ хронологической къ ней канвой, хронологическій списокъ важнѣйшихъ трудовъ (147 №№) и переписку, съ обильными примѣчаніями самого издателя. Въ центрѣ изданія стоятъ письма къ Пономареву, принадлежащія такимъ въ общемъ крупнымъ дѣятелямъ нашей культуры, въ отношеніи которыхъ вполнѣ законенъ интересъ даже и къ мелкимъ фактамъ ихъ жизни, взаимоотношеній научной и литературной работы. Правда, адресованныя къ библіографу и притомъ нерѣдко по вопросамъ библіографическимъ, письма впадаютъ въ грѣхъ «литературнаго крохоборства» и этой своей стороной могутъ быть интересны преимущественно библіографамъ и большимъ книголюбамъ, но въ нихъ мы встрѣтимъ и живыя черты личности того или другого корреспондента, а иногда и не лишенныя общественнаго интереса бытовыя детали. Какъ наиболѣе интересныя, отмѣтимъ письма И. С. Аксакова, Билярскаго, разсказывающаго о своихъ неудачныхъ планахъ сорганизовать корпоративное сознаніе русскаго учителя; письма М. М. Стасюлевича въ связи съ работой надъ посмертнымъ изданіемъ сочиненій Н. А. Некрасова, такъ много обязаннымъ «отличному содѣйствію» Пономарева и до сихъ поръ остающимся лучшимъ, хотя сами издатели разсматривали его лишь какъ черновое и пробное: уже задумывалось изданіе полнаго инвентаря всѣхъ рукописныхъ (т.-е. нецензурныхъ) вещей Некрасова, уже стала, повидимому, наполняться заведенная Стасюлевичемъ папка (гдѣ она?) въ ожиданіи той «Аркадіи», «когда наступятъ другіе нравы, когда будутъ нецензурны одни дурныя дѣла, а слово—какое бы оно ни было—будетъ возлагаться на личную отвѣтственность автора передъ судомъ общественной совѣсти» (письмо отъ 29 янв. 79 г.). Весьма интересны письма кн. Вяземскаго (съ 55 г. по 76 г.) съ двумя, между прочимъ, не вошедшими въ собраніе его сочиненій любопытными эпиграммами на Де-Пуле, выдѣляющіяся своею живостью и тѣмъ качествомъ, которое онъ самъ въ себѣ недурно подмѣтилъ: «Богъ сдѣлалъ меня не злоязычнымъ, а махонько остроязычнымъ—вотъ я и острю»... Письма сборника значительно выигрываютъ въ интересѣ благодаря цѣннымъ примѣчаніямъ издателя, въ которыя вошли цѣликомъ: статья Пономарева «Воспоминаніе о П. С. Билярскомъ» и обширная рецензія (184—201) Пыпина (изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 54 г.) на книгу Булича «Сумароковъ и современная

критика» («Статья мнѣ очень нравится», пишетъ объ этой рецензіи Н. С. Тихонравовъ: «и лучше уже никто не напишетъ»). Говоря о примѣчаніяхъ, укажемъ нѣкоторые недочеты: такъ, о Дріанскомъ, авторѣ «Записокъ мелкотравчатаго», не совсѣмъ точно сказано—«беллетристъ и драматургъ 1850—60 гг.», тогда какъ его вещи печатались и въ 70-хъ гг. (комедія «Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ» въ «Бесѣдѣ» 72 г. № 7); можно было бы указать на воспоминанія С. В. Максимова (А. Н. Островскій по моимъ воспоминаніямъ), гдѣ нѣсколько интересныхъ страницъ удѣлено Дріанскому. Далѣе, совершенно остается необъясненнымъ Экебладъ, о которомъ довольно подробно говорится въ письмѣ Гербеля; это былъ первый директоръ лицея кн. Безбородко, весьма скорбѣвшій о томъ, что онъ носилъ не русскую фамилію «Дуболистовъ», а шведскую,—о немъ см. въ книгѣ «Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко» (изд. 81 г.) статью П. Даневскаго, который въ разбираемой книгѣ ошибочно сталъ Дагіевскимъ. Думается намъ, что можно разгадать и тотъ сборникъ Дементьева, который, по просьбѣ Н. С. Тихонравова, долженъ былъ расхвалить въ «Отеч. Зап.» Михайловъ; это—изданное въ 1854 г. В. Дементьевымъ «собраніе стихотвореній на нынѣшнюю войну», подъ заглавіемъ: «*Съ нами Богъ! Впередъ!.. Ура!*» (рецензія на него, дѣйствительно, появилась въ «Отеч. Зап.» 1854 г., августъ, безъ подписи, весьма привѣтственная). Въ сборникѣ этомъ участвовали такія лица, какъ Шевыревъ, Раичъ, Ѳ. Миллеръ, О. Миллеръ, кн. Вяземскій, М. Стаховичъ, К. Аксаковъ, Тютчевъ и др. Настроеніе Н. С. Тихонравова въ это время вполнѣ гармонируетъ съ «ура-патріотическимъ» сборникомъ, какъ это явствуетъ изъ его письма къ Пономареву отъ 23 апр. 54 г.; «англичане и французы», пишетъ онъ, «захотѣли низвести Россію на степень второстепенныхъ державъ; ослы!—одни угорѣли отъ дыма своихъ пароходовъ; другіе упились шампанскаго до-пьяна». Не мѣшало бы также объяснить, что въ фразѣ П. А. Ефремова: «извѣстіе объ Андрюшкѣ прокаженномъ Мур. читалъ съ удовольствіемъ»—рѣчь идетъ объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, авторѣ «Путешествій къ св. мѣстамъ», «Писемъ о богослуженіи» и т. п.

Большую цѣнность въ разбираемомъ изданіи представляетъ хронологическій списокъ трудовъ Пономарева, по количеству номеровъ уступающій изданному въ 1913 г. академіей наукъ, но отмѣчающій, дѣйствительно, *важнѣйшіе* труды (опущены главн. обр. стихотворные опыты и мелкія корреспонденціи), а кое-гдѣ даже полнѣе и съ поправками. Наконецъ, отмѣтимъ матеріалы для біографіи Пономарева, читающіеся съ увлеченіемъ. Въ нихъ

встаетъ передъ нами скромный и самоотверженный подвижникъ науки, вложившій въ сухой, казалось бы, трудъ библіографа горячую преданность родной литературѣ, всю свою наблюдательность и пытливость, все свое слабое здоровье. Слабогрудый, постепенно глохнувшій и вскорѣ совсѣмъ глухой, простой учитель русскаго языка, живущій къ тому же въ провинціи, въ Полтавѣ или Конотопѣ, онъ сумѣлъ стать «удивительнымъ библіографомъ», какъ справедливо называетъ его въ письмѣ М. М. Стасюлевичъ. Нѣкоторые моменты его біографіи прямо-таки трогательны. Кромѣ данныхъ, уясняющихъ жизнь и личность Пономарева, въ матеріалахъ найдутся и любопытныя черты времени, напр., для вопроса о вліяніи Бѣлинскаго на читающую молодежь (откликъ Пономарева въ дневникѣ на смерть Бѣлинскаго, письмо студента Пономарева въ 49 г. въ редакцію «Современника»).

Книга издана съ видимой любовной заботливостью, очень тщательно въ корректурномъ отношеніи (отмѣтимъ досадную опечатку—Новиковъ издавалъ, конечно, не Вивіоѳану, а Вивліоѳику) и даже изящно; она украшена одной превосходно выполненной гравюрой (портретъ Пономарева) и 14 интересными иллюстраціями. Жаль лишь, что, выпущенная на продажу въ количествѣ 300 экземпляровъ (а потому и нѣсколько дорогая), она сразу становится книгой для немногихъ.

Н. Сидоровъ.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ. XVIII вѣкъ. Ч. I—отъ Петра до Екатерины II (1698—1761 гг.). Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. Москва. 1914 г. Книгоиздательство «Задруга». Стр. VIII+431+VI. Ц. 1 р. 25 к.

Составители разсматриваемаго сборника имѣли цѣлью отвѣтить на несомнѣнный интересъ къ прошлому быту въ широкихъ читательскихъ кругахъ и дать исторію русскаго быта въ отрывкахъ изъ воспоминаній современниковъ. Сборникъ разсчитанъ на нѣсколько выпусковъ и долженъ охватить время отъ царствованія Петра I до реформъ Александра II. Вышедшій первый томъ распадается на двѣ части: первая отведена времени Петра В., вторая доводитъ читателя до порога царствованія Петра III. Въ каждой части отрывки сгруппированы въ извѣстной системѣ въ отдѣлы подъ общими заголовками: «Русскіе за границей», «Дома послѣ заграничныхъ поѣздокъ», «Придворная жизнь», «Новая столица и провинція», «Образованіе и церковь», «Дворцовые перевороты», «Войско» и т. п. При такомъ расположеніи

матеріала, конечно, разные отрывки изъ однихъ и тѣхъ же воспоминаній попадаютъ въ разные отдѣлы, одинъ и тотъ же авторъ встрѣчается по нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ книги. Куски однихъ и тѣхъ же мемуаровъ при этомъ проходятъ иногда передъ читателемъ въ порядкѣ обратномъ тому, въ какомъ были они записаны авторомъ воспоминаній. Такъ, напр., читатель сначала узнаетъ о служебныхъ хлопотахъ А. Т. Болотова въ Петербургѣ въ 1755 году, затѣмъ черезъ 16 страницъ читаетъ о его жизни въ провинціи въ 1750 году, еще черезъ 20 съ небольшимъ—встрѣчаетъ разсказъ о его учебныхъ годахъ (1740-е годы) и, наконецъ, на самыхъ послѣднихъ страницахъ книги находитъ эпизоды изъ его пребыванія въ Пруссіи во время Семилѣтней войны. Равнымъ образомъ и изъ біографіи артиллеріи маіора Данилова онъ сначала прочтетъ объ обученіи его въ артиллерійской школѣ (1736 г.) и только ниже встрѣтитъ разсказъ о рожденіи (1722 г.) и дѣтствѣ автора записокъ. Разумѣется, сборникъ, составленный такимъ способомъ, менѣе всего можетъ замѣнить чтеніе мемуаровъ въ полномъ видѣ: ихъ органическая цѣльность здѣсь разбита, индивидуальный ароматъ развѣянъ, ихъ разрозненные куски не даютъ читателю интимнаго общенія съ давно отшедшими въ вѣчность авторами. Но зато эти вырванныя изъ живой связи страницы, будучи сведены въ опредѣленной системѣ и дополняя другъ-друга, даютъ—пусть мозаичную, но всестороннюю и полную картину стариннаго быта. Такое использованіе мемуарнаго матеріала ставили своею задачею составители сборника и выполнили ее успѣшно. Имъ удалось, какъ они и хотѣли, дать интересную и колоритную *книгу для чтенія* по исторіи русскаго быта.

Конечно, въ сборникѣ замѣтна нѣкоторая неровность: въ однихъ отдѣлахъ матеріала больше, и онъ сочнѣе, чѣмъ въ другихъ. Но эта неравномѣрность объясняется характеромъ самихъ источниковъ: однѣ стороны жизни въ мемуарахъ оказывались болѣе освѣщены, чѣмъ другія. Какъ правило—въ мемуарахъ встрѣчалось больше матеріала для характеристики вершинъ русскаго общества XVIII вѣка—двора и столицы, чѣмъ быта его глубокихъ слоевъ—провинціальнаго города и деревни. Это особенно справедливо для Петровскаго времени, лучшіе мемуары о которомъ принадлежатъ иностранцамъ, жившимъ при русскомъ дворѣ. Только съ появленіемъ во второй половинѣ сборника отрывковъ изъ мемуаровъ Данилова, Болотова, Фонвизина, Державина—начинаетъ выступать ярче и полнѣе передъ читателемъ бытъ глухой провинціи, по преимуществу дворянской.

Составители стремились охватить въ своей книгѣ, по возможности, всѣ стороны прошлаго быта; читатель найдетъ тутъ не только отрывки о придворной жизни, празднествахъ, школѣ, воспитаніи, религіозномъ бытѣ и пр., но и страницы, дающія колоритный матеріалъ изъ исторіи военнаго дѣла, народнаго хозяйства, финансовъ, дѣятельности учрежденій и т. п. Если для темъ этой второй категоріи книга даетъ матеріала меньше, чѣмъ для темъ перваго рода, то опять это вина не составителей, а самой природы ихъ источниковъ.

И не выходя же за предѣлы мемуарныхъ источниковъ, кругомъ которыхъ ограничили себя и сами составители книги, сборникъ приходится признать достаточно полнымъ. Всякій выборъ отрывковъ, конечно, всегда не лишенъ доли субъективности, какъ рискуетъ быть субъективной и оцѣнка этого подбора. Но, оставаясь на почвѣ объективно-безспорнаго, можно указать лишь рѣдкіе пробѣлы въ разсматриваемомъ сборникѣ. Такъ, напр., въ главѣ «Дворцовые перевороты» событія 1730 года, которымъ удѣленъ всего только одинъ отрывокъ изъ Дюка Лирійскаго, заслуживали бы быть представлены болѣе разносторонне и колоритно. И это вполнѣ было бы возможно достигнуть, включивъ въ книгу отрывки изъ Маньена, Лефорта, Манштейна и, особенно, изъ Ѳеофана Прокоповича. Пробѣломъ является и отсутствіе интересныхъ отрывковъ о воцареніи и первыхъ дняхъ царствованія Екатерины I изъ Бассевича Лефорта, а главное изъ Кампредона; всему ея царствованію въ книгѣ удѣлены лишь 7 строкъ изъ Берхгольца. Но такихъ пробѣловъ въ книгѣ мало.

Со стороны техники выборъ отрывковъ выполненъ тщательно, и только изрѣдка въ текстѣ не устранены ссылки на какой-нибудь фактъ или лицо, о которыхъ не выше, ни ниже въ сборникѣ не упоминается, такъ какъ соотвѣтствующій отрывокъ изъ мемуаровъ въ него не вошелъ. Не всегда указанъ годъ, къ какому относится разсказъ того или иного отрывка. Въ началѣ книги помѣщенъ «Указатель авторовъ», изъ мемуаровъ которыхъ взяты отрывки. Свѣдѣнія о нихъ даны слишкомъ краткія. Книга разсчитана, между прочимъ, и на читателя мало подготовленнаго; у него возникнетъ, естественно, интересъ узнать, хотя бы вкратцѣ, и біографію автора, отрывки изъ котораго онъ читаетъ, и заглавіе сочиненія, изъ котораго отрывки эти взяты. Затѣмъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторахъ помогли бы и той критической оріентировкѣ читателей въ противорѣчивыхъ иногда свидѣтельствахъ мемуаровъ, необходимость которой отмѣчаютъ и сами составители въ предисловіи. Такія свѣдѣнія, думается

намъ, для большинства авторовъ было бы вполнѣ возможно дать въ указателѣ.

Въ заключеніе нельзя не признать сборникъ гг. Мельгуновой, Сивкова и Сидорова книгой полезной и интересной и надо пожелать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ его.

Б. Сыроѣчковскій.

Сельско-хозяйственное вѣдомство за 75 лѣтъ его дѣятельности (1837—1912 гг.). Составили Г. К. Гинсъ и П. А. Шафрановъ. Изд. Канцеляріи Главноупр. Землеустр. и Землед. Птг. 1914. VII+397+61+VII стр. Цѣна не обозначена.

Выпущенный подъ приведеннымъ заглавіемъ юбилейный обзоръ состоитъ изъ очень короткаго, всего нѣсколько страницъ, гладко и даже красиво написаннаго введенія, въ существеннѣйшихъ чертахъ характеризующаго постепенную смѣну направленій дѣятельности сельско-хозяйственнаго вѣдомства за 75 лѣтъ его существованія, короткой «исторіи учрежденій вѣдомства» и затѣмъ уже собственно «исторіи его дѣятельности», раздѣленной на три отдѣла, соотвѣтственно тремъ основнымъ отраслямъ этой дѣятельности: «крестьянское дѣло», «государственныя имущества» и «сельское хозяйство». Обзоръ этотъ—*офиціальная* юбилейная исторія, а потому не приходится удивляться тому, что онъ носитъ и въ подборѣ, и въ оцѣнкѣ фактовъ строго офиціальную окраску. Не приходится удивляться, если во введеніи о «новой земельной реформѣ» говорится какъ о «второмъ освобожденіи крестьянъ» (VI); если совершенно ничего не говорится о тѣхъ вѣдомственныхъ треніяхъ, которыми, въ значительной мѣрѣ, обусловливалось безсиліе министерства земледѣлія эпохи А. С. Ермолова, а тѣмъ болѣе о тѣхъ обще-политическихъ условіяхъ, которыя парализовали даже, можетъ быть, и лучшія намѣренія сельско-хозяйственнаго вѣдомства; если о начавшейся съ 1905 года «энергичной дѣятельности правительства по расширенію и упорядоченію землевладѣнія крестьянъ» (стр. 90) говорится какъ о чемъ-то единомъ и органически связанномъ, а столь богатая противорѣчіями переселенческая политика послѣднихъ лѣтъ изображается какъ нѣчто, объясняемое «лишь измѣненіями фактической обстановки переселенческаго движенія» (75). Всему этому и многому другому въ томъ же родѣ, повторяю, не приходится удивляться,—напротивъ, можно констатировать, что разсматриваемый юбилейный обзоръ, пожалуй, даже въ меньшей мѣрѣ страдаетъ тѣмъ офиціальнымъ оптимизмомъ и панегиризмомъ, какимъ насыщены нѣкоторыя изъ другихъ изданій современнаго сельско-хозяйственнаго вѣдомства: и, напримѣръ, эпоха Му-

равьева (42), или переселенческая политика 60-хъ и 70-хъ годовъ (60 и сл.) получили вполнѣ опредѣленную и объективную характеристику.

Офиціальный характеръ обзора отражается и на самой, такъ сказать, фактурѣ книги. Стоящія на обложкѣ имена двухъ «составителей» позволяли бы предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ трудомъ, въ той или иной мѣрѣ, монографическаго характера, единымъ по построенію и по системѣ изложенія. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло, очевидно, не болѣе, какъ съ механически спаяннымъ агломератомъ историческихъ записокъ, составленныхъ въ разныхъ департаментахъ, отдѣлахъ и отдѣленіяхъ сельско-хозяйственнаго вѣдомства. Только этимъ и можно объяснить чрезвычайную непропорціональность и разнокачественность отдѣльныхъ главъ книги. Такъ, такимъ существеннымъ отдѣламъ, какъ «попечительство надъ государственными крестьянами» и «поземельное устройство» отведено всего по 13 страницъ—меньше (если принять въ расчетъ разницу въ шрифтѣ), чѣмъ архиву главнаго управленія. О «попечительствѣ» эпохи графа Киселева (25—31) читатель можетъ еще получить хоть нѣкоторое представленіе, хотя, конечно, ничего не узнаетъ о томъ, въ какую жизненную дѣйствительность претворялся несомнѣнно-благожелательный «просвѣщенный абсолютизмъ» этой эпохи; но, напримѣръ, подъ рубриками «попечительство послѣ освобожденія крестьянъ» или «попечительство надъ колонистами-иностранцами» читатель не найдетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ датъ, относящихся... къ упраздненію попечительства. Приблизительно то же можно сказать и о главѣ «поземельное устройство»: для дореформенной эпохи «обзоръ» даетъ хоть кое-что по существу дѣла. Для всей обширной области поземельнаго устройства послѣ 1866 г. читатель, опять-таки, не найдетъ ничего, кромѣ перечня узаконеній и цифровыхъ итоговъ работъ,—онъ не узнаетъ ничего ни о принципахъ поземельнаго устройства, ни даже о томъ, что такъ выгодно отличало положенія 1866 г. отъ положеній объ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Гораздо болѣе удовлетворительны, если не выходить за предѣлы близкаго мнѣ отдѣла, посвященнаго «крестьянскому дѣлу»,—главы, посвященныя «переселенію» и «землеустройству». Та и другая даютъ намъ довольно связную исторію: одна—переселенческой политики, другая—современнаго землеустройства; познакомившись съ этими главами, читатель, въ самомъ дѣлѣ, получитъ нѣкоторое общее представленіе о существѣ переселенческой политики въ разныхъ фазахъ ея эволюціи и современной «аграрной реформы»,—представленіе, притомъ не замыкающееся въ строго вѣдомственныя

рамки. Однако именно только *нѣкоторое общее* представленіе: если даже оставить въ сторонѣ неизбѣжную въ изданіи даннаго типа, офиціальную окраску, многіе моменты и въ этихъ главахъ получили далеко неполное и недостаточное освѣщеніе—недостаточное въ смыслѣ какъ фактической полноты, такъ, тѣмъ болѣе, историческаго освѣщенія. Это слѣдуетъ сказать, напримѣръ, объ общемъ переселенческомъ законѣ 6 іюня 1904 г. (69), о фактически отмѣнившемъ его указѣ 10 марта 1906 г. (74), о смѣнявшихъ другъ-друга распоряженіяхъ по вопросу о ходачествѣ (75), о переселенческой политикѣ комитета Сибирской желѣзной дороги, заслуги котораго, между прочимъ, далеко недостаточно оттѣнены, и т. д. Есть даже и фактическія ошибки.

Не останавливаясь на другихъ главахъ обзора, я приведу еще только одну иллюстрацію той разнокалиберности, которая составляетъ отличительную черту разбираемой книги: помѣщенный въ одномъ изъ приложеній обзоръ «главнѣйшихъ изданій вѣдомства». Мы находимъ здѣсь, съ одной стороны, болѣе или менѣе исчерпывающій перечень изданій отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Съ другой—обширная и, во многомъ, цѣнная издательская дѣятельность переселенческаго управленія характеризуется всего немногими строками самаго общаго содержанія, при чемъ изъ отдѣльныхъ изданій названы лишь два—«Переселеніе и землеустройство за Ураломъ» и атласъ Азіатской Россіи. По com срединѣ стоитъ департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ — онъ даетъ нѣчто въ родѣ перечня изданій, но перечень, страдающій весьма существенными пробѣлами. Я уже не буду говорить о томъ, что изъ десятка отчетовъ пишущаго эти строки упомянуто всего два или три; что о 22-томныхъ сибирскихъ «матеріалахъ» лишь упоминается, а о такихъ изданіяхъ, какъ «хозяйственное положеніе переселенцевъ» или «крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ», даже и не упоминается. Но не упоминается даже о такихъ изданіяхъ, какъ недавно вышедшій семитомный сборникъ законовъ и распоряженій подъ заглавіемъ «землеустройство», или какъ вышедшая двумя изданіями, весьма содержательная книжка одного изъ главныхъ дѣятелей современнаго землеустройства, А. А. Кофода—«Русское землеустройство».

Я не знаю, нужно ли подводить сказанному какой-либо общій итогъ. Если нужно, то онъ сводится къ тому, что даже и въ болѣе удовлетворительно разработанныхъ своихъ отдѣлахъ юбилейное изданіе сельско-хозяйственнаго вѣдомства не можетъ освободить заинтересовавшагося какою-либо изъ отраслей дѣятель-

ности вѣдомства, хотя бы даже въ общихъ чертахъ, читателя отъ необходимости обратиться къ спеціальнымъ изданіямъ отдѣльныхъ «частей» вѣдомства или къ другимъ офиціальнымъ источникамъ. Въ этомъ смыслѣ новое изданіе сельско-хозяйственнаго вѣдомства не можетъ итти въ сравненіе съ рядомъ другихъ офиціальныхъ «исторій», занявшихъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ числѣ пособій при научной работѣ въ сотвѣтственныхъ отрасляхъ законодательства и политики.

А. Кауфманъ.

Camillo Marabini: Dietro la chimera garibaldina... (Diario di un volontario alla guerra greco-turca del 1912). Prefazione di Innocenzo Cappa. Roma, Casa Editrice Sacchi e Ribaldi, 1914.

Книга Камилла Марабини—это его дневникъ, въ которомъ подробно излагается исторія гарибальдійской экспедиціи 1912 г., предпринятой въ помощь грекамъ въ послѣднюю славяно-греко-турецкую войну. Авторъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ зародилась идея этой экспедиціи, чѣмъ она была мотивирована, какимъ и почему подверглась она измѣненіямъ, какъ, при какихъ условіяхъ и съ какими результатами она была осуществлена. Безусловная освѣдомленность автора, являющагося однимъ изъ главныхъ инициаторовъ экспедиціи, равно какъ несомнѣнная его искренность и правдивость дѣлаютъ его книгу не только важнымъ историческимъ документомъ, но и цѣннымъ «человѣческимъ» документомъ, дающимъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ психологіей и идеологіей того третьяго гарибальдійскаго поколѣнія, которое бьется нынѣ въ рядахъ французской арміи; участники экспедиціи 1912 г. (и авторъ въ томъ числѣ) какъ разъ составляютъ ядро нынѣшняго итальянскаго легіона, успѣвшаго уже удивить міръ подвигами, не уступающими подвигамъ гарибальдійцевъ перваго поколѣнія. Характерно, что, какъ и въ 1870 г., иниціатива экспедиціи явилась не сверху, не отъ вождей, а снизу; зародилась идея экспедиціи въ редакціи республиканскаго еженедѣльника, издаваемаго Марабини; образовалась организаціонная группа въ составѣ 4—5 лицъ, которая приступила къ вербовкѣ волонтеровъ, *въ то же время отыскивая себѣ вождя* и обращаясь съ этой цѣлью то къ депутату Евгенію Кьезѣ, то къ Риччіотти Гарибальди. Цѣлью экспедиціи намѣтили помощь *Сербіи*, трактуя ее, какъ балканскій Пьемонтъ, которому предназначено совершить объединеніе балканскихъ славянъ, но, когда вдругъ появилась прокламація Риччіотти Гарибальди, призывающая желающихъ оказать помощь *Греціи* присоединиться къ нему въ Патрассѣ, *то отправи-*

лись въ Грецію. И мотивировали это вполнѣ въ духѣ гарибальдійскихъ традицій: «Какъ республиканцы, мы самые недисциплинированные люди въ мірѣ, но, какъ волонтеры красной рубашки, мы обязаны бѣжать туда, куда насъ ведетъ *традиція* и *команда...* Нынѣ Риччіотти призываетъ итальянское юношество—и мы должны остаться? Если онъ ошибается, то *онъ отвѣтственъ передъ исторіей.* Мы отвѣтственны только за то, идемъ мы или не идемъ». Но это не мѣшаетъ гарибальдійцамъ въ 1912 году, какъ и въ 60-хъ годахъ XIX в., уходить изъ-подъ знаменъ, когда они находятъ, что экспедиція стала по чему-нибудь въ противорѣчіе съ основными требованіями гарибальдійской идеи. Такъ трое волонтеровъ оставляютъ экспедицію послѣ того, какъ узнали о греческихъ звѣрствахъ, находя, что гарибальдійцамъ не подобаетъ «защищать націю, которая столь варварски обращается съ плѣнными». Четырнадцать волонтеровъ съ извѣстнымъ республиканскимъ журналистомъ Факкинетти во главѣ ушли потому, что гарибальдійцы были посланы греческимъ правительствомъ противъ Янины: такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, нарушались права албанской національности, и война, вмѣсто освободительной (противъ турокъ), становилась завоевательной, слѣдовательно, такою, въ которой гарибальдіецъ участвовать не можетъ. Богата книга Марабини и другими характерными эпизодами, которые, конечно, немыслимо исчерпать въ библіографической замѣткѣ.

Гр. Шрейдеръ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Айхенвальдъ, Ю.** Письма Чехова. Кн-во «Космосъ», М. 1915. 2) **Барсковъ, Я.** Переписка московскихъ масоновъ XVIII в. Изд. Ак. Наукъ. Ц. 2 р. 3) **Бергсонъ, А.** Творческая эволюція. Кн-во «Рус. М.». М.-Спб. 1914. Ц. 1 р. 75 к. 4) **Блиновъ Н.** Земство за полвѣка 1864—1914. Сарапуль. 1914. Ц. 10 к. 5) **Бончъ-Бруевичъ, В.** Знаменіе времени: Убійство А. Ющинскаго и дѣло Бейлиса. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Спб. 1914. Ц. 1 р. 6) **Бородкинъ, М.** Ист. Финляндіи. Вр. имп. Николая I. П. 1915. Ц. 5 р. 7) **Буассье, Г.** Археологич. прогулки по Риму. М. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Ц. 1 р. 25 к. 8) **Бѣлорусовъ, А.** Франція. Кн-во писателей въ М. 1915. Ц. 1 р. 50 к. 9) **Вопросы теоріи и психологіи творчества.** Т. VI, вып. I, подъ ред. Лезина. Ист. и теор. эстетики. Харьковъ. 1915. Ц. 2 р. 10) **Временникъ Пушкинскаго дома.** П. 1914. II. 11) **Выработка** общ. плана работъ по изученію совр. дороговизны. О-во им. Чупрова для разраб. общ. наукъ при Им. М. У-тѣ. М. 1915. 12) **Готье, Ю.** Очеркъ исторіи землевладѣнія въ Россіи. Серг. посадъ. Ц. 1 р. 50 к. 13) **Гульбинскій, И.** Б. Н. Чичеринъ.

М. 1914. 14) **Двадцатипятилѣтн. юбилей** «Вѣст. Восп.» (25 ян. 1915 г.). М. 1915. 15) **Добіашъ-Рождественская, О.** «Потревоженныя святыни». П. 1915. Ц. 50 к. 16) **Ежегодникъ** Тобольск. губерн. музея. Годъ 22. 1914. Вып. XXIV. Тобольскъ. 1915. Ц. 1 р. Съ перес. 1 р. 25 к. 17) **Зѣлинскій, Ѳ.** проф. Исторія античной культуры. Ч. I и II. Изд. Сытина. М. 1915. Ц. I—60 к., II—60 к. Извѣстія Студ. Организ. М. С.Х. И. В. I. 1915. Ц. 50к. 18) **Іоксимовичъ, Ч.** сост. Забастовки, налоги и доходность у мануфакт. и нефтепром. Изд. кн. маг. «Вѣстн. Мануф. Пром.». М. 1915. Ц. 3 р. 19) **Казанскій, П.** Соб. стихотвореній. М. 1915. Ц. 2 р. 20) **Карѣевъ, Н.** Борьба парижск. секцій противъ декретовъ. Ц. 40 к. П. 1915. 21) **Курнатовскій, Г.** Этнографическая Польша. Славянская библ. № 2. Изд. кн. маг. «Вѣст. Ман. Пром.». М. Ц. 30 к. 22) **Кушнеръ, Б.** Тавро вздоховъ. Кн-во Авентюра. М. 1915. Ц. 50 к. 23) **Лесевичъ, В.** Собр. сочиненій. Т. I. Кн-во писателей въ М. Ц. 3 р. 1915. 24) **Либровичъ, С.** Исторія книги въ Россіи. Изд. т-ва Вольфъ. Спб. и М. 1914. Ц. 1 р. 25) **Лоуэлль, А.** Государств. строй Англіи. Т. I. Подъ ред. и съ пред. Ѳ. Кокошкина. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Ц. 3 р. 26) **Лукіанъ.** Сочиненія, т. I. Подъ ред. Ѳ. Зѣлинскаго и В. Богаевскаго. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Ц. 2 р. 25 к. 27) **Матерьялы** для ист. г. Боровска и его уѣзда. Т. II. Коп. съ док. арх. Н. П. Глухарева. Соб. и спис. имъ же. Изд. 1914 г. Ц. 1 р. 28) Mavor James, prof. of. Polit Economy in The Univ. of Toronto. An economic history of Russia. London and Toronto. 1914. New-York. Dutton and C°. Vol. I—XXXII+614, vol II—XXII +630. 29) **Нольде, Б. бар.** Начало войны. Кн-во «Рус. М.». М.-П. 1915. Ц. 60 к. 30) **Одноблюдовъ, В.** Трагедія соврем. интеллиг. общества. 1915. Елецъ. Ц. 1 р. 31) **Отчетъ** центр. комитета по сбору «Кіевъ—Польшѣ». К. 1915. 32) **Плехановъ, Г.** Исторія русской общественной мысли. Т. I. Изд. Т-ва «Міръ» М. 1914. 33) **Русскія библіограф. организаціи.** Библ. Сбор. Т. I. в. 1. Изд. Рус. Биб. О-ва. П. 1915 г. Ц. 80 к. 34) **Русская исторія** Т. 5, кн. 10; 2-изд. Изд. Т-ва «Міръ» М. 35) **Русскіе пропилеи.** Т. I. Соб. и прил. къ печ. М. Гершензонъ М. Изд. М. и И. Сабашниковыхъ. 1915. Ц. 3 р. 50 к. 36) **Сароли, Ч.** Англо-германская проблемма. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к. 37) **Систем. указатель** литературы за 1914 г. подъ ред. И. Владиславлева М. Кн-во «Наука» Ц. 1 р. 80 к. 38) **Сказки и пѣсни** Бѣлозер. края зап. Б. и Ю. Соколовы Изд. Им. Ак. Наукъ 1915 Ц. 3 р. 50 к. 39) **Старосельская О.** Кондорсе, какъ соціологъ. М. В. Ж. К. Раб. слуш. ист.-фил. Фак. В. I. 1915. Ц 80 к. 40) **Тарханова, Н. и Шаліахметовъ, И.** Драма брака. Пьеса П. 1915. Ц. 70 к. 41) **Тіандеръ, К.** Датско-русскія изслѣдованія. Вып. III. Ц. 2 р. П. 1915. 42) **Указатель** журн. статей по эконом. вопросамъ за десятилѣтіе 1904—1913 г. Вып. 1. Труды Эк. Сем. проф. Воблаго. В. III. Кіевъ 1915. Ц. 1 р. 50 к. 43) **Украинскій народъ** въ его прошломъ и настоящемъ. Т. I. П. 1914 г. 44) **Ученыя Записки.** Моск. Гор. Нар. у-та им. А. Шанявскаго Т. I. Вып. 1. Труды біолог. лабор. подъ ред. Н. Кольцова. Вып. перв. М. 1915. Ц. 2 р. 25к. 45) **Хрестоматія** по всеобщ. исторіи Т. II. Сост. проф. П. Ардашевъ. Ц. 1 р. 25 к. Кіевъ, 1915. 46) **Ѳирсовъ, Н.** проф. Петръ III и Екатерина II. Изд. Т-ва М. Вольфъ П. и М. Ц. 75 к. 1915.

Три русскихъ книги о романтизмѣ [1].

Все возрастающій на Западѣ интересъ къ романтизму перекинулся также къ намъ: за послѣдніе два года появилось сразу нѣсколько русскихъ работъ о романтизмѣ. Однако объ особой *русской школѣ* изслѣдователей этого явленія говорить не приходится. Упомянутыя работы не объединены одной общей идеей, однимъ общимъ методомъ. Вѣрнѣе, въ нихъ нѣтъ метода: наши изслѣдователи разрабатываютъ вопросъ о романтизмѣ безъ системы, такъ сказать, «кустарнымъ способомъ». Недавно вышедшіе труды С. В. Соловьева, г.г. Жерлицына и Жирмунскаго касаются исторіи романтизма въ трехъ главнѣйшихъ странахъ Запада—во Франціи, Англіи и Германіи. Что новаго внесла въ исторію этого явленія каждая изъ названныхъ книгъ, какое освѣщеніе получилъ романтизмъ у нашихъ изслѣдователей,—вотъ тѣ вопросы, на которыхъ я хочу теперь остановиться.

I.

Изъ трехъ названныхъ книгъ наибольшій интересъ представляютъ вышедшіе посмертнымъ изданіемъ «Очерки» С. В. Соловьева. Авторъ «Очерковъ» — долгое время занималъ каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ и пользовался почетной извѣстностью, какъ ученый и педагогъ.

Книга С. В. Соловьева состоитъ изъ шести главъ неодинаковыхъ размѣровъ и неодинаковаго научнаго достоинства; въ основу первыхъ трехъ легли критическія статьи о моихъ «Разысканіяхъ» и объ изслѣдованіяхъ М. Н. Розанова и И. И. Замотина.

Первый очеркъ начинается съ попытки рѣшить вопросъ: что такое романтизмъ? С. В. Соловьевъ приводитъ разныя опредѣленія, которыя давались этому явленію западными и русскими

---

[1]) *С. В. Соловьевъ.* «Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы» Спб. 1914; *М. Жерлицынъ.* «Кольриджъ и англійскій романтизмъ». Одесса 1914; *Жирмунскій.* «Романтизмъ и современная мистика». Спб. 1913.

учеными. Такой способъ рѣшенія вопроса, едва ли цѣлесообразенъ. При этомъ непонятно, почему авторъ совсѣмъ не коснулся характеристики романтизма у цѣлаго ряда новѣйшихъ ученыхъ; у Рихарды Гухъ [1]), Маріи Іоахими [2]), О. Вальцеля [3]), Елены Рихтеръ [4]) и друг.

Сопоставленіе мнѣній о романтизмѣ не только не разъясняетъ вопроса, что это за явленіе, а, напротивъ, только сбиваетъ читателя. Предъ читателемъ проходитъ рядъ противорѣчивыхъ сужденій, при чемъ авторъ «Очерковъ» не помогаетъ ему въ нихъ разобраться, не указываетъ на то, какое изъ нихъ онъ считаетъ правильнымъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: имѣлъ ли самъ С. В. Соловьевъ вполнѣ ясное представленіе: что такое романтизмъ? На этотъ вопросъ мы склонны отвѣтить отрицательно и вотъ почему: авторъ «Очерковъ», съ одной стороны, сплошь и рядомъ смѣшиваетъ романтизмъ съ тѣмъ или инымъ изъ его признаковъ, а съ другой стороны, онъ часто отождествляетъ романтизмъ съ сентиментализмомъ.

Отмѣтимъ двѣ фактическія ошибки, вкравшіяся въ «Очерки» С. В. Соловьева. «Изслѣдователь французскаго романтизма, пытающійся дать характеристику этому литературному явленію и изучить отдѣльные элементы поэтическаго міросозерцанія,—говоритъ С. В. Соловьевъ,—полагаемъ, не можетъ не обратить вниманія на отношеніе романтизма къ дѣтямъ. Литература XVIII вѣка, какъ извѣстно, дѣтьми *не интересуется* (?): культъ колыбели *незнакомъ* вѣку просвѣтителей (исключеніемъ является Ж.-Ж. Руссо). Одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ романтизма при сравненіи его съ классицизмомъ—введеніе дѣтей въ лирику и романъ: у Гюго, напр., однимъ изъ элементовъ вдохновенія являются дѣти».

Утвержденіе С. В. Соловьева, что интересъ къ дѣтямъ незнакомъ XVIII вѣку *невѣрно*. Изъ писателей XVIII столѣтія дѣтей воспѣвали многіе «чувствительные» поэты, начиная съ Юнга и его многочисленныхъ послѣдователей и кончая г-жей Дебордъ-Вальморъ; изъ художниковъ — Грёзъ, именно, способствовалъ развитію «культа колыбели» не меньше, чѣмъ самъ Руссо. Напротивъ, въ поэтикѣ французскихъ романтиковъ (если исключить Гюго и отчасти Жоржъ Зандъ)—культъ колыбели почти никакой роли не играетъ. Много ли говорятъ о дѣтяхъ Ламартинъ,

---

[1]) *Richarda Huch.* «Blüthezeit der Romantik», Leipzig, 1901.
[2]) *M. Joachimi* «Die Weltanschauung der deutschen Romantik». Jena und Leipzig, 1905.
[3]) *O. Walzel.* «Deutsche Romantik», 3. Ausg, Leipzig, 1912.
[4]) *Helene Richter* «Geschichte der Englischen Romantik», I Band, 1911.

Виньи, Мюссе, французскіе байронисты, представители «Молодой Франціи»?

Другая фактическая ошибка заключается въ слѣдующемъ: утвержденіе, будто у Гюго пантеистическія представленія постепенно слагаются въ философскую систему, С. В. Соловьевъ приписываетъ мнѣ (стр. 31 и слѣд). Я былъ бы очень радъ, если бы это было дѣйствительно такъ; но этотъ взглядъ на Гюго задолго до меня высказалъ Ренувье [1]), на котораго я неоднократно ссылаюсь въ моихъ «Разысканіяхъ».

Что же касается возраженій С. В. Соловьева противъ пантеизма Гюго, то они мало убѣдительны. Приведенная имъ хронологія стихотвореній Гюго, въ которыхъ встрѣчается слова: «Богъ» «единый Богъ» и т. п. *ровно ничего не доказываютъ*. Дѣло въ томъ, что авторъ «Очерковъ» смѣшалъ *религіозный пантеизмъ съ философскимъ*. По своему религіозному credo поэтъ можетъ быть христіаниномъ, теистомъ, католикомъ, и т. п., а по своему философскому міросозерцанію онъ можетъ примыкать къ спинозистамъ, шеллингіанцамъ и т. д.

Въ своемъ тепло написанномъ некрологѣ С. В. Соловьева проф. Бузескулъ приводитъ слѣдующія выдержки изъ письма усопшаго ученаго: «Перелистываніе старыхъ журналовъ привело меня къ заключенію, что болѣе или менѣе полнаго сужденія и представленія о романтизмѣ (въ особенности о его вліяніи на общество) мы не будемъ имѣть, пока не будутъ изслѣдованы его dii minores и совершенная имъ журналистика» [2]).

Относительно послѣдняго утвержденія о журналистикѣ мы совершенно согласны съ С. В. Соловьевымъ, тѣмъ болѣе, что сами высказывали тотъ же взглядъ въ нашихъ «Разысканіяхъ» (III) и сожалѣли, что у насъ не было подъ рукою журналовъ эпохи романтизма. Что же касается заявленія С. В. Соловьева о dii minores романтизма, то намъ не совсѣмъ понятно, почему авторъ «Очерковъ» считаетъ ихъ творчество до сихъ поръ неизслѣдованнымъ. Вѣдь и творчество этихъ dii minores, и ихъ вліяніе на общество, весьма обстоятельно разсмотрѣно Эстевомъ [3]), и Луи Мэгрономъ [4]).

Второй очеркъ интересующій насъ книги С. В. Соловьева представляетъ собой рецензію на сочиненіе М. Н. Розанова о Ж.-Ж. Руссо. Авторъ «Очерковъ», повидимому, рѣшилъ восполнить существенный пробѣлъ этой книги, а именно указать на

---

[1]) *Renouvier* «Victor Hugo, le philosophie». Paris 1900.
[2]) «Очерки», XXI.
[3]) *Estève*. «Byron et le romantisme français». Paris, 1907.
[4]) *Louis Maigron*. «Le romantisme et les moeurs». Paris, 1910.

генезисъ ученія Руссо. «Что же такое «руссоизмъ»,—спрашиваетъ С. В. Соловьевъ. «У читателя возникаетъ вопросъ: не было ли какихъ-либо теченій въ европейскомъ обществѣ à la Руссо; не было ли большинство изъ идей, вылившихся въ обаятельныя формулы, ярко и художественно выраженныя Руссо, достояніемъ его близкихъ и далекихъ предшественниковъ»?

Отвѣтъ на эти вопросы С. В. Соловьевъ не находитъ въ книгѣ М. Н. Розанова. Но онъ могъ бы найти его въ капитальномъ трудѣ Жозефа Текста [1]). Вмѣсто того авторъ «Очерковъ» пытается самъ изучить начала «руссоизма», при чемъ обращается къ литературѣ среднихъ вѣковъ, къ сочиненіямъ Діона Хризостома и т. п.

Такой методъ изслѣдованія мы считаемъ совершенно неправильнымъ. Въ своей рецензіи на «Міровую скорбь» Н. Котляревскаго, акад. Александръ Веселовскій указалъ на то, что изученіе какого-нибудь явленія à travers les siècles является крайне непродуктивнымъ: отмѣчаются лишь общіе контуры и опускаются многія весьма существенныя детали.

Конечно, «ничто не ново подъ луною» и если понимать вопросъ о народномъ суверинитетѣ или призывъ къ опрощенію такъ обще, какъ это дѣлаетъ С. В. Соловьевъ, то можно найти ихъ «корни» въ эпохи гораздо болѣе древнія, чѣмъ I вѣкъ по Р. Х. И во времена Будды, несомнѣнно, были люди, лелѣявшіе грезу о «безпечальной жизни» на лонѣ природы, о всеобщемъ равенствѣ и т. п. Но констатированіе существованія такихъ общихъ идей въ далекомъ прошломъ ровно ничего не доказываетъ. Для опредѣленія генезиса того или иного теченія важны не идеи сами по себѣ, а та *специфическая форма*, въ которую они облекались въ данный историческій моментъ. Указанія С. В. Соловьева имѣли бы научную цѣнность, если бы ему удалось доказать, что Руссо нашелъ въ приведенныхъ памятникахъ формулировку того, что его самого интересовало и волновало. Между тѣмъ, С. В. Соловьевъ даже не пытается установить такую связь. Да и вообще едва ли она существуетъ; мы не думаемъ, чтобы Руссо, чье образованіе было весьма запущено, былъ знакомъ иначе, какъ понаслышкѣ, напр., съ «Романомъ Розы». Гораздо вѣрнѣе замѣчаніе С. В. Соловьева, что на Руссо повліялъ «Робинзонъ Крузо» Дефо. Но этимъ авторъ «Очерковъ» не сказалъ ничего новаго, такъ какъ вліяніе Дефо на Руссо весьма обстоятельно изслѣдовано Текстомъ въ вышеприведенномъ сочиненіи.

Вторая часть книги С. В. Соловьева начинается съ очерка объ эволюціи литературныхъ взглядовъ В. Гюго. Слишкомъ

---

[1]) *I. Texte.* «Jean-Jacques Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire». Paris, 1895.

скудны въ этомъ очеркѣ библіографическія данныя касательно вліянія нѣмецкой литературы на французскую [1]).

Указавъ на нѣкоторыя художественныя теченія, существовавшія во французской литературѣ въ эпоху, предшествовавшую выступленію Гюго, С. В. Соловьевъ слѣдитъ за развитіемъ эстетическихъ воззрѣній автора «Предисловія къ Кромвелю». Такая работа уже неоднократно продѣлывалась историками литературы. Касательно эстетическихъ взглядовъ Гюго существуетъ прекрасная, исчерпывающая вопросъ, работа Суріо [2]) послѣ которой трудно сказать по этому предмету что-либо новое. Статья С. В. Соловьева служитъ тому нагляднымъ подтвержденіемъ. Авторъ «Очерковъ» привлекъ еще неизслѣдованный матеріалъ—мелкія статьи Гюго, но этотъ матеріалъ не вноситъ существенныхъ измѣненій во взгляды на эволюцію эстетики Гюго. Все, что говоритъ по этому поводу С. В. Соловьевъ, является только констатированіемъ того, что писали о Гюго Ренувье, Суріо и друг.

Небольшая статья «Романтикъ-педагогъ» является вполнѣ самостоятельной попыткой выяснить педагогическіе взгляды Жоржъ Зандъ.

Наибольшую цѣнность въ книгѣ С. В. Соловьева представляетъ обширный этюдъ «Фредерикъ Мистраль» (стр. 86—336).

Своему этюду авторъ «Очерковъ» предпослалъ краткій очеркъ исторіи провансальской поэзіи отъ конца среднихъ вѣковъ до новѣйшаго времени. Авторъ даетъ удачную характеристику творчества Гудули (стр. 193—201), слѣдитъ за развитіемъ провансальской поэзіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и наконецъ довольно подробно останавливается на возрожденіи провансальской поэзіи въ началѣ XIX столѣтія, при чемъ особое вниманіе удѣляетъ Жасмену и Руманилю. Такую попытку познакомить русское общество съ мало извѣстной у насъ нео-провансальской литературой нельзя не привѣтствовать. Жаль только, что авторъ «Очерковъ» разсматриваетъ произведенія провансальской литературы внѣ связи съ общими умственными, эстетическими и общественными теченіями. Творчество писателей разсматривается имъ an für sich: тотъ или другой провансальскій поэтъ появляется передъ читателемъ, какъ deus ex machina: С. В. Соловьевъ ничего не говоритъ намъ о средѣ, въ которой росъ и воспитывался тотъ или другой изъ провансальскихъ писателей, объ его отношеніи къ литературной традиціи, тѣхъ условіяхъ, которыя подготовили расцвѣтъ его поэзіи.

[1]) Не упомянуты, напр., труды *Joret* «Des rapports intellectuels entre la France et l'Allemagne avant 1789» и *V. Rossel.* «Histoire des relations littéraires entre la France et l' Allemagne», 1897.

[2]) *Souriau.* «La Préface de Cromwell».

Біографіи Мистраля С. В. Соловьевъ удѣлилъ слишкомъ мало мѣста. С. В. Соловьевъ лишь мимоходомъ касается того, какъ относится Мистраль къ новѣйшей поэзіи Прованса, къ его фольклору, какъ отразился въ его творчествѣ провансальскій бытъ. Въ этомъ отношеніи этюдъ С. В. Соловьева даетъ гораздо меньше, чѣмъ тѣ немногія страницы, которыя посвятилъ Мистралю Альфонсъ Додэ. И образъ великаго провансальскаго поэта вышелъ у Додэ гораздо жизненнѣе и ярче, чѣмъ у русскаго изслѣдователя. Зато эстетическій разборъ произведеній Мистраля у С. В. Соловьева очень удаченъ. Авторъ «Очерковъ» обнаружилъ много вкуса въ выборѣ произведеній Мистраля. Чувствуется, что онъ пишетъ о поэтѣ, котораго много изучалъ, понималъ и горячо любилъ.

II.

«Кольриджъ и англійскій романтизмъ»—трудъ компилятивный, при чемъ выборъ пособій не совсѣмъ удаченъ. Книга г. Жерлицына въ научномъ отношеніи значительно выиграла бы, если бы авторъ ея использовалъ новѣйшія изслѣдованія по англійскому романтизму—труды Елены Рихтеръ [1]), Garnett'а [2]) и друг.

Первая глава книги о Кольриджѣ посвящена разсмотрѣнію началъ англійскаго романтизма; состоитъ она почти исключительно изъ выписокъ, взятыхъ преимущественно изъ сочиненія Фельпса. У Фельпса же г. Жерлицынъ взялъ и самую формулу романтизма: субъективность, картинность и реакція (стр. 25).

О нѣкоторыхъ явленіяхъ англійской литературы XVIII вѣка, напр., о спенсеризмѣ, о «могильной поэзіи», о культѣ «субъективнаго чувства» г. Жерлицынъ говоритъ довольно подробно. Другія явленія разсмотрѣны имъ недостаточно обстоятельно. Историку англійскаго романтизма, полагаемъ, слѣдовало подробнѣе остановиться на Томсонѣ, какъ представителѣ такъ называемой «описательной» школы, на «сельскихъ поэтахъ» Англіи [3]). Для характеристики этихъ послѣднихъ г. Жерлицынъ могъ использовать труды Bryan'a[4]) и Reynolds'a [5]). Говоря о культѣ народной поэзіи и сѣдой старины, г. Жерлицынъ не касается вопроса о вліяніи скандинавской литературы на англійскую и совер-

---

[1]) См. выше.

[2]) *R. Garnett.* «Coleridge», 1904.

[3]) Этотъ пробѣлъ тѣмъ болѣе страненъ, что самъ г. Жерлицынъ въ другомъ мѣстѣ признаетъ вліяніе «сельскихъ поэтовъ» на Кольриджа (стр. 240).

[4]) «The Feeling of Nature in English Pastoral Paetry», 1908.

[5]) *Reynolds.* «Teatment of Nature in English Poetry betwen Pope and Wordsworth», Chicago, 1909.

шенно игнорируетъ великаго народнаго пѣвца Шотландіи—Роберта Бернса. Изслѣдователю англійскаго романтизма слѣдовало, мнѣ кажется, остановиться также на экзотическомъ теченіи въ англійской литературѣ. Для этого г. Жерлицынъ могъ воспользоваться сочиненіемъ Conant'a (The Oriental Tale in England in the Eighteent century», 1908).

О возрожденіи культа Шекспира г. Жерлицынъ говоритъ только, что великаго англійскаго драматурга воскресили позже, чѣмъ Спенсера (стр. 40). Между тѣмъ этотъ культъ сыгралъ въ возникновеніи новой литературной школы роль, пожалуй, не меньшую, чѣмъ спенсеризмъ и увлеченіе Мильтономъ. [1]).

Крупнымъ пробѣломъ въ книгѣ г. Жерлицына является также и то, что онъ почти не касается эволюціи англійской эстетики, которая привела къ новому пониманію искусства и его задачъ. Онъ ничего не говоритъ о сочиненіяхъ такихъ теоретиковъ-эстетовъ какъ Гильпинъ, Прайсъ, Ридъ, Alison, Payne Knight и друг. Изъ многочисленныхъ сочиненій, спеціально посвященныхъ исторіи англійской критики [2]), г. Жерлицынъ называетъ только книгу Saintsbury.

Вторая глава книги г. Жерлицына еще менѣе самостоятельна, чѣмъ первая. Біографія Кольриджа излагается имъ по Треллю, и въ особенности по старой книгѣ Алоиза Брандля. Г. Жерлицынъ даже не пытается обрисовать нравственный обликъ Кольриджа. Въ III и IV главахъ книги г. Жерлицына разсматриваются вопросы первостепенной важности, какъ напр., эстетическая теорія Вордстворта и Кольриджа, ея отношеніе къ ученіямъ Шеллинга, Жанъ-Поль Рихтера и Фихте и наконецъ опредѣленіе романтизма и его отличія отъ другихъ предшествовавшихъ ему литературныхъ школъ. Къ сожалѣнію, и въ этихъ двухъ главахъ г. Жерлицынъ даетъ мало новаго и постоянно прибѣгаетъ къ выпискамъ и цитатамъ.

Несогласны мы и съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое даетъ романтизму г. Жерлицынъ. По его мнѣнію «никто не сомнѣвается въ томъ, что теченіе, зародившееся во второй половинѣ XVIII в., выражало прежде всего *реакцію* противъ «классической» школы, утверждавшей *утилитарную теорію*, античный реторическій *догматизмъ* и культъ *разума* и «здраваго смысла» (стр. 280). Такой взглядъ на литературное теченіе второй половины XVIII столѣтія, дѣйствительно, былъ принятъ нѣкоторыми учеными 20 лѣтъ

[1]) О шекспировскомъ вопросѣ въ XVIII в. въ Англіи см. *H. Richter* вышеприв. сочин. I в; к. II.

[2]) Библіографію этого вопроса см. въ нашемъ «Литературномъ движеніи на Западѣ въ первой трети XIX-го стол». стр. 193.

тому назадъ. Но г. Жерлицынъ сильно ошибся, полагая, что и въ наши дни никто не сомнѣвается въ правильности этого взгляда. Если бы это было такъ, то споръ о романтизмѣ былъ бы давно разрѣшенъ и одному изъ величайшихъ историковъ литературы, А. Н. Веселовскому, не пришлось бы отказаться дать опредѣленіе этому явленію [1]), и тѣ сотни книгъ о сентиментализмѣ и романтизмѣ, которыя появились за послѣднее двадцатилѣтіе на Западѣ и у насъ, были бы совершенно излишними.

Но дѣло въ томъ, что новѣйшіе ученые считаютъ романтизмъ и сентиментализмъ чѣмъ-то неизмѣримо большимъ, чѣмъ протестъ противъ классической эстетики. Они смотрятъ на то и другое явленіе, какъ на особое міросозерцаніе и какъ на особое міроощущеніе. И романтизмъ, и сентиментализмъ—явленія настолько многогранныя и универсальныя, что ученымъ до сихъ поръ не удалось изучить всѣ стороны каждаго изъ нихъ. Протестъ противъ классической эстетики, былъ въ исторіи романтизма только эпизодомъ и притомъ эпизодомъ, не имѣвшимъ особаго значенія: классическая эстетика разложилась отъ внутреннихъ причинъ и потеряла свою raison d'être, когда на смѣну придворнаго общества пришло «третье сословіе».

Сильно устарѣло также принятое г. Жерлицинымъ опредѣленіе Бирса, именно, что романтизмъ есть литературное теченіе, выдвинувшее въ качествѣ регулятивнаго принципа художественнаго творчества воображеніе въ противовѣсъ разуму и чувству классическаго и сентиментальнаго теченія (стр. 292). Этотъ взглядъ на романтизмъ давно опровергнутъ О. Вальцелемъ, доказавшимъ, что романтики вѣрили не только въ откровеніе чувства и фантазіи, но и во всемогущество разума.

Для нѣмецкихъ романтиковъ и ихъ англійскихъ послѣдователей поэзія—синтезъ философіи и религіи: «кто имѣетъ религію,—говоритъ Ф. Шлегель,—тотъ будетъ творить поэзію. Но орудіемъ для ея отысканія и раскрытія служитъ философія».

Несогласны мы и съ тѣмъ, какъ г. Жерлицынъ опредѣляетъ различіе между сентиментализмомъ и романтизмомъ. «Мы думаемъ,—говоритъ онъ,—что сентименталисты утверждали прежде всего эмоцію, а романтики воображеніе. Какое же въ самомъ дѣлѣ огромное, прямо исключительное различіе между Руссо, утверждавшимъ эксцессы чувства и Кольриждемъ, утверждавшимъ эксцессы воображенія» (стр. 281). Г. Жерлицынъ впадаетъ здѣсь въ двойную ошибку. Во-первыхъ Руссо и его послѣдователи придавали такое же значеніе воображенію, какое придавали ему

[1]) *А. Веселовскій.* «Жуковскій, поэзія чувства и сердечнаго воображенія». Спб., 1904.

романтики: вѣдь именно Руссо и превозгласилъ тотъ принципъ, что «прекрасны однѣ химеры». Во-вторыхъ романтики такъ же, какъ сентименталисты, считали чувство однимъ изъ главныхъ источниковъ искусства и возводили его въ верховное правило жизни. Цѣлый рядъ новѣйшихъ изслѣдователей: Сейльеръ, Лассэръ, Мэгронъ, указали на то, что одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ романтиковъ была гипертрофія чувствительности. Байронъ, французскіе сатанисты, Гюго, Жоржъ Зандъ и многіе другіе романтики прославляли «вулканическія» страсти.

Прежде чѣмъ закончить нашъ разборъ книги г. Жерлицына, отмѣтимъ въ ней еще одинъ методологическій промахъ.

Авторъ книги о Кольриджѣ разсматриваетъ литературныя явленія внѣ связи съ общественными, политическими и экономическими условіями эпохи. Правда, въ настоящее время нерѣдко приходится слышать утвержденіе, будто историку литературы незачѣмъ обращать вниманіе на все это, такъ какъ искусство довлѣетъ само себѣ, и къ тому же историкъ литературы не *можетъ* дать подробную историко-культурную картину той эпохи, въ которую жилъ и писалъ изучаемый имъ писатель. Но, вѣдь, нагляднымъ опроверженіемъ этого взгляда служатъ, хотя бы, «Исторія англійской литературы» Тэна, «Бокаччьо, его среда и сверстники» Веселовскаго и т. д. И всѣ возраженія современныхъ «эстетовъ» противъ метода этихъ ученыхъ не болѣе какъ пустое разглагольствованіе. Историко-литературное изслѣдованіе, у котораго нѣтъ историко-культурнаго фундамента, является зданіемъ, построеннымъ на пескѣ.

Указанные нами пробѣлы книги г. Жерлицына объясняются тѣмъ, что работа эта является нѣсколько скороспѣлой.

Въ своемъ предисловіи г. Жерлицынъ говоритъ, что его книга первый научный опытъ автора и проситъ ученыхъ спеціалистовъ отнестись къ его промахамъ и ошибкамъ sine ira et studio. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что ученые предыдущаго поколѣнія,—ученики Гастона Париса, Тихонравова, Александра Веселовскаго,—по 10—12 лѣтъ «вынашивали» свой первый ученый трудъ и только тогда печатали его, когда могли съ чистой совѣстью сказать: quod potui, feci... Мы надѣемся, что и г. Жерлицынъ въ будущемъ своемъ трудѣ послѣдуетъ ихъ примѣру.

III.

Книга г. Жирмунскаго «Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика» написана болѣе живо и талантливо, чѣмъ только что разсмотрѣнное нами сочиненіе; но и она также является трудомъ скороспѣлымъ и вызываетъ не мало возраженій.

«Цѣль настоящей работы,—говоритъ въ своемъ предисловіи г. Жирмунскій,—заключается въ томъ, чтобы прослѣдить въ творческой интуиціи романтиковъ и въ ихъ теоретическихъ взглядахъ зарожденіе и развитіе мистическаго чувства».

Съ одной стороны г. Жирмунскій хочетъ не оцѣнивать мистическое чувство романтиковъ, а лишь его описывать; съ другой стороны, онъ хочетъ рѣшить вопросъ, поскольку мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ конкретнаго, живого чувства. Но развѣ возможно разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ, не оцѣнивая чувства романтиковъ? Если мы только опишемъ любое данное чувство, не оцѣнивая его, то этимъ мы вовсе не опредѣлимъ, является ли оно живымъ или нѣтъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ страницъ книги г. Жирмунскаго видно, что методъ, избранный имъ, неправиленъ, или, вѣрнѣе, что въ ней нѣтъ никакого метода. То г. Жирмунскій полагаетъ, что нѣмецкіе романтики *получили* (sic!) поэтическое чувство природы отъ Гёте (какъ будто можно поэтическому чувству отъ кого-нибудь научиться!), то считаетъ это поэтическое чувство присущимъ самой душевной организаціи членовъ Іенскаго кружка.

Отсутствіе метода въ книгѣ г. Жирмунскаго сильнѣе всего даетъ себя чувствовать въ главѣ: «поэтика мистическаго чувства». Излагая на 8-ми страницахъ поэтику нѣмецкихъ романтиковъ, г. Жирмунскій не только ничего не прибавилъ къ тому, что было сказано Штейнертомъ и Петрихомъ, но отнесъ на счетъ психическихъ переживаній романтиковъ такія черты ихъ поэтики, которыя были завѣщаны имъ литературной традиціей.

Въ общемъ трудъ г. Жирмунскаго такъ же, какъ трудъ г. Жерлицына, носитъ слѣды незрѣлости мысли. Нашимъ молодымъ ученымъ слѣдуетъ помнить слова Шиллера:

Was sie gestern gelernt, das wollen sie heute schon lehren;
Ach! was haben die Herrn doch für ein kurzes Gedärm!

Гр. Ф. де-ла Бартъ.

Легенда о подвигахъ Уленшпигеля [1]).

(Романъ Шарля де Костера).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XI.

Молчаливый находился въ окрестностяхъ Льежа и, прежде чѣмъ перейти черезъ Маасъ, дѣлалъ различные маневры, желая сбить съ толку герцога, несмотря на всю его бдительность.

Уленшпигель ревностно исполнялъ свои солдатскія обязанности, ловко владѣлъ усовершенствованнымъ мушкетомъ и всегда держался наготовѣ.

Въ это время явились въ лагерь брабантскіе и фламандскіе дворяне, ладившіе на первыхъ порахъ со штабомъ Молчаливаго.

Но вскорѣ образовались въ лагерѣ двѣ враждовавшихъ партіи, которыя постоянно пререкались. «Принцъ—предатель»,— утверждали одни. Другіе отвѣчали, что обвинители—лгуны и ихъ заставятъ проглотить эту ложь точно тѣмъ же путемъ, какимъ они изрыгнули ее. Взаимное недовѣріе разросталось, словно свѣжее масляное пятно. Вступали въ рукопашную небольшими отрядами по шести, восьми и двѣнадцати человѣкъ, сражаясь, чѣмъ попало, доходило даже и до мушкетовъ.

Однажды на шумъ явился принцъ. Онъ шелъ между двухъ враждующихъ партій. Пуля унесла его мечъ, висѣвшій у бедра. Онъ заставилъ прекратить бой и, желая показаться всѣмъ, обошелъ весь лагерь, чтобы положить конецъ толкамъ, будто бы Молчаливый умеръ, а съ нимъ умерла и война.

На слѣдующій день, полночной туманной порой, Уленшпигель не успѣлъ выйти изъ дому, въ которомъ только-что пѣлъ фла-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1, 2, 3, 4.

мандскую пѣснь любви валлонской дѣвушкѣ, какъ услыхалъ у дверей сосѣдней съ домомъ избушки воронье карканье, повторенное три раза. Послышалось вдали такое же отвѣтное карканье, прозвучавшее трижды три раза. Крестьянинъ показался на порогѣ избушки. Уленшпигель услыхалъ шаги на дорогѣ.

Два человѣка, говорившихъ по-испански, подошли къ крестьянину, который на томъ же языкѣ обратился къ нимъ:

— Что? Дѣло обдѣлали?

— Хорошо обдѣлали,—отвѣтили они,—въ три короба налгали за короля. Благодаря намъ офицеры и солдаты начали шушукаться и недовѣрчиво къ начальству переговариваться: «Изъ дикой амбиціи противится принцъ королю, разсчитываетъ запугать того и получить въ обезпеченіе мира города и помѣстья. Вотъ увидите: за пятьсотъ тысячъ флориновъ онъ покинетъ храбрыхъ дворянъ, бойцовъ за отечество. Герцогъ предлагалъ уже ему полную амнистію, давалъ клятвенное обѣщаніе возвратить ему и командирамъ его арміи конфискованное у нихъ имущество, если они изъявятъ покорность королю. Оранскій одинъ за всѣхъ договорится съ герцогомъ».

Люди, вѣрные Молчаливому, намъ отвѣчали:

Герцогскія обѣщанія—предательская ловушка, онъ не погладитъ по головкѣ: вспомните господъ д'Эгмонта и Горна. Они это на себѣ испытали. Когда ихъ схватили, кардиналъ Гранвелла былъ въ Римѣ и сказалъ: «Поймали пару пискарей, а щуку оставили. И выходитъ: ничего не поймали, потому что Молчаливаго нужно еще изловить».

— Большіе раздоры въ лагерѣ?—спросилъ крестьянинъ.

— Большіе,—отвѣчали они,—и со дня на день все растутъ. А гдѣ письма?

Вошли въ избушку, въ которой зажгли фонарь. Распечатали тамъ — Уленшпигель подсматривалъ въ слуховое оконце—два письма. Пока читали, ликовали отъ радости, пили медъ и, наконецъ, ушли, на прощанье сказавъ крестьянину:

— Въ раздорахъ лагерь, плѣненіе Оранскаго! Хорошая будетъ штучка!

«Надо сжить со свѣта этихъ господъ»,—сказалъ себѣ Уленшпигель.

Они вышли. Стоялъ густой туманъ. Уленшпигелю видно было, какъ принесъ крестьянинъ фонарь, который передалъ имъ.

Свѣтъ отъ фонаря часто заслонялся какимъ-то черным очертаніемъ: очевидно, шли другъ за другомъ.

Вооружившись своимъ мушкетомъ, Уленшпигель выстрѣлилъ въ черное очертаніе. Замѣтивъ, что послѣ этого фонарь опускался

и поднимался нѣсколько разъ, рѣшилъ, что одинъ изъ нихъ упалъ; тогда, должно быть, другой захотѣлъ убѣдиться, куда раненъ его спутникъ.

Сдѣлавъ подобное предположеніе, онъ вновь взялся за мушкетъ. Потомъ, когда фонарь, покачиваясь, быстро задвигался въ направленіи лагеря, снова выстрѣлилъ. Фонарь замерцалъ, затѣмъ упалъ и потухъ, и настала темнота.

Тогда Уленшпигель побѣжалъ въ сторону лагеря, столкнулся по дорогѣ съ начальникомъ охраны и толпой солдатъ, всполошившихся отъ раздавшихся мушкетныхъ выстрѣловъ, подошелъ къ нимъ и промолвилъ:

— Я—охотникъ, идите подбирайте дичь.

— Веселый фламандецъ, кажется, ты гораздъ разговаривать не однимъ только языкомъ!

— Что слова, которыя срываются съ языка,—вѣтеръ одинъ,— отвѣчалъ Уленшпигель. Другое дѣло свинцовыя слова, тѣ остаются въ тѣлахъ предателей. Но идите за мной.

И онъ ихъ повелъ съ фонарями туда, гдѣ оба пали. Въ самомъ дѣлѣ увидали ихъ распростертыми на землѣ. Одинъ былъ мертвъ, другой хрипѣлъ въ агоніи, положивъ на грудь руку, въ которой послѣднимъ усиліемъ жизни было зажато письмо...

Солдаты унесли тѣла, признанныя по одеждѣ дворянскими, и явились съ ними, при фонаряхъ, принцу, помѣшавъ тому собраться на совѣтъ съ Фридрихомъ Голленгаузеномъ, маркграфомъ Гессенскимъ и другими владѣтельными особами.

Въ сопровожденіи ландскнехтовъ, рейтаровъ, желтыхъ и зеленыхъ казакиновъ, они добрались до палатки Молчаливаго, громко кричали и просили ихъ принять.

Онъ самъ вышелъ къ нимъ. Тогда Уленшпигель, кашляя и приготовляясь повиниться, перебилъ судью и промолвилъ:

— Всемилостивѣйшій государь, не вороновъ, а двухъ предателей дворянъ изъ вашей свиты убилъ я.

Затѣмъ онъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ, слышанномъ и содѣянномъ.

Молчаливый не проронилъ слова. Тѣла убитыхъ были обысканы въ его, Вильгельма Оранскаго Молчаливаго, присутствіи, а также при Фридрихѣ Голленгаузенѣ, маркграфѣ Гессенскомъ, Дитрихѣ де Шоненбергѣ, графѣ Альбертѣ Нассаускомъ, графѣ Гогстритѣ, Антоніи де Лалингѣ, губернаторѣ города Малина, въ присутствіи солдатъ и Лама Гудзака, ощущавшаго сильную дрожь въ своемъ огромномъ животѣ. На застрѣленныхъ дворянахъ были найдены за печатями де Гранвелла и Нуаркарма

письма, въ которыхъ погибшіе обязывались, сѣя раздоры въ штабѣ принца, ослаблять его силы, заставить покориться и, въ концѣ концовъ, предать Оранскаго герцогу на заслуженную казнь.

«Надобно,—говорилось въ письмахъ,—дѣйствовать тонко, намеками, такъ, чтобы въ арміи считали, что Молчаливый давно уже вступилъ съ герцогомъ въ сепаратное соглашеніе, выгодное для себя одного. Тогда раздраженные офицеры и солдаты могутъ его арестовать. Въ награду за услуги посылается каждому чекъ на пятьсотъ дукатовъ переводомъ на Фиггера въ Антверпенъ. Сумма эта увеличится немедленно до тысячи, какъ только придутъ изъ Испаніи въ Зеландію четыреста тысячъ, которыя ожидаются».

Заговоръ былъ раскрытъ. Принцъ молча повернулся къ владѣтельнымъ особамъ и дворянамъ, среди которыхъ было не мало людей, подозрѣвавшихъ его. Безмолвно указалъ онъ на два тѣла, желая жестомъ упрекнуть сомнѣвающихся за ихъ недовѣріе. Тогда въ большомъ смятеніи всѣ воскликнули:

— Многія лѣта Оранскому! Оранскій вѣренъ отечеству!

И хотѣли въ знакъ презрѣнія бросить тѣла собакамъ, но Молчаливый молвилъ:

— Не тѣла нужно бросить собакамъ, но душевную дряблость, допускающую сомнѣнія въ чистыхъ намѣреніяхъ.

На это и дворяне, и солдаты вскричали:

— Да здравствуетъ принцъ! Да здравствуетъ Оранскій, другъ отечества.

И въ гулѣ ихъ голосовъ слышалась угроза всякой неправдѣ.

И принцъ, указывая на тѣла, сказалъ:

— Погребите ихъ по-христіански.

— А какъ поступите со мною, вѣрнымъ человѣчишкой? Если худо я поступилъ, прикажите стегать меня, если хорошо—вознаградите.

Тогда снова заговорилъ Молчаливый и сказалъ:

— Дать этому мушкетеру въ моемъ присутствіи за дерзостное презрѣніе ко всякой дисциплины, за то, что безъ приказанія убилъ двухъ дворянъ, пятьдесятъ розогъ. И выдать ему также тридцать флориновъ за бдительную службу!

— Всемилостивѣйшій государь, пусть мнѣ дадутъ раньше тридцать флориновъ, я легче выдержу затѣмъ пятьдесятъ розогъ.

— Да, да,—охалъ Ламъ Гудзакъ, дайте ему сперва тридцать флориновъ, остальное онъ легче выдержитъ.

— А кромѣ того,—продолжалъ Уленшпигель,—душа моя

чиста, и мнѣ не требуется очищенія ни березовой кашей, ни кизилевой взбучкой.

— Да,—снова охалъ Ламъ Гудзакъ,—Уленшпигелю не нужно ни березовой каши, ни кизилевой взбучки, у него душа чистая, не мойте ее, господа, не мойте!!

Уленшпигель получилъ тридцать флориновъ, потомъ судья приказалъ экзекутору расправиться съ нимъ.

— Поглядите на него, господа многомилостивые, — заступался Ламъ,—какое у него жалкое лицо. Мой другъ Уленшпигель совсѣмъ не любитъ никакихъ древъ.

— Нѣтъ люблю,—возразилъ Уленшпигель,—глядѣть на прекрасный ясень, богато одѣтый листвою, когда онъ растетъ на солнцѣ во всей своей прирожденной зелености. Но я до смерти ненавижу безобразные свѣжіе прутья, брыжжущіе еще сокомъ. Они оторваны отъ своихъ сучковъ, на нихъ нѣтъ ни листьевъ, ни вѣтокъ, видъ у нихъ свирѣпый и крѣпко-крѣпко связаны они.

— Ну, ты готовъ?—освѣдомился судья.

— Готовъ,—повторилъ Уленшпигель,—на что готовъ? Чтобъ меня высѣкли? Нѣтъ, на это я совсѣмъ не готовъ и не желаю быть высѣченнымъ, господинъ экзекуторъ. Рыжая у васъ борода и видъ у васъ страшный, но я увѣренъ, что сердце у васъ доброе, и вамъ нежелательно утруждать бѣднаго человѣка. Долженъ вамъ сказать, что не люблю я ни глядѣть на эту расправу, ни участвовать въ ней. Поясница христіанина—священный храмъ. И заключаетъ этотъ храмъ, какъ и человѣческая грудь, легкія, которыми мы вдыхаемъ въ себя воздухъ милосерднаго Господа. Какими муками угрызеній терзалась бы ваша совѣсть, если бы вы мнѣ ихъ разбили ударомъ палки.

— Живѣй, пошевеливайся,—понуждалъ его экзекуторъ.

— Всемилостивѣйшій государь,—обратился Уленшпигель къ принцу,—право же это не къ спѣху, повѣрьте мнѣ. Нужно бы раньше просушить розги, ибо говорятъ, что свѣжія лозы, врѣзавшись въ тѣло, могутъ отравить человѣка. Неужели вашему высочеству пріятно было бы, чтобы померъ я такой лютой смертью? Всемилостивѣйшій государь, вѣрна моя выя въ услугахъ вашему высочеству. Прикажите наказать меня сухими розгами, велите бичевать, но избавьте отъ наказанія зелеными лозами.

— Принцъ, помилуйте его,—заговорили одновременно господа Гугстритенъ и Дидрихъ де Шуненбергъ. Прочіе сострадательно улыбались.

Ламъ въ свою очередь высказался:

— Всемилостивѣйшій государь, всемилостивѣйшій государь, помилуйте его! Зеленый лозникъ—чистый ядъ.

Тогда принцъ промолвилъ:

— Милую.

Уленшпигель на радостяхъ подпрыгнулъ нѣсколько разъ, хлопнулъ Лама по животу и, подзадоривая его къ танцамъ, сказалъ:

— Славь со мною всемилостивѣйшаго государя, онъ спасъ меня отъ зеленыхъ лозъ.

И Ламъ пытался танцовать, но, благодаря своей толстотѣ, не могъ.

И Уленшпигель угостилъ его ѣдой и выпивкой.

XII.

Герцогъ не желалъ вступать въ битву и безъ отдыха тревожилъ Молчаливаго, блуждавшаго по равнинѣ между Юлихомъ и Маасомъ, измѣрявшаго въ разныхъ мѣстахъ рѣку: въ Гонтѣ, Мехельнѣ, Эльзенѣ, Мерзенѣ. И всюду рѣка была полна капкановъ, разсчитанныхъ на то, чтобы поранить людей и лошадей, если они захотятъ переходить въ бродъ.

Въ Стокемѣ зондировщики не нашли ловушекъ въ рѣкѣ. Принцъ приказалъ переправляться. Рейтары перешли Маасъ и выстроились въ боевомъ порядкѣ на другомъ берегу, прикрывая переправу со стороны льежскаго епископства. Затѣмъ, черезъ всю рѣку, потянулись другъ за другомъ десять рядовъ лукистовъ и мушкетеровъ, среди которыхъ находился и Уленшпигель.

Вода доходила ему до ляшекъ, а иногда предательская волна подхватывала его вмѣстѣ съ лошадью.

Онъ наблюдалъ пѣхотинцевъ, переправлявшихся съ мѣшечками пороху на головныхъ уборахъ и съ приподнятыми мушкетами. Потомъ двигались фуры и длинныя дроги, нестроевая рота, запальщики, недальнобойныя пушки, соколы, соколёнки, снова пушки различныхъ калибровъ и сортовъ, влекомыя парой лошадей, могущихъ въ случаѣ необходимости пуститься вскачь, пушки, очень похожія на извѣстныя подъ названіемъ «императорскихъ пистолетовъ». За ними, въ хвостѣ, служа прикрытіемъ, слѣдовали фламандскіе ландскнехты и рейтары.

Уленшпигель разыскивалъ чего-нибудь согрѣвающаго.

Стрѣлокъ изъ лука Ризенкрафтъ, нѣмецъ-южанинъ, человѣкъ худощавый, свирѣпый и гигантъ, храпѣлъ рядомъ съ нимъ на своемъ конѣ и обдавалъ спиртнымъ запахомъ. Уленшпигель сталъ искать бутылки на крупѣ лошади стрѣлка и отыскалъ ее. Она была привязана веревочкой къ портупеѣ. Онъ перерѣзалъ

веревочку, взялъ бутылку, съ удовольствіемъ пригубилъ. Стрѣлки-товарищи обращались къ нему:

— Передай намъ.

Передалъ. Когда вино выпили, опять привязалъ бутылку и хотѣлъ положить ее на грудь солдату. Только что хотѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какъ Ризенкрафтъ проснулся. Взявшись за бутылку, онъ хотѣлъ-было подоить свою коровку. Но, убѣдившись, что та больше не даетъ молока, сильно разсердился.

— Воръ,—загорячился онъ,—куда ты дѣвалъ мою водку?

Уленшпигель признался:

— Я ее выпилъ. Среди промокшихъ наѣздниковъ вино одного—общее достояніе. Злой скряга тотъ, кто этого не признаетъ.

— Завтра на бранномъ полѣ я порублю твою говядину,—возразилъ Ризенкрафтъ.

— Что жъ, порубимся, — согласился Уленшпигель,—порубимъ головы, руки, ноги и все прочее. Но отчего у тебя такая кислая рожа? Не отъ запора ли?

— Отъ запора,—отвѣтилъ Ризенкрафтъ.

— Тогда тебѣ не битьё нужно, а слабительное,—прибавилъ Уленшпигель.

Рѣшили сойтись на поединокъ на слѣдующій день, верхами и въ такихъ доспѣхахъ, въ какихъ кому угодно будетъ, и поскоблить немного жиру другъ съ друга короткими и кривыми саблями.

Уленшпигель просилъ замѣнить для него саблю палкой и ему разрѣшили эту замѣну.

Между тѣмъ всѣ солдаты перешли рѣку и выстроились по командѣ своихъ начальниковъ, десять рядовъ стрѣльцовъ-лукистовъ тоже переправились.

И Молчаливый сказалъ:

— Двигаемся на Льежъ!

Уленшпигель возликовалъ и вмѣстѣ со всѣми фламандцами воскликнулъ:

— Многія лѣта Оранскому,—идемъ на Льежъ!

Но иностранцы, именно нѣмцы-южане, заявили, что они слишкомъ хорошо вымыты и выполосканы, а потому отказываются итти немедленно. Напрасно принцъ увѣрялъ, что ведетъ ихъ на вѣрную побѣду, въ дружественный городъ, они ничего не хотѣли слушать, разложили большіе костры и стали обсушиваться вмѣстѣ съ конями,носнимавъ съ нихъ шоры.

Нападеніе на городъ было отложено на слѣдующій день

послѣ того, какъ Альба, изумленный смѣлой переправой, узналъ черезъ своихъ шпіоновъ, что солдаты Молчаливаго не были еще готовы къ атакѣ.

Въ отвѣтъ на это извѣстіе герцогъ угрожалъ Льежу и всѣмъ сосѣднимъ округамъ огнемъ и кровью, если только сторонники принца посмѣютъ шелохнуться. Жераръ де Гроссбеке, епископскій полицейскій, вооружилъ своихъ стражниковъ противъ принца, который, по винѣ нѣмцевъ-южанъ, убоявшихся воды въ своихъ панталонахъ, прибылъ слишкомъ поздно.

XIII.

Уленшпигель и Ризенкрафтъ взяли секундантовъ. Тѣ объявили, что дуэлянты будутъ драться пѣшими и до тѣхъ поръ, пока, если того пожелаетъ побѣдитель, одинъ изъ нихъ не падетъ мертвымъ: таковы, молъ, условія Ризенкрафта.

Мѣстомъ поединка было выбрано мѣстечко, поросшее верескомъ.

Съ утра уже Ризенкрафтъ облачился въ свое форменное одѣяніе стрѣлка изъ лука. Одѣлъ шлемъ съ латнымъ нагрудникомъ, но безъ забрала, и стальную, плетёную сорочку-безрукавку. Другую, обыкновенную сорочку разорвалъ на лоскутья и подоткнулъ подъ шлемъ на всякій случай, если понадобится корпія. Вооружился лукомъ изъ арденскихъ лѣсовъ, колчаномъ съ тридцатью стрѣлами, длиннымъ кинжаломъ вмѣсто обычнаго тяжелаго меча лукиста и явился на мѣсто поединка на своемъ ратномъ конѣ, на военномъ сѣдлѣ. Конь его былъ весь въ желѣзныхъ латахъ съ наглавникомъ, съ перьями.

Уленшпигель соорудилъ себѣ дворянское вооруженіе. Ратнаго коня замѣнялъ ему оселъ. Сѣдло—юбка дѣвицы легкаго поведенія. Ослиный наглазникъ былъ ивовымъ и украшеннымъ покачивающимися стружками. Его латы представляли толстый кусокъ сала, въ виду того, что «желѣзо дорого стоитъ», нѣ стали «за дороговизной приступиться нельзя», а «изъ мѣди за последніе дни надѣлали столько пушекъ, что ея теперь нехватаетъ на то, чтобъ снарядить, какъ слѣдуетъ, кролика въ битву». Вмѣсто головного убора онъ украсился прекраснымъ салатомъ, не тронутымъ еще улитками. Надъ салатомъ возвышалось лебединое перо для того, чтобы лебедь спѣлъ надъ нимъ лебединую пѣсню, когда онъ скончается.

Его сабля, кривая и легкая, была ничѣмъ инымъ, какъ хорошей, длинной, толстой сосновой палкой, съ зеленой метелкой изъ сосновыхъ же вѣтвей на концѣ. По лѣвую сторону его сѣдла

свисалъ его ножъ, тоже деревянный. Съ праваго бока покачивалось самбуковая булава съ рѣпой вмѣсто головки. Его кирасса вся была воплощеніемъ всяческихъ недостатковъ.

Когда онъ въ такомъ видѣ показался на полѣ битвы, то секунданты Ризенкрафта покатились со смѣха, но самъ, затѣявшій дуэль, сохранялъ неизмѣнной кислую мину.

Тогда секунданты Уленшпигеля обратились къ секундантамъ Ризенкрафта съ просьбой, чтобы нѣмецъ снялъ свое стальное и желѣзное вооруженіе на томъ, молъ, основаніи, что Уленшпигель вооружился лишь тряпьемъ. Ризенкрафтъ на это согласился. Секунданты Ризенкрафта въ свою очередь освѣдомились у секундантовъ Уленшпигеля, почему тотъ вооружился метлой. Имъ былъ данъ отвѣтъ:

— Вы предоставили мнѣ выбрать палку и не запретили забавляться листвой.

— Ну что жъ, поступай какъ знаешь,—отвѣтили четверо секундантовъ.

Ризенкрафтъ не проронилъ ни слова и сбивалъ своей саблей жидкіе побѣги вереска.

Секунданты предложили ему замѣнить, по примѣру Уленшпигеля, саблю палкой.

Онъ возразилъ:

— Если этотъ бездѣльникъ по собственной своей волѣ выбралъ такое необыкновенное оружіе, то, вѣроятно, потому, что надѣется имъ отстоять свою жизнь.

Уленшпигель подтвердилъ вторично свое желаніе пользоваться метлой. Четверо секундантовъ заявили, что все обстоитъ благополучно.

Оба дуэлянта были налицо: Ризенкрафтъ на лошади въ желѣзныхъ латахъ, Уленшпигель на осликѣ въ латахъ, представлявшихъ кусокъ сала.

Уленшпигель выѣхалъ на середину поля. Держа свою метлу на манеръ пики, онъ заговорилъ:

— По-моему хуже чумы, проказы и смерти—противная дрянь, которая въ лагерѣ, среди товарищей-солдатъ, только и думаетъ о томъ, чтобы всюду шататься съ кислой рожей и слюнявымъ отъ злости ртомъ. Гдѣ ни покажется эта дрянь, вездѣ исчезаетъ смѣхъ и замолкаетъ пѣсня. Подобному противному отродью требуется либо постоянно браниться, либо драться. И вотъ наряду съ законной битвой, защитой отечества, они затѣваютъ дуэли. И этотъ бой—разруха арміи, радость врагу. Ризенкрафтъ, здѣсь присутствующій, за пустое слово истребитъ два десятка

человѣкъ, а ни въ битвѣ, ни въ стычкѣ никогда не проявитъ ни чрезвычайнаго мужества, ни храбрости, заслуживающей награды. И вотъ сегодня съ какимъ удовольствіемъ я поглажу противъ шёрстки этого угрюмаго и ворчливаго пса.

Ризенкрафтъ возразилъ:

— Эта пьяница нагородила здѣсь турусовъ на колесахъ о злоупотребленіяхъ дуэлями. Съ удовольствіемъ я раскрою ему сегодня голову и всякій увидитъ, что набита она не мозгами, а сѣномъ.

Секунданты принудили ихъ сойти съ животныхъ. Слѣзая Уленшпигель уронилъ съ головы салатъ, осликъ поторопился подобрать упавшіе листья, но ему помѣшалъ сдѣлать это ударъ ноги секунданта, желавшаго удалить животное съ поля битвы. Точно также секундантъ поступилъ и по отношенію къ лошади. И оба животныхъ удалились вмѣстѣ пастись въ другое мѣсто.

Тогда секунданты, съ метлой—Уленшпигеля, и съ саблей—Ризенкрафта, свистнули въ знакъ сигнала къ началу боя.

И Ризенкрафтъ и Уленшпигель вступили въ неистовый бой. Ризенкрафтъ рубилъ своей саблей, Уленшпигель отражалъ удары своей метелкой. Ризенкрафтъ, наступая, бранился всѣми чертями. Уленшпигель, отступая, уклонялся въ стороны, описывалъ по вереску круги, зигзаги, показывалъ языкъ и строилъ всевозможныя гримасы Ризенкрафту, который, словно разъярившійся въ битвѣ вояка, задыхался и билъ куда попало по воздуху своей саблей. И вотъ Уленшпигель, почувствовавъ его совсѣмъ близко отъ себя, вдругъ оборотился и нанесъ ему сильный ударъ по носу метелкой. Ризенкрафтъ упалъ плашмя, вытянувъ руки и ноги наподобіе лягушки при послѣднемъ издыханіи.

Уленшпигель бросился на противника и принялся тереть по его лицу метелкой, водя ею по шерсти и противъ шерсти, безъ всякой жалости.

— Кричи: «Смилуйся!» или же я заставлю тебя съѣсть мою метелку.

И онъ продолжалъ, не переставая, тереть его ею, къ большому удовольствію присутствующихъ, и приговаривать:

— Кричи: «Смилуйся!» или ты проглотишь у меня метелку!

Но Ризенкрафтъ не могъ кричать: отъ безудержной ярости онъ умеръ.

— Господи, пріими душу несчастнаго злюки,—промолвилъ Уленшпигель.

И, въ печальномъ настроеніи, удалился.

XIV.

Стоялъ конецъ октября. Принцъ нуждался въ деньгахъ, армія его голодала. Солдаты перешоптывались. Онъ двинулся въ направленіи къ Франціи, предоставивъ завязывать сраженіе герцогу, который и не думалъ вступать въ битву.

Между Кеснуа [1]) и Камбрези онъ повстрѣчался съ двумя ротами нѣмцевъ, восьмью испанскими эшелонами и тремя отрядами легкой конницы, подъ командой дона Руффела Генрика, сына герцога, находившагося въ центрѣ завязавшейся битвы и кричавшаго по-испански:

— Убивай, убивая, не жалѣй! Да здравствуетъ папа!

Донъ Генрикъ находился противъ роты мушкетеровъ, въ которой Уленшпигель былъ десятникомъ, и устремился на нихъ. Уленшпигель обратился къ ротному командиру и сказалъ:

— Хочется мнѣ языкъ отрѣзать этому разбойнику.

— Что жъ, отрѣжь!—промолвилъ ротный.

И Уленшпигель ловко пущенной пулей на куски разсѣкъ языкъ и раздробилъ челюсть дона Руффела Генрика, герцогскаго сына.

Уленшпигель сбилъ также съ лошади сына маркиза Дельмаре.

Восемь эшелоновъ, три отряда легкой конницы были разбиты.

Послѣ этой побѣды Уленшпигель искалъ Лама на полѣ, но не нашелъ его.

— Эхъ! Вотъ и ушелъ мой другъ Ламъ, мой толстый другъ! Набравшись военнаго пыла, онъ, чего добраго, позабывъ увѣсистость своего живота, еще пустится по пятамъ за бѣжавшими испанцами и бездыханнымъ падетъ, словно мѣшокъ, въ дорогѣ. И они его подберутъ и возьмутъ выкупъ за христіанскій жиръ. Гдѣ ты, мой другъ Ламъ, гдѣ ты, мой жирный другъ?!

Уленшпигель искалъ его повсюду, не находилъ нигдѣ и грустилъ.

XV.

Въ ноябрѣ, мѣсяцѣ снѣжныхъ бурь, Молчаливый вытребовалъ къ себѣ Уленшпигеля. Принцъ покусывалъ слегка завязку своей кольчуги.

— Слушай и понимай,—промолвилъ онъ:

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Мои уши—тюремныя ворота; легко въ нихъ войти, выйти—дѣло нелегкое.

---

[1]) Близъ Лилля. *Прим. перев.*

Молчаливый продолжалъ:

— Пройди по Намюру, Фландріи, Эно, Южному-Брабанту, Антверпену, Сѣверному-Брабанту, Гельдерну, Оверисселю, сѣверной Голландіи и всюду заявляй, что если намъ, нашему христіанскому и святому дѣлу, не везетъ на сушѣ, то борьба будетъ продолжаться на морѣ противъ всякой неправды. Богъ, въ счастьи и несчастьи, всегда направляетъ наше дѣло. Когда доберешься до Амстердама, отдашь отчетъ во всемъ, что говорилъ и дѣлалъ преданному мнѣ человѣку Полю Бійсу. Вотъ тебѣ три пропуска, подписанные самимъ Альбой, найденные на трупахъ къ Кеснуа. Мой секретарь ихъ уже заполнилъ. Можетъ быть повстрѣчается тебѣ въ дорогѣ попутчикъ, которымъ ты будешь гордиться. Хорошъ тотъ, кто раннему пѣнію жаворонка отвѣчаетъ воинственнымъ пѣтушинымъ рожкомъ. Вотъ пятьдесятъ флориновъ. Будь смѣлъ и вѣренъ.

— Прахъ родительскій бьется на сердцѣ у меня,—отвѣтилъ Уленшпигель и вышелъ.

XVI.

Благодаря разрѣшенію короля и герцога ему предоставлялось право по своему вкусу носить всякаго рода оружіе. Онъ взялъ свой добрый дальнобойный мушкетъ, пуль и сухого пороху. Затѣмъ, облекшись въ изорванный плащъ, дырявую куртку и такіе же панталоны на испанскій фасонъ, надѣвъ на голову беретъ съ развѣвающимся по вѣтру перомъ и опоясавшись мечомъ, покинулъ армію недалеко отъ французской границы и двинулся по Мастрихту.

Птицы-царьки, вѣстницы холода, летали вокругъ жилья, прося убѣжища. Третій день шелъ снѣгъ.

Не разъ въ пути приходилось Уленшпигелю показывать свою подорожнюю, и его пропускали. Направлялся въ Льежъ.

Онъ вступилъ въ ложбину; сильный вѣтеръ дулъ ему въ лицо снѣжной вьюгой. Впереди простиралась побѣлѣвшая равнина и крутившіеся вихри мятели. Три волка шло за нимъ, но онъ изъ своего мушкета подстрѣлилъ одного изъ нихъ. Тогда другіе бросились на раненаго и, растерзавъ того, умчались въ лѣсъ, унеся съ собой по куску погибшаго.

Уленшпигель былъ спасенъ. Оглядѣвшись вокругъ, нѣтъ ли еще гдѣ-нибудь волчьей стаи, онъ увидѣлъ въ концѣ поляны какія-то черныя двигающіяся точки и за этими точками черные силуэты солдатъ-кавалеристовъ. Взлѣзъ на дерево. Вѣтеръ донесъ къ нему отдаленный шумъ жалобныхъ причитаній. «Быть

можетъ это пилигримы въ бѣлыхъ одеждахъ; я съ трудомъ примѣчаю на снѣгу ихъ тѣла». Потомъ различилъ бѣжавшихъ босикомъ людей и увидалъ двухъ рейтаровъ, черныя шоры. Сидя на своихъ рослыхъ коняхъ, они гнали передъ собою кнутами бѣдное людское стадо. Онъ взялся за свой мушкетъ. Увидалъ среди этихъ несчастныхъ голыхъ, дрожащихъ отъ стужи, молодыхъ людей и съежившихся и бѣгущихъ стариковъ. Они бѣжали, желая избавиться отъ ударовъ кнутомъ двухъ солдатъ, тепло одѣтыхъ, красныхъ отъ выпитаго вина и сытости, которымъ доставляло удовольствіе полосовать голыхъ людей и заставлять ихъ бѣжать пошибче.

Уленшпигель вслухъ промолвилъ:

— Будетъ отмщенъ прахъ Класа.

И убилъ пулей въ лицо одного рейтара, и тотъ свалился съ своей лошади. Другой же, не зная откуда взялась эта нежданная пуля, испугался. Полагая, что въ лѣсу спрятались враги, онъ хотѣлъ скрыться съ лошадью своего спутника. Поймавъ ее за поводъ, сталъ слѣзать съ своего коня, чтобы ограбить мертвеца, но тутъ другая пуля поразила его въ шею, и онъ тоже палъ.

Голые люди, думая, что ангелъ съ неба, въ видѣ добраго мушкетера, явился къ нимъ на помощь, опустились на колѣни. Тогда Уленшпигель слѣзъ съ своего дерева и былъ узнанъ тѣми изъ толпы, кто служилъ въ арміи принца. Они ему сказали:

— Уленшпигель, насъ изъ Франціи въ такомъ жалкомъ состояніи отправили въ Мастрихтъ къ герцогу, чтобы онъ поступилъ съ нами, какъ съ бунтарями-арестантами. Бунтарство же наше заключается въ томъ, что мы не можемъ заплатить за себя выкупа, и поэтому насъ уже заранѣе обрекли на пытки, четвертованія и на отправку на каторгу, точно воровъ и негодяевъ.

Уленшпигель отдалъ свое верхнее платье самому старому изъ толпы и обнадежилъ.

— Идемте, я васъ отведу до Мезвера, но сначала нужно обыскать этихъ двухъ солдатъ и увести ихъ лошадей.

Солдатскія куртки, панталоны, сапоги, шапки и кирассы раздѣлили между самыми слабыми и больными, и Уленшпигель сказалъ:

— Войдемте въ лѣсъ, въ чащу, тамъ теплѣе. Ну-ка рысцой, мои милые!

Вдругъ упалъ человѣкъ и промолвилъ:

— Мнѣ холодно и голодно и сейчасъ я предстану предъ Господомъ и буду свидѣтельствовать, что папа — антихристъ на землѣ.

И онъ умеръ. И прочіе хотѣли его унести съ собою, чтобъ похоронить по-христіански.

И когда они такъ, съ мертвымъ тѣломъ, плелись по дорогѣ, повстрѣчался имъ крестьянинъ на повозкѣ, обтянутой холстомъ. При видѣ голыхъ людей онъ сжалился и предложилъ имъ сѣсть въ его фуру. Они нашли въ ней сѣно, служившее сидѣньемъ и пустые мѣшки для покрышки. Согрѣвшись немного, несчастные возблагодарили Бога. Уленшпигель рядомъ съ повозкой ѣхалъ верхомъ на рейтарскомъ конѣ, а другого держалъ на поводу.

Въ Мезьерѣ они остановились. Тамъ имъ дали хорошаго супу, пива, хлѣба, сыру, а старикамъ и женщинамъ—и говядины. Ихъ пріютили, одѣли и снова вооружили на общественный счетъ. И всѣ они обнимали и благословляли Уленшпигеля, и тотъ съ радостью принималъ эти объятія и благословленія.

Онъ продалъ лошадей убитыхъ рейтаровъ за сорокъ восемь флориновъ, изъ которыхъ тридцать отдалъ французамъ.

Бродя въ одиночествѣ, онъ мысленно говорилъ себѣ: «Въ морѣ крови и слезахъ, разрушеньяхъ и смертяхъ» пролегаетъ мой путь, но ничего не нахожу я. Должно быть бѣсы меня обманули тогда. Гдѣ Ламъ? Гдѣ Нель? Гдѣ Семеро?

И прахъ Класа снова забился на его груди. И онъ услыхалъ тихій-тихій, какъ дыханье, голосъ:

«Въ смерти, разрушеньи и слезахъ ищи!».

И онъ шествовалъ дальше.

XVII.

Въ мартѣ прибылъ Уленшпигель въ Намюръ. Тамъ онъ увидался съ Ламомъ. Тотъ, большой охотникъ до мааской рыбы, въ особенности же до форели, нанялъ барку и ловилъ въ рѣкѣ съ общественнаго разрѣшенія. За это онъ долженъ былъ заплатить рыбному цеху пятьдесятъ флориновъ.

И продавалъ и ѣлъ свою рыбу, и подправилъ этимъ ремесломъ свой животъ и заработалъ еще мѣшочекъ короловъ.

Онъ увидалъ, какъ его другъ и товарищъ, направляясь въ городъ, шелъ по берегу Мааса, увидалъ и, обрадовавшись, причалилъ къ берегу и, не безъ одышки, взобравшись на крутой берегъ, подошелъ къ Уленшпигелю. Отъ радости заикаясь, проговорилъ:

— Вотъ и ты, сынокъ мой во Христѣ, ибо въ моихъ брюшныхъ сводахъ помѣстятся двое такихъ, какъ ты. Куда ты идешь? Чего ты хочешь? Ты еще не умеръ, оказывается? Видалъ ты мою жену? Ты отвѣдаешь маасской рыбки, лучшей, какая есть на свѣтѣ. Изъ нея выходитъ соусъ—пальчики до плечъ оближешь. Ты—гордъ и прекрасенъ, на лицѣ твоемъ печать битвъ... Опять ты со мной, мой сынокъ, мой другъ Уленшпигель, веселый бродяга.

Потомъ, понизивъ голосъ, поинтересовался:

— Сколько убилъ испанцевъ? Не видалъ ли ты моей жены на телѣгѣ вмѣстѣ съ патаскушками? А вино маасское хорошо для людей, страдающихъ запоромъ, ты его попробуешь. Не раненъ ли ты, сыночекъ? Нѣтъ, ты все такой же свѣженькій, проворный, легкій, точно молодой орленокъ. Отвѣдаешь ты у меня и угрей. Нѣтъ у нихъ ни малѣйшаго привкуса болота. Поцѣлуй меня, мой пузанчикъ. Праздниковъ праздникъ! Какъ же я радъ!!

И Ламъ танцовалъ, прыгалъ, пыхтѣлъ и принудилъ Уленшпигеля плясать.

Затѣмъ они двинулись къ Намюру. У городскихъ воротъ Уленшпигель показалъ свое проходное свидѣтельство, подписанное герцогомъ. И Ламъ проводилъ его къ себѣ домой.

За варкой обѣда онъ заставилъ пріятеля разсказать свои похожденія и разсказалъ тому свои. Оставилъ армію принца ради дѣвушки легкаго поведенія, которую принялъ за свою жену. За ней гнался до самого Намюра. И безпрестанно онъ приговаривалъ:

— Не видалъ ли ты ее?

— Видѣлъ другихъ, очень красивыхъ, именно въ этомъ городѣ, въ которомъ каждая влюблена.

— И въ самомъ дѣлѣ,—согласился Ламъ,—меня ужъ сто разъ здѣсь ловили, но я остался вѣрнымъ своей супругѣ, ибо мое скорбящее сердце полно одними воспоминаніями.

— Полно, какъ твое брюшко разными кушаньями,—прибавилъ Уленшпигель.

Ламъ пояснилъ:

— Когда у меня тоска, мнѣ необходимо ѣсть.

— А она тебя все время не отпускаетъ?—сочувственно освѣдомился Уленшпигель.

— Къ сожалѣнію да,—отвѣтилъ Ламъ и вытащилъ изъ миски форель.

— Погляди,—сказалъ онъ,—какая она красивая и плотная. Мясо у нея розовое, какъ у моей жены. Завтра мы покинемъ Намюръ, у меня мѣшечекъ полонъ флориновъ, мы купимъ себѣ по ослику и уѣдемъ во Фландрію.

— Ты будешь въ большихъ убыткахъ.

— Ничего. Сердце мое тянетъ въ Дамъ, тамъ она меня очень любила. Можетъ быть, теперь уже воротилась туда.

— Хорошо. Если ты хочешь, завтра же и отправимся.

И, дѣйствительно, они отправились верхомъ рядомъ, каждый на своемъ осликѣ.

XVIII.

Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Солнце, съ утра ясное, словно молодость, къ вечеру туманилось, какъ старость. Падалъ дождь съ градомъ.

Когда дождь пересталъ, Уленшпигель, встряхнувшись, промолвилъ:

— Небо вбираетъ въ себя столько влаги, что отъ времени до времени должно облегчаться.

Сильнѣе пошелъ градъ и билъ по обоимъ товарищамъ. Ламъ охалъ:

— Насъ уже вымыло, а теперь понадобилось еще и прополоскать.

Выглянуло солнышко, и они поѣхали веселѣе.

Снова пошелъ градъ такой сильный, что, точно ножомъ, обрубалъ сухіе сучья на деревьяхъ.

Ламъ приговаривалъ:

— Охъ, укрыться бы куда-нибудь! Бѣдная моя женушка! Гдѣ ты, тепло домашняго очага, сладкіе поцѣлуи и жирные супы!

И онъ, этотъ толстый мужчина, плакалъ.

Уленшпигель его уговаривалъ:

— Мы сокрушаемся, но не сами ль мы виноваты во всѣхъ своихъ бѣдахъ? Сейчасъ дождь мочитъ наши плечи, но благодаря этому самому дождю зацвѣтетъ въ маѣ клеверъ. И коровы замычатъ на радостяхъ. У насъ нѣтъ пристанища, но почему мы не женимся? Т.-е., я хочу сказать, почему бы мнѣ не жениться на малюткѣ Нель? Она такая красивая и добрая, готовила бы великолѣпно для меня душеное мясо съ бобами. А теперь вода льется ручьями, а намъ пить хочется. И почему мы не сдѣлались осѣдлыми рабочими? У нашихъ сверстниковъ, у тѣхъ, кто сами подѣлались хозяевами, давно въ погребахъ бочки, полныя *брюинбира*.

Прахъ Класа забился у него на сердцѣ, въ небѣ посвѣтлѣло, засвѣтило солнце, и Уленшпигель сказалъ:

— Солнце-батюшка, благодарствуемъ, вы пригрѣваете нашу плоть. Прахъ Класа, ты согрѣваешь наше сердце и говоришь намъ, что благословенны ищущіе освобожденія земли родной.

— Я голоденъ,—промолвилъ Ламъ.

XIX.

Они заѣхали въ гостиницу. Тамъ имъ подали ужинъ въ высокой горницѣ. Уленшпигель раскрылъ окно, увидалъ въ саду миловидную, полную дѣвушку, съ высокой грудью, съ золотистыми волосами; она была въ одной юбкѣ, бѣлой полотняной кофточкѣ и въ черномъ, полотняномъ же, дырявомъ передникѣ,

Сорочки и другое женское бѣлье бѣлѣло на шнурахъ. Дѣвушка, постоянно поворачиваясь лицомъ къ Уленшпигелю, снимала сорочки, снова ихъ развѣшивала; часто поглядывала на него и, улыбаясь, садилась на подвѣшенный къ веревкѣ узелъ съ бѣльемъ и качалась.

Уленшпигель услыхалъ пѣніе сосѣдняго пѣтуха и увидалъ кормилицу съ ребенкомъ, котораго та поворачивала лицомъ къ стоявшему возлѣ мужчинѣ и говорила:

— Белкэнъ, сдѣлай папашѣ глазки.

Ребенокъ плакалъ.

А миловидная дѣвушка продолжала прогуливаться за оградой, снимала и перевѣшивала бѣлье.

— Это—шпіонка,—промолвилъ Ламъ. Дѣвушка поднесла руки къ глазамъ и, улыбаясь сквозь пальцы, глядѣла на Уленшпигеля.

Потомъ, приподнявъ свои обѣ груди обѣими руками, она дала имъ опасть и снова стала качаться, закручивая веревку, такъ что ноги ея не касались земли. И узелъ съ бѣльемъ, раскручиваясь, заставлялъ ее вертѣться волчкомъ, и Уленшпигель видѣлъ ея голыя до плечъ руки; въ матовомъ свѣтѣ зимняго солнца плечи были круглы и бѣлы. Она вертѣлась, улыбалась и то и дѣло поглядывала на него. Онъ вышелъ, желая пройти къ ней. Ламъ пошелъ за нимъ. Уленшпигель искалъ лазейки въ заборѣ, но не нашелъ.

Дѣвушка, при видѣ этой попыткѣ, снова съ улыбкой посмотрѣла сквозь пальцы.

Уленшпигель попытался перелѣзть черезъ заборъ, но Ламъ удерживалъ его и говорилъ:

— Не ходи туда, это—шпіонка, насъ спалятъ.

Дѣвушка продолжала разгуливать за оградой, закрыла лицо фартукомъ и сквозь дыры глядѣла, выжидая, скоро ль ея случайный другъ къ ней придетъ.

Уленшпигель чуть было однимъ прыжкомъ не перескочилъ черезъ заборъ, но Ламъ схвативъ его за ногу, заставилъ оборваться и твердилъ:

— Веревка, мечъ, висѣлица... Это—шпіонка, ни за что не ходи туда.

Сидя на землѣ, Уленшпигель вырывался отъ него. Дѣвушка кричала, заглядывая поверхъ забора.

— Прощайте, милостивый государь. Ваше великодушіе повисло въ воздухѣ, богъ любви его удерживаетъ.

И онъ услыхалъ взрывъ насмѣшливаго хохота.

— Ахъ, этотъ хохотъ для моего слуха, словно уколы цѣлой связки булавокъ въ уши!

Затѣмъ шумно захлопнулась дверь.

И онъ опечалился.

Ламъ, все еще удерживая его, сказалъ ему:

— Ты высчитываешь теперь, сколько дивныхъ и сладкихъ сокровищъ женской красоты потеряно для тебя къ стыду твоему. Но, это—шпіонка. А падать ты умѣешь. Какъ вспомню, какъ ты шлепнулся, готовъ лопнуть отъ смѣха.

Уленшпигель не произнесъ ни слова, и оба сѣли на своихъ осликовъ.

XX.

Они ѣхали рядомъ, небрежно раскинувъ въ разныя стороны ноги.

Ламъ переваривалъ свою ѣду, съ удовольствіемъ вдыхая свѣжій воздухъ. Вдругъ Уленшпигель со всей силы полоснулъ его кнутомъ по сидѣнью, на сѣдлѣ осталась полоса.

— Что ты дѣлаешь!—жалобно воскликнулъ Ламъ.

— Что?—переспросилъ Уленшпигель.

— Что хлещешь кнутомъ!—продолжалъ Ламъ.

— Какимъ кнутомъ?

— Да тѣмъ самымъ, что меня полоснулъ,—настаивалъ Ламъ.

— Съ лѣвой стороны, да?—спросилъ Уленшпигель.

— Да, съ лѣвой и по моему сидѣнью. Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, разбойникъ ты, скандалистъ?

— Изъ любопытства и по невѣдѣнію сдѣлалъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Я очень хорошо знаю, что такое кнутъ, знаю также, что такое человѣческое сидѣнье, когда оно помѣщается на сѣдлѣ. Но я еще никогда не видывалъ такого широкаго, раздутаго, перевисающаго за сѣдло. И вотъ я сказалъ себѣ: такое сидѣнье невозможно ущипнуть пальцами, вѣроятно не проймешь его и кнутомъ. Но, какъ видно, я ошибся.

Ламъ усмѣхнулся на подобныя объясненія. Уленшпигель же продолжалъ:

— Но не мнѣ одному на этомъ свѣтѣ случается грѣшить по невѣдѣнію.

Найдется много дураковъ-хозяевъ, разъѣзжающихъ на ослихахъ и выставляющихъ на-показъ свой жиръ, которые въ этомъ отношеніи дадутъ мнѣ впередъ много очковъ. Если мой кнутъ согрѣшилъ передъ твоимъ сидѣньемъ, то ты виноватъ передъ моими ногами: помѣшалъ мнѣ перескочить къ дѣвочкѣ, которая заигрывала со мною изъ сада.

— Ахъ заклюй тебя вороны!—вспыхнулъ Ламъ.—Такъ это, значитъ, ты мнѣ мстилъ.

— Немножечко,—согласился Уленшпигель.

XXI.

Въ Дамѣ Нель, тоскуя, жила въ одиночествѣ съ Катлиной, продолжавшей любовно призывать дьявола, который не являлся.

— Ахъ, миленькій мой Ганскэ, ты—богатый, и можешь воротить мнѣ семьсотъ кароловъ. Тогда Сеткинъ живою вернется на землю изъ преддверья рая, и Класъ на небѣ станетъ смѣяться. Что тебѣ стоитъ, мой миленькій, вороти!... Уберите огонь, душенька выйти просится. Просверлите дырочку, душенька выйти просится.

И она безпрестанно указывала на то мѣсто, гдѣ сожгли ея обрѣзанные волосы.

Катлина была очень бѣдна, но сосѣди помогали ей, кто чѣмъ могъ. Давали бобовъ, хлѣба, мяса и прочаго. Община помогала и деньгами. И Нель шила на зажиточныхъ мѣстныхъ жительницъ платья, ходила гладить бѣлье и зарабатывала въ недѣлю флоринъ.

И Катлина постоянно твердила:

— Просверлите дырочку, выньте душеньку. Душенька стучится, выйти просится... Онъ вернетъ, вернетъ семьсотъ кароловъ.

И Нель плакала, слушая ее.

XXII.

Между тѣмъ Уленшпигель и Ламъ, не разставаясь съ своими проходными свидѣтельствами, заѣхали въ маленькую гостиницу, прилѣпившуюся къ скалистому берегу надъ Самброй, поросшему мѣстами лѣсомъ. На вывѣскѣ была сдѣлана надпись: «Марлэръ».

Они выпили нѣсколько графинчиковъ маасскаго вина, не уступающаго бургундскому, съѣли много застуженной рыбы и завели пріятельскій разговоръ съ хозяиномъ—папистомъ, человѣкомъ высокаго роста, но болтливымъ, какъ сорока. Благодаря выпитому вину, онъ не только болталъ, но и коварно подмигивалъ однимъ глазомъ. Уленшпигель сообразилъ, что подъ этимъ подмигиваніемъ, должно быть, скрывается какая-нибудь тайна, и поэтому старался напоить хозяина. Тотъ дошелъ до того, что началъ пѣть и покатываться отъ хохота, наконецъ, взобрался на столъ.

— Я пью за васъ, добрые католики!—воскликнулъ онъ.

— Мы пьемъ за тебя,—отвѣчали Ламъ и Уленшпигель.— Пьемъ за искорененіе всякой чумы, за уничтоженіе мятежа и ереси. Пьемъ,—повторяли Ламъ и Уленшпигель и то и дѣло наливали кружку, которую хозяинъ не могъ равнодушно видѣть наполненной.

— Вы славные парни,—лепеталъ онъ,—пью за ваше благородство; выпитое вино—мой заработокъ. А гдѣ ваши проходныя?

— Вотъ они,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Подписаны герцогомъ,—промолвилъ хозяинъ.—Пью за герцога.

— Пьемъ за герцога,—отозвались Ламъ и Уленшпигель. Хозяинъ продолжалъ свою рѣчь:

— Чѣмъ ловятъ крысъ, полевыхъ и простыхъ мышей? Крысоловками и мышеловками. Кто же у насъ полевая мышь? А полевая мышь у насъ—великій еретикъ—оранжевый [1]), какъ огонь въ преисподней. Но Господь съ нами... Они скоро придутъ... Эхъ, эхъ! выпить бы надо. Наливай!... Я жарю, я жду... Выпить надо!... Прелестные реформатскіе проповѣднички... Я сказалъ прелестные, храбрые, сильные солдаты, дубы... Выпить бы!... Не пойдете ли и вы съ ними въ лагерь великаго еретика? У меня есть проходныя, подписанныя имъ. Вы полюбуетесь ихъ дѣломъ.

— Отчего не пойти?! Пойдемъ съ ними въ лагерь,—согласился Уленшпигель.

— Они тамъ хорошо похозяйничаютъ, и ночью, когда представится удобный случай (хозяинъ свистомъ изобразилъ моментъ, когда одинъ душитъ другого), «Стальной Вѣтеръ» положитъ навсегда конецъ свистанью чернаго дрозда Нассаускаго... Но, того—этого, выпить, выпить надо!

— А веселый ты, хоть и женатый,—замѣтилъ Уленшпигель.

Хозяинъ сказалъ:

— Я не женатъ и никогда имъ не былъ... Мнѣ вѣдомы тайны высокопоставленныхъ особъ... Выпить надо!... Моя жена вывѣдала бы ночью на постели эти секреты: захотѣла бы меня повѣсить, чтобъ самой остаться прежде времени вдовой. Но милостивъ Господь!... Они придутъ... Гдѣ новыя проходныя? На моемъ сердцѣ христіанина, вотъ гдѣ!... Выпьемъ!... Они тамъ, въ трехъ сотняхъ шаговъ на дорогѣ, возлѣ Предъ-Дамья. Посмотрите, не видно ль ихъ вамъ?... Выпьемъ!...

— Пей ты,—отозвался Уленшпигель,—пей! Я выпью за короля за герцога, за проповѣдниковъ, за «Стальной вѣтеръ»; выпью за тебя, за меня; выпью за вино и за бутылку. Да ты совсѣмъ не пьешь! И за каждое въ отдѣльности «здоровье» Уленшпигель наливалъ ему его стаканъ, и хозяинъ выпивалъ.

Уленшпигель нѣкоторое время наблюдалъ за нимъ. Потомъ, вставъ, промолвилъ:

— Онъ спитъ. Идёмъ Ламъ!

---

[1]) Здѣсь игра словъ: D'Orange и orange.

Примѣч. переводч.

Выйдя наружу, добавилъ:

— У него нѣтъ жены; насъ некому предать... Ночь близка... Ты хорошо слышалъ, что говорилъ этотъ негодяй, и знаешь, кто такіе эти трое проповѣдниковъ?

— Да,—сказалъ Ламъ.

— Знаешь, что идутъ они изъ Предъ-Дамья, вдоль по Маасу и что хорошо бы ихъ подождать на дорогѣ, пока еще не подулъ «Стальной Вѣтеръ».

— Да,—согласился Ламъ.

— Нужно спасти жизнь принцу,—молвилъ Уленшпигель.

— Да,—одобрилъ Ламъ.

— Постой,—продолжалъ Уленшпигель,—возьми мой мушкетъ, ступай въ кусты, между скалами. Заряди двумя пулями и, когда закричу по-вороньему, стрѣляй.

Возьму,—промолвилъ Ламъ,—буду стрѣлять и исчезъ въ кустахъ.

И Уленшпигель вскорѣ услыхалъ щёлканье курка и спросилъ:

— А что, ты ихъ видишь?

— Вижу,—отвѣчалъ Ламъ. Ихъ—трое, идутъ они въ ногу, какъ солдаты. И одинъ выше на голову другихъ.

Уленшпигель сѣлъ на дорогу, вытянувъ ноги; началъ наподобіе нищихъ по чёткамъ бормотать молитвы, шапку свою положивъ между колѣнъ.

Когда трое «проповѣдниковъ» проходили мимо, онъ протянулъ имъ свою шапку. Но они ничего туда не положили.

Тогда Уленшпигель, поднявшись, жалобно сказалъ:

— Господа милостивые, не откажите, подайте патаръ бѣдному рабочему каменоломщику, который недавно свалился въ шахту и сильно расшибся. Не очень-то щедры у насъ хозяева и ничего не захотѣли дать на мою бѣдность. Эхъ! подайте патаръ, Бога за васъ буду молить. И Господь всю жизнь не оставитъ васъ своей милостью за ваше великодушіе.

— Сынъ мой,—со вздохомъ промолвилъ одинъ изъ проповѣдниковъ, выдававшійся своей физической силой,—нѣтъ для насъ большей радости, какъ вѣчное царствіе на землѣ папы и инквизиціи.

Уленшпигель, вздохнувъ въ свою очередь, отвѣтилъ:

— Ахъ! Что вы говорите, ваша милость? Говорите, пожалуйста, потише, ваша милость. Дайте же мнѣ патаръ.

— Сынъ мой!—возразилъ призёмистый проповѣдникъ съ бравой физіономіей. У насъ, бѣдныхъ мучениковъ, патаровъ не больше, чѣмъ сколько нужно для поддержанія существованія въ дорогѣ.

Уленшпигель бросился на колѣни.

— Благословите меня,—просилъ онъ.

Трое проповѣдниковъ безъ всякой набожности возложили руку на голову преклоненнаго Уленшпигеля.

Замѣтивъ, что, несмотря на общую худощавость, у нихъ были большіе животы, онъ поднялся, сдѣлалъ видъ, что чуть было не упалъ и толкнулъ лбомъ въ животъ высокаго проповѣдника. Раздалось веселое позвякиванье монетъ.

Тогда, выпрямившись и вытащивъ свою саблю, онъ произнесъ:

— Отцы велелѣпные, холодно, я плохо одѣтъ, вы слишкомъ тепло одѣты. Подѣлитесь же со мною вашей шерстью, можетъ быть я выкрою себѣ пальтишко. Я—Гезъ. Да здравствуетъ Гезы!

Высокій проповѣдникъ отвѣтилъ:

— Ахъ ты, заносчивый Гезъ! Высоко ты, словно пѣтухъ, несешь свой гребешокъ. Погоди, мы тебѣ его скоро обрѣжемъ.

— Обрѣжете! — воскликнулъ Уленшпигель, отступая, — какъ бы не такъ! «Стальной Вѣтеръ» подуетъ на васъ раньше, чѣмъ на принца. Гезъ—я, да здравствуеютъ Гезы!

Крайне изумленные, трое проповѣдниковъ недоумѣло обмѣнялись словами:

— Откуда онъ это знаетъ? Насъ предали. Бей! Да здравствуетъ обѣдня!

И они вытащили изъ-подъ нижняго платья хорошо отточенныя рапиры.

Но Уленшпигель, не дожидаясь ихъ, началъ отступать въ сторону кустовъ, въ которыхъ спрятался Ламъ. Полагая, что «проповѣдники» были, на разстояніи выстрѣла, онъ сказалъ:

— Вòроны, черные вòроны берегитесь: «Стальной Вѣтеръ» сейчасъ подуетъ. Я спою вамъ отходную.

И онъ закаркалъ.

Раздавшійся изъ кустовъ выстрѣлъ свалилъ ницъ на землю высокаго «проповѣдника»; потомъ раздался второй и повергъ на дорогу другого.

И Уленшпигель межъ кустовъ различилъ «добрую рожу» Лама и его руку, торопливо заряжавшую снова свой мушкетъ.

И синій дымокъ взвился надъ черными кустами.

Третій проповѣдникъ, разъярившись, стремился изо всей силы обрубить члены тѣла Уленшпигелю, который приговаривалъ: «Стальной Вѣтеръ» или вѣтеръ свинцовый—все равно, придется тебѣ переселиться съ этого на тотъ свѣтъ, подлый злоумышленникъ-убійца!

И онъ напалъ на врага и отважно защищался.

И они ожесточенно сражались на дорогѣ другъ противъ друга,

наноси и парируя удары. Уленшпигель былъ весь въ крови; его противникъ, опытный воинъ, ранилъ его въ голову и ногу. Но раненый онъ нападалъ и защищался, какъ левъ. Кровь, струившаяся изъ раны на головѣ, ослѣпляла его, однако наступалъ смѣлыми шагами; стирая кровь съ лица лѣвой рукой, чувствовалъ, что слабѣетъ. Онъ чуть было не былъ убитъ, но Ламъ во время выстрѣлилъ и положилъ послѣдняго проповѣдника.

И Уленшпигель видѣлъ и слышалъ, какъ тотъ изрыгалъ проклятья, кровь и предсмертную пѣну.

И синій дымокъ поднялся надъ черными кустами, изъ-за которыхъ снова выглянула «добрая рожа» Лама.

— Что, кончено?—освѣдомился онъ.

— Да, мой милый,—подтвердилъ Уленшпигель.—Иди же ко мнѣ.

Выйдя изъ своей засады, Ламъ замѣтилъ, что Уленшпигель весь въ крови. Тогда, точно олень, бросился къ товарищу, несмотря на свой большой животъ, нашелъ его присѣвшимъ на землю возлѣ убитыхъ людей.

— Бѣдный мой, милый другъ, тебя ранилъ этотъ разбойникъ-убійца,—заговорилъ онъ и каблукомъ выбилъ зубы ближайшему «проповѣднику».—Ты не отвѣчаешь ничего Уленшпигель! Что ты это собрался помирать!? А гдѣ же наша корпія? Да, она на днѣ кошеля, подъ колбасами. Уленшпигель, ты не слышишь меня? Жалко, у меня нѣтъ ни капли теплой воды и, вѣдь, никакими судьбами и раздобыть ее нельзя, не чѣмъ обмыть твою рану. Но можно удовлетвориться и водой изъ Самбры. Ну, поговори же со мною, дружище! Однако, ты не такъ ужъ сильно раненъ. Надо бы немного водицы, холодной водицы, не правда ли?... Ага!. онъ въ себя приходитъ!... Это я, мой голубчикъ, твой другъ. О нихъ не безпокойся. Они всѣ мертвы! Бинта бы, бинта—перевязать нужно раны. Нѣтъ бинта!... Ахъ, да, а моя рубашка.—Ламъ снялъ ее и продолжалъ свою рѣчь: на кусочки ее, рубашку! Кровь останавливается. Другъ мой не умретъ.

— Эхъ, да и скверно же на этакомъ холодищѣ голому хребту. Надо пріодѣться. Онъ не помретъ... Это—я, Уленшпигель, твой другъ Ламъ. Онъ улыбается. Сейчасъ я обыщу убійцъ. У нихъ животы полны флориновъ. Вся требуха золотая—чего въ ней нѣтъ:—каролы, флорины, дальдерсы, патары и письма!... Теперь мы богаты. Есть что дѣлить! больше трехъ сотъ кароловъ. Возьмемъ оружіе и деньги. Пока еще не время «Свинцовому Вѣтру» дуть на принца.

Уленшпигель, стуча отъ холода зубами, всталъ.

— Вотъ ты и всталъ,—радостно промолвилъ Ламъ.

— Только благодаря перевязкѣ всталъ,—прибавилъ Уленшпигель.

— Храброй перевязкѣ,—поправилъ Ламъ.

Затѣмъ, одно за другимъ онъ закинулъ въ расщелину между скалъ тѣла трехъ «проповѣдниковъ», не снявъ съ нихъ ни оружія, ни платья, исключая верхней одежды.

И прямо надъ ними, высоко въ небѣ, каркали вороны въ ожиданіи поживы.

И Самбра, словно свинцовая рѣка, катила свои воды подъ сѣдымъ небомъ.

И падалъ снѣгъ, смывая кровь.

И они все-таки были озабочены. И Ламъ промолвилъ:

— Предпочту зарѣзать цыпленка, чѣмъ человѣка.

И они сѣли на своихъ осликовъ.

У Гійскихъ воротъ кровь снова потекла. Тутъ они притворились, что поссорились между собою, сошли съ осликовъ и стали драться, дѣлая видъ, будто бы дерутся безпощадно. Потомъ, переставъ сражаться, они въѣхали въ Гій, показавъ предварительно у городскихъ воротъ свои проходныя свидѣтельства.

Женщины при видѣ раненаго, истекающаго кровью Уленшпигеля и разыгрывающаго изъ себя побѣдителя Лама, возсѣдавшаго верхомъ на осликѣ, смотрѣли съ нѣжнымъ сочувствіемъ на Уленшпигеля, показывали кулаки Ламу и приговаривали:

— Вонъ онъ разбойникъ, поранившій своего товарища!

А Ламъ безпокойно искалъ среди нихъ глазами своей жены и, не видя ее, грустилъ.

Напрасны были его поиски, и онъ затосковалъ.

XXIII.

— Куда мы направимся?—освѣдомился Ламъ.

— Въ Мастрихтъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.

— Но, мой милый, говорятъ, что тамъ армія герцога и обложила все кругомъ. Нашихъ проходныхъ свидѣтельствъ намъ мало будетъ. Если даже испанскіе солдафоны удовлетворятся нашими проходными свидѣтельствами, въ городѣ насъ все равно задержатъ и станутъ допрашивать. Между тѣмъ они узнаютъ о смерти проповѣдниковъ и намъ не сдобровать.

Уленшпигель возразилъ:

— Скоро не будетъ поживы воронамъ, совамъ и коршунамъ. Ужъ и теперь у нихъ лица неузнаваемы. Что касается нашихъ проходныхъ свидѣтельствъ, то они могутъ вполнѣ сойти за хорошія. Но, если, какъ ты сказалъ, провѣдаютъ объ убійствѣ,

насъ схватятъ. Но, все-таки, намъ необходимо отправиться въ Мастрихтъ черезъ Ланденъ.

— Они насъ повѣсятъ,—выразилъ увѣренность Ламъ.

— Проѣдемъ,—возразилъ Уленшпигель.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они доѣхали до гостиницы «Сорока». Здѣсь имъ дали хорошій обѣдъ, ночлегъ и кормъ для ихъ осликовъ.

На слѣдующій день они пустились въ путь въ Ланденъ.

Подъѣхавъ къ большой фермѣ вблизи города, Уленшпигель свистнулъ жаворонкомъ, и сейчасъ же изнутри ему отвѣтилъ воинственный пѣтушиный крикъ. На порогѣ фермы показался владѣлецъ съ «доброй рожей».

— Друзья, свободные друзья, да здравствуютъ Гезы! Въѣзжайте на дворъ.

— Кто это,—поинтересовался Ламъ.

Уленшпигель пояснилъ:

— Это—Фома Утенгове, мужественный реформатъ, его слуги и служанки наравнѣ съ нимъ отстаиваютъ свободу совѣсти.

Между тѣмъ Утенгове сказалъ.

— Вы принцовы посланцы. Ѣшьте и пейте.

И ветчина стала запекаться и хрустѣть на сковородѣ, и колбасы жариться, и вино появилось на столѣ, и стаканы наполнились. И Ламъ сталъ пить, какъ сухой песокъ, и хорошо ѣсть.

Парни и дѣвушки съ фермы другъ за дружкой просовывали свои носы въ полуоткрытую дверь и смотрѣли, какъ работали его челюсти. И мужчины, завидуя ему, говорили, что они также сумѣли бы жевать.

Въ концѣ обѣда Ѳома Утенгове сказалъ:

— На этой недѣли, подъ предлогомъ работъ на плотинахъ въ Брюгге и окрестностяхъ, отправится отсюда сотня крестьянъ. Поѣдутъ они артелями въ пять, шесть человѣкъ и по разнымъ дорогамъ. Въ Брюгге найдутся барки, которыя моремъ перевезутъ ихъ въ Эмденъ.

— А будетъ у нихъ оружіе и деньги?—спросилъ Уленшпигель.

— У каждаго будетъ по десятку флориновъ и по большому кортику.

— Богъ и принцъ вознаградятъ тебя,—промолвилъ Уленшпигель.

— Мнѣ не надо вознагражденія,—возразилъ Утенгове.

— Скажите, пожалуйста, господинъ хозяинъ, — отозвался Ламъ, поглощая толстыя, черныя колбасы,—какъ это вы добиваетесь, что онѣ у васъ такія душистыя, сочныя, въ мѣру жирныя?

— Мы кладемъ корицы и кошачьей травы,—отвѣтилъ хозяинъ.

Затѣмъ, обратясь къ Уленшпигелю, освѣдомился:

— Что Эдзаръ, графъ фрисландскій, все еще въ дружбѣ съ принцемъ?

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Онъ скрываетъ свою дружбу, позволяя въ Эмденѣ укрываться кораблямъ принца,—и прибавилъ:

— Намъ надо ѣхать въ Мастрихтъ.

— Туда никакъ нельзя,—предостерегъ хозяинъ: передъ городомъ и въ окрестностяхъ стоитъ герцогское войско.

Затѣмъ, Утенгове провелъ посланца на чердакъ и показалъ ему отряды кавалеріи и пѣхоты, гарцующей и марширующей въ полѣ.

Уленшпигель промолвилъ:

— И все-таки я проберусь черезъ ихъ строй, если вы, а вы здѣсь всемогущи, позволите мнѣ жениться. Мнѣ надобна жена милая, красивая, привѣтливая и такая, которая выходила бы за меня, по крайней мѣрѣ, на недѣлю, если не навсегда.

Ламъ со вздохомъ промолвилъ:

— Не дѣлай этого, мое чадушко, покинетъ она тебя одного и будешь ты горѣть на любовномъ огнѣ. Постель твоя, на которой тебѣ спится теперь такъ хорошо, станетъ для тебя ложемъ безпокойства, и отлетитъ отъ тебя сладкій сонъ.

— Женюсь,—настаивалъ Уленшпигель.

И Ламъ, не находя больше на столѣ ничего съѣдобнаго, пріунылъ. Но, замѣтивъ на блюдечкѣ леденцы, сталъ ими меланхолически хрустѣть.

Уленшпигель, между тѣмъ, говорилъ Томасу Утенгове:

— И такъ, значитъ дѣло рѣшенное, спрыснуть надо! Давайте мнѣ жену, все равно, то ли богатую, то ли бѣдную. Съ нею мы отправимся въ церковь, и бракъ нашъ благословитъ священникъ. Онъ же выдастъ намъ и брачное свидѣтельство, ничего незначущее, такъ какъ выдастъ оное папскій ставленникъ, инквизиторъ. Мы заявимъ себя добрыми христіанами, бывшими у исповѣди и св. причастія, живущими по правиламъ апостольскимъ, по правиламъ нашей святой матери, Римской церкви. А мать эта сжигаетъ своихъ дѣтей и призываетъ этимъ на насъ благословенія нашего святого отца, цѣлыхъ армій небесныхъ и земныхъ, святыхъ, настоятелей, священниковъ, монаховъ, солдатъ, полицейскихъ и другихъ бездѣльниковъ. Запасшись этимъ свидѣтельствомъ, мы нарядимся и справимъ веселую свадьбу, поѣдемъ въ сосѣдній городъ...

— А жена?—перебилъ Томасъ Утенгове.

— Ты мнѣ ее найдешь,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Я возьму двѣ повозки, разукрашу ихъ обручами, повитыми сосновыми вѣтвями, остролистникомъ и бумажными цвѣтами, посажу въ нихъ молодцовъ, которыхъ ты отправишь къ принцу.

— А жена?—повторилъ свой вопросъ Утенгове.

— И жену не забуду, она, безъ сомнѣнія, здѣсь окажется,—говорилъ Уленшпигель и продолжалъ развивать свой планъ.—Запрягу повозку парой коней, другую нашими ослами. Сядемъ съ женою въ одну, посадимъ туда же нашего дружка Лама съ шаферами; въ другой усядутся музыканты съ тамбуринами, флейтами и волынками. Потомъ со свадебными флажками въ рукахъ, съ музыкой, пѣснями, выпивкой пустимся вскачь, выѣдемъ на большую дорогу, которая ведетъ на Поле Висѣлицъ, или же Поле свободы.

— Хорошо, я тебѣ помогу,—сказалъ Томасъ Утенгове.—Но женщины и дѣвушки, захотятъ ли онѣ ѣхать со своими мужьями и дружками?

— Захотимъ, съ Божьей помощью,—отозвалась миловидная дѣвушка, показавъ голову въ полуоткрытой двери.

— Если потребуется, будетъ дано четыре повозки,—продолжалъ Томасъ Утенгове.—Такимъ образомъ мы провеземъ съ лишкомъ двадцать пять человѣкъ.

— Вотъ осрамится-то герцогъ,—радовался Уленшпигель.

— И флотъ принца увеличится на нѣсколько добрыхъ воякъ,—прибавилъ Томасъ Утенгове.

Затѣмъ приказалъ сзывать колоколомъ своихъ рабочихъ и работницъ и сказалъ имъ:

— Вы, зеландцы и зеландки, слушайте: вотъ онъ—Уленшпигель-фламандецъ предлагаетъ провести васъ, наряженныхъ по-свадебному, черезъ герцогское войско.

Зеландцы и зеландки единодушно воскликнули:

— Рисковать жизнью мы готовы.

И мужчины стали переговариваться между собою.

— Намъ радостно покинуть страну рабства и отправиться въ море свободы. Если Господь за насъ, кто же противъ насъ?!

Женщины и дѣвушки говорили:

— Мы пойдемъ за нашими мужьями и дружками. Мы—зеландки родомъ и найдемъ себѣ тамъ пристанище.

Уленшпигель высмотрѣлъ молодую и хорошенькую дѣвушку и сказалъ ей въ шутку:

— Я хочу на тебѣ жениться.

Но она, покраснѣвъ, отвѣтила:

— Хорошо, но только вѣнчайся въ церкви.

Женщины, засмѣялись и стали перебрасываться замѣчаніями:

— Ея сердце полонилъ Гансъ Утенгове, хозяйскій сынъ. Онъ, вѣрно, поѣдетъ съ нею.

— Да, поѣдетъ,—отозвался Гансъ.

— Можешь, поѣзжай,—одобрилъ его отецъ.

Мужчины одѣлись въ праздничные костюмы: въ бархатные куртки, панталоны и пальто, въ широкополыя шляпы, защищающія отъ солнца и дождя. Женщины надѣли черныя юбки и низенькія ботинки, открывающія ноги; на лбу у нихъ красовалась,—съ правой стороны у замужнихъ, съ лѣвой у дѣвицъ,—драгоцѣнная висюлка на цѣпочкѣ; на шеѣ—бѣлый отложной воротничокъ, на груди—шитая золотомъ манишка, ало-лазоревая, далѣе—черныя шерстяныя юбки, съ широкими бархатными полосами того же цвѣта, шерстяные черные чулки и ботинки съ серебряными пряжками.

Затѣмъ Томасъ Утенгове отправился въ церковь и просилъ священника за солидную мзду, опущенную въ руку, немедленно перевѣнчать Тильберта, сына Класа, Уленшпигеля тожъ, и дѣвицу Таннекенъ Питерсъ. И священникъ согласился.

Уленшпигель отправился въ церковь со всей свадебной ватагой и тамъ бракосочетался съ Таннекенъ. Невѣста была такъ мила и красива, такъ кротка и такая полненькая, что женихъ охотно бы, какъ въ яблочко любви, впился въ нее губами и зубами. И онъ ей признался въ своемъ желаніи, изъ уваженія не осмѣлившись осуществить его. Но она сердито ему сказала:

— Оставь меня. Вонъ Гансъ смотритъ на васъ и хочетъ убить.

И другая дѣвушка, ревнуя его, обратилась къ нему:

— Свѣтъ не клиномъ сошелся, поищи въ другомъ мѣстѣ, развѣ не видишь, что она своего-то боится.

Ламъ, потирая руки, воскликнулъ:

— А все-таки всѣхъ ихъ приручить тебѣ не удастся, бездѣльникъ.

И онъ пришелъ въ хорошее расположеніе духа.

Уленшпигель отнесся къ своей любовной неудачѣ равнодушно. Вернулся на ферму, пилъ, пѣлъ, былъ веселъ и чокался съ приревновавшей дѣвушкой. Этому очень обрадовался Гансъ, но не Таннекенъ и не женихъ ревнивой дѣвушки.

Въ полдень, въ солнечную и слегка вѣтреную погоду, покатились разукрашенныя зеленью повозки, съ развѣвающимися флажками, подъ звуки тамбуриновъ, дудокъ, флейтъ и волынокъ.

Въ лагерѣ Альбы тоже начался праздникъ. На передовыхъ постахъ забили тревогу, являлись гонцы за гонцами и оповѣщали:

— Непріятель близокъ. Мы слыхали звуки тамбуриновъ и флейтъ и замѣтили знамена. Это—сильный передовой отрядъ конницы, которая явилась для того, чтобы завлечь васъ въ засаду. Главное войско, безъ сомнѣнія, сравнительно еще далеко.

Герцогъ безотлагательно приказалъ предупредить начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, стоявшихъ лагеремъ, выстроить солдатъ въ боевой порядокъ и послать гонцовъ для точной развѣдки.

Вдругъ показались четыре повозки и понеслись прямо на стрѣльцовъ. На повозкахъ мужчины и женщины плясали, бутылки звенѣли, радостно свистѣли дудки, тренькали балалайки, грохотали барабаны и гремѣли волынки.

Свадьбу остановили. Самъ Альба вышелъ на шумъ и увидалъ на одной изъ четырехъ повозокъ новобрачную; рядомъ съ нею ея разряженнаго и ликующаго супруга; дружки, крестьяне и крестьянки слѣзли съ повозокъ, танцовали вокругъ молодыхъ и угощали выпивкой солдатъ.

Альба съ своими присными дивился простодушію этихъ крестьянъ, которые пѣли и пировали въ то время, когда все вокругъ нихъ было на военной ногѣ.

И молодые, сидѣвшіе на повозкѣ, щедро угощали солдатъ и испотчевали имъ все вино.

И солдаты громко привѣтствовали молодоженовъ и чествовали ихъ.

Не оказалось больше вина на повозкахъ, и крестьяне и крестьянки подъ звуки тамбуриновъ, дудокъ и волынокъ безпрепятственно тронулись въ дальнѣйшій путь.

И развеселившіеся служивые, на прощанье, дали залпъ изъ мушкетовъ въ ихъ честь.

И такъ благополучно доѣхала свадьба до Мастрихта. Здѣсь Уленшпигель столковался съ своими единомышленниками насчетъ переправы на баркахъ оружія и боевыхъ припасовъ Молчаливому для его флота.

Столковались они точно также и въ Ланденѣ. И подобнымъ же образомъ, переодѣвшись въ рабочихъ, расхаживали «свадебники» повсюду.

Герцогъ узналъ объ этой военной хитрости: ему послали пѣсню, сочиненную въ воспоминаніе о веселой свадьбѣ; вотъ ея припѣвъ:

А что! видалъ невѣсту,
Герцогъ дурачокъ?!
А что! видалъ невѣсту.
Кровавый простачокъ?! [1])

---

[1]) Duc de sang, duc niais,
As-tu vu l'épousée?

И всякій разъ, какъ Альба дѣлалъ какую-нибудь стратегическую оплошность, солдаты распѣвали:

Нашло на герцога затменье:
Невѣсту видѣлъ онъ[1]).

XXIV.

Между тѣмъ король Филиппъ предавался дикой меланхоліи. Жалобно и вмѣстѣ спесиво молилъ онъ Бога о дарованіи ему побѣды надъ Англіей, завоеваніи Франціи, взятіи Милана, Генуи, Венеціи, просилъ о томъ, чтобы, сдѣлавшись великимъ властителемъ надъ морями, царить надъ цѣлой Европой.

Но, мечтая о такомъ торжествѣ, никогда при этомъ не смѣялся. Онъ постоянно мерзъ. Отъ вина ему не становилось теплѣе, не согрѣвался онъ и въ своемъ кабинетѣ возлѣ вѣчно пылавшаго камина, топившагося душистыми дровами. Здѣсь, мечтая о всемирномъ господствѣ, подобномъ римскому цезаризму, строчилъ онъ, заваленный кипами исписанной бумаги, которою можно было бы наполнить сотни корзинъ, размышлялъ о собственной ненависти, основанной на зависти къ своему сыну, донъ Карлосу. Ненависть эта появилась въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ донъ Карлосъ выразилъ желаніе отправиться въ Нидерланды на мѣсто герцога Альбы, съ цѣлью, такъ думалъ отецъ, царствовать въ этой странѣ. И вотъ, видя сына безобразнымъ уродомъ, жестокимъ и злымъ безумцемъ, онъ возненавидѣлъ его еще сильнѣе, но не говорилъ объ этомъ.

Слуги короля Филиппа и его сына дона Карлоса не знали, кого изъ нихъ двоихъ слѣдовало больше опасаться: ловкаго ли сына, убійцу, раздиравшаго своихъ слугъ руками, отца ли, труса и угрюмца, пользовавшагося другими, чтобы поражать, и жившаго, наподобіе гіенъ, падалью.

Слуги пугались ихъ, бродившихъ одинъ вокругъ другого, и толковали, что скоро кто-нибудь умретъ въ Эскуріалѣ.

Дѣйствительно, вскорѣ они узнали, что донъ Карлосъ былъ заключенъ въ темницу по обвиненію въ тяжкомъ предательствѣ. Имъ было извѣстно также, что горькая печаль снѣдала душу заключеннаго, что его ранили въ лицо въ моментъ попытки побѣга сквозь рѣшетчатое тюремное окошко, и что мать его, Изабелла французская, непрестанно плакала.

Но король Филиппъ совсѣмъ не плакалъ.

Ходили слухи, будто бы дону Карлосу дали зеленыхъ фигъ,

---

[1]) Le duc a la berlue:
Il a vu l'épousée.

и будто бы на другой день онъ незамѣтно умеръ, словно заснулъ. Врачи говорили, какъ только онъ съѣлъ фигъ, кровь перестала циркулировать, обычныя жизненныя отправленія были прерваны; онъ не могъ больше ни плевать, не вызвать рвоту, не былъ въ состояніи ничего удалить изъ своего тѣла. Въ минуту смерти животъ его раздулся.

Король Филиппъ отстоялъ заупокойную обѣдню по дону Карлосу, приказалъ похоронить сына въ дворцовой часовнѣ и положить камень на могилу, но онъ совсѣмъ не плакалъ.

И слуги перешептывались, презрительно относясь къ надписи на усыпальницѣ принца:

Здѣсь покоится тотъ,
Кто, поѣвъ зеленыхъ фигъ,
Умеръ, не болѣя.
(A qui jaze qui en para desit verdad,
Morio s'in infirmidad).

И король Филиппъ сладострастными глазами глядѣлъ на принцессу д'Эболи, женщину замужнюю. Онъ домогался ея любви, и она уступила.

Съ государыней Изабеллой французской, о которой говорили, что она покровительствовала замысламъ дона Карлоса насчетъ Нидерландовъ, вдругъ что-то приключилось: она похудѣла и затосковала. И волосы у нея стали выпадать цѣлыми прядями. Съ ней часто дѣлалась рвота и на рукахъ и ногахъ выпали ногти. И она умерла.

И Филиппъ совсѣмъ не плакалъ.

Выпали также волосы и у принца д'Эболи. Онъ сдѣлался печальнымъ и постоянно жаловался, затѣмъ и у него на рукахъ и ногахъ выпали ногти.

И Филиппъ похоронилъ его.

И похороны ничего не стоили вдовѣ, и король совсѣмъ не плакалъ.

XXV.

Въ это время явилось къ Нель нѣсколько обитательницъ Дама, женщинъ и дѣвушекъ, съ вопросомъ, не желаетъ ли она быть майской невѣстой и прятаться въ хворостѣ вмѣстѣ съ женихомъ, пока ихъ тамъ не отыщутъ.

— Потому что,—говорили женщины не безъ зависти,—нѣтъ во всѣмъ Дамѣ и окрестностяхъ ни одного молодого парня, который не желалъ бы съ тобой обручиться. Ты такая красавица, умница, кровь съ молокомъ: видно сказываются на тебѣ чары «колдуньи».

— Кумушки,—отвѣчала Нель,—скажите парнямъ, что напрашиваются ко мнѣ въ женихи,—«Не здѣсь сердце Нель, а далеко, съ тѣмъ, кто скитается за свободой земли праотцевъ». И если я «кровь съ молокомъ», то виною тутъ не чары, а хорошее здоровье.

Кумушки возразили:

— А все-таки Катлина осталась въ подозрѣніи.

— Не вѣрьте злымъ людямъ, — сказала Нель.—Катлина совсѣмъ не вѣдьма. Господа судьи сожгли ей ея косы на головѣ, и Господь покаралъ ее безуміемъ.

И Катлина, забившись въ уголъ, качала головой и причитала:

— Прочь уберите огонь!.. Придетъ ко мнѣ мой миленькій Ганскэ.

Кумушки любопытствовали, кто такой Ганскэ, Нель поясняла:

— Сынъ Класа, мой молочный братъ. Съ того времени, какъ покаралъ ее Господь, она считаетъ его мертвымъ.

И добрыя хозяюшки давали Катлинѣ серебряные патары. И, когда эти монеты были новенькими, она ихъ потихоньку показывала кому-нибудь, приговаривая:

— Богатая я, блестятъ мои денежки. Приходи, мой миленькій Ганскэ, я заплачу тебѣ за любовь.

По уходѣ кумушекъ Нель плакала въ одинокой хижинѣ и думала объ Уленшпигелѣ, который скитался гдѣ-то, далеко-далеко, и нельзя было итти за нимъ, думала о Катлинѣ. А та стонала: «Прочь уберите огонь!» и часто хваталась обѣими руками за грудь, показывая этимъ, что лихорадочный огонь безумія жегъ ей голову и тѣло.

А между тѣмъ майскіе женихъ съ невѣстой прятались въ высокихъ травахъ.

И тотъ, кто ихъ находилъ, въ зависимости отъ пола своей находки и своего собственнаго, дѣлался королемъ или королевой маёвки.

Нель слышала радостные крики парней и дѣвушекъ, когда майскую невѣсту удавалось разыскать на краю какого-нибудь оврага, спрятавшейся въ высокой травѣ.

Слышала и плакала, вспоминая золотое времячко, когда майскую невѣсту разыскивала она вмѣстѣ съ своимъ дружкомъ Уленшпигелемъ.

XXVI.

Тѣмъ временемъ онъ и Ламъ ѣхали верхами на осликахъ, вольготно раскинувъ ноги.

— Слушай, Ламъ,—говорилъ Уленшпигель,—нидерландскіе

дворяне изъ зависти къ принцу Оранскому предали общее дѣло, святой союзъ, смѣлую «Мировую сдѣлку» съ правительницей, скрѣпленную подписями на благо земли праотцевъ. Д'Эгмонтъ и де Горнъ тоже оказались предателями, хотя и безкорыстными. Бредероде умеръ, вся надежда въ этой войнѣ на бѣдный народъ Брабанта и Фландріи, который ждетъ законныхъ вождей, чтобы съ ними двигаться впередъ; а потомъ еще, мое дитятко, на острова, на острова Зеландіи, на сѣверную Голландію, намѣстникомъ которой состоитъ принцъ; затѣмъ послѣднее упованіе—на море; на Эдзора, графа Эмденскаго [1]). и на восточную Фрисландію.

— Жаль!—промолвилъ Ламъ,—я вижу ясно, странствуемъ мы между висѣлицей, колесомъ и костромъ; да еще вдобавокъ умираемъ съ голоду, разѣваемъ рты отъ жажды безъ малѣйшей надежды на отдыхъ.

— Только еще начинается наше странствіе,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Благоволи считать, что оно—сплошное удовольствіе для насъ: мы убиваемъ нашихъ враговъ, насмѣхаемся надъ ними, наши сумки полны флориновъ, полны мяса, пива, вина и водки. Что тебѣ еще нужно, пуховикъ ты этакій!? Хочешь, продавать осликовъ и покупать коней?...

— Мой сыночекъ. — возразилъ Ламъ,—лошадиная поступь слишкомъ тряска для человѣка съ моей комплекціей.

— Ничего, ты по-крестьянски сядешь верхомъ,—отвѣчалъ Уленшпигель,—и никто не будетъ надъ тобой смѣяться, у тебя, вѣдь, нѣтъ меча, какъ у меня, а только охотничье копье.

— Мой ты сыночекъ,—молвилъ Ламъ,—увѣренъ ли ты, что наши проходныя свидѣтельства будутъ годиться въ маленькихъ городкахъ?

— А какъ же!—не усомнился Уленшпигель,—конечно, будутъ. Развѣ нѣтъ у меня свидѣтельства отъ священника съ приложеніемъ большой, красной восковой церковной печати, стягивающей оба конца пергамента? А наши исповѣдальныя свидѣтельства забылъ? Ни солдаты, ни герцогскіе полицейскіе ничего не смогутъ подѣлать противъ насъ двухъ съ такимъ снаряженіемъ. А черные «патернотры», которые имѣются у насъ для продажи, помнишь? Мы съ тобой оба—рейтары, только ты—фламандецъ, а я нѣмецъ; путешествуемъ же по приказу герцога: намъ поручено воротить еретиковъ въ лоно святой католической вѣры путемъ продажи разныхъ святостей. Мы будемъ разъѣзжать повсюду, по благороднымъ дворянамъ и по тучнымъ аббатствамъ. И они намъ пре-

---

[1]) Emden—Гановеръ, бывшій въ XVI-мъ вѣкѣ независимымъ владѣніемъ. *Примѣч. переводч.*

доставятъ душеспасительное пристанище. И мы вывѣдаемъ у нихъ секреты. А пока, милый другъ, оближи-ка свои жабры.

— Мой сыночекъ,—замѣтилъ Ламъ,—вѣдь наше ремесло шпіонское.

— Да, шпіонское, оправдываемое военными законами,—возражалъ Уленшпигель.

— Если дознаются о троихъ «проповѣдникахъ», намъ грозитъ смерть,—сказалъ Ламъ.

Уленшпигель запѣлъ:

Я рѣшилъ жить
На свѣтѣ ярко,
Воиномъ жить.
Съ кожей двойной,—
Простой и стальной,—
Мнѣ не тужить [1]).

Но Ламъ, вздохнувъ, промолвилъ:

— А моя кожа мягкая, податливая, простой ударъ саблей и то можетъ ее продырявить. Лучше бъ намъ было заняться какимъ-нибудь полезнымъ ремесломъ, чѣмъ таскаться такимъ манеромъ по горамъ и доламъ да служить разнымъ важнымъ принцамъ. Имъ хорошо: они сидятъ себѣ въ бархатныхъ штиблетахъ да кушаютъ на золотѣ овсянокъ. На долю нашего брата приходятся удары, опасности, битвы, дождь, градъ, снѣгъ, постные супы, существующіе для бродягъ. А имъ достаются колбасы, жирные каплуны, душистые дрозды, сочныя пулярки.

— Гляди, слюна потечетъ, мой милый другъ,—предостерегъ Уленшпигель.

— Гдѣ вы свѣжіе хлѣбы, золотистыя сладенькія лепешечки, сладкія сливочки? Гдѣ ты, моя женушка?

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Прахъ бьется на груди моей и толкаетъ меня въ битву. А тебѣ, кроткому ягненку, не надо отмщать ни за смерть отца, ни за смерть матери, ни за горе тобою любимыхъ, ни за твою теперешнюю бѣдность. Поэтому, если тяготы войны тебя пугаютъ, оставь меня, предоставь мнѣ одному итти туда, куда слѣдуетъ.

— Одному?—переспросилъ Ламъ и сразу остановилъ своего ослика, который немедленно принялся щипать чертополохъ, обильно разросшійея при дорогѣ. Осликъ Уленшпигеля тоже остановился.

---

[1]) J'ai mis vivre sur mon drapeau,
Vivre toujours à la lumière,
De cuir est ma peau première,
D'acier ma seconde peau.

— Одному?—повторилъ Ламъ.—Нѣтъ, ты меня не оставишь одного, сынокъ, не поступишь со мною неслыханно жестоко. Потерять жену и еще друга, нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Я больше не буду жаловаться, обѣщаю тебѣ. И, если придется,—и онъ гордо поднялъ голову,—пойду подъ градомъ пуль, да, подъ градомъ пуль; и на мечи тоже пойду, да, на мечи, и на подлыхъ солдатъ, пьющихъ кровь, словно волки, пойду, да пойду! И если, обливаясь кровью, свалюсь къ твоимъ ногамъ,—похорони меня и, если увидишь мою жену, скажи ей, что я померъ, потому что безъ чьей-либо любви ко мнѣ не могу жить на этомъ свѣтѣ. Нѣтъ, не могъ бы жить, мой сыночекъ Уленшпигель.

И Ламъ заплакалъ. И Уленшпигель былъ растроганъ при видѣ этой кроткой храбрости.

XXVII.

О ту пору герцогъ, раздѣливъ свою армію пополамъ, одну половину двинулъ на Люксембургское герцегство, другую—противъ Намюрскаго маркизата.

— Должно быть это какой нибудь, мнѣ непонятный, военный планъ,—промолвилъ Уленшпигель; ну, да безразлично, направляемся безъ колебанія въ Мастрихтъ.

Проѣзжая берегомъ Мааса, вблизи города, Ламъ замѣтилъ, что Уленшпигель пристально разглядывалъ двигавшіяся по рѣкѣ судна и остановился напротивъ одного изъ нихъ, на которомъ на носу находилась сирена. Къ этой сиренѣ былъ придѣланъ гербъ, на которомъ на песочномъ фонѣ золотыми буквами была надпись: *Г. І. X.*, т. е. Господь Іисусъ Христосъ.

Уленшпигель далъ знакъ Ламу остановиться и принялся весело пѣть жаворонкомъ.

Показался на суднѣ человѣкъ, запѣлъ пѣтухомъ, затѣмъ, по сигналу Уленшпигеля, который ревелъ по-ослиному и указывалъ ему на собравшійся на набережной народъ, принялся въ свою очередь также страшно ревѣть. Оба ослика, Уленшпигеля и Лама, поджали уши и запѣли свою обычную пѣсню. Проходили женщины, проѣзжали мужчины верхами на лошадяхъ, тянувшихъ бичевой барки, и Уленшпигель сказалъ Ламу:

— Этотъ судовщикъ насмѣхается надъ нами и надъ нашими жеребчиками. Пойдемъ, вздуемъ его на баркѣ?

— Пускай лучше онъ сюда придетъ,—возразилъ Ламъ.

Тогда проходившая мимо женщина заговорила и молвила:

— Если вы не желаете воротиться отсюда съ поломанными ру-

ками, порванными жилами и разбитыми рожами, то не трогайте Пира Стеркэ.

— И-а-а-а!—ревелъ судовщикъ.

— Пусть поетъ,—продолжала кумушка,—на-дняхъ мы видѣли, какъ онъ поднялъ на плечи телѣжку съ тяжелыми пивными бочками и остановилъ другую, которую везла сильная лошадь. А вотъ тамъ, въ заведеніи «Голубая Башня» онъ на двадцать шаговъ бросилъ ножемъ въ дубовую двѣнадцативершковую доску и пробилъ ее насквозь.

— И-а-а-а-а!—продолжалъ выводить судовщикъ въ то время, какъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати поднялся на помостъ судна и принялся тоже ревѣть.

Уленшпигель отвѣчалъ:

— Эка важность твой Пиръ Сильный! Да пусть онъ будетъ распросильный—мы сильнѣй его. Вотъ мой пріятель Ламъ двухъ такихъ, какъ онъ, проглотитъ и не икнетъ.

— Что ты говоришь, мой сыночекъ?—удивленно спрашивалъ Ламъ.

— То, что есть,—перебивалъ его Уленшпигель,—нечего скромничать. Да-съ, добрые люди, куманьки и кумушки, скоро вы увидите, какъ онъ начнетъ работать руками и на-нѣтъ сведетъ вашего знаменитаго Пира Стеркэ.

— Замолчи,—протестовалъ Ламъ.

— Что замолчи! Твоя, вѣдь, сила извѣстна,—настаивалъ Уленшпигель,—все равно ее не скроешь.

— И-а!—вызывающе кричалъ судовщикъ,—И-а!—повторялъ мальчикъ.

Вдругъ Уленшпигель снова очень мелодично запѣлъ жаворонкомъ. И прохожіе мужчины и женщины и рабочіе при баркахъ умилились такому хорошему пѣнію и стали спрашивать, гдѣ онъ научился такъ по-небесному свистать.

— Въ раю, я вѣдь прямикомъ иду изъ рая,—пояснялъ Уленшпигель.

Потомъ, обратившись къ судовщику, не перестававшему ревѣть по-ослиному и насмѣшливо показывать пальцемъ, сказалъ:

— Что же ты, бездѣльникъ, остаешься на своемъ суднѣ и не смѣешь сойти на сушу и здѣсь понасмѣхаться надъ нами?

— И не смѣешь,—отозвался и Ламъ.

— И-а-а!—не умолкалъ судовщикъ.—Господа ослы—ослинствующіе, полѣзайте ка ко мнѣ на судно!

— Дѣлай то, что я буду дѣлать,—шепнулъ Уленшпигель Ламу и обратился къ судовщику.

— Если ты Стеркэ Пиръ, то я Тиль Уленшпигель. А это—

пара нашихъословъ, Жефъ и Жанъ, они лучше тебя умѣютъ ревѣть, потому что это ихъ природный языкъ. А лѣзть къ тебѣ на плохо налаженный помостъ мы не желаемъ. Стоитъ ударить волнѣ, и твое судно, словно посудина, пятится назадъ и, точно ракъ, ползетъ на боку.

— Точно ракъ!—вторилъ Ламъ.

Тогда судовщикъ обратился къ Ламу:

— Что ты тамъ, жирный чурбанъ, бормочешь сквозь зубы?

Ламъ, вскипѣвъ, возразилъ:

— Дурной ты христіанинъ, если попрекаешь меня моей немощью! Знай, что мой жиръ отъ хорошей пищи, а ты, старый гвоздь заржавѣлый, живешь одними старыми копчеными селедками, свѣчными фитилями, ободранной кожей съ вяленой рыбы. Что я не ошибаюсь, видно по твоей поджарой плоти, которая просвѣчиваетъ въ дыры на твоихъ штанахъ.

— Охъ, да и подерутся же они здорово,—говорили радостно любопытствующіе мужчины и женщины.

— И-а, и-а!—не переставалъ ревѣть судовщикъ.

Ламъ готовъ былъ слѣзть съ ослика и начать бросать камнями въ обидчика.

— Не бросай камней,—остановилъ его Уленшпигель.

Между тѣмъ судовщикъ сказалъ что-то на ухо ревѣвшему мальчику. Тотъ отвязалъ шлюпку отъ борта судна и съ помощью багра, которымъ ловко дѣйствовалъ, сталъ приставать къ берегу. Причаливъ окончательно, онъ, стоя и гордо выпрямившись, промолвилъ:

— Хозяинъ мой спрашиваетъ васъ, не посмѣете ль вы явиться на судно и подраться съ нимъ на кулачки. Добрые люди да хозяюшки будутъ свидѣтелями.

— Хорошо, посмѣемъ,—съ достоинствомъ согласился Уленшпигель.

— Хорошо, будемъ драться,—отозвался Ламъ съ большой гордостью.

Былъ полдень, рабочіе, починявшіе плотины, мостовщики, строители кораблей, ихъ жены, принесшія мужьямъ обѣдать, дѣти, пришедшія взглянуть на отцовъ и подкрѣпиться отцовской долей бобовъ и вареной говядины,—всѣ смѣялись, хлопали въ ладоши при мысли о будущей дракѣ, надѣялись, что кто-нибудь изъ соперниковъ окажется или съ разбитой головой, или, на общую потѣху разбитый вдребезги, по кусочкамъ будетъ падать въ рѣку.

— Сыночекъ мой,—шепнулъ Ламъ Уленшпигелю,—броситъ онъ насъ въ воду.

— Что жъ дай ему себя бросить,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Толстякъ побаивается,—слышалось въ толпѣ рабочихъ.

Ламъ, продолжая сидѣть на осликѣ, повернулся къ рабочимъ и гнѣвно взглянулъ на нихъ, но они его освистали.

— Идемъ на судно,—говорилъ Ламъ,—пусть посмотрятъ, я не боюсь.

Сойдя съ осликовъ, они кинули поводья мальчику, который дружески ласкалъ животныхъ и провелъ ихъ на мѣсто, гдѣ виднѣлся чертополохъ.

Затѣмъ Уленшпигель взялъ багоръ, помогъ Ламу войти въ шлюпку и поплылъ къ судну, на которое поднялся на веревкѣ. Вспотѣвшій и тяжело дышавшій Ламъ взобрался раньше его.

Очутившись на помостѣ барки, Уленшпигель наклонился, словно хотѣлъ завязать расшнуровавшіяся свои ботинки и сказалъ нѣсколько словъ судовщику. Тотъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на Лама. Затѣмъ разразился противъ него разными ругательствами, величая его бездѣльникомъ, грѣшнымъ сальнымъ пузыремъ, тюремнымъ отродьемъ, *pap—eter'омъ*, т.-е. обжорой дѣтской кашей, и въ заключеніе сказалъ:

— Сколько бочекъ масла натечетъ съ тебя, пузанъ ты этакій, если окрававить тебя хорошенько.

Внезапно, не отвѣчая, словно разъяренный быкъ, Ламъ бросился на обидчика, повалилъ его на землю, ударилъ со всей силы, но не сдѣлалъ очень больно: рука слишкомъ зажирѣла. Судовщикъ, притворно сопротивляясь, на самомъ дѣлѣ нарочно поддался и Уленшпигель приговаривалъ: «Заплатитъ намъ теперь за это, бездѣльникъ, выпивкой».

Праздные зрители и зрительницы и рабочіе, слѣдившіе за борьбой съ берега, удивлялись вслухъ: «Кто могъ думать, что этотъ толстякъ окажется такимъ прыткимъ?!»

И они хлопали въ ладоши, поощряя Лама, дравшагося беззавѣтно, какъ дерутся глухіе. Но судовщикъ не принималъ никакихъ мѣръ для огражденія себя отъ нападенія, но только защищалъ лицо отъ ударовъ. И вотъ какъ-то вдругъ Ламъ, на глазахъ у всѣхъ, навалившись колѣномъ на грудь Пиру Стеркэ, схватилъ его за горло одной рукой, другую занесъ для удара.

— Кричи: «смилуйтесь!»—говорилъ онъ, разсвирѣпѣвъ, а не то полетишь въ воду со своего суденушка.

Судовщикъ закашлялся, желая показать, что онъ не въ силахъ кричать и жестомъ просилъ пощады.

Тогда Ламъ показалъ всѣмъ свое великодушіе, приподнялъ противника, и тотъ скоро сталъ на ногахъ и, повернувшись спиной къ зрителямъ, высунулъ языкъ Уленшпигелю, который

покатывался со смѣха, глядя, какъ Ламъ, гордо оправляя перо на своемъ беретѣ, побѣдоносно расхаживалъ по баркѣ.

И бывшіе на берегу мужчины, женщины мальчики и дѣвочки аплодировали изо всей мочи и кричали: «Да здравствуетъ побѣдитель силача Стеркэ Пира, человѣкъ желѣзный! Видѣли ль вы, какъ онъ отколотилъ его и какъ головой въ животъ ударилъ такъ, что завалилъ навзничь? А теперь они выпьютъ вмѣстѣ и помирятся. Стеркэ Пиръ поднимается уже изъ трюма съ виномъ и колбасами.

Вь самомъ дѣлѣ Стеркэ Пиръ поднялся съ двумя чарками и большой кружкой бѣлаго Маасскаго вина. И онъ и Ламъ помирились. И Ламъ, радуясь своей побѣдѣ, вину и колбасамъ, спросилъ у него, указывая на желѣзную трубу, изъ которой шелъ черный и густой дымъ, какіе это особенныя жаркія готовитъ онъ въ трюмѣ.

— Военныя,—отвѣчалъ, улыбаясь Пиръ Стеркэ.

Толпа матросовъ, женщинъ и дѣтей разсѣялась, кто возвратился на работу, кто домой. Вскорѣ изъ устъ въ уста пошелъ слухъ, что толстякъ, пріѣхавшій верхомъ на осликѣ вмѣстѣ съ небольшого роста пилигримомъ, бывшемъ тоже на осликѣ, оказался сильнѣе библейскаго Самсона, и что нужно остерегаться и не задѣвать этого силача.

Ламъ пилъ и побѣдоносно поглядывалъ на судовщика, который неожиданно промолвилъ:

— А ваши ослики, должно быть, соскучились тамъ.

Затѣмъ пригнавъ барку къ берегу, сошелъ на землю, поднялъ одного ослика за переднія и за заднія ноги, какъ Христосъ агнца, понесъ его, и поставилъ на баркѣ. Потомъ точно такъ же поступилъ и съ другимъ осликомъ и, не запыхавшись, промолвилъ:

— Теперь выпьемъ!

Мальчикъ тоже вскочилъ на барку.

И они выпили. Ламъ въ смущеніи не зналъ больше, онъ ли это, уроженецъ Дама, поборолъ этого сильнаго человѣка, и поэтому лишь украдкой безъ всякаго торжества отваживался глядѣть на того, опасаясь, какъ бы силачъ не поступилъ съ нимъ, какъ съ осликами и, изъ мести за свое пораженіе, не бросилъ его въ Маасъ.

Но судовщикъ съ улыбкой весело пригласилъ своего побѣдителя еще выпить, и Ламъ, оправившись отъ страха, попрежнему смотрѣлъ на любезнаго силача съ побѣдоносной увѣренностью.

И судовщикъ, и Уленшпигель смѣялись.

Тѣмъ временемъ ослики изумленно убѣждались, что находятся не на обычномъ водопоѣ и, опустивъ головы и прижавъ уши, отъ

страха не рѣшались пить. Судовщикъ раздобылъ имъ гарнецъ овса, того самаго, который онъ покупалъ для лошадей, тащившихъ бичевой барку, при томъ купилъ самъ, во избѣжаніе обсчета со стороны погонщиковъ, по фуражировочной цѣнѣ.

Увидавъ гарнецъ съ овсомъ, ослики забормотали ртомъ «патенотры», но уставясь меланхолически въ деревянный помостъ, изъ боязни поскользнуться, не смѣли ступить.

Видя это, судовщикъ обратился къ Ламу и Уленшпигелю и предложилъ:

— Пойдемте въ кухню.

— Въ военную?—съ безпокойствомъ освѣдомился Ламъ.

— Да, въ военную, но ты, мой побѣдитель, можешь безъ опаски туда спуститься.

— Я и не опасаюсь, я иду за тобой,—отвѣчалъ Ламъ.

Мальчикъ сталъ у руля.

Спустившись, они увидѣли повсюду мѣшки съ зерномъ, бобами, горохомъ, капустой, морковью и другими овощами.

Судовщикъ, открывъ дверь въ маленькую кузницу, промолвилъ:

— Вамъ, людямъ съ храбрымъ сердцемъ, умѣющимъ щебетать жаворонкомъ, а жаворонокъ вѣстникъ свободы, умѣющимъ трубить въ воинственный пѣтушиный рогъ и ревѣть по-ослиному, а оселъ кроткій труженикъ, покажу я свою военную кухню. Такую маленькую кузницу вы найдете почти на всѣхъ баркахъ по Маасу. Никто не можетъ и подозрѣвать о ней, ибо служитъ она для починки подковъ. Но не на всѣхъ баркахъ вы найдете такія прекрасныя овощи, которыя хранятся здѣсь въ стѣнныхъ шкафахъ.

Послѣ этихъ словъ онъ вынулъ нѣсколько камней съ самаго дна трюма, снялъ нѣсколько досокъ, вытащилъ пирамидку ружейныхъ стволовъ, мушкетовъ и, поднявъ ее, словно перышко, поставилъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ показалъ желѣзныя копья, алебарды, лезвія мечей, пачки пуль и пороху.

Да здравствуютъ Гезы! Здѣсь есть бобы и соусъ: ружейные приклады—это баранина, острее алебарды—салатъ, стволы мушкетовъ—мясо для супа свободы. Да здравствуютъ Гезы! Куда мнѣ нужно отправить этотъ питательный провіантъ?—обратился судовщикъ къ Уленшпигелю.

— Въ Нимегенъ,—отвѣчалъ Уленшпигель.—Ты пригонишь свою барку, нагрузивъ ее еще больше настоящими овощами. Эти овощи свезутъ для тебя крестьяне, и ты заберешь грузъ въ Этсенѣ, Стефансвиртѣ и Рювемардѣ. И возчики тоже пропоютъ жаворонкомъ, птицей свободы, ты отвѣтишь воинственнымъ пѣтушинымъ рогомъ. Посѣтишь доктора Понтоса, онъ живетъ

возлѣ Нью-Валя. Ты скажешь ему, что являешься съ овощами, но что боишься засухи. Тѣмъ временемъ крестьяне отправятся на рынокъ продавать овощи, но по такой высокой цѣнѣ, что ихъ, конечно, не купятъ. Докторъ тебѣ скажетъ, что тебѣ дѣлать съ твоимъ оружіемъ. Я думаю, между прочимъ, что онъ прикажетъ переправиться, хотя бы и подвергаясь опасности, черезъ Ваатъ, Маасъ или Рейнъ, обмѣнять твои овощи на рыболовныя снасти и налегкѣ отправиться въ дальнѣйшій путь съ рыбацкими гарлингенскими барками. Въ Гарлингенѣ много матросовъ, которые умѣютъ пѣть жаворонкомъ. Прикажетъ онъ, вѣроятно, двигаться вдоль берега черезъ Ваденъ, добраться до Лауэръ-Зе, обмѣнять рыболовныя сѣти на желѣзо и свинецъ, переодѣть твоихъ крестьянъ въ мѣстные костюмы, какіе носятъ въ Маркенѣ, Влаландѣ или Амеландѣ; подержаться немного у самыхъ береговъ, ловить и солить твою рыбу, но только впрокъ, не на продажу, ибо вполнѣ законно пить свѣжимъ, охотиться—соленымъ.

— Теперь выпьемъ,—предложилъ судовщикъ.

И они поднялись на мостикъ.

Но Ламу взгрустнулось, и онъ неожиданно промолвилъ:

— Господинъ судовщикъ, въ вашей кузницѣ огонекъ горѣлъ такъ ярко, что на немъ можно поставить горшекъ съ каштановой похлебкой. Давно мнѣ хочется промочить горло супомъ.

— Хорошо, я промочу,—согласился человѣкъ.

И вскорѣ онъ подалъ ему жирнаго супу, гдѣ варился большой кусокъ соленой ветчины.

Проглотивъ нѣсколько ложекъ, Ламъ сказалъ:

— Горло лупится, языкъ горитъ, не каштановая это похлебка.

— Пить свѣжимъ, воевать соленымъ,—такъ заповѣдано,—снова повторилъ Уленшпигель.

Судовщикъ налилъ чарки и промолвилъ.

— Пью за жаворонка, птицу свободы.

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Пью за пѣтуха, трубнымъ звукомъ вѣщающаго войну.

Ламъ отозвался:

— Пью за свою жену: пусть никогда она, моя возлюбленная, не страдаетъ отъ жажды.

— Ты отправишься въ Эмденъ сѣвернымъ моремъ,—предупредилъ Уленшпигель.—Эмденъ для насъ—убѣжище.

— Море велико,—промолвилъ судовщикъ.

— Велико для битвы,—прибавилъ Уленшпигель.

— Съ нами Богъ,—сказалъ судовщикъ.

— Кто жъ тогда противъ насъ?—докончилъ Уленшпигель.

— Когда вы отправляетесь?

— Немедленно,—отвѣтилъ Уленшпигель.

— Счастливаго пути и попутнаго вѣтра. Вотъ порохъ и пули.

И, расцѣловавшись съ ними, онъ ихъ проводилъ, снеся предварительно на шеѣ и плечахъ обоихъ ословъ.

Уленшпигель и Ламъ сѣли верхами и поѣхали въ Льежъ.

— Скажи ты мнѣ, мой сыночекъ,—спрашивалъ Ламъ въ пути,—для чего это такой сильный человѣкъ допустилъ меня поколотить его такъ жестоко?

— Для того,—отвѣчалъ Уленшпигель,—чтобы всюду, куда мы ни придемъ, тебя заранѣе страшились. Этотъ страхъ для насъ лучше охраны двадцати ландскнехтовъ. Кто посмѣетъ отнынѣ напасть на могучаго побѣдоноснаго Лама, несравненнаго быка, на Лама, который передъ цѣлымъ свѣтомъ ударилъ головой и повалилъ на землю Пира Стеркэ, Петра Сильнаго? А этотъ Петръ Сильный носитъ ословъ, словно ягнятъ, и поднимаетъ на одно плечо цѣлую телѣжку съ пивными бочками? Всякій уже здѣсь знаетъ тебя: ты—грозный Ламъ, непобѣдимый Ламъ, и на меня простирается тѣнь твоего покровительства. На предстоящемъ намъ пути каждый тебя узнаетъ, никто не посмѣетъ бросить тебѣ косого взгляда. Въ уваженіе къ твоей силѣ, ты вездѣ встрѣтишь только низкіе поклоны, привѣтствія, почтеніе и почетъ, воздаваемые твоему грозному кулаку.

— Пріятно тебя послушать,—промолвилъ Ламъ, выпрямляясь на сѣдлѣ.

— Что жъ, я правду сказалъ,—продолжалъ Уленшпигель.— Посмотри на эти лица любопытныхъ у первыхъ домовъ при въѣздѣ въ деревню. Видишь? Показываютъ пальцами на ужасающаго побѣдителя Лама. Видишь ты этихъ людей, съ завистью взирающихъ на тебя, и этихъ трусовъ, которые снимаютъ шляпы? Отвѣчай же на ихъ поклоны, не задирай носа передъ слабыми людишками. Гляди, дѣтямъ извѣстно уже твое имя, и они со страхомъ повторяютъ его.

И Ламъ гордо проѣхалъ мимо, раскланиваясь, точно король, направо и налѣво. И вѣсть о его мужествѣ слѣдовала за нимъ изъ города въ городъ, вплоть до Льежа, Шокьена, Невиля, Везена и Намюра; послѣдній городъ они пропустили, имѣя въ виду трехъ «проповѣдниковъ».

Долго путешествовали они такимъ образомъ по берегамъ рѣкъ и каналовъ. И всюду на пѣсню жаворонка слышалось отвѣтное пѣтушиное пѣніе. И повсюду для дѣла свободы плавили, ковали и чистили оружіе. Его отправляли на суднахъ вдоль береговъ.

И оно провозилось черезъ таможни въ бочкахъ, ящикахъ и корзинахъ.

И всегда находились получатели и укрыватели въ надежныя мѣста. Прятали вмѣстѣ съ порохомъ и пулями до того момента, когда часъ Божій пробьетъ.

И Ламъ странствовалъ съ Уленшпигелемъ. Всегда ему предшествовала громкая молва о немъ, какъ о побѣдителѣ. И самъ онъ началъ вѣрить въ свою великую силу и, сдѣлавшись гордымъ и воинственнымъ, пересталъ бриться. И Уленшпигель сталъ называть его Ламомъ-Львомъ.

Но Ламъ не упорствовалъ долго въ своемъ намѣреніи запустить бороду, такъ какъ ужъ на четвертый день пробившаяся растительность щекотала кожу. И бритва снова прогулялась по побѣдоносному лицу. Вновь оно показалось Уленшпигелю круглымъ и полнымъ, словно солнце, воспламененное огнемъ хорошей пищи.

Такъ они прибыли въ Стокемъ.

XXVIII.

Съ наступленіемъ ночи, оставивъ осликовъ въ Стокемѣ, добрались до Антверпена.

И Уленшпигель сказалъ Ламу:

— Вотъ большой городъ. Съ цѣлаго свѣта свозятся сюда богатства: золото, серебро, пряности, золоченая кожа, ковры-гобелены, сукна, бархатъ, шерсть и шелкъ; бобы, горохъ, зерновый хлѣбъ, говядина и мука, дубленыя кожи, вина: лувенское, намюрское, люксембургское, льежское, мѣстное брюссельское, эршотское и бюлейское, виноградники котораго находятся въ Намюрѣ [1]; затѣмъ еще вина: рейнское, испанское, португальское; виноградное эршотское масло, называемое ландоліумъ; вина: бургундское, мальвазійское и прочія. И пристани загромождены товарами.

Эти природныя богатства и богатства, созданныя людьми, привлекаютъ сюда самыхъ красивыхъ, безпутныхъ дѣвицъ.

— Ты начинаешь мечтать,—пошутилъ Ламъ.

Уленшпигель возразилъ:

— Я найду среди нихъ семерыхъ. Мнѣ было сказано искать

Въ морѣ крови и слезахъ,
Разрушеньяхъ и смертяхъ.

---

[1]) Авторъ указываетъ точно мѣсто—вблизи la porte de la Plante.
Примѣч. перевод.

Кто жъ, какъ не безпутныя дѣвицы бываютъ причиной разоренья? Подлѣ нихъ бѣдные, потерявшіе голову мужчины лишаются своихъ прекрасныхъ кароловъ, блестящихъ и звенящихъ, своихъ драгоцѣнныхъ вещей: цѣпочекъ и перстней, и уходятъ безъ сюртука, оборванные, въ лохмотьяхъ, даже безъ бѣлья. А безпутныя дѣвицы жирѣютъ насчетъ мужского банкротства. Гдѣ красная и чистая кровь ограбленныхъ мужчинъ, кровь, которая текла въ ихъ жилахъ? Теперь она превратилась въ сокъ парея. А развѣ для наслажденія ихъ сладкими и красивыми тѣлами не дерутся безпощадно на ножахъ, рапирахъ, мечахъ? Чьи трупы, блѣдные и окровавленные, поднимаютъ и уносятъ? Трупы обезумѣвшихъ отъ любви мужчинъ. Кто заставляетъ отцовъ громко роптать, мрачно замирать въ своихъ креслахъ, ихъ сѣдые волосы казаться еще болѣе посѣдѣлыми и жесткими, загораться тоской по гибели дѣтей сухіе старческіе глаза, изъ которыхъ слезы не хотятъ литься? Кто заставляетъ безмолвныхъ и блѣдныхъ, точно покойницы, матерей плакать, словно бы не было для нихъ въ мірѣ ничего, кромѣ горя? Заставляютъ безпутныя дѣвицы, любящія только деньги да самихъ себя. Онѣ держатъ возлѣ своихъ пышныхъ юбокъ людей, думающихъ, работающихъ и разсуждающихъ. Да, вотъ гдѣ находятся семеро, и мы Ламъ пойдемъ къ этимъ дѣвочкамъ. Можетъ быть, найдемъ тамъ и твою жену. Однимъ зарядомъ убили бъ двухъ зайцевъ.

— Пойдемъ, я согласенъ,—произнесъ Ламъ.

Стоялъ конецъ іюня, чувствовалось, что проходитъ лѣто. Солнце, обжигая, окрашивало въ бурый цвѣтъ листья каштановъ. Птицы щебетали на деревьяхъ, и не было такого маленькаго насѣкомаго, которое не жужжало бы отъ жары.

Ламъ, рядомъ съ Уленшпигелемъ, понурый, бродилъ по улицамъ въ Антверпенѣ и съ трудомъ волочилъ свое тѣло, точно бы это было не тѣло, а цѣлый домъ.

— Ламъ,—обратился къ нему Уленшпигель,—ты грустишь, а развѣ ты не знаешь, что грусть очень отзывается на кожѣ и на волосахъ; если ты не отдѣлаешься отъ своей хандры, то волосы начнутъ у тебя выпадать цѣлыми пасмами. И вотъ очень тебѣ пріятно будетъ слышать, когда станутъ величать тебя: «Ламъ плѣшивый».

— Мнѣ ѣсть хочется,—отвѣтилъ Ламъ.

— Такъ иди поѣшь,—посовѣтовалъ Уленшпигель.

И вмѣстѣ они отправились въ заведеніе «Старыя Ступеньки». Здѣсь закусили сыромъ и выпили «забористаго», сколько хотѣли.

И Ламъ не плакалъ больше.

И Уленшпигель говорилъ:

— Благословенно доброе пиво, освѣтившее, точно солнце, твою душу! Ты смѣешься и трясешь животомъ. Люблю я глядѣть, когда отъ радости все у тебя въ животѣ пляшетъ.

— Плясало бъ оно еще лучше, мой сыночекъ, посчастлився мнѣ разыскать мою супругу.

— Пойдемъ, поищемъ ее,—предложилъ Уленшпигель.

И вотъ отправились они въ прибрежную часть города, такъ называемую Нижнюю Шельду.

— Погляди,—сказалъ Уленшпигель Ламу,—на этотъ деревянный домикъ съ красивыми окнами, съ разноцвѣтными маленькими стеклышками; взгляни на желтыя занавѣски и на красный фонарь. Тамъ, мой сыночекъ, за четырьмя бочками чернаго обыкновеннаго пива, забористаго портера и амбуазскаго вина возсѣдаетъ видная женщина-хозяйка, лѣтъ за пятьдесятъ. Каждый годъ въ своей жизни несла она по жировому яичку. На одной изъ четырехъ бочекъ горитъ свѣча и кромѣ того вверху, у самыхъ потолочныхъ балокъ, повѣшенъ фонарь. Тамъ и свѣтло, и темно, темно для любви, свѣтло для расчета съ хозяйкой.

— Но,—отозвался Ламъ,—это—монастырь съ дьявольскими монахинями, и хозяйка твоя—игуменья аббатства.

— Да,—согласился Уленшпигель,—эта хозяюшка во имя владыки Вельзевула ведетъ по пути грѣха пятнадцать хорошенькихъ дѣвушекъ, посвятившихъ жизнь любовнымъ дѣламъ. Эти дѣвушки-любви находятъ у ней пріютъ и пропитаніе, но имъ запрещается спать.

— А ты знаешь этотъ монастырь?—освѣдомился Ламъ.

— Я иду туда на поиски за твоей женой. Идемъ!

— Нѣтъ,—отказывался Ламъ,—я раздумалъ и не пойду.

— Такъ ты хочешь, чтобы твой другъ рискнулъ одинъ очутиться у этихъ Астартъ?!

— Не рискуй, не ходи,—посовѣтовалъ Ламъ.

— Ну, а если для отысканія семерыхъ и твоей супруги надо туда итти?

— По-мнѣ лучше спать лечь,—высказался Ламъ.

— Вотъ и пойдемъ, если такъ,—говорилъ Уленшпигель, открывая дверь и подталкивая впередъ Лама.—Погляди: хозяйка—за своими бочками, между двухъ свѣчей. Комната большая, потолокъ чернёный, дубовый, съ закопчёнными перекладинами. Въ ней, въ разныхъ направленіяхъ, вдоль стѣнъ царятъ скамьи, хромоногіе столы, заставленные стаканами, кружками, кубками, бокалами, кувшинами, графинчиками, бутылками и другими выпивочными снарядами. Посрединѣ—тоже столы и стулья, на которыхъ красуются женскія накидки, золоченые

пояса, бархатные башмачки, волынки, дудки, балалайки. Въ углу—лѣстница на второй этажъ. Маленькій, плѣшивый горбунъ играетъ на клавесинахъ, укрѣпленныхъ на стеклянныхъ ножкахъ. Дребезжанье этихъ ножекъ примѣшивается къ звукамъ инструмента. Танцуй, мой толстякъ! Пятнадцать безпутныхъ дѣвицъ разсѣлись, кто на столахъ, кто на стульяхъ. Однѣ раскинули ноги въ разныя стороны, другія жеманно поникли долу, третьи сидятъ прямо-прямо, тѣ запрокинулись назадъ, эти лежатъ навзничь или на боку, каждая, какъ ей заблагоразсудится. Костюмы на нихъ бѣлые, розовые, руки и плечи голы, грудь обнажена до пояса. Какъ видишь, есть всѣхъ сортовъ. Выбирай любую! Однѣмъ свѣтъ свѣчей падаетъ на голову, ласкаетъ русые волосы и оставляетъ въ тѣни голубые, влажно-сверкающіе глаза. Иныя, глядя въ потолокъ, томно напѣваютъ подъ скрипку какую-нибудь нѣмецкую балладу. Нѣсколько кругленькихъ, упитанныхъ брюнетокъ стаканами пьютъ амбуазское вино, показываютъ свои полныя руки, обнаженныя до плечъ, свое полуоткрытое платье, оставляющее неприкрытыми обѣ груди, и, нисколько не смущаясь, тараторятъ по очереди или всѣ вмѣстѣ. Послушай-ка ихъ:

— Долой деньги сегодня! Не денегъ намъ надо, а любви, любви безплатной, по нашему разбору,—говорили красивыя среди дѣвицъ,—любви мальчишечки, молоденькаго паренька, всякаго, кто намъ понравится.—Гей! Идите сюда къ намъ всѣ, кто чувствуетъ себя настоящимъ сильнымъ мужчиной, идите ради Бога и ради насъ!—Вчерашній день былъ платнымъ, сегодняшній—день любви!—Кто хочетъ пить изъ нашихъ губъ, еще влажныхъ послѣ бутылки. Поцѣлуи и вино—вотъ полный пиръ! Долой вдовъ, спящихъ въ одиночествѣ! Мы—безпутныя! Сегодня—благотворительный день. Молодымъ, сильнымъ красавцамъ мы открываемъ наши объятья. Выпьемъ!—Милая, не на битву ль любви бьетъ въ тамбуринъ твое сердце въ груди, словно маятникъ на часахъ поцѣлуевъ?! Когда жъ явятся, наконецъ, люди съ полными сердцами, съ пустыми кошельками? Развѣ не чуютъ они лакомой поживы? Какая разница между молодымъ Гезомъ и господиномъ маркграфомъ? Та, что господинъ маркграфъ платитъ флоринами, а молодой Гезъ нѣжностями. Да здравствуетъ Гезъ! Не желаетъ ли кто итти на кладбище будить покойниковъ?

Такъ тараторили добрыя, пылкія и веселыя среди дѣвицъ любви.

Но были между ними и другія, узколицыя, съ костлявыми плечами, сдѣлавшія изъ своихъ тѣлъ лавочку, доходы съ кото-

рой откладывались, и гдѣ каждый ліардъ, полученный за тощую плоть, аккуратно записывался. И вотъ эти созданія сердито завѣряли другъ дружку: «Очень ужъ глупо съ нашей стороны отказываться отъ заработка въ нашемъ нелегкомъ ремеслѣ. И ради чего? Ради какихъ-то смѣхотворныхъ причудъ, которыя взбрели въ голову безпутнымъ дѣвушкамъ, вѣшающимся на шею мужчинамъ. Если у нихъ не всѣ дома, зато у насъ все въ порядкѣ, и мы не желаемъ, какъ онѣ, таскаться подъ старость въ лохмотьяхъ и топиться. Мы желаемъ, чтобъ намъ платили, потому что мы—продажныя. Долой «на даровщинку!» Мужчины—уроды, вонючіе, ворчуны, обжоры, пьяницы. Они сбиваютъ нашу бѣдную сестру съ пути истиннаго».

Но молодыя и красивыя не слушали этихъ противныхъ жалобъ и распивая вино въ свое удовольствіе, говорили: «Слышите заупокойный звонъ въ церкви Пресвятой Богородицы. Мы не дѣвушки—огонь! Идемъ будить кладбища?!»

Ламъ при видѣ такого скопища женщинъ, брюнетокъ и блондинокъ, свѣжихъ и увядшихъ, сконфузился. Опустивъ глаза, онъ воскликнулъ:

— Уленшпигель, гдѣ ты!?

— Скон-чался твой дружокъ,—промолвила толстая дѣвица, взявъ его за руку.

— Скон-чался?—переспросилъ Ламъ.

— Да,—подтвердила она,—вотъ ужъ триста лѣтъ, какъ скончался вмѣстѣ съ Яковомъ де Костеромъ ванъ Мэрвандомъ [1]).

— Оставьте меня! Перестаньте щипаться!—требовалъ Ламъ.—Уленшпигель, гдѣ ты? Иди, спасай своего друга! Я сейчасъ уйду, если вы не оставите меня въ покоѣ.

— Не уйдешь,—увѣряли онѣ.

— Уленшпигель,—жалобно повторилъ Ламъ еще разъ,—гдѣ ты? Мой сыночекъ?.. Милостивая государыня, да не дергайте вы меня за волосы! Я безъ парика, увѣряю васъ... Спасите!.. Что вамъ мои уши кажутся недостаточно красными, что ли? Что вы хотите, чтобъ они стали еще краснѣе?.. А тутъ еще другая пристала и теребитъ меня каждую минуту. Вы мнѣ больно дѣлаете!.. Охъ, да что жъ это вы принялись тереть мое лицо? Зеркало? Какое я зеркало, я черенъ, какъ печная пасть... Перестаньте, а то я разсержусь. Оставьте меня! Вы думаете потолстѣете оттого, что хватаетесь въ разныхъ мѣстахъ за мои штаны и заставляете носиться меня изъ стороны въ сторону, точно челнокъ въ ткацкомъ станкѣ? Напрасно, не потолстѣете... Да,

---

[1]) Jacobus de Coster van Maerlandt.

въ концѣ-концовъ я разсержусь на васъ, безъ всякаго сомнѣнія разсержусь.

— Онъ разсердится!—приговаривали онѣ, потѣшаясь.—Онъ разсердится, этотъ добрякъ! Смѣйся, лучше будетъ и спой намъ пѣсню любви.

— Я спою вамъ пѣсню тумака. Но оставьте же меня въ покоѣ!

— Кого ты здѣсь любишь, говори?

— Никого, ни тебя, ни другихъ. Я полиціи пожалуюсь, и васъ хорошенько плеткой отстегаютъ.

— Ахъ, такъ! Отстегаютъ!—повторяли онѣ.—А что если мы тебя силой расцѣлуемъ, прежде чѣмъ насъ стегать будутъ?!

— Меня?—удивился Ламъ.

— Тебя,—отвѣтили онѣ хоромъ.

И вотъ красивыя и некрасивыя, свѣжія и увядшія, брюнетки и блондинки бросились на Лама, скинули съ него его беретъ и плащъ и, что есть силы, стали ласкать, цѣловать его въ щеки, въ носъ, въ животъ, въ спину.

Хозяйка хохотала между своими свѣчами.

— Спасите!—кричалъ Ламъ.—Уленшпигель! Избавь меня отъ этихъ бестій! Оставьте меня! Не желаю я вашихъ поцѣлуевъ. Я—женатый, свидѣтель Богъ, женатый!—и берегу все для жены моей.

— Женатый!—подхватили онѣ.—Но твоей женѣ слишкомъ много достанется! Мужчины съ твоей комплекціей для одной черезчуръ много. Дай и намъ немножечко. Когда жена вѣрна—такъ ей и надо. А мужъ вѣрный—это каплунъ. Господь тебя храни! Какъ хочешь, но выбрать тебѣ одну изъ насъ надо, а не то отхлестаемъ мы тебя въ свою очередь.

— Не выберу,—упорствовалъ Ламъ.

— Выбирай,—приставали онѣ.

— Нѣтъ,—стоялъ онъ на своемъ.

— Хочешь меня?—спрашивала красивая бѣлокурая блондинка.—Ты видишь, я—тихая и люблю того, кто меня любитъ.

— Оставь меня!—просилъ Ламъ.

— Хочешь меня?—обращалась къ нему миловидная черноглазая и черноволосая дѣвушка съ очень смуглымъ цвѣтомъ лица, вся, словно выточенная ангелами.

— Я не люблю пряниковъ,—отвѣчалъ Ламъ.

— И меня не возьмешь?—допытывалась крупная дѣвица, съ почти заросшимъ волосами лбомъ, съ густыми бровями, съ большими, глубокими глазами, съ красными и толстыми, какъ угорь, губами и красными лицомъ, шеей и плечами.

— Я совсѣмъ не любитель раскаленныхъ кирпичей,—отозвался Ламъ.

— Возьми меня,—промолвила дѣвочка лѣтъ шестнадцати съ личикомъ бѣлки.

— Я не люблю грызуній орѣховъ.

— Нужно его отстегать,—рѣшили онѣ.—Но чѣмъ? Хорошимъ сухимъ ременнымъ кнутомъ. Самая крѣпкая кожа и то не выдержитъ такого кнута. Возьмемъ-ка десятокъ кнутовъ, такихъ кнутовъ, какіе бываютъ у ломовиковъ и погонщиковъословъ.

— На помощь! Уленшпигель!—кричалъ Ламъ.

Но Уленшпигель не отзывался.

— Злое у тебя сердце,—приговаривалъ Ламъ, тщетно ища по сторонамъ своего друга.

Кнуты были принесены; двѣ дѣвицы принялись раздѣвать Лама—имъ поручили снять съ него куртку.

— Охъ,—вздыхалъ Ламъ,—бѣдный мой жиръ, который я съ такимъ трудомъ нагуливалъ, снимутъ онѣ его, безъ сомнѣнія, своими свистящими кнутами. Но, самки вы безпощадныя, ни на что не нуженъ вамъ мой жиръ, даже на соусъ и то не годится.

Онѣ отвѣчали:

— Мы надѣлаемъ изъ него свѣчей. А развѣ не цѣнно даровое освѣщеніе! Та изъ насъ, которая скажетъ, что изъ кнута можно добывать свѣчи, покажется всякому сумасшедшей. Но мы будемъ стоять за нее до смерти, и выиграемъ не одинъ фантъ. Ну, помочите-ка лозы въ уксусѣ. Вотъ и стащили съ тебя твою куртку. Чу! часы бьютъ на церкви Сенъ-Жакъ. Девять часовъ. Въ послѣдній разъ просимъ, выбирай, если не выберешь, начнемъ стегать.

Ламъ, похолодѣвъ, промолвилъ:

— Смилуйтесь надо мной, пощадите! Я поклялся, что буду вѣренъ своей женѣ и сдержу свою клятву, хотя супруга моя и неблагородно бросила меня... Уленшпигель, голубчикъ, на помощь!

Но Уленшпигель не показывался.

— Смотрите,—говорилъ Ламъ, обращаясь къ безпутнымъ дѣвицамъ,—смотрите: я—на колѣняхъ передъ вами. Можно ли больше унизиться?! Нужно ли еще говорить, что я, какъ святыню, уважаю вашу большую красоту. Счастливы люди неженатые, которые могутъ наслаждаться вашими прелестями! Наслажденіе это, навѣрное,—рай. Но не бейте меня, пожалуйста!

Вдругъ хозяйка, продолжавшая сидѣть между двумя свѣчами, промолвила сильнымъ и угрожающимъ голосомъ:

— Дамы и дѣвушки, клянусь вамъ своимъ великимъ дьяволомъ, что, если черезъ минуту вы лаской и смѣхомъ не доведете этого мужчину до добра, т.-е. не уложите его на постель съ собою, я кликну ночныхъ сторожей и прикажу стегать всѣхъ васъ вмѣсто него. Не заслуживаете вы названія дѣвушекъ-любви, если не можете распалить самца. Значитъ, напрасно данъ вамъ вольный языкъ, смѣлыя страстныя руки, огненныя очи, и не похожи вы на тѣхъ самокъ-свѣтлячковъ, которыя умѣютъ пользоваться своимъ фонаремъ и разжигать мужчинъ. И за вашу глупость будутъ хлестать васъ безъ всякой пощады.

Отъ такой отповѣди задрожали дѣвицы, а Ламъ повеселѣлъ.

— Ну, что же, милыя кумушки, нѣтъ ли у васъ какихъ новостей съ родины, хлесткихъ ремней? Я самъ пойду за ночными сторожами. Они выполнятъ свой долгъ, и я имъ помогу. Большое доставитъ мнѣ это удовольствіе.

Тутъ миловидная дѣвушка, лѣтъ пятнадцати, бросилась на колѣни передъ Ламомъ.

— Господинъ,—пролепетала она,—вотъ я передъ вами смиренная, покорная... Если не выберете ни одной изъ насъ, придется мнѣ изъ-за васъ быть битой. И посадитъ меня хозяйка, видите ее—тамъ сидитъ, въ мерзкій погребъ подъ Шельдой, со стѣнокъ его будетъ сочиться вода, а ѣдой мнѣ будетъ черный хлѣбъ.

— И вправду, госпожа хозяйка, станутъ ее бить ради меня?—спросилъ Ламъ.

— До крови,—завѣрила та.

Тогда Ламъ, глядя на дѣвушку, сказалъ:

— Я вижу,—ты свѣжая, душистая, твое голое плечо выступаетъ изъ-подъ платья, словно крупный листокъ бѣлой розы. Я не хочу, чтобы твое прекрасное тѣло, въ которомъ течетъ такая молодая кровь, страдало подъ кнутомъ. Не хочу, чтобы твои ясные, какъ огонь, глаза плакали отъ побоевъ, не хочу, чтобы твоя плоть феи любви дрожала отъ тюремнаго холода. Поэтому, лучше ужъ я тебя выберу, чѣмъ допущу истязать.

Дѣвушка увела его. Такъ согрѣшилъ онъ, какъ грѣшилъ всю жизнь, по добротѣ душевной.

Между тѣмъ Уленшпигель и рослая, красивая брюнетка съ вьющимися волосами стояли другъ противъ друга. Дѣвушка, не произнося ни слова, кокетливо смотрѣла на Уленшпигеля и, казалось, совсѣмъ не хотѣла его.

— Люби меня,—просилъ онъ.

— Любить тебя, безпутный другъ, желающій любви на часъ?—вопросительно отозвалась она.

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Пролетаетъ птица надъ твоей головой, поетъ пѣсню и улетаетъ. Такъ и я, мое ты сердечко милое. Хочешь, попоемъ вмѣстѣ?

— Да,—отвѣчала она,—споемъ пѣсню на смѣхъ и на слезы. И дѣвушка бросилась на шею Уленшпигеля.

Внезапно, въ то время, когда оба пріятеля замирали отъ наслажденія въ объятіяхъ своихъ любезныхъ, проникла въ домъ, подъ звуки флейты и барабана, съ пѣснями, свистомъ, криками, улюлюканьемъ и возгласами, тѣснясь и толкаясь, веселая компанія ловцовъ синицъ. Она несла мѣшки и клѣтки, полные этими птицами, и совъ, помогавшихъ ей когда-то въ ловлѣ и таращившихъ теперь на свѣтъ свои золоченые глаза.

Ловцовъ синицъ былъ добрый десятокъ. Всѣ они были красны, распухли отъ вина и браги, трясли головами, еле волочили свои заплетающіяся ноги и кричали такими хриплыми и надорванными голосами, что бѣднымъ оробѣвшимъ дѣвушкамъ казалось, будто онѣ слышатъ не людей въ жиломъ помѣщеніи, а дикихъ звѣрей въ лѣсу.

Но онѣ не переставали повторять поодиночкѣ или всѣ вмѣстѣ: «Кого люблю, того хочу.—Кто намъ нравится, тому мы отдаемся.— Завтра богатымъ флоринами, сегодня богатымъ любовью!» Ловцы синицъ отвѣчали: «Флорины у насъ есть, любовь—тоже, значитъ, вы наши, безпутныя дѣвы. Кто спасуетъ, тотъ каплунъ. Дѣвочки—синички, мы—охотнички. Гей! Въ атаку! Отдадимъ Брабантъ доброму герцогу!»

Но женщины, отступая, говорили: «Фу! какія противныя рожи, а туда же, хотятъ насъ попробовать! Нѣтъ, не свиньямъ пить шербетъ. Кто намъ нравится, того мы беремъ, а васъ мы совсѣмъ не желаемъ. Сальныя вы бочки, мѣшки жировые, гвозди негодные, лезвія заржавѣлыя, отъ васъ воняетъ потомъ и грязью. Убирайтесь отсюда, вы и безъ нашей помощи въ пекло угодите!»

— Вишь вы, древнія галлянки, какъ привередничаете сегодня! Несносныя барыньки, вамъ нетрудно дать намъ то, что вы всѣмъ продаете.

Но онѣ возражали:

— Завтра приходите. Завтра мы будемъ собаками, рабынями, и васъ возьмемъ, а сегодня мы свободныя женщины и васъ отшвырнемъ!

Ловцы же кричали:

— Нечего разговаривать! Кому охота, давайте рвать яблочки.

Съ этими словами накинулись они на дѣвушекъ, не разбирая ни возраста, ни красоты. Красивыя среди дѣвицъ, рѣши-

тельныя въ своихъ намѣреніяхъ, бросали имъ въ голову стулья, кружки, кувшины, кубки, бокалы, графины, бутылки, частымъ градомъ сыпавшіеся на противниковъ, ранившіе ихъ, причинявшіе ушибы и окривѣніе.

Выбѣжали на шумъ Уленшпигель и Ламъ, оставивъ вверху, на лѣстницѣ, своихъ дрожащихъ возлюбленныхъ. Уленшпигель, увидавъ мужчинъ, бьющихъ женщинъ, выскочилъ на дворъ, схватилъ метлу прутьями вверхъ, другую далъ Ламу и вмѣстѣ они принялись безъ жалости колотить ловцовъ синицъ.

Такая игра показалась не особенно пріятной пьяницамъ, на которыхъ сыпались колотушки. На минуту они остановились, этимъ моментомъ немедленно воспользовались поджарыя дѣвы, желавшія продаваться, а не отдаваться даже въ великій день вольной любви, освященной самою природою. Словно змѣи, скользили они между ранеными, ласкали тѣхъ, перевязывали раны, пили за нихъ амбуазское вино и такъ ловко очистили ихъ кошельки отъ флориновъ и прочихъ монетъ, что имъ не осталось даже несчастнаго ліарда. Затѣмъ, когда начался обходъ ночныхъ сторожей, онѣ выставили своихъ миленькихъ за дверь. Уленшпигель и Ламъ раньше удалились.

XXIX.

Уленшпигель и Ламъ направлялись въ Гентъ и на зарѣ добрались до Локерана. Вдали земля розовѣла каплями росы, бѣлый, только что поднявшійся паръ носился надъ лугами. Уленшпигель, проходя мимо какой-то кузницы, засвисталъ жаворонкомъ, птицей свободы. И тотчасъ же въ дверяхъ кузницы показалась растрепанная и бѣлая голова и слабымъ голосомъ подражала воинственному крику пѣтуха.

Уленшпигель обратился къ Ламу:

— Это—кузнецъ Вастель, днемъ онъ куетъ лопаты, заступы, сошники, выдѣлываетъ прекрасныя желѣзныя рѣшетки для церковныхъ хоровъ, а ночи часто проводитъ въ изготовленіи оружія для борцовъ за свободу совѣсти. Занимаясь этимъ дѣломъ, не удалось ему нагулять себѣ цвѣтущаго вида. Блѣдный онъ, какъ привидѣніе, печальный, словно осужденный на смерть, и такой худой, что кости готовы продырявить кожу, навѣрное еще не ложился, проведши всю ночь за работой.

— Входите оба,—пригласилъ кузнецъ Вастель,—и отведите вашихъ ословъ на лужайку за домомъ.

Поступивъ по указанію кузнеца, Ламъ и Уленшпигель очутились въ кузницѣ; кузнецъ Вастель спустилъ въ свой погребъ

при домѣ всѣ мечи, которые за ночь подновилъ и расплавилъ изъ желѣзныхъ копій, и заготовилъ работу для своихъ служащихъ.

Глядя на Уленшпигеля потухшимъ взоромъ, онъ промолвилъ:

— Что новаго слышно у Молчаливаго?

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Принца съ арміей заставили удалиться изъ Нидерландовъ, благодаря подлости его наемниковъ, которые кричали: «денегъ, денегъ», когда нужно было биться. Вмѣстѣ съ вѣрными своими солдатами, братомъ своимъ Людвигомъ и герцогомъ де Де-Понъ онъ направился во Францію, на помощь королю Наварскому и гугенотамъ. Оттуда перешелъ въ Германію, въ Дилленбургъ, гдѣ много нидерландскихъ эмигрантовъ окружаютъ его. Тебѣ нужно переслать собранныя тобою оружіе и деньги. Въ это время на морѣ мы поведемъ дѣло людей свободныхъ.

— Что нужно сдѣлаю,—промолвилъ кузнецъ Ва тель.— У меня есть оружіе и девять тысячъ флориновъ. Вы, вѣдь, кажется, на осликахъ пріѣхали?

— Да,—отвѣтили они.

— А не слыхали ли вы въ дорогѣ слуховъ на счетъ троихъ убитыхъ и ограбленныхъ проповѣдниковъ, которыхъ бросили въ скалистый провалъ надъ Маасомъ?

— Слышали, да,—твердо отвѣтилъ Уленшпигель,—эти мнимые трое проповѣдниковъ были герцогскими шпіонами, убійцами, желавшими отнять принца у свободы. Мы, Ламъ и я, вдвоемъ отправили этихъ господъ на тотъ свѣтъ. Деньги, а также ихъ бумаги достались намъ. Изъ этого добра мы возьмемъ себѣ, сколько будетъ нужно въ пути, остальное отдадимъ принцу.

И Уленшпигель, разстегнувъ свою куртку и Лама, вынулъ документы. Кузнецъ Вастель ихъ прочиталъ.

— Здѣсь находятся проекты нападенія и заговоры. Я отошлю ихъ принцу. Ему будетъ сказано, что Уленшпигель и Ламъ Гудзакъ, его вѣрные сторонники, спасли ему его благородную жизнь. Я продамъ вашихъ ословъ, чтобы васъ по нимъ не узнали.

Уленшпигель освѣдомился у кузнеца Вастеля, ведется ли уже по этому дѣлу предварительное слѣдствіе и направленъ ли ужъ сыскъ по ихъ слѣдамъ.

— Я разскажу вамъ, что знаю,—отвѣтилъ Вастель.—Надняхъ зашелъ въ наши мѣста кузнецъ изъ Намюра, храбрый реформатъ, зашелъ подъ предлогомъ просить меня пособить ему насчетъ рѣшетокъ, флюгеровъ и другихъ работъ по нашей части для будущаго монастыря, который скоро построится въ окрестностяхъ Намюра. Экзекуторъ окружнаго суда говорилъ, что судьи уже собирались и вызывали какого-то кабатчика,

который жилъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ мѣста, гдѣ случилось убійство. Этого цѣловальника разспрашивали, не видалъ ли онъ убійцъ или лицъ, на которыхъ можетъ пасть подозрѣніе. Кабатчикъ отвѣтилъ: «Я видѣлъ ѣхавшихъ на ослахъ крестьянъ и крестьянокъ. Они заѣзжали выпить. Одни выпивали, не слѣзая, другіе сходили на землю, мужчины пили у меня пиво, женщины и дѣвушки—медъ. Я видѣлъ храбрецовъ крестьянъ, поговаривавшихъ, что надо бы немного укоротить господина Оранскаго». Давая это показаніе, хозяинъ присвистомъ показывалъ, какъ проводятъ ножомъ по горлу. «Стальнымъ вѣтромъ, я ужъ вамъ признаюсь въ этомъ», говорилъ онъ судьямъ, «хотѣли съ принцемъ раздѣлаться». Послѣ дачи показанія цѣловальникъ былъ отпущенъ. И вотъ съ того времени окружный судъ, безъ сомнѣнія, снесся съ мѣстными судами. Кабатчикъ упомянулъ, что видѣлъ крестьянъ и крестьянокъ, ѣхавшихъ верхомъ на ослахъ. Поэтому можно предполагать, что на всѣхъ, ѣдущихъ на ослахъ, будетъ учинена травля. А принцу вы нужны, мои дѣтки!

— Продавай нашихъ осликовъ,—промолвилъ Уленшпигель,—и деньги отдай въ казну принца.

Ослики были проданы.

— Теперь требуется, чтобы каждый изъ васъ могъ указать свое ремесло и принадлежность къ извѣстному цеху. Умѣешь ты, напримѣръ, дѣлать птичьи клѣтки и мышеловки?

— Когда-то умѣлъ,—молвилъ Уленшпигель.

— А ты?—обратился Вастель къ Ламу.

— Я буду продавать лепешки и пирожныя, т.-е. блины на молокѣ и катышки на маслѣ.

— Идите за мною... Вотъ вамъ готовыя клѣтки и мышеловки, инструменты и мѣдная проволока—все, что нужно для работы и починки. Ихъ мнѣ доставили мои шпіоны. Это—для тебя Уленшпигель. А что касается Лама, такъ вотъ ему маленькій горнъ и раздувательный мѣхъ. Я тебѣ дамъ муки, коровьяго и оливковаго масла для печенія блиновъ и катышковъ.

— Поѣстъ онъ ихъ,—вмѣшался Уленшпигель..

— Когда же будемъ печь первую порцію,—поинтересовался Ламъ.

Вастель отвѣтилъ:

— Сначала, ночь или двѣ, вы мнѣ поможете. Не могу одинъ кончить своей работы: слишкомъ ея много.

— Мнѣ ѣсть хочется,—отозвался Ламъ,—обѣдаютъ у васъ?

— Есть хлѣбъ и сыръ,—промолвилъ Вастель.

— Безъ масла?—спросилъ Ламъ.

— Безъ масла,—отвѣтилъ Вастель.

— А пиво или вино водится у тебя?—освѣдомился въ свою очередь Уленшпигель.

— Не пью совсѣмъ,—сказалъ кузнецъ,—но схожу въ трактиръ, тутъ, по-близости, раздобуду для васъ, если хотите.

— Хотимъ,—обрадовался Ламъ,—и принеси намъ ветчинки.

— Сдѣлаю, что вы хотите,—промолвилъ Вастель, съ большимъ презрѣніемъ глядя на Лама.

Тѣмъ не менѣе, онъ принесъ портеру и окорокъ ветчины. И Ламъ весело за пятерыхъ поѣлъ и, поѣвши, спросилъ:

— Скоро ль примемся за работу?

— Сегодняшней ночью,—сказалъ Вастель.—Но ничего, оставайся въ кузницѣ и не бойся моихъ рабочихъ: они, какъ и ты, реформаты.

— Это хорошо,—одобрилъ Ламъ.

Ночью, послѣ обхода сторожа, когда всѣ двери были на запорѣ, Вастель съ помощью Уленшпигеля и Лама сталъ переносить изъ погреба въ кузницу тяжелыя связки оружія. Они то спускались въ погребъ, то поднимались оттуда.

— Здѣсь,—говорилъ кузнецъ,—двадцать мушкетовъ, требующихъ починки, тридцать копій, которыя нужно вычистить, свинцу на полторы тысячи пуль... Будете мнѣ помогать?

— Всѣми руками, будь ихъ у меня хоть четыре.

— Ламъ намъ тоже поможетъ,—произнесъ выразительно Вастель.

— Да,—жалобно сказалъ Ламъ, осовѣвъ послѣ слишкомъ хорошей закуски и выпивки.

— Ты будешь плавить свинецъ,—предложилъ Уленшпигель.

— Буду плавить свинецъ,—повторилъ Ламъ.

Ламъ плавилъ свинецъ и отливалъ пули, сердито поглядывая на кузнеца Вастеля, заставлявшаго его бодрствовать, когда ему до-упаду хотѣлось спать. Молчаливо и гнѣвно отливалъ онъ пули, сильно желая вылить на голову кузнеца Вастеля расплавленный свинецъ, но сдержался. Въ полночь, вмѣстѣ съ новымъ приливомъ усталости, имъ овладѣло бѣшенство, и онъ обратился съ рѣчью къ Вастелю, который терпѣливо подновлялъ пушки, мушкеты и желѣзныя копья:

— Вотъ ты какой! Худой, блѣдный, тщедушный, вѣришь сильнымъ міра сего и вполнѣ полагаешься на принца, за своимъ великимъ усердіемъ забылъ ты свою плоть, свою благородную плоть, которую губишь въ нищетѣ и отверженіи. Не для того ее Господь Богъ съ матерью нашей природой сдѣлали! Вѣдомо ли тебѣ, что для души нашей, для дыханія жизни, значитъ, надобны

овощи, говядина, масло, вино, ветчина, колбасы и покой, отдыхъ отъ трудовъ? А ты, ты живешь на одномъ хлѣбѣ, водѣ да безсонницѣ.

— Откуда это у тебя такое велирѣчіе?—отозвался Уленшпигель.

— Не вѣдаетъ, что говоритъ,—промолвилъ печально Вастель.

Но Ламъ, раздражаясь, продолжалъ:

— Нѣтъ, вѣдаю, лучше тебя знаю. Я говорю, сумасшедшіе мы, вотъ что! Сумасшедшій я, ты и Уленшпигель: мы слѣпнемъ на работѣ ради всѣхъ этихъ принцевъ и великихъ міра сего. Какъ бы они хохотали, если бъ знали, что мы заморились до послѣдняго, глазъ не смыкаемъ и все возимся, чистимъ оружіе, льемъ для нихъ пули. А они въ это время пьютъ французское вино золотыми чарками и цѣлыми лоханями изъ англійскаго олова и заѣдаютъ нѣмецкими пулярками и не тревожатся ни о чемъ. А мы тщетно ищемъ Бога, милостью Котораго они такіе сильные, и намъ ихъ враги отсѣкаютъ косами ноги, обрекаютъ на смерть и кидаютъ насъ въ колодцы. Сами же они, между прочимъ, ни реформаты, ни кальвинисты, ни лютеране, ни католики, а самые настоящіе невѣрующіе, которые во всемъ сомнѣваются, которые будутъ покупать, стяжать княжества, титулы, поѣдать монашеское и монастырское добро, пользоваться всѣмъ: чистыми дѣвственницами, женщинами, безпутными дѣвушками, будутъ пить вино золотыми чарками за свое сплошное веселье, за нашу вѣчную глупость, за то, что мы—сумасшедшіе и ослы, за семь смертныхъ грѣховъ, которые творятъ они подъ носомъ самозабвеннаго кузнеца Вастеля. Погляди на поля, луга, на жнивье, на сады, быковъ, на золото, что добываютъ изъ земли. Взгляни на пушныхъ звѣрей въ лѣсахъ, на птицъ въ небесахъ, на вкуснѣйшихъ овсянокъ, на вкусныхъ дроздовъ, на мясо съ жировой прослойкой дикихъ кабановъ, на лопатку олененка—все ихъ: охота, рыбная ловля, земля, море, все. А ты, ты живешь на хлѣбѣ и водѣ, и мы губимъ себя здѣсь, не спавши, не ѣвши и не пивши. А когда мы помремъ, они пхнутъ ногою наше мертвое тѣло и скажутъ нашимъ матерямъ: «Рожайте намъ еще, эти больше не годятся».

Уленшпигель безмолвно смѣялся, но Вастель заговорилъ кроткимъ голосомъ:

— Легкомысленно ты говоришь. Я живу не для ветчины, не для пива и не для овсянокъ, а для побѣды свободы совѣсти. Принцъ свободы поступаетъ, какъ я. Онъ жертвуетъ своимъ имуществомъ, покоемъ, счастьемъ и стремится выгнать изъ Нидерландовъ палачей и тирановъ. Поступай, подобно ему, и поста-

райся похудѣть. Не животомъ спасаютъ народы, но гордой стойкостью, тяжкими трудами и усталостью, которую безропотно несутъ до самой смерти. А теперь, если хочется тебѣ спать, иди, ложись.

Но Ламъ, устыдившись, не хотѣлъ ложиться.

И они чистили и подновляли оружіе и лили пули до самаго утра. И такъ работали три дня.

Затѣмъ ночью отправились въ Гентъ, продавая по дорогѣ клѣтки, мышеловки и блины.

Остановились они въ Мелести, городкѣ мельницъ, красныя крыши которыхъ виднѣются повсюду. Здѣсь рѣшили разойтись, заниматься каждый своимъ ремесломъ въ одиночку и вечеромъ сходиться въ тавернѣ «Лебедь».

Ламъ, войдя во вкусъ своего занятія, бродилъ по улицамъ Гента искалъ жену, продавалъ блины и катышки и, не переставая, ѣлъ. Уленшпигель передалъ письма отъ принца Якову Сколапу, медику, Ливену Смету, портному-суконщику, Жану Вульфсшагеру, Жилису Курну, красильщику въ красные и тѣльные цвѣта, и Жану де Рузу, черепичнику. Они же передали ему деньги, собранныя ими для принца, и просили подождать еще нѣсколько дней въ Гентѣ или въ окрестностяхъ, пока соберутъ еще.

Позднѣе этихъ людей повѣсили за ересь въ Жибе-Нефъ, тѣла ихъ были погребены на Полѣ Висѣлицъ, вблизи Брюжскихъ воротъ.

Переводъ *В. Н. Карякина.*

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**